This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

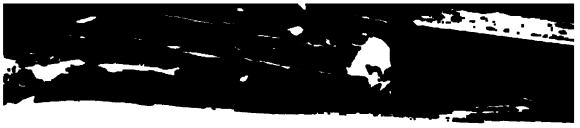


Рис. Вальтерсдорфа — Урок Нотаріуса Ульянова, Профессора И. А. Х. Октября 9го дня 1852 года

удесну силу здѣсь магнита,
Влекущу къ Сѣверной странѣ,
Героя, мужа именита,
Познай въ премудрой сей женѣ.
Даетъ уставы, чиститъ нравы,
Искусна царствовать, писать

Полна вселенна Ея славы,
Велѣла зависти молчать.
Когда бъ судьба опредѣлила,
Ей быть безъ скипетра въ ру
Умомъ бы, кротостью плѣнил
Свой тронъ воздвигла бы въ сер

Перев. Э

ОБОЗРѢНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ И СВОЙСТВЪ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

Sumarokov, P.

Павломъ Сумароковымъ.

Почетнымъ Членомъ Императорскаго Виленскаго Университета.

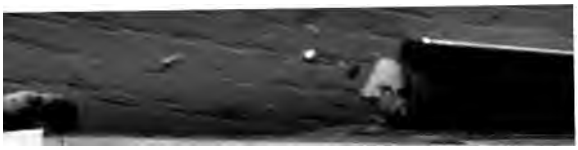
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1832

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
392/343



удесну силу здѣсь магнита,
Влекущу къ Сѣверной странѣ,
ероя, мужа именита,
Познай въ премудрой сей женѣ.
Даетъ уставы, чистыѣ нравы,
скусна царствовать, писать

Полна вселенна Ея славы,
Велѣла зависти молчать.
Когда бъ судьба опредѣлил
Ей быть безъ скипетра въ р
Умомъ бы, кротостью плѣни
Свой тронъ воздвигла бы въ с

ицера

Перев

ОБОЗРѢНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ И СВОЙСТВЪ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

Sumarokov, P.

Павломъ Сумароковымъ.

Почетнымъ Членомъ Императорскаго Виленскаго Университета.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1832

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Слава Россіи есть драгоцѣннѣйшая собственность ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, а потому героическіе дѣянія Екатерины Великія принадлежатъ ВАМЪ, — какъ потомку, достойному преемнику сей мудрой Государыни, — какъ побѣдителю трехъ народовъ; — и я съ благоговѣніемъ повергаю трудъ мой къ подножію АВГУСТѢЙШАГО трона.

Россіяне признательны ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ, умѣютъ оцѣнивать подвиги и милости своихъ Вѣнценосцевъ; нѣтъ сомнѣнія что воспоминанія о счастливыхъ дняхъ благословеннаго

царствованія ВАШЕГО передадутъ своимъ потомкамъ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Павелъ Сумароковъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Исторія требуетъ великихъ способностей, и много времени; не присвоивая себѣ перваго, и не имѣя втораго, я назвалъ потому твореніе мое *Обозрѣніемъ*. Свѣденія о домашней жизни, нравѣ, анекдотахъ мудрой Государыни я получилъ отъ приближенныхъ ея, Марьи Савишны Перекусихиной, Марьи Степановны Алексѣевой, Анны Александровны Палекучи, Марьи Петровны Смирницкой; отъ особъ находившихся въ ея обществѣ, Графа Александра Сергѣевича Строгонова, Князя Петра Васильевича Лопухина, Василія Степановича Попова, и по преданіямъ, сохранившимся въ семействахъ. Относительно славныхъ дѣяній, учрежденій, преобразованія Россіи, и произшествіи въ Европѣ руководителями моими были слѣдующіе сочиненія.

Дѣянія Екатерины II.

Духъ Екатерины Великой.

Жизнь Екатерины II Таненбергомъ.

Жизнь Графа Румянцова Задунайскаго.

Философическая переписка Екатерины съ Докторомъ Цимерманомъ.

Письма Императрицы и Вольтера.

Письма Фридриха II къ Вольтеру.

Письма и мысли Принца де Линь.

Воспоминанія Сегюра.

Бертранъ Моллевилля.

Коха.

Шоелля.

Феррана.

Государственнаго человѣка L'Homme Etat.

Vie de Catherine an V de la Republique.

Каспери, съ изключеніемъ его клеветъ *).

Указы, Манифесты, трактаты.

Меня будутъ судить: журналисты, по обыкновенію, съ лишкомъ строго, читатели, какъ надѣюсь, снисходительно, но я, не гордясь красотою слога, ручаюсь только за безпристрастіе, истину въ изложеніи, и принесеніемъ должной жертвы безсмертной Царицѣ, почитаю себя уже довольно награжденнымъ за понесенный мною трудъ.

---

*) Онъ списалъ предъидущею отъ начала до конца, и выдалъ за свое сочиненіе.

ОБОЗРѢНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ И СВОЙСТВЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

ГЛАВА I.

Сравненіе трехъ Государей.—Краткое обозрѣніе царствованія Императрицы Елисаветы Петровны.—Война съ Швеціею.—Власть Бестужева.—Нареченіе наслѣдникомъ Петра Ѳеодоровича.—Избраніе ему въ невѣсту Ангальтской Принцессы.—Прибытіе невѣсты въ Петербургъ.—Ея наружность, умъ.—Совѣтъ ей Прусскаго Министра. — Слова объ ней одного Сочинителя.—Война съ Пруссіею.—Наши полководцы, успѣхи ихъ, угрожающая опасность Фридриху II.—Рожденіе Вел. Князя Павла Петровича.—Начало бѣдствій Екатерины. — Словесность Русская.—Художества, науки, именитые мужи.—Царствованіе Петра III.—Печаль, уединеніе Екатерины.—Ей предлагаютъ корону —Восходитъ на престолъ. — Первыя ея дѣянія.—Коронація въ Москвѣ.

Отъ глубокой древности считаютъ только 25 Великихъ Государей; но и въ этомъ ограниченномъ количествѣ не всѣ достойны сего лестнаго наименованія. Александръ Македонскій съ 30 тысячами воиновъ удивилъ современниковъ побѣдами, поступилъ человѣколюбиво съ сѣмействомъ несчастнаго Дарія,

оказалъ во многихъ случаяхъ возвышенность духа, покровительствовалъ науки, торговлю, созидалъ города; но предалъ на распятіе 2 тысячи мужественно защищавшихъ Тиръ, безразсудно овладѣлъ на краю извѣстнаго тогда свѣта странами, которыя удержать за собою не могъ, разорилъ нѣкоторыя, принялъ одѣяніе и роскошь Персовъ, имѣлъ постыдную любовь къ Евнуху Багоасу и сожегъ въ угожденіе разпутной Ѳаисѣ знаменитый Персеполисъ. Къ довершенію безразсудности и къ посрамленію своей матери признавалъ себя отродіемъ Юпитера, убилъ собственною рукою Клита и Филотаса, сына престарѣлаго наперсника своего Парменіона; піянствовалъ, безчинствовалъ за трапезами, и за чашею вина окончилъ жизнь, оставя отечество на разграбленіе своимъ военноначальникамъ. Титъ (*), въ частной жизни былъ предосудительной нравственности, пировалъ съ лицедѣями, Евнухами, и съ подобными проказниками проводилъ ночи; участвовалъ въ недостойныхъ Императорскаго званія подрядахъ и стяжаніяхъ вмѣстѣ съ от-

(*) Хотя не названъ великимъ, но выставляется образцемъ добрыхъ Государей.

цомъ (*). Побѣжденные имъ Евреи хотя просили о помилованіи, но онъ многихъ, въ томъ числѣ служителей олтаря, безъ всякой нужды предалъ поносной смерти. Проходя Палестину и Сирію, травилъ плѣнныхъ звѣрями, заставлялъ ихъ сражаться между собою (**). Сдавъ Императоромъ, отстранилъ отъ себя пороки, каковой перемѣнѣ впрочемъ трудно повѣрить,—и царствовалъ, какъ повѣствуютъ, отлично. Но кромѣ изреченія, что тотъ день, въ который *не оказалъ благотворенія*, почиталъ потерянным, ничего примѣчательнаго въ его дѣяніяхъ не видимъ; да и краткое владычество не могло еще утвердить за нимъ славы — Римляне превозносили его хвалами не за правленіе, а за построеніе огромнаго амфитеатра, за примѣрное на водѣ ополченіе, а можетъ быть, еще болѣе за пожертвованіе 5 тысячь рѣдкихъ звѣрей для потѣхи народной, и наконецъ за обходительность съ подданными. Людовикъ XIV противустоялъ соединеннымъ силамъ Австріи, Англіи и Пруссіи; побѣды его въ Ни-

(*) Светоніи.

(**) Исторія о разрушеніи Св. града Іерусалима.

дерландахъ блистательны; походы войскъ его казались прогулками; но сіи, удивлявшіе современниковъ, успѣхи зависили отъ превосходства силъ Франціи и отъ слабой защиты городовъ, въ которые Полководцы его вступали почти безъ сопротивленія. Офицеръ Мазель ручался, что съ 50 воинами, возьметъ три городка (*). Переходъ черезъ Рейнъ, представленный Панегиристами Людовика столь чудеснымъ, по свидѣтельству очевидца Пелиссона, не важенъ; надлежало переплыть не болѣе 20 шаговъ, и 400, или 500 всадниковъ могли удержать быстроту рѣки. Сіи легкія побѣды до того простерли его властолюбіе, что оскорбившій его Папа Александръ VII публично чрезъ посла своего просилъ извиненія. Генуескій Дожъ предсталъ самъ съ 4 Сенаторами для оправданія своей страны. Когда соединенныя державы ревностно возстали за возведеніе имъ на Гишпанской Престолъ своего внука, тогда высокомѣріе его низпало. Проситъ мира, и опровергаютъ оный съ презрѣніемъ; — предлагаетъ деньги къ низверженію съ престола лишь возведеннаго имъ на оный, и предписываютъ ис-

(*) Вольтеръ.

полнить это самому непремѣнно въ теченіе двухъ мѣсяцовъ. Принцъ Евгеній наносилъ страхъ даже въ окрестностяхъ Версайлля. Наконецъ Утрехтскіе, и Раштадскіе переговоры помрачили всѣ его побѣды; онъ возвратилъ завоеванное и согласился срыть Дункеркъ. Правда онъ приобрѣлъ Мардикъ, Франш-Комте, Альзасъ, часть Нидерландовъ, увеличилъ морскую силу, началъ Лангедокской каналъ для соединенія двухъ морей, соорудилъ гавани въ Тулонѣ, Брестѣ, домъ инвалидовъ, Лувръ, славную его фасаду, прекрасныя зданія, украсилъ Версайлль, сдѣлалъ многія полезныя заведенія. Симъ конечно заслужилъ бы имя великаго, если бы не оставилъ послѣ себя разоренія подданнымъ, чрезмѣрныхъ долговъ преемнику, и не подготовилъ бы тѣмъ потрясенія Франціи. Его вѣкъ болѣе славенъ появленіемъ во всѣхъ родахъ великихъ мужей, каковыхъ до него въ Европѣ не бывало. (*)

Послѣ сихъ, превознесенныхъ писателями

(*) Боссюетъ, Бурдалу, Массильонъ, Фенелонъ, Гюйгенсъ, Кассини, Опиталъ, Кольбертъ, Вобанъ, Лувуа, Корнейлль, Расинъ, Буало, Моліеръ, Лафонтенъ, Пуссейнъ, Жирардонъ, Кинолтъ, Конде, Тюреннъ, Катина и Виллярсъ.

царей, какую же степень во храмѣ безсмертія опредѣлимъ Екатеринѣ? Душа ея чиста, высокія качества не вмѣщаютъ въ себѣ ни жестокости ни злобы, сердце исполнено нѣжныхъ чувствъ. Побѣды ея знамениты, прочны; она не просила мира, а предписывала и обогатила государство. Благотворительность ея заключалась не въ словахъ, но являлась на опытахъ. Всегда милосерда, снисходительна къ слабостямъ, даже преступленіямъ; всегда любезна, обвораживающа въ домашнемъ кругу, и страшна только своимъ врагамъ. Была матерью подданныхъ, другомъ человѣчества; Европа нарекла ее великою, премудрою. Одинъ Великій Петръ предстаетъ къ соперничеству съ нею, и трудно еще рѣшить — кому принадлежитъ преимущество. Приступимъ къ повѣствованію.

Императрица Елисавета, по возшествіи на престолъ, отправила въ ссылку приближенныхъ къ бывшей Правительницѣ: Остермана и Головкина на рѣку Обь, а славнаго Миниха въ Пелымь, гдѣ онъ, послѣ трофеевъ и лавровъ, въ нагольномъ тулупѣ, обучалъ Математикѣ, и для пропитанія себя продавалъ молоко отъ своей коровы. Какое непостоянство

судьбы! Въ послѣдствіи времени были и другіе подобные приговоры; подвергались тому вельможи и царедворцы.

Правленіе съ начала ознаменовалось войною. Возстали Шведы, забывъ свои раны отъ родителя Императрицы нанесенныя. Генералъ Ласси пошелъ съ 27 т., заперъ ихъ въ Фридрихсгамѣ, отрѣзалъ всѣ пути, и война продолжалась только съ небольшимъ полтора года. Они за безразсудное свое предпріятіе лишились Кюменскаго и Нейшлотскаго уѣздовъ; рѣка Кюмень сдѣлалась границею Россіи. Давно ли мы съ большимъ вдвое, втрое числомъ отступали и терпѣли пораженія!

Знаменитый Бестужевъ, бывшій уполномоченнымъ на Утрехтскомъ Конгрессѣ, Посланникомъ въ Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Гамбургѣ, достигъ Канцлерскаго достоинства. Его хитрый, проницательный умъ, его тонкое знаніе политики, доставили ему неограниченную власть. Онъ располагалъ Дворомъ, давалъ, отнималъ должности, имѣлъ великое вліяніе въ иностранные кабинеты. Не понравились ему Французскій Посланникъ Лашатарди и Лестокъ, оказавшій важныя услуги Императри-

Годы

цѣ; и перваго отозвали, втораго отправили въ ссылку.

1742. Елисавета была помолвлена съ Принцемъ Голштейнъ-Евтинскимъ, полюбила его спрастно, и оплакавъ горестно кончину жениха, рѣшилась уже не вступать въ бракъ. Въ семъ твердомъ намѣреніи вызвала племянника, сына родной своей сестры Анны Петровны, Принцессы Голштейнъ-Готторпской, нареченнаго при миропомазаніи Петромъ Ѳедоровичемъ, и объявила его 17 Ноября наслѣдникомъ Россійскаго Престола. На другой послѣ сего день прибыли изъ Стокгольма уполномоченные Бондъ, Гамильтонъ и Шеферъ съ приглашеніемъ его на Шведской Престолъ. Петръ предпочелъ будущее настоящему, и уступилъ Шведскій скиптръ своему дядѣ, Епископу Любскому. Когда исполнилось Петру 17 лѣтъ, Императрица помышляя о избраніи ему невѣсты, обратила вниманіе на Амалію, сестру Фридриха II; но не извѣстно для чего сей Государь отклонилъ такой союзъ. Тогда сестра покойнаго жениха, Прин-
1744. цесса Ангальтъ-Цербтская, зная, что нѣжная память о братѣ ея еще не изтребилась изъ сердца Императрицы, пожелала вопре-

ки супругу, который не соглашался на перемѣну вѣры, сочетать съ Петромъ дочь свою. Она сообщила сію мысль Фридриху, который, чтобы симъ образомъ сблизиться съ Россіею, обрадовался случаю, и поручилъ это дѣло своему Посланнику Мардефельду. Искусный повѣренный умѣлъ усыпить дальновиднаго Бестужева, пропившагося этому, и предложеніе было одобрено. Въ Августѣ 1744 года 16 лѣтняя невѣста Софія (*) съ матеріею своею прибыла въ Петербургъ, и переименованна Екатериною Алексѣевною. Обрученіе послѣдовало на другой годъ 2 Іюля, и черезъ день совершился бракъ. И такъ Великой возводилъ безъ предвидѣнія къ славѣ Великую; и мы обязаны благодарностію Цербсту за рожденіе, Фридриху за способствованіе, Елисаветѣ за пріятіе нашей Благотворительницы.

Прелести лица, небесная улыбка, стройность стана, ловкость, блистающая во взорахъ острота ума, плѣняли всѣхъ; Императ-

(*) Отецъ ея находился въ службѣ Фридриха II. — Она родилась 1729 года 21 Апрѣля, въ достопамятный день основанія Рима; по родству была двоюродная сестра Петру.

рица полюбила ее нѣжно. При дворѣ долго происходили пиршества, забавы; но очаровательная пышность не изумляла преселившуюся отъ скромныхъ обрядовъ и простоты прежней жизни. Она взирала на предметы роскоши равнодушно, будто все то имѣла отъ самой колыбели. Для великой нѣтъ чудесъ, ничего не обыкновеннаго. Она при первыхъ выходахъ въ людныя собранія, бесѣдовала съ Вельможами, съ иностранными Министрами безъ замѣшательства; знала судить о вещахъ, о чемъ кого спросить, и кипящій умъ утверждалъ за нею надежность на себя. Нравъ ея былъ живой, шутливой, смѣлый, горячій, и проказливой. Сидѣльницы Императрицы терпѣли отъ нее разныя насмѣшки. Она нацѣпляла на двери, на ширмы платья, которыя упадали имъ на головы. Спрячется съ колокольчикомъ подъ кровать, звонитъ тамъ, приставницы являются съ торопливостію, не находя ее въ комнатѣ удаляются; звонъ опять повторяется, опять приходятъ, не понимаютъ кто призываетъ, куда дѣвалась Екатерина, и она вылѣзаетъ изъ подъ кровати, хохочетъ надъ ними. Приставницы сердились, жаловались, и надлежа-

ло имѣть великой надзоръ за нею. Дворъ Елисаветы славился великолѣпіемъ, дышалъ забавами. Очередовались зрѣлища, балы, маскерады, куртаги; скороходы, арапы, гайдуки являли богатую услугу. Екатерина среди такой разсѣянности занималась нарядами, засыпала съ сладостными мечтами, пробуждалась для новыхъ утѣхъ; и каждый день для образованія ума и сердца былъ потерянъ. Министръ Мардефельдъ, человѣкъ съ большею проницательностію, вскорѣ замѣтилъ въ ней необразованный геній, часто вступалъ съ нею въ разсужденія, и однажды спросилъ: какъ проводитъ она время. Танцую, пою, веселюсь, какъ видите, отвѣчала Екатерина. — Нѣтъ, сказалъ онъ, это васъ недостойно; вы не къ тому рождены; я осмѣливаюсь увѣрить васъ, что вы не замѣчаете своихъ преимуществъ и тѣхъ рѣдкихъ даровъ, коими наградила васъ природа. Начните читать, посвятите умъ сему занятію, и вы постигнете цѣну себѣ. Сіе такъ пристыдило, такъ взволновало самолюбіе Екатерины, что она съ того времени послѣдовала его совѣту, и чтеніе претворилось уже въ страсть. Рѣдко оставляла книгу, перечитала всѣ наши свя-

щенныя книги, все относящееся до исторіи, правленія, политики, нравственности, словесности, и чрезъ то обогатилась познаніями. Можетъ быть Россія одолжена просвѣщеніемъ единственной въ свѣтѣ Государыни Прусскому Министру. Потомъ она часто при Императрицѣ вмѣшивалась въ сужденія по Государственнымъ дѣламъ, и при разборѣ одного чрезвычайнаго произшествія доказала, какъ бы при такомъ случаѣ поступить надлежало. Удивленный Мардефельдъ, приближась когда къ ней, тихо сказалъ: Madame vous regnerés, ou je ne suis q' un Sot. (Вы будете царствовать, или я глупецъ). j'accepte l'augure, отвѣчала она, (принимаю предсказаніе). — Вскорѣ поняли кто такова Екатерина, и чего отъ нее ожидать должно.

Новѣйшій сочинитель историческаго и критическаго опыта о Французскомъ возмущеніи. S. M. . . . говоритъ объ ней такъ: „Ека„терина, поступившая изъ неважныхъ Прин„цессъ, на степень Россійской Великой Кня„гини, показалась съ начала обыкновенною жен„щиною; удивлялись въ ней только красотѣ, „пріятному обхожденію, сожалѣя, что супругъ „не зналъ истинной ея цѣны. Какое бы по

„прище жизни судьба ни опредѣлила ей, она „достигла бы именитости и славы. Екате„рина съ рѣдкими ея свойствами на югѣ „могла бы стать Корнеліею, какъ была „Семирамидою на сѣверѣ. Обширный умъ, „геройческая душа, самыя благороднѣйшія „чувствованія включаютъ ее въ весьма огра„ниченное число владыкъ, украшавшихъ со„бою престолы.“

Мать Великой Княгини вступила въ тѣсное дружество съ Императрицею, находилась почти не разлучно съ нею; но потомъ начала мѣшаться въ дѣла, тѣмъ вооружила на себя многихъ, и принуждена была удалиться изъ Россіи, что причинило чувствительную горесть Екатеринѣ.

Императрица печалилась, что у младыхъ супруговъ не было дѣтей, и на девятомъ только году Екатерина сдѣлалась беременною. Рожденіе Великаго Князя Павла Петровича, къ общей радости Двора и гражданъ, праздновано съ торжествомъ. Казалось, что симъ укрѣпится взаимная связь нѣжныхъ сердецъ, но случилось противное. Злое коварство возмутило спокойные дни Екатерины. Открылись партіи, наговоры; супругъ

охладѣлъ, Императрица являла ей менѣе благосклонности, неудовольствія росли, укоренялись; Екатерина предалась уединенію, и часто слезы омывали строки, или упадали на рукодѣлія.

Постоянная въ теченіе 15 лѣтъ тишина въ Россіи, внезапно нарушилась. Тогда всѣ первостепенныя Державы воевали между собою. Англія съ Франціею, Фридрикъ II повсюду поражалъ Австрійцевъ, плѣнилъ подъ Пирною 17 т. Саксонцевъ, ихъ союзниковъ. Нашъ Дворъ всегда холодно обращался съ Австрійскимъ, рѣдко имѣлъ сношенія; но Бестужевъ, преданный Австріи и врагъ Англіи, умѣлъ примирить двухъ Императрицъ. Онѣ объяснились, приступили къ переговорамъ, заключили оборонительный, и наступательный трактатъ, по коему 30 т. Россійскихъ воиновъ двинулись, чтобы подать помощь Маріи Терезіи, возвратить ей Шлезію, взятую за 16 лѣтъ предъ тѣмъ, и защитить Саксонію.

Великой Князь держался противной стороны, усердствовалъ Фридриху (*). Не смот-

(*) Удивительно однако, что сей Государь вѣдалъ

ря на то, Фельдмаршалъ Апраксинъ покорилъ Мемель, разбилъ Пруссаковъ у Гроссъ Егерсдорфа, взялъ 29 пушекъ и 2 т. плѣнныхъ. Ничто не препятствовало ему овладѣть Берлиномъ, но къ общему удивленію онъ отступилъ къ Курляндіи, и расположился на зимнихъ квартирахъ. Его смѣнили, предали суду.

Петръ пылалъ гнѣвомъ на Бестужева за сію войну, и терпя притомъ личныя неудовольствія отъ него, приносилъ жалобы Императрицѣ, которая начала оказывать менѣе довѣренности своему Канцлеру.

Ферморъ поступилъ на мѣсто Апраксина, одержалъ побѣду подъ Кистринымъ, осадилъ сей городъ, и чтобъ не разпространять далѣе успѣховъ просилъ о увольненіи.

Причина такихъ дѣйствій наконецъ обнаружилась. Петръ ненавидѣлъ Бестужева, Императрицѣ приключилась тяжкая болѣзнь, и хитрый Канцлеръ, опасаясь мщенія отъ Наслѣдника трона, искалъ случаевъ умилостивить его. Для сего совѣтовалъ Апракси-

---

о всѣхъ предположеніяхъ и тайнахъ Нашего Двора.

Годы ну и Фермору медлить побѣдами. Его уличили въ томъ и сверхъ того обвиняли въ злонамѣреніи, свергнувъ съ престола Елисавету, возвести на оный заточеннаго Принца Іоанна. Лишили коварнаго вельможу дворянства, всѣхъ чиновъ, отправили въ сылку, и Воронцовъ пожалованъ былъ на его мѣсто Канцлеромъ.

1759. Салтыковъ наслѣдовалъ Фермору, одержалъ побѣды подъ Кроссенномъ, подъ Франкфортомъ на Одерѣ, и потомъ въ соединеніи съ Австрійцами еще важнѣйшую, кровопролитнѣйшую подъ Кюнсдорфомъ, гдѣ предводительствовалъ самъ Фридрихъ, и гдѣ съ обѣихъ сторонъ легло 32 т. воиновъ. Мы взяли 7 т. плѣнныхъ, 26 знаменъ, 160 пушекъ, обозъ, множество амуниціи. Послѣ сего Салтыковъ, думая угодить Петру, подобно своимъ предшественникамъ оставался въ бездѣйствіи.

1760. Въ наступившій годъ Тотлебенъ обще съ Австрійцами овладѣлъ Берлиномъ, наложилъ большую контрибуцію; столица и прекрасный Шарлотенбургъ не избѣгли грабежей.

1761. Смѣнили и Салтыкова, поручили пред-

водительство арміею Бутурлину, который оставался тамъ до послѣдовавшей вскорѣ перемѣны въ нашемъ правительствѣ.

Все угрожало Фридриху потерею не только завоеваннаго, но и собственнаго достоянія. Страна находилась въ разореніи, казна истощилась, отъ крайности пускали даже фальшивыя монеты въ обращеніе; двуглавые орлы взвѣвались на стѣнахъ Берлина, Кенигсберга и другихъ городовъ; уже чеканили гульдены, полугульдены, шестаки, грошевики съ изображеніемъ Императрицы, и дворы Вѣнскій, Версайльскій уступали Россіи на вѣчныя времена Восточную Пруссію, съ условіемъ не прекращать нолько войны. Фридрихъ былъ въ отчаяніи, не зналъ что предпринять; носилъ при себѣ ядъ; но кончина Императрицы, послѣдовавшая 25 Декабря, спасла отъ бѣдствія унывшаго героя.

Царствованіе Елисаветы весьма примѣчательно, знаменито. Еще парилъ творческой духъ Преобразователя Россіи, его слѣды не изгладились; минуло лишь 16 лѣтъ отъ его кончины. При Императрицѣ находились тѣже особы, продолжалось тоже поколѣніе людей, признавали священною волю

Петра I и умѣли довершать его начинанія. То походило на прелестную зарю послѣ закатившагося яркаго солнца. Россія покоилась въ мирѣ, не было ни измѣны, ни возмущенія; народъ сославлялъ собою, какъ бы, дружное согласное сѣмейство, наслаждался изобиліемъ, и воспѣвалъ свое блаженство. Все то время называлось златымъ вѣкомъ.

Словесность грубая, неочищенная, будто мановеніемъ волшебства, вдругъ стала въ полномъ блескѣ на чредѣ лучшихъ иностранныхъ. Предстали два генія: великій Ломоносовъ златымъ перомъ изобразилъ величіе Божіе; стихами и прозою воспѣвалъ хвалы Петру, Елисаветѣ; онъ изъ первыхъ, кои открыли существо електричества. Сумароковъ воздвигнулъ прекраснѣйшій жертвенникъ Мельпоменѣ, до него невѣдомой въ Россіи, оставилъ хорошіе образцы во всѣхъ родахъ; и они оба содѣлались отцами нашего стихотворства. Гедеонъ, Архіепископъ Псковской, и Димитрій Сѣченовъ, Митрополитъ Новогородской, прославились краснорѣчіемъ. Изъ проповѣдей перваго почитаются превосходнѣйшими въ недѣлю блуднаго сына, и на землетрясеніе въ Лисабонѣ; второй смѣло об-

личалъ льстивыхъ царедворцевъ, и отличнѣйшею изъ его рѣчей признаютъ на день Благовѣщенія. Впрочемъ науки и художества оставались еще въ младенчествѣ (*).

Всѣ ея предпріятія предстаютъ въ исполинскомъ размѣрѣ, приличномъ дочери единственнаго Петра. Она совершила подвигъ незабвенный въ роды и роды, принесла величайшую услугу человѣчеству—уничтожила смертную казнь. Вся Европа изумилась, поняла важность сего постановленія, ищетъ случаевъ подражать, но еще колеблется; и вотъ болѣе трехъ четвертей столѣтія разсуждаетъ о томъ, что Елисавета исполнила однимъ почеркомъ пера. Честь и слава добродѣтельной Императрицѣ!

Воздвигнутыя ею сданія: Смольный Монастырь, при ономъ Церковь, Дворцы—Зимній, Сарскосельскій остаются рѣдкими образцами огромности и изящнаго вкуса, къ позавидованію архитекторамъ. Послѣдній сіялъ внутри и снаружи золотомъ, какъ волшебный замокъ,

---

(*) Ею учреждены Московской Университетъ, Морской Кадетской корпусъ, и положено основаніе Академіи Художествъ.

и удивленный тѣмъ Французскій Посланникъ Лашатарди сказалъ: надобно сдѣлать для него футляръ.

Изъ указовъ ея примѣчательны, между прочихъ:

1. О учрежденіи Лейб-Кампаніи изъ 1 роты гвардіи Преображенскаго полка.

2. О ссылкѣ Графа Остермана въ Березовъ, Графа Миниха въ Пелымъ, Графа Головкина въ Германгъ, Менгдена въ Колымской острогъ, Левенвольда въ Соликамскъ, Темирязева также въ Сибирь.

3. Не продавать парчей, прочихъ золотыхъ и серебряныхъ тканей, не объявя Ея Величеству.

4. Неимѣющимъ ранговъ, подбоевъ шелковыхъ подъ платьемъ не носить, кружева имѣть только первымъ пяти классамъ. На фабрикахъ не дѣлать парчей. Таковое постановленіе считалось тогда полезнымъ, потому что оно возвышаетъ званія и укрощаетъ роскошь.

5. Объявлена война съ Швеціею.

6. О возвращеніи изъ ссылки Герцога Бирона.

7. О мирѣ съ Швеціею.

8. Оборонительный трактатъ съ Императрицею-Королевою и дружественный съ Даніею. Годы 1756.

9. О учрежденіи Россійскаго Театра.

Манифестъ о неудовольствіяхъ на Фридриха II, Короля Прусскаго.

Россія, Австрія, Франція соглашаются оберегать Швецію отъ Пруссіи. 1757.

О учрежденіи Гимназіи въ Казани. 1758

— — — — — Банка.

— — — — — Шпалерной фабрики подъ управленіемъ Лемана.

Чтобъ не было кабаковъ на большихъ улицахъ.

Чтобъ не выдавать изъ казны въ ссуду 1759.
болѣе 50 т. рублей безъ соизволенія Императрицы. Сіе ограниченіе воздерживало такъ же роскошь.

О нехлопаніи бичами близъ Дворца. 1760.

О сдѣланіи Мозаическаго монумента надъ гробомъ Петра Великаго.

О дѣланіи въ Кенигсбергѣ серебряныхъ монетъ.

Годы 1761. О дѣланіи шамъ гульденовъ, полугульденовъ.

О дѣланіи въ Москвѣ Прусскихъ монетъ: шеспаковъ, трехъ и дву-грошевиковъ.

О запрещеніи ввозить излишнія иностранныя вещи.

Петръ III, ставъ Императоромъ, оказалъ великодушіе, благородные чувства, и ознаменовалъ свое царствованіе достохвальными дѣяніями. Оставилъ ухищрявшихъ на него безъ мщенія, при ихъ должностяхъ, возвратилъ изъ ссылки Лестока, Стрѣшнева, Бирона и славнаго Миниха. Первое свиданіе Миниха съ Императоромъ, его благодѣтелемъ, являетъ разительный урокъ въ превратности судьбы. Старецъ 82 лѣтъ, претерпѣвшій многіе страданія, предсталъ ему въ нагольномъ тулупѣ, со слезами умиленія и сердечной признательности. Посрамленный предъ нѣмъ содѣлался первымъ лицемъ въ совѣтѣ и при дворѣ.

Дворяне не имѣли преимуществъ, мало отличались отъ прочихъ сословій. Сынъ богатаго вельможи, получившій хорошее по

тогдашнему образованіе, стоялъ въ строю рядомъ съ поступившимъ рекрутомъ изъ отчины его родителя, несъ одинакую съ нимъ должность, и подвергался равному тѣлесному наказанію. Они служили по нѣскольку лѣтъ солдатами, и увольненія въ отставку сопрягались съ немалыми затрудненіями. Болѣзни только, или уже дряхлость составляли законныя къ тому причины. Многіе владѣли обширными маетностями съ чиномъ отставныхъ солдатъ. Сіе постановленіе, введенное по уничтоженіи помѣстьевъ, верстанія ихъ въ отчины, было тогда необходимымъ, надлежало приневоливать пропитившихся, удерживать ихъ на служеніи. Петръ увидѣлъ что съ перемѣною понятій, обстоятельствъ то было болѣе ненужнымъ, дворяне уже охотно, по собственному побужденію представали Хоругвіямъ, не щадили крови своей за Отечество, и отмѣнилъ законоположеніе. Онъ даровалъ имъ вольность, позволилъ служить въ Россіи, или у чужестранныхъ Государей, и разрѣшилъ выѣздъ

за границу по желанію (*). Дворяне обязаны помнить таковое благотвореніе, оно содѣлалось краеугольнымъ камнемъ возрастающаго и по нынѣ ихъ блаженства.

Черное духовенство обладало великимъ числомъ, какъ ниже скажемъ, деревень. Нѣкоторые монастыри имѣли на пространствѣ 50 верстъ до 30 тысячъ душъ. Правда заключалась въ томъ и немалая польза, Анахореты призирали болящихъ, изувѣченныхъ, бѣдныхъ Офицеровъ; закормы ихъ, отъ преизбытка, наполнялись зернистымъ хлѣбомъ, и служили надежными запасами на случай неурожаевъ—отвращали голодъ. — Съ другой стороны промыслы, прибытки, власть свѣтская не приличествовали отрекшимся отъ дѣлъ гражданскихъ, свѣта, и посвятившимъ произвольно себя смиренію, повиновенію, и къ снисканію себѣ пищи отъ трудовъ

(*) Одно въ семъ стѣсняло еще дворянъ, неимѣвшіе Офицерскихъ чиновъ не прежде получали отставку, какъ по выслугѣ 12 лѣтъ.

рукъ своихъ. Несообразнымъ было также видѣть монаховъ въ стряпчихъ за лоскутъ земли, въ прикащикахъ, земскихъ, мѣльникахъ, и принуждавшихъ крестьянъ, иногда съ жестокостію, къ работамъ. Притомъ и Государство лишалось чрезъ то значительныхъ доходовъ. Петръ видѣлъ сіе неустройство, приступилъ къ искорененію зла, но не имѣлъ времени совершить столь полезное предпріятіе.

До него существовала ужасавшая всѣхъ тайная Канцелярія, одно объявленіе враждовавшаго сосѣда, развратнаго слуги, или злодѣя что имѣетъ на такого то *слово и дѣло* подвергало бѣдствію, безъ предварительныхъ доказательствъ. Случалось что по запутанности, разнорѣчіямъ при очныхъ ставкахъ, терпѣли долгое заточеніе, пытали иногда и обвиняемаго, и доносчика, не рѣдко признавали мученика невиннымъ (*). Петръ

(*) Оная учреждена была по тогдашнимъ обстоятельствамъ въ 1718 году, и сей способъ

отвергнулъ пропивный справедливости обрядъ, и уничтожилъ тайную Канцелярію. Одно это поставляетъ его въ рядъ съ благодѣтелями человѣчества.

Голштинія по наслѣдству ему принадлежала, онъ возобновилъ на нее право, требовалъ возвращенія страны; Данія не уступала, осмѣлилась, при слабыхъ своихъ средствахъ противиться сильной Имперіи, льстилась надеждою успѣхами прикрыть несправедливость, и Петръ объявилъ ей войну. Въ столицѣ послѣдовало брановосное волненіе, Генералы ожидали преимущественнаго предъ соповарищами назначенія, Офицеры выставляли будущее свое мужество. Уже полки выступили за границу, достигли Помераніи, два флота долженствовали плыть изъ Ре-

---

доискиваться истинны въ дѣлахъ уголовныхъ былъ тогда въ обычаѣ во всей Европѣ, особенно же во Франціи, Гишпаніи и Венеціи, чему имѣемъ много доказательствъ въ Исторіи правовѣденія.

веля туда же, Императоръ намѣревался лично предводительствовать войска, и нѣтъ сомнѣнія что Государство третьяго разряда не устояло бы противъ могущественной державы.

Когда съ одной стороны готовились къ брани, съ другой приступали къ дружественной связи съ другомъ Императора, уважаемымъ отъ него героемъ Фридрихомъ, Королемъ Прусскимъ. Тотчасъ прекратились непріязненные противъ его дѣйствія, послано было повѣленіе Графу Чернышеву оставить союзныхъ Австрійцевъ и присоединиться къ Прусскимъ полкамъ. Такимъ образомъ нашъ вождь, недавно сражавшійся противу послѣднихъ, содѣлался къ изумленію усерднымъ ихъ защитникомъ, и внезапный тотъ переворотъ могъ бы приключить чувствительный вредъ Маріи-Терезіи. Удивительно при семъ что медлили миромъ съ Фридрихомъ по Дипломатическимъ правиламъ, оный не прежде Іюня былъ утвержденъ.

Годы

Въ Петергофѣ приготовляли къ Петрову дню пышное празднество, послѣ коего Императоръ хотѣлъ предпринять путь на бранное поле. — Но случилось пропивное, и всѣ
1762. начала не имѣли успѣха. Петръ III скоропостижно скончался, и Екатерина перешла изъ уединеннаго жилища на престолъ, 27 Іюня, въ день Полтавской побѣды, и вскорѣ какъ послѣ мимоходной бури, водворилась тишина.

По краткому, шестимѣсячному царствованію Петра III, не льзя сдѣлать полнаго объ немъ заключенія Однако онъ успѣлъ совершить три безсмертные учрежденія, которые принесли бы честь всякому вѣнценосцу, долго возсѣдавшему на тронѣ.

Екатерина родилась для скипетра, для благоденствія народа, что оправдала она предъ цѣлымъ свѣтомъ. Первые дни протекли въ благодареніи Богу за воззваніе Ее къ именитому поприщу, въ милостяхъ и наградахъ.

Съ приближенными къ супругу, Гудовичемъ, Волковымъ, Мельгуновымъ, Графомъ Минихомъ обращалась весьма благосклонно, и при первомъ свиданіи съ послѣднимъ объявила ему, что дверь въ ея кабинетъ всегда для него отворена. Однажды писала къ нему: *Наши письма походили бы на любовныя, когда бы патріахальная ваша старость не придавала имъ истиннаго достойнства.* Спустя потомъ годъ Минихъ просилъ уволненія отъ службы, , и она сказала: *Трудно мнѣ васъ залѣнить, избавьте меня отъ прискорбнаго залѣшательства* Отличный сей полководецъ, первый Тактической нашъ Герой, побѣдитель Турокъ, Татаръ, покоритель Хотина, Яссъ, увѣнчанный лаврами, долго страдавшій съ 1742 года въ унылой Сибири, имѣлъ важные порученія отъ Екатерины, подавалъ полезные совѣты, и на служеніи окончилъ жизнь.

Гвардіи Капитана Измайлова, также любимца Петра, отпустила съ честію въ Мо-

скву, одобряла преданность его къ покойному Государю, искренность, и всегда милостиво объ немъ отзывалась.

Никто при новомъ царствованіи не пострадалъ, не потерпѣлъ гоненія, измѣнилось только Правительство. Сіи черты были залогомъ въ добродѣтели, кротости и великодушіи на грядущее время.

Она между иными возвратила изъ ссылки извѣстнаго Бестужева, и указъ объ немъ достоинъ любопытства. „Хотя, говоритъ, „всему свѣту извѣстно что вселюбезнѣйшая тетка наша, Императрица Елисавета „Петровна была прозорливая, просвѣщенная, „милосердая, и притомъ правосудная Монархиня, но кромѣ сердцевѣдца Бога не возможно проникнуть въ человѣческія помышленія, и потому нѣтъ сомнѣнія что противу воли и намѣренія ея до сего времени „обращались дѣла, къ несчастію сего Графа „Бестужева-Рюмина. Посему повелѣваемъ по-

„казать его паче прежняго достойнымъ до-
„вѣренности бывшей его Государыни, и на-
„шей особенной къ нему милости, возвра-
„тить ему съ прежнимъ старшинствомъ
„чины Генералъ-Фельдмаршала, Дѣйствительс-
„наго Тайнаго Совѣтника, Сенатора, и обо-
„ихъ Россійскихъ орденовъ кавалера, съ пен-
„сіономъ по двадцати тысячь рублей изъ
„Спапс-Конторы. Повелѣваемъ притомъ,
„какъ его самаго, такъ и родъ его, ни пря-
„мымъ, ни постороннимъ образомъ претер-
„пѣннымъ невинно онымъ несчастіемъ [не по-
„рицать, подъ опасеніемъ за то нашего
„гнѣва.“ — Льзя ли, вопрошаемъ мы, скром-
нѣе сего охранить уваженіе къ покойной Го-
сударынѣ, и лучшими изреченіями оправдать
осужденнаго?

Екатерина удержала при себѣ, и пріиски-
вала новыхъ людей съ дарованіями, обозрѣва-
ла части, цѣлый составъ Имперіи, дѣла, свя-
зи другихъ Государствъ, и приспособляла Ге-
ній свой къ обстоятельствамъ. Ей предсто-

яли разнородные предметы, она обратила прежде всего вниманіе на главнѣйшіе, какъ на корни общественнаго блаженства, умѣла привести ихъ въ стройность, сдѣлала планъ что за чѣмъ слѣдовать долженствовало. Трудилась прилѣжно въ кабинетѣ, и каждый ея подвигъ печатлѣлся, какъ ниже увидимъ, мудростію. При дворѣ съѣзды не прерывались, общества составлялись изъ особъ предъ тѣмъ противуположныхъ во мнѣніяхъ, чувствахъ, и подъ вліяніемъ Ѳемиды слившихся въ одно тѣло, въ одну душу, въ равную преданность къ своей Государынѣ.—Но забавъ, пиршествъ, по причинѣ траура, не было. При окончаніи лѣта предстанутъ они въ великолѣпнѣйшемъ видѣ. Народъ въ столицѣ исполнялся восторга, видѣлъ подъ вѣнцемъ Богиню.

Въ Москвѣ, въ провинціяхъ смотрѣли изъ отдаленности не одинаково, толковали о вводимыхъ постановленіяхъ; одни съ похвалою, изумленіемъ, другіе не умѣя цѣнить превосходнаго, и по склонности осуждать, на-

ходили излишними, прежде временными. Послѣдствія изобличили ихъ въ заблужденіи.

Европа, по отношенію къ Политикѣ, нравственности, находилась въ здравомъ, по сравненію съ нынѣшнимъ, положеніи. Державы вели брани частныя. съ наблюденіемъ равновѣсія. Распри между Франціи, Гишпаніи съ Англіею—Португаліи съ Гишпаніею—и Маріи Терезіи съ Фридрихомъ приходили къ окончанію, уступка Шлезіи примиряла послѣднихъ. Наступило время къ спокойствію, отдохновенію, къ тишинѣ. Вѣра, обуреваемая нечестивыми писателями, пускавшими ядовитыя въ нее стрѣлы, разсыпая сѣмяна плевеловъ, стояла еще на Адамантовыхъ своихъ столбахъ неподвижно. Умы только бродили, не совращались вполнѣ съ праваго пути. Вскорѣ увидимъ что новая Повелительница вознесетъ Россію на степень могущества, славы, и удивитъ тѣмъ свѣтъ.

Въ концѣ Августа Екатерина оставила

Петербургъ для священнаго себя міропомазанія въ первопрестольномъ градѣ, и владыки чуждыхъ странъ мысленно слѣдовали туда за новою Самодержицею. Изумленная, недовольная произшествіемъ Москва, вглядывалась, вслушивалась; и увѣрясь, что каждое дѣйствіе есть кротость, каждое учрежденіе полезно, претворила негодованіе въ уваженіе, въ усердную покорность. Коронація совершилась 22 Сентября съ великолѣпнымъ торжествомъ, съ изліяніемъ милостей. Она провела всю зиму въ Москвѣ, и для масленицы уготовила празднество, подобное Римскимъ, восхитившее народъ. Катился по улицамъ маскерадъ; Александръ Петровичь Сумароковъ сочинилъ пѣсни, хоры; Ѳедоръ Григорьевичь Волковъ сдѣлалъ тому начертаніе. Составились важныя и смѣхотворныя отдѣленія съ приличными символами. Тамъ на высокой колесницѣ изображался Парнассъ, Апполонъ, Музы. — Тутъ возсѣдалъ Марсъ съ героями въ пол-

ныхъ доспѣхахъ. — Здѣсь видѣли Палладу съ шлемомъ на челѣ, съ Егидомъ, копіемъ, у ногъ ея сова съ Математическими инструментами. Далѣе являлся веселый, багряный Бахусъ съ Силеномъ, съ Вакханками подъ балдахиномъ. — На той колесницѣ плясали Сатиры и Фавны. — На сей Гиганты, богатыри взирали угрюмо. — Въ томъ отдѣленіи были качели, кабаки, харчевни съ толпою прожоръ, бѣснующихся піяницъ. Тутъ засѣдали мздоимные судіи, подъячіе. — Здѣсь развратная сволочь картежниковъ. Колесницъ считалось до 250, нѣкоторыя изъ нихъ влечены были 12, другія 24 волами, дѣйствующихъ лицъ находилось до 4 т. человѣкъ. Придворные актеры разъѣзжали верьхами при отдѣленіяхъ для распоряженій. Повсюду гремѣла музыка роговая, духовая, струнная, и пѣсни, хоры заключали въ себѣ нравоученія. Сей шумный, единственный маскерадъ собирался всякой день на полѣ, предъ Анинскимъ Дворцемъ, двигался чрезъ всю Нѣмецкую слободу, въ новую Басманную, до Бѣлаго города, и возвращался по старой Басманной чрезъ мосты: Ѣхаловъ, Салтыковъ до Зимнихъ горъ, иллюминованныхъ разноцвѣтными фонарями. Десятки пы-

сячь людей, смотрѣли изъ оконъ, съ балконовъ, заборовъ, кровель, безчисленныя толпы тѣснились за шествіемъ, раздавался гулъ восторга, громогласныя восклицанія: ура, Екатерина! не прерывались, и все то продолжалось цѣлую недѣлю (*).

(*) О всѣхъ сихъ подробностяхъ сообщилъ мнѣ покойный Иванъ Афанасьевичъ Дмитревской.

ГЛАВА II.

Наружность Екатерины.—Ея чувства. — Нравъ. — Снисходительность —Привлекательность.—Она не тревожитъ другихъ. — Ея утро.—Вступленіе въ ея кабинетъ по должностямъ.—Упражненія, отмѣтки на просьбахъ своею рукою. — Переходъ въ уборную —Внутреннія комнаты.—Эрмитажъ.—Насыпной садъ.—Первыя дѣйствія учрежденія.—Отобраніе имѣній отъ Монастырей.—Генералъ-Адъютанты, Статсъ-Секретари.—Колонисты.—Измѣнники.

Теперь, какъ Екатерина произнесла обѣтъ о нашемъ блаженствѣ, не касаясь еще ея подвиговъ, разсмотримъ ея наружный видъ, и нѣкоторыя свойства, но не на тронѣ, не въ порфирѣ, не въ кругу придворныхъ ласкателей, а тамъ, гдѣ вѣнценосецъ не можетъ, подобно простолюдину, скрыть своихъ слабостей и недостатковъ; вступимъ внутрь ея обиталища, повстрѣчаемъ ее въ упреннемъ одѣяніи безъ поддѣлокъ, притворства, проникнемъ во глубину ея сердца, помышленіи, и откроемъ прежде человѣка, а потомъ Императрицу.

Рюльеръ, Феранъ, Кастера и большая часть Французскихъ писателей при невозможности утаить безсмертныя ея дѣянія, относятъ каждый великодушный ея поступокъ,

каждое мудрое учрежденіе къ тщеславію и хитрости. Причиною тому зависть къ ея славѣ, къ Исполинскому ходу Россіянъ, злоба за Польшу, за побѣды надъ Турками, за поверхность надъ прочими державами, за униженіе Версайльскаго кабинета. Но всѣ ихъ слова ничтожны, подобны облакамъ, сквозь которыя яркое солнце проницаетъ огненными лучами. Мы будемъ выставлять не догадки, не лесть, а дѣла, послѣдствія; и 34 года домашней жизни, неизмѣняемой твердости характера, несравненно вѣрнѣе слабыхъ порицаній, достойныхъ сожалѣнія.

Екатерина была роста средняго, стройнаго стана, отличной красоты, слѣды которой не истребились до самой ея кончины. На голубыхъ глазахъ изображались пріятность, скромность, доброта и спокойствіе духа. Говорила тихо, съ выжимкою, нѣсколько въ горло; небесная улыбка обворожала, привлекала къ ней сердца. Приближенные разставались съ нею преисполненными преданности и удивленія. Сколь ни старалась она скрывать важность своего сана; но необыкновенно величественный видъ вселялъ уваженіе во всякомъ; невидавшій ее никогда, призналъ бы

Императрицу и среди толпы. Г. Танненбергъ говоритъ: „она рождена быть владычицею на„родовъ.“ Принцъ Де Линь пишетъ: „Екатери„на во всякой участи была бы превосходною „женою; званіе Императрицы болѣе всего ей „приличествовало, великость души, обширный „разумъ равнялись съ пространствомъ ея державы.“

Екатерина въ низкой долѣ
И не на Царскомъ бы престолѣ
Была бъ великою женой.

Державинъ.

Она получила отъ природы весьма крѣпкое сложеніе; однако часто мучилась головною болью, которая почти всегда сопровождалась коликою. Со всѣмъ тѣмъ не любила врачеванія, и когда однажды Лейб-Медикъ Рожерсонъ уговорилъ ее принять лѣкарство, то отъ радости, потрепавъ ее по плечу, вскричалъ: браво! браво, Мадамъ! Екатерина ни мало тѣмъ не оскорбилась, зная, что сіе происходило отъ сильнаго чувства преданности. Сей достойный Врачь пользовался великимъ уваженіемъ въ столицѣ болѣе за то, что охранялъ здравіе Екатерины.

Она имѣла въ себѣ столь много електричества, что когда чистили байкою шелковые

платки, которыми она, ложась спать, повязывала голову, и проспины, вылетали искры съ трескомъ. Однажды Г. Перекусихина, прикалывая ей что-то, почувствовала толчокъ въ палецъ, електричество нѣсколько разъ повторялось, и она сказала: *я переговорю объ этомъ съ Рожерсономъ.*

Всѣ чувства ея были нѣжны, крѣпки, но слухъ имѣлъ нѣчто странное; звуки инструментовъ доходили до каждаго уха различно, отъ каковаго разнообразія, она къ гармоніи музыки казалась равнодушною. Сколько ни старались при воспитаніи, сколько сама ни желала научиться сему пріятному искусству, всѣ опыты оказались тщетными. Для сокрытія сего, равно для ободренія изящныхъ талантовъ, всегда поручала кому нибудь изъ знатоковъ подавать ей знакъ къ рукоплесканію, а при пѣніи дуэта изъ Армиды Тодіею съ Маркезіемъ объявила, что и она въ первый разъ ощутила восхищеніе.

Екатерина была нрава тихаго, спокойнаго, веселаго, и въ противоположность тому иногда весьма вспыльчиваго. Составъ ея казался сотвореннымъ изъ огня, которымъ она искусно управляла, и что служило бы поро-

комъ въ другомъ, но въ ней обращалось въ достоинство. Отъ сего полнаго надъ собою владычества рѣдко приходила ко гнѣву; при досадѣ, неудовольствіи расхаживала по комнатѣ, засучивала рукава, пила воду, и никогда при первомъ движеніи ничего не предпринимала. Мы увидимъ нѣсколько тому примѣровъ. Кто, украшаясь мудростію, можетъ такъ располагать собою, тотъ достоинъ повелѣвать вселенной.

Оплошность, медленность, недогадливость служителей извиняла снисходительно, и при необходимости упрекала съ кротостью, съ равнодушіемъ, какъ мать поучающая своихъ чадъ. Никто не слыхалъ отъ нее грубаго изреченія, милость съ нѣжностью управляла ея устами. Привѣтливость, ободреніе, доставленіе пріятностей входили въ ея правила. Милостивой взоръ съ улыбкою, тихой вопросъ съ простосердечіемъ, отвѣтъ съ благосклонностію влекли къ ней сердца. Она обладала превосходнымъ мастерствомъ давать оттѣнки всякой своей рѣчи, всякому своему движенію, и даже взгляду. Ничто не терялось, ничто напрасно не дѣлалось, все имѣло свою особливую цѣну, и таковое различіе

было размѣромъ уваженія или холодности. Она кланялась, принимала вельможъ не одинаково, но смотря по достоинствамъ, годамъ, заслугамъ; Ивана Ивановича Неплюева, Василія Ивановича Суворова цѣловала въ щеку, предъ Графомъ Минихомъ, Графомъ Разумовскимъ, Фельдмаршаломъ Княземъ Голицынымъ, Графомъ Румянцовымъ, Княземъ Шаховскимъ привставала со стула. Сіи особы, какъ блестящія планеты вокругъ солнца, озаряли многихъ, имѣли къ ней свободный доступъ во всякое время, она оставляла дѣла, чтобъ не заставить ихъ дожидаться. Они говорили съ нею смѣло, откровенно, и будто выходили изъ круга подданныхъ. Что тебѣ сказала Императрица? Замѣтила ли такого-то? Какъ взглянула на того то? было общими вопросами.

Мы находимъ въ ней нѣкое чудесное привлеченіе, чему остались еще свидѣтели. Животныя любили ее, чужія собаки, прежде незнакомыя, прыгал бѣжали, ласкались къ ней, оставляли хозяевъ, и потомъ повсюду за нею слѣдовали. Были примѣры, что иныя изъ нихъ отыскивали въ обширномъ дворцѣ ходы, двери и являлись, чтобъ улечься у ногъ ея. Обезьяны ползали по ея шеѣ, и огрызались

на всѣхъ другихъ, одна злобная бросилась съ плеча Екатерины на Великую Княжну, и больно оцарапала. Американскіе вороны, попугаи, параклитки сердились на приближавшихся, одна Екатерина была ими любима. Они издалека узнавали ея голосъ, распускали крылья, и преклоняя головы, будто платили кротостью за кротость. Голуби послѣ сильнаго пожара слетѣлись сотнями къ ея окнамъ, и обрѣли при великолѣпныхъ чертогахъ спокойное, надежное себѣ пристанище. Опредѣлили имъ пшеницу, колокольчикъ созывалъ ихъ къ корму, и она смотря на то утѣшалась.

Въ одинъ изъ съѣздовъ ко Двору она прежде выхода примѣтила, что кучеръ, сойдя съ козелъ, гладилъ, трепалъ поочередно своихъ лошадей. Я слыхала, сказала она, что кучерскими ухватками называютъ у насъ грубые, жестокіе поступки; но посмотрите какъ этотъ ласково обходится, онъ вѣрно добрый человѣкъ, узнайте чей онъ. — Справились и донесли, что онъ принадлежалъ Князю Шаховскому, позвали сего къ ней, и она ему сказала: *къ Вашему Сіятельству есть челобитчица.* — Кто бы Ваше Величество?—

Я, отвѣчала она, *вашъ кучеръ добросовѣстнѣе своихъ товарищей, я любовалась его обращеніемъ съ лошадьми, пожалуйте прибавьте ему за то жалованья.* — Исполню немедленно Ваше приказаніе. — *А тѣмъ же вы наградите его? скажите мнѣ.* — По пятидесяти рублей въ годъ. — *Очень довольна, и благодарна вамъ;* и кучеръ получалъ награду отъ Князя по именному указу. Благодѣтельная ея душа покоила всѣ роды.

Екатерина любила долго спать, однако пробуждалась всегда въ 6 часовъ, и не требовала никакой себѣ прислуги. Сама обуется, одѣнется, зажжетъ свѣчу, разложитъ дрова въ каминѣ, и тогда какъ большая часть людей еще не пробуждалась во дворцѣ, она поспѣшала къ своей обязанности. До такой-то степени она дорожила спокойствіемъ послѣдняго изъ своихъ подданныхъ! Однажды во время такого уединенія, когда пылалъ огонь въ каминѣ, когда все вкругъ ея безмолствовало, раздался дикой, неизвѣстно откуда голосъ: потушите, потушите скорѣе огонь!— Изумленная тѣмъ Екатерина, спросила: кто тамъ это кричитъ? — Я, отозвался сквозь пустоту трубочистъ! — А съ кѣмъ ты

разговариваешь теперь? — Охъ, знаю, знаю, что съ Императрицею, только погасите скорѣе, мнѣ стало очень горячо. — Она принесла кружку воды, залила дрова, и узнавъ по этой чудной аудіенціи, что труба отъ самаго верьха была прямая, приказала исправить оную.

Въ преклонныхъ годахъ, она звонила въ колокольчикъ, и Марья Савишна Перекусихина являлась первая къ ея постели. Иногда сія находила ее опять погруженною въ сладкую дремоту, не хотѣла превожить; и въ ожиданіи пробужденія, садилась на софѣ пропивъ ее, и сама дремала. Случилось, что такимъ образомъ Екатерина проспала лишній часъ, и разкрывъ глаза, упрекала въ снисхожденіи. О, какое наслажденіе! сказала она, для чего не могу и я пользоваться столь безцѣннымъ успокоеніемъ!

Отъ постели переходила Екатерина въ другую комнату, гдѣ находила теплую воду для полосканія горла, омовенія, и ледъ для обтиранія лица. Камеръ-медхенъ Камчадалка Екатерина Ивановна, взятая ко Двору еще при Императрицѣ Елисаветѣ, часто была не исправною, и однажды забыла приготовить

воду. Императрица долго дожидалась, сердилась, и въ нетерпѣніи сказала окружающимъ: *нѣтъ, это уже слишкомъ часто, взыщу непремѣнно.* — Вошла виновная, и вопъ въ чемъ заключилось обѣщанное наказаніе. Скажи мнѣ пожалуй, Екатерина Ивановна, спросила она, или ты обрекла себя навсегда жить во дворцѣ? Станешся, что выйдешь за мужъ, то не ужели не отвыкнешь отъ своей безпечности; вѣдь мужъ не я, право подумай о себѣ!

По окончаніи краткаго утренняго устройства она вступала въ кабинетъ, куда приносили ей Левантскій кофе, весьма крѣпкой; клали фунтъ на пять чашекъ, и оный кушала съ густыми сливками. Ежедневное это питіе всѣ находили вреднымъ, кофишенки, лакеи добавляли воды въ осташокъ, послѣ ихъ истопники еще переваривали, и тогда только оказывался вкусъ обыкновеннаго кофія. Она примѣтя, что представшій ей докладчикъ Кузминъ озябъ, кликнула камердинера, и сказала просто: *сварите намъ кофію.* Сей подумалъ, что Императрица въ другой разъ требуетъ онаго для себя, удивился, принесъ свареный по обыкновенію, но когда она ука-

зала на приборъ Козмину, и онъ выпивъ одну чашку, въ ту же минуту почувствовалъ великое трепетаніе сердца.

Усѣвшись наединѣ за дѣла, никогда не безпокоила другихъ; сама отворитъ дверь, выпуститъ своихъ собачекъ, подниметъ, или опуститъ споры. Всякому входящему къ ней лакею, истопнику всегда говорила ласково, привѣтливо, напримѣръ: *потрудись пожалуй*, *спасибо*, *очень довольна*. Занятія продолжались до 9 часовъ, и по раздачѣ сахара, гренковъ собачкамъ входили къ ней разные должностные съ бумагами.

Первый входилъ Оберъ-Полицмейстеръ съ докладомъ о происшествіяхъ, о цѣнахъ на жизненные припасы и о молвѣ народной. Самыя неважныя обстоятельства доходили до ея свѣденія, не въ видѣ вѣроятія, а только для соображеній. Она была любопытна, желала знать мнѣнія подданныхъ, дорожила ими, предупреждала неудовольствія, неправые толки разглашеніями отъ себя, или отмѣняла свои предположенія, пеклась о невозвышеніи цѣнъ на первѣйшія потребности. При отсутствіи изъ Петербурга, лишь узнала, что прибавилась цѣна по ко-

пейкѣ на фунтъ говядины, писала къ Главнокомандующему, чтобъ призвалъ мясниковъ и опредѣлилъ таксу. Она управляла столицею какъ ревностный Генералъ-Губернаторъ.

Послѣ Оберъ-Полицмейстера вступали Генералъ-Прокуроръ съ меморіями, приговорами Сената, докладными важными дѣлами по Губерніямъ. Генералъ-Рекетмейстеръ съ разсмотрѣнными тяжбами. Губернаторъ, Президенты Государственныхъ Коллегій въ назначенные дни. Вице-Губернаторъ и Прокуроръ одинъ разъ въ недѣлю. Статсъ-Секретари съ прошеніями милостей, наградъ, съ жалобами на Правительства. Предъ нею всегда находились изображеніе Петра Великаго, табакерка съ его портретомъ, и она мысленно вопрошала его: что бы онъ повелѣлъ при такомъ-то случаѣ? чѣмъ бы разрѣшилъ подобное обстоятельство? — Пишучи она много нюхала табаку; Лейб-Медикъ Рожерсонъ запретилъ то, и камердинеры имѣли для нее рульной въ своихъ табакеркахъ.

Всѣ часы были разпредѣлены, бумаги по спатьямъ лежали на опредѣленныхъ мѣстахъ, особы съ отличными способностями, раздѣляя съ нею труды, пользовались довѣренно-

стію, привыкали къ должностямъ, къ ея нраву, правиламъ. Всякой зналъ, что когда дѣлать, и единообразіе въ семъ никогда не измѣнялось. Кто видѣлъ это при возшествіи ея на Престолъ, тотъ не примѣчалъ никакой въ томъ перемѣны чрезъ 34 года, до самой ея кончины.

Ея кабинетъ былъ вмѣстилищемъ мудрости, правосудія, и храмомъ блаженства Россіи. Въ немъ взвѣшивались нужды, воззванія каждаго, взаимныя притязанія прочихъ державъ, измѣрялись слезы страждущихъ, претворялись въ успѣхи; заслуги обрѣтали воздаянія, неумышленности, слабости покрывались снисхожденіемъ. Вѣсы Ѳемиды ни для кого не покривлялись; вельможа и скипающійся подъ окнами имѣли равное право на ея попеченіе. Скорбь каждаго отзывалась въ ея материнскомъ сердцѣ, и титулъ подданнаго признавала она драгоцѣннѣйшимъ названіемъ. Ея рука быстро пролетала при назначеніи милостей, и съ трепетомъ останавливалась надъ приговорами. Что изреченіе — то великодушіе. — Что черта пера — то новое отъ чадъ благодареніе. Принцъ Де Линь пишетъ: въ Европѣ много молвятъ о Петербургскомъ

кабинетѣ, но оный отнюдь не огроменъ, и только имѣетъ нѣсколько вершковъ пространства, отъ одного уха Екатерины до другаго.

Ея спокойный, быстрый умъ ничѣмъ не развлекался; смѣхъ, громогласіе другихъ не останавливали мыслей. Однажды Г. Козицкой читалъ предъ нею бумаги, а въ другой комнатѣ придворные, играя въ воланъ, заглушали его слова. Не прикажите ли, спросилъ онъ, прекратить шумъ? Нѣтъ, отвѣчала она: у всякаго свои занятія; мы съ тобою судимъ, рядимъ, а они забавляются; на что нарушать ихъ удовольствія; возвысьте только голосъ, и они не помѣшаютъ намъ.

Вотъ списокъ съ собственноручныхъ ея писаній, коихъ подлинники хранятся у меня (*).

Нижегородской Губерніи, Саранскаго уѣзда попъ Николай Ивановъ проситъ о возвращеніи поповскаго званія. — Просить въ Синодѣ, а буде сей отказалъ, то отказать, а буде за симъ просить будетъ, и лѣтъ молодыхъ,

---

(*) Я помѣщаю ихъ безъ исправленія погрѣшностей въ слогѣ и правописаніи.

то послать либо на поселеніе, либо въ *военный* службу.

Города Лебедина служитель Семенъ Дадика и Емельянъ Халай просятъ о выключкѣ изъ подданства. — Отослать къ Ген: Рекепмейстеру.

Вдова Марья Девисъ проситъ награжденія.— Кто она такова? Бригадиръ Князь Николай Долгорукой съ прочими просятъ о пожалованіи имъ вмѣсто неотданныхъ имъ досталныхъ недвижимыхъ имѣній. Мнѣ не прилично судить о дѣлахъ и волѣ предковъ моихъ; я думаю, что если что у нихъ отнято, то сіе было законно, что отдано, или возвращено по волѣ Монаршей, тѣмъ и довольствоваться, буде же отъ меня чего хотятъ, то совѣповать, чтобъ приобрѣли службою, ревностію, къ чему теперь многія дороги открыты, что имъ и объявить. — Апр. 10 1788.

Дѣйст. Стат. Сов. Кожинъ проситъ о невзысканіи съ него въ казну по Московскомъ винномъ откупѣ 3200 рублей. — Дѣла винаго откупа суть Сенатскія, въ коихъ не вмѣшиваюсь, а все что дѣлать могу есть то, чтобъ подтвердить о учиненіи правосудія въ семъ дѣлѣ.

Вдова Полковница Есипко просишъ жалованья. — Что за барыня?

Инженеръ Пору. Иванъ Барклай просишъ аренду. — Просишъ въ Сенатѣ, гдѣ на аренды правила есть.

Иваненко просишъ о конфирмаціи духовной.— О семъ уже словесно приказано Господину Соймонову.

Кап. Илья Даниловичъ просишъ о возвращеніи его въ Россію. — Онъ помишся высланъ, такъ и быть.

Ап. Кон. Домиръ Жакери. — Уже опказано.

Поручица Прасковья Дунилова просишъ *защищеніе* отъ обидъ и притѣсненій (какихъ не видно) и облегченія отъ принадлежащихъ банку недоимокъ 1783 по 1787 годы. — Послѣднее кажется дѣло невозможное, однако доложишъ.

Ели. Дмитріева просишъ о продолженіи ей пенсіона умершаго ея мужа на воспитаніе дочери. — Если дочь малолѣтна, то отдашъ въ монастырь, въ комплектъ буде можно.

Сорокъ три человѣкъ *Грекъ*, и другіе Иностранцы просящіе по бѣдности на пропитаніе. — На сихъ дняхъ отпустишъ къ отцу

духовному двѣ тысячи рублей и реестръ просящихъ, чтобъ онъ имъ выдалъ по своему разсмотрѣнію, и по добрымъ аттестатамъ о ихъ бѣдности, кои же подлежатъ богадѣльнямъ, тѣхъ бы онъ отослалъ, или увѣдомилъ объ нихъ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

Книперъ проситъ въ *удовлетвореніи* понесенныхъ имъ убытковъ по случаю *нарушенія* Сп. Вос. Дома Опекунскимъ Совѣтомъ контракта о содержаніи театра наградить его осмью театральными представленіями. — Выправиться какъ и за что нарушенъ Опек. Совѣтомъ контрактъ, а большому театру платить за грѣхи Опек. Совѣта было бы неправильно.

Мнѣ Губернаторъ сказывалъ, что здѣшній полотеръ семнадцати лѣтъ, за воровство былъ приговоренъ *Совѣстнаго суда* быть высѣченъ розгами, а тотъ полотеръ на Токарева *жалуется*, что высѣкъ его ботажьемъ, а не розгами, и какъ вора никакъ не должно держать при Дворѣ, то Аристархъ Петровичъ имѣетъ разобрать свидѣтелей сѣченъ ли, отдать полотера въ *Военной Коллегіи* для опредѣленія въ напольные полки внѣ града Св. Петра.

Изъ сего видно, что прошенія, жалобы прямо къ ней поступали, и что она сама занималась ими. Какая дѣятельность! И Европу судитъ, и полотера разбираетъ! Были примѣры, что преступники изъ остроговъ писали къ ней, и чувствительная душа Екатерины иногда облегчала ихъ участь.

Другія ея рукописи заключаютъ въ себѣ росписи съ оттенками разныхъ народовъ въ Россіи для составленія всемирнаго словаря, или порученія справиться о сомнительномъ ихъ происхожденіи. Въ одной спальнѣ говоритъ она такъ: въ Китайскомъ домикѣ, въ среднемъ капищѣ убрать внутри изъ всѣхъ находящихся въ Россіи *каменій*, какъ то: топазовъ, агатовъ, яшмъ, лазисовъ, лабрадоровъ, мраморовъ, хрусталей восточныхъ, и прочее, какіе только *отыскать* можно, сохраняя Китайской вкусъ, и даже до дурнаго жемчуга Кременицкаго, чтобъ тѣ *каменіи* служили къ познанію что есть въ Россіи. Не изъемлются также аметистны, лаллы и *иныхъ разноцвѣтныхъ каменій*, опалы, фельдъспаты, кварцы, руды.

Екатерина имѣла на все время, и 24 часа въ сутокахъ были для нее слишкомъ до-

спапочными. Она распоряжала, повелѣвала, обнимала взоромъ царства, писала своей рукою къ Гражданскимъ, Военнымъ Начальникамъ, къ своимъ Министрамъ въ чужіе краи, къ Вольтеру, Д'Аламберту, Дидероту, къ Гриму, Цимерману, и оставались еще досуги для безсмертнаго наказа, всемирнаго словаря, для записокъ о Россійской Исторіи, даже для шуточныхъ комедій. Видѣли ее въ одинъ и тотъ же день — въ кабинетѣ за бумагами, въ Сенатѣ за зерцаломъ, въ бесѣдѣ съ приближенными и наконецъ въ театрѣ.

По окончаніи труда, она оставалась на цѣлый день свободною, и каждый изъ принадлежавшихъ ей чиновниковъ употреблялъ свое время какъ хотѣлъ. Никого уже не тревожила, никого не требовала къ себѣ, и при необходимости посылала записки, приготовить для исполненія на другой день. Однажды послѣ обѣда надобно было, сверьхъ учрежденнаго порядка призвать докладчика по прошеніямъ; звонитъ нѣсколько разъ, и никто не является, окружающіе занялись бостономъ, не слышатъ колокольчика. Она встала, пришла въ комнату дежурныхъ, увидѣла собраніе козыряющихъ, и что дѣлать

въ такомъ случаѣ недоумѣвала. Отправить одного изъ нихъ, разстроилась бы партія, чего она не желала, а посланіе весьма нужно. — Нашла иное средство; взяла карты изъ рукъ камердинера, вручила ему записку, и во все время до его возвращенія разыгрывала гривянные ремизы.

Изъ кабинета переходила въ уборную, куда приводили внуковъ, внучекъ, и весьма малое число изъ вельможъ имѣли право представать ей тогда. Императоръ Іосифъ, Прусской Принцъ Генрихъ признавали то за особенную для себя честь. Она разговаривала, шутила, и нерѣдко мимоходное слово заставляло размышлять Дипломатовъ. Волосы ея были очень длинны, у сидящей касались паркета, прическа низкая, подбористая не соображалась съ модою, обыкновенное одѣяніе состояло въ капотѣ, или Молдаванѣ своей выдумки, безъ особенныхъ украшеній.

Внутреннія ея комнаты не вмѣщали въ себѣ ни богатства, ни драгоцѣнныхъ шканей, вмѣсто ихъ картины первѣйшихъ художниковъ, обширное книгохранилище, и превосходный во всемъ вкусъ составляли ихъ убранство. Прочіе чертоги огромнаго Дворца яв-

ляли, великолѣпіе, собраніе рѣдкостей; гайдуки, скороходы, арапы, многочисленная услуга соотвѣтствовали пышности Двора. Она была въ домашней жизни Философомъ, при торжественныхъ же выходахъ важною Императрицею.

Ермитажъ, составляющій обширную, прелестную часть Дворца, сотворенъ Екатериною, и вселяетъ въ Россіянъ благоговѣніе, въ Иностранцевъ удивленіе. Тутъ галлерея съ образца извѣстной верхней аркады въ Ватиканѣ, одинакого съ нею размѣра, и одинакихъ рисунковъ. Тутъ множество комнатъ съ цвѣтными паркетами, цѣльными необыкновенной величины зеркалами, наполнены тысячами отличнѣйшихъ картинъ: Кореджіо, Караша, Тиціана, Рубенса, Вандика, Поттера и другихъ именитыхъ живописцевъ; одна изъ нихъ безсмертнаго Рафаела. Въ особыхъ залахъ антики, металлы, руды, древнія монеты, вещи, кристалы, порфиры, мраморныя статуи первѣйшихъ рѣзцевъ, яшмовыя вазы необыкновенной величины. Театръ, самъ собою являетъ красивую декорацію. Въ него приглашаются по биллетамъ знатнѣйшія особы. На сводахъ, поддерживающихъ громаду

дворца, находился насыпной, висящій садъ, гдѣ вкругъ извучистыхъ дорожекъ, померанцовыхъ, лавровыхъ, мирповыхъ деревьевъ ухаютъ нарцизы, жонкили, розы, лепаютъ, живутъ на свободѣ попугаи, аррасы, какаду, неразлучники, кардиналы, поютъ малиновки, соловьи. Вся эта часть дворца восхитительна; и конечно ни одинъ изъ Вѣнценосцевъ не имѣетъ подобной. Въ сей-то прямо Царской пустынѣ, (Hermitage) Екатерина прогуливалась, освѣжала послѣ трудовъ свой умъ, повѣряла дѣйствія свои, соображала — что еще для блага подданныхъ предпринять надлежитъ, и подписывала разложенные по окнамъ пашенны. — Ермитажъ, и въ немъ присудствіе Екатерины поражали воображеніе всякаго.

Екатерина среди мира, и тишины занималась, какъ говорила она, своимъ *маленькимъ хозяйствомъ*. Ей представилось многое, или недовершеннымъ, или неначатымъ, или только еще предположеннымъ въ намѣреніяхъ преобразователя Россіи. Сколько потребно силъ къ послѣдованію за такимъ Исполиномъ! Сколько нужно мудрости къ приведенію въ порядокъ хаоса! Она знала, что часто улучше-

ніе одной части вредитъ цѣлому, и что для удобнаго вращенія махины надлежитъ опредѣлять, по размѣру Государства, упругость или гибкость пружины. Обогатясь свѣденіями о нуждахъ, выгодахъ разныхъ странъ, сдѣлала планъ къ чему, когда приступить и безъ торопливости избирала къ тому средства, время. Отъ сего-то всѣ ея учрежденія спѣлы, прочны, и увѣнчались успѣхами. *Годы*

Первыя ея дѣйствія обращены были на предметы, требующіе скораго окончанія. 1762.

Голштинскія войска, служившія охраненіемъ, потѣхою Петру III, отпустила въ ихъ отечество.

Прекратила вражду съ Даніею, возвратила свои полки изъ Помераніи, и тѣмъ непріятелей претворила въ союзниковъ.

Какъ Императоръ Петръ, данное отъ насъ войско — 30 т. въ помощь Маріи Терезіи безъ предваренія, переговора, вдругъ обратилъ противъ ея, чѣмъ доставилъ великой перевѣсъ поражаемымъ до того Пруссакамъ; то Екатерина дала иное направленіе сему обстоятельству. Чрезъ 8 дней отъ вступленія на Престолъ, то есть 5 Іюля, пребывающій въ Пруссіи Генералъ-Поручикъ

Воейковъ объявилъ всему народу, что завоеванная предъ тѣмъ страна поступаетъ попрежнему подъ владычество Россіи, и снова развѣвались тамъ двуглавые орлы. Вскорѣ потомъ Графъ Чернышевъ получилъ повелѣніе, оставивъ все завоеванное, возвратиться съ полками въ отечество; и обѣ изумленныя внезапнымъ переворотомъ стороны сражались уже между собою безъ посредства Россіи. Доведенный до крайности Фридрихъ убѣдилъ Чернышева не разглашать предписанія, не отходить отъ него только три дни, и умѣлъ воспользоваться снисхожденіемъ.

Прекращена существовавшая съ 1760 года Государственная лотарея, какъ промыселъ неприличный Имперіи, обманчивый для подданныхъ.

Для ободренія торговли, земледѣлія—сихъ первѣйшихъ источниковъ цвѣтущаго состоянія народовъ, учреждена при Дворѣ Коммиссія Коммерціи; разрѣшена свобода отпускать съ благоразумною предосторожностію хлѣбъ, скотъ и мяса разнаго рода. Возпрещали оную, когда въ Архангельскѣ возвышались цѣны на рожь болѣе рубля за четверть, и на мясо

свыше двухъ копѣекъ за фунтъ въ Петербургѣ.

Постановлены правила водянымъ сообщеніямъ, очищенію рѣкъ, умноженію гаваней; все это, равно и Ладожской каналъ, поручено Миниху.

Генералъ-Адъютанты, изъ первѣйшихъ особъ (коихъ было не болѣе шести, или семи) поочередно сосредоточивали въ себѣ всю исполнительную власть въ столицѣ, дѣйствовали именемъ Государыни.

Вмѣсто Лейб-Кампанцевъ Елисавепы, учрежденъ Кавалергардскій корпусъ; опредѣлены въ оный: Шефомъ — полный Генералъ Графъ Гендриковъ, Вахмистромъ—Бригадиръ Языковъ, Вице-Вахмистромъ—Подполковникъ Спрупинской, и три Капрала Маіорскаго чина. Великолѣпная эта стража, состоявшая изъ 60 рядовыхъ, все Капитановъ или Поручиковъ, Подпоручиковъ и Прапорщиковъ, высокаго роста, сильныхъ по сложенію тѣла, въ серебрянныхъ латахъ, богатыхъ сюперверсахъ, содержала только внутренній постъ. Такіе богатыри приличествовали къ почести, къ охраненію Великой Екатерины (*).

(*) Кавалергарды были учреждены еще Петромъ Великимъ для коронованія его супруги.

Дано образованіе Адмиралтейской Коллегіи.

Учрежденъ Медицинской Факультетъ.

Сдѣлано описаніе Восточнаго берега Каспійскаго моря, до того мало извѣстнаго.

Всѣ Правительства, самый Сенатъ, не имѣли положительныхъ штатовъ, дѣла находились въ смѣшеніи; все сіе опредѣлено, уничтожены нѣкоторыя безполезныя судилища; Сенатъ раздѣленъ на Департаменты, указаны ему предметы.

Екатерина торжественно довершила безсмертный подвигъ, начатый ея супругомъ, уничтожила навсегда тайную, розыскную канцелярію. Разсужденія ея о семъ достойны любопытства. „Строгость, говоритъ она, „законовъ умножаетъ только число преступ„никовъ, и не исправляетъ ихъ. Обвиняемый, „терпящій жестокія пытки, не властенъ „надъ собою въ томъ, чтобъ могъ говорить „правду. Можно ли больше вѣрить человѣку, „когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели ког„да онъ въ здравомъ разсудкѣ и въ добромъ „здравіи? — Чувствованіе боли можетъ воз„расти до такой степени, что, совершенно „овладѣвъ всею душею, не оставитъ ей боль„ше никакой свободы производить какое ли-

„бо приличное ей дѣйствіе, кромѣ какъ въ „то же время предпринять самый крапчай„шій путь, коимъ бы избѣжать той боли. „Тогда и невинный закричитъ, что онъ ви„новатъ, лишь бы только мучить его пере„стали. И тоже самое средство, употребля„мое для отличенія невинныхъ отъ винова„тыхъ, истребитъ всю между ими разность. „И судьи также будутъ неизвѣстны вино„ватаго ли они имѣютъ предъ собою, или не„виннаго. По сему пытка есть надежное сред„ство осудить невиннаго, имѣющаго слабое „сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силу и крѣпость свою уповающаго (*).“

Унылыя Сибирскія степи, ужасая необитаемостію, не приносили ни малѣйшей пользы, затрудняли сообщенія, и ожидали рукъ. Пространный эпотъ поперечникъ населился, и составилась линія изъ отставныхъ солдатъ. Чрезъ сіе доставлено спокойное водвореніе заслу-

(*) Однако пытка съ начала не вполнѣ была отмѣнена, предоставлялось Сенату, въ случаѣ необходимости поступать въ томъ съ крайнею осторожностію, и въ послѣдствіи времени совсѣмъ уничтожена.

Годъ женнымъ воинамъ, попомство ихъ обезпечило стражу, воздѣланы нивы, прибавилось количество хлѣба въ обращеніи и страна оживилась.

1783. Отъѣздъ свой изъ Москвы, въ началѣ великаго поста, она ознаменовала вторымъ примѣрнымъ человѣколюбіемъ. До того времени родители изверги, предпочитая варварство стыду, чтобы укрыть преступленія, губили чадъ своихъ, раждаемыхъ внѣ брака, при первомъ ихъ появленіи на свѣтъ. Трупы несчастныхъ плавали по рѣкѣ, валялись на поляхъ, къ насыщенію рыбъ и звѣрей, но Екатериною указанъ путь къ ихъ спасенію. Она приказала Бецкому сочинить тому проэктъ; правила разсматривались людьми именитыми Минихомъ, Панинымъ, Шаховскимъ; и по назначеніи у Москвы рѣки мѣста, называемаго Гренатнымъ дворомъ, воздвигнуто великолѣпнѣйшее, примѣчательное въ Европѣ сданіе. — Екатерина рекла невиннымъ: *Вы живы будете*! На фронтонѣ изображался Пеликанъ, съ дѣтьми въ гнѣздѣ, и надпись гласила: *себя не жалѣя питаетъ птенцовъ*. Сіе заведеніе, охраненіемъ здравія, материнскимъ призрѣніемъ превосходитъ всѣ подобные домы въ другихъ Го-

сударствахъ, и пребудетъ въ потомствѣ памятникомъ Екатеринѣ, драгоцѣннѣйшимъ сооружаемыхъ изъ марморовъ, металловъ.

На пути обременяли ее прошеніями; и для единообразнаго порядка, она учредила при себѣ Статс-Секретарей изъ особъ опытныхъ, пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Первыми поступили въ то званіе Тайный Совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники Елагинъ и Тепловъ, за ними слѣдовали Козминъ, Соймоновъ, Храповицкой, Пастуховъ, Турчаниновъ и славный Державинъ. Позволялось надписывать на обверткѣ: въ собственныя руки Ея Императорскаго Величества. Сіи бумаги она, какъ мы видѣли, сама прочитывала и полагала рѣшенія.

Не одна Сибирь, вся Россія была бѣдна жителями, Екатерина нашла ихъ не болѣе 20 милліоновъ, и какъ попечительная матка пчелъ, придумала средство къ наполненію Государственнаго улья. Людовикъ XIV жестокосердою, безразсудною отмѣною Нантскаго законоположенія, лишился до 50 тысячь полезныхъ сѣмействъ; Екатерина напротивъ пригласила иностранцевъ подъ свою державу.

Имъ опведены праздныя мѣспа, даны выгоды, пособія, свобода возвращишься во свояси когда пожелаюпъ, но они предпочли Россію своей опчизнѣ, спекались на кропкій гласъ опъ Сѣвера. Пришельцы принесли съ собою ремесла, капипалы, и необишаемыя спраны покрылись красивыми селеніями. Все разпояніе 460 верспъ опъ Пепровска до Царицина предспавило посреди Россіи Нѣмецкую обласпь. На берегахъ Невы, у Ижоры, при Колпинѣ, близь Спрѣлины, подъ Ямбургомъ, на Сарскосельской дорогѣ, у Аспрахани, Нарвы, Азова, на Кавказѣ, въ Тавридѣ, въ Екаперинославской Губерніи, и другихъ провинціяхъ послѣдовали пошомъ шакія же водворенія Колонисповъ.

Похищенная власпь, скольбы ни была благодѣпельна, всегда оспавляепъ причину къ возмущенію. Спали полковапь, чпо Пресполъ принадлежипъ сыну, а мапь должна полько управляпь царспвомъ до его возмужалоспи, по еспь, возобновилась прежняя мысль Графа Панина. Гвардіи Измайловскаго полка Капипанъ-Поручикъ Иванъ, Кварпемейсперъ Петръ, Ингермоландскаго Поручикъ Семенъ Гурьевы, Измайловской же Поручикъ

Петръ и Коллежской Ассесоръ Алексѣй Хрущовы составили заговоръ, который открытъ при самомъ его началѣ. Сенатъ осудилъ четырехъ изъ нихъ казнить смертію, но Екатерина подписала на докладѣ: *я лучше желаю даровать животъ преступникамъ, дабы чувствовали свой поступокъ во всей гнусности, могли раскаяться.* — Алексѣю Хрущову, виновному лишь въ знаніи о злонамѣреніи, по лишеніи чиновъ велѣно жить въ деревнѣ, не въѣзжать въ столицы, прочихъ отправили ошельмованными въ Якутскъ и въ Камчатку. Вотъ произшествія и дѣйствія Екатерины въ теченіе полутора года.

ГЛАВА III.

Какое дѣйствіе производитъ Правительство на подданныхъ.— Погрѣшительно думаютъ нѣкоторые будто умы, способности измѣнялись. — Тайный Совѣтъ. — Правила чувствія Екатерины.—Ея изреченія.—Письмо къ Цицерониану. — Наставленіе Генералъ Прокурору.—Споръ съ Генералъ Рекетмейстеромъ Масловымъ.—Поступокъ Графа Панина въ Сенатѣ. — Ея поступокъ съ другимъ Графомъ Панинымъ. — Губернскіе Прокуроръ и Стряпчій.— Ея снисхожденія. — Наблюденіе Правосудія.

Правительство уподобляется маятнику въ часахъ, движетъ наши умы, направляетъ ходъ нашъ по своему желанію. Оно указываетъ средоточіе, установляетъ цѣну добродѣтелямъ, порокамъ, и тихими, непорывистыми шагами, кротkими примѣрами непримѣтнымъ вліяніемъ образуетъ сердца. По правительству можно судить о подданныхъ, и по симъ обратно о правительствѣ. Въ Аѳинахъ уважали мудрость, науки, зрѣлища; и Солонъ, Платонъ, Периклъ, Ксенофонтъ, Демосѳенъ, Софоклъ послужили въ томъ образцами вселенной. Въ Спартѣ дозволяли хитрыя кражи, и почти всѣ попаенно крали. Въ Римѣ чтили геройство, великодушіе, бѣдность не унижалась богатствомъ; и Цинцинаты, Камиллы

украшали Капитолію трофеями; Фабіи, Регулы произвольно приносили себя на жертву отечеству; диктаторы призывались отъ плуговъ къ управленію Республикою, и отъ самодержавія опять возвращались къ своимъ нивамъ. Вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ, удѣленіе отъ каждаго по пригоршнѣ пшеницы, почетныя мѣста въ театрахъ, признавались за первѣйшія награды; и Римляне покорили всѣ извѣстные народы. — Въ Карѳагенѣ господствовали вѣроломство, безчеловѣчіе, неблагодарность; и честность, заслуги не имѣли тамъ покрова.

Екатерина была кротка, привѣтлива, милостива; и всѣ старались подражать ей въ томъ, по крайней мѣрѣ по наружности казались добрыми, и услужливыми. Она поощряла къ наукамъ, къ словесности, и открыла многіе пути къ просвѣщенію. Ея правила были столь твердыми, что наперед предузнавали чѣмъ рѣшится такое то обстоятельство.

Если трудно управлять домомъ безъ надежныхъ служителей, то какіе же предстоятъ трудности, препятствія вѣнценосцамъ безъ добрыхъ, опытныхъ совѣтниковъ! Чрез-

мѣрный свѣтъ у трона не озаряетъ отдаленныхъ предметовъ. — Гонимы сироты, сиротцы безъ пропитанія томятся въ мрачныхъ хижинахъ, и кто услышитъ страдальческой ихъ гласъ?—Корыстолюбивые судіи торгуютъ правосудіемъ; и кто обнаружитъ ихъ злодѣянія? — Честный при ограниченномъ состояніи не кидается на злато, жертвуетъ спокойствіемъ благу сограждан, и кто же выставитъ его на поприщѣ отличій? — Кто сообразитъ общественныя нужды, пользы и представитъ ихъ въ истинномъ видѣ? — Кто обнаружитъ ложь такальщиковъ, подлость льстецовъ, и неправыя мнѣнія вельможъ самозванцевъ? Слава Царю, одолѣвающему такія препинанія, и сквозь дебри достигающему своей цѣли!

Погрѣшительно думаютъ нѣкоторые, будто умы, способности людей измѣнились. Мы видимъ (хотя весьма рѣдко) тѣже доблести, тѣже слабости, каковыя существовали при Консулахъ въ Римѣ.

Родятся и въ наши времена Аристиды, Сципіоны, но они подъ спудомъ, съ искусствомъ ихъ отыскать удобно. Екатерина была счастлива въ отличныхъ мужахъ; она нашла

нѣсколько уже приготовленныхъ, какъ то: Остермана, Миниха, Воронцова, Неплюева, Вас. Иван. Суворова, Разумовскаго, Румянцова, Шаховскаго, Трубецкаго, двухъ Паниныхъ, Рѣпнина; другихъ сама образовала: Потемкина, Безбородку, Храповицкаго, героя Суворова и проч. Она дорожила ими, можно сказать, лелѣяла ихъ, и увѣренность, любовь, преданность къ ней разрушались только смертію. Были примѣры, что имѣющіе великія способности, и послѣ нарушенія должностей, вмѣсто взысканій возводились къ отличіямъ. Она замѣчала многихъ еще на нижнихъ степеняхъ, и очищала для нихъ пути.

Чтобъ угодить ей, удостоиться благоволенія, надлежало стать честнымъ, сострадательнымъ, исправнымъ въ своей должности, и восхожденіе къ чинамъ, полученіе орденовъ, безъ именитости рода, безъ покровительства, не встрѣчали преградъ. Она утвердила благородную горделивость и цѣну общаго мнѣнія; явились именитые мужи въ гражданскомъ и воинскомъ званіяхъ, и достоинства ихъ укоренялись ея вниманіемъ, благодарностію. Послѣдовала во всемъ удивительная перемѣна.

Тайный Совѣтъ состоялъ изъ семи или

осьми особъ: Фельдмаршала Разумовскаго, двухъ Паниныхъ, Гр. Зах. Григ. Чернышева, Вице-Канцлера Голицына, Князя Орлова, и Князя Вяземскаго. Тутъ разсуждали о пользахъ Государства вообще, о мирѣ, войнѣ, податяхъ, или облегченіи народа, и о всѣхъ важныхъ предметахъ, но имя совѣта ни при какомъ обстоятельствѣ не означалось.

Сенатъ сохранилъ власть правительственную, и подобно морю, въ которое вливаются тысячи рѣкъ, тысячи родниковъ, былъ средоточіемъ всѣхъ Государственныхъ движеній. Въ немъ среди прочихъ засѣдали: Князь Шаховской, Панинъ, Неплюевъ, Олсуфьевъ, Елагинъ, Волковъ, Тепловъ, Чернышевъ, Рѣпнинъ, Сиверсъ, Кречетниковъ, Чичеринъ, Броунъ и Князь Вяземской. Какое собраніе великихъ людей! Какой красивый рядъ твердыхъ столповъ къ поддержанію Государственной громады! Они были свѣтильниками, образцами для другихъ, и достойны памяти потомства.

Провинціи до нея находились въ безпорядкѣ, въ смѣшеніи, а въ послѣдствіи увидимъ превосходнѣйшее ихъ устройство.

Чтобъ имѣть понятіе о правилахъ, чув-

ствахъ, коими руководствовалась Екатерина, мы представимъ образъ ея мыслей. Она говоритъ такъ:

Самодержавіе есть не въ томъ, чтобъ отнять у подданныхъ естественную свободу, но чтобъ направить ихъ дѣйствія къ величайшему благу.

Въ странахъ, гдѣ человѣчество угнетено, судъ простъ и рѣшителенъ. Гордый Паша выслушиваетъ распрю, и судимый или оправданъ, или наказанъ; но въ Государствѣ просвѣщенномъ, гдѣ жизнь и собственность гражданина священны, требуется основательное разысканіе истинны.

Прямое оскорбленіе Величества есть только злодѣйской умыселъ; не должно наказывать за слова, какъ за дѣйствіе.

Хотите ли предупредить злодѣяніе, сдѣлайте, чтобъ законы благотворили, и чтобъ боялись только законовъ, и ничего болѣе, и чтобъ оные уничтожали бѣдственную свободу вредить ближнему.

Запрещаютъ въ Самодержавныхъ Государствахъ сочиненія язвительныя, но оныя дѣлаются предлогомъ надлежащимъ къ градско-

(*) Сохраненъ ея слогъ.

му чиноправленію, а не преступленіемъ (*). Весьма беречься надобно изысканія о семъ распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе, а сіе ничего инаго не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметъ.

Лучше, чтобъ ободрялъ Государь, а наказывали законы.

Лучшая слава и украшеніе Монарха хорошее мнѣніе о его правосудіи.

Знакъ паденія Государства, когда не оказываютъ почтенія Государю, начальствующимъ; когда не почитаютъ ни старыхъ, ни отцевъ, ни матерей, ни господъ своихъ.

Лучше простить десять виновныхъ, нежели погубить одного неповиннаго (**).

Благо человѣчества, и въ особенности блага моихъ подданныхъ, есть закономъ для моихъ мыслей и для моего сердца.

У меня были хорошіе учители, несчастіе съ уединеніемъ.

Ласкатели твердятъ земнымъ владыкамъ,

(*) Это не ясно.

(**) Повтореніе словъ Петра Великаго.

что народы для нихъ сотворены; но мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ объявить, что мы сотворены для нашего народа.

Если бы я была мущиною, то смерть не дозволила бы мнѣ дослужиться до Капитанскаго чина.

Я хвалю въ слухъ, а браню потихоньку.

О шутахъ и дуракахъ говорила, что первые безчестятъ, а вторые унижаютъ человѣчество, что тѣ для нее презрительны, а послѣдніе жалки.

Къ Цимерману писала она: Мой вѣкъ напрасно меня боялся, я никогда не хотѣла кого либо пугать, а желала быть любимою, если того стою, а *болѣе ничего* (*). Я всегда думала, что всѣ клеветы на меня происходятъ отъ того, что меня не понимаютъ. Я знала много людей, кои были гораздо умнѣе меня, но никогда, ни противъ кого не имѣла злобы, никому не завидовала. Мое удовольствіе и желаніе состояли въ томъ, чтобъ дѣлать всѣхъ счастливыми, но какъ всякой хочетъ быть счастливымъ по своему

(*) Надобно примѣтить что она часто употребляла сіе выраженіе.

понятію, то желаніе мое часто находило въ томъ препятствія, и я того не понимала. Не было зла въ моихъ намѣреніяхъ, а быть можетъ, что я слишкомъ много предпринимала, полагая, что люди способны содѣлаться разсудительными, справедливыми и благополучными. Родъ человѣческій вообще наклоненъ къ безразсудности, и несправедливости съ каковыми качествами нельзя быть счастливымъ. Если бы онъ слушался разсудка; тогда бы и въ насъ Вѣнценосцахъ не было нужды. Я уважаю философію потому, что въ душѣ всегда была любительницею частной свободы человѣка: признаюсь, что такое чувствіе покажется несообразнымъ съ моею неограниченною властію, *однакоже въ Россіи никто не скажетъ, что я волю свою во зло употребляла.* Люблю художества по одной склонности; свои сочиненія почитаю бездѣлками, и они служили мнѣ одною забавою. Въ политическомъ моемъ поведеніи я старалась слѣдовать начертанію, которое мнѣ казалось полезнѣйшимъ для моего Государства, и не тягостнымъ для другихъ. Если бы я знала лучшее предпочла бы оное. Европа напрасно опасалась моихъ намѣреній; они

напротивъ были для нее полезны. Мнѣ часто платили неблагодарностію, и никто не упрекнетъ меня, чтобъ я была неблагодарна. Не рѣдко мстила моимъ непріятелямъ добромъ, или прощая ихъ. Вообще человѣчество имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ.

Прославленные Законодатели Солоны, Ликурги, Юстиніаны, оставили ль намъ такія сужденія? Если бы сіе исповѣданіе заключало въ себѣ одно притворство, одни только слова, то и сіе приносило бы ей честь, а народу пользу. — Но когда находимъ все то совершенно сходнымъ съ ея дѣйствіями, когда во все 34 лѣтнее царствованіе никто не укажетъ противнаго тому, то кто же не согласится, что она была примѣрною Государынею, утѣхою рода человѣческаго.

Въ тайномъ наставленіи Генералъ-Прокурору Князю Вяземскому она между прочимъ говоритъ:

Ничего вреднѣе для общества быть неможетъ, какъ Генералъ-Прокуроръ такой, который къ своему Государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ, равно и для него хуже всего не имѣть отъ Государя совершенной довѣренности, по-

неже онъ по должности своей обязывается сопротивляться наисильнѣйшимъ лицамъ, слѣдовательно власть Государя есть одна его подпора.

Вамъ должно знать съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете, ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать, вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивящее благополучіе и славу Отечества, ничего инаго не желаю какъ благоденствіе моихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечное обхожденіе и откровенность (*).

Въ чемъ вы будете сомнительны, о томъ спроситесь со мною, и совершенно надѣйтесь на Бога и на меня. Я видя таковое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ.

Россійская Имперія есть столь обширна, что кромѣ Самодержавнаго Государя, всякая

(*) Слогъ, ошибки въ правописаніи свидѣтельствуютъ что она сама писала и сочинила.

другая форма правленія вредна ей, ибо всѣ прочія медленны въ исполненіяхъ, и многое множество спрастей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного Государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда, и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову Евангельскому, наемники суть.

Присоединенныя страны непристойно называть чужестранными, а обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше нежели ошибка, и можно назвать достовѣрною глупостію. Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли, и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу.

При опредѣленіи Петербургскимъ Оберъ-Полицмейстеромъ Князя Лопухина, (тогда еще не Князя) она сказала ему: когда вы въ чемъ усомнитесь, докладывайте мнѣ своему Генералъ-Губернатору, если же, по мнѣнію вашему онъ разрѣшитъ погрѣшительно, объяснитесь съ Императрицею (*)

(*) Я слышалъ это отъ покойнаго Князя.

Оказавшіе услуги, достоинства, и удостоившіеся единожды ея благоволенія, находились какъ бы за надежною оградою, никто немогъ имъ уже вредить. Потемкинъ ненавидѣлъ Князя Вяземскаго и Генеръ-Провіантмейстера Маврина, и при всемъ своемъ могуществѣ не успѣлъ лишить ихъ ея довѣренности.

Она не любила льстецовъ, ни хитрыхъ; требовала, чтобъ говорили смѣло, спорили съ нею; уважала тѣхъ, которые это дѣлали, и самолюбіе уступало истинѣ. Она пожаловала 10 тысячь рублей Госпожѣ Веррѣ на покупку дома, которая купчую крѣпость совершила на оный вообще съ мужемъ. По смерти его наслѣдники отыскивали себѣ, (за выдѣломъ части) половину дома, и Сенатъ утвердилъ ихъ право. Екатерина по одному заключенію, что деньги даны женѣ, находила то рѣшеніе несправедливымъ, и поручила Генералъ-Рекетмейстеру Н. И. Маслову разсмотрѣть дѣло. Прошло нѣсколько времени, Масловъ докладываетъ, что Сенатское постановленіе правильно, сообразно съ уставами. — Такъ тѣ уставы глупы, смѣшны, сказала она. — Ваше Величество вла-

спины ихъ перемѣнить, но до тѣхъ поръ никто иначе не долженъ дѣйствовать. — Прeніе продолжалось, и окончилось сими словами: я не хочу, напишите указъ, чтобъ весь домъ принадлежалъ вдовѣ. — Государыня! тѣмъ нарушатся правосудіе, собственность.—Прошу не разсуждать, возразила она, и разкраснѣвшись, засучивая по обыкновенію въ гнѣвѣ рукава, быстро разхаживала по комнатѣ, пила воду. — Масловъ замолчалъ, собралъ бумаги, поклонился и вышелъ. — На другой день предсталъ Масловъ; она приняла его ласково, съ улыбкою, разрѣшала доклады, но о спорномъ обстоятельствѣ не говорила ни слова.— Вотъ Ваше Величество два указа по вчерашнему дѣлу; одинъ по волѣ Царской, другой по законамъ. — Она взглянула на него съ знакомъ одобренія, приняла бумаги, положила въ ящикъ, и при первомъ съ нимъ свиданіи вручила ему подписаннымъ тотъ указъ, который соотвѣтствовалъ представленію Маслова и справедливости (*).

Она ѣзжала въ Сенатъ, садилась на Президентское мѣсто, слушала дѣла, и объ-

(*) Слышалъ отъ самаго Г. Маслова.

являла свои мнѣнія. Однажды привезла новыя правила о соли, и прочла сама. Всѣ Сенаторы вспали съ своихъ мѣстъ, превозносили оныя похвалами, благодарили отъ цѣлаго Сената, одинъ Графъ Петръ Ивановичь Панинъ остался сѣдящимъ, и молчалъ. — Удивленная симъ Екатерина спросила его: Вы, я вижу, Графъ противнаго съ нами мнѣнія? — Такъ, Государыня, но разсуждать мнѣ послѣ сдѣланнаго вами постановленія уже непристойно. — Какая почтенная смѣлость! Какая увѣренность въ Екатеринѣ! Счастлива та страна, гдѣ языкъ правды не робѣетъ въ устахъ! — Нѣтъ, сказала она, это только предположеніе, взгляните, бумага не подписана мною, говорите свободно, я васъ о томъ прошу. — О! когда такъ, позвольте же снова выслушать; всѣ опять усѣлись, и Екатерина читала въ другой разъ. — Графъ возражалъ противъ каждой статьи, она хладнокровно соглашалась, и до того вымарывала, что почти ничего не осталось изъ прославленнаго начертанія. По окончаніи столь примѣрнаго пренія, велѣла придвинуть къ окну двое креселъ, долго разсуждала съ нимъ тихо, и отходя благодарила его за благород-

ство мыслей, за справедливость. Сего еще недовольно, пригласила его къ своему столу, и повезла съ собою. — Теперь сдѣлаемъ разборъ двумъ подвигамъ разныхъ временъ. Петръ Великій грозно встрѣтилъ Долгорукаго; а здѣсь кротость даетъ свободу опровергать ея предположенія.—Тамъ самолюбіе уступаетъ пользѣ съ нѣкоторыми отмѣнами; — здѣсь самолюбіе вполнѣ унижается.–Петръ включаетъ только иныя слова, но сила содержанія не измѣнилась; Екатерина возвратилась съ перемараннымъ своимъ сочиненіемъ.—Долгоруковъ получилъ одну похвалу, Панинъ обѣдалъ даже съ побѣжденною имъ въ мнѣніяхъ Государынею. Отличные поступки надлежитъ разбирать пристально, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ частяхъ; иногда по виду неважное, мало примѣтное обстоятельство или даетъ перевѣсъ, или уменьшаетъ достоинство. Можетъ быть скажутъ, что это притворство, игра только ума, — согласенъ; но пусть лицемѣрятъ, играютъ такъ всѣ владыки, и благоденствіе ихъ подданныхъ будетъ несомнѣннымъ.

Графъ Н. И. Панинъ представитъ намъ иного рода черту великодушія Екатерины. Онъ подавалъ многія причины къ неудоволь-

ствіямъ, не являлся ко Двору; сказываясь больнымъ, разъѣзжалъ по городу и всѣ получаемыя бумаги отсылалъ съ надписью: *Господину Вице-Президенту*. Однимъ словомъ: онъ негодовалъ,—на него сердились. Враги его коварствовали, радовались, клеветали. Случилось, что Англинскій Посланникъ Гарисъ, снискавъ благосклонность Князя Потемкина, преклонилъ его на свою сторону, и Екатерина согласилась на союзъ съ Англіею. Графъ Панинъ съ удивленіемъ узнаетъ о томъ и пишетъ къ ней, что слабость его здоровья не истребила въ немъ любви къ отечеству, къ ея славѣ, и что противно его совѣсти измѣнять истинѣ. Предположенный шрактатъ, продолжаетъ онъ, несоотвѣтственъ пользамъ Государства; соединеніе съ Англіею окажетъ нѣкоторое опасеніе, тогда какъ до нынѣ одно слово Екатерины давало перевѣсъ въ Европѣ, и что вмѣсто подкрѣпленія чуждыми пособіями, одно ея посредничество для общей тишины потребно.—Злоумышлявшіе противъ его, сопротивленіе сіе приписывали упрямству, и думали навѣтами раздражить Императрицу. — Однако они обманулись въ своемъ расчетѣ, Екатерина никогда не смѣ-

шивала личности, съ служеніемъ, съ истинною. Проникнувъ въ важность его представленія, тотчасъ велѣла подвезти карету, и прямо ѣдетъ къ нему. Родственники и чиновники Графа при видѣ ея встревожились, опасались послѣдствій; но гостья, примѣтя хозяина дремлющимъ въ креслахъ, чтобъ не нарушить его успокоенія, прошла тихими шагами въ другую комнату. Поспѣшили разбудить Графа, возвѣстить о неожидаемой посѣтительницѣ. Онъ предсталъ, извинялся, ожидалъ упрековъ, гнѣва, но вмѣсто того приходитъ въ восхищеніе, слышитъ сіи слова: *Графъ ты на меня сердился, я сама была тобою недовольна, но теперь вижу твою преданность къ Государству, ко мнѣ, и пріѣхала тебя благодарить. — Будемъ по прежнему друзьями.* Сіе примѣрное свиданіе послужило основаніемъ вооруженному неутралитету, толико выгодному для нашей торговли, и толико возхваленному Фридрихомъ Великимъ.

Петербургской Губернской Прокуроръ протестовалъ противъ ея именнаго указа, она призываетъ его къ себѣ и грозно вопрошаетъ: *Знаете ли вы важность своего поступка?*—

Знаю, Государыня, но знаю и то, что вы любите справедливость. — Объяснилъ дѣло, она успокоилась, приказала представить оное, разсмотрѣла, согласилась съ нимъ, и похвалила за твердость.

Губернскій Стряпчій Л.....ъ, при неправильномъ отъ нее пожалованіи порожняго на Фонтанкѣ мѣста своему камердинеру Зотову, принадлежавшаго Графу Апраксину, сильно защищалъ собственность, и опровергалъ дарственный указъ. Всѣ страшились за него, но Екатерина прочтя его голосъ, и увѣрясь въ ошибкѣ, отмѣнила свое постановленіе. *Величество смирилось предъ правосудіемъ!*

Приказала она любимому своему камердинеру Попову выбрать въ кладовой часы назначенной цѣны. — Поповъ отвѣчалъ, что нѣтъ у него такихъ. — Не возможно возражала она, чтобъ ты въ такомъ количествѣ могъ всѣ помнить; поди, поищи. — Что шарить попустому, я не вздоръ вамъ говорю. — Принеси же сюда всѣ ящики, я сама осмотрю, когда ты упрямишся. — Шутка это таскать, возиться съ ними? Вамъ хочется изъ пустаго въ порожнее переливать. Случившійся тутъ Князь Орловъ упрекалъ его

въ грубости, а несговорчивый ему сказалъ: еще правда не запрещена; она сама ее требуетъ. Явились ящики, и сколько Екатерина ни искала, не нашла желаемаго. — Тогда торжествующій Поповъ, покачавъ головою, спросилъ: ну теперь кто же правъ Государыня? И она извинилась.

Не находя на своемъ бюрѣ нужной бумаги, она призвала сего же Попова, и велѣла вездѣ искать. Долго разбирали разныя кипы, Екатерина въ нетерпѣніи досадывала, Поповъ хладнокровно съ угрюмостію доказывалъ, что никто съ ея столовъ не крадетъ, и что она сама куда нибудь ее зарыла. Упреки при неудачѣ до того разсердили ее, что она выслала его изъ комнаты. Оставшись одна осматривала каждый листъ, румянецъ игралъ въ щекахъ, наконецъ отыскала. — Поповъ правъ, сказала она, позовите его ко мнѣ, но онъ не повиновался, не шелъ, и пробормоталъ: за чѣмъ я къ ней пойду, когда она меня выгнала. — Послѣдовало другое посольство, объявите ему, говорила она, что досада моя прошла, и уговорите его прійти. — Предсталъ Поповъ, она молвила; прости меня Алексѣй Семеновичь, я предъ тобою ви-

новала, а онъ ей отвѣчалъ: да вѣдь это не въ первой разъ; вы часто отъ торопливости своей на другихъ нападаете; Богъ съ вами, я на васъ не сержусь.

Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичь Лушковъ имѣлъ подъ своимъ вѣденіемъ антики, слитки и подобныя сему вещи. Екатерина уважала его, оказывала большую довѣренность, и всегда безъ росписокъ присылала къ нему куски драгоцѣнныхъ металловъ, рѣдкости. Однажды посѣтя его отдѣленіе, и отворяя шкапы, ящики, забывшись положила ключи въ карманъ. Лушковъ тѣмъ обидѣлся, явился на другой день на ея половину, и просилъ доложить объ немъ. Тотчасъ его впустили, и на привѣтливой вопросъ: что тебѣ надобно Александръ Ивановичь? — Увольненія отъ службы Государыня, отвѣчалъ онъ, — Екатерина удивилась, и желала знать тому причину. — Я, Ваше Величество, дорожу честію, всегда пользовался вашимъ добрымъ обо мнѣ мнѣніемъ; а вчера примѣтилъ, что вы начали меня подозрѣвать, и въ первой разъ взяли къ себѣ ключи; послѣ сего я ни при васъ, ни при другихъ мѣстахъ служить не намѣренъ. — Помилуй, Алек-

сандръ Ивановичъ, я сдѣлала по ошибкою, безъ всякаго намѣренія, извини меня; вотъ тебѣ ключи, не оскорбляйся,— и примиреніе было заключено. Сей Лушковъ, по ея кончинѣ представилъ незаписаннаго въ книгахъ золота и серебра болѣе какъ на 200 т. рублей, и немедленно взялъ отставку.

Строгое наблюденіе правосудія безъ малѣйшаго измѣненія и лицепріятія было врожденнымъ Екатеринѣ. Власть законовъ дѣйствовала, она не вмѣшивалась, не поставляла имъ преградъ, признавала себя только охранительницею оныхъ; при самодержавіи управляла совершенно Монархически, помѣщенныя ею слова въ письмѣ къ Цимерману: *никто не скажетъ, чтобъ я власть мою употребляла во зло,* доказала при всѣхъ случаяхъ. Виновный вельможа не одолѣвалъ просполюдина, не шѣснилъ, не унижалъ человѣчества. Преимущества, награды открывали пути благотворить, а не вредить другимъ.

Княгиня Дашкова упорствовала удовлетворить А. А. Нарышкина за порчу ея свиньями нѣсколькихъ грядъ на дачѣ, требовали, чтобъ внесла деньги, или явилась къ суду; но

она не соглашалась, говоря, что незнакома съ указами. Дошло то до Екатерины, и велѣно ей сказать, что никто ни уклоняться отъ правосудія, ни оговариваться невѣденіемъ не можетъ; и горделивая Княгиня выдержала свиную тяжбу.

Сумароковъ, именитый нашъ писатель, по жалобѣ на него отъ матери, при всемъ благоволеніи къ нему Императрицы, преданъ былъ въ руки правосудія, и она примиреніемъ только прекратила ихъ раздоръ.

Графъ А. С. Строгоновъ, одинъ изъ ея приближенныхъ, выигралъ во дворцѣ, когда еще позволялся шуточный фараонъ, 10 т. рублей; Екатерина, подходя къ столу игроковъ думала, что занимаются картами для забавы, но послѣ узнала противное. На другой день послала къ нему своеручную записку; онъ находился тогда въ Сенатѣ; выбѣжалъ съ восхищеніемъ, и не примѣтилъ надписи. Прежде она означала: *Графу Строгонову*, а тутъ написала: *Г. Сенатору, Графу Строгонову*. Онъ начинаетъ читать при сотоварищахъ, и вдругъ перестаетъ, удаляется отъ нихъ. Находитъ въ ней слѣдующія слова: *стыдно въ вашемъ званіи, лѣтахъ нарушать законы,*

промышлять игрою, обманывать свою Государыню. Какъ громомъ сразили его сіи выраженія, рѣдкіе ея упреки сильно дѣйствовали. Онъ нѣсколько дней оставался подъ гнѣвомъ, и съ трудомъ спискалъ прощеніе (*).

Сынъ сего Графа за оказанную дерзость полицейскому Офицеру получилъ повелѣніе выѣхать изъ столицы.

Ея камердинеръ Сахаровъ по иску на него, отосланъ къ судилищу, дабы близость его къ ней не ослабила законовъ.

Къ другому ея камердинеру Попову (о которомъ уже говорено) пришли крестьяне какого-то Господина съ просьбою купить ихъ, и вносили 15 т. рублей въ пособіе. Онъ доложилъ о томъ Государынѣ, которая приказала напомнить себѣ, когда будутъ совершать купчую, съ намѣреніемъ дать денегъ. Прошло потомъ нѣсколько недѣль, и она спросила его: *а что твоя деревня?* — Открылись споры, Ваше Величество. — О! когда такъ, запрещаю тебѣ эту покупку подъ опасеніемъ потерять мою милость, потому

(*) Я слышалъ о семъ отъ самаго Графа.

что Судьи въ угожденіе тебѣ нарушили бы справедливость.

Одна небогатая дворянка лишилась по утвержденію Императрицы всего своего имѣнія. Несчастная, безъ помощи, предстателей, рѣшилась на отчаянное предпріятіе. Узнаетъ, что въ день Казанской Богородицы Екатерина пріѣдетъ въ Соборъ, идетъ туда, пробирается сквозь тѣсноту, и повергшись на землю, кладетъ предъ Иконою бумагу. Изумленная тѣмъ Екатерина велитъ подать себѣ это писаніе, кладетъ въ карманъ, и по возвращеніи во дворецъ видитъ, что приносятъ на нее жалобу Богоматери. Поспѣшно требуетъ къ себѣ дѣло, прочитываетъ со вниманіемъ, и удостовѣряется въ своей ошибкѣ. — Поручено полиціи отыскать челобитчицу, объявить ей, чтобъ явилась во дворецъ, и та ожидала горестныхъ послѣдствій. — Ввели ее препещущую въ кабинетъ, и въ ту же минуту страхъ претворился въ радость, въ восхищеніе. Императрица приближилась къ ней съ очаровательною улыбкою, и сказала: *простите меня, матушка, за причиненное вамъ невольно огорченіе, и за мою несправедливость. Я человѣкъ, под-*

вержена, какъ и другіе заблужденіямъ, вы правы, я виновата; и вотъ еще подарокъ отъ меня за ваше претерпѣніе (*).

(*) Выигравшему несправедливо тяжбу сдѣлано удовлетвореніе.

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи и другихъ державъ.—Разныя учрежденія.—Кадетской корпусъ, Смольной монастырь. — Екатерининской каналъ. — Отобраніе имѣній отъ монастырей. —Путешествіе въ Остзейскія Губерніи. — Она посѣщаетъ Герцога Курляндскаго. — Убіеніе Принца Іоанна. — Разстройство Польши. — Возведеніе Понятовскаго на Польскій престолъ. — Водвореніе Гернгиттеровъ. — Экономическое общество и другія заведенія. — Дисседенты — Собраніе депутатовъ для новаго уложенія. — Алеутскіе острова. — Злодѣйство Жукова. — Поѣздка въ Москву, врученіе наказа. — Главныя черты онаго.—Мнѣніе о наказѣ.—Предположеніе воздвигнуть ей памятникъ.—Отверженіе сего.—Путешествіе въ Казань.—Приготовленіе мраморовъ для Исакіевской церкви. — Разныя наставленія. — Варварство С.... — Наименованіе Премудрою, матерью Отечества—и отказъ. — Прививаніе оспы. — Благодарность Сената, ея слова. — Хитрости Австріи, Франціи противъ Россіи.

Она нашла Россію безъ дружественныхъ связей. Колоссъ стоялъ въ углу, какъ гранитная скала, не уважалъ свирѣпствующихъ вокругъ дуновеній; всѣ державы посматривали на него изъдалека съ опасеніемъ, и находились въ превожномъ состояніи. Тамъ лилась ручьями человѣческая кровь, тутъ колебалась политическая зыбь, ухищряли другъ на друга, стремились къ пріобрѣтенію чужаго, и теряли свое. Это походило на заразу.

Австрія предъ тѣмъ лишилась Шлезіи, и доходила до крайности. Курфирстъ Баварской, оспоривая Императорское достоинство, подступалъ почти къ самой Вѣнѣ; Марія Терезія удалилась въ Венгрію, собирали для нее въ Англіи складчину, и Герцогиня Марльборугъ предложила ей 100 т. фунтовъ стерлинговъ. Послѣ сего бѣдствія, она вела новую войну съ Фридрихомъ великимъ за Шлезію, въ которой нашла ихъ Екатерина. Марія Терезія сперва радовалась ея воцаренію; ибо отозваніе Россійскихъ войскъ отъ сопротивника облегчило ее въ кровавой борбѣ; но послѣ негодовала за отказъ ей въ содѣйствіи по примѣру Императрицы Елисаветы. Послѣдствія умножали въ нихъ взаимную ходность, и скрытую вражду.

Франція, чувствительно разстроенная отъ долговъ Людовика XIV, отъ необдуманной системы Шотландца Лава, едва начала изцѣлять свои раны, и предприняла двѣ войны съ Пруссіею и Англіею. Фридрихъ II разбилъ Французовъ на голову (въ 1757 году) подъ Росбахомъ. Вскорѣ потомъ Принцъ Брауншвейгской одержалъ надъ ними значительную побѣду подъ Кревелемъ. — Англія уничто-

жила всю ихъ торговлю въ Африкѣ, отняла почти всѣ колоніи въ Америкѣ, и при заключеніи мира оставила за собою мысъ Бретонской, Канаду, Коромандель, Ориксу, и все по лѣвому берегу рѣки Миссисипи, кромѣ новаго Орлеана. — Франція потеряла еще 200 тысячь воиновъ; отъ 300 кораблей остался только одинъ, какъ бы для свидѣтельства, что Франція нѣкогда имѣла флотъ. Людовикъ XV пребывалъ въ безпечности, прельщался красавицами, проводилъ съ ними время въ извѣстной рощѣ для оленей, Помпадуръ раскошествовала, истощала казну. Дворъ Версайльской находился въ униженіи; другіе Дворы дѣйствовали безъ совѣщанія съ нимъ, и увѣдомляли только о событіяхъ. Злоба Франціи на Россію продолжалась отъ дней Петра Великаго за низверженіе Лещинскаго, за одоленіе Карла XII, за вліяніе потомъ Императрицъ Анны, Елисаветы въ дѣла Польши, и всегда дружилась съ нашими сосѣдями Турками, Шведами, платя послѣднимъ за вражду къ намъ деньги. Къ счастью одни происки, коварства безъ силы и уваженія мало причиняли вреда.

Гишпанія, вовлеченная въ войну Шуазе-

лемъ, потеряла много людей, кораблей, денегъ; Англія отняла у нее Флориду, Гавану, Кубу въ Мексикѣ, и Филипинскіе острова, что привело ее въ великой упадокъ.

Португалія еще трепетала отъ ужаснаго, не задолго предъ симъ случившагося землетрясенія въ Лисабонѣ; состояла подъ властію Англіи, сражалась подъ защитою ея съ Гишпаніею, и овладѣла большею частію сего Государства.

Голландія исполняла также волю Англіи, и хотя вмѣсто прежней значительной торговли, занималась только перевозкою товаровъ, но была еще сильна и богата.

Саксонія много пострадала за союзъ съ Австріею; Фридрихъ II плѣнилъ подъ Пирною всю ея армію, изъ 17 т. состоявшую и посѣтилъ Дрезденъ, какъ побѣдитель.

Раздробленная Италія мало значила; Венеція, Генуя лишились торговли и славы.

Прочіе Германскіе Князья придерживались сильныхъ державъ, смотрѣли-кто болѣе обѣщаетъ или даетъ.

Литва, прежде отдѣльная страна, воспользовалась несчастнымъ нашимъ порабощеніемъ отъ Татаръ, завладѣла всею полуден-

ною Россіею, частію Тульской и Орловской Губерній, и рѣка Угра служила границею. По присоединеніи оной къ Польшѣ, наши Великіе Князья въ теченіе пяти столѣтій спорили, стремились къ возвращенію потерянаго; однако дѣла оставались въ прежнемъ видѣ, и это не препятствовало обѣимъ державамъ пребывать въ мирѣ.

Оттоманская Порта забыла побѣды Миниха, гордилась одержанною поверхностію надъ Петромъ Великимъ подъ Прутомъ, но съ тѣхъ поръ загражденная степями, болѣе 20 лѣтъ не тревожила Россіи.

Англія спокойно взирая на ополченія почти всей Европы, радовалась ея ослабленію, и при мирныхъ обстоятельствахъ не упускала благопріятнаго случая обогащаться на ихъ щетъ. Правда, она пожертвовала на то 160 т. воиновъ, великія суммы денегъ; но первые были чуждые наемники, а второе вознаградилось огромными пріобрѣтеніями. Она, какъ мы видѣли, истребила Французской флотъ, нанесла чувствительный ударъ Гишпаніи, подчинила себѣ Голландію, Португалію, разпространила свои владѣнія въ Америкѣ, въ Индіи на 1500 миль, и покорила еще

Гибральтаръ, Минорку. Тогда она начала самодержавно владычествовать надъ морями, и не щадить гиней на вооруженіе дворовъ, на подкупы себѣ друзей. Съ нами не имѣла ни открытой вражды, ни дружественаго союза, соблюдала приличную скромность по выгодной торговлѣ у Архангельска, Кронштада, внутри Имперіи, но иногда потаенно коварствовала.

Швеція, за униженіе Петромъ Великимъ и Императрицею Елисаветою, пылала безполезною досадою, и при всѣхъ подстреканіяхъ, вспоможеніяхъ отъ Версайльскаго кабинета, не смѣла возстать, и въ ожиданіи удобнаго случая, существовала его деньгами.

Данія, устрашенная Петромъ III, полезная намъ только по Зунду, по враждѣ ея съ Швеціею, искала случаевъ угождать Россіи, ожидала отъ нее уступки Голштиніи, и покровительства отъ сильныхъ державъ.

Пруссія разорилась отъ побѣдъ, потеряла 220 т. воиновъ, казна ея истощалась, выпускали фальшивыя монеты, недавно двуглавые орлы парили на спѣнахъ столицы, крѣпостей; необходимость требовала удержать полетъ славы для врачеванія тяжкихъ ранъ.

Фридрихъ недовѣрялъ Франціи, негодовалъ за несоблюденіе условія, къ Австріи питалъ постоянную вражду; Англія отдѣлялась моремъ, мало полезна на сушѣ. Оставалась одна Россія; и онъ, постигнувъ лучше другихъ Екатерину, поспѣшилъ сблизиться съ нею. Императрица нашла въ письмахъ покойнаго супруга похвалы себѣ, перемѣнила объ немъ мысли, и великая вступила въ дружественный союзъ съ великимъ.

И такъ мы имѣли на своей сторонѣ только Данію, несильную для перевѣса, и Пруссію; прочія державы были всегда готовы вредить нашимъ предпріятіямъ.

Екатерина познакомилась съ положеніемъ своей Имперіи, съ духомъ народа, съ распрями и связями другихъ державъ; обширный ея умъ быстро обнялъ весь политической составъ Европы. Россія, признаваемая по одной силѣ первостепенною державою, не пользовалась еще должнымъ уваженіемъ, и Екатерина объяснила истинное ея достоинство. Меня узнаютъ чрезъ пять лѣтъ, писала она вскорѣ по вступленіи на престолъ къ Циммерману, но Геній не дождался того срока, воспарилъ, и обратилъ на себя общее вниманіе.

Сей годъ весьма примѣчателенъ событіями, какъ въ Россіи, такъ въ другихъ странахъ. 1764 / 174

Мудрыя учрежденія слѣдовали неразрывною цѣпью, каждая часть, пройдя чрезъ ея руки, оживлялась, принимала лучшее, прочное образованіе.

До того времени Губернаторы не вѣдали своихъ правъ, самовластвовали къ обидѣ гражданъ, обогащались безстрашно, безотчетно; для нихъ начертаны наставленія.

Торговля находилась въ младенчествѣ; простыя записки замѣняли бухгалтерію; мало выписывали иностранныхъ произведеній; мало было купеческихъ конторъ; и велѣно отправлять молодыхъ людей въ чужіе краи для обученія Коммерціи.

Академія Наукъ получила ободреніе, новое устройство; языкъ нашъ очистился, процвѣлъ, и показались хорошія сочиненія, переводы. Академія Художествъ воспріяла начало; безсмертныя призведенія Рафаела, Кореджіо, Караша, Тиціана, Фидія, Праксителя послужили образцами.

Учреждены Греческой, и Инженерный корпуса. — Въ первой стекались юноши изъ Мореи, Сербіи, съ острововъ; для нихъ не было ино-

го пупи къ просвѣщенію; Аѳины препворились въ пепелище, кучу хижинъ; и отдаленные намъ единовѣрцы содѣлались полезными собратіями. — Второй пригоповилъ искусныхъ людей по сей часпи, каковыхъ мы прежде не имѣли.

Горная часпь предспавляла собою какую-по спранную смѣсь, и управляла сокровищами Сибири на удачу, безъ малѣйшихъ познаніи. Ей даны единообразныя, пвердыя правила, и съ пого времени начались откръшія къ умноженію благородныхъ рудъ.

Кадепской шляхепной, (чпо нынѣ первый) Корпусъ, уже сущесповалъ; кругъ его разширенъ; ему дано иное направленіе. Науки и языки преподавались легчайшимъ образомъ, съ большимъ успѣхомъ. Ограда въ саду, называемая говорящею спѣною, изображала разныя спраны, сполицы, города, рѣки, горы, съ именами Государей по Хронологическому порядку; и дѣпи, гуляя, рѣзвясь, безъ уроковъ и принужденія нечувспвипельно почерпали познанія. Гимнаспическихъ упражненій было много: играли въ мячи, (jeu de peaume) въ особо устроенной для пого галлереѣ, вольпижировали, ѣздили въ манежи, и лазили на вы-

сокія стойки. — Въ театрѣ представляли трагедіи, комедіи; и надлежитъ замѣтить, что Россійскія Талія и Мельпомена въ первой разъ показались въ нашемъ отечествѣ при семъ разсадникѣ благородныхъ юношей (*).— На балы ихъ собирались родственники, и посторонніе; ихъ вывозили въ сады, на гулянья; они заимствовали свѣтское обращеніе, становились ловкими, и воспитаніе въ корпусѣ вообще предпочиталось частному воспитанію богатѣйшихъ семействъ. Въ семъ корпусѣ образовались: Румянцовъ, Панинъ, Авторъ Семиры и другіе именитые мужи.

Женской полъ оставался безъ призрѣнія отъ правительства, и Екатерина, всегда милостивая къ дворянскому сословію, оказала и по сему предмету новое ему благодѣяніе. Учредила при Смольномъ монастырѣ, домъ воспитанія дѣвицъ, превосходнѣе и великолѣпнѣе Сенп-Сирскаго, близь Версайлля. Начертала правила изящныя предусмотрительныя; главное надъ нимъ начальство поручила Бецкому, мужу знаменитому, просвѣщенному; родители, знатные и бѣдные спѣшили пору-

(*) Тогда еще не было Россійскаго театра.

чить дѣтей своихъ покрову Императрицы. Тамъ они, отдаленныя отъ свѣтской суеты, среди Богопочитанія, тишины, при чистой нравственности научались языкамъ, знаніямъ, рукодѣліямъ и хозяйству. Екатерина посѣщала ихъ, любовалась невинностію, своимъ произведеніемъ, признавала ихъ своимъ сѣмействомъ; и питомицы сбѣгались къ ней, цѣловали ея руки, бросались на шею, называли своею матерью и, приосѣняемыя ея мудростію, возрастали къ счастію сѣмействъ. Сколько дѣвицъ бѣдныхъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ воспитанію, чрезъ сіе поступило въ общество отлично воспитанныхъ! Сколько видимъ достойныхъ женъ и матерей! Израненный офицеръ, мелкопомѣстный дворянинъ, въ палатахъ и въ хижинѣ возсылали мольбы объ ней къ небесамъ, получая щедроты равныя; Россія гордилася дѣяніями вѣнценосицы (*).

Заведены школы по городамъ.

Рѣчки въ Петербургѣ сякли въ тинѣ, безобразили городъ; и на нихъ обращено вниманіе. Начально вырытъ Екатерининской ка-

(*) Вскорѣ потомъ учреждено при Смольномъ монастырѣ особое отдѣленіе для мѣщанскихъ дочерей.

палъ, его облекли роскошно гранитомъ, къ красѣ, пользѣ города и къ удивленію иностранцевъ (*).

Взирая съ негодованіемъ, что монашествующіе Анахореты, въ противность смиренному, полумертвому своему званію, бладѣли къ обидѣ Государства и бѣлаго духовенства, многими волостями, рѣшилась съ твердостію на то, къ чему Петръ Великій прикасался съ осторожностію, и что предпринималъ было Петръ III (**). Доказавъ имъ неправильность стяжанія, она отдавала обстоятельство на собственный ихъ судъ, и слова ея весьма примѣчательны. „Отъ чего происхо„дитъ, говорила она, что вы равнодушно со„бираете безчисленныя богатства, которыя „даютъ вамъ способы жить въ преизбыто„чествѣ благъ земныхъ, что совершенно про„тивно вашему званію? — Вы преемники Апо„столовъ, которымъ повелѣлъ Богъ вну„шать людямъ презрѣніе къ богатствамъ, и „которые были очень бѣдны. Царство ихъ

(*) Потомъ отдѣлали Фонтанку.

(**) О семъ также помышлялъ и Вел. Князь Іоаннъ Васильевичъ, смотри Карамзина томъ VI.

„было не опъ міра сего, вы меня понимаете. „Я слышала эту истинну изъ устъ ва„шихъ. — Какъ можете вы, какъ дерзаете, „не нарушая должности, и терзаясь въ со„вѣсти обладать огромными имѣніями, кото„рыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными „Царямъ? — У васъ болѣе подвластныхъ.— „Вы просвѣщены, не можете не видѣть, „что все то похищено у Государства; вы „не можете владѣть ими, не будучи несправе„дливыми. Вы должны чувствовать, что „вамъ болѣе всѣхъ надлежитъ наблюдать „справедливость; но когда нарушаете ее, то „тѣмъ болѣе виновны, потому что вы на„ставлены въ должности званія своего. Если „вы повинуетесь законамъ, если вы вѣр„нѣйшіе мои подданные, то не умедлите воз„вратить Государству все то, чѣмъ вы не„правильнымъ образомъ владѣете.“—Всѣ указы, манифесты Екатерины исполнены самыхъ сильныхъ, ясныхъ выраженій, сіе же предложеніе очевидно по слогу, по мыслямъ сочинено ею. Духовенство убѣдилось въ необходимости повиноваться, и 910,866 душъ умножили доходъ Имперіи. Отдали ихъ въ управленіе, вновь учрежденной Коллегіи Экономіи;

монастыри раздѣлены на степени, иноки усерднѣе обратились къ олтарямъ; отпускали имъ ежегодно опредѣленныя по штату суммы, а пріобрѣтеніе отъ оставшагося за тѣмъ поступило на помощь человѣчеству. Показались инвалидныя, богадѣльныя отдѣленія, больницы; и отъ успокоенія вдовъ, сирыхъ, увѣчныхъ воскурились фиміаны угоднѣйшіе Вседержителю, нежели отъ пресыщенія монаховъ.

Сіи подвиги, прямо Государственные, которые принесли бы честь всякому долголѣтнему царствованію, совершены въ два года, и Екатерина говорила объ нихъ: *мое маленькое хозяйство идетъ довольно хорошо.* Чтобъ дать успокоеніе уму, освѣжить его, чтобъ ознакомиться съ подданными, съ ходомъ дѣлъ на мѣстахъ, она предприняла путешествіе въ Осп-Зейскія Губерніи, и 20 Іюня, въ 6 часовъ по полудни оставила столицу. Въ походныхъ дворцахъ, ожидали ее завтраки, обѣды; обыватели, удивленные великолѣпнымъ шествіемъ, любопытные увидѣть мудрую Государыню, толпились на дорогѣ, на улицахъ, преклоняли колѣна, взлѣзали на крыши, заборы; и милость сопутствовала, блаженство текло во слѣдъ за нею.

Повсюду торжественныя врата, встрѣчи отъ начальствъ, войскъ, звонъ въ колокола, пушечная пальба, и благородныя дѣвы устилали путь цвѣтами. Въ Нарвѣ она осматривала славный водопадъ, устроенную тутъ пильную мельницу, и провела весь день.—Къ полуночи достигла Ревеля; городъ былъ иллюминованъ, пять полковъ стояли въ парадѣ съ вождемъ своимъ Румянцевымъ, и въ Екатеринендалѣ учредилось ея обиталище. Дворянство, рыцарство, купечество, мѣщанство оказывали на перерывъ усердіе, давали балы, маскерады; при столѣ служили ей дочери Бургомистровъ, Рацмановъ, гремѣла музыка, пѣли нарочно сочиненныя кантаты, кадрили окружали ея особу, и при ночной темнотѣ среди яркаго въ домахъ освѣщенія на ратушѣ горѣло имя Екатерины.

Градское общество приготовило богатый обѣдъ на 90 приборовъ, Бургомистры стояли за ея креслами, при возглашеніи за здравіе 101 выстрѣлъ подтвердилъ согласное желаніе; въ вечеру открылся балъ. Потомъ Екатерина на конѣ, въ мундирѣ явилась въ лагерь, пять пѣхотныхъ; Кирасирской и Карабинерной полки подъ предводительствомъ

Румянцева производили примѣрное сраженіе; въ ставкѣ была трапеза, и Румянцовъ, обреченный содѣлаться героемъ, удостоился особеннаго благоволенія. Остальное время протекло въ посѣщеніи храмовъ, въ обозрѣніи крѣпости разрушеннаго Ивана города, въ говореніи рѣчей, въ допущеніи гражданъ къ рукѣ, и по шестидневномъ пребываніи, она 30 Іюня поплыла на кораблѣ св. Климента къ Балтійскому порту.

Тамъ посѣдѣвшій подъ лаврами Миних, представилъ морской бой, угостилъ обѣдомъ на самомъ берегу, и звукъ трубъ, литавръ, крики *ура*! съ корабельныхъ, галерныхъ мачтъ привѣтствовали путешественницу.

Въ Перновѣ встрѣтили ее: Магистратъ у порома, священство при церквахъ, на другомъ берегу Комендантъ поднесъ на блюдѣ ключи городскіе, мѣщанская рота отдала честь, она слушала литургію въ гарнизонной церкви, и 5 Іюля отправилась далѣе.

На послѣдней станціи къ Ригѣ, гдѣ былъ ночлегъ 9 Іюля, предстали Генералъ-Губернаторъ Броунъ, Фельдцейхмейстеръ Вильбоо, Графъ Чернышевъ, гвардіи Маіоръ Графъ Гр. Григ. Орловъ, и знатнѣйшіе дворяне. При-

мать приняла званіе Великой Княгини, и правительницы, а супруга своего сдѣлала Генералиссимусомъ. Бразды Имперіи въ рукахъ неопытныхъ ослабли, зависть, корысть волновали дворъ; Остерманъ умѣлъ удалить отъ совѣтовъ Миниха, Головкинъ возсталъ на Остермана, державный былъ въ колыбели; народъ негодовалъ на иноземныхъ владыкъ, на иное ихъ вѣроисповѣданіе, на борьбу вельможъ, на безпорядки, и все предвѣщало измѣну, бунтъ.

Великая Княжна Елисавета Петровна, имѣя большее право на достояніе отъ родителя, воспользовалась смутными обстоятельствами, свергнула съ престола пришлое семейство, и послала правительницу, супруга ея, и невиннаго Іоанна на заточеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость (*).

Такимъ образомъ Іоаннъ, не понимая ни обреченнаго ему величія, ни угоднованнаго бѣдствія, переселился изъ Царскихъ чертоговъ въ унылую темницу, и чрезъ то потерялъ послѣднее благо — вольность. — Онъ

(*) Миниха, Остермана, Головкина, взаимно враждовавшихъ, послали въ ссылку.

возрасталъ въ грубомъ невѣжествѣ, не умѣлъ ни читать, ни писать, и Комендантъ имѣлъ предписаніе въ случаѣ насилія къ освобожденію плѣнника, лишить его жизни (*).

Екатерина нашла Іоанна въ семъ положеніи, не могла уступить ему скипетра, содѣлаться его подданною. Допущенная до него закоснѣлость представляла его уже неспособнымъ, и народъ дорого бы заплатилъ за тщеславное великодушіе. — Дарованіе ему свободы послужило бы къ безпрерывнымъ опасеніямъ, тревогамъ, бунтамъ.—Иногда рожденіе есть природнымъ несчастіемъ! Оставалось одно къ облегченію его участи, что и было исполнено, опредѣлили лучшее ему содержаніе.

Смоленскаго полка Подпоручикъ Василій Мировичь, обольстясь прежними примѣрами, предпринялъ измѣною проложить себѣ путь къ почестямъ, богатству. Онъ подговорилъ нѣсколько Офицеровъ, до ста солдатъ, и при вступленіи съ ними во внутренной караулъ

(*) Императрицѣ Елисаветѣ предлагали вступить съ нимъ въ супружество, чтобъ тѣмъ уничтожить на будущее время возстанія всякаго рода.

ближась къ Ригѣ, Екатерина пересѣла изъ дорожной въ парадную карету, впереди ѣхали двѣ конныя городскія роты при играніи на трубахъ, при звукѣ литавръ; у колесъ скакали Генералъ-Адьютантъ, Шталмейстеръ, Генералы, позади слѣдовали Штатс-дама Фрейлины, вся свита, и замыкалъ шествіе Кирасирской эскадронъ. — На лѣстницѣ Рыцарскаго дома встрѣтили ее Герцогъ Курляндскій Биронъ, ею возведенный къ владычеству, съ супругою своею; Ланд-Маршалъ шелъ съ серебрянымъ жезломъ. — За обѣдомъ на 80 приборовъ, служили ей подъ богатымъ наметомъ Ландмаршальша, и три Линдраши. — Каждый день очередовались празднества, и каждый день знаменовался благоволеніемъ отъ Императрицы, искреннею любовію отъ гражданъ. Купечество также угощало обѣдомъ, къ которому Екатерина отправилась съ своею свитою пѣшкомъ, среди стѣснившихся съ обѣихъ сторонъ гражданъ. Тутъ гремѣла музыка, пѣли хоры, подносили стихи, вѣнки изъ розъ, а послѣ стола, на биржѣ данъ былъ концертъ. — Въ 14 верстахъ отъ города войска, подъ начальствомъ Фельдмаршала Бутурлина, стояли въ

лагерѣ, Екатерина поѣхала туда, и смотрѣла изъ ставки ихъ маневры. — Герцогъ убѣдилъ удостоить его посѣщеніемъ въ Митавѣ, и блистательный пріемъ свидѣтельствовалъ живѣйшую признательность къ виновницѣ его счастія (*). Онъ и сыновья его препровождали ея карету верьхами; на границѣ въ богатомъ шатрѣ ожидали ее высшіе чиновники Герцога, и Екатерина при вступленіи въ оной къ уготовленному завтраку возложила Андреевской орденъ на старшаго Принца. За двѣ версты отъ Митавы находились богатые екипажи Герцога, расположившійся тутъ Сибирской полкъ сдѣлалъ на караулъ съ барабаннымъ боемъ, съ преклоненіемъ знаменъ, ескадронъ Лейб-Кирасировъ очищалъ путь, пушечная пальба не умолкала, и обрадованные Курляндцы бѣжали ко дворцу, кричали *виватъ!* Герцогиня встрѣтила гостью у крыльца; потомъ представлялись ей и подходили къ рукѣ знатнѣйшія особы обоего пола. За раскошнымъ обѣдомъ, при питіи за здра-

(*) Биронъ возвращенъ былъ изъ сылки безъ возстановленія по прежнему; Екатерина отдала ему Герцогство.

віе Екатерины, раздался громъ пушекъ, барабановъ; когда же она привстала съ кубкомъ въ рукѣ, чтобъ пожелать здоровья хозяевамъ, Герцогъ, Герцогиня, ихъ дѣти вскочили съ своихъ мѣстъ, и съ колѣнопреклоненіемъ благодарили за честь. Возвращеніе въ Ригу послѣдовало въ тотъ же день. Герцогъ съ своею свитою по прежнему ѣхалъ верхомъ у кареты, сынъ его Петръ бросалъ народу деньги, и была выбита медаль на сей достопамятный случай. Эхо пушекъ, громкія восклицанія долго отзывались во слѣдъ, и она уже въ 1 часу ночи вступила въ свои чертоги. Потомъ Екатерина отправилась въ шлюпкѣ къ оспровамъ: Подороку, Селекосу, и за успѣшное разчищеніе Двины изъявила благоволеніе. Наконецъ балы, маскерады, суетливость гражданъ пресѣклись; Герцогъ вторично пріѣхалъ откланяться и благодарить за здѣланную ему честь; знаменитая гостья удалилась изъ Риги 16 Іюля. Сіе путешествіе продолжалось мѣсяцъ и шесть дней.

Императрица принужденно казалась спокойною, дабы не помрачить общихъ радостей; она получила здѣсь прискорбное донесеніе о умерщвленіи въ Шлиссенбургѣ Принца Іоанна.

Извѣстно, что старшая племянница Петра Великаго Екатерина Іоановна вступила при немъ въ супружество съ Герцогомъ Мекленбургскимъ, а потомъ дочь ея бракосочеталась съ Антономъ Урлихомъ Герцогомъ Брауншвейг-Люнебургскимъ. Императрица Анна вызвала сію племянницу свою въ Петербургъ, чтобъ объявить ее наслѣдницею, нарекла ее своимъ именемъ — Анною; но предъ кончиною перемѣнила намѣреніе, назначила сына ея преемникомъ престола подъ попечительствомъ матери вмѣстѣ съ Бирономъ; и несчастный Принцъ Іоаннъ, бывшій еще въ колыбели, провозглашенъ Императоромъ. Биронъ, обыкшій дѣйствовать произвольно, отстранилъ отъ дѣлъ Урлиха, присвоилъ себѣ всю власть, возмечталъ женить сына своего на Великой Княжнѣ (*), дочь выдать за Голштинскаго Герцога, и подчинить себѣ Россію.— Хитрый Графъ Минихъ, не потерпя первенства надъ собою, вразумилъ мать младенчествующаго Императора избавиться опекунства, и горделивый, самодержавный за часъ предъ тѣмъ Биронъ отправленъ въ ссылку. Тогда

(*) Елисаветѣ Петровнѣ.

мать приняла званіе Великой Княгини, и правительницы, а супруга своего сдѣлала Генералиссимусомъ. Бразды Имперіи въ рукахъ неопытныхъ ослабли, зависть, корысть волновали дворъ; Остерманъ умѣлъ удалить отъ совѣтовъ Миниха, Головкинъ возсталъ на Остермана, державный былъ въ колыбели; народъ негодовалъ на иноземныхъ владыкъ, на иное ихъ вѣроисповѣданіе, на борьбу вельможъ, на безпорядки, и все предвѣщало измѣну, бунтъ.

Великая Княжна Елисавета Петровна, имѣя большее право на достояніе отъ родителя, воспользовалась смутными обстоятельствами, свергнула съ престола пришлое семейство, и послала правительницу, супруга ея, и невиннаго Іоанна на заточеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость (*).

Такимъ образомъ Іоаннъ, не понимая ни обреченнаго ему величія, ни уготованнаго бѣдствія, переселился изъ Царскихъ чертоговъ въ унылую темницу, и чрезъ то потерялъ послѣднее благо — вольность. — Онъ

(*) Миниха, Остермана, Головкина, взаимно враждовавшихъ, послали въ ссылку.

возрасталъ въ грубомъ невѣжествѣ, не умѣлъ ни читать, ни писать, и Комендантъ имѣлъ предписаніе въ случаѣ насилія къ освобожденію плѣнника, лишить его жизни (*).

Екатерина нашла Іоанна въ семъ положеніи, не могла уступить ему скипетра, содѣлаться его подданною. Допущенная до него закоснѣлость представляла его уже неспособнымъ, и народъ дорого бы заплатилъ за тщеславное великодушіе. — Дарованіе ему свободы послужило бы къ безпрерывнымъ опасеніямъ, тревогамъ, бунтамъ.—Иногда рожденіе есть природнымъ несчастіемъ! Оставалось одно къ облегченію его участи, что и было исполнено, опредѣлили лучшее ему содержаніе.

Смоленскаго полка Подпоручикъ Василій Мировичь, обольстясь прежними примѣрами, предпринялъ измѣною проложить себѣ путь къ почестямъ, богатству. Онъ подговорилъ нѣсколько Офицеровъ, до ста солдатъ, и при вступленіи съ ними во внутренной караулъ

(*) Императрицѣ Елисаветѣ предлагали вступить съ нимъ въ супружество, чтобъ тѣмъ уничтожить на будущее время возстанія всякаго рода.

крѣпости, немедленно устремился къ совершенію злаго своего замысла. Послѣдовало сопротивленіе, дрались на крыльцѣ, въ коридорѣ темницы; и Комендантъ, одолѣваемый превосходнымъ числомъ, рѣшился исполнить данное ему лѣтъ пятнадцать тому назадъ повелѣніе— убилъ Іоанна. Вѣсть о томъ разнеслась, загремѣли по улицамъ барабаны, собрался весь гарнизонъ; и Мировичъ съ сообщниками покорились необходимости, взяты подъ крѣпкую стражу. Преступленіе подлежало смертной казни, Екатерина долго колебалась пролить кровь, но правосудіе превозмогло; и Мировичу на Петербургской сторонѣ, отрубили голову, 15 Сентября. Прочихъ изъ соучастниковъ — Офицеровъ осудили въ Сибирь, и 58 солдатъ прогнали сквозь строй.

Ненавистникъ славы Екатерининой, упитанный черною желчью писатель Кастера, претворяя каждый похвальный ея подвигъ въ предосудительный, не преминулъ дать и сему событію нелѣпый, коварный толкъ. Онъ увѣряетъ, что Екатерина научила Мировича сдѣлать то, съ обѣщаніемъ награды. — Если бы Г. Кастера, примирясь съ совѣстью, хотя не много сообразился съ разсудкомъ, съ

обстоятельствами произшествія, не изрыгнулъ бы конечно столь постыдной для себя клеветы. Іоаннъ осужденъ на заточеніе не ею; находился въ ономъ уже 23 года; при низложеніи его скорѣе можно было ожидать возмущенія. — Не предстояло опасенія Екатеринѣ отъ затворника; — что мѣшало переселить его въ Петербургскую крѣпость, подъ собственный надзоръ, и оставлять его по прежнему въ Шлиссельбургѣ? — На что ей нужна была его смерть? — Не ужели не придумали бы мѣръ осторожности? — Какимъ образомъ за условленную услугу отсѣкли Мировичу голову, вмѣсто должной награды? — По крайнѣй мѣрѣ открыли бы ему средство къ побѣгу за границу; нашлибъ средство произвесть тоже самое дѣйствіе безъ огласки, возмущенія. — Наконецъ какимъ образомъ никто еще до нашихъ дней не слыхалъ въ Россіи о проповѣдуемомъ Касперою? Вотъ какъ пишутъ Исторіи, и приводятъ къ сомнѣнію легкомысленныхъ читателей!

Польша являлась въ великомъ разстройствѣ, Король не имѣлъ власти, дворянство своевольствовало, пользовалось правомъ иногда воевать противъ Короля (Рокошь); на

сеймахъ ругались, дрались, одинъ пропивный голосъ (liberum veto) разрушалъ созванное собраніе, всѣ пренія; народъ былъ безъ торговли, промышленности, безъ внутренняго, равно и внѣшняго огражденія. Поляки, говоритъ иностранный писатель, носили на самихъ себѣ отпечатокъ разрушенія своей отчизны. Республика ихъ походила на горючее вещество, которое ожидало первой искры къ воспламененію. Одно число подданныхъ не составляетъ еще силы, надобно чтобъ они душами принадлежали Государству, сливались въ твердое тѣло, признавали бы уставы свои священными, были бы ими покровительствуемы, и чтобъ они, подчиненные безъ отягощающаго ига, свободные безъ своевольства, довольствовались жребіями подъ сѣнію увѣренности. Есть царства, коихъ прочность надежна, есть напротивъ другія, которыхъ близкое паденіе очевидно.

Россія болѣе пяти сполѣтій воевала съ Литвою, по присоединеніи же оной къ Польшѣ, терпѣла отъ обѣихъ многія обиды, притѣсненія. Со временъ Петра Великаго обстоятельства перемѣнились; Россія начала имѣть вліяніе въ Польскія дѣла. Му-

дрый Государь свергнулъ Лещинскаго, возведеннаго на престолъ Карломъ XII, подкрѣпляемаго притомъ зятемъ своимъ Лудовикомъ XV, и возстановилъ Августа II. Въ 1727 году Россія, подъ предлогомъ, что вдовствующая Герцогиня Анна Іоанновна объявляетъ нѣкоторое притязаніе къ странѣ, изгнала изъ Митавы, избраннаго всею Курляндіею къ правительству, Морица,—побочнаго сына Августа II. Императрица Анна способствовала Августу III стать Королемъ Польскимъ.

Екатерина, утвердя Бирона Герцогомъ, хотѣла, по примѣру предшественниковъ, дать уже Короля Польшѣ. Она сообщила ту мысль вѣрному союзнику Фридриху II, который одобрилъ намѣреніе, велѣлъ своему Министру, держать нашу сторону. Дворы Вѣнскій и Версайльскій, въ чаяніи угожденіемъ отвлечь ее отъ тѣснаго союза съ Фридрихомъ, обѣщали не противиться, и уполномоченные отъ нихъ, перваго Мерси, второго Маркизъ Паульми, объявили, что ихъ Государи не мѣшаются въ это дѣло.—Собрался сеймъ въ Варшавѣ, войски наши приближились, Поляки сперва спорили, горячились, потомъ утихли, и по

Годы желанію Екатерины, 27 Августа единогласно избрали Станислава Понятовскаго.

Тогда всѣ Кабинеты, обратили полное вниманіе на Екатерину, наружно оказывали пріязнь, а внутренно негодовали за ея преимущество надъ ними, совѣщались о преградахъ ея предпріятіямъ на будущее время. Она, не уважая ихъ замысловъ, управляла спокойно своимъ, такъ называемымъ, *маленькимъ хозяйствомъ*. Сколько послѣдовало славныхъ учрежденій, счастливыхъ перемѣнъ въ Россіи!

1765. Гернгиперы или Моравцы, Цицендорфцы, Евангелическіе братья, по примѣру прежнихъ выходцевъ, прислали отъ себя депутатами Лайрица и Лоренца съ прошеніемъ позволить имъ завести свою колонію. Отвели плодоносную степь близъ Царицына, на берегу Волги, и глухая необитаемость превратилась въ прелестное мѣстечко, нареченное Сарептою. Воздвиглись великолѣпныя зданія въ три яруса и окружили правильныя площади, явились виноградные сады, разныя мастерства, рукодѣлія, табачное растеніе, отличныя мѣльницы, пивоварни, магазейнъ съ роскошными вещами, хорошая гостинница для проѣзжающихъ, путешествующихъ; горчица ихъ почи-

тается первѣйшей доброты и Сарепта превосходитъ б[illegible]шую часть нашихъ уѣздныхъ городовъ, даже главнѣйшую въ Европѣ Гернгипутерскую к[illegible]нію Цейстъ, близъ Утрехта. По совершеніи почти 600 верстъ, глаза долго не вѣрятъ неожидаемому появленію; любопытные находятъ тутъ устройство во всѣхъ частяхъ, какую то пріятную монастырскую тишину, сладкое уединеніе посреди согласнаго, молчаливаго братства, притомъ благорасположенный климатъ, именитую рѣку, и все потребное къ жизни. Наскучившій суетою міра, ласкателями, лицемѣріемъ, безразсудными желаніями, не будетъ сожалѣть о водвореніи своемъ въ Сарептѣ.

Составилось Экономическое Общество подъ Императорскимъ покровительствомъ, даны ему деньги на покупку дома, и первѣйшія особы вступили въ члены. Сей руководитель хозяйства, сообщаетъ о новыхъ открытіяхъ, доставляетъ чертежи—машинамъ, земледѣльческимъ орудіямъ и тому подобное; чѣмъ болѣе то общество старѣетъ, тѣмъ болѣе зеленѣетъ, и подготовляетъ созрѣваніе всѣхъ отраслей домостроительства.

Учрежденъ Егерскій корпусъ.

Изданъ регламентъ флоту и Адмиральтейству.

Сочиненъ уставъ о числѣ арміи, о лагеряхъ, караулахъ и прочемъ.

Учрежденъ первый фарфоровый заводъ въ Россіи близь Петербурга.

Устроены богадѣльни въ Петербургѣ, и бѣдность призрѣна. —

До того времени всѣ владѣли землями, или съ потерею собственнаго, или съ обидою другимъ. Сильные отнимали у безгласныхъ сосѣдей участки, дѣлали на нихъ поселенія, рубили ихъ лѣсъ; случались наѣзды, драки, смертоубійства. Права по купчимъ крѣпостямъ оставались недѣйствительными, границы не указанными, давали управу въ однихъ недавнихъ захватахъ, по старымъ же искамъ тяжбы длились по сту лѣтъ, и переходили отъ дѣдовъ къ внукамъ. Опасались покупать деревни, и цѣны онымъ отъ неизвѣстности и неувѣренности состояли самыя низкія. Опредѣлено межеваніе во всей Имперіи; казна уступала свои поля, угодья, все лишнее пропивъ выписей, грамотъ неспорщикамъ, довольствующимся прежнимъ обладаніемъ безъ новаго припязанія къ сосѣдямъ;

и жертвуя своимъ, желала только общаго спокойствія. Правила начертаны самыя ясныя, положительныя и почитаются изъ лучшихъ въ нашемъ законоположеніи, чему служитъ доказательствомъ, то, что въ теченіе 66 лѣтъ, мало было пополненій, и важныхъ перемѣнъ. Ибо въ теоріи правъ стоитъ только развернуть книгу, и найдешъ къ развязкѣ приличную статью. Межеваніе надлежитъ признать благодѣтельнѣйшимъ и премудрымъ дѣяніемъ Екатерины. Годы

Дѣла въ Польши не могли оставаться въ порядкѣ, желаемомъ Императрицею; ибо какая страна непобѣжденная, а только на время усмиренная, захотѣла бы подчиниться чуждой опекѣ, и безмолвно носить возложенное иго? — Лишь исполнили предписанное, лишь войска наши удалились, открылся ропотъ, и вспыхнуло подготовленное пламя. — Составились конфидераціи, и придумали въ досаду Екатеринѣ притѣснять посреди себя Дисседентовъ, то есть исповѣдающихъ не Католическую вѣру. Исповѣдающіе Греческую вѣру прибѣгли къ Екатеринѣ, которая объявила себя ихъ защитницею, Лютеране, Калвины къ дворамъ Лондонскому, Берлинско- 1766.

му, которые безъ горячаго участія, довольствовались мудрыми предписаніями.

Екатерина, по склонности ко всему великому, необыкновенному новымъ предпріятіямъ изумила прочія державы. Она видѣла, что уставы наши смѣшаны, противорѣчивы отъ частныхъ измѣненій, не имѣютъ разсудка въ наказаніяхъ, слишкомъ строги, не сообразны ни вѣку, ни достоинству народа; и сама начертала славный Наказъ. Для разсмотрѣнія онаго, для составленія проэкта будущему уложенію, велѣно созвать Депутатовъ отъ всѣхъ провинцій, отъ всѣхъ народовъ и сословій въ Москву, и учредить Коммиссію. Мы о семъ скажемъ ниже.

Прочія полезныя устройства не прерывались, каждая часть улучшалась, или созидалась.

Издана инструкція полкамъ, о непремѣнныхъ ихъ квартирахъ.

Заведены запасные хлѣбные магазины, въ казенныхъ волостяхъ, и тѣмъ отвращена опасность отъ голода.

Умножены почты въ разныхъ мѣстахъ.

Напечатана должность Сенатскаго Оберъ-Секретаря.

Все[illegible]пельно обнародованное поз-
[illegible]ять каждому свои возраже-
[illegible]на поднесенный частнымъ
[illegible]о банкѣ. Сіе доказываетъ,
[illegible]е опвергала совѣтовъ, и
[illegible]хъ.
[illegible]е острова а чрезъ нихъ
[illegible]о и она своеручно пи-
[illegible]шему въ томъ краѣ: раз-
[illegible]ь когда тамъ Европейцовъ,
или раз[illegible] судна; чтобъ наши промыш-
ленники обходились съ жителями дружелюб-
но, безъ обмана, притѣсненіи.

Въ семъ году совершилось ужасное преступ-
леніе, нѣкто Жуковъ, обще съ женою убилъ
свою мать и сестру для спяжанія имѣнія, и
послѣдовало наказаніе соотвѣтственное зло-
дѣянію. Ихъ водили по городу босоногихъ, въ
оковахъ, въ посконныхъ свитахъ, съ разпущен-
ными волосами, съ свѣчами въ рукахъ; священ-
никъ шелъ впереди ихъ. Они останавливались въ
трапезахъ храмовъ, съ амвона возвѣщалось со-
дѣянное ими, были сочинены особыя Ектеніи,
особая объ нихъ молитва, и выставляемые на-
позоръ сіи преступники просили у народа проще-
нія. Таковое возмездіе достойное варварска-

Годы го поступка, способно прив[illegible]
и окаменѣлыя сердца.

1767. Неудовольствія въ Поль[illegible]
ложили на Сеймѣ Дисседен[illegible]
ній, должностей, коими о[illegible]
равнѣ къ Католиками [illegible]
ска наши опять всту[illegible]
и посланникъ Князь Ре[illegible]
ріемъ болѣе раздражалъ [illegible]
должны были уступить [illegible]
риться; посланники, Великобр[illegible] Швед-
скій, Датской собирались въ домѣ Репнина,
соглашались, и Сеймъ, обрекшій гоненіе Дис-
седентамъ, возстановилъ ихъ по прежнему.
Имъ возвращены всѣ права, постановлено
допускать до должностей въ Литвѣ, не со-
стоятъ имъ въ подчиненности у Католиче-
скаго духовенства, не называть ихъ ерити-
ками, подтверждены дворянскія, Ленныя права,
разрѣшено какъ впредь быть liberum veto,
не позволялось владѣльцамъ осуждать на
смерть своихъ крестьянъ, и въ томъ заклю-
ченъ трактатъ съ Россіею 2 Февраля. Од-
нимъ словомъ сіе походило не на трактатъ,
а на покорное исполненіе требованія Импе-
ратрицы. Полагали, что тѣмъ вражда пре-

вращена но ошиблись, случилось противное. Раздѣлились [illegible] мнѣніяхъ; одни держали нашу сторону, [illegible]ie не скрывали чувствъ, уко[illegible] Короля, признавали его предан[illegible] Полковникъ Игельстромъ взялъ сре[illegible] Епископа Салтыка, Ржеуц[illegible] спражу, отправилъ ихъ в[illegible] и шаковымъ поступкомъ взволновалъ [illegible]. Открылась въ Барѣ конфедерація, [illegible] для себя особые знамена съ изображеніемъ Спасителя и Богоматери; начальники, въ подражаніе Палестинскимъ рыцарямъ, носили на одѣяніяхъ кресты. Потоцкой и другіе вельможи поскакали въ Царьградъ, предлагали за помощь двѣ провинціи. Началась война, и нашъ корпусъ, состоящій изъ 10 тысячь человѣкъ, по всюду поражалъ многочисленную ихъ армію.

Екатерина поѣхала въ Москву, гдѣ ожидали ее созванные отъ Ледовитаго и Каспійскаго морей и многихъ странъ Депутаты, чтобъ внимать благо угоднованное, себѣ и всему Государству. Вотякъ, Камчадалъ, Тунгусъ, оратай возсѣдаютъ вмѣстѣ съ вельможами, Князьями, съ равнымъ правомъ давать свои мнѣнія и различіе вѣръ, странныхъ

одѣяній, обычаевъ явило чудесное, небывалое собраніе. Имъ даны были преи[illegible] простолюдины навсегда избавлялись [illegible] торговой казни, тѣлеснаго наказанія [illegible] ихъ кромѣ долговъ, ни въ какомъ [illegible] конфискуется; Депутаты носили [illegible] медали, и былъ при нихъ особый [illegible] поручили имъ безсмертный наказъ, [illegible] великую честь уму и сердцу Екатерины, о которомъ съ изумленіемъ молвила цѣлая Европа, и Фридрихъ II писалъ къ Волтеру: aucune femme n'avait encore été legislatrice, cette gloire etoit reservée á l'Imperatrice Catherine, qui la merite bien, то есть не было еще ни одной женщины законодательницею, слава сія предоставлена Императрицѣ Екатеринѣ, и она вполнѣ того достойна. Новые уставы почерпнуты изъ Монтескіо, иныхъ писателей, но основанія, соображенія, главныя черты, приспособленныя къ духу народа ей собственно принадлежатъ. Предметъ первѣйшей важности! Нигдѣ, ни кто до нее не говорилъ съ такими нѣжными чувствами, съ такою любовію къ подданнымъ, одно заглавіе вселяетъ уже довѣренность, благоговѣніе къ сочинительницѣ. *Господи!*

Боже мой! Вонми ми, и вразуми мя да сотворю судъ людемъ твоимъ, по *Закону Святому Твоему судити* въ *правду*. Выпишемъ нѣкоторыя статьи, она между прочимъ говоритъ:

Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія суть средства укротительныя, могущія воздержать множество преступленій.

Добродѣтель съ заслугою возводятъ людей на степень дворянства.

Въ средній родъ причесть должно всѣхъ тѣхъ, кои не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ наукахъ, художествахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ.

При оскорбленіи Величества разговоры столько подвержены истолкованіямъ, толь великое различіе между искренностію и злобою, и толь малая разница между выраженіями, что законъ ни коимъ образомъ не можетъ словъ подвергнуть смертной казни.

Запрещаютъ въ Самодержавныхъ Государствахъ сочиненія очень язвительныя, но оныя дѣлаются предлогомъ надлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ, и весьма беречься должно изысканія о семъ далѣе

разпространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе, и угнетеніе, а сіе ничего инаго не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметъ.

Ежели не оказуютъ почтенія Государю, правительствамъ, начальствующимъ, не почитаютъ старыхъ, отцевъ, матерей, господъ, и Государство нечувствительно низринованно падетъ.

Ласкатели земнымъ владыкамъ твердятъ, что народы для нихъ сотворены, однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа. (О сихъ двухъ статьяхъ выше упомянуто).

Въ заключеніи помѣщено слѣдующее незабвенное въ роды и роды выраженіе. Боже сохрани, чтобъ послѣ сего былъ какой народъ больше справедливъ, слѣдовательно больше процвѣтающь на землѣ, намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено. Несчастіе до котораго я дожить не желаю.

Сколь ни превосходно, сколь ни преисполнено мудрости, добродѣтели сіе твореніе, но кажется мнѣ, что предпріятіе обѣщало

скорѣе опасность, нежели пользу. Правда, законы старѣютъ, Государства въ силѣ, и пространствѣ, обстоятельства, обычаи, образъ жизни, общее мнѣніе измѣняются; и потребно по соображенію временъ, нравственности гражданъ многое исправлять, дополнять, но въ семъ случаѣ надлежитъ только освѣжать, очищать законы; обременять же ихъ корень излишними, инородными прививками, означало бы изтребленіе, а не образованіе. Во всѣхъ извѣстныхъ законахъ есть недостатки, сквозятъ дыры, и въ толпѣ совѣтниковъ, разборщиковъ всегда откроются неблагонамѣренные, которые обратятъ довѣренность во зло. Сколько видѣли мы примѣровъ въ другихъ странахъ таковой истинны? Допущенное равенство нижнихъ состояніи съ вышними могло имѣть слѣдствіемъ понятія, совершенно противоположныя образу правленія. Я полагаю, что надежнѣе было бы тогда, не собирая во едино депутатовъ, разсылать статьи по Губерніямъ, съ дозволеніемъ мѣстамъ, чиновникамъ, сословіямъ, представлять о нуждахъ, выгодахъ, какъ исправить части, уставы, правосудіе, и потомъ составить изъ того одно стройное цѣлое.

Сенатъ въ благодарность за великія попеченія Самодержицы опредѣлилъ воздвигнуть ей памятникъ, и уже собрано было 52 тысячи рублей, но Екатерина опвергла по усердіе. Что значатъ, сказала она, памятники изъ злата и мармора? Они недостойны Монарховъ; нѣтъ, я лучше желаю поставить монументъ себѣ въ сердцахъ своихъ подданныхъ. Деньги тѣ, съ прибавкою еще своихъ 150 тысячь рублей, обратила для училищь, сиротскихъ домовъ, богадѣленъ, и больницъ. Бецкой, мужъ человѣколюбивый, почтенный, Демидовъ, Твердышевъ, Володимеровъ, за ними другіе послѣдовали достохвальному примѣру, и въ короткое время составилась сумма до полумилліона рублей. — И памятникъ иного рода сооруженъ!

Изъ Москвы Екатерина доѣхавъ до Твери, на приготовленныхъ тамъ судахъ направила путь къ Казани, Симбирску. Никогда Волга не являла на себѣ столь великолѣпнаго плаванія. Гальоты снаряжены богато, берега усѣяны дышущимся народомъ, бѣжали за нею во слѣдъ по теченію, и горящіе, при ночной темнотѣ, костры дровъ, превосходили искуственныя иллюминаціи. Все общество жило

на водахъ, и дворскій обрядъ наблюдался съ пышностію. На сей яхтѣ обѣдали, на той ужинали, играла музыка, свистки матросовъ возвѣщали удаленіе, или прибытіе спутниковъ. Сему плаванію словесность обязана признательностію за переводъ превосходнаго творенія. Екатерина подѣлила оное писателямъ въ своей свитѣ, дни проходили въ занятіяхъ, въ переводахъ, вечера въ забавахъ, и почтенный слѣпецъ Велисарій приглашенный въ IX главѣ къ бесѣдѣ съ Екатериною, воспѣлъ на Россійскомъ языкѣ неправосудное себѣ возмездіе отъ Юспиніана.

По возвращеніи въ Петербургъ она ознаменовала безпредѣльное свое уваженіе къ Петру Великому. Повелѣла Графу Брюсу отыскивать марморы около Кексгольма, въ Рускольскомъ уѣздѣ, другихъ мѣстахъ, доставлять ихъ въ столицу, для сооруженія храма Св. Исакію Далматскому, въ воспоминаніе дня рожденія сего Государя, и сама положила первый камень въ основаніе (*).

(*) Она чтила притомъ родителя его, повелѣла въ томъ же году сдѣлать для храненія его уложенія серебряный ковчегъ, и поставить въ оружейной палатѣ.

Учрежденъ Ассигнаціонный банкъ для легчайшаго обращенія и пересылки денегъ, только на милліонъ рублей, и всякой предъявляющій ассигнаціи, получалъ безъ задержанія на обмѣнъ монеты.

Поспановлено заводить аптеки по уѣзднымъ городамъ.

Екатерина занималась не одними Государственными дѣлами, но пеклась притомъ о дѣлахъ, пользахъ частныхъ людей, на все имѣла досугъ. Опредѣляетъ какъ воспитывать дѣтей отъ рожденія до юношества. Когда продавать вино, какъ дѣлать кирпичи, черепицы, жечь известку. — Какъ сажать, размножать картофель, приготовлять, сохранять отъ замерзанія, очищать гряды.—Какъ обгораживать луга, пастьбища. — Полагаетъ начала шелковымъ заводамъ въ Царицынѣ, научаетъ приготовлять въ Астрахани утиный пухъ за границу. — Въ Сибири за недостаткомъ хлѣба размножаетъ растенія пригодныя къ пищѣ. — Указываетъ средства къ отысканію черпеца.

Послѣ противнаго природѣ злодѣйскаго поступка Жуковыхъ, открылось новое звѣрство. Госпожа С..... ва, ширански по-

ступала съ подвластными, терзала ихъ разнымъ образомъ, утюжила спины горячимъ желѣзомъ, и совершила нѣсколько убийствъ. Екатерина, не терпя безчеловѣчія, и для обузданія другихъ отъ подобнаго, опредѣлила наказаніе, приличное содѣянному. Повелѣла для прикрытія именитой фамиліи, огласить виновную только именемъ Дарьи Николаевой, выставить на эшафотъ, и приковать къ столбу съ надписью: *мучительница*, *душегубка*. Потомъ жить навсегда въ вырытой у монастыря подземельной, куда бы слышимо было церковное пѣніе, но свѣтъ не проникалъ, и пищу спускать внизъ съ фонаремъ. Нѣкоторые найдутъ это слишкомъ жестокимъ, а если разсудятъ, что за уничтоженіемъ смертной казни, каторга послужила бы недостаточнымъ возмездіемъ; согласятся, что изверги не достойны пощады и сожалѣнія.

Когда столица среди спокойствія, блаженства, придумывала разныя забавы, составились четыре превосходнѣйшія кадрили, Славянская, Римская, Турецкая и Индѣйская. Богатые одежды, панцыри, доспѣхи, алмазы, жемчуги, красота женщинъ, оттѣняемая

сановитостію мущинъ, являли необыкновенное зрѣлище. Императрица находилась при ономъ, преспарѣлый Фельдмаршалъ Графъ Минихъ былъ судьею, и провозгласилъ одержаніе преимущества младою Бутурлиною, сказавъ ей привѣтствіе.

Отказъ въ памятникѣ не воздержалъ ревностнаго усердія; Сенатъ, депутаты, представители всей Имперіи, стремились доказать свѣту рѣдкія благодѣянія своей Государыни, справедливую признательность подданныхъ, и поднесли ей титулъ *премудрой, матери Отечества.* Людовикъ XIV, Петръ Великой приняли столь лестныя наименованія, Екатерина отвергла приношеніе, съ сими смиренными, чувствительными словами: *Одинъ Богъ премудръ, ни одно изъ его твореній не имѣетъ права на сіе высокое титло. Потомство будетъ судить дѣла мои; любить народъ, то моя должность, его благо выше собственнаго моего блага.* — Прекраснѣйшая черта въ Исторіи!

Екатерина, отстраня по скромности, согласное, торжественное нареченіе, новымъ подвигомъ оправдала, что того была достойна. Оспа нерѣдко свирѣпствующая въ

Европѣ, опустошала родъ человѣческій, и подбирала свои жертвы не въ однихъ хижинахъ, но на самыхъ престолахъ; Императоръ Петръ II, и Людовикъ XV лишились отъ нее жизни. Спасительное изобрѣтеніе, прививать оспу, крылось еще повсюду подъ сомнѣніемъ; страшились сообщать крови ужасающій ядъ, а въ Россіи оно было не извѣстно. Она пожелала ввести то врачеваніе въ свою Имперію, и вызвала изъ Англіи славнаго Димздаля. Всякой другой вѣнценосецъ произвелъ бы первые опыты надъ преступниками, по крайней мѣрѣ надъ простолюдинами; но она поступила иначе. Предала себя на испытаніе, и на 39 году отъ рожденія, въ лѣтахъ для сего опасныхъ, привила себѣ, и Наслѣднику Престола оспу. Безстрашная эта рѣшимость разрушила недовѣрчивость, и спасла сотни тысячь людей. Въ древности воспѣли бы сіе какъ чудо включили бы ее въ число Богинь, какъ Цереру, Весту; у насъ напротивъ зачислили это просто Эрою, — привыкли къ ея благодѣяніямъ. Димздаль получилъ званіе Лейб-Медика, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, пенсію по 500 фунтовъ стерлинговъ, и Баронское достоинство. Младенецъ, отъ

коего взята оспенная матерія, Александръ Даниловъ Марковъ названъ оспяннымъ, семейству его даны подарки, деньги, потомственное дворянство, и день операціи, 21 Ноября праздновался во всемъ Государствѣ. Сенатъ хотѣлъ еще разъ воздать ей должное, къ воспоминанію рѣдкаго событія, выбилъ медаль, поднесъ съ поздравленіемъ, благодарностію, и услышалъ прежній скромный отвѣтъ: *Я исполнила долгъ мой, ибо добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы.*

Между тѣмъ коварство тлѣлось подъ пепломъ зависти, чуждыя державы взирали съ досадою на блистательные ея успѣхи. Марія Терезія ненавидѣла даже имя Екатерины, злобствовала на нее за присвоеніе славы себѣ одной; желала ей препятствовать и недѣйствовала. Напротивъ Франція, всегда готовая вредить намъ, наскуча своимъ униженіемъ, пробудилась отъ усыпленія. Шуазіоль, разсылалъ лазутчиковъ, возмущалъ Швецію покровительствовалъ Полякамъ, побуждалъ настоятельно Верженна, своего посланника при портѣ, склонить Султана вступиться за послѣднихъ. Продолженныя обольщенія, обѣщанія въ помощи отъ Франціи, невѣжество

Музульмановъ, поколебали ихъ, и Диванъ, искалъ только благовиднаго случая, который всегда предстоитъ глазамъ злонамѣреннымъ.

ГЛАВА V.

Должности камердинеров. — Обхождение съ ними. — Не любила шутокъ, Марфина Даниловна.—Повара крадутъ. — Садовый ученикъ въ гротѣ, — Старуха съ курицею. — Искусство дарить.—Любила затруднять другихъ для шутки. — Снисхожденіе. — Регистраторъ раздираетъ нечаянно въ куски Высочайшій указъ. — Веселости по Невѣ. — Разговоръ съ парикмахеромъ, — Сострадательность. — Господскіе лакеи, кучера. — Милосердіе. — Умѣла въ молчаніи наказывать. — Ея неустрашимость. — Презираетъ ругательства, пасквили. — Обѣды, пажи, нескусной кухмистеръ. — Чтеніе послѣ обѣда.—Съѣзды ко двору.— Рѣдко показывается городу.

Дадимъ время ратоборцамъ сойтиться, укроемся отъ грозной бури подъ сѣнь тишины, и продолжимъ повѣствованіе о качествахъ Императрицы и образѣ ея жизни.

У ней было пять камердинеровъ, каждый имѣлъ свою должность. Одинъ смотрѣлъ за гардеробомъ, и приготовлялъ по приказанію ея убранства. Другой надзиралъ за казенною кладовою, въ которой хранились парчи бархаты, шелковыя шкани, полотна, сшитыя платья и иныя вещи; онъ же подавалъ всякую суббопу вѣдомость о расходѣ даже до мелочей, и она помѣчала своею рукою: *запи-*

сать въ расходъ. Для соблюденія въ точности сего порядка онъ пріѣзжалъ съ отчетомъ и въ Сарское Село. Третій смотрѣлъ за комнатами, за чистотою, и прислугою. Два камердинера находились при Ермитажѣ, и всѣ поочередно при ней дневали.

Она была для домашнихъ не повелительницею, а нѣжнѣйшею матерію; они часто, какъ выше сказано, спорили съ нею, малѣйшее ея неудовольствіе принимали съ прискорбіемъ, и легкій упрекъ почитали большимъ наказаніемъ. Она обходилась съ ними кротко, вѣжливо, извиняла недостатки, проступки, входила въ ихъ состояніе, доставляла пріятности, покоила ихъ, дорожила ими.

Камердинеръ Поповъ, зная, что Императрица станетъ убираться для бала, пришелъ за благовременно въ уборную, усѣлся у туалета, облокотился, и заснулъ крѣпко. Насталъ опредѣленный часъ, вступила туда Екатерина, и нѣтъ для нее мѣста. Окружающіе спѣшатъ его разбудить; но она воспрещаетъ, велитъ даже, чтобъ не стучали и громко не говорили, Камеръ-Юнкеры, Камеръ-Медхены шепчутъ, ступаютъ на цыпочкахъ, и Екатерина, придвинувъ съ осторожностію зер-

кало въ уголокъ, окончила свой головной нарядъ. Какое зрѣлище! Обладательница полсвѣта удѣляетъ себѣ часшичку спола, пѣснится встрѣчаетъ неудобносши, слышитъ храпеніе! — И для чего? — Чтобъ не нарушить успокоеніе своего служителя! По отшествіи ея изъ уборной Поповъ пробудился, удивлялся, что Государыня еще не приходила, и когда объявили ему о случившемся, онъ спыдился, досадывалъ на свою оплошносшь.

Послѣ обѣда захошѣла она пить, и вѣдая, что дневальный камердинеръ въ это время дремлетъ, нѣсколько разъ пошихоньку отворяла дверь, и всякой разъ безъ успѣха возвращалась къ своимъ кресламъ. Прошло болѣе получаса въ шерпѣніи, позвонила; шопъ уже выспался принесъ ей воды съ морсомъ, и щогда объявила она, что его дремошa долго мучила ее жаждою.

Бывшій при ней истопникомъ, съ самаго пріѣзда ея въ Россію, Ѳедоръ Михайловичь, худо зналъ грамошѣ, и по усердію, честнымъ правиламъ, возвышался въ должносшяхъ, и наконецъ удосшоился званія камердинера. Съ нимъ отправляла она всѣ важныя дѣла къ Графу Панину; и пѣшеходный курьеръ, под-

ставлял свой карманъ, говорилъ: положите сами Государыня. Она укладывала въ ономъ бумаги, какъ въ сумкѣ или чемоданѣ, по приходѣ же на мѣсто самъ Графъ опорожнялъ вѣрную почту.

При упраздненіи мѣста камердинера, Князь Баряпинской старался опредѣлить одного имъ покровительствуемаго, и склонялъ многихъ выхвалять его достоинства. Она тотчасъ проникла въ замыслъ, и съ насмѣшкою сказала: Сіи Господа выбираютъ мнѣ камердинера для себя, а я хочу, чтобъ онъ былъ для меня, и домогательство не удалось.

Императрица не любила шутовъ, забавниковъ, изключая Матрены Даниловны, поступившей къ ней нечаяннымъ образомъ, которая жила во дворцѣ, на всемъ готовомъ, имѣла свободный входъ къ Государынѣ, ее называла сестрицею, и расказывала о слышанномъ, о городскихъ вѣстяхъ. Слова ея принимались къ соображенію, а чаще безъ вниманія. Однажды самозванка родственница по неудовольствію клеветала на Оберъ-Полицмейстера Рылѣева. — Знаешъ ли, сестрица, напѣвала она, всѣ имъ недовольны, молвятъ, что пристрастенъ, нечистъ на руку. На другой день

Екатерина сказала Рылѣеву: Никита Ивановичъ, ты бы послалъ для святокъ Мапренѣ Даниловнѣ чего нибудь изъ зимнихъ запасовъ; право сдѣлай это, только не откривай, что я присовѣтовала. Оберъ-Полицмейстеръ не понималъ, чтобы то значило, отправилъ однакоже нѣсколько свиныхъ тушъ, индѣекъ, гусей, утокъ, что все было принято благосклонно. По прошествіи не многихъ дней, Екатерина начала сама порочить Рылѣева, и будто хочетъ его смѣнить. — О! нѣтъ сестрица, отвѣчала взяточница, я предъ нимъ виновата, ошиблась на его щетъ; въ одинъ голосъ твердятъ, что онъ человѣкъ доброй, честной. — Такъ, такъ, сказала съ усмѣшкою Екатерина, тебѣ это нашептали его жирные гуси и утки; я не терплю, чтобъ предо мною порочили на удачу людей, впередъ прошу быть осторожнѣе.

Она знала хорошо изгибы человѣческаго сердца, что нельзя требовать невозможнаго — тѣхъ строгихъ правилъ честности отъ служащихъ, которыя и въ знатныхъ людяхъ не всегда бываютъ. Она говаривала: *надобно жить самимъ, и давать жить другимъ*, почему на похищенія изъ дворца не

обращала дальнѣйшаго вниманія. Однажды нижніе служители навьючили изъ кухни въ Сарскомъ селѣ множество припасовъ и тащили дружно телѣгу. Екатерина, увидѣвъ то, остановила ихъ, и желала открыть правду. Виновные окаменѣли, не отвѣчали ни слова, боялись худыхъ послѣдствій; но случилось противное ихъ ожиданію. Чтобъ это было, въ послѣдній разъ, сказала она, а теперь поспѣшайте и берегитесь, чтобъ не примѣтилъ васъ Гофмаршалъ!

Въ другой разъ несли изъ дворца на фарфоровыхъ блюдахъ ананасы, персики, виноградъ; она, гуляя по саду увидѣла это, пошла въ сторону, дабы не встрѣтиться съ ними, и молвила окружающимъ: *хотя бы блюда мнѣ оставили.*

Прогуливаясь въ отгороженномъ садикѣ, увидѣла въ гротѣ садоваго ученика, который имѣлъ предъ собою четыре блюда, и расположился тутъ обѣдать. Она заглянула, вошла и сказала: какъ ты хорошо кушаешь! Откуда ты это получаешь? — У меня дядя поваромъ, онъ мнѣ даетъ. — И всякой день по стольку? — Да, Государыня, но лишь во время вашего пребыванія у насъ въ Сарскомъ

селѣ. — Стало ты радуешся, когда я сюда переселяюсь? — Очень, очень вскричалъ ободренный ученикъ. — Ну, кушай, кушай, не хочу тебѣ мѣшать, и пошла отъ него прочь (*).

Рано по утру увидѣла изъ окна, что старуха, гонялась на площади за курицею, отъ неудачи измучилась. Велите пособить этой бѣдной, сказала камердинеру, и узнайте—чтобы это значило. Выбѣжали лакеи и истопники, исполнили приказаніе, и донесли, что внукъ старухи поваренкомъ при дворѣ, и что курица та казенная. — Такъ объявите конторѣ, чтобъ давали ей всякой день по курицѣ, только не живой, а битой. Тѣмъ мы избавимъ отъ мученія бабушку, окажемъ услугу нищетѣ, и отвратимъ порокъ молодаго человѣка. Послѣ сего старуха каждодневно являлась, и уже по праву получала курицу.

Послѣ торжественнаго празднества для народа, нѣсколько человѣкъ среди дня разрушали предъ дворцемъ оставшееся возвышеніе,

(*) Нынѣ изъ первѣйшихъ здѣсь садовниковъ Иванъ Васильевичь. Онъ жилъ у Г. Кикина, и самъ мнѣ, то разсказалъ.

отдирали доски, гвозди, тащили камку. Полиція устремилась къ прекращенію похищенія, къ разогнанію толпы, но Екатерина не велѣла воспрещать того. — Не прогайте ихъ, сказала она, это не кража, а увѣренность во мнѣ; дѣти матери не обидятъ. Они отгадали мои мысли, я то позволила, только забыла приказать.

Екатерина обладала искусствомъ дарить, доставлять удовольствія, вымышляла разныя средства, утонченности, и всегда видишъ въ томъ умъ, нѣжность чувствъ. То пошлетъ неважную табакерку, нанаполненную имперіалами, то горшокъ простыхъ цвѣтовъ, но съ драгоцѣннымъ на стеблѣ камнемъ и тому подобное. Она утѣшалась неожидаемостію и радостнымъ удивленіемъ другихъ.

Въ день имянинъ фрейлины Авдотьи Андреевны Полянской, 1 Марта, отправила тайно къ ея горничной серебряный съ позолотою рукомойникъ. Г. Полянская отгадала лестную шутку, но когда выпалъ изъ онаго еще бриллiянтовый перстень, то показавшіяся на глазахъ слезы ознаменовали признательность.

Аннѣ Константиновнѣ Скороходовой по такому же случаю подложили подъ кровать

рублей, съ надписью: *Марьѣ Савишнѣ по любви кончинѣ.* Небо сжалилось надъ Россіею, и опасность миновала. Тогда завѣщательница призываетъ къ себѣ награждаемую, и вруча ей пакетъ, сказала: возьми это какъ залогъ моей дружбы, и пользуйся тѣмъ, что я тебѣ готовила, не надѣясь жить. — Г. Перекусихина бросилась къ ея ногамъ, въ слезахъ изъявляла благодарность; и кто бы не пожертвовалъ всѣми своими днями Императрицѣ, при увѣренности, что преданность, любовь къ ней пріемлются въ истинной цѣнѣ?

При помолвкѣ племянницы Г. Перекусихиной (*), Екатерина одаривъ невѣсту, вручила шепкѣ перстень съ своимъ изображеніемъ въ мужскомъ одѣяніи—съ сими словами: *а вотъ и тебѣ женихъ, которому, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь.*

Капельмейстеру Паезелло прислала, за прибавленіе нѣсколькихъ арій въ операѣ Дидона, табакерку, осыпанную бриллiянтами, съ возвѣщеніемъ, будто Карѳагенская Царица при горестной своей кончинѣ ему оную завѣщала.

Графу Д'Аршуа вручили шкатулку съ день-

(*) Екатерина Васильевна Тарсукова.

гами и дорогими вещами при слѣдующей осторожной запискѣ: Ваше Королевское Высочество, конечно при отъѣздѣ вашемъ пожелаете раздать нѣсколько подарковъ находившимся при вашей особѣ.—Но вамъ извѣстно, что я строго запретила сообщенія съ вашимъ несчастнымъ отечествомъ, и напрасно бы искали вы сихъ бездѣлушекъ въ городѣ; ихъ нѣтъ во всей Россіи, кромѣ моего кабинета. Потому надѣюсь, что Ваше Королевское Высочество примите посылаемое отъ почитающей васъ пріятельницы.

Она для шутки любила затруднять тѣхъ, которымъ намѣревалась оказать удовольствіе или милость. Не давъ о себѣ наперед знать, подъѣзжала скрытно къ малому подъѣзду Графа Разумовскаго; такимъ же образомъ поступала въ Москвѣ и въ Кусковѣ съ Графомъ Шереметевымъ; но вопреки ожиданію находила у перваго все готовымъ къ ея принятію, у втораго спектакль, музыку, пѣвцовъ, богатый ужинъ, и великолѣпіе достойное ея угощенія.

Въ Ермитажномъ театрѣ, сидя рядомъ съ Анною Никитишною Нарышкиною, спросила ее: скажи пожалуй, для чего ты никогда не

позовешь меня къ себѣ на дачу? Спало-не желаешь, чтобъ я у тебя была? — Напротивъ, Государыня, я почла бы то за великую честь, и принять васъ *всегда* рада. — На этомъ словѣ *всегда* Екатерина основала шутку, подозвала камердинера, и велѣла приглашать Цесаревича, Иностранныхъ Министровъ, и многихъ придворныхъ завтра къ Г. Нарышкиной на обѣдъ. — Позвольте же мнѣ теперь ѣхать домой, надобно все приготовить. — Полно, полно, хозяйство не твое, а мужа твоего дѣло; останься со мною. — Окончилось дѣйствіе, Г. Нарышкина опять просила о томъ же позволеніи, и опять безъ успѣха. — Послѣ театра откланивалась, спѣшила удалиться; и ей отвѣчали, пойдемъ со мною, проводи меня. — Въ комнатахъ повторялись тѣже домогательства, и тѣже слѣдовали остановки. — Пробило десять часовъ, наступило время Екатеринѣ ложиться въ постелю, и Нарышкина умоляла не удерживать ее болѣе, говоря, помилуйте Государыня, что у васъ за шутки, вы приводите меня въ волненіе, я право занемогу отъ того. — Такъ я пріѣду навѣстить тебя. — Наконецъ Императрица пошла въ почивальню,

Нарышкина обрадовалась, и полагала, что тѣмъ все кончится. — Нѣтъ, нѣтъ, не отпущу, сказала ей, я при тебѣ раздѣнусь, лягу и поговоримъ еще кое о чемъ; у меня безсонница, я долго не засну. — На силу вырвалась мученица, поскакала на дачу; и вся ночь прошла въ разсылкахъ, закупкахъ, суетахъ. На другой день пріѣзжаетъ Екатерина съ большою свитою; хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ у крыльца, а она, будто не видитъ стоящей предъ собою хозяйки изъявляетъ сожалѣніе супругу: бѣдная Анна Никитишна не здорова, по крайней мѣрѣ вчера собиралась быть больною; пойдемъ-те навѣстить ее. Вошли въ гостиную, Екатерина смѣялась, обнимала ее; хозяйка жаловалась бесѣдѣ на гостью, и это доставило веселый разговоръ за обѣдомъ.

Одна Госпожа отдала дочь свою въ Смольный монастырь. Протекло 8 лѣтъ безъ свиданія, а въ сіе время мужъ и другая, бывшая при ней дочь, умерли. Оставшись въ горестномъ сиротствѣ, одна среди опустѣлаго дома, она отправилась въ Петербургъ просить о возвращеніи ей дочери прежде опредѣленнаго срока. Является къ Ивану Ивановичу Бецкому, начальнику Воспитательныхъ

заведеній, описываетъ ему внезапное бѣдствіе и получаетъ въ отвѣтъ, что это дѣло невозможное, безпримѣрное; что тѣмъ нарушился бы порядокъ. — Для несчастія нѣтъ правилъ, порядка, возражаетъ рыдающая мать; я теперь одна, сердце мое пусто, нѣтъ никого подлѣ меня; сжалытесь, Ваше Высокопревосходительство, надо мною. — Сударыня! это не въ моей власти. — Такъ доложите Императрицѣ. — Нельзя и ей согласиться на разрушеніе своего постановленія. — Развѣ она сама не мать, или не имѣетъ сострадательныхъ чувствъ къ человѣчеству?— Хорошо, я доложу, пожалуйте ко мнѣ завтра въ первомъ часу по полудни. — Опечаленная неизвѣстностію, является въ смущеніи, и Г. Бецкой къ ней выходитъ. — Что, Ваше Высопревосходительство, милость или смертельный приговоръ объявите мнѣ? — Сожалѣю, сударыня, что долженъ сообщить вамъ непріятное; Императрица того не позволяетъ. — Госпожа заплакала, произносила упреки на жестокость, и отходя, требовала по крайней мѣрѣ позволенія скорѣе увидѣть свою дочь. — Куда же вы идете? скоро ударитъ часъ, мы будемъ обѣдать; оспанытесь

съ нами, а послѣ я дамъ приказаніе исполнить ваше желаніе. — За столомъ сидѣла въ отдаленіи статная, ловкая, пригожая дѣвица, съ которою окружающія Госпожи разговаривали, выхваляли ея таланты. Пріѣзжая ничего не ѣла, только вздыхала и со вниманіемъ посматривала на молодую красавицу.—Вотъ образецъ нашихъ питомицъ, сказалъ Бецкой, ваша дочь одного съ нею возраста, точно также мила, и также хорошо образована.—Меня судьба преслѣдуетъ, отвѣчала Госпожа; не смѣю надѣяться на такую милость отъ Бога, и закрыла глаза платкомъ. — Лишъ произнесла она сіи слова, Бецкой всталъ съ своего мѣста, взялъ дѣвицу за руку, подвелъ къ ней, и сказалъ: Такъ обоймите же ее; она дочь ваша, и Государыня вамъ ее возвращаетъ. — Можно себѣ представить какое произвела дѣйствіе надъ всѣми, находившимися за обѣдомъ, сія развязка. — Они поздравляли мать и дочь, пили ихъ здоровье; мать удивленная неожиданностію, долго пребываетъ въ изступленіи отъ радости, потомъ цѣлуетъ, прижимаетъ кровную незнакомку къ сердцу, и послѣ удаляется съ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, прославляя Царицу.—Екатерина выслушала по-

дробности произшествія съ живѣйшимъ участіемъ, и веселилась своею выдумкою.—Нѣкоторые возразятъ, что въ семъ есть нѣчто неаппральное. — Согласенъ, но чѣмъ разительнѣе событіе, тѣмъ болѣе услажденія для нѣжной души; и безразсудно осуждать по чему не просто, а инымъ образомъ оказано добро.

Снисхожденіе ея не измѣнялось, она соображала виды съ причинами поступка. Лейб-Гренадерской полкъ всякой годъ располагался лагеремъ на Волковомъ полѣ, собиралась туда публика слушать музыку при зарѣ, и рѣдко не было тамъ каретъ. Подполковникъ Сазоновъ, въ отсутствіе начальствующаго, учредилъ празднество для какого то случая; за обѣдомъ пробки летѣли въ потолокъ, рюмки съ шампанскимъ не успѣвали пѣниться; и уже было за полночь, когда разгоряченныя головы уговорили хозяина спрѣлять изъ пушекъ. Началась эта забава, залпы сильно раздавались, потрясали окна въ городѣ, всѣ удивились, Екатерина пробудилась, встревожилась, позвала Генералъ-Адъютанта, и велѣла узнать, что это значило. — Поскакалъ гвардейскій ординарецъ, выспрѣлы указывали ему путь, и онъ пріѣхавъ въ станъ, справлялся

по приказанію. — Донесите, сказалъ Г. Сазоновъ, что мы веселимся, пьемъ за здоровье нашей матушки; и вотъ при васъ пустимъ въ честь ея послѣдній залпъ. — Гей! шампанскаго! Спрѣляй! Виватъ Екатерина! — По возвращеніи посланнаго она успокоилась, видѣла въ томъ только шалость, и на другой день призвала къ себѣ въ кабинетъ Сазонова. — Не льзя вамъ не знать, сказала она, порядка службы, вы не просто нарушили оный, но разбудили, испугали меня. Если я мать вамъ, какъ вы меня называете, то не мѣшайте же впередъ спать своей матери, и съ симъ кротким наставленіемъ отпустила его.

Сенатскій Регистраторъ, принявъ для списанія Имянный Указъ, вложилъ его въ измаранную обвертку, съ намѣреніемъ послѣ обѣда исполнить порученіе. — Возвратясь къ своему мѣсту, усѣлся, перебралъ листы—и вотъ изъ нихъ, въ которомъ находился Указъ, по ошибкѣ изорвалъ. — По долгомъ исканіи увидѣлъ наконецъ разбросанные на полу куски важной бумаги, окаменѣлъ, и не зналъ что дѣлать.—Утаить невозможно; объявить, страшился наказанія. — Въ горести, въ отчаяніи

шагалъ по комнатѣ, ломалъ себѣ пальцы, и рѣшился на смѣлое предпріятіе. Тотчасъ нанялъ извощика, отправился прямо въ Сарское село, и остановился у знакомаго придворнаго лакея. Что ты такъ грустенъ? былъ первый вопросъ хозяина.—Такъ, ничего, скажи мнѣ только — въ какое время по утру прогуливается Императрица. — На что это тебѣ? — Есть до нее просьба. — Какая? — Послѣ узнаешь. — Отъ семи до девяти часовъ, объявилъ хозяинъ. — Ночь прошла въ безпокойствѣ, въ мрачныхъ мысляхъ; вскочивъ рано, пошелъ въ садъ, и спряпался между кустами. — Игривыя собачки возвѣстили приближеніе Императрицы, залаяли на него, онъ выступилъ изъ густоты и нечаянностію испугалъ ее. — Что ты за человѣкъ? — Несчастный, Государыня, отвѣчалъ онъ смѣло, и вы однѣ можете спасти меня. — Въ чемъ состоитъ твое дѣло? Регистраторъ представилъ ей изорванный въ куски указъ и признался себя виновнымъ въ неосторожности. Ступай домой, молвила Екатерина, и завтра на этомъ мѣстѣ, и въ этотъ же часъ ожидай моего повелѣнія. — Такая вѣсть казалась ему неутѣшительною; завтра, думалъ онъ,

отдадутъ меня въ солдаты, или пошлютъ въ Сибирь. — Екатерина по возвращеніи во дворецъ, послала отыскать черновой отпускъ, велѣла переписать, и подписала. — На другой день явился нашъ Регистраторъ, ожидалъ страшнаго себѣ приговора. Показалась Императрица, первый ея взглядъ съ улыбкою уже успокоилъ его, а выслушавъ слова, упалъ къ ея ногамъ съ благодарными слезами. — Возьми, сказала она, вотъ тебѣ другой указъ, бѣда твоя миновалась. — Ободренный помиловеніемъ, сказалъ ей тогда: только неизвольте Ваше Величество послѣ своей милости говорить объ этомъ Генералъ-Прокурору, меня выгонятъ, съ свѣта сживутъ. Хорошо, но и ты не объявляй о случившемся съ тобою. — Вскорѣ за столомъ она сообщила сіе произшествіе при многихъ Князю Вяземскому, взявъ съ него слово не причинять по сему обстоятельству ни малѣйшаго оскорбленія Регистратору, и съ душевнымъ услажденіемъ произнесла: Я будто теперь вижу его страхъ добросердечіе, увѣренность во мнѣ, просіявшую радость на лицѣ, и согласилась бы дорогою цѣною покупать столь пріятныя минуты. — Одинъ сей случай уже

вполнѣ рисуетъ кротость и доброту сердца Екатерины.

Я самъ участвовалъ въ безпримѣрномъ ея снисхожденіи. При дворѣ отправлялась свадьба Барона (что нынѣ Графъ) Строгонова. Я былъ тогда Преображенскимъ Прапорщикомъ, и полагалъ, что по моему чину, входы во дворецъ, для меня во всякомъ случаѣ свободны. Надѣваю мундиръ, шарфикъ по камзолу, пріѣзжаю, вхожу въ большую комнату, вижу въ ней только Камеръ-Пажа (*); мантилія Императрицы лежала на столѣ, и за притворенными дверьми играла музыка, происходили танцы. Вскорѣ прошелъ мимо насъ Гофъ-Фурьеръ съ возвѣщеніемъ объ ужинѣ, и какъ мы представляли ее себѣ, будто нѣкое Божество, что она не такъ сидитъ, не такъ глядитъ, то я хотѣлъ это видѣть, и побѣжалъ въ бѣлую галлерею. Два гайдука, взятые изъ нашего полка, присовѣтовали мнѣ спрятаться во время ея шествія за колонну, и я расположился тутъ покойно. Сѣли за столъ, она спиною ко мнѣ, подлѣ нее новобрачный, по другую сторону новобрачная

(*) Нынѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князъ Александръ Николаевичъ Голицынъ.

рядомъ съ Великою Княгинею Марьею Ѳедоровною, и до слуха моего доходили нѣкоторыя слова разговора. Стали отдвигать стулья, пришло желаніе посмотрѣть еще какъ она отходитъ во внутренніе чертоги. Я опять пустился въ поспѣшной походъ, остановился въ небольшой комнатѣ съ гобелиновою на стѣнѣ тканью; двѣ свѣчи испускали слабый свѣтъ; я стоялъ одинъ, и любопытство мое возрастало. Показалась Императрица въ отдаленіи, ее велъ подъ руку Графъ И. П. Салтыковъ, прощалась съ Великою Княгинею, и уже предо мною. Я поклонился съ благоговѣніемъ, она взглянула на меня съ усмѣшкою, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и поняла причину моего появленія. Не было изслѣдованія кто я, за чѣмъ пріѣзжалъ;—и я возвратился домой безъ малѣйшаго опасенія.

На Невѣ во все лѣто, рожки, пѣсни и духовые инструменты не умолкали, серенады продолжались до разсвѣта. Случилось занемочь Императрицѣ, полиція возпретила сіи увеселенія, и глубокая тишина замѣнила шумныя забавы. — Отъ чего такая перемѣна, спросила она? — Не хотѣли васъ безпокоить, отвѣчали ей. — Напрасно вы это сдѣлали, сказа-

ла она, объявите въ городѣ, что болѣзнь моя не препятствуетъ ихъ забавамъ; не хочу собою причинять имъ скуку. — И шлюпки, катера оживили по прежнему величественную рѣку.

По большому расходу придворныхъ лошадей, она запретила давать ихъ многимъ изъ служащихъ. — Въ Сарскомъ селѣ однажды вступила въ разговоръ съ парикмахеромъ, убиравшимъ ей волосы: здоровали твоя жена?—Не знаю Государыня. — Уже ли ты давно не видалъ ее? — Да, по вашей милости; нанимать лошадей дорого, и я не въ состояніи. — Екатерина замолчала и спросила потомъ: Однако скажи мнѣ правду? мое приказаніе не исполняется въ точности? — Боюсь промолвиться, узнаетъ Императрица. Нѣтъ, вѣрь, что это останется между нами, даю тебѣ слово. — Ну, такъ виноватъ, Ваше Величество, даютъ и теперь лошадей, если хорошенько попросишь. — Она сдержала обѣщаніе, и ни кому послѣ о томъ не говорила.

Была сострадательна, услужлива. — Узнавъ о кончинѣ Фельдмаршала Князя Голицына, съ слезами предалась сну, и пробудилась въ смущеніи.

По смерти любимаго ея камердинера Попова, огорченіе до того проспиралось, что она болѣе мѣсяца не поднимала гардинъ у оконъ, дабы не видать въ Милліонной дома покойнаго. Могу ли я объ немъ не сожалѣть, говорила Екатерина?—онъ былъ добрый Христіянинъ, вѣрный мнѣ слуга, и никогда ни о комъ худаго не говорилъ.

Г. Р.... съ долго мучилась родами, она поскакала къ ней въ чужой каретѣ, надѣла на себя передникъ, сказала акушеру: примемся за работу съ Божіею помощію, прислуживала, и отправляла должность повивальной бабки.

Оберъ-Гофмаршалъ Князь Голицынъ посадилъ тафельдекаря въ сервизную за смѣлый отвѣтъ, и доложилъ Императрицѣ. Сожалѣя о наказанномъ, и не желая дѣйствовать отъ своего лица, въ вечеру поручила Князю Боряпинскому ходатайствовать за виновнаго отъ себя. По отказѣ съ досадою отъ Голицына, она предстала сама просительницею, и виновный былъ освобожденъ. Сіе означаетъ не одну доброту сердца, но еще сохраненіе порядка въ начальствѣ.

При одномъ изъ загородныхъ обѣдовъ она

спросила шпалмейстера Ребиндера. Ѣли ли господскіе лакеи и кучера. — Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ, и мы не имѣемъ никакого на то положенія. — Такъ пошлите же поскорѣе, накормите ихъ, и впредъ наблюдайте это. — Находясь уже въ сѣняхъ, возвратилась съ свитою въ комнаты, посказали покупать говяжое, и она, одѣтая по дорожному, сидѣла тутъ въ ожиданіи, пока не донесли о исполненіи ея приказанія.

Екатерина не понимала, что такое мщеніе, жестокость, и единая мысль о несчастіи, гоненіи устрашала ея воображеніе. Провинившійся могъ еще выслужиться, огорчившій ее не терялъ надежды снискать опять благоволеніе.

Когда Сенатъ постановилъ казнить смертію Ассесора Ш....ва, она подписала на приговорѣ: мы основали престолъ нашъ на человѣколюбіи, милосердіи; и не хотимъ, чтобъ кровь подданныхъ лилась на ешафотѣ. Лишить жизни преступника не есть славою владыкъ. Она можно сказать щеголяла кротостію.

Князь Долгоруковъ часто поносилъ ее въ бесѣдахъ самыми язвительными выраженіями.

Доходили до нее о томъ свѣденія, и она написала къ нему слѣдующія строки: какъ ругательства ваши происходятъ отъ праздности, и вы, ненавидя меня, любите свое отечество, способны быть ему полезнымъ; то я жалую васъ Сенаторомъ, надѣюсь, что когда займетесь дѣлами, оставите меня въ покоѣ.

Пропала во время бостонной игры со стола табакерка, и подозрѣніе упадало на дневальнаго пажа. Чтобъ не оскорбить его по одной догадкѣ, приказано не разглашать случая, и тайно съ осторожностію произвесть слѣдствіе въ городѣ. — Нашли пропажу въ закладѣ у золотыхъ дѣлъ мастера, уличили, и пажъ признался. — Молодость похитителя и не желаніе посрамленіемъ причинить ему на всю жизнь несчастіе претворили гнѣвъ въ соболезнованіе, и она согласила наказаніе съ нѣжностію своихъ чувствъ. Отправила его подъ видомъ свиданія въ Смоленскую губернію къ отцу, и своеручно написала къ нему такъ: знаю, какъ тяжко вамъ услышать о гнусномъ поступкѣ сына, но какъ послѣ того не льзя мнѣ оставить его при себѣ; то я разсудила, что добрыя ваши наставленія еще удобны исправить порочную склон-

ность. Не унывайте, старайтесь о томъ; и если онъ раскается, обратится къ нравственности; увѣдомьте меня, я попекусь объ немъ. Бѣдной, малочиновной отецъ былъ пораженъ неожиданною вѣстію, равно удивленіемъ кротости, снисхожденія Монархини, и надеждою на милосердіе облегчалъ свою горесть. Примѣрная эта пощада тягостила душу виновнаго отпрока, бесѣда съ самимъ собою открыла предъ нимъ яснѣе, ужаснѣе содѣянное, онъ убѣгалъ сообщества съ другими, лишился сна, пищи, измѣнился въ лицѣ, и плакалъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ. Протекло болѣе года, и старикъ рѣшился прибѣгнуть къ Императрицѣ. — Ваше Величество, писалъ онъ, помиловавъ, какъ Богъ, преступнаго моего сына, позволили припомъ мнѣ, ничтожному своему подданному, обременять Васъ, повелѣвающую вселенной, моимъ злополучіемъ. Сынъ мой не только исправился, но въ отчаяніи не радитъ о жизни, и меня влечетъ за собою ко гробу. Сжалитесь, Всемилостивѣйшая Государыня надъ моими сѣдинами, не отвергните моленія старца, съ рыданіемъ преклоняющаго колѣна предъ освященными Вашими стопами, воскресите поги-

бающее сѣмейство. Тотчасъ по полученіи сего письма, она потребовала къ себѣ изгнаннаго пажа, призвала въ свой кабинетъ, стыдила, увѣщевала какъ мать, произвела Офицеромъ въ армію, пожаловала денегъ на дорогу, и поручила въ покровительство Полковнику того полка.

Она умѣла въ молчаніи наказывать вельможъ. Одинъ изъ нихъ предался корыстолюбію, набогащался неосторожно, вѣрные о семъ слухи доходили до нее. Уважая его лѣта и заслуги, придумала она вразумительной урокъ; отправила къ нему курьера, которому приказано было явиться въ имянины сего корыстолюбца во время обѣда. За столомъ находилось тогда множество гостей, доложили о присланномъ, онъ входитъ, подаетъ пакетъ. Вельможа съ величавою осанкою распечатываетъ, и въ восхищеніи восклицаетъ: Ахъ, какая милость! Подарокъ! Императрица изволила вспомнить мой день! — Раболѣпные ласкатели готовились къ поздравленію, но вскорѣ хозяинъ смутился, подарокъ заключался въ кошелкѣ, длиною болѣе аршина.

Другой употреблялъ чрезмѣру крѣпкіе напитки, и она послала ему большой кубокъ.

Сильное обличеніе произвело сильную болѣзнь отъ которой онъ умеръ.

Узнала также, что чиновный, отличныхъ достоинствъ, но уже преклонныхъ лѣтъ человѣкъ, влюбясь въ танцовщицу взялъ ее въ свой домъ. Она приказала купить хорошаго попугая, научить его желаемымъ словамъ, и подарила старому Селадону. Съѣхались посѣтители, осматривали, похваляли подарокъ и услышали, что попугай вѣсьма чисто повторялъ: *стыдно старику дуракаться!*

Нѣкто чиновный упражнялся въ женскихъ рукодѣліяхъ, и поднесъ ей что-то вышитое шелками съ превосходнымъ искусствомъ. Она приняла даръ, но чтобъ дать почувствовать, сколь то не прилично для мужчины, прислала ему брилліянтовыя серьги.

Я не помѣщаю именъ покойниковъ потому только, что безславіе ихъ намъ не нужно.

Неустрашимость ея превышала свойства женскаго пола, она при всѣхъ случаяхъ поступала геройски. При спускѣ корабля, худо поставленная и покрившаяся снасть могла задѣть за ея кресла. Адмиралъ Грейгъ бросился, и едва успѣлъ учредить другое для нее мѣсто, какъ на прежнемъ точно бы за

цѣпило. Признайтесь, сказала она ему, что вы теперь въ первой разъ въ жизни испугались за меня.

При маневрахъ въ Кронштатѣ одинъ корабль столкнулся столь сильно съ галерою, на которой сидѣла Екатерина, что всѣ бывшіе при ней пришли въ великой страхъ. Одна она сохранила равнодушіе, ободряла другихъ, и приказала успокоить неосторожнаго начальника; — но утѣшеніе, было поздно, честолюбивый Капитанъ кинулся въ море. Екатерина симъ очень огорчилась, опредѣлила пенсіонъ его женѣ, а дѣтей приняла подъ свое покровительство.

Во все время путешествія по Тавридѣ Татары верьхами окружали ея карету. Только за четыре года предъ тѣмъ, они возставали противъ ея, сражались съ нашими полками, были непримиримыми врагами Россіи, и она ввѣряетъ имъ свою особу!

При въѣздѣ въ Бакчисарай непривычныя къ ѣздѣ, дикія лошади, закуся удѣла, помчали съ высокой горы.—Принцъ Де Линь, находившійся вмѣстѣ съ нею, не примѣтилъ въ ней ни малѣйшей перемѣны, онъ говоритъ: она была въ это время также спокойна, какъ при послѣднемъ зав-

пракѣ. Новые подданные, Крымцы устремі
лись спасать ее, спѣшились, легли на дорог
и бѣшенствомъ своей опважности, возде
жали бѣшенство лошадей.

Шведскій флотъ изъ 30 кораблей прибли
жился къ Кронштадту, и почти при вратах
столицы чинилъ нападеніе. Сопротивленіе на
ше, состоявшее только изъ 20 кораблей, му
жественно отражало стремленіе непріятел
Смѣлые выстрѣлы пушекъ отзывались в
Петербургѣ, потрясали окна. Отъ времен
Петра Великаго не видали въ заливѣ непр
ятельскихъ флотовъ; жители встревожилис
суетились, въ страхѣ ожидали худыхъ по
слѣдствій—одна Екатерина, какъ неподвижна
скала, пребывала непоколебима. Члены Со
вѣта собрались въ Сарское село, представ
ляли опасность, предлагали удалиться въ Мо
скву. — Велите поскорѣе готовить екипа
жи, сказала она. — Всѣ думали, что она одоб
рила ихъ мысль; во дворцѣ бѣгали съ шка
тулками, узлами, повторяли въ Москву! в
Москву! — но въ какое пришли удивленіе,
когда увидѣли, что она направила свой путь
въ Петербургъ; здѣсь она лишь болѣе
трудилась, болѣе распоряжала, въ общест-

вахъ же казалась спокойною, по прежнему, были тѣже съѣзды, тѣже обряды, забавы будто слышимая пальба происходила при ученіи полковъ.

Принцъ Де Линь говоритъ: Екатерина и при разрушеніи вселенной не возмутилась бы духомъ. Ничто не могло возпрепятствовать ея предпріятіямъ, она ко всему готовилась, все предвидѣла, и ничего не спрашилась.

Она равнодушно презирала выпускаемыя на нее пасквили, ругательныя сочиненія, не обижалась ими, и не преслѣдовала личностей, если не нарушали оныя общей тишины.

Одинъ изъ нашихъ Министровъ доносилъ, что скупилъ всѣ экземпляры оскорбительнаго на нее творенія, и получилъ въ отвѣтъ, что пріобрѣтеніе не стоитъ издержекъ.

Графъ Брюсъ увѣдомлялъ, что въ Москвѣ появились язвительные на нее стихи, и онъ надѣется открыть сочинителя. — Оставте его въ покоѣ, отвѣчала Екатерина, онъ уже довольно несчастливъ, когда скрываетъ свое имя.

Генералъ-Губернаторъ Каменскій прислалъ нарочнаго съ донесеніемъ, что дьячекъ бранилъ ее въ кабакѣ, и за то преданъ суду. —

Рѣчи дьячка для меня не важны, напрасно вы попревожили курьера, писала къ нему, велите освободить виновнаго, и только скажите Архіерею, чтобъ впредь его причетники находились не въ кружалахъ, а при церквахъ.

Въ другой Губерніи какой-то дворянинъ объявлялъ словесно, что вчера сосѣдъ его поносилъ при многихъ Государыню самыми дерзкими выраженіями. — Начальникъ, не желая дать ходъ такому дѣлу, сказалъ ему, что когда хочетъ сдать доношикомъ, то представилъ бы свой извѣтъ, по формѣ, на бумагѣ. — Преслѣдователь превратно принялъ его мысль, и на другой день представилъ съ написаннымъ листомъ.—Не льзя было скрыть дѣла; началось слѣдствіе, многое походило направду, дошло до свѣденія Императрицы, и вотъ какой Божественной произнесла она приговоръ: Призовите къ себѣ, писала она, обвиняемаго, вразумите его сколь безчестно, неблагородно злословить того, кого онъ со всѣмъ не знаетъ, и посовѣтуйте ему быть впредь осторожнѣе; а доношику объявите, что я съ презрѣніемъ его прощаю.

В. В. Па . . . къ сочинилъ на нее великія ругательства, и это обнаружилось. Генералъ-

Прокуроръ посадилъ его подъ стражу въ своемъ домѣ и доложилъ ей. — Покажите мнѣ, требовала она, это сочиненіе. Хотя тотъ представлялъ, что слова въ немъ отвратительны для слуха; она настояла. — Прочтя до конца, сказала, я его не знаю, ничѣмъ не оскорбила; и на вѣрное полагаю, что обращаетъ на меня злобу за какую нибудь тяжбу. Призовите его къ себѣ, обойдитесь поласковѣе и узнайте обстоятельство. — Предсталъ виновный, и просятъ его сѣсть, ожидаетъ упрековъ, допроса, и оказываютъ неожидаемую благосклонность. — Государыня извиняетъ вашу молодость, прощаетъ васъ; но будьте искренны, объявите—что побудило васъ къ тому, говорилъ Генералъ-Прокуроръ. — Ахъ, какое великодушіе! Я его недостоинъ, и оно есть тяжкимъ мнѣ поученіемъ. — Мой родной дядя, вскричалъ онъ въ слезахъ, отнимаетъ мое достояніе, знатность его превозмогаетъ уставы, я безъ покровительства нигдѣ не нахожу правосудія; отчаяніе содѣлало меня преступникомъ. — Когда донесли о семъ Императрицѣ, она сказала: видѣте ли что я отгадала, всегда нападаютъ на меня за грѣхи судей, при-

казала его освободишь, разсмопрѣла дѣло, и защишила опъ сильнаго.

Спашсъ - Секрепарь Тепловъ получилъ въ числѣ прошеній язвишельный пасквиль. По знакомой рукѣ вызвали клевепника, онъ признался, и Тепловъ, покровишельсшвуя ему, искалъ удобнаго случая преклонишь Государыню къ помилованію; скрышь же не могъ пошому чшо Почш-Дирекшоръ подавалъ вѣдомосшь сколько къ кошорому изъ Секрепарей посшупало опъ него пакешовъ. Однажды, когда онъ по окончаніи доклада опкланивался, она удержала его, и съ умысла, или безъ намѣренія спросила: Нѣшъ ли у шебя еще какой бумаги. — Тепловъ замѣшался, полагая, чшо уже предварили ее о шомъ, боялся солгашь, и принужденъ былъ обнаружишь шайну. — Я не люблю хишросшей, происковъ, молвила Екашерина, прошу впередъ лучше оправляшь свою должносшь.—Государыня! ругашельсшва сполъ неблагоприсшойны, чшо я не смѣлъ шѣмъ огорчишь васъ. — Усердіе не умѣсша, эшо не ваше дѣло, подайше. — По крайней мѣрѣ позвольше Ваше Величесшво объяснишь на словахъ содержаніе клевепы, и кшо сочинишель оной. — Еще вы комедію играше со

мною, произнесла она съ гнѣвомъ, подайте, вамъ говорятъ; въ прежнія времена казнили за такія дерзости смертію, и я сама умѣю строго наказать.—Тепловъ, видя появившійся румянецъ въ ея лицѣ, быстрые повороты по комнатѣ, ожидалъ гибели преступнику; но вдругъ послѣдовало изумившее его рѣшеніе.—Она прочтя всю бумагу, сказала, не хочу и знать о имени злобнаго поносителя, вотъ ему мое мщеніе, и бросила бумагу въ огонь. Докладчикъ удалился смущеннымъ, и дня три не пользовался благосклонностію.

Къ придворному книгопродавцу Вайтбрехту прислали изъ Парижа, безъ его требованія, нѣсколько сотенъ подобныхъ ругательствъ; онъ не зналъ какъ поступить въ семъ случаѣ. Пошелъ во дворецъ, доложили о сомнѣніи его Императрицѣ; и вышедшій отъ нее Генералъ-Адъютантъ спросилъ его: въ какую цѣну показаны по фактурѣ тѣ книжки, и по какой могъ бы онъ продавать ихъ? — Вайтбрехтъ назначилъ 30 копѣекъ за каждую. — Тотъ отправился опять къ ней съ его отвѣтомъ, и опять возвратясь объявилъ: Государыня приказываетъ намъ брать съ покупщиковъ только по пяти копѣекъ, а по четвер-

ти рубля въ добавку, вамъ отпустятъ изъ казны.

Должно однако замѣтить, что подобное равнодушіе къ сочиненіямъ язвительнымъ въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ могло быть благоразумнымъ только въ тѣ счастливыя времена, когда вліяніе проповѣдниковъ ложныхъ теорій не производило еще такого дѣйствія въ умахъ, какъ нынѣ; когда частные люди не входили въ политическіе толки; и доколѣ Французская революція не доказала свѣту, сколько милліоновъ честныхъ и спокойныхъ гражданъ могутъ лишиться имущества и жизни отъ пера нѣсколькихъ безсовѣстныхъ возмутителей. Въ послѣдніе годы своего царствованія сама Екатерина принуждена была принять строжайшія мѣры противъ подобныхъ твореній, посрамляющихъ умъ человѣческій и словесность, чтобъ охранить отечество наше отъ тѣхъ пагубныхъ слѣдствій, коимъ подвергли они Францію.

До войны съ Швеціею, она садилась за обѣдъ, въ часъ, послѣ оной въ два часа. Любила жирныя кушанья, и говядину съ соленымъ огурцомъ, изъ плодовъ предпочитала

вишни и яблоки; разпущенное въ водѣ, смородинное желе составляло обыкновенное ея питіе (*). Не употребляла прежде никакого крѣпкаго вина; но послѣ по совѣту Рожерсона пила постоянно каждое утро по одной рюмкѣ мадеры. — За столомъ находилось всегда человѣкъ восемь или девять. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли на то единожды данное право, какъ Фельдмаршалы—Разумовской, Голицынъ, Потемкинъ, Графы Ангальтъ, Чернышевъ, Строгоновъ, Брюсъ, Князь Юсуповъ, Бецкой, Нарышкинъ, Чертковъ, Князь Баряшинской, дежурный Генералъ-Адьютантъ, Румянцевъ, Кутузовъ, Еспергази, Мордвиновъ (нынѣ Адмиралъ); а другіе были приглашаемы. Изъ женщинъ: имѣли свободный пріѣздъ: Матюшкина, Нарышкина, Графиня Браницкая. Никто не чинился, обходились просто, говорили свободно, противорѣчили ей; Графъ Строгоновъ и Чертковъ терпѣли отъ нее шуточныя нападенія. Разсуждали иногда о Европейскихъ новостяхъ, о поступив-

(*) Французскіе Зоилы называютъ это красное питье виномъ, и тѣмъ ее порочатъ. Сегюръ и всѣ, знавшіе Екатерину, смѣются надъ безстыдною ихъ клеветою.

шихъ въ свѣтъ сочиненіяхъ, о смѣшныхъ, примѣчательныхъ произшествіяхъ въ столицѣ. Все позволялось, изключая обидныхъ, или острыхъ словъ на счетъ другаго, Екатерина не терпѣла злословія. Видѣли въ ней ласковую, любезную хозяйку, а не Императрицу; и время, проведенное съ нею, оставалось на долго въ воображеніи. Она дорожила самолюбіемъ каждаго; обращала вниманіе на его разсужденія соображая, что ставшій довольнымъ собою, будетъ доволенъ и ею.

Принцъ Де Линь говоритъ: присутствіе ея все озаряло, все одушевляло. Она была во всемъ единообразна, наблюдала строгую точность. Не желая блистать умомъ, давала цѣну рѣчамъ каждаго, и казалось, что слушала ихъ, тогда какъ совсѣмъ о иномъ помышляла. Природа надѣлила Екатерину волшебнымъ искуствомъ восхищать взоры, душу и сердце.

Въ числѣ ея кухмистровъ находился одинъ, давно служившій при дворѣ, но менѣе другихъ искусный въ своемъ ремеслѣ, и который не угождалъ ея вкусу. Однако она не могла рѣшиться причинить ему увольненіемъ неудовольствіе, и при очередной его недѣлѣ говорила:

мы теперь на діэтѣ, надобно запастись терпѣніемъ, за то послѣ сладко покушаемъ.

Пажи отъ рѣзвости и опрометчивости часто роняли вилки, ножи; это наскучило ей, по чему приказала гофъ фурьерамъ имѣть при себѣ карандаши, записывать шалости, будто съ намѣреніемъ разбирать поведеніе при производствѣ въ камеръ пажи. Угроза сія на однихъ словахъ, и безъ исполненія содѣлала пажей осторожными.

Вставъ отъ стола, она вскорѣ послѣ кофія отходила въ свой кабинетъ, садилась за рукодѣлье, вязала на длинныхъ спицахъ изъ шерсти одѣяла, фуфайки, а Бецкой читалъ предъ нею книги. Ея геній парилъ къ изящному, важному; Лейбницъ, Вольфъ, Невтонъ, Дескартъ, Пуфендорфъ, Монтескіо, Бюффонъ, Поппе, Локъ, Мильтонъ, Тассъ, Вольтеръ, Д'Аламбертъ, Руссо, Лагарпъ, Дидеротъ и подобные имъ авторы были ея собесѣдниками. Гримъ имѣлъ порученіе доставлять ей всѣ достойныя вниманія сочиненія.

Къ 6 часамъ обыкновенно съѣзжались приближенные, и составлялся вистъ по 10 рублей робертъ, бостонъ и ракомболь по полтинѣ фишка. Предпочитала играть съ Графомъ

Строгоновымъ и Черпковымъ, потому что они отбивали игры, заставляли брать каски, делать ремизы. Послѣдній всегда шумѣлъ, горячился, спорилъ, доказывалъ, что она играть не умѣетъ, и часто съ досадою бросалъ карты. Однажды она весьма крошко ссылалась въ своей правотѣ на двухъ сидящихъ подлѣ нее, Французскихъ Эмигрантовъ. — Ну, ужъ свидѣтели, вскричалъ Черпковъ, кто повѣритъ имъ, когда измѣнили своему Королю. — Екатерина покивала головою, напомня шѣмъ не нарушать скромности. — Камеръ-пажу вручала кошелекъ съ золотомъ, и онъ платилъ проигрыши червонцами, имперіалами.

Ужиновъ, кромѣ праздничныхъ дней, не было, въ 10 часовъ она удалялась, ложилась въ постелю, пила по спакану оварной воды, и упоенная милостями, щедротами, твердо смыкала зеницы. Никакія устрашающія, упрекающія мечты не тревожили ея спокойствія, и почивала сладко среди народной къ ней любви, среди продолжавшихся еще веселій въ столицѣ.

Посѣтители, разставшись съ нею, поспѣшали, кто къ себѣ принимать уже ожидающихъ гостей, кто въ дома богачей, вельможъ,

гдѣ находили людныя собранія, великолѣпныя освѣщенія, и пріятно проводили остальное время вечеровъ.

Она рѣдко показывалась городу, не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ зиму, и выѣзды ея сопровождались пышностію. Въ переди открывали путь лейб-гусары въ одѣяніяхъ съ галунами, позади замыкалъ такой же отрядъ; при ночной темнотѣ были факелы, и граждане, народъ бѣжали за нею въ слѣдъ. Однажды, почувствовавъ головную боль, сдѣлала прогулку въ саняхъ, получила облегченіе; но когда на другой день Г. Перекусихина совѣтовала употребить тоже лекарство, она сказала: полно, Марья Савишна, это не пристойно, что заключатъ въ городѣ, когда увидятъ меня два дни сряду на улицѣ?

Весьма также рѣдко посѣщала короткихъ ей особъ, Графа Разумовскаго, Фельдмаршала Князя Голицына, Нарышкиныхъ, Матюшкину, Графиню Брюсъ. Въ воспоминаніе столь лестнаго случая сохранился по нынѣ на дачѣ Г. Нарышкина, по Петергофской дорогѣ, обелискъ съ изображеніемъ ея имени, и съ надписью.

ГЛАВА VI.

Предпріятіе Порты. — Путешествія ученыхъ. — Усмиреніе Поляковъ. — Война съ Турками. — Князь Голицынъ предводительствуетъ, береть Хотинъ. — Графъ Румянцовъ его смѣняетъ. — Завоеваніе Молдавіи. — Опасность при Прутѣ. — Пораженіе Турокъ. — Покореніе Измаила, Килін, Бухареста, Акермана. — Татара отложились отъ Порты. — Славная побѣда у Ларги. — Бейсанъ. — Взятіе Бендеръ. — Истребленіе Турецкаго флота подъ Чесмою.— Поступокъ Графа Орлова—Поверженіе Турецкаго знамени предъ гробомъ Петра Великаго. — Рѣчь Плашова. — Греки. — Конфедераты. — Иностранные дворы. — Прусской Принцъ Генрихъ въ Петербургѣ. — Празднества. — Слова о Польшѣ иначе истолкованы. — Австрія вступаетъ въ союзъ съ Турками, угрожаетъ войною Россіи. — Хитрость Фридриха. — Продолженіе трофеевъ. — Чума въ Москвѣ. — Убіеніе Архіепископа. — Пожаръ въ Петербургѣ.—Князь Долгоруковъ береть Крымъ. — Письма Екатерины къ нему. — Похищеніе Короля Польскаго. — Марія Терезія овладѣла Ципскимъ округомъ. — Учрежденіе Ломбарда. — Фридрихъ дѣлаетъ планъ о раздѣлѣ Польши. — Конгресъ въ Фокшанахъ. — Перемѣна правленія въ Швеціи. — Датская Королева Матильда. — Первый раздѣлъ Польши. — Бредъ иностранныхъ писателей. — Доказательства тому.— Права, причины на тотъ раздѣлъ. — Пугачевъ. — Рѣдкой подвигъ слугъ. — Конгресъ въ Бухарестѣ. — Бракъ Цесаревича. — Неудачный переходъ за Дунай. — Екатерина Казанская помѣщица. — Миръ при Кайнарджи.—Ошибки. — Письмо Екатерины къ Шпакельбергу. — Усмиреніе Пугачева продолжается.

Въ Конспантинополѣ вражда противъ Россіи возрастала, созрѣвала, готовились къ вооруженію, и ожидали только благовиднаго слу-

чая къ разрыву мира. Доходили слухи о томъ до Екатерины, она смѣялась безразсудной дерзости, не хотѣла войны, надѣялась вразумить Диванъ; и на случай повелѣла собираться полкамъ, спокойно продолжая полезныя учрежденія. Годы

Отправлены путешествовать Палласъ и Фалкъ по Волгѣ до Казани, Оренбурга, Екатеринбурга; Гмелинъ и Гулденштейнъ на Донъ, Донецъ, Днѣпръ, въ Астрахань до предѣловъ Персіи, для описанія нравовъ жителей, ихъ выгодъ, недостатковъ, рѣкъ, горъ, положенія мѣстъ, для открытія древностей, и опредѣленія географическихъ широтъ. Сіи ученые мужи оправдали порученія, познакомили насъ съ неизвѣстными до того народами, и доставили любопытныя наблюденія. Упитанный желчію Каспера, приписываетъ сіи путешествія единому тщеславію Екатерины, потому только что она не выпустила въ свѣтъ описаній сихъ путешествій; но онъ не сообразилъ, что обозрѣнія опредѣлялись не для чуждыхъ Государствъ, а для Россіи, что изданія въ свѣтъ зависѣли отъ самихъ сочинителей, и что наконецъ болѣе походило бы на тщесла- 1768.

віе, когда бы Екатерина въ семъ случаѣ поступила сообразно обвиненію хулителя.

Академія Художествъ получила новое образованіе; принимали уже юношей не свыше 6 лѣтняго возраста, неиспорченной нравственности. Они находились три года подъ надзоромъ женщинъ, потомъ по склонностямъ, способностямъ поступали въ живописцы, ваятели, архитекторы; отличнѣйшіе изъ нихъ отправлялись въ чужіе краи на щетъ казенный.

Опредѣлена награда въ 5 тысячъ рублей, за лучшее произведеніе въ словесности.

Для облегченія денежныхъ оборотовъ учреждены въ столицахъ два промѣнныхъ банка на милліонъ рублей съ установленіемъ ассигнацій въ 25, 50, 75 и 100 рублей (*).

Азовъ отъ временъ Петра Великаго оставался по трактату въ запустѣніи, никому не принадлежалъ, Таганрогъ походилъ на деревню; оба сіи мѣста возстановлены, изъ предосторожности укрѣплены заблаговременно. Они составляли собою ключъ Азовскаго моря ко вступленію во внутренность Им-

(*) Десяти и пяти рублевыхъ еще не было.

періи, и содѣлались столь важными, что Екатерина въ письмѣ къ Вольперу называла ихъ первыми драгоцѣнностями въ своей коронѣ.

Волненія въ Польшѣ не утихали, явилась конфедерація Подольской губерніи въ мѣстечкѣ Барѣ, отъ нее отродились новыя, несогласныя въ своихъ намѣреніяхъ. Одни хотѣли, перемѣнить уставы, другіе свергнуть Короля. Совѣщанія первыхъ происходили сперва въ Венгріи, послѣ въ Тешенѣ; устроилось нѣсколько сильныхъ отрядовъ, предводительствуемыхъ Радзивиломъ, Пулавскимъ, Мянцинскимъ, Огинскимъ, Зарѣмбою; Франція подстрѣкала возмущенія, давала по 72 тысячи ливровъ на мѣсяцъ, прислала Дюмурье и въ слѣдъ за нимъ Віоменилля, Офицеровъ, войско; Король прибѣгнулъ тогда къ помощи Екатерины.

Наши, поражая, преслѣдуя повсюду Поляковъ, загнали ихъ въ Турецкое мѣстечко Балту (*), нечаянно выжгли оное; и предсталъ Порті давно ожидаемый случай къ угожденію Франціи, къ враждѣ съ Россіею. Немедленно заключили посланника Обрѣскова

(*) На рѣкѣ Кодемѣ, въ Подольской Губерніи; тогда составлла она границу.

Годы въ Семибашенный замокъ; Визирь выступалъ съ 400 тысячь за Дунай, и манифестъ 18 Ноября возвѣстилъ войну съ Мусульманами.

Уже Россійскіе полки подъ начальствомъ Князя Голицына стояли въ готовности на границахъ, уже шли чрезъ Польшу, и мы увидимъ, что коварство Франціи обратится къ славѣ Екатерины; она блистательнымъ образомъ побѣдитъ враговъ, и ея лавры откроютъ новые источники къ процвѣтанію Имперіи.

Въ сіе то время учрежденъ при дворѣ совѣтъ, о которомъ выше упомянуто.

1769. И такъ Россія, невольно вовлеченная въ войну, должна была сражаться въ одно время съ разными народами, и еще съ Конфедератами. Двинулись арміи, главная съ Княземъ Голицынымъ въ Молдавію, вторая съ Графомъ Румянцевымъ въ Бессарабію, Медемъ пошелъ на Кавказъ, Тотлебенъ противъ Черкесъ и Лесгинцевъ.

Готовясь къ побѣдамъ, къ наградѣ за оныя, Екатерина учредила военный Орденъ Св. Георгія съ раздѣленіемъ на 4 степени. Новое это украшеніе геройства произвело сильное еликричество въ душахъ; чтобъ получить его на-

добно отличиться на полѣ чести, и по- Годы
тому сей орденъ пребываетъ въ великомъ уваженіи.

Непріязненныя дѣйствія открыты Ханомъ Кримскимъ, который съ 12 тысячами Татаръ причинялъ въ Новосербіи великія опустошенія, но побѣжденный Генераломъ Исаковымъ, со стыдомъ оставилъ этотъ край.

Съ нашей стороны Князь Голицынъ перешелъ 15 Апрѣля Днѣстръ, 29 осадилъ безуспѣшно Хотинъ, и вскорѣ возвратился за рѣку, находился между двухъ огней. По отраженіи гораздо многочисленнаго непріятеля онъ 3 Іюля вторично подступилъ къ Хотину, куда Визирь и Ханъ съ 30 тысячами пришли на помощь. Надлежало сразиться, и Голицынъ 27 Августа одержалъ совершенную побѣду. Турки потеряли въ этомъ дѣлѣ 7 т. человѣкъ, 64 пушки, 14 мортиръ, множество повозокъ. Наконецъ сія упорная крѣпость сдалась 29 Августа, вскорѣ потомъ заняли почти всю Молдавію и Валахію. — Тѣмъ заключились подвиги Князя Голицына. До Петербурга дошли однѣ его неудачи, и его отозвали отъ арміи.

Предсталъ на ратномъ полѣ новый вождь, 1770.
знаменитый уже по семилѣтней войнѣ,

по овладѣнію Кольбергомъ, герой всѣхъ вѣковъ, достойный совмѣстникъ Монтекокуля, Евгенія, Марльборуга, Тюреня и Конде — безсмертный Графъ Румянцевъ. Онъ уничтожилъ рогатки, столь запрудительныя при перевозкѣ, умножавшія собою обозы, поставилъ вмѣсто ихъ свое искуство, крѣпкую грудь Россіянъ, и трофеи его превзойдутъ ожиданіе.

Первое его предпріятіе увеличило прежнюю его славу, явило въ немъ необыкновенный геній. Никто до него, даже Монтекукулли и Принцъ Евгеній, наносившіе Туркамъ чувствительные удары, не смѣли съ малыми силами противоборствовать многочисленнымъ войскамъ Мусульманскимъ. Разъяренные Янычары съ кинжалами во рту, съ саблями въ рукахъ, Спаги, отчаяные наѣздники, быстротою, изступленіемъ и крикомъ устрашали самыхъ храбрыхъ. Они разоряли Венгрію, Польшу, овладѣли тамъ нѣсколькими странами, торжествовали надъ Австрійцами, осаждали Вѣну, и наносили ужасъ Европѣ. Одинъ Румянцевъ доказалъ своимъ предшественникамъ, что съ войскомъ, почти въ десять крать менѣе Турецкаго, возможно поражать многолюдство ихъ.

Уже Яссы, почти вся Молдавія, Журжа и Галацъ были взяты; Господарь Маврокордато, три Валахскихъ Князя достались въ плѣнъ, и начало ознаменовалось блистательнѣйшимъ образомъ. Послѣ многихъ ошибокъ, всегда побѣдоносныхъ для Россіянъ, Турки вмѣстѣ съ Татарами, въ числѣ 80 т., подъ предводительствомъ Хана Капланъ Гирея и Сераскира Аббы Паши перешли черезъ Дунай, на лѣвой берегъ Прута, чтобъ вторгнуться въ Молдавію. Румянцевъ за отдѣленіемъ отъ главной арміи нѣсколькихъ отрядовъ, оставался только съ 18 тысячами, и сверьхъ ожиданія окруженъ былъ столь превосходнымъ количествомъ, что непріятели щитали горсть Россіянъ, уже вѣрною добычею. Предположеніе ихъ было основательно; ибо какое иное войско дерзнуло бы состязаться при такой несоразмѣрности? — Какой другой полководецъ не вступилъ бы въ переговоръ къ спасенію войска и не положилъ бы оружія? Превозносимый хвалами герой нашего времени Бонапарте—оказалъ ли гдѣ подобную рѣшимость?—Румянцевъ не унывалъ; предстоящая слава, честь Русскаго имени сглаживали предъ нимъ изрытый пропастями путь. Онъ созвалъ Генераловъ на

совѣтъ, общій голосъ опредѣлилъ идти въ передъ. Правое наше крыло примыкало къ рѣкѣ Прушу, и воспоминаніе, что на этомъ мѣстѣ едва не погибъ Петръ Великій, волновало мужество. — Ночью на 7 Іюля двинулись въ небольшихъ кареяхъ Князь Репнинъ, Племянниковъ, Потемкинъ, Боуръ, послѣдній приготовлялъ еще мосты, переправы, и Румянцевъ съ осталкомъ войскъ слѣдовалъ за ними. Съ разсвѣтомъ показались наши на высотахъ и встревожили Турокъ; засвѣтились огоньки, войска спѣшатъ, становятся въ ряды; загремѣли наши пушки, засверкали штыки; и горделивое предъ тѣмъ воинство непріятельское обратилось въ бѣгство.—При семъ взято 30 пушекъ, 14 мортиръ, весь лагерь, 7 п. шелѣгъ, много плѣнныхъ, денегъ; и орденъ Св. Георгія въ первый разъ освятился благодарнымъ возмездіемъ. Получили, Румянцевъ—первой, Племянниковъ, Князь Репнинъ, Боуръ — второй, Генералы Вейсманъ, Замятнинъ, Гротенгельмъ, Потемкинъ, Князь Трубецкой, Бригадиры Ржевской, Гудовичь—третей, — Полковникъ Сапинъ, Подполковники Фалкенпельдъ, Графъ Воронцовъ, Елчаниновъ, Князь Меньщиковъ, Нейбушъ, Пеуплингъ, Розенъ и Маіоръ Кин-

логъ—четвертной,—степеней.—Побѣда сія изумила Европу; враждующіе кабинеты скрывали свою досаду, страшились будущихъ подвиговъ, писатели, журналисты изкажали истинну, а Румянцевъ въ молчаніи увѣнчался лаврами.

Послѣ сего открылась неразрывная цѣпь трофеевъ; покорены: Измаилъ, Килія, Бухарестъ, Акерманъ; и Татары Буджакскіе и Бѣлогородскіе отложились отъ Порты, присягнули не помогать ни ей ни Крымцамъ.

Встрѣтилась одна неудача; мы, осаждая Браиловъ, отступили отъ него; Румянцевъ разсердился, послалъ Генералъ-Маіора Глѣбова, и Браиловъ сдался. Это походило на облачко, заслонявшее въ прекрасный лѣтній день солнце, коего пламенные лучи снова блистаютъ.

Еще молва о именитомъ событіи у Ларги переходила изъ устъ въ уста, какъ Румянцевъ чрезъ двѣ потомъ недѣли, то есть 21 Іюля, одержалъ новую побѣду, важнѣе, неимовѣрнѣе предшествующей. Онъ приближился къ рѣкѣ Кагулу, гдѣ увидѣлъ предъ собою армію Визиря въ 150 тысячахъ и въ сторонѣ 100 тысячъ съ Кримскимъ Ханомъ, готовившимся зайти въ тылъ. — Такое обстоятель-

сіпво было несравненно опаснѣе перваго, пребовало необыкновенной рѣшимосіпи, мужесіпва. Чіпобъ опвраіпишь гибель, ободриіпь своихъ, онъ навелъ на ближайшія высоіпы зрипельную шрубу и сказалъ: Если осмѣляіпся они разбиіпь шуіпъ хоіпя одну палаіпку, пойду въ сію же ночь ашаковаіпь ихъ. — Турки расположили по означеннымъ хребіпамъ лагерь свой, имѣя предъ онымъ рвы, крупизны, неприсіпупносіпи. Генералы, окружавшіе вождя, недоумѣвали какимъ образомъ, приведеіпъ онъ въ дѣйсіпвіе обѣщаніе свое.

Сдѣланъ планъ; велѣно каждой дивизіи сосіпавиіпь свое каре; Боуру съ передовымъ опрядомъ быіпь у праваго крыла, и начаіпь нападеніе, за нимъ слѣдоваіпь Племянникову, а Князю Рѣпнину опъ лѣваго крыла удариіпь во фланъ. Наспупила ночъ, идуіпъ; Турки уже не спали, осѣдланныя ихъ лошади прибѣгали на всіпрѣчу. Всѣ каре соединились у Трояновой дороги; Мелиссино началспвовалъ надъ арпиллеріею. — Воинской огонь запылалъ; малые наши опряды сразились съ огромною массою, какъ карлы съ великанами, и первый напискъ Мусульманъ обѣщалъ намъ худыя послѣдспвія. Турки проскакали скрып-

но по ущелью, устремились съ саблями съ кинжалами на каре Племянникова, и съ крикомъ: *Алла* врѣзались въ него, привели въ замѣшательство, загнали Муромской, 4 Гренадерской и Бутырской полки въ каре Олица, который самъ разстроившись отъ того, подвергался опасности. Румянцовъ, примѣтя это, сказалъ Принцу Брауншвейгскому: Теперь до насъ дошло дѣло;—поспѣшилъ впередъ, возглашалъ: Стой ребята! Стыдно! и всѣ обратились къ своимъ мѣстамъ. Тогда подоспѣли на помощь Боуръ, Брюсъ, и порядокъ возстановился; прогнали враговъ; конница Графа Салтыкова, Князя Долгорукова, пробивалась, рубила; Графъ Воронцовъ занялъ ретрашаментъ, изтреблялъ Янычаръ, Князь Рѣпнинъ поражалъ ихъ позади лагеря; и побѣжденные въ общемъ смятеніи и ужасѣ искали себѣ спасенія. Визирь хотѣлъ было удержать своихъ, но они бѣжали къ Дунаю, бросались въ воду, на бывшія у берега 300 судовъ, и поприще, до того ужасное, очистилось, опустѣло, Погоня за ними продолжалась, изтребляла, устала и возвратилась.

Турки потеряли при семъ до 20 тысячь

*

убитыми и плѣнными, 140 орудій, весь лагерь съ припасами, аммуниціею и драгоцѣнностями.

Такимъ по образомъ совершилась едва ли бывалая битва Кагульская, которая прославила, вознесла Россію на верьхъ славы. — Подполковникъ Ламбъ привезъ потомъ безсмертному Румянцову нареченіе его Фельдмаршаломъ.

Пораженія продолжались. — Извѣстный храбростію Генералъ Вейсманъ переходилъ нѣсколько разъ за Дунай, побивалъ, плѣнялъ, овладѣлъ Исакчею, срылъ ея укрѣпленія, и наносилъ страхъ Спамбулу. Въ другой арміи Графъ Панинъ покорилъ 26 Августа именитыя Бендеры, защищаемыя 12 тысячнымъ гарнизономъ и 348 пушками, взялъ 5 тысячь плѣнныхъ, великое множество запасовъ и снарядовъ. — Топлебенъ на Кавказѣ взялъ крѣпости Мериполь и Багдадъ. Грузинской Царь Иракліи отрекся отъ подданства Порты, собралъ 40 т. войска, присоединился къ Русскимъ; и буйные Черкессы, Лезгинцы не могли дѣйствовать въ пользу Турокъ.— Имеретія также отдалась въ покровительство Россіи.

Все благопріятствовало Екатеринѣ, казалось, случаи по уговору между собою стеклись, чтобъ представить ее непобѣдимою и отяготить судьбу Порты. Когда сіе происходило на твердой землѣ, морскія наши силы оказали подвигъ, примѣрный въ лѣтописяхъ міра. Графъ А. Г. Орловъ въ Сардиніи, Ливорнѣ и другихъ городахъ Италіи приготовилъ все потребное для флота, который въ Сентябрѣ прошедшаго года выступилъ изъ Кронштада, и 17 Февраля находился у Порто Вителло. Первый показался на Средиземномъ морѣ Плещеевъ, за нимъ слѣдовали корабли и фрегаты, числомъ 21, подъ предводительствомъ Адмирала Спиридова. — Въ Апрѣлѣ присоединился къ нему Елфингстонъ съ 4 кораблями и однимъ фрегатомъ. — Встрѣтились враждующіе на влажной стихіи; и начало, будто въ соотвѣтственность первой осадѣ Хотина Княземъ Голицынымъ, не имѣло успѣха; мы отступили отъ Корона и Модона. Потомъ, не смотря на превосходство Турокъ, мы отъ Наполи ди Романи гнали ихъ флотъ, который укрылся въ каналѣ между острововъ Хіо и Либерноса, подъ защитою утесистыхъ скалъ. Здѣсь сцѣпился корабль

Адмиральской съ Капитанъ-Пашинскимъ, и оба взлетѣли на воздухъ. На первомъ находился Ѳ. Г. Орловъ; неизвѣстность о братѣ сокрушала начальствовавшаго, но вскорѣ присланный возвѣстилъ, что онъ съ Адмираломъ и 90 человѣкъ спаслись. Устрашенные симъ произшествіемъ Турки не успокоили, устремились въ губу при Чесмѣ, (древній Клазоменъ) не предполагая, что попались въ западню. На другой день, 26 Іюня окружили ихъ; ночью приготовили брандеры, пустили въ кучу судовъ, и громада сія въ продолженіе 6 часовъ представила собою пылающій городъ. — Какое зрѣлище! Небо озарилось синебагровымъ цвѣтомъ, трескъ разрушенія заглушалъ вопли, стоны; по высотѣ неслись изорванные паруса, обломки мачтъ, снастей, смѣшанные съ раздробленными членами погибшихъ до 20 т. человѣкъ; трупы другихъ плавали по волнамъ, и мракъ сгустившагося дыма внизу, отдѣлялся полосою отъ зарева разпространившагося подъ облаками. Утверждаютъ, что струи превратились въ кровавыя, и что взрывы слышаны были въ Смирнѣ. Казалось тогда рушилась вселенная, но освѣтило солнце, и на плачевномъ поприщѣ, какъ въ унылой степи, остались только слѣ-

дьі ужаснѣйшаго произшествія. И такъ 9 нашихъ кораблей съ нѣсколькими фрегатами истребили (*) 16 линейныхъ кораблей, и до спа иныхъ судовъ Турецкихъ. На выбитой по сему случаю медали одно помѣщенное слово — *былъ*—вѣрнѣе длиннаго описанія и лучше всякаго краснорѣчія.

Господинъ Кастера (**), по привычкѣ своей порицать дѣла Екатерины, силится увѣрять, что флотъ сгорѣлъ не отъ брандеровъ, а отъ неосторожности самихъ Турокъ, и что дѣйствовали притомъ Англичане, бывшіе тогда въ Россійской службѣ; наши же Адмиралы и Офицеры отличались только невѣжествомъ. — Жалки читатели, которые дадутъ вѣру такому бреду!

При содрогательномъ повѣствованіи упѣ-

(*) Гакертовы 4 картины въ Петергофѣ изображаютъ это произшествіе. — Г. Кастера не упустилъ случал выпустить въ свѣтъ иную небылицу, будто Графъ Орловъ нарочно сжегъ одинъ корабль, чтобъ подать художнику лучшее понятіе о произшествіи.

(**) Кастера списавъ до послѣдней строки чужое сочиненіе—Vie de Catherine Imperatrice de Russie, an V de la republique, выдалъ за свое.

[illegible] о ве-
[illegible] и признательности къ
[illegible] Вскорѣ послѣ истребленія
[illegible] на коемъ находилась
[illegible] съ сыномъ, со сви-
[illegible] имуществомъ. Задержали
[illegible], представили Графу Ор-
[illegible] юношу, матери
[illegible] ихъ съ честью.
[illegible] Графъ Румянцевъ от-
[illegible] къ Визирю; Па-
[illegible] ихъ ли ар-
[illegible] — Нѣтъ, отвѣчалъ
[illegible] другіе въ Петер-
[illegible] — [illegible] Турокъ, что
[illegible] у насъ въ великомъ ува-
[illegible] мнѣ жену и сына —
[illegible] благодѣянія, и
[illegible] если бы могъ оказать
[illegible]

[illegible] нѣжнѣйшей люб-
[illegible] Петра, ему, какъ
[illegible] воздала всю честь
[illegible] и учредила великолѣпное
[illegible] Войска отъ дворца до крѣпости
[illegible] строю; она шествовала туда съ

своимъ дворомъ, слушала Литургію, панихиду, и когда возгласили вѣчную память почившему вѣнценосному Герою, взяла приготовленный Турецкой флагъ, и при низкомъ поклонѣ, повергла у подножія его гробницы. Въ эту минуту загремѣли пушки, ударили въ барабаны, раздался колокольный звонъ, и среди народнаго шума совершилась чистая жертва отъ Великой Великому. Зрители взволновались отъ удовольствія, недоумѣвали кому изъ нихъ удивляться; и вдругъ предстало имъ иное поразительное явленіе. Сѣверный Златоустъ (ставшій потомъ Митрополитомъ) Платонъ прерываетъ похвальную рѣчь, сходитъ съ каѳедры, приближается ко гробу, и повелительно вѣщаетъ: Возстани Петръ! Возстани! всѣ содрогнулись, устремили къ тому мѣсту взоры, будто ожидали не воскреснетъ ли Россійской полубогъ. Льзя ли болѣе почтить преселившагося въ вѣчность? Льзя ли сильнѣе сего потрясти чувства живыхъ?

Въ Петербургѣ мало помышляли о Туркахъ и Полякахъ; были увѣрены въ успѣхахъ; курьеры часто пріѣзжали съ радостными извѣстіями; во храмахъ курились благодарственные фиміамы, стѣны ихъ украшались бунд-

чуками, знаменами, и людные съѣзды, обѣды при дворѣ означали празднества. Тогда только сообщали другъ другу, что такая то крѣпость взята, тамъ то происходило важное сраженіе.

Греки отложились отъ Порты, и составили изъ себя два легіона Спартанскихъ, одинъ изъ нихъ.—Восточный покорилъ Пассаву, Бердоли, Миссистру (древнюю Спарту); другой—Сѣверный, Каламату, Леонтари, Аркадію; они плѣнили до 4 т. Турокъ, дрались храбро при Корнивѣ.—Но дорого стоило имъ вспомоществованіе своимъ единовѣрнымъ; побѣдители потомъ удалились, а они навлекли на себя жестокое гоненіе отъ порабощивших ихъ властелиновъ. Послѣ Чесменскаго пораженія, Царьградъ трепеталъ, ничто не препятствовало вступить въ Дарданеллы, но не извѣстно почему мы довольствовались обладаніемъ Хіо, Лемноса, Мителлина, и нѣкоторыхъ городовъ Мореи.

Польша поступала странным образомъ; при началѣ непріязненныхъ пропивъ насъ дѣйствій Порты, на Сеймѣ объявила сей войну, а въ тоже время конфедераты ея сражались съ нами. Помощь, заключавшаяся

въ однихъ словахъ, по вліянію Короля и нѣкоторыхъ преданныхъ Россіи, превратилась въ явную вражду народа. — Краковъ, Литва возстали; Суворовъ, Князь Прозоровской, Михельсонъ, Веймарнъ, Древичь и Реннъ съ слабыми отрядами повсюду побѣждали, прогоняли ихъ; и знаменитый по революціи Дюмурье съ сотоварищами принуждены были по велѣнію Суворова выйти изъ Кракова чрезъ зловонную яму, чрезъ которую они прежде потаенно вступили въ городъ.

Размноженіе трофеевъ, подданство нѣсколькихъ народовъ, мудрый Наказъ, отличныя въ Имперіи заведенія, и громкая слава Екатерины привела въ смущеніе и робость Европейскія державы.

Англія, находя торговлю съ Россіею выгодною, не почитая успѣхи ея окончательными, давала время тратить людей, деньги и молчала.

Людовикъ XV, слабый, сластолюбивый, обремененный долгами собственными и высокомѣрнаго предшественника, желалъ вредить Россіи безъ дальныхъ предпріятій. Въ усыпленіи не обижался онъ, что другіе располагаютъ дѣлами Европы безъ совѣщанія съ нимъ, и

шѣмъ унижаютъ его дворъ. Шуазель воспламеняя огонь раздора, не имѣлъ возможности дѣйствовать по своимъ видамъ, и только удерживалъ Порту отъ примиренія, подстрѣкалъ Поляковъ, склонялъ Швецію къ разрыву дружбы съ нами.

На пропивъ того Австрія, питая зависть, не могла долѣе сносить возрастающаго величія Екатерины, которое оскорбляло самолюбіе Маріи Терезіи. Она хотѣла показать, что Екатерина не превосходитъ ее ни въ достоинствѣ ни въ могуществѣ, ввела свои войска въ Польшу, овладѣла Ципскимъ округомъ съ 13 городами, и предспали орлы Германскіе на смѣну бѣлыхъ. Удивленный шѣмъ Король Поняповской, писалъ къ Маріи, и ему объявлено было, что какъ предѣлы къ Венгріи еще сомнительны, состоятъ въ споръ, то разберутся въ нихъ по окончаніи войны Россіи съ Портою. — Министерство наше и Прусское требовали очищенія заняпой страны, и получили въ отвѣтъ, что это дѣлаютъ изъ предосторожности отъ чумы, и что выведутъ отпуда полки, когда Россія учинитъ тоже. Давно ли Австрія съ горячностію защищала Польшу и теперь прежде всѣхъ оби-

жаетъ ее! Опасаясь однако, не произвело бы сіе ссоры между Австріею и двумя кабинетами, столь тѣсно соединенными между собою, она придумала новое средство. Іосифъ давно желалъ познакомиться съ Фридрихомъ, героемъ, философомъ; но мать по злобѣ къ похитителю Силезіи удерживала его; при настоящихъ же обстоятельствахъ искала уже случая сблизиться съ Пруссіею; и послѣдовало позволеніе на желаніе Іосифа. Еще въ прошедшемъ году подъ именемъ Графа Фалкенштейна имѣлъ онъ свиданіе съ Фридрихомъ въ Нейссѣ, и теперь опять съѣхались въ Нейштадѣ. — Іосифъ и сопровождавшій его Князь Кауницъ приступили къ переговорамъ, какъ бы положить преграду самовластію Екатерины, объявили, что не допустятъ ее оставить за собою Молдавію съ Валахіею (*). — Убѣждали Фридриха, разрушивъ съ нею союзъ, утвердить съ Австріею; но не могли преклонить его на свою сторону. Согласились только въ томъ, чтобъ обще стараться о примиреніи Россіи съ Пор-

(*) Австрія умышляла пріобщить со временемъ сіи два Княжества къ Венгріи, по прежнему праву.

[illegible]; въ случаѣ же войны у Англіи съ Франціею, къ чему подавало поводъ захваченіе первою у послѣдней корабля близь Новой земли. (Terre neuve) остаться неутральными. — Тогда какъ они продолжали горячія свои пренія, прискакавшій гонецъ привезъ неожидаемое извѣстіе о истребленіи Турецкаго флота подъ Чесмою, и вѣнценосцы поспѣшно разлучились съ досадою на сіе событіе и съ подготовленными предложеніями.

Фридрихъ находился въ затруднительномъ положеніи; побѣды, *огромныя предпріятія* Екатерины не нравились ему; но, не довѣряя ни Австріи, съ которою, предъ тѣмъ враждовалъ, ни Франціи, нарушавшей условія свои, предпочиталъ связь съ Россіею новому дружеству. Съ другой стороны одна Австрія могла противиться Россіи, и потому надлежало не разрывать съ нею полезнаго согласія. — Порта обратно нужна ему была для возстанія иногда на Австрію, а паденіе ея увеличило бы болѣе силу Екатерины и ниспровергло существовавшее равновѣсіе. Желалъ наконецъ избѣгнуть обѣщанной намъ помощи, если продолжится война съ Турками, или возникнетъ съ Австріею.

Сей прозорливый Государь, чтобъ соблюсти свои пользы, примирить двухъ Императрицъ, не прогнѣвивъ Екатерину, воздержать подъ видомъ усердія ея дѣйствія, и не подать неудовольствіи прочимъ, придумалъ стать посредникомъ. Онъ отправилъ брата своего Генриха въ Стокгольмъ къ сестрѣ, съ увѣренностію, что Екатерина по близкому разстоянію пригласитъ его въ Петербургъ, и не ошибся въ своемъ заключеніи. Его встрѣтили — на границѣ Камергеръ, на послѣдней станціи Генералъ Бибиковъ, и онъ представалъ Императрицѣ. Съ перваго дня здравыя сужденія, пріятное обхожденіе Генриха снискали благоволеніе Августѣйшей хозяйки; онъ удивлялся ея уму, высокимъ качествамъ, бесѣду съ нею предпочиталъ шумнымъ обществамъ, и утвердилось взаимное дружество. Послѣдовали обѣды, балы, и два празднества любыпны великолѣпіемъ. Въ маскерадѣ находилось до 3,600 масокъ въ богатыхъ нарядахъ, разныхъ кадрилляхъ; предъ ужиномъ явился Апполонъ съ 4 временами года, подносилъ назначенные дары, и краткимъ привѣтствіемъ приглашалъ къ ужину въ длинную галлерею. Тамъ каждый нишъ представлялъ

стало одинъ изъ 12 мѣсяцовъ съ приличными украшеніями, съ накрытыми столами на 10 приборовъ въ каждомъ, и 120 гостей размѣстились въ нихъ. На хорахъ играла музыка, мѣшались любопытныя маски,—и Апполонъ съ своею свитою, Діана съ Нимфами составили балетъ. Послѣ ужина всѣ собрались въ ярко освѣщенные аванзалы, танцовали; вошедшій Апполонъ возвѣстилъ спектакль, играли малую комедію: Оракулъ, потомъ вступили опять въ маскерадъ, и разъѣхались въ 5 часовъ утра. Было катанье въ огромныхъ саняхъ, запряженныхъ 12 лошадьми, къ коимъ прицѣплялось множество салазокъ, съ двумя въ каждыхъ путешественниками. При поворотахъ салазки опрокидывались, останавлялся для того цѣлый караванъ, шутили и смѣялись надъ упавшими. По дорогѣ вспрѣшили иллюминованныя версты, при нихъ шишки съ волынками, цимбалами, рожками; поселяне пѣли, плясали; Пулкова гора изрыгала пламя, и огненныя струи капились съ высоты. — Въ Царскомъ селѣ ожидалъ роскошный балъ, долго танцовали; по пушечному выстрѣлу потушили свѣчи, приблизились къ окнамъ, смотрѣли на прекраснѣйшій феерверкъ, другая

пушка подала знакъ къ возженію угашенныхъ свѣчей, и ужинъ окончилъ эту забаву.

Генрихъ желалъ посѣтить Москву, отправился 4 Декабря, прибылъ туда съ небольшимъ въ 60 часовъ, и возвратился въ восхищеніи опъ древней столицы нашей.

Онъ скрывалъ данное ему порученіе, желая прежде проникнуть въ сокровенныя мысли Екатерины; искусно опклонялъ опъ себя политическіе предметы, старался однако примирить Россію съ Портою; къ нему присоединился Австрійскій Посланникъ съ нотою, и оба предлагали общее посредничество. Императрица, поблагодаря за участіе, объявила, что не можетъ принять ихъ услуги, по причинѣ уже сдѣланнаго ею прежде отказа въ этомъ Англійскому двору.

Однажды дошла рѣчь до захваченія Австріею Ципскаго округа, и Екатерина сказала о Польшѣ, что *тамъ наклонись только, и поднимешь находку.* На сихъ то словахъ, безъ намѣренія произнесенныхъ, основалось, какъ объяснимъ ниже, важное произшествіе въ Европѣ.

Фридрихъ писалъ тогда къ Вольтеру: „Мой „братъ, преисполненный изумленія безпрестан-

„мъ говоритъ мнѣ о вашей Императрицѣ. Онъ „отдаетъ необыкновенныхъ ея достоинствъ, и „нѣкъ любезныхъ качествъ, которыя рѣдко схо„дятся съ надменностію, съ величіемъ Государ„ей. Онъ ѣздилъ въ Москву, повсюду находилъ „отличныя заведенія, свидѣтельствующія бла„годѣтельный Геній Екатерины. Подробности „объ нихъ были бы пространны, я не вхожу въ „нихъ; они требуютъ пера искуснѣе моего.

Горделивая Марія Терезія раздражилась твердымъ отказомъ, колебалась въ сомнѣніи, что начать, къ какому прибѣгнуть средству.—Допустить Россію до дальнѣйшихъ побѣдъ—не возможно. Объявить ей войну — боялась соединенныхъ съ Пруссіею силъ, возстанія Славянскихъ народовъ, единовѣрныхъ съ нами. Не оказать помощи Туркамъ и Полякамъ, совсѣмъ не дѣйствовать—означало бы безсиліе, и впрослѣдствіи несостоятельность.—Сдружиться съ Портою—казалось неблаговидным, постыдным. Наконецъ зависть, досада превозмогли, и Марія заключила съ Турками тайный союзъ. Въ трактатѣ постановлено, что Австрія обязывается принудить Россію войною или переговорами заключить съ ними миръ, возвратить отнятое, и равно защитить Поляковъ; а Порта обѣща-

ешъ ей за то 20 т. мѣшковъ, часть Валахіи, Годы
Трансильванін, и свободную торговлю по Черному морю, также съ Алжиромъ, Триполи и Тунисомъ. Австрія, принявъ въ задатокъ 4 т. мѣшковъ, вооружилась, приготовляла запасы, снаряды и войска ея выступили на границу.

Она, скрывая свои намѣренія, возобновила прежнее требованіе, но уже съ угрозами, и не предвидя успѣха, не предпринимала ничего рѣшительнаго. Фридрихъ подъ видомъ дружества представлялъ Екатеринѣ опасность отъ Франціи и Англіи, совѣтовалъ прекратить войну, и ему отвѣчали съ холодностію, съ неудовольствіемъ. Екатерина не терпѣла, чтобъ мѣшались въ ея дѣла; она съ твердостію, надежностію на себя, съ Румянцовымъ, съ храбрыми своими Генералами и полками безстрашно одолѣвала препятствія.

Война продолжалась; покорили Сульчу, Князь Прозоровской взялъ между Очакова и Бендеръ множество плѣнныхъ и скота; отважный Вейсманъ со славою переправлялся за Дунай, срылъ Исакчу, Гуссень, покорилъ Бабаду, разбилъ 1771.
Визиря, все истреблялъ до Балканскихъ горъ, (Гемуса) и нанесъ страхъ Сералю. При Горгорѣ легло на мѣстѣ до 2 т. Турокъ, мно-

*

[illegible] въ Дунаѣ; Князь Рѣпнинъ, [illegible] Измаиломъ и Киліею, изгналъ ихъ изъ [illegible]. Были также двѣ неудачи; мы от[illegible] отъ Браилова и Журжи. Флотъ [illegible] съ ротою гвардіи Преображенскаго [illegible] тогда на якоряхъ въ Паро[illegible] гавани. Графъ Орловъ препроводилъ къ Мальтійскому Гросмейстеру 90 плѣнныхъ Алжирцовъ и Тунисцевъ для размѣна ихъ на Христіянъ; извѣстный по неустрашимости, искуству Сенявинъ вступилъ въ Дарданеллы, пушечные его выстрѣлы встревожили Султана. Однако сіе послѣ знаменитыхъ, безпримѣрныхъ битвъ у Ларги, при Кагулѣ, подъ Чесмою, казалось неважнымъ, да и не предстояло болѣе случаевъ къ блистательнымъ дѣйствіямъ; весь почти берегъ Дуная былъ очищенъ, у Турокъ оставалось одно мѣстечко Турно.

Побѣды наши перенесены въ иную страну, затрубитъ слава на Евксинскомъ Понтѣ, увидимъ притомъ событія необыкновенныя какъ внутри, равно внѣ Россіи.

Когда въ одной столицѣ отправляли веселія, торжества, другая бѣдствовала, изнемогала. Турки отплатили намъ за пора-

женія, не оружіемъ, а чумою. Пріѣхавшіе изъ арміи привезли ее въ Москву, какъ нѣкое сокровище въ чемоданахъ, сундукахъ; и она, оказавшись на суконной фабрикѣ, быстро разпространилась по всему городу. Неожидаемость, худое поняпіе врачей о болѣзни, упрямство, недовѣрчивость черни усугубляли зло. Дворяне поспѣшали отъѣздомъ, обозы тянулись въ нѣсколько рядовъ, домы стояли съ закрытыми окнами, неимѣвшіе средствъ удалиться, сидѣли взаперти. Простолюдины напротивъ безстрашно пьянствовали въ кабакахъ, толпились, заражали воздухъ. При храмахъ раздавался унылой звонъ колоколовъ, и ядъ переливался отъ одного къ другому. Трупы, нерѣдко обнаженные, валялись на улицахъ, площадяхъ; прикасавшіеся къ нимъ грабители, вмѣсто добычи приобрѣтали смерть; гибли цѣлыя семейства, живые не успѣвали погребать умершихъ, и Москва примѣтно опустошалась. Нѣкоторые изъ правителей и начальниковъ предпочли безопасность чести, оставили изнемогающую Столицу на произволъ судьбы, и буйство, своеволіе ниспровергли порядокъ. Наконецъ вакханствующіе содрогнулись, въ отчаяніи при-

бѣгнули для спасенія себя, хотя къ средству похвальному, истинно Христіянскому, но при тогдашнемъ обстоятельствѣ не менѣе вредному. Стекались тысячами къ Иконѣ Богоматери у Варварскихъ воротъ, гдѣ въ горячихъ молитвахъ, находили не цѣленіе, а заразу. Архіепископъ Амвросій, мужъ благочестивый, почтенный, къ прекращенію пагубныхъ скопищъ, приказалъ снять Икону, и сею предосторожностію привелъ ихъ въ бѣшенство пропивъ себя, причинилъ новое, инаго рода бѣдствіе. Безразсудные разсвирѣпѣли какъ тигры, изрыгали ругательства, угрозы, и ночью на 16 Сентября осадили Чудовъ монастырь. Пастырь успѣлъ избѣгнуть отъ ихъ рукъ въ Донской монастырь. Изступленные изверги, разграбивъ имущества, искали его во всѣхъ углахъ, переходахъ, и упившись до пресыщенія устремились къ той обители. Тамъ началось междоусобіе; благонамѣренные пропившились, буйные ломились внутрь ограды, и преодолѣвъ нашли въ олтарѣ на колѣнахъ у престола молящагося Амвросія. Повлекли его за волосы, рвали бороду, и не внемля ни оправданій, ни гласа совѣсти, убили. Судъ сволочи всегда быстръ, безчеловѣченъ; и для усмиренія

оной надлежитъ употреблять твердость, дѣйствовать осмотрительно. Малѣйшее послабленіе поселитъ самонадѣяніе, заронитъ искру, и отродитъ отъ себя неожидаемыя, опасныя послѣдствія. Буйства, грабежи продолжались двое сутокъ; некому было укрощать: начальства, какъ мы сказали, скрылись, войска находились противъ Турокъ, Поляковъ, и въ иныхъ отрядахъ а малая, бывшая тутъ часть ихъ, равно какъ Полицейскіе охранители, или померли, или смотрѣли равнодушно; и бѣдная Москва въ ожиданіи послѣдняго себѣ удара преклоняла выю. Незабвенный Генералъ Еропкинъ, безъ обязанности, безъ уполномочія, по единой любви къ отечеству, отважно рѣшился прекратить возмущеніе. Онъ собралъ сотни двѣ служащихъ и отставныхъ солдатъ, сѣлъ на коня, предсталъ разъяренному сонмищу, разсѣялъ оное и возстановилъ тишину. Таковый подвигъ, и по важности своей, и по мужеству не уступаетъ славной побѣдѣ на полѣ бранномъ. Императрица отправила въ Москву Князя Орлова, который былъ уже на пути, когда сіе случилось. Правда, что онъ предпринялъ благоразумныя мѣры; учредилъ два Комитета, больницы, надзоръ за оными;

посѣщалъ зараженныхъ, прилагалъ объ нихъ попеченіе, прервалъ сообщенія—и сими мѣрами истребилъ ужасную чуму; но возмездія за то обоимъ, по мнѣнію моему, слишкомъ не соразмѣрны. Герой Еропкинъ получилъ просто ленту и награды, а Князю Орлову воздвигнутъ въ потомство памятникъ въ Сарскомъ селѣ, съ громкою надписью: *И Россія такихъ сыновъ имѣетъ.* Увѣряютъ, что тогда умерло болѣе ста тысячъ человѣкъ, и съ того времени Москва пришла въ упадокъ.

Одно несчастіе сопровождалось другимъ, въ Петербургѣ былъ пожаръ, сгорѣло 140 домовъ. — Но прискорбные случаи не препятствовали, ни профессамъ, ни полезнымъ заведеніямъ.

Князь Вас. Мих. Долгорукой двинулся съ арміею изъ Полтавы 5 Маія въ Крымъ, чтобъ воздержать Ташаръ отъ вспомоществованія Туркамъ, пожинать распущія тамъ лавры, и 12 Іюня подступилъ къ Перекопу. Крѣпость, защищалась 25 т. гарнизона отъ обоихъ народовъ; перешеекъ между морей Чернаго и Гнилаго (Сиваша) на разстояніи 7 верстъ составляетъ предъ нею ровъ, шириною 10, глубиною 6 саженей, и нѣтъ ни-

го входа на полуостровъ, кромѣ подъемнаго моста. Неприступности сіи не остановили обыкшихъ къ побѣдамъ; спустились въ ровъ, взлезли на валъ, на стѣны и овладѣли первымъ городомъ, ключемъ Крима. Потомъ войска раздѣлились на три колонны, взяли Козловъ (Евпаторію) Карасубазаръ, въ Петровъ день знаменитую нѣкогда Ѳеодоссію (Кафу) Керчь, Ениколь, Арабатъ, Тамань, и такимъ образомъ въ теченіе менѣе мѣсяца покорена вся страна, съ пятью крѣпостями, гдѣ находилось Воспорское царство Митридата, и гдѣ процвѣталъ древній Херсонисъ. Ханъ убѣжалъ въ Царь-градъ, брата его, привезли въ Петербургъ (*), избрали другаго Хана, и Турки спаслись на судахъ. Давно ли Ханы Менгли-Гирей, Ахметъ наносили ужасъ Россіи, раззоряли Рязань, угоняли съ собою людей, скотъ; мѣста, лежащія вкругъ Воронежа пребывали опъ ихъ набѣговъ незаселенными, и вотъ нынѣ обидчики смиренно взываютъ о благоволеніи (**)!

(*) Онъ полюбилъ Европейскіе обычаи, посѣщалъ Смольной монастырь, зрѣлища, бывалъ въ обществахъ.

(**) Г. Кастера приписываетъ покореніе Кри-

Князь Долгорукой подвигомъ симъ пріобрѣлъ себѣ славу, безсмертное имя въ Исторіи, и особенное вниманіе отъ Императрицы. Письма ея къ нему по милостивымъ, осторожнымъ выраженіямъ достойны любопытства. Вотъ между прочими ея слова.

„Отъ 5 Іюля 1771. — Сіи заслуги суть „рода такого, кои за собою влекутъ неминуе„мо честь и славу, и всѣ тѣ отличія, кои „имъ приличны, и лестны чувствительнымъ „душамъ. — Прошу васъ всѣмъ, при васъ нахо„дящимся, Генералитету, верховнымъ и ниж„нимъ чинамъ до послѣдняго сказать мое при„знаніе за сколь многія и различныя ихъ служ„бы и труды, чрезъ которые они привели „всему свѣту страшнаго непріятеля въ ужасъ „и трепетъ.

„Отъ 17 Іюля 1771. — Вчерашній день „обрадована я была вашими вѣстниками, кои „пріѣхали другъ за другомъ слѣдующимъ обра„зомъ. На разсвѣтѣ Конной гвардіи Секундъ Ротъ„миспръ Князь Иванъ Одоевской съ извѣстіемъ „о взятіи Кафы, въ полдень гвардіи Подпоручикъ

ма не нашему мужеству, а измѣнѣ Сераскира и Пашей.

„Щербининъ съ занятіемъ Керчи и Еникуля,
„а предъ захожденіемъ солнца Артиллеріи По-
„ручикъ Семеновъ съ ключами всѣхъ сихъ
„мѣстъ (*) и съ вашими письмами. Первымъ
„долгомъ я почла принесть Всевышнему за
„сколь многія его щедроты со всѣмъ на-
„родомъ, колѣнопреклонное благодареніе въ
„здѣшнемъ Петропавловскомъ Соборѣ, что ис-
„полнено сего утра съ пушечною пальбою, а за
„обѣденнымъ кушаньемъ пили мы ваше и всѣхъ
„храбрыхъ при васъ находящихся людей, виновни-
„ковъ сегоднишней общей радости здоровье съ
„пушечною пальбою же. Признаюсь, что хотя
„Кафа и великъ городъ, и Портъ морской, но
„Еникуль и Керчь (**) открываютъ входъ Г.
„Сенявину въ этотъ портъ, и для того
„они много меня обрадовали. Благодарствую
„вамъ и за то, что вы не оставили дать
„мнѣ знать, что вы уже подняли Россійской
„флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не пока-
„зывался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои
„непріятель противу насъ употребить хотѣлъ,
„и трудами вашими изъ рукъ его изторгнуты.

(*) Сколько вдругъ радостныхъ извѣстій!

(**) Сіи обѣ крѣпости Екатерина признавала весьма важными, что болѣе окажется ниже.

„Человѣкъ въ свѣтѣ разпоряжаетъ, а Богъ „одинъ опредѣляетъ чему быть. Онъ благо„словилъ всѣ ваши предпріятія счастливыми „успѣхами, вы же съ своей стороны ничего „не пропустили и не проронили, что только „могло споспѣшествовать самому дѣлу, и „усердіе, искусство ваше увѣнчаны. Вы достиг„ли своего предмета, отечеству сдѣлали поль„зу пріобрѣтеніемъ Крыма въ весьма коротkое „время, а себѣ пріобрѣли славу. Вы знаете, „что по Статуту военнаго ордена Св. Ге„оргія оной вамъ принадлежитъ, и для того „посылаю вамъ крестъ и звѣзду перваго клас„са, которыя имѣете на себя наложить, и „носить по установленію. На починки же ва„шего екипажа приказала въ домъ вашъ от„пустить шестьдесятъ тысячь рублей (*). „Сына вашего Князя Василія поздравте отъ „меня Полковникомъ. Примѣтна мнѣ стала „изъ писемъ вашихъ, ваша персональная ко „мнѣ любовь и привязанность; и для того „стала размышлять—чѣмъ бы я при нынѣш„немъ случаѣ могла сдѣлать съ моей стороны „пріязнь. Портрета моего въ Криму нѣтъ,

(*) Будто на екипажъ.

„но вы его найдете въ табакеркѣ (*), кою „при семъ вамъ посылаю; прошу ее носить, „ибо я ее къ вамъ посылаю на память отъ „добраго сердца. Всѣмъ при васъ находящимся „скажите мое удовольствіе; я не оставлю отъ „васъ рекомендованныхъ наградить, о чемъ уже „отъ меня повелѣніе дано. Впрочемъ будьте „увѣрены, что все вами сдѣланное служитъ „къ отмѣнному моему удовольствію, и я „остаюсь, какъ и всегда къ вамъ добродѣ„тельна *Екатерина*.

„Отъ 29 Сентября 1771. — Мнѣ занадо„билось послать въ Швецію съ поздравленіемъ „новаго Короля съ возшествіемъ на престолъ— „Полковника, къ чему я назначила вашего мень„шаго сына, я надѣюсь, что вамъ не противно будетъ, что онъ, пріѣхавши изъ Кафы, по„ѣдетъ посмотрѣть Стокгольмъ (**), что онъ „сего дня отправится, и туда поспѣетъ къ „Королевской коронаціи. Давъ вамъ знать о „семъ, остаюсь, какъ всегда къ вамъ доброже„лательная.

(*) Какое мастерство дарить, дѣлать пріятности.
(**) Какая деликатность! И будто даетъ чинъ по необходимости что надобенъ туда Полковникъ! Сіи письма писаны ея рукою.

Итакъ въ одно время гремѣла слава наша въ Молдавіи, на Дунаѣ, на Кавказѣ, въ Крыму, въ Польшѣ, и на Архипелагскихъ островахъ. Потребно много ума къ соображеніямъ, къ покоренію многихъ странъ!

Австрія болѣе воспламенялась гнѣвомъ, и возобновила съ гордостію прежнія свои домогательства. Она упрекала Пруссію въ упрямой, вредной для Европы дружбѣ съ Россіею, и взаимныя неудовольствія возрасли до [illegible] степени, что въ календаряхъ (альманахахъ) для наступающаго года показались изображенія Іосифа и Фридриха съ ругательными надписями; называли перваго Дон-Кишотомъ, втораго Каршутемъ. Удивительно, что Австрія, взявъ деньги отъ Порты, дѣйствовала только на словахъ, и скрывала свои намѣренія отъ союзной съ нею, а намъ враждебной Франціи.

Несчастливое, безпримѣрное происшествіе, обратило на себя всѣхъ вниманіе, и смягчило непріязнь. Наши войска поражали Конфедератовъ Бара, и сіи въ безсиліи придумали мщеніемъ Королю, по ихъ мнѣнію измѣнику отечества, возмутить весь народъ, и тѣмъ дать иное направленіе. Отряженные отъ

Пулавскаго три злодѣя: Козинской, Справинской и Лукашъ составили заговоръ, пріискали сотоварищей, поклялись, переодѣлись по крестьянски, и вступили въ городъ для совершенія умысла. Въ Воскресенье, 23 Августа, вечеромъ Король послѣ посѣщенія дяди своего, Князя Чарторижскаго, возвращался со свитою изъ 14 человѣкъ, съ факелами спокойно во дворецъ, вдругъ въ тѣсной улицѣ, Капитульнѣ, послѣдовало нападеніе. Остановили карету, одного гайдука убили, другаго ранили, прочіе разбѣжались; Король, пользуясь темнотою и замѣшательствомъ, успѣлъ добѣжать обратно до дома Чарторижскаго, спучался, но никто не вышелъ, никто не отворилъ двери. Заговорщики погнались за нимъ, поймали, влекли за собою, били, ранили саблею, сорвали съ него орденъ Чернаго Орла, осыпанный брилліянтами; Козинской для освѣщенія предметовъ выстрѣлилъ изъ пистолета предъ самымъ его лицемъ, прошибъ шляпу. Король приведенный въ изнеможеніе задерживалъ бѣгство, посадили его верьхомъ; и когда, перескочивъ черезъ ровъ, лошадь его переломила себѣ ногу, пересадили его на другую. Онъ потерялъ шубу, кошелекъ съ во-

лось, одинъ башмакъ, и уже опчаялся въ жизни. Вотъ примѣръ существовавшаго тогда безначалія и раздоровъ! Гдѣ успавы, общая безопасность, если Король въ своей столицѣ, будто среди дремучаго лѣса? — Вѣроятно ли, чтобъ никто не проходилъ, не видѣлъ насилія, не слыхалъ, что кричатъ, сражаются просятъ помощи? Провидѣніе охранило вѣнценоснаго страдальца чудеснымъ образомъ. Въ Бѣлянахъ, за 4 версты отъ Варшавы (*), назначенъ былъ общій притонъ злоумышленниковъ; тамъ стояли наемныя карепы; но изверги не могли въ мрачномъ лѣсу соблюсти совокупность, потеряли дорогу, разсѣялись, къ тому жъ по слѣдамъ разбросанныхъ вещей скакалъ нашъ отрядъ, топотъ коней привелъ злодѣевъ въ страхъ, и каждый отдѣльно искалъ себѣ спасенія. Остался при Королѣ одинъ Лукашъ; они увязли въ болотѣ и вмѣсто Бѣлянъ, достигли мѣльницы бѣднаго Шляхтича, въ низу у Маримонта. Хозяинъ удивился сему явленію; аргусъ не вѣдалъ гдѣ его товарищи, и что въ такомъ случаѣ предпринять; Король оживился надеждою, убѣж-

(*) Въ Бѣлянахъ монастырь Камендуловъ, кругомъ сыпучій песокъ и густой сосновой лѣсъ.

далъ, обѣщалъ прощеніе, награду; Лукашъ колебался, наконецъ склонился на предложеніе, и упалъ на колѣна предъ своимъ плѣнникомъ. Миновало бѣдствіе, изъ хижины опять проложенъ путь къ трону. Отправили гонца въ столицу, предстали приближенные, стража, наши войны, и Поняповскій, еще трепещущій, изнуренный холодомъ, мучительнымъ странствованіемъ, побоями, прибылъ въ 4 часа по утру, въ свои чертоги, лучше сказать, въ Царскую темницу. Все заставляетъ полагать, что они не хотѣли его убить; ибо совершили бы то удобно, но намѣревались вручить его Конфедераціи, чтобъ принудить дѣйствовать съ ними за одно.

Спорющія между собою державы, раздражась симъ произшествіемъ, вступили въ сношенія; ходъ политики измѣнился, и кажется сіе ускорило раздробленіе волнуемой страны. Фридрихъ давно готовилъ сему планъ, придвинулъ войска, и захватилъ нѣкоторыя мѣста. Марія Терезія, хотя упорствовала, объявляя себя защитницею правъ Польши, однако также ввела туда свои полки, и рѣшительно удерживала за собою Ципской округъ. Екатерина вступилась за Короля, ею

Годы возведеннаго на престолъ. Конфедераты жгли, грабили свои селенія; границы Россіи находились въ опасности, и нашъ Посланникъ Салдернъ откровенно увѣдомилъ Сеймъ, что если не водворится спокойствіе, предполагаемый раздѣлъ непремѣнно послѣдуетъ.

Ни блистательные успѣхи, ни расходы на оные, ни смутныя обстоятельства не отвлекали Екатерину отъ человѣколюбивыхъ заведеній. Она учредила въ Петербургѣ воспитательный домъ для незаконнорожденныхъ, подобный Московскому. Изъ отпущенной суммы и постороннихъ вкладовъ, составилась при немъ сохранная казна; изъ оной давали въ займы подъ заклады вещей, недвижимыхъ имѣній, и возросъ нынѣ называемый Ломбардъ. Отъ сего учрежденія произошла великая польза; несчастные спасены, родители ихъ воздержаны отъ ужасающихъ преступленій, и подана помощь разстроеннымъ въ дѣлахъ людямъ (*).

1772. Фридрихъ не терялъ надежды на совершеніе своего предпріятія, онъ принялъ разго-

(*) Изданы указы: о подаваніи помощи погибающимъ кораблямъ. — О непривозѣ иностранцами драгоцѣнныхъ тканей.

воръ Екатерины съ Генрихомъ за скрытное согласіе на оное, полагалъ непрудным склонить къ тому Австрію, и къ ней одной обратился съ убѣжденіями. Разсуждали, спорили, не соглашались; прочіе дворы не имѣли и малѣйшаго понятія о подготовляемомъ переворотѣ, войска трехъ державъ облегли, тѣснили бунтующую страну; Конфедераты смирились, ополченія ихъ пришли въ изумленіе и страхъ, и дѣла оставались въ семъ положеніи неразрѣшенными.

Между тѣмъ воинское пламя не угасало; но какъ по сю сторону Дуная уже все было взято, то одинъ знаменитый Вейсманъ дѣйствовалъ на другомъ берегу. Онъ два раза переходилъ за Дунай, и не смотря, что Визирь съ 60 т. находился въ 6 часахъ отъ него, съ отрядомъ изъ трехъ баталіоновъ, разсѣялъ 7 т. корпусъ, взялъ Исакчу, 60 пушекъ, много плѣнныхъ, сжегъ магазины нѣсколько фрегатовъ, галеръ, мостъ и возвратился со славою.

Султанъ, наскуча пораженіями, опасаясь дальнѣйшихъ послѣдствій, прибѣгнулъ съ желаніемъ мира къ Австріи и Пруссіи. Сіи державы обрадовались случаю, не щадили ходатайствъ;

1791 но получили въ отвѣтъ отъ Екатерины, что она не прежде приступитъ къ тому, какъ по освобожденіи ея Посланника. Такое требованіе противилось обычаямъ Мусульманъ, не имѣло примѣра; но дворы, принявшіе на себя посредничество, склоняли Порту. Австрія объявила, что въ противномъ случаѣ отречется отъ трактата 25 Іюня прошедшаго года, и надлежало уступить необходимости, исполнить волю побѣдительницы. Выпустили Обрѣскова изъ Семибашеннаго замка, сдѣлали перемиріе, назначили конгрессъ въ Фокшанахъ; въ концѣ Іюля явились на оный Князь Орловъ, Обрѣсковъ, Османъ, Рейс-Ефенди, и два уполномоченныхъ отъ Вѣны и Берлина. Совѣщанія происходили въ богатой Кіоскѣ Фельдмаршала, всѣ наши предложенія казались сносными; но независимость Крыма, единовѣрнаго съ Портою, обладающаго Чернымъ моремъ, поставляла непреоборимую преграду къ соглашенію; притомъ Франція старалась прервать переговоръ, обѣщала снова помочь деньгами и войсками; все это, а болѣе предполагаемое возстаніе на насъ Шведскаго Короля прервало конгрессъ, и примирители разъѣхались.

Упомянувъ о Шведскомъ Королѣ, нужно

кратко объяснить произшествія при началѣ его Царствованія. Густавъ III, будучи еще Принцемъ, путешествовалъ, и въ Парижѣ узналъ о кончинѣ своего родителя. Французскіе Министры овладѣли имъ, подстрѣкали перемѣнить образъ правленія, уничтожить сильный перевѣсъ Сената, Сеймовъ, вооружиться на Россію, и обязались очистить всѣ недоимки на Франціи, 1,300,000 талеровъ.

Упитанный сими обольщеніями, онъ при возвращеніи въ Стокгольмъ нашелъ Данію въ смутныхъ обстоятельствахъ. Королева Матильда, сестра Англійскаго Короля, имѣла непозволительную связь съ врачемъ Спруензее, они давали опіумъ слабоумному супругу, и прибрали къ себѣ власть. Морская гвардія взбунтовалась, первѣйшіе чиновники просили мачиху Короля удостовѣриться въ безчиніи, заключили Матильду въ крѣпость, а послѣ отпустили въ Гановеръ, врачу отрубили по суду голову, и мачиха приняла бразды правленія. Норвежцы въ сіе время вознегодовали на безпорядки, на тягостные налоги; прислали къ Густаву депутатовъ, съ обнадеживаніемъ, что когда онъ вступитъ къ нимъ хотя съ малымъ войскомъ, они всѣ къ нему

присоединяпся. Густавъ хотѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, отправился подъ видомъ обозрѣнія Шонской провинціи, сопредѣльной Норвегіи, ввелъ туда свои полки, и предпринималъ сжечь Копенгагенскую пристань. — Но все то было тщетнымъ, Екатерина и Фридрихъ вступились за Данію, и враждовавшіе примирились.

Пылкія склонности Густава внушили въ него иную отважную мысль. Онъ, полагаясь на подкрѣпленіе отъ Франціи, послѣдовалъ ея совѣту. Разослалъ довѣренныхъ съ подкупами по провинціямъ; Герцогъ Сюдермаландскій, братъ его, ввелъ войска въ столицу, склонили на свою сторону гвардію, артиллерію, поставили на площадяхъ и на улицахъ пушки, и онъ объявилъ себя Самодержавнымъ. Сенатъ повиновался, прочіе дворы, устремленные къ иному предмету, не могли всспрепятствовать столь важному событію.

Польша занимала ихъ мысль, и противоположныя мнѣнія, взаимныя подозрѣнія постепенно изчезали; прибытокъ есть хорошій посредникъ. Австрія хотѣла удержать за собою Цитскоій округъ; не допуская другихъ до раздѣла, хотѣла помѣшать побѣдамъ Рос-

сіи; но увѣрясь, что перваго не позволятъ, вторрое безнадежно, и что воевать съ двумя сильными союзниками невозможно, избрала иное средство. Марія Терезія и Князь Кауницъ разсуждали, что дружество съ Фридрихомъ полезнѣе дружества съ Турками, что лучше въ спокойствіи приобрѣсть, нежели положиться на невѣрный успѣхъ отъ оружія; и сближась съ Пруссіею, преклонили слухъ къ предложенію Фридриха. Сей дальновидный Государь ожидалъ отъ своего предпріятія собственной пользы, примиренія двухъ Императрицъ, наконецъ общими стараніями прекратить наши войны и тѣмъ избѣгнуть вспомоществованія по трактату. Онъ сообщилъ свой планъ Австріи, получилъ одобреніе, и сіи оба кабинета представили оный Петербургскому. Екатерина, сражаясь съ Портою, Польшею, Крымомъ, Кавкасомъ, не хотѣла отказомъ огорчить посполиннаго своего союзника, опасалась, чтобы онъ вмѣстѣ съ Австріею не возсталъ на нее. Она и безъ того имѣла много враговъ, Поляки дѣйствіями, грубыми сочиненіями оскорбляли ее, легкое стяжаніе также обольщало; и она изъявила согласіе. При исполненіи сего постановленія встрѣтились великіе споры, за-

прудянлись раздѣлить чужое; Фридрихъ удерживалъ Данцигъ, Торунь; Австрія требовала Лембергъ, Величку и все пространство отъ Тешена до предѣловъ Валахіи, то есть, почти треть Королевства. Екатерина вступила въ посредничество, убѣждала; раздоры утихли, удѣлъ каждаго былъ опредѣленъ, и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Польскія области поступили къ новымъ владѣтелямъ. Получили, Россія семь провинцій, Двинскую, Полоцкую, Витебскую, Могилевскую, Оршанскую, Мстиславскую и Рогачевскую—на 3440 квадратныхъ миль съ 1,360,000 жителей. — Австрія все по лѣвому берегу Вислы, воеводство Бѣльское, Галицію или Красную Россію, нѣсколько отъ Волыни, и вообще лучшую часть, на 2700 миль съ 1,930,000 жителей.— Пруссія—Елбингъ, всю Королевскую Пруссію, Хельмъ, Померелію—на 900 миль съ 960,000 жителями.

Такимъ образомъ совершился первый раздѣлъ Польши, изумившій собою всѣ неучаствующія державы; но какъ силы ихъ не соотвѣтствовали силамъ, дѣйствующимъ за одно, Польша же своимъ неустройствомъ отвра-

щала ихъ отъ себя; но завистники досадывали только, и молчали.

За нихъ вступились писатели, особенно Французскіе, устроили изъ перьевъ батареи, и обратили всю злобу на одну Екатерину, сколько по зависти къ ея побѣдамъ и славѣ, унижавшимъ Версайльскій Кабинетъ, столько и по Якобинскимъ правиламъ. Случилось бы это отъ Республики, и признали бы геройствомъ; но торжествуетъ Императрица, и не прощаютъ ей трофеевъ. Доводы ихъ къ упрекамъ изложены краснорѣчиво, вѣроподобно, но въ основаніяхъ содержатъ ложь, сужденія наугадъ, сами себѣ противорѣчатъ. Одинъ списываетъ другаго (*), книги печатаются, раскупаются, и сплетенныя небылицы пріемлются за Историческія истины.

Чтобъ вывесть читателей изъ заблужденія, разсмотримъ ихъ брѣдъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, разсказъ о семъ важномъ событіи, и правильно ли поступила въ ономъ Россія.

(*) Г. Кастера, ядовитѣйшій прочихъ, списалъ все свое твореніе, какъ выше показано изъ жизни Екатерины Vie de Catherine l'an V de la Republique.

Г. Рилліеръ, получившій за Исторію о Россіи и Польшѣ лестный знакъ предпочтенія, сообщаетъ намъ.

Что при каждой Россійской столицѣ, (будто у насъ ихъ сопки) протекающая рѣка называется Іорданомъ.

Что Русскіе, по склонностямъ и обычаямъ весьма походятъ на Евреевъ, и сіи полагаютъ ихъ своими потомками.

Азовъ стоитъ при Черномъ морѣ.

Что Князь Меншиковъ могъ ѣхать отъ Петербурга до самаго Дербента чрезъ свои маетности.

Что Петръ Великій выписалъ воробьевъ изъ чужихъ краевъ, для размноженія ихъ въ лѣсахъ близь новой столицы.

Монтюле говоритъ: что Русскіе много сходствуютъ во нравахъ съ Арабами.

Петербургъ находится подъ 59°, 65′, 23″ Сѣверной широты.

Въ Россіи 27 губерній.

Въ Можайскѣ сохранили какую то привязанность къ Французамъ, или изумлены ими.

Г. Ферранъ, знаменитый Историкъ, увѣряетъ, что потерявшіе благоволеніе Екатерины, нерѣдко лишались жизни. — Однажды

сказала она окружающимъ: если бы я васъ послушала, надлежало бы всѣхъ казнить смертью. — Кто узнаетъ въ такомъ изображеніи Государыню кроткую, нѣжную и осторожную въ своихъ выраженіяхъ?

Что во время посольства Князя Рѣпнина въ Царьградъ, до 80 человѣкъ изъ нашихъ сдѣлались Мусульманами, нѣкоторые даже при аудіенціи надѣвали на себя чалмы.

Описывая раздѣлъ, онъ въ первомъ томѣ, на страницѣ 219 изъясняется такъ: Екатерина хотѣла только успокоить Польшу, раздробленіе не соотвѣтствовало ея чувствамъ, она безъ того тамъ властвовала. Польша заслоняла Россію отъ Турокъ, буйства, безпорядки въ оной были полезны ея Имперіи, и усмиреніе Республики обѣщало честь ея скипетру. Однако Польша не внимала гласу кротости, противилась, ухищряла, и Екатерина оставила необузданную страну на произволъ судьбы, наконецъ рѣшилась подѣлить ее съ другими.

Послѣ такого заключенія, онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Сознаваясь, что Екатерина имѣла право взять за убытки нѣсколько областей, обвиняетъ для чего своевольно себя

удовлетворила. — Но кто же бы могъ, вопрошаю я, оказать покровительство Повелительницѣ полусвѣта? Она не одна, а съ двумя участниками, по его же изрѣченію *подѣлить съ другими*, что учинила.

Онъ продолжаетъ, что Марія Терезія плакала, представляя себѣ несчастіе Польши, неминуемое кровопролитіе. — Но она подала примѣръ къ завоеваніямъ, здѣсь слезы несообразны съ поступкомъ.

Г. Шанпро, менѣе другихъ несправедливый, выдаетъ также свои небылицы. Онъ говоритъ, что Петръ В. принуждалъ Священниковъ курить табакъ. — Что рѣшаютъ дѣла гражданскія только въ Петербургѣ и Костромѣ, а уголовныя лишь въ Екатеринославлѣ, Ригѣ, Кіевѣ и Тобольскѣ. — Что высѣченный башмакомъ долженъ непремѣнно упасть къ ногамъ наказавшаго и благодарить его. — По его мнѣнію: *къ стыду здраваго разсудка, находится въ Россіи господствующая вѣра.* — Что припомъ у каждаго Русскаго есть свой Богъ.

Разсмотримъ также ходъ событія; и не словами, а дѣйствіями разскроемъ истину.

Еще при свиданіи въ Нейшпадѣ Іосифъ

и Фридрихъ имѣли переговоры о раздѣлѣ Польши. Коль увѣряетъ, что слышалъ это отъ Герцберга, тогдашняго Министра Пруссіи, и что Князь Кауницъ спросилъ Фридриха, какую же часть онъ назначаетъ себѣ. — Рюльеръ, ненавистный Зоилъ Екатерины и Вракгаль утверждаютъ первое.

Послѣдствія оправдали ихъ свидѣтельства. Вскорѣ потомъ Марія Терезія вооруженною рукою завладѣла Ципскимъ округомъ; надписи на доскахъ означали, что та страна принадлежитъ уже Венгріи. Фридрихъ также ввелъ въ Польшу войска, захватилъ немалую ея часть. — Россія не прикасалась еще къ ея владѣніямъ.

Возникли неудовольствія, горячіе споры, Король Поняповской протестовалъ, писалъ къ Маріи Терезіи; но ему отвѣчали, что разберутся въ границахъ по окончаніи войны у Россіи съ Портою. — Нашъ дворъ возражалъ, требовалъ очищенія Ципскаго округа, и ему сказали, что полки выведутся, если Россія отзоветъ свои, оставитъ Польшу въ покоѣ. — Фридрихъ оправдывался что дѣлаетъ сіе для противостанія Австріи.

По обстоятельствамъ. — Польша съ начала сама собою необширная, заключалась только въ Великой Польшѣ, Кюявіи, Ленчицѣ, Сирадіи и часши Шлезіи; попомъ завоевала Мазовію, малую Польшу, Моравію, Лузацію, часпь опъ Богеміи, Шлезіи, Варміи, Помераніи, Раву, Краковъ, Бреславль, Кульмъ, Маріенбургъ, Плоцкъ, Данцигъ, Торунь, Ливонію, и Восточную Пруссію, Курляндію подани.—Липва, опдѣльное Княжесшво съ XIII вѣка, наносила обиды Россіи, завладѣла землями ея почши до Орла и Калуги; рѣка Угра служила границею между нами и Липвою. По присоединеніи послѣдней въ 1401 году, Польша содѣлалась значишельною державою; и хопя посшепенно шеряла свои завоеванія, но до XVII сполѣшія была еще просшранна. Соединеніе спольких спранъ шребовало посшоянныхъ законовъ, главы повелѣвающей, повиновенія опъ гражданъ, спройносши опъ Прешола до сохи; но Польша не имѣла ни одного изъ сихъ основаній. Безпрерывно колеблемая раздорами, буйспвами, Сеймами, упорнымъ: *непозволяю*, сама себя подрывала, уподоблялась дипяпѣ, копорое ломаепъ свои игрушки,

своевольствуетъ, бьетъ слугъ, и безъ пестуна обойтиться не можетъ, наконецъ при возмужалости развращается, разточаетъ имущества. Она походила также на горючее вещество, ожидающее первой искры къ воспламененію. Неподражаемый Бюркъ говоритъ: Въ ней Король безъ власти, дворянство безъ единства, народъ безъ художествъ, промышленности, торговли, свободы, безъ управленія посреди себя, безъ внѣшняго огражденія и силы.

Все сіе представляетъ намъ Польшу несамостоятельною, что мы видѣли на самыхъ опытахъ. Вмѣсто защиты себя отъ Австрійцевъ, впоргнувшихся въ ихъ отечество, составила Конфедераціи съ противоположными намѣреніями; одни доброжелательствовали Россіи, другіе сражались съ нею, престолъ объявили праздным, плѣнили, мучили Короля. При такомъ несчастномъ положеніи она имѣла сосѣдей могущественныхъ, процвѣтающихъ, и готовилась въ неминуемую добычу, которому нибудь изъ нихъ. Чтобы дѣлать Россіи при этакомъ случаѣ? — Ужели допустить другихъ усилиться легкимъ приобрѣтеніемъ, и вмѣсто слабыхъ сосѣдей навлечь сильныхъ?

По политическимъ видамъ.—Чрезъ Польшу пролегалъ путь къ Турецкимъ предѣламъ, въ ней обыкновенно учреждались наши запасы, она могла предпить распоряженіямъ, присоединеніемъ же къ противной сторонѣ дѣлать перевѣсъ. Безпрерывныя ея волненія причиняли безпокойства, подавали худой примѣръ сопредѣльнымъ странамъ Россіи, предпринимаемыя противъ нея мѣры осторожности и къ усмиренію стоили великихъ издержекъ безъ вознагражденій.

По силѣ оружія. — Нѣтъ въ Европѣ ни одного Государства безъ пріобрѣтеній, по чему же одной Россіи это воспрещается? По чему завладѣнія Шарлеманя, Карла V, Людовика XIV, наконецъ Наполеона почитаются священными, а наши признаются непозволительными? Россія взяла свою часть войною, полки ея рѣдко выступали изъ Польши, дрались, теряли жизнь. Давноли побѣды сдѣлались предосудительными? Скажутъ, что не было ни переговоровъ, ни мира; но принудить къ уступкѣ кратчайшимъ средствомъ кажется лучше, нежели достигать того кровопролитіемъ.

За убытки. — Всякая война сопрягается

съ расходами, побѣдители обыкновенно взыскиваютъ оные съ побѣжденныхъ; сами писатели, въ числѣ ихъ Ферранъ, говоритъ, что Екатерина могла получить за свои убытки, нѣсколько провинцій. — Сдѣлала то — и порицаютъ.

По праву. — Екатерина взяла не чужое а свое; самое имя *Бѣлоруссія* свидѣтельствуетъ, что она нѣкогда входила въ составъ Россіи. Гедиминъ, Князь Литовской отнялъ ее отъ насъ въ 1330 году; Воевода Яковъ Захарьевичь возвратилъ оную въ 1500 году, но Стефанъ Баторій опять овладѣлъ ею въ 1585 году, и съ того времени Бѣлоруссія оставалась подъ Польскою державою. Надлежитъ притомъ сказать, что и участвовавшіе въ раздѣлѣ дворы пожелали отдать ее Россіи, какъ древнее достояніе Имперіи, дабы тѣмъ умѣрить ея требованія отъ Порты, то есть жертвовали Польшею для охраненія первой.

По выгодамъ народа.—Побѣдитель тщеславный, осуждающій покоренныхъ на вздохи, униженіе, нищету, есть бичь, низпосланный отъ Бога; но побѣдитель кроткой, милостивой даритъ благосостояніемъ, сердечныя да-

*

ни предпочитаешь налогамъ, и становишся нѣжнымъ отцемъ новыхъ чадъ. Польскіе магнаты дѣлали нѣзды, насилія, обижали безгласныхъ, но равныхъ съ собою въ достоинствѣ Шляхтичей, лишали жизни своихъ подданныхъ;— и просполюдимъ въ правахъ своихъ мало отличался отъ скота. Подъ Россійскимъ владычествомъ буйство, безчеловѣчіе умолкли, отчинникъ смирился, крестьянинъ дышалъ свободнѣе, промыслы и торговля оживились. Прежде Бѣлоруссія не наслаждалась спокойствіемъ; частыя вступленія Россійскихъ войскъ тягостили, устрашали ее, но приосѣненная Двуглавымъ Орломъ, не вѣдала болѣе тревогъ. Дѣлать счастливыми есть прекраснѣйшій изъ всѣхъ трофеевъ.

Первое сіе приобрѣтеніе Екатерины было предисловіемъ къ постепенному потомъ разширенію Имперіи, какъ-то ниже увидимъ.

Сей годъ ознаменованъ рѣдкимъ подвигомъ Прокофія Акинфіевича Демидова. Онъ внесъ 250 тысячь рублей для учрежденія Комерческаго училища подъ вѣдомствомъ Московскаго Опекунскаго Совѣта. Въ немъ воспитывались 100 юношей, обучаясь разнымъ наукамъ, ино-

странным языкамъ; отличившіеся отправля- Гол
лись путешествовать.

Изъ примѣчательныхъ постановленій были слѣдующія: — опредѣлено состоять при арміи Генеральному Штабу.

Учреждены два Комитета для сочиненія Исторіи медалямъ отъ Петра Великаго.

Назначено построеніе 5 крѣпостей, въ Псковѣ, Динабургѣ, Опочкѣ, Великихъ Лукахъ и въ Луцкѣ.

Позволено Г. Бецкому, мужу извѣстному просвѣщеніемъ, отличными качествами, содержать каждое трехлѣтіе по 4 воспитанника въ Кадетскомъ корпусѣ, и по 5 дѣвицъ въ Смольномъ монастырѣ на своемъ иждивеніи.

Велѣно раздавать земли по Сарскосельской дорогѣ.

Утверждено торговое общество въ Воронежѣ.

Строго возпрещены кладбища внутри городовъ.

Лишь приступили къ принятію частей, 1773
оказалось желаніе имѣть болѣе. Австрія присвоивала Лембергъ, Величку, Пруссія овладѣла Данцигомъ, Торунемъ. Англичане просили

Екатерину воздержать отъ такихъ притязаній, жаловались на непомѣрныя пошлины при Данцигской пристани; на стѣсненіе ихъ торговли. Екатерина вошла въ посредничество, успѣла склонить Фридриха, онъ отказался отъ неправеднаго требованія; но Марія Терезія, уступая въ замѣнъ Люблинъ, Егельмъ и Бильскъ, съ гордостію объявила, что уже не прибавитъ ни пяди земли. Если мы приобщимъ сіе къ прежнему захвату Ципскаго округа, то не послужитъ ли это еще сильнѣйшимъ доказательствомъ выше изложенному? Чтобъ не причинить тѣмъ помѣшательства раздѣлу, скорѣе окончать оный, согласились не противиться Австріи.

Каждая изъ трехъ державъ придвинула въ Польшу по 10 т. войска, и созвали Сеймъ. Нунціи и депутаты не являлись, имъ возвѣстили, что упрямство обратится въ покореніе цѣлой страны, и открылись засѣданія. Упорствовали однако въ составленіи акта, ссылались на Оливской трактатъ, и наконецъ 8 Апрѣля утвердили предположеніе 6 Епископовъ, 10 Воеводъ, 14 Кастелляновъ, Коренный великій Маршалъ, 4 Канцлера и 68 прочихъ особъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлены были слѣдующія статьи.

1. Корона Польская остается навсегда по избранію, право наслѣдственное уничтожается. Нарушитель сего признается врагомъ Республики.

2. Природный только шляхтичь, Полякъ можетъ стать Королемъ. — Слѣдовательно всѣ Иностранные Принцы, до того домогавшіеся, изключены.

3. Правительство остается Республиканскимъ, свободнымъ.

4. Правительство заключается въ Королѣ, Сенатѣ и дворянствѣ. — Исполнительная власть вручается особому совѣту, изъ членовъ дворянскаго сословія. Допустить къ тому отстраненныхъ до сего времени.

5. Содержать 30 т. войска.

Дано обѣщаніе охранять оставшееся, не прикасаться къ оному; но сіе въ послѣдствіи подвергнется измѣненію.

Весьма счастливо для Россіи, что раздѣлъ Польши примирилъ, сблизилъ ее съ Австріею; ибо вскорѣ за двумя чувствительными бѣдствіями въ Москвѣ, предстало въ концѣ года сильное возмущеніе, и трудно было бы,

воюя съ Турками, съ Поляками, одолѣть внутренняго врага и устоять притомъ противъ Австріи, Англіи и Франціи. Тогда, подобно Людовику XIV, принужденно согласились бы на всѣ предложенія, и вмѣсто возгремѣвшей славы, потерпѣли бы постыдное униженіе. На Яикѣ жители роптали за нѣкоторыя перемѣны въ ихъ управленіи и за отправленіе 20 т. человѣкъ въ армію; простой съ Дона козакъ Зимовейской станицы, Емельянъ Пугачевъ воспользовался смутнымъ случаемъ. Онъ набралъ шайку изъ бродягъ, преступниковъ, бѣглыхъ солдатъ, и началъ разбойничать по Иргизу. Измѣнникъ, невѣжда не довольствовался тѣмъ, возымѣлъ дерзскую, ни съ чѣмъ несообразную мысль, назвалъ себя Императоромъ Петромъ III. — Сообщники его разглашали шу нелѣпость, простолюдины вѣрили, злонамѣренные находили въ обманѣ свои пользы; объявлена свобода буйствовать, отнимать чужое, брать вино, соль безъ платы; и злодѣи стекались къ нему толпами, орда ихъ разпространилась по многимъ мѣстамъ. Пугачевъ отбивалъ пушки, ружья, обучалъ полчища воинскимъ дѣйствіямъ; показались зарева горящихъ городовъ и селъ. Пред-

шествовали ему вопли, ужасъ, зіяла смерть во всемъ ожесточеніи; во слѣдъ ему дымились попелища, господствовало пустынное безмолвіе. Онъ расхищалъ храмы; по наслышкѣ, что Государи возсѣдаютъ на тронахъ, взлѣзалъ на престолы въ олтаряхъ; священническія ризы, спихари, женскія кофты, юбки, мантиллы замѣняли мундиры, и пьяная, многолюдная эта сволочь разхищала казну, опустошала, какъ саранча, проходимое ею поприще. Необузданные крестьяне, обольстясь своеволіемъ, выдавали ему своихъ господъ; висѣлицы, плахи съ топорами угоповлялись при каждомъ его кочеваніи. Осужденныхъ ставили въ ряды, инымъ рубили головы, другихъ мучили, терзали за вѣрность, дѣтей убивали обухами, разсѣкали на части, женъ и дѣвицъ предавали на поруганіе; кровь лилась ручьями у шатра царя самозванца. Домы дворянъ стояли безъ крышъ и оконъ; утихли вздохи, потому что не стало болѣе жертвъ; трупы валялись при распутіяхъ, или покоились подъ огромнымъ бугромъ земли. Лѣса наполнились бѣжавшими, они укрывались въ дуплахъ, въ чащѣ деревьевъ, въ дебряхъ, въ ущеліяхъ и питались кореньями, корою; составились

обозы изъ каретъ, колясокъ и телѣгъ. Дворовые слуги отличились въ семъ случаѣ примѣрнымъ усердіемъ. Они съ собственною опасностію отдавали свои одежды господамъ; скипались въ рубищахъ, полунагіе для прокормленія ихъ; дѣтей ихъ называли своими, и умоляли не губить невинныхъ. Такова то существовала связь между семейными друзьями! Это не Спартанскіе Илоты, но близкіе къ сердцу наши домочадцы! Исторія обязана сохранить, передать потомству сколь достохвальные подвиги; вельможа и рабъ имѣютъ равное право на безсмертіе, славу за добродѣтели! Не было кому потушить зло при самомъ его началѣ; полки сражались за границами. Собрали на скорую руку гарнизоны, инвалидовъ, и правительство полагало это достаточныхъ къ искорененію изверга; мы увидимъ, что оно ошиблось въ своемъ предположеніи.

Когда сіе происходило, Порта ослабѣвала отъ нанесенныхъ ей ударовъ, притомъ имѣла также своего измѣнника. Египетской Паша Али Бей отложился, угрожалъ вооруженіемъ. Дворъ Австрійской не упоминалъ уже о заключенномъ предъ тѣмъ съ нею трактатѣ, склонялъ вмѣсто продолженія войны, на при-

нятіе статей отъ Россіи, Фридрихъ равномѣрно усердствовалъ,—и назначенъ былъ другой конгресъ въ Бухарестѣ. Съѣхались на оный отъ насъ Обрѣсковъ, отъ нихъ Абдулъ Рессанъ Ефенди, безъ уполномоченныхъ отъ другихъ державъ. Мы требовали Керчи и Еникале, свободнаго плаванія по Черному морю; Порта упорствовала, предлагала только 21 милліонъ рублей за убытки; не согласились, и въ концѣ Марта опять разъѣхались.

Конгресъ, могло статься, совершился бы дружелюбно, если бы не коварствовалъ Версайльской Дворъ; онъ закупилъ Диванъ, Драгомана и внушалъ, что Россія находится въ изнеможеніи, въ затрудненіи отъ Пугачева и не въ состояніи продолжать войну. Къ подкрѣпленію своего замысла, призывалъ Англію, Гишпанію, Савоію къ четверному съ собою союзу, и Англія, участвуя во всемъ ко вреду нашему, отправила свой флотъ.

Екатерина писала къ Цимерману: Увѣряю васъ, что никакая человѣческая сила не принудитъ меня сдѣлать что либо неприличное для моей Имперіи, и несообразное съ достоинствомъ носимой мною Короны.

Екатерина, увидя, что конгресы безполез-

ны, предписала Румянцеву перейти за Дунай, и действовать наступательнѣе. Предпріятіе по виду дерзновенное, легкомысленное!—Тридцать тысячь воиновъ пойдутъ противъ 200 тысячь, и еще осаждать крѣпости, преодолѣвать природу!—Надобно быть, Екатериною, чтобъ рѣшиться на то, и полководцу каковъ Румянцевъ, чтобъ исполнить повелѣніе. Онъ представлялъ однакоже, что рѣка быстра и въ ширину болѣе мили, почему мостовъ устроить на ней невозможно, трудно найти продовольствіе на другомъ берегу, наконецъ что потребно для сего утроить, по крайней мѣрѣ удвоить его силы; однимъ словомъ доказывалъ опасныя послѣдствія.—Ему отвѣчали, что Римляне всегда спрашивали не о числѣ непріятелей, а гдѣ они, и что онъ самъ съ 17 т. повсюду поражалъ такое же превосходство. Фридрихъ писалъ тогда къ Вольтеру: Какъ до нынѣ не было ничего невозможнаго для Императрицы, то полководцы ея совершатъ и сей чудесный переходъ. Вы увидите, что она одна, безъ посторонняго посредства заключитъ миръ.

Румянцевъ двинулся, слѣдовалъ по берегу, прикрывалъ переправу фальшивыми атаками,

и масперски перешелъ на судахъ Дунай 18 Іюня. На пути не встрѣчалъ преградъ, разбилъ, разсѣялъ обсерваціонный корпусъ, и приближась къ Силистріи, хотѣлъ взять сію крѣпость. Она находится въ долинѣ, окружена горами, и вмѣсто стѣнъ защищалась земляными укрѣпленіями; 30 т. Янычаръ, Спаговъ находились предъ нею въ лагерѣ съ Французскими Инженерами. Румянцевъ раздѣлилъ немноголюдную свою армію на отряды и устроилъ съ боковъ батареи. Турки бросились съ яростію, не смотря на то, первая наша колонна приблизилась къ городу, но по неприступности отошла назадъ. Напали на нее съ тыла, и Визирь послалъ значительной отрядъ, чтобъ занять узкой проходъ, по которому нашимъ возвращаться надлежало; но Румянцевъ возторжествовалъ надъ предстоящею гибелью, отразилъ враговъ, и расположился лагеремъ подъ Варною. Вскорѣ началось общее отступленіе, на лѣвый берегъ Дуная, Турки дѣлали со всѣхъ сторонъ сильные написки; поручено было Вейсману прогнать преслѣдовавшихъ, и сей знаменитой, неустрашимой Генералъ заплатилъ за побѣду своею жизнію. Такимъ образомъ предсказанное Румянцевымъ совершилось съ не-

малою потерею, и честолюбіе Екатерины осталось въ первый разъ безъ успѣха. Донесеніе о побѣдѣ, одержанной Суворовымъ нѣсколько утишило неудовольствіе Фельдмаршала.

Въ сіе время Цесаревичь, Наслѣдникъ престола, достигалъ 19 лѣтъ; Фридрихъ, давъ Россіи Екатерину, содѣйствовалъ въ избраніи ему невѣсты. То была дочь Ландграфа Гессень-Дармштатскаго Августа Вильгельмина, при Миропомазаніи нареченная Натальею Алексѣевною. Мать пріѣхала съ нею въ Петербургъ, и бракосочетаніе происходило 17 Августа.

Дѣла съ Турками причиняли досаду Екатеринѣ, она привыкла къ торжествамъ, и Румянцевъ, признававшій неудачу униженіемъ своей славы, получилъ новое повелѣніе перейти за Дунай. Онъ распорядился, послалъ туда Князя Долгорукаго, Барона Унгерна, Графа Салтыкова, каждаго съ 3 т., а самъ остался по сю сторону рѣки для прикрытія Молдавіи и Валахіи. Два первые настигли Сераскира, разбили, взяли его въ плѣнъ съ множествомъ артиллеріи. — Но въ другихъ мѣстахъ случилось противное; Унгернъ немогъ покорить сильной Варны и Потемкинъ тщет-

но осаждалъ Силистрію, Салтыковъ — Рущукъ. Все кончилось вторичною неудачею, вторичнымъ отступленіемъ на лѣвый берегъ, и войска расположились по зимнимъ квартирамъ.

Извѣстіе о томъ огорчило Екатерину, потому болѣе, что неистовства Пугачева быстро распространялись. Правительство перемѣнило мнѣніе, увѣрилось въ важности обстоятельства, отрядили пропивъ его полки, и вручили начальство Генералу Бибикову. Начало не соотвѣтствовало ожиданію; Каръ и Мансуровъ не устояли, извергъ овладѣлъ Оренбургомъ, и прогнанный оттуда Княземъ Голицынымъ устремился на Уфу, наконецъ къ Казани, жегъ, опустошалъ ихъ предмѣстія и окрестности.

Усердіе, оказанное отъ Казанскихъ дворянъ, и признательность Екатерины при семъ случаѣ, достойны преданія потомству. Тѣ предложили набрать 4 т. человѣкъ, итти съ ними на общаго врага, а она въ изъявленіе искренней благодарности просила принять ее въ число своихъ помѣщицъ.

Что Ты съ нами дѣлаешь, писали къ ней Казанцы, въ трехъ частяхъ свѣта Владыче-

ствующая? Славимая въ концахъ земли, честь Царей, украшеніе коронъ изъ благолѣпія величества своего и сіянія славы, снисходишь именоваться нашею помѣщицею. Признаемъ Тебя своею помѣщицею, принимаемъ въ соповарищество, равняемъ Тебя, когда угодно, съ собою, но за сіе Ты ходатайствуй за насъ у престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершишь усердіе наше, помогай намъ, и заступи у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя надѣемся. — Слова просты, но означаютъ чистую любовь, преданность къ ея особѣ.

Въ числѣ учрежденій сего года замѣчательны слѣдующія:

Основано Горное училище.

Переселено 1500 семействъ на рѣку Ахтубу для шелководства, и велѣно быть таковыму же въ Слободской Губерніи.

Удивительно, что она имѣла время заниматься мелочными предметами для пользы частныхъ людей. Издала наставленія какъ охранять скотъ въ хлѣвахъ, какой давать ему кормъ, какъ содержать 1857 фонарей для освѣщенія улицъ въ Петербургѣ, нако-

нецъ, чтобъ заводчики клеймили свои имена Годы
на бутылкахъ.

Казалось, что лавры нашего героя поблек- 1774.
ли; протекъ цѣлый годъ въ безполезныхъ движеніяхъ, съ потерею времени и людей. Императрица сама пожелала мира; презрительный самозванецъ причинялъ великія безпокойства. Въ Февралѣ воцарился новый Султанъ Ахметъ и подавалъ надежду къ миру; но ни посредничество Фридриха, ни переговоры Фельдмаршала съ Визиремъ не имѣли успѣха. Ожиданія продолжались до Іюня, между тѣмъ Румянцевъ получилъ повелѣніе перенести силы опять на тотъ берегъ, прислано къ нему подкрѣпленіе, армія составилась изъ 50 т., и переходъ въ третій разъ за Дунай покроетъ побѣдителя подъ Ларгою, при Кагулѣ безсмертною славою.

Визирь, не смотря на превосходство своего ополченія, состоявшаго изъ 200 тысячь, не смѣлъ вступить съ нимъ въ бой; расположился лагеремъ на Булгарскихъ высотахъ, не предполагая, чтобъ въ такомъ крѣпкомъ мѣстѣ сдѣлали на него нападеніе, и высылкою большихъ отрядовъ хотѣлъ остановить и ослабить своего соперника. Румянцевъ прика-

залъ Суворову быть съ передовыми войсками, другимъ стать у Рущука, и Силистріи, 16 Іюня самъ переправился за Дунай, и пораженіями очищая себѣ путь, зашелъ во флангъ. Въ другой сторонѣ Каменской отбилъ обозъ съ хлѣбомъ, состоящій изъ 5 тысячь телѣгъ, подъ прикрытіемъ 28 т. человѣкъ, и отрѣзалъ всякое сообщеніе съ Адріанополемъ, откуда Турки имѣли продовольствія. Окруженный отвсюду Визирь находился будто въ западнѣ; войска его терпѣли недостатокъ въ пищѣ, роптали, разбѣгались изъ стана; имъ оставалось или пробиться, или умереть отъ голода. Въ сей крайности, подобной отчаянному положенію Петра Великаго при Прутѣ, явились уполномоченные Кегай-Бей, Рейс-Ефендій Мюбясъ, съ прошеніемъ мира.—Вызываемый для совѣщанія Обрѣсковъ, за разлитіемъ водъ не могъ пріѣхать; дано порученіе условиться съ ними Князю Рѣпнину, и 10 Іюля, при урочищѣ Кудчукъ Кайнарджи, въ ставкѣ Фельдмаршала, на барабанѣ заключенъ знаменитый миръ, безъ посредства, какъ предсказалъ Фридрихъ, другихъ державъ.

Порта уступила Россіи крѣпости Керчь, Еникале на проливѣ, Кинбурнъ на Черномъ

морѣ при устьѣ Днѣпра и всю степь между сею рѣкою и Бугомъ.

Утвердила права ея на Азовъ, и Таганрогъ.

Татары: Крымцы, Буджакскіе, Кубанскіе, Едисанскіе, Жалбуйлукскіе, Едичкульскіе признаны независимыми подъ управленіемъ Хаховъ Чингисова поколѣнія.

При Портѣ, быть нашему Посланнику втораго разряда, въ городахъ Консуламъ.

Оказывать покровительство церквамъ, Христіянамъ, и путешествующимъ въ Іерусалимъ.

Россіянамъ имѣть церковь, кромѣ Посланичей, на улицѣ Бей-Оглу.

Монастырямъ и частнымъ людямъ возвратить взятое у нихъ.

Позволить желающимъ, кромѣ Мусульманъ, переселяться въ Россію.

Не требовать отъ Молдавіи и Валахій недоимокъ по старымъ счетамъ, ни контрибуціи за прошедшее время.

Двумъ Княжествамъ симъ имѣть при Портѣ уполномоченныхъ по своимъ дѣламъ, и нашему Посланнику ходатайствовать за нихъ.

Быть ли двумъ Кабардамъ за Россіею—ос-

павить на волю Крымскаго Хана. Крѣпости Богдашчикъ, Кушашисъ, и Шегербанъ въ Грузіи и Мингреліи вручить опъ насъ пѣмъ, кому издревлѣ принадлежали.

Оппустишь плѣнныхъ, изключая перемѣнившихъ вѣру.

Россія возвращаетъ Порпѣ все завоеванное безъ остатка, получаетъ за убытки четыре съ половиною милліона рублей.

Позволяется взаимно свободное плаваніе по всѣмъ морямъ, водамъ, и безпрепятственный торгъ на сушѣ.

Сей миръ, по видимому, маловыгодной, заключаетъ въ себѣ глубокую мудрость Политики. Мы поставили первую ногу на проливѣ, на Черномъ морѣ, чего давно желалъ Великій Петръ; свободою Тапарскихъ племенъ уменьшили число подданныхъ Порпы, пресѣкли ея вліяніе въ ихъ дѣла, наконецъ, сокрывъ отъ зависти другихъ державъ наши предпріятія, очистили себѣ по дебрямъ легкій путь къ важнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ, что ниже увидимъ.

Сожалительна полько участь Грековъ; они оказали намъ великія услуги, проливали кровь свою въ надеждѣ, чрезъ побѣды наши надъ

жестокими ихъ властелинами, избавиться несноснаго ига, и не могли быть спасены отъ мщенія. Быть можетъ, что сіе несчастіе послужило основною причиною общему ихъ потомъ возстанію.

Вся Европа, не изключая и Австріи съ Пруссіею, была недовольна самодержавною волею Екатерины, но молчала по необходимости. Тѣмъ двумъ державамъ препятствовалъ союзъ съ нею;—Гишпанія имѣла распри съ Португаліею, и Франція опасалась войны между ими;—Англія брала предосторожности отъ Американскихъ своихъ владѣній; тамъ уже начинался ропотъ на Метрополію, и изрѣдка сверкали уже искры произведшія чрезъ 13 лѣтъ ужаснѣйшій пожаръ. — Пылкой Іосифъ стремился къ славѣ оружія. Все обѣщало прекращеніе тишины.

Екатерина писала тогда къ Спакельбергу: Вашъ другъ Браницкой смотритъ Сентябремъ, Гишпанія страшится, Франція безмолствуетъ, печалится, ходитъ одна, сложа руки, Швеція не можетъ ни спать, ни ѣсть. Впрочемъ мы были скромны, и не сказали имъ почти ни слова объ мирѣ; да и какая

нужда говорить объ немъ? Онъ самъ за себя говоритъ.

Въ Польшѣ споры, обиды отъ Австріи и Пруссіи продолжались; предсѣдалъ ходатаемъ въ Петербургѣ Графъ Браницкой, и Екатерина вступила въ посредство, но безъ желаемаго успѣха.

Обманувшись въ надеждѣ малыми средствами искоренить Пугачева, поспѣшно собрали полки, вручили по смерти Бибикова начальство надъ ними Графу Панину. Послѣдовало болѣе 20 упорныхъ съ нимъ сраже-

---

(*) Въ напечатанномъ отъ Правительства спискѣ показано умерщвленныхъ имъ 1512 человѣкъ, разнаго званія. — Въ семъ числѣ были изъ примѣчательныхъ лицъ: Генералъ-Маіоръ Кудрявцовъ, Пензенскіе Воевода Всеволожской, товарищъ его Гуляевъ.—Генералъ-Маіоръ Пахомовъ съ женою. — Графъ Головкинъ. — Саранской Воевода Протасьевъ. — Симбирской Комендантъ Рычковъ. — Города Петровска Воеводской товарищъ Буткевичъ. — Ставропольской Комендантъ Бригадиръ Фегесанъ. — Татищевской крѣпости Комендантъ Веловской. — Воеводы: Троицкой съ его товарищемъ, Краснослободской—Селунской и Наровчатской—Цѣникъ.—Дмитровской крѣпости Комендантъ Меллинъ.

ній; побѣжденный, на другой день являлся еще съ большими силами. Наконецъ Подполковникъ Михельсонъ, настигъ его подъ Царицынымъ разбилъ на голову, прогналъ за Волгу, гдѣ сообщники Твороговъ, Чумаковъ и Федуловъ выдали его, и 19 Декабря изданъ о томъ Манифестъ (*).

Такимъ образомъ почти въ одно время совершился знаменитый миръ, изтребленъ самозванецъ, наносшій чувствительныя раны, и успокоенная Россія подъ сѣнію лавровъ готовилась къ торжествамъ.

Конецъ первой части.

ВАЖНЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Въ I части.

Напечатано.			*Читай.*
Стран.	*строки.*		
3 —	5	Заставлялъ ихъ . . .	Заставлялъ ихъ
9 —	26	двоюродная	внучатная
12 —	15	augure	augure
13 —	7	чувствованія	чувствованія
108 —	4	и терзаясь	и не терзаясь
112 —	15	Линдрашти	Ландрашти
142 —	2	шутокъ	шутокъ
207 —	20	любытный	любопытный
233 —	19	брѣдъ	бредъ
243 —	12	Воевада	Воевода

Во II части.

80 —	24	Колонко	Колонія
81 —	5	Филандельфію	Филадельфію.
89 —	19	penetrés	penetrée
41 —	6	Братковскій	Брапановскій
74 —	20	съ гостями	съ гостемъ
92 —	10	начало вражды	Продолженіе войны
96 —	6	Наставникомъ	Наставника
99 —	3	не вѣдали	не вѣдалъ
108 —	3	и возгласишь	и возгласишь, какъ уже сказано
109 —	8	Кончина Фридриха	
— —	—	въ Крымъ	въ Бѣлоруссію
113 —	10	прилегающія	прилегающими
114 —	23	Вторая его армія . . .	вторая часть его арміи
124 —	14	Колніяхъ	Колоніяхъ
143 —	18	ведомыхъ	ведомыю
144 —	2	Фирламони ческой. . .	Филармонической

Напечатано.			*Читай.*
Стран.	*строки.*		
186 —	6	порфиропосная	порфирородная
186 —	24	бѣдныхъ	бѣдныя,
197 —	14	пушешествуйте . . .	пушешествуете
198 —	17	прошивъ дворянскаго .	прошивъ дворянства ку печесшву, имѣющему
— —	18	для купечесшо	своихъ оборошовъ
197 —	6	ногими	ногами
199 —	17	Вишники	Вишенки
205 —	7	Двухлаваго	двуглаваго
210 —	5	опшускаешь	опшускаеши
213 —	24	цирцви	церкви
214 —	8	крупящаяся	крупащаяся
215 —	4	спепень	спепь
222 —	25	вдадина	впадина
233 —	13	во время великаго выхода	послѣ достойной

Въ III части.

13 —	23	садахъ мечешяхъ . . .	садахъ, мечешяхъ
14 —	18	случаи опъ	случаи, опъ
15 —	8	апаковали разспромяли .	апаковали, разспромяли
18 —	12	къ новыхъ	къ новыимъ
27 —	7	не присшупносши . . .	неприсшупносши
32 —	17	новѣріе	невѣріе
41 —	13	спрашиваешся	Спрашиваешся
42 —	12	пиловали	пировали
50 —	1	напалъ	напало
51 —	18	въ 22 кораблякъ . . .	изъ 19 кораблей
61 —	26	съ Торуемъ	Торунемъ
62 —	1	Голяцiи	Галяцiи
74 —	16	поручилась	поручились
75 —	14	прящальное	прощальное
76 —	4	Кашшашъ	Кашшашъ
81 —	16	Берисдорфа	Берисдорфа
88 —	11	Калишскiя	Калишскiй

Напечатано.			*Читай.*
Стран.	*строки.*		
90	— 12	осулили	осудили
91	— 13	$\frac{18}{19}$	$\frac{18}{29}$
—	— 17	$\frac{20}{21}$	$\frac{20}{51}$
93	— 10	и еще разъ	но они еще разъ
104	— 24	съ нами	съ ними
126	— 25	фонъ Бокъ	фонъ Бокъ.
134	— 10	изъ возлядавшихъ . . .	изъ возсѣдавшихъ
149	— 2	Бѣдствія Людовика	
—	— 3	Побѣгъ его въ Монмеди	
154	— 12	превезглашали	провосглашали
155	— 13	инслагаетъ	низлагаетъ
160	— 22	Касаковскаго	Касаковскаго,
166	— 12	репяція	реляція
167	— 25	удалился	удалился.
174	— 7	Черно-Россію	Красно-Россію
листъ	184	. . . . .	195
176	— 23	Камчатскихъ	Карпатскихъ
208	— 23	Солдатскои	Солдатской
212	— 19	отъ Аги	прошивъ Аги
236	— 2	съ роскошью. Приличною	съ роскошью, приличною
237	— 6	марморые	марморные
240	— 21	Права безопасность . .	Права, безопасность
242	— 18	merite	mérite
—	— 19	mesura	mésura
248	— 23	Государство	Государства
250	— 7	дѣянія милости	дѣянія, милости
—	— 8	самые стѣны	самыя стѣны

ОЗРѢНІЕ

ВОВАНІЯ И СВОЙСТВЪ

ЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

Павломъ Сумароковымъ.

ЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВИЛЕНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРРЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИ
СТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1832.

Печатать позволяется:

Съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Декабря 18, 1831 года.

Цензоръ Сенковскій.

ОБОЗРѢНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ И СВОЙСТВЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

ГЛАВА I.

Казнь преступникамъ. — Прибытіе Императрицы въ Москву. — Походъ къ Троицѣ. — Указъ о роскоши. — Турецкой Посолъ. — Торжество на Ходынкѣ. — Награды. — Милости народу. — Потемкинъ. — Запорожцы. — Открытіе губерній. — Флигель-Адъютанты. — Учрежденія. — Начало революціи въ Америкѣ.

Годы 1775.

Начало сего года ознаменовалось ужаснымъ, но праведнымъ возмездіемъ государственнымъ преступникамъ. Пугачева привезли въ Москву, въ клѣткѣ, подъ крѣпкою стражею; два Штабъ-Офицера безотходно при немъ находились; его содержали въ цѣпяхъ, прикованнымъ къ стѣнѣ у Иверскихъ воротъ, и любопытные съѣзжались видѣть изверга. Сообщниковъ его препровождали отдѣленіями, и 10 Генваря (*) послѣдовали однимъ казни, другимъ наказанія — Въ Москвѣ на болотѣ. Пугачеву, Пер-

(*) Сожалительно, что въ этоже число казни злодѣя погибъ добрый, но нещастный Людовикъ.

фильеву и Чикѣ, отрубили головы (*), трехъ повѣсили, двадцать высѣкли кнутомъ и сослали въ каторгу или на поселеніе, одного наказали плетьми, одного лишили чиновъ и дворянства съ ошельмованіемъ, одного только чиновъ, одного депутатскаго названія и преимуществъ, двадцать одного простили, съ представленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по невинности къ награжденіямъ, а двухъ женъ Пугачева, сына и двухъ дочерей его послали подъ надзоръ въ отдаленный городъ (**).

(*) По суду, и корфимаціи опредѣлялось двухъ первыхъ четвертовать, члены ихъ выставить въ четырехъ частяхъ города, но повелѣно прежде отрубить имъ головы.

(**) Г. Кастера, выдумывая ложь, и обращая каждое человѣколюбивое дѣйствіе Екатерины въ жестокость, становится уже смѣшнымъ. Онъ говоритъ, что палачу за шу ошибку отрѣзали языкъ, послали его въ каторгу. Притомъ увѣряетъ, что хотя многіе называютъ Пугачева Емельяномъ, но истинное ему имя Икельманъ, въ чемъ ссылается на манифестъ. — Что Генералъ Бибиковъ умеръ не отъ болѣзни, а убитъ на сраженіи противъ злодѣя. — Наконецъ, что Екатерина, опасаясь священниковъ, купила множество маленькихъ иконъ, и раздавала ихъ на

Императрица ожидала окончанія сихъ казней, и вскорѣ потомъ отправилась въ Москву, гдѣ въ честь побѣдительницы воздвигнули тріумфальныя ворота, встрѣчали ее первѣйшіе чиновники, дворяне, купцы съ хлѣбомъ, солью, и народъ бѣжалъ у каретъ съ громогласными повтореніями: ура!

Какъ не было приличныхъ для нее чертоговъ, то отдѣлали великолѣпно домъ Князя Голицына на Пречистенкѣ, и въ немъ учредилось ея жительство.

Она желала, чтобъ Графъ Румянцевъ, дѣйствующее лице въ ея славѣ, раздѣлилъ оную съ нею, вступилъ бы въ столицу на колесницѣ, по обряду Римлянъ, подъ арку богато украшенную; но скромный герой, обыкшій къ лагерной жизни, къ трофеямъ на поляхъ брани, остановился за городомъ, просилъ избавить его отъ почестей, и въ ожиданіи разрѣшенія оставался въ предмѣстіи. Скакали Адъютанты, посланные съ переговорами; Екатерина согласилась на его представленія, и въ замѣнъ прежняго предположенія дано повелѣніе, чтобъ

пути въ Москву. — Вотъ Историкъ! И есть люди, которые ему вѣрятъ!

*

знатнѣйшіе гражданскіе, воинскіе чины предспали ему съ привѣтствіями, поздравленіями; это составило иного рода тріумфъ.

Императрица вскорѣ потомъ предприняла пѣшеходство къ Троицкой Лаврѣ для поклоненія мощамъ Сергія чудотворца, и представилось необыкновенное зрѣлище. Сопровождали ее царедворцы, фрейлины, толпились поселяне, тянулось въ слѣдъ множество екипажей. По совершеніи нѣсколькихъ верстъ, возвращались въ каретахъ назадъ, гдѣ ожидалъ хорошій обѣдъ, соблюдались тоже довольство, тотъ же порядокъ, какъ во дворцѣ; усталость, замѣчанія, простое сельское обращеніе доставляли пріятности, и на другой день пріѣзжали опять къ мѣсту предъ тѣмъ достигнутому, чтобъ слѣдовать далѣе.

Спеклись дворяне, изъ городовъ, деревень; Москва наполнилась, оживилась, пришла въ великое движеніе; по праздникамъ были при дворѣ съѣзды, обѣды, балы. Весною Екатерина часто посѣщала Коломенское, гдѣ родился единственный Петръ, Царицыно, Всесвятское, Воробьевы горы, и прелестныя окрестности являли разительную противоположность дикой природѣ Петербурга.

Непомѣрная роскошь нашего дворянства, жертвующаго для тщеславія своимъ разореніемъ, обратила на себя вниманіе Императрицы. Она любила сіе сословіе, выхваляла, возвышала его при всякомъ случаѣ, и въ изданномъ манифестѣ говоритъ такъ: „Украшенія „дворянина не суть, и никогда быть не мо„гутъ наружныя украшенія, какъ то: богат„ство одежды, несходственные съ до„статкомъ екипажи, или великолѣпныя уб„ранства домовъ, содержаніе излишняго числа „праздныхъ служителей, на вѣкъ опъ пашенъ „отлученныхъ, гдѣ бы они полезнѣе для го„сподина, для себя, и общества быть могли.“ Въ манифестѣ томъ постановлено — ѣздить:

Двумъ первымъ классамъ цугомъ съ двумя вершниками.

3, 4 и 5 классамъ только цугомъ.

6, 7 и 8 классамъ четвернею.

Оберъ-Офицерамъ парою.

Неимѣющимъ Офицерскихъ чиновъ—верьхомъ, въ одноколкѣ или въ саняхъ въ одну лошадь.

Ливреи также различены: лакеи двухъ первыхъ классовъ имѣли басоны по швамъ.

3, 4 и 5 классовъ по борту.

[illegible] и по камзо-
[illegible]

[illegible] воротникахъ и
[illegible]

[illegible] не обкладывать.

[illegible] съ высе-
[illegible] кареты, дро-
[illegible] и [illegible] просто
[illegible]

[illegible] Сенатскихъ чи-
[illegible] ѣздить
[illegible]

[illegible] Императрицы въ Москву
[illegible] мира, и она, во всемъ
[illegible] необыкновенная, уготовила
[illegible] блистательномъ видѣ, какого
[illegible]; цѣлое поле Хадынское
[illegible] галлереями; жители съ не-
[illegible] изумившаго ихъ потомъ
[illegible].

[illegible] все обѣщало послѣ побѣдъ и
[illegible] сладкую тишину; Россія по-
[illegible] великодушно, Посолъ отъ
[illegible] утвердительною грамотою ве-
[illegible] въѣзжалъ въ столицу Скоро-
[illegible] окружали позлащенную его

карету, вели подъ богатыми попонами рѣдкихъ коней, на подушкахъ несли дары, войска стояли отъ заставы до дворца въ строю. Нашъ Посолъ въ это время продолжалъ путь въ Царьградъ. При аудіенціи Кавалергарды въ шлемахъ съ перьями, въ великолѣпныхъ сюперверсахъ составляли собою въ Георгіевской галлереѣ рядъ богатырей, въ противоположность имъ дамы, всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, брилліянтахъ, отличались красотою, а въ отдаленіи, въ прелестной проспективѣ возсѣдала на тронѣ Екатерина, какъ нѣкая Богиня, въ коронѣ и порфирѣ. — Но миръ съ Мусульманами никогда непроченъ, и есть только отсрочкою новой вражды. Французской Кабинетъ, подстрѣкая Польшу, подготовляя ссору между Австріи, Пруссіи и Россіи, старался всячески разрушить постановленія при Кайнарджи. Онъ представлялъ постыдное униженіе Порты (забывая свое собственное) алчность Россіи, предстоящую опасность, и успѣлъ дать желаемое направленіе. Визирь, при первомъ свиданіи съ Княземъ Рѣпнинымъ, объявилъ, что безъ возвращенія Керчи, Ениколе, безъ прежней зависимости Крыма отъ Порты, принужденной миръ не надеженъ.

Екатерина предвидѣла то, предупредила; велѣла войскамъ своимъ отъ Немирова и Кіевскихъ предѣловъ наблюдать за дѣйствіями 40 т. Турецкаго корпуса подъ Бендерами и занять вторично Крымъ. Уже явились Турецкіе корабли въ Воспорскомъ проливѣ, на Черномъ морѣ; самъ Капитанъ-Паша началъ-ствовалъ; безъ объявленія войны дѣлали высадки, сражались, но славный Суворовъ опразднилъ коварныя покушенія. Турки, удалясь съ неудачею, произвели симъ нападеніемъ только перемѣну своего правленія и сильный переворотъ. Преданный имъ Ханъ Девлетъ Гирей ушелъ, на мѣсто его утвержденъ былъ нами избранный Шагимъ, который навлекъ на себя неудовольствія подданныхъ. Мурзы пріѣзжали съ жалобами въ Петербургъ, и спокойствіе подъ властію Россіянъ опять возстановилось.

Наконецъ настало 10 Іюля, день незабвенный,— по веселостямъ въ Москвѣ — по событію единственному въ цѣломъ мірѣ.—Пушки возвѣстили начало веселія, городъ взволновался, улицы заперлись каретами, толпы народа стекались у дворца, и открылось торжество шествіемъ Импе-

ратрицы изъ Кремля среди разставленныхъ войскъ слѣдующимъ порядкомъ.

Два Герольда.] Церемонимейстеръ.] Съ жезлами.

Камеръ-Юнкеры.] Камергеры.] по два въ рядъ.

Члены Совѣта.

Гофмаршалъ.

Оберъ-Гофмаршалъ.

Императрица въ малой коронѣ, въ порфирѣ, подъ балдахиномъ, который несли 8 Генералъ-Маіоровъ, шнуры держали 8 Генералъ-Поручиковъ, шлейфъ несли Камергеры, конецъ же Оберъ-Камергеръ. Предъ нею шелъ Графъ Румянцевъ, по сторонамъ слѣдовали Кавалергарды.

Ихъ Императорскія Высочества.

Статс-Дамы, Фрейлины обоихъ дворовъ.

По встрѣчѣ Архіереями, духовенствомъ съ крестами въ Успенскомъ Соборѣ совершилась литургія, благодарственный молебенъ, и при возглашеніи *Тебѣ Бога хвалимъ* загремѣли пушки, раздался повсемѣстно колокольной звонъ.

Оттуда шествіе было съ тѣмъ же обрядомъ зрители не помѣщались на пути, колокольня Ивана великаго, устроенныя под-

мостки усѣялись толпами, въ разительной пестротѣ одеждъ, — и Екатерина привлекательною своею улыбкою поздравляла чадъ своихъ, любовалась, гордилась ими.

Въ Грановитой палатѣ, въ присутствіи пятикласнаго дворянства, Генералъ прокуроръ произнесъ рѣчь, изъяснилъ подвиги Государыни, побѣды, благія учрежденія и благодарилъ отъ имени Сената и народа. На столахъ, покрытыхъ бархатами, лежали грамоты, дипломы, драгоцѣнные подарки, и Статс-секретарь читалъ кому что назначено.

Графу Румянцеву за успѣшное полководство—жезлъ, за храбрыя предпріятія—шпага, за побѣды—лавровой вѣнокъ, за миръ—масличная вѣтвь, все то съ крупными брилліянтами, а въ знакъ особеннаго благоволенія орденъ св. Андрея также съ алмазами.—Въ честь ему и къ воспоминанію потомства выбита медаль съ его изображеніемъ.—Для хозяйства 5 т. крестьянъ, подмосковная съ нареченіемъ ее Кайнаджи, на построеніе дома 100 т. рублей, для украшенія дома картины, для стола серебрянный сервизъ,—наконецъ лестное и праведное имя Задунайскаго. Всѣ сіи награды, подобныя Мальборуговымъ

отъ королевы Анны, достойны нашего героя и свидѣтельствуютъ, что Екатерина умѣла оцѣнивать заслуги.

Фельдмаршалу Князю Голицыну шпага съ алмазами и столовый сервизъ.

Князю Долгорукову, покорившему въ двѣ недѣли Крымъ, похвальная грамота, шпага, крестъ, звѣзда св. Андрея съ алмазами, и названіе Крымскаго.

Графу Панину шпага съ алмазами и столовой сервизъ.

Графу Ал. Григ. Орлову за истребленіе флота — грамота, шпага съ алмазами, столовой сервизъ и наименованіе Чесменскимъ.

Графу Өед. Григ. Орлову при увольненіи отъ службы чинъ полнаго Генерала съ окладомъ жалованья.

Вице президенту Адмиралтейской Коллегіи Графу Чернышеву орденъ св. Андрея.

Адмиралу Нагаеву.
Артиллеріи Генералъ-Поручику Миллеру.
Генер. Поручик. Текеллію.
— — — — — — — — Граф. Мусину-Пушкину.
— — — — — — — — Романіусу.
— — — — — — — — Медему.

} Ордена св. Александра Невскаго.

Генералъ-Маіору Князю Петру Мих. Голицыну. — Ор. св. Александра Невскаго.

Вице-Адмиралу Голенищеву Кутузову.
Генералъ-Поручику Олсуфьеву.
Генералъ-Поручику Аѳ. Сем. Жукову
Генералъ-Инженеру Мих. Иван. Мордвинову.
Генер. Маіор. Нащокину.
— — — — — — Энгельгарду.
— — — — — — Ап. Анд. Волкову.
— — — — — Маш. В. Муромцеву
Генералъ-Цейхмейстеру Аннибалу.
Контр. Адмир. Бизбалю.
— — — — — — Шипову.
— — — — — — Кохіусу.
— Ордена св. Анны.

Генер. Поруч. Графу Салтыкову ему же шпага съ алмазами.
Генер. Поруч. Каменскому.
Генералъ-Маіору Милордовичу.
— Св. Георгія 2 степени.
— 3 степени

Ген. Пор. Григ. Александр. Потемкину, ему же портретъ Императрицы.
Генер. Пор. Суворову.
— — — — Князю Прозоровскому
Ген. Маіор. Павл. Сер. Потемкину.
— шпаги съ алмазами.

Генералъ-Прокурору Князю Вяземскому 2 т. крестьянъ.
Генералъ-Маіору Якоби 500 крестьянъ.
Полковнику Петерсону 500 крестьянъ.
} Въ Бѣлоруссіи.

Генералъ-Маіорамъ Кохіусу 5 т. рублей.
— — — — — — — Абалдуеву 4 т. рублей.

Сверхъ сего опредѣлено воздвигнуть въ Сарскомъ селѣ мраморные памятники Графамъ Румянцеву и Орлову. — Первый Гренадерскій полкъ за отличную храбрость названъ Лейб-Гренадерскимъ, Императрица приняла на себя чинъ Полковника онаго.—Всѣмъ нижнимъ чинамъ розданы для ношенія медали.

Многіе по службѣ гражданской получили чины Дѣйствительныхъ Тайныхъ — Тайныхъ Совѣтниковъ или должностныя мѣста.—Полковники произведены въ Генералъ-Маіоры.

Повелѣно не наказывать дворянъ въ нижнихъ чинахъ тѣлесно, но поступать съ ними какъ съ Офицерами, а солдатъ безъ суда. — Прибавлено послѣднимъ провіанта, прощены отлучившіеся отъ полковъ.

Народу оказаны многія облегченія. — Освобождены по долгамъ болѣе 5 лѣтнимъ въ тем-

ницахъ заключенные; наслѣдники отъ взысковъ.— Облегчены приговоры къ наказаніямъ.—Дѣла по преступленіямъ всякаго рода и взысканія казенныя, не бывшія гласными, или продолжающіяся въ теченіе 10 лѣтъ, уничтожены.

Сложены подати по 47 статьямъ, весьма тягостившія не столько цѣною денегъ, какъ притязаніями, тревогами, чрезъ что доставлено болѣе свободы, спокойствія въ промышленности, а бѣднымъ вспоможеніе. Сіи статьи суть:

Сложены сборы съ купечества — съ желѣзныхъ заводовъ — съ мѣдиплавильныхъ печей — съ чугуна — мѣди нашурою — съ минеральныхъ заводовъ — съ фабричныхъ сукновъ въ господскихъ, обывательскихъ домахъ — подать, на случай войны въ Остзейскихъ губерніяхъ наложенная — съ спруговъ, лодокъ — оброкъ по добыванію тюленей, чтобъ избѣгнуть монополіи съ соленыхъ варницъ — съ лавокъ, анбаровъ, хорчевень, балашей въ Петербургѣ — съ краснильнаго ремесла — съ воскобоенъ — съ кожевинниковъ, овчинниковъ — съ мыльныхъ заводовъ — съ ловли звѣрей и птицъ — съ маслобоенъ — съ салотопень съ

солода, хмѣля — омшениковъ, кирпичныхъ сараевъ, балагановъ, скамей, кузницъ, постоялыхъ дворовъ, умеповъ, зимовень, цирюлень, юрповъ, избъ при ярморкахъ — съ духовныхъ завѣщаній — съ домовыхъ бань — съ помѣщичьихъ мельницъ — съ рыбныхъ ловель въ укрѣпленныхъ отчинникамъ дачахъ, но платящихъ еще оброки — прощены всѣ участвовавшіе въ бунтѣ Пугачева — прощены казенные бѣглые крестьяне, когда явятся чрезъ полтора года—отпущеннымъ на волю велѣно, ни за кого не записываться, но избрать родъ жизни — съ купцовъ брать по 1 проценту отъ спа. — Объявившимъ менѣе 500 рублей капитала, равно банкротамъ записаться въ мѣщанство (*).

По надѣленіи наградами, Императрица, сопровождаемая эскадрономъ Лейб-Гусаръ, первѣйшими сановниками—верьхами, въ каретахъ изъ 19 отдѣленій, возвращалась среди спо-явшаго въ строю войска въ Пречистенской дворецъ. Генералъ-Маіоръ Потемкинъ съ двумя Герольдами бросалъ по пути серебрянные жетоны, и въ вечеру городъ былъ иллюминованъ.

На другой день отдохновеніе.

(*) Сбавлено по 5 копѣекъ съ пуда соли.

12 число большой съѣздъ ко двору, позвали мать и сына (*) Задунайскаго Героя въ кабинетъ Императрицы, гдѣ возложены ленты, на первую святыя Екатерины, на второго св. Александра. Можно себѣ представить съ какимъ восхищеніемъ предстали они въ сихъ украшеніяхъ многолюдному собранію. Въ вечеру ужинъ для пяти классовъ на 162 прибора.

Съ 13 числа торжество прервалось на 8 дней, по причинѣ болѣзни Императрицы.

21 числа Она, и Ихъ Императорскія Высочества отправились съ прежнею пышностію, съ тѣмъ же порядкомъ на Ходынку. Полки Лейбъ и третій Гренадерскіе отдали честь ружьемъ, заиграли трубы, музыка, раздавался громъ барабановъ, литавръ, пушекъ, и духовенство, знатнѣйшее дворянство вышли въ стрѣтеніе. Тамъ въ громадѣ строеній, составлявшей особой, временный городъ, всякая зала, галлерея имѣла видъ крѣпости, города, или корабля, и называлась то Азовскою, Керчинскою, то Кинбургскою, Кайнарджи, тому подобное, и опредѣлялось чему въ которой быть. Болѣе ста тысячь

(*) Гр. Михайло Петровичь.

народа въ стѣсненныхъ рядахъ вдругъ взволновалось; полетѣли шляпы въ верьхъ, и единогласное *ура*! наполнило воздухъ. Лишь вступило Августѣйшее сѣмейство въ галлерею, два выстрѣла подали знакъ, и на устроенныхъ возвышеніяхъ открылись жареные быки, потекли фонтанами виноградныя вина. Нетерпѣливые гости, сколько для пресыщенія, столько и для удальства, бросились на примапчивые предметы, опереживая, побѣждая другъ друга. Одни отрывали головы съ позлащенными рогами, другіе лоскуты камки, иные подставляли чаши, горшки къ источникамъ напитковъ; нѣкоторые отходили съ подбитыми глазами; радостный гулъ походилъ на повтореніе побѣды при Кайнарджи. Императрица смотрѣла на то, любовалась общимъ удовольствіемъ, по разхищеніи же всего въ нѣсколько минутъ, Бухарцы предъ окнами ходили по канатамъ, фокусники, фигляры представляли пирамиды изъ людей, забавляли зрителей. Въ Азовской крѣпости ожидалъ богатый обѣдъ на 319 особъ пяти классовъ. За столомъ сидѣли Императрица рядомъ съ Румянцевымъ, Цесаревичь съ его матерью, играла музыка; когда подали шампанское, Екатерина привстала, пила здоровье своего кавалера.

Пушки подтвердили эту честь, и глаза всѣхъ обратились на виновника торжества. Вотъ самое сладостное увѣнчаніе всѣхъ наградъ. Въ 6 часовъ въ другой галлереѣ давали Оперу, Императрица не была въ театрѣ, и объѣхавъ все пространство, всѣ сонмища возвратилась въ свой дворецъ.

22 числа отдохновеніе.

23 числа Императрица съ Цесаревичемъ и Его супругою опять посѣтила Ходынку послѣ обѣда, и когда начались народныя веселости, пошла на ярмарку въ Таганрогскомъ городкѣ, и купила много товаровъ. Въ 6 часовъ была опять Опера, которую высокіе гости удостоили своимъ присутствіемъ. По наступленіи вечера переѣли оттуда въ маскерадъ, послѣ къ кораблямъ, смотрѣть приготовленный на нихъ феерверкъ. Все пространное поле явилось въ огнѣ, залы, галлереи, узорчатыя при огражденіяхъ рѣшетки въ кругахъ, треугольникахъ, отражали яркое сіяніе, ночь претворилась въ день; и корабли на сушѣ будто горѣли, напоминали Чесменскую побѣду. — Храмы Славы, Марса, парящій двуглавый орелъ, лавровыя, пальмовыя деревья явили прекраснѣйшее зрѣлище.

Шверморы, бураки произвели ужасный трескъ, и сотни тысячь ракетъ, составя собою пламенный шатеръ, ознаменовали блескъ державы Россійской Паллады. Маскерадъ продолжался до 4 часовъ утра, на нѣсколькихъ столахъ холодныя кушанья безпрерывно перемѣнялись другими, и ужиналъ кто хотѣлъ.

Такимъ то образомъ совершилось чрезвычайное, величественное торжество, которое было тѣмъ радостнѣе, что всѣ сословія участвовали въ благодѣяніяхъ отъ Трона.

Въ сіе время предсталъ на поприще знаменитости мужъ обширнаго ума, прославившійся мужествомъ на войнѣ, тонкой, прозорливой политикъ, какого Россія никогда не имѣла, и едва ли непревосходившій Сюллія и Кольберта — то былъ Потемкинъ. Его геній не терпѣлъ зависимости, опредѣленныхъ правилъ, парилъ къ исполинскому, чудесному. Онъ при всякомъ иномъ Правительствѣ, оказался бы мало полезнымъ, или остался неизвѣстнымъ, при полной же довѣренности власти отъ Императрицы, много содѣйствовалъ къ пріобрѣтеніямъ, новымъ заведеніямъ, и снискалъ себѣ безсмертное имя. Мы часто объ немъ говорить будемъ.

*

Первая его мысль обратилась на уничтожение Запорожской Сѣчи. Не станемъ пускаться въ изысканіяхъ, что значитъ слово Сѣча, козакъ; преданія о немъ сбивчивы, не удовлетворительны. — Г. Карамзинъ объявляетъ намъ, что Козаки произошли отъ Торковъ, Берендеевъ, и въ то же время говоритъ, что они находились въ Рязани, Оренбургѣ, Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Торки и Берендеи никогда не появлялись. Напротивъ думать надобно, что они при началѣ были ничто иное, какъ бродяги (*) безъ начальства, собственности; и скопившіяся толпы при осѣдлости приняли названіе Козаковъ. Страна на берегахъ Днѣпра обширная, необитаемая, во обильная дичью, рыбою, угодьями, обратила на себя ихъ вниманіе, постепенно населялась бѣглыми, преступниками, солдатами, изъ Россіи, Малороссіи, Литвы, Польши, и другихъ близкихъ Государствъ. Увѣряютъ, что между ими были Итальянцы, Нѣмцы, Сербы. Гоненія, междоусобныя брани въ удѣльныхъ нашихъ Княжествахъ, нашествіе Татаръ, грозное правленіе Царя Іоанна Васильевича, бѣдствія Новогородцевъ,

(*) По образу Варяговъ.

уничтоженіе переселеній крестьянъ съ одного мѣста на другое, свобода дѣлать наѣзды, грабить сосѣдей, умножали ихъ число. Смѣшанныя племена возставали то на Турокъ, Татаръ, то на Литвянъ, Поляковъ, и по раздорамъ у себя пожелали покровительства, признали надъ собою власть Польши. Король Сигисмундъ I подтвердилъ ихъ права, отвелъ земли, раздѣлилъ на полки, и перевелъ ихъ за пороги, почему они стали именоваться Запорожцами, для различенія отъ Донскихъ, которые составляли только отрасль отъ общаго корня. — Стефанъ Батори далъ имъ городъ Техтемировъ, позволилъ избирать своихъ начальниковъ. — При Сигисмундѣ III, они съ войскомъ своимъ, изъ 30 т. состоящимъ, сражались съ Турками и Крымцами за Польшу. Разнородные сіи бѣглецы построили свои города, крѣпостцы, селенія, главное мѣстечко оградили валомъ, пушками, воздвигнули въ немъ богатую церковь, и постановили себѣ по разнородію смѣшенныя правила. — Разпредѣлили свою область на 38 куреней, каждый изъ сихъ имѣлъ своего куреннаго Атамана, а всѣ подчинялись главному, Кочевому Атаману. Женской полъ отдѣлялся

отъ общества, жительствовалъ на Хуторахъ, куда пріѣзжали ихъ отцы, мужья, сыновья, братья. Нарѣчіе, постройка домовъ, одѣжда, пища заимствованы отъ сопредѣльной Малороссіи. Притѣсненія отъ Польши, принужденіе къ принятію Католической вѣры, породили ропотъ. Они взбунтовались, разбили Королевскіе полки, но Конипольской усмирилъ ихъ. При Владиславѣ IV они требовали, чтобъ депутаты ихъ засѣдали на Сеймахъ, при отказѣ же въ томъ опять вооружились, раззорили крѣпостцу Гудакъ. Николай Потоцкій опять ихъ укротилъ, плѣнивъ Атамана и четырехъ высшихъ чиновниковъ. — Наконецъ послѣдовало общее негодованіе и Атаманъ Хмѣльницкій принялъ намѣреніе отложиться отъ Польши. Запорожцы вступили въ Литву, въ Подолію, и соединясь съ Татарами, разбили на голову Потоцкаго, овладѣли въ обозѣ великою добычею (*), нанесли страхъ самой Варшавѣ. Послали довѣренныхъ увѣщевать ихъ; дали Атаману званіе Геп-

(*) Въ сочиненіи Abregé Chronologique de la Pologne сказано, что Запорожцы взяли у нихъ обозъ, состоявшій изъ 100 тысячъ половокъ.

мана, булаву, бунчукъ, позволили, чтобъ Епископъ и воевода ихъ были Греческаго закона, войско состояло бы изъ 40 тысячь, и не завися болѣе отъ Правительства, повиновалось одному Королю. Имъ уступили городъ Чигиринъ, и Хмѣльницкій съ прочими успокоились, присягнули на прежнюю вѣрность. Не долго однако продолжалась тишина; Козаки устремились на Польшу. Король Іоаннъ Казимиръ просилъ у Папы Инокентія X въ ссуду денегъ, но получивъ просто благословеніе, самъ выступилъ противъ ихъ, побѣдилъ; и Хмѣльницкій при таковой крайности, предложилъ уступить страну свою Царю Алексѣю Михайловичу. Двинулись Русскіе, и въ 1654 году Сѣча поступила подъ владычество Россіи. Сіе подданство не было ни усерднымъ, ни постояннымъ; Запорожцы потомъ подчиняли себя то Султану (*) то снова Польшѣ, измѣнили Петру Великому, и со времени только побѣды его подъ Полтавою подданство Запорожцевъ содѣлалось прочнымъ.

При царствованіи Екатерины, они по привычкѣ къ буйствамъ и своеволіямъ, захваты-

(*) Остаются нѣсколько изъ нихъ по нынѣ подъ Турецкою державою.

вали земли, препятствовали межеванію въ Новороссійской губерніи, увели къ себѣ изъ поселенныхъ Гусарскаго и Пикенернаго полковъ до 8 тысячъ душъ, причиняли въ окрестностяхъ много разореній, оказывали ослушанія, посылаемыхъ отъ Правительства брали подъ стражу, и дерзали возставать вооруженною рукою. Буйное это гнѣздо непокорныхъ могло быть весьма опаснымъ, въ случаѣ соединенія съ Турками или Поляками.

Отправили къ нимъ Генерала Де Бальмена съ корпусомъ, отобрали оружіе, возвратили плѣненныхъ, и обратили всѣхъ ихъ въ гражданское сословіе. Пожелавшимъ остаться тутъ повелѣно жить съ женами, въ сѣмействахъ, упражняться въ земледѣліи, прочимъ дана свобода разойтиться на прежнія ихъ мѣста. Опредѣлили надежныхъ начальниковъ, и съ разрушеніемъ существовавшихъ постановленій, уничтожили Сѣчу 4 Іюня. Тогда многіе изъ нихъ бѣжали къ Туркамъ, и тамъ съ сохраненіемъ своего нарѣчія, обычаевъ, образа жизни понынѣ обитаютъ.

Окончаніе года увѣнчало высокую мудрость Екатерины. Она, подготовя основанія въ славномъ своемъ Наказѣ, приступила къ преобра-

зованію всей Имперіи и издала Учрежденіе о Губерніяхъ. Предпріятіе важное, свойственное только великимъ людямъ. Сколько видимъ въ немъ оттѣнковъ, соглашеній разнородностей, человѣколюбивыхъ началъ! Облегчать подданныхъ, исправлять погрѣшности, недостатки законовъ, означаетъ попечительность, добрыя качества Владыкъ; но созидать блаженство, указать иное вращеніе громадѣ есть верьхъ способностей смертнаго, и превыше всѣхъ похвалъ. Можно сказать, что Петръ далъ тѣло, Екатерина II вложила въ него душу. До того времени Правительства представляли собою грубое смѣшеніе, тяжбы переходили отъ одного зерцала къ другому, лишенные средствъ къ переѣздамъ, издержкамъ, нерѣдко, при всей справедливости обвинялись; Воеводы набогащались, властвовали какъ Сатрапы, и слово послать на воеводство означало аренду на постыдное стяжаніе. Каждая часть очистилась отъ хаоса, познала свои обязанности, составились Судилища въ уѣздахъ, надъ ними Палаты въ губернскихъ городахъ и каждая губернія, какъ особое Княжество, равное въ правахъ съ другими, входила въ согласное цѣлое. Всякой находилъ себѣ

управу въ своей области, бѣдность, увѣчье нашли себѣ покровъ, для порочныхъ, злонамѣренныхъ указано обличеніе. Совѣстный судъ руководствуется не уставами, а одними сердечными чувствами, быстро разцѣпляетъ закоренѣлые ковы, ухищренія; внутренній въ насъ надзорщикъ пробуждается, жестокость умолкаетъ, и слезы печалѣютъ раскаяніе. Оный вмѣсто архивовъ выводитъ справки отъ сознаній представшихъ, и скрѣпляетъ свой приговоръ не по документамъ, а по убѣжденіямъ, примиренію. — И честный, и безчестный уважаютъ его скрижали! Приказъ Общественнаго Призрѣнія, уже своимъ наименованіемъ свидѣтельствуетъ священное назначеніе. Онъ доставляетъ убѣжища удрученнымъ нищетою, вдовамъ, сиротамъ, колекамъ, питаетъ, покоитъ ихъ; весь предметъ его заключается въ благотвореніи. Отпущенныя единожды по 10 тысячь рублей, проценты съ нихъ, вклады, возрастили капиталъ, и раскрыли средства дѣйствовать по начертанію. Опредѣлены врачи, аптеки, архитекторы, Управы Благочинія, пути къ просвѣщенію. Города, безъ потребностей, безъ удовольствій въ жизни, походили прежде на деревни, и вдругъ от-

крылись сданія, площади, правильныя улицы, освѣщенія. Разсѣянное дворянство не имѣло точки соединенія, терпѣло скуку, и явились открытыя собранія. Намѣстникъ начальствовалъ въ видѣ Царя, великолѣпіе его дома, Адъютанты, почетные дворяне, богатая прислуга, давали провинціаламъ нѣкоторое понятіе о столицѣ, дворѣ; балы, вечеринки у него, у другихъ, послужили школою для бѣдныхъ помѣщиковъ; ихъ жены, дочери, познали свѣтскость, пристойность, потребности увеличились, и торги, промышленность распространились. Привыкли къ вѣжливости, опрятности; распутства, своеволія уменьшились, жестокость къ подданнымъ смягчилась; стали стыдиться невѣжества, отдавать дѣтей въ училища, вслушиваться, подражать хорошимъ примѣрамъ, и кто видѣлъ закоснѣлаго въ грубости; тотъ чрезъ пять лѣтъ потомъ находилъ удивительную въ немъ перемѣну. Можно смѣло сказать, что открытіе губерній есть всеобщее перевоспитаніе, новое сотвореніе Государства и драгоцѣнный памятникъ Екатерины.

Ноября 7 послѣдовалъ манифестъ объ от-

крыпія только двухъ губерній Тверской и Смоленской. Предосторожность благоразумная!

Постановлено быпь Флигель-Адьюпантамъ при Императрицѣ, и первыми поступили въ сіе званіе: Подполковники Князь Сер. Ѳедоровичь Голицынъ, Сер. Николаевичь Салтыковъ, Гвардіи Капишанъ—Поручики: Николай Петр. Высоцкой, и Павелъ Александ. Бибиковъ.

Учреждена для Грековъ, сполъ много услугъ намъ оказавшихъ, Гимназія, въ которой обучали наукамъ и языкамъ.

Дозволено Военной Келлегіи давапь опиуски Генераламъ, Шпабъ и Оберъ-Офицерамъ.

Дворянъ въ нижнихъ чинахъ предписано увольняпь опъ службы Офицерами, но прежде представляпь о шаковыхъ въ Сенапъ. — Свобода сему словію еще не вполнѣ разрѣшилась.

Тогда, какъ у насъ все улучшалось, приходило въ устройспво, въ иной часпи свѣпа, въ Сѣверной Америкѣ, едва непримѣпная съ начала искра, понемногу воспламенялась, и по помъ обхвапила пожаромъ всю Европу. Англичане, вмѣспо пого, чпобъ дапь колоніямъ равныя съ собою права и шѣмъ укрѣпипь

съ отдаленными соотечественниками узелъ Митрополіи, обходились съ ними, какъ съ рабами; вредили ихъ промысламъ, заведеніямъ, земледѣлію, присылали свои товары, а на ихъ произведенія налагали великія пошлины. Однимъ словомъ, наблюдали только свои прибытки.

Американцы долго жаловались, роптали, но томъ размножившись на пространствѣ 1500 миль, почувствовали себя довольно сильными къ сопротивленію. Одно удерживало ихъ, Французы изъ Канады, Гишпанцы изъ Флориды обижали, и Англія служила защитою; но, по приобрѣтеніи сею тѣхъ странъ въ 1763 году, преграда эта уничтожилась, и предсталъ новый поводъ къ неудовольствіямъ. Въ 1765 году потребовали взноса за военныя издержки, положили клейма на тутошнія произведенія, что произвело общій бунтъ. Американцы заперли судилища, начальниковъ, приставовъ взяли подъ стражу, и отреклись отъ повиновенія. Послали они представленіе въ Парламентъ, доказывая тяжкой деспотизмъ, и что для Англіи достаточно прочихъ монополіи.

Опасность побудила согласиться на предложеніе, отмѣнили клейма съ оставленіемъ однако несноснаго могущества. Когда сіе не

укротило мятежа, опредѣлили подати только на внѣшнюю торговлю—на чай, бумагу и краски, привозимыя изъ Англіи. Но и это не удовлетворило; недовольные съѣхались въ Масахузетсбаѣ, приглашали всѣхъ къ возстанію. Англія предприняла наконецъ иные средства, отправила туда войско. Уничтожа многіе налоги, удержала только на чай, а какъ Голландцы доставляли Американцамъ чай въ довольномъ количествѣ, то могли они не покупать его отъ Англичанъ, и вражда умолкла, дѣла пришли въ желаемый порядокъ, что продолжалось до 1773 года.

Парламентъ позволилъ по томъ Индейской компаніи привозить къ Американцамъ чай, и сіе вновь ихъ раздражило. Потопили въ Бостонѣ при корабля съ онымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отослали его обратно, и Англія постановила еще въ первый разъ строгое за то наказаніе. Заперли гавань въ Бостонѣ, разрушили совѣщанія, приговоры въ Масахудзетсбаѣ, и велѣли препровождать непокоряющихся къ суду въ Лондонъ. Хотя многіе въ Парламентѣ возражали, и хотя Чатамъ защищалъ колонію, предсказывалъ что случится, но большинство голосовъ превозмогло. Не понятно, какъ Правительство, служащее

образцемъ другимъ по дальновидности своей политики, поступало столь неосмотрительно; опредѣляло взысканія не во время, предпринимало полумѣры, которыя всегда, только замазывая раны, дѣлаютъ ихъ неизцѣлимыми.

Американцы отказались отъ всѣхъ вещей, привозимыхъ изъ Англіи, созвали 5 Декабря 1774 Конгресъ въ Филандельфію, послали новую жалобу къ Королю, и твердо рѣшились противиться притѣсненію. Парламентъ разсердился, воспретили четыремъ провинціямъ промыселъ, весьма для нихъ выгодной, ловить треску въ новой землѣ (Terre neuve) и прислали полки въ подкрѣпленіе прежнимъ.

Сіе нисколько не укротило недовольныхъ, но вразумило ихъ отражать силу силою. Стекались ожесточившіеся, составилась значительная армія и вручили начальство надъ нею, Вашингтону, богатѣйшему владѣльцу. Сей Полководецъ, отличившійся противъ Французовъ въ Канадѣ, открылъ 14 Апрѣля непріязненныя дѣйствія, и Америка признала свою независимость. Вотъ отъ какихъ малыхъ причинъ проистекаютъ важнѣйшія послѣдствія! Льзя ли было полагать, что чай произведетъ почти повсемѣстную брань въ Европѣ,

потрясетъ царства, и содѣлаетъ неимовѣрный переворотъ въ нравственности, въ образѣ мыслей людей?

Число ратоборцевъ было не соразмѣрно; Англичане имѣли своихъ 55 т., Курфисты, Князья дали за деньги воиновъ, у Вашингтона оставалось не болѣе 3 тысячь, но опустѣлые ряды замѣнялись съ излишествомъ, ожидали при томъ вспомоществованія отъ Франціи, и состязанія продолжались. Станемъ слѣдовать по годамъ за произшествіями.

ГЛАВА II.

Качества Екатерины. — Ея просвѣщеніе, письма къ Вольтеру. — Ученые. — Словесность. — Сооруженныя ею зданія. — Въ ней два лица, замѣшательства другихъ предъ нею. — Выходы. — Ермитажи, разныя веселости. — Россійской театръ. — Дмитревской. — Городскія общества. — Хорошее воспитаніе. — Серенады на Невѣ. — Анекдоты въ Сарскомъ селѣ. — Сарское село и Петергофъ.

Мы уже говорили о высокихъ качествахъ Екатерины, и обратимся еще разъ къ тому же предмету.

Не довольно удивляются у насъ, какъ Нѣмецкая Принцесса, привезенная 16 лѣтъ, могла сдѣлаться въ душѣ, въ мысляхъ, поступкахъ совершенно Русскою.

Она исполняла съ точностію всѣ уставы вѣры, слушала въ Воскресные, праздничные дни заутренни, обѣдни, наблюдала посты, и собою подавала примѣръ въ благочестіи.

Для главнаго женскаго наряда при Дворѣ ввела Русское платье. Ходила въ жаркую баню, сохраняла обычаи, знала многія пословицы, приговорки. На святкахъ пѣли при ней подблюдныя пѣсни, играли въ жмурки, въ веревочку, въ кошку и мышку, въ хо-

роводы. Она хотѣла поддержать старинныя Русскія обыкновенія, и сама участвовала въ играхъ. Однажды, когда занималась бостономъ, отдѣленная отъ нее бесѣда вдругъ замолкла, и прервалась забава. — Что это значитъ, спросила она? — Вашъ фантъ вынули. — Такъ что же? скажите, что мнѣ должно дѣлать? — Сѣсть на полъ. — Для чего же нѣтъ, — отодвинула стулъ, встала, повиновалась приговору, и выполнивъ оный, возвратилась къ картамъ.

Языкъ Русской предпочитала всѣмъ другимъ, употребляла обветшалыя слова, какъ то: *дондеже*, *понеже*, тому подобныя, и даже нѣсколько педантствовала. Нашъ языкъ, писала къ Вольтеру, такъ богатъ, силенъ, выразителенъ, терпитъ такія перемѣщенія словъ, что изъ него можно дѣлать все по желанію; а вашъ столь бѣденъ, что надобно быть вами, чтобъ изъясняться съ такою пріятностію.

Имѣла неограниченное уваженіе къ Петру Великому и болѣе нежели его супруга, дочь, племянница, старалась подражать ему, признавала намѣренія его священными, подбирала все размепанное имъ на нивѣ еще неудобрен-

ной, и при ней созрѣлъ насажденный имъ плодъ. Великія души всегда единомысленны! По истинѣ не льзя надивиться уму сего необыкновеннаго человѣка, писала она къ Вольтеру; я приказала собрать отвсюду подлинныя его письма, онъ живо себя въ нихъ изображаетъ. Превосходнѣе всего въ его характерѣ есть то, что сколько ни былъ горячъ, но истинна всегда брала надъ нимъ верьхъ, и одно сіе достойно сооруженія ему памятника!—Сіе превосходство находилось и въ ней самой.

Любила Русское дворянство, и въ письмѣ къ Вольтеру помѣщаетъ слѣдующія строки. Прямо честолюбивыя души, нисходя отъ глубокой древности, гдѣ многочисленнѣе, какъ не среди Россійскаго дворянства?

Любила вообще Русской народъ, и говаривала, что Русской есть особенный во всемъ мірѣ, что Богъ далъ ему отличныя отъ другихъ свойства. Въ манифестѣ 1787 года превозноситъ его такъ: Кто способствовалъ, въ исполненіи тѣхъ предположеній Нашихъ, и кто доставилъ намъ Отечеству такое утѣшеніе? Скажемъ по истинѣ, что то вѣрные, послушные волѣ

Нашей подданные, коихъ усердіе и гражданскія добродѣтели утвердили въ Насъ кротость и милосердіе.

Она была рождена для нашей Имперіи, гордилась званіемъ Сѣверной Владычицы; все, что только принадлежало странѣ, было для нее драгоцѣннымъ, выставляла красивыя наши черты. Когда послѣ продолжительной болѣзни, она показалась собранію, всѣ обрадовались, подходили къ ней съ привѣтствіями, и услышали отъ ней самое вѣрное тѣмъ чувствамъ доказательство.—Лучше поздравте меня, сказала, что Рожерсонъ выпустилъ изъ меня послѣднюю Нѣмецкую кровь. При составленіи законовъ, Лифляндскіе и Эстляндскіе депутаты домогались возвращенія прежнихъ правъ своихъ, отъ Сигисмунда данныхъ; и Екатерина велѣла имъ объявить, что она Императрица Россійская, а не Лифляндская Принцесса.

Покровительствовала просвѣщеніе, сама сочиняла; ея Безсмертный Наказъ, Всемірный словарь, Записки Россійской Исторіи, статьи въ собесѣдникѣ, и нѣсколько комедій указываютъ ей почетное мѣсто въ словесности. Вела переписку съ Вольтеромъ,

Д'Аламбертомъ, Дидеротомъ, Гримомъ, и ея письма превосходнѣе писемъ Фернейскаго пустынника. Сей вовторяетъ, разогрѣваетъ всегда одно и тоже; мимоходомъ злословитъ святыню, сожалѣетъ, что Императрица называется Екатериною, а не именемъ древней какой либо богини. Мѣшаясь во всѣ науки, познанія, подаетъ совѣтъ употреблять на войнѣ древнія колесницы съ косами, учитъ какимъ образомъ изгнать Турокъ изъ Европы, и называетъ Султана Мустафу большимъ быкомъ. Напротивъ слогъ Екатерины чистъ, остръ, заключаетъ въ себѣ много высокихъ мыслей. На приписываемыя ей титулы богинь, отвѣчала: „Какъ я не признаю себя достойною жертвъ, то не промѣняю своего имени Екатерины на имя завистливой Юноны; тщеславіе мое не столь велико, чтобъ принять Минервино, не хочу также названія Венеры, потому что много молвятъ на щетъ сей красавицы; наконецъ не могу быть и Церерою, ибо жатва въ нынѣшнемъ году не хороша въ Россіи."

Въ другомъ мѣстѣ о томъ же говоритъ она: „Не велика честь спать на ряду съ кошками, лукомъ, Ибисами, Ихнемонами".

Переписка ихъ продолжалась отъ 1763 до 1777 года; изъ оной видно, что Вольперъ очень желалъ пріѣхать въ Петербургъ; но Екатерина, недовольная безвѣріемъ мнимаго философа, вѣжливо отклоняла сіе желаніе, представляя ему жестокость климата и преклонные его годы. Вольперъ явился въ свѣтъ какъ другой Магомешъ, но не съ войскомъ, не съ мечемъ въ рукѣ, а съ оружіемъ еще пагубнѣйшимъ, съ умомъ упитаннымъ адскимъ ядомъ, и слова его были убивственнѣе пуль и бомбъ. Онъ не имѣлъ намѣренія, въ подражаніе Пророку Арабскому, дать новый законъ, но силился разрушить существовавшій, осмѣять все священное, необходимое, развратить совѣсть, умы, и оставить родъ человѣческой безъ всякихъ правилъ, безъ подпоры, въ колеблемомъ невѣденіи, память же о себѣ къ проклятію отъ потомства. Вольперъ властвовалъ самодержавно надъ цѣлою Европою, ученые признавали его своимъ Патріархомъ, Цари искали его похвалъ, всѣ препетали предъ нимъ; и слова изгнанника изъ отечества принимались богоотступниками за новое Евангеліе.

Екатерина купила его библіотеку, равно Д'Аламбертову и Дидеротову, позволя имъ

хранить оныя у себя по жизнь, а послѣдняго нарекла библіотекаремъ надъ собственными его книгами, съ значительнымъ при томъ жалованьемъ.

Письмо ея къ племянницѣ Вольтера госпожѣ Денисъ любопытно.

Madame.

Je viens d'apprendre que vous consentiés a remetre entre mes mains ce depôt precieux, que M^r votre oncle vous a laissé, cette bibliotheque, que les ames sensibles ne verront jamais sans se souvenir que ce grand' homme sait inspirer aux humains cette bienveillance universelle, que tous ses écrits, meme ceux de pur agremeut respirent, parceque son ame en etoit profondemeut penetrée. Personne avant lui n'ecrevit comme lui, a la race future il sérvira d'exemple et d'écueil. Il faudroit unir le genie et la philosophie aux connoissances et a l'agrement, en nn mot étre Mr de Valtaire pour l'égaler. Si j'ai partagé avec toutte l'Europe vos regrets Madame, sur la perte de cet homme incomparable, vous vous êtes mise en droit de participer à la récounaissance que je dois a ses écrits. Je suis sans doute trés sensible a l'estime, a la confianee, que vous me marqués. Il m'est bien flatteur de voir qu'elles

ont hérédítaires dans votre famille. La noblesse de vos procedés vous est caution de mes sentiments à votre égard. J'ai chargé Mr de Hrimm de vous en remettre quelques foibles temoignages, dont je vous prie de faire usage.

Cathérine.

$\frac{5}{15}$ d'Aout. 1778.

Она завела Нормальные школы; Іосифъ II прислалъ къ ней искуснаго по сей часпи Янковича. — Для управленія ими учредила особую Коммиссію, повелѣла разсматривать переводныя книги, и чтобъ непрежде выпускали ихъ въ свѣтъ, какъ по гражданскомъ одобреніи еще духовною Коммиссіею, и Архіепископомъ Гавріиломъ. Основала при Люперанской церкви Св. Петра, съ преимущеспвами и подъ собспвеннымъ покровипельспвомъ, училище, которое понынѣ процвѣтаетъ.

Позволила часпныя типографіи.

При ней очиспился засоренный пупь ко храму Аполлона; соорудился ему прекраснѣйшій жерпвенникъ, и Музы съ Парнасса переселились къ Невскимъ берегамъ. Предспалъ сонмъ именипыхъ ученыхъ, словесниковъ, художниковъ во всѣхъ родахъ, каковыхъ Россія прежде не видала.

Пастыри проповѣдывали на каѳедрахъ слово Божіе съ отличнымъ краснорѣчіемъ, и послужили въ немъ образцами для преемниковъ. Изъ нихъ первостепенные суть: Георгіи Конинской — Епископъ Могилевской, Анастасіи Братковской — Архіепископъ Астраханской, Платонъ — Митрополитъ Московской, Амвросій — Митрополитъ Петербургскій, Самуилъ—Митрополитъ Кіевскій, Леванда—Протоіерей въ семъ же городѣ (*).

Рѣчь Георгія, на полуторѣ страницѣ, вмѣщаетъ въ себѣ черты рѣзскія, выраженія новыя, мысли богатыя, и все то, чего справедливость и сильныя его чувства требовали. Я не знаю ей подобной ни у Боссюета, ни у Массильона,

---

(*) Изъ поученій и словъ ихъ превосходнѣйшими считаются: перваго — рѣчь Екатеринѣ во время проѣзда ея чрезъ Могилевскую Губернію.

Втораго — Слово на смерть Бецкаго.

Третьяго — Слово при міропомазаніи Императора Александра.

Четвертаго — Слово на убіеніе Московскаго Архіепископа Амвроссія.

Пятаго — рѣчь на кончину Самуила Митрополита Кіевскаго.

Бурдалу, Флешье, она единственственна, и мы, здѣсь ее прилагаемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше солнце вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, Милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго, до края Евксинскаго шествіе Твое, да тако ни единъ изъ подданыхъ Твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты Твоея. Хотя же мы и покоимся Твоимъ безпокойствіемъ, и не негоркими хожденіями Твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона; однако подсолничнику подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе Твое. Тецы убо, о Солнце наше! спѣшно; тецы исполинскими стопами во всѣхъ Твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наши проспирая къ небу, возопіемъ: стой, *солнце*, и не движись, дондеже

вся, великимъ Твоимъ намѣреніямъ пропитная, торжественно побѣдиши!

Ученые. Францискъ Эпинусъ (род. въ Ростокѣ 13 Дек. 1724, + (*) въ Дерптѣ 10 Авг. 1802 г.) Членъ Академіи Наукъ по части Физики, изобрѣтатель прозваннаго по имени его телескопическаго микроскопа и авторъ, понынѣ считающагося классическимъ, сочиненія объ Электричествѣ и Магнетизмѣ.

Иванъ Амманъ, Чл. Акад. по части Ботаники, соч. многихъ ученыхъ диссертацій и особаго творенія о всѣхъ дикорастущихъ въ Россіи прозябаемыхъ.

Даніилъ Бернулли (род. въ Гренингенѣ 29 Янв. 1700 + въ Базелѣ 17 Март. 1782 г.) Дѣйств. Членъ Акад. съ 1726 по 1733 г. и Почетный Пансіонеръ съ 1733 г. по самую смерть, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего вѣка, достойный соперникъ Эйлера и преобразователь Механики жидкихъ тѣлъ.

Яковъ Бернулли, племянникъ предъидущаго (род: въ Базелѣ 17 Окт. 1759 + въ Петербургѣ 3 Іюля 1780 Чл. Акад. по части Математики, сочинитель многихъ ученыхъ диссертацій, достойный членъ знаменитаго сѣ-

(*) + Знакъ кончины.

нейшіе Бернулліевъ, другъ и соперникъ Шуберта.

Іосифъ Браунъ († въ Петербургѣ 1769 г.) Чл. Акад. по части Физики, дѣлавшій первые опыты надъ замерзаніемъ ртути.

Леонгардъ Эйлеръ (род. въ Базелѣ 15 Апр. 1707 † въ Петербургѣ 18 Сент. 1783 г.) Дѣйств. Чл. Акад. съ 1727 г., безъ сомнѣнія первѣйшій ученый не только своего, но и всѣхъ вѣковъ, обогатившій всѣ отрасли Математическихъ и Физическихъ наукъ своими безсмертными открытіями. Число изданныхъ имъ отдѣльныхъ сочиненій простирается до 32, число же диссертацій, коими онъ обогатилъ Собранія трудовъ Парижской, Берлинской, Лейпцигской, Туринской и наипаче нашей Академіи, превышаетъ вѣроятіе. Каждое изъ твореній сихъ отличается какимъ либо новымъ важнымъ открытіемъ, остроумнымъ аналитическимъ пріемомъ или новою методою. До трехъ сотъ оныхъ осталось по смерти его въ рукописи, изъ коихъ послѣднія изданы Академіею два года тому назадъ.

Іосифъ Альбертъ Эйлеръ, сынъ предъидущаго (род. въ Петербургѣ 1734 † тамъ же 1800 г.) Дѣйств. Чл. Академіи по части

Физики и Непремѣнный Секретарь, достойный (хотя не равный заслугами) сынъ великаго отца своего, авторъ многихъ отличныхъ диссертацій, въ трудахъ Академіи помѣщенныхъ.

Николай Фусъ (род. въ Базелѣ 1755 † въ Петербургѣ 1825 г.) вызванный Л. Эйлеромъ изъ Базеля и пользовавшійся въ теченіи десяти лѣтъ непосредственными наставленіями сего великаго Геометра, коего въ послѣдствіи былъ Адъюнктомъ, Непремѣнный Секретарь Академіи съ 1800 года, сочинитель перваго систематическаго курса чистой Математики на Русскомъ языкѣ и многихъ ученыхъ диссертацій, въ трудахъ Академіи помѣщенныхъ.

Іоаннъ Готлибъ Георги († въ Петербургѣ 1802) Дѣйст. Чл. Акад. по части Химіи, сочинитель, уважаемаго и нынѣ, полнаго статистическаго описанія Россійской Имперіи въ 12 томахъ.

Самуилъ Готлибъ Гмелинъ Д. Чл. Ак. по части Зоологіи, знаменитый путешественникъ, кончившій жизнь свою въ плѣну у Хана Узмея. Изданное Палласомъ путешествіе его ознакомило ученый свѣтъ съ есте-

ственными произведеніями, посѣщенныхъ имъ малоизвѣстныхъ странъ.

Іоаннъ Антонъ Гильденштедтъ (род. въ Рягѣ 1745 + въ Петерб. 1781) Д. Чл. Акад. по части естественныхъ наукъ, прославившійся учеными своими путешествіями и многими трудами.

Венедиктъ Францъ Германъ (+въ Петерб. 1815) Д. Чл. Акад. по части Минералогіи, извѣстный многими сочиненіями, относящимися къ сей наукѣ и горнозаводскому дѣлу.

Петръ Ивоходцевъ (+1806 въ Петерб.) авторъ многихъ сочиненій по части Математики и Астрономіи, Д. Чл. Акад.

Іосифъ Ѳеофилъ Кельрейтеръ (+въ Карлсруэ 1806) Д. Чл. Акад. и авторъ многихъ отличныхъ сочиненій по части Ботаники и Зоологіи, помѣщенныхъ въ трудахъ Академіи.

Семенъ Котельниковъ (+въ Петерб. 1806) Д. Чл. Акад., извѣстный по многимъ сочиненіямъ Математическихъ.

Вольфгангъ Людвикъ Крафтъ (+въ Петербургѣ 1814) Д. Чл. Акад., знаменитый Физикъ и Статистикъ. Наставникъ въ Бозѣ почивающихъ Государя Императора Александ-

ра и Государя Цесаревича Константина Павловича.

Иванъ Лепехинъ (род. въ Петербургѣ 1737+ тамъ же 1802) Д. Чл. Акад., знаменитый естествоиспытатель и путешественникъ.

Андрей Іоанъ Лексель (род. въ Абовѣ 1740+ въ Петербургѣ. 1784 г.) Д. Чл. Акад. по части Математики и Астрономіи, достойный сподвижникъ Эйлера.

Михаилъ Ломоносовъ Д. Чл. Ак. по части Химіи, болѣе прославившійся въ изящной словесности.

Георгій Маврикій Ловицъ (убитъ Пугачевымъ въ 1774 г.) Д Чл. Акад. по части Астрономіи.

Товія Ловицъ (род. въ Геттингенѣ 1757+ въ Петерб. 1803) Д. Чл. Ак. знаменитый Химикъ, сынъ предъидущаго.

Герардъ Фридрихъ Миллеръ (род. въ Вестфаліи 1805+въ Москвѣ 1783) Д. Чл. Ак., Россійской Имперіи Исторіографъ и авторъ классическаго творенія въ 9 частяхъ подъ заглавіемъ: Sammlung Russischer Geschichten.

Николай Озерецковской, извѣстный многими сочиненіями естествоиспытатель и путешественникъ.

Петръ Симонъ Палласъ (род. въ Берлинѣ 1742 + тамъ же 1811) одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ вѣка Екатерины, сочинитель Россійской Флоры, Зоографіи Россійской Имперіи, описанія Монгольскихъ народовъ и многихъ, истинно классическихъ, твореній. Путешествіями своими онъ наиболѣе способствовалъ къ познанію Россіи и къ разширенію предѣловъ естествознанія. Труды Академіи наполнены учеными его диссертаціями.

Степанъ Румовскій, ученый отечественный Математикъ и Астрономъ + въ Петербургѣ 1812 г.

Фридрихъ Ѳеодоръ Шубертъ (род. въ Померании 1756 года + въ С. Петерб. 1824) Д. Чл. Ак., прославившій имя свое изданнымъ въ Царствованіе Екатерины пространнымъ сочиненіемъ о Астрономіи, коего второе изданіе на Французскомъ языкѣ, по приглашенію вознагражденныхъ Европейскихъ Астрономовъ, напечатано имъ въ 1820 году.

Александръ Фридрихъ Вольфъ (+ въ Петерб. 1794) Д. Чл. Акад., основатель сравнительной Анатоміи, сочинитель многихъ ученыхъ разсужденій о семъ предметѣ и понынѣ счи-

таемыхъ первокласными. Нынѣшніе ученые цѣнятъ его наравнѣ съ Палласомъ.

Словесность. До ея царствованія одинъ безпримѣрный Ломоносовъ бряцалъ на златострунной своей лирѣ въ странѣ еще глухой, языкомъ новымъ, имъ сотвореннымъ, и заглушалъ нестройный, дикій гласъ Тредіяковскаго. Вдохновенный, чудесный геній Ломоносова возпарилъ отъ Холмогоръ къ небесамъ, удивилъ своимъ сладкозвучіемъ необыкшій къ тому слухъ, дерзновенно сталъ на ряду съ Пиндарами, Мальгербами, и смѣлый его полетъ сжалъ крылья у другихъ, дерзающихъ парить во слѣдъ ему. — Сумароковъ писалъ во всѣхъ родахъ не съ равнымъ успѣхомъ, изобразилъ нѣжно несчастную любовь въ черпогахъ, при пастбахъ на лугахъ, у журчащихъ родниковъ, завелъ Россійской театръ, коего прежде не было; и снискалъ хвалу отъ Вольтера, вѣнокъ отъ Мельпомены. — Княжнинъ принялъ отъ него, какъ отъ тестя своего, въ наслѣдство, кинжалъ котурнъ и украсился своими лаврами. — Херасковъ оказалъ Россіядою удачный опытъ Епической поемы. — Богдановичь явилъ свѣту прелестную Душеньку, и она оспорила красоту Лафонтеновой Психеи. —

Костровъ дерзнулъ воскресить Гомера, и не посрамилъ сослязателей у Иліона. — Фонъ Визинъ далъ намъ первую Комедію, и снискалъ благоволеніе Таліи. — Державинъ соединилъ въ себѣ Горація, Анакреона, Тибулла, едва ли не опередилъ своихъ совмѣстниковъ; и его Ода Богъ, Фелица, Водопадъ, стихи на смерть Князя Мещерскаго пребудутъ безсмертны ми. — Хемницеръ съ успѣхомъ подражалъ Лафонтену. Много было еще иныхъ хорошихъ сочинителей втораго разряда, между ими Майковъ, Елагинъ, Петровъ, Николевъ, Князь Горчаковъ, Капнистъ и другіе. — Были и женщины писательницы, какъ то: Хераскова, Княжна Урусова, Княжнина. Изъ періодическихъ твореній извѣстны: Трудолюбивая пчела, Собесѣдникъ, Почта духовъ, Адская почта и пр.; всѣхъ ихъ было болѣе двадцати.

Художества, волшебнымъ образомъ, возникши почти изъ небытія, ступили на вышнюю чреду, и предстали славные мужи, признанные таковыми во всей Европѣ. — Лосенко, Соколовъ, Торелли для Исторической живописи. — Левицкой, Рослинъ, Лампи для портретовъ. — Шубинъ, Гордѣевъ, Козловъ

ской, Щедринъ, Марпосъ, Фалконетъ (*) ваятели. — Скородумовъ (**), Берсеневъ граверы. — Ивановъ, другой Щедринъ Пейзажисты. — Кокоринъ (***), Спаровъ (****), Волковъ, Ламотъ, Камеронъ, Фельтингъ, Баженовъ (*****) и Гваренги (******) Архитекторы. — Якимовъ, Хайловъ—(*******) литейщики.

Зданія ею сооруженныя величественны, примѣчательны огромностію, утонченнымъ вкусомъ, и носятъ на себѣ печать блистательной ея державы. Главнѣйшія изъ нихъ: храмы,—Исакіевскій марморный въ честь рож-

(*) Произвелъ первѣйшую въ мірѣ статую Петра Великаго.

(**) Почитался въ числѣ первѣйшихъ граверовъ въ Лондонѣ, гдѣ обучался.

(***) Построилъ Академію Художествъ.

(****) Построилъ Невскую церковь и Таврической дворецъ.

(*****) Получилъ въ Парижѣ медаль за планъ Военной Академіи, его модель Кремлевскому дворцу означаетъ превосходнѣйшій талантъ.

(******) Всѣ его построенія отличны.

(*******) Онъ придѣлалъ голову къ статуѣ Петра Великаго, которая при выливаніи худо вышла.

*

денія Петра Великаго, и прелестный при Невской лаврѣ; — Театръ, Ермитажъ при Зимнемъ дворцѣ, — Институтъ у Смольнаго монастыря, Банкъ на Садовой—построенія славнаго Гваринги. — Окончана половина полукружія предъ дворцемъ. — Садъ въ Зимнемъ дворцѣ. — Большой городской Театръ.—Академія Художествъ. — Большая часть Кадетскаго Корпуса.—Рѣшетка у сада, для которой единственно Англичане пріѣзжали въ Петербургъ на нѣсколько только часовъ.—Нева, Фонтанка, Екатерининской каналъ обложены гранитомъ. — Въ Сарскомъ селѣ часть дворца, колоннада, покатый сходъ, особый Александровской дворецъ и Китайскіе домики.

Екатерина являла въ себѣ два лица: въ кругу своихъ приближенныхъ ласкова, любезна, хозяйка со всѣми равная, при первомъ же шагѣ въ собраніе важная Царица, требующая себѣ поклоненія.

Принцъ де Линь говоритъ: Она поражала величіемъ своего вида; на лицѣ изображались умъ, правосудіе, мужество, глубокомысліе, кротость и великодушіе. Высокое ея чело знаменовало обширную память и быстрое во-

ображеніе, оно возвѣщало притомъ, что разумѣніе ея всѣмъ изобилуетъ.

Вчера шутили, спорили съ нею, наутріе приближаются съ робостію, слова замираютъ въ устахъ.

Одинъ Архіерей, встрѣчая ее при путешествіи, не могъ ничего промолвить изъ приготовленной рѣчи, кромѣ повтореній: Всемилостивѣйшая Государыня! Всемилостивѣйшая Государыня! — И она, чтобъ прервать его замѣшательство, подошла къ нему, сказавъ: Я прошу вашего благословенія.

Александръ Ильичъ Бибиковъ, пользовавшійся ея довѣренностію, простымъ обхожденіемъ, долженъ былъ произнести ей рѣчь отъ Коммиссіи Законовъ, и Екатерина, шутя, ему говорила: смотри не оробѣй. — Помилуйте, Государыня, отвѣчалъ онъ, отъ чего? Я привыкъ къ милостямъ вашимъ; всякой день въ коротокой бесѣдѣ съ вами. — Однако остерегись, я тебя предваряю. — Надежной на себя Бибиковъ не сдержалъ обѣщанія; увидѣлъ на тронѣ не вчерашнюю Екатерину, и долго запинался.

Фельдмаршалъ, Графъ Разумовской, весьма

ею уважаемый, также при подобномъ случаѣ потерялъ присущіе духа.

Генералъ Прокуроръ, приступя къ ней съ благодареніемъ отъ Сената за мудрое и кроткое правленіе, худо исполнилъ порученіе.

Нѣкто вольнодумный Полякъ Р·····, пылалъ къ ней злобою за свою отчизну, не могъ равнодушно слышать о ея имени, и по пріѣздѣ въ Петербургъ депутатомъ, ожидалъ позволенія къ аудіенціи. Однородцы съ нимъ спорились, что очарованіе отъ Императрицы сдѣлаетъ имъ, а онъ напротивъ доказывалъ, что онъ разрушительницы Польши болѣе возпламенитъ въ немъ ненависть къ ней. Случилось какъ ему прорекли; онъ такъ плѣнился ея сужденіями, добротою ея души, что изъ кабинета призналъ себя побѣжденнымъ, удивлялся своему перерожденію, и съ того часа сталъ усерднѣйшимъ слугою Екатерины.

Турецкій Посланникъ Веракъ, человѣкъ острой, смѣлой, и точный образецъ своего народа, когда надъ предлагаемыми ему предложеніями, увѣрялъ, что находясь при многихъ Государяхъ, не оробѣетъ предъ Россійскою Императрицею. Насталъ часъ предстанію,

Екатерина въ царскихъ упваряхъ сидѣла на тронѣ, и хотѣла обличить его въ заблужденіи. Дошелъ до него величественный взоръ, и опважный повѣренный ощутилъ такое смятеніе, что кромѣ заглавныхъ словъ: Le Roi, mon maitre, и опять: le Roi, mon maitre, (Король, мой Государь, Король, мой Государь) ничего не спустилъ съ языка. Тогда Екатерина къ ободренію его съ пріятною улыбкою довершила предисловіе, сказавъ: Il est de mes amis (онъ добрый мнѣ пріятель).

Графъ Д'Артуа, братъ несчастнаго Людовика XVI, проходилъ по чертогамъ среди поставленныхъ рядами гвардіи Офицеровъ бодро, горделиво, никому не кланялся по обычаю, вступалъ къ Екатеринѣ какъ къ равной себѣ; но возвращаясь оттуда, опиралъ платкомъ слезы, и все лице его было въ пятнахъ.

Въ воскресные, праздничные дни стекалось во дворецъ множество посѣтителей (*); двигались, волновались въ Кавалергардской залѣ,

---

(*) Пріѣздъ ко двору позволялся отъ Штабъ-Офицерскаго чина. — Оберъ-Офицеры находились въ особой комнатѣ.

какъ на ярмаркѣ, и отъ сліянія разговоровъ раздавался необыкновенной гулъ, но одно слово Гофмаршала: *тш!* налагало глубочайшее молчаніе, нѣкое благоговѣніе. Казалось тогда, что комната опустѣла, не осталось въ ней ни одной живой души, можно было слышать полетъ мухи. Взоры всѣхъ обращались къ разтворенным дверямъ, появлялась Екатерина въ Русскомъ платьѣ, съ тремя звѣздами, съ низкою прическою, съ крупными брилліянтами на головѣ, сопровождали ее съ правой стороны караульной Капитанъ гвардіи, съ лѣвой Кавалергардской капралъ (*) — она шествовала къ литургіи въ церковь. При возвращеніи оттуда привѣтствовала двухъ Пословъ, которые всегда становились у приполоки, такъ что она оборачивалась къ одному изъ нихъ уже съ готовою рѣчью (**). — Представляя

(*) Кавалергардской капралъ былъ Полковникъ, Подполковникъ и не ниже Маіорскаго чина, какъ сказано выше.

(**) Случилось, что отъ тѣсноты — Гвардіи офицеръ очутился на мѣстѣ посла, Императрица не ожидая того, обратилась къ нему съ разговоромъ, пришла въ замѣшательство; и было отдано въ приказѣ по полкамъ, чтобъ впредь офицеры знали свои мѣста.

шіеся мужчины преклоняли колѣна, цѣловали ея руку, удостоивались вопроса или улыбки, женщины подходили во внутреннихъ комнатахъ.

Екатерина, сама будучи веселаго нрава, желала, чтобъ всѣ подъ ея Скипетромъ веселились, блаженствовали. По утру въ кабинетѣ выслушала, разпорядила Государственныя дѣла, написала къ Царямъ, къ ученымъ, а послѣ обѣда въ обществѣ была душею забавъ. Нѣтъ болѣе бумагъ, докладовъ, служащіе свободны. При дворѣ каждый день очередовались удовольствія: по Понедѣльникамъ балы у Цесаревича въ городѣ, по Вторникамъ Придворные театры, по Середамъ Концерты, по Четвергамъ Ермитажи, по пятницамъ опять Придворные театры, по Субботамъ балы на Каменномъ острову, по Воскресеньямъ балы въ Бѣлой галлереѣ.

Ермитажи были трехъ родовъ. — Большіе, одинъ разъ въ недѣлю. Звали на оные поименно Иностранныхъ Министровъ, полныхъ Генераловъ, Сенаторовъ, Придворныхъ, ихъ сѣмейства, Штатсъ-Дамъ, Фрейлинъ; собиралось до двухъ сотъ человѣкъ.

Средніе,—на кои приглашали изъ тѣхъ же

особъ меньшее только число. Въ нихъ большой оркестръ и хорошее освѣщеніе.

Малые, походили скорѣе на репетиціи, на простыя домашнія занятія. Въ комнатахъ, по коимъ проходить надлежало, горѣло по одной или по двѣ свѣчѣ, въ оркестрѣ сидѣли три или четыре музыканта: Дицъ съ скрыпкою, Дельфини съ Віолоичелемъ, Кардонъ съ Арфою, Ванжура за клавикордами. — Зрителями были: Императрица, дежурный Генералъ-Адьютантъ, Гофмаршалъ - Князь Боряшинской, Фельдмаршалъ - Князь Голицынъ, Протасова, Нарышкина, Дашкова, Браницкая и другіе, но рѣдко болѣе 12 человѣкъ.

Піесы давали Французскія, игранныя въ Парижѣ, сочиненныя Екатериною, Кобенцелемъ Сегюромъ и Храповицкимъ, или иными. На занавѣсѣ видѣли надпись: Ridendo Castigat Mores.

Въ сихъ по Ермитажахъ иногда вмѣсто спектакля, Высокая Хозяйка и гости усаживались за карты; молодые люди играли въ билетцы, отгадки, въ туалетъ, фанты, въ жмурки, въ веревочку, рѣзвились, смѣялись. Иногда посылали за музыкантами, и танцовали, плясали по-Русски. На святкахъ клали кольца, перстни,

пѣли подблюдныя пѣсни. Всякой дѣлалъ что хотѣлъ, какъ у себя дома; отстранялись принужденія, притворства. На прибитой черной доскѣ возвѣщался законъ въ 10 правилахъ; между прочими: Шляпы, трости, чины оставлять за дверми.—Не вставать предъ Императрицею, когда она къ кому подойдетъ — обходиться съ нею, какъ съ равною. — Не казать пасмурнаго вида. — Не горячиться. — Не спорить. — Не досаждать. — И сору изъ избы не выносить. Для провинившихся въ какой либо изъ тѣхъ статей полагались наказанія: выпить стаканъ воды, или прочесть въ слухъ цѣлую главу изъ скучной Телемахиды. Можно смѣло сказать, что у частныхъ людей, гдѣ придумываютъ, не жалѣя денегъ, забавы, не проводили такъ пріятно времени, какъ въ кругу Екатерины. Она предпочитала душу тиламъ, и чистую любовь наружнымъ уваженіямъ.

Бывали при Ермитажахъ такъ называемые сюрпризы. Подойдутъ къ театру, видятъ двери заперты, съ надписью на нихъ: поворотить женщинамъ въ право, мущинамъ въ лѣво. Тамъ находили платья двухъ цвѣтовъ—пунцоваго, бѣлаго, и вмѣсто ожи-

даемаго спектакля шли въ маскерадъ. Иногда раздавали намъ странные костюмы; посѣтители наряжались, кто вѣтряною мельницею, башнею, хижиною, кто купцомъ, Евреемъ, крестьянкою, молошницею, встрѣчались и другъ друга не узнавали. Однажды явились къ ужину; всѣ заняли свои мѣста; услуга суетилась, но разкрытыя блюда оказались порожними. Императрица вспала будто съ неудовольствіемъ, Гофмаршалъ извинялъ оплошность кухни, и она обратясь къ Великому Князю Александру Павловичу, сказала: такъ мы пойдемъ къ тебѣ, я ѣсть хочу. — У насъ, отвѣчалъ онъ, приготовлены кушанья только для нашего малаго двора, не можемъ угостить все общество.—Нѣтъ нужды, возразила она, раздѣлимъ по куску; отправились, и нашли роскошный столъ, съ яркимъ освѣщеніемъ.

Во время Шведской войны въ день придворнаго маскерада получено непріятное извѣстіе, и чтобъ не прервать забавы, скрыть по отъ публики, Екатерина посылаетъ за Графомъ Спрогоновымъ. Я увѣрена, говорила она, что ты исполнишъ мою выдумку. — Съ усердіемъ, Государыня, что прикажите? — Садись же,

подавайте поскорѣе; убираютъ ему голову, приносятъ женское платье, надѣваютъ на него; Графъ дивится, и не понимаетъ что бы то значило. — Иди теперь въ маскерадъ, дай руку моему кавалеру, сохрани мою походку и представь мою особу.—Графъ повиновался, расхаживалъ величавою дамою, и всѣ приняли его за Царицу.

Публичные маскерады были долгое время въ великой чести. Въ великолѣпномъ домѣ (*), съ богатымъ освѣщеніемъ, гремѣла въ разныхъ мѣстахъ музыка, и отличныя маски, кадрили составляли въ нихъ отборное, людное собраніе. Екатерина рѣдко удостоивала оные своимъ посѣщеніемъ, и что отправится въ чужой каретѣ, всячески старается скрыть себя, но торопливость полицейскихъ, прилежное вниманіе на ея походку, на неразлучную при ней свиту разрѣшали предъ нѣкоторыми тайну. Со всѣмъ тѣмъ многіе, или недогадывались, или съ намѣреніемъ шутили, прыгали предъ нею въ присядку, и она восхищалась, что ее не узнали, хотя иногда и толкали порядоч-

(*) Что нынѣ Г. Энгельгарда, на Екатерининскомъ каналѣ.

нымъ образомъ. Однажды она усѣлась подлѣ знакомой Госпожи Д. . . . ской, которую любила, допускала къ себѣ въ кабинетъ; вступила съ нею, перемѣня голосъ, въ разговоры, мучила сосѣдку невѣденіемъ. Сія любопытспвовала, и кого не назоветъ, получала оприцаніе знакомъ головы, наконецъ наскуча неудачею, сорвала опъ нетерпѣнія маску. Удивленная опкрышіемъ смушилась, оробѣла, и Екатерина, устремя на нее грозные взоры вопросила: Что вы сдѣлали? маска неприкосновенна, вы нарушили право, благопристойность, думали найпи другую, и видише меня предъ собою. Вспала съ гнѣвомъ, шопчась удалилась, и смѣлая госпожа лишилась чрезъ по почетнаго входа къ Императрицѣ.

Кромѣ Ермишажныхъ, были при дворѣ, какъ мы уже упомянули, два раза въ недѣлю безплатежные спектали на четырехъ языкахъ, въ которые допускались лица только офицерскихъ чиновъ. Всѣ первѣйшіе шаланпы, виртуозы, славившіеся въ Европѣ, спекались въ Петербургъ, въ обипалище роскоши и вкуса.— Віотти, Сарти, Чимароза, Паезелло, Марпини управляли оркестромъ, сочиняли для него; при шомъ славились Дицъ, Дельфини, Хандошкинъ.

Зоринъ. — Сцену украшали именитые: для Французской трагедіи Офренъ, любимецъ Вольтера, Флоридоръ Г-жи Ле Сажъ, Гюсъ.— Для комедіи Фастье Дельпи рѣдкіе слуги, Бурде, Лаправерпъ, Монготье Г-жи Мишле, Парисъ, Добркуръ, Сюзетъ, Персевалль.

Нашъ театръ находился на вышней степени процвѣтанія; но какъ происхожденіе его необыкновенно, и можно сказать чудесно, то обратимся къ прошедшимъ временамъ, и дадимъ читателю краткое объ немъ понятіе. Повсюду были передовые, кои очищали пути для послѣдователей. У Грековъ Карапиніи, Приникіи, Харилы и Тесписы приготовили сцену для Эсхила, Софокла, и Еврипида, — у Французовъ Іодели, Гарньеры, Гарди, Ротру—для Корнеля, Расина, Вольтера. У насъ путь ко храму Таліи и Мельпомены долго покрывался дремучимъ лѣсомъ, дебрями, безъ малѣйшей къ нему тропинки. Пробраться сквозь таковыя неприступности, снискать вѣнокъ Парнаскій, означаетъ подвигъ именитый, незабвенный, и слава въ томъ принадлежитъ Александру Петровичу Сумарокову. Возьмемъ главныя черты сего изъ статей, сообщенныхъ мною сочинителю

[illegible] Въ дерев-
[illegible] мед-
[illegible] лись,
[illegible] со-
[illegible] въ шу-
[illegible] своихъ сво-
[illegible] пе-
[illegible] только
[illegible] Дмит-
[illegible] Ученіе
[illegible] и, къ
[illegible] Моліеро-
[illegible]

[illegible] всѣхъ стра-
[illegible] Извѣ-
[illegible] Бахусу
[illegible]

Царь Алексѣй Михайловичь полюбилъ театръ. Царевна Софія Алексѣевна играла предъ нимъ съ своими приближенными дѣвицами тѣже самыя, и еще, какъ говорятъ, своего сочиненія піесы.

Возникшее такимъ образомъ начало вскорѣ опять погрузилось въ забвеніе до царствованія Анны Іоанновны. Сія Государыня выписала Италіянскую и Нѣмецкую труппы, и съ того времени укоренились у насъ Иностранные спектакли.

Императрица Елисавета Петровна любила пѣть, танцовать; дворъ ея дышалъ пышностію, великолѣпіемъ, и она завела Французской театръ. Между актерами отличались: Бельмонъ, Белуа, Рокуръ и Сереньи; въ Италіянскихъ операхъ — первенствовали пѣвицы: Нунціати, Манфредини; Кастраты Каресшини, Салетти, Буфъ Компасси и Капельмейстеръ Араія.

Не было еще ничего своего прямо Драмматическаго и Комическаго; языкъ Русскій отзывался Славянизмомъ; Тредьяковскій писалъ стихи и прозу необразованнымъ слогомъ. Кадетъ Шляхетскаго Корпуса Сумароковъ сочинилъ первую пѣсню: *Толь награда за мою вѣр-*

ность, за мою искренность. Въ нашъ вѣкъ признали бы ее безсмысленною и смѣшною; но тогда случилось пропивное; сосставили изъ нее минуетъ, и знатнѣйшія Госпожи пѣли ее предъ Императрицею. Ободренный симъ школьникъ написалъ по томъ двѣ уже превосходныя пѣсни; *О мѣста, мѣста драгія,—и Мѣста тобою украшенны.* Такимъ по образомъ шествуютъ Словесность, художества, науки. Сперва появляется грубое, едва одолбленное, по томъ обрабатывается съ лучшимъ искусствомъ и правильностію, наконецъ сближается съ совершенствомъ. Императрица была въ восхищеніи отъ сихъ пѣсенъ, наградила щедро Кадета (Сумарокова); и пѣсни сіи надлежитъ признать основаніемъ нашего Стихотворства (*).

Сумароковъ не участвовалъ въ забавахъ своихъ товарищей; но сидѣлъ за книгами, узналъ хорошо языки: Латинскій, Греческій, Французскій, Нѣмецкій, Италіянскій, и плѣнялся возвышеннымъ слогомъ Корнелія, нѣжностію, сладкозвучіемъ Расина. При выпускѣ изъ Корпуса Графъ Алексѣй Григорьевичь Разу-

(*) Ибо Ломоносовъ писалъ тогда въ Прусіи.

мовскій взялъ его къ себѣ въ Адъютанты (*). Упитанный мыслями великихъ мужей, онъ стремился подражать имъ, и въ 1748 г. осмѣлился написать первую Русскую Трагедію—*Хоревъ*. Она читана была съ восторгомъ, переходила изъ рукъ въ руки; не понимали, гдѣ взялъ онъ нѣжныя выраженія, борьбу страстей, но Трагедія оставалась только въ печати; не было еще Россійскаго Театра.

Года черезъ два появились актеры охотники, въ томъ мѣстѣ, что весьма примѣчательно, гдѣ воспитанъ былъ и авторъ Хорева. Поступившіе послѣ его въ Корпусъ кадеты, прежде твердили нѣкоторые монологи, послѣ предприняли первое представленіе сей Трагедіи,—и общія рукоплесканія начальниковъ, любопытныхъ посѣтителей, удивленныхъ сею новостію, дали имъ поводъ показать свое искуство самому автору. Сумароковъ ѣдетъ въ Кадетскій Театръ, воображая увидѣть дѣтскія игрища и позоръ

(*) Онъ можно сказать не служилъ, а былъ только Адъютантомъ, Генеральсъ-Адъютантомъ, пожалованъ Статскимъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, и получилъ орденъ Св Анны.

своему творенію; но въ какой пришелъ восторгъ, когда предстали его глазамъ несчастный Хоревъ, разлучаемая съ нимъ Оснельда, не въ однихъ стихахъ, на бумагѣ; но видимо въ горести, въ слезахъ—и своимъ отчаяніемъ взволновали сердца всѣхъ (*). Внѣ себя отъ радости скачетъ онъ къ Графу Разумовскому, сообщаетъ ему это чудо, доноситъ Государынѣ; и послѣдовало повелѣніе, чтобъ Кадеты сыграли Хорева во дворцѣ. Насталъ назначенный день, несутъ бархаты, парчи, драгоцѣнные каменья изъ Царскихъ кладовыхъ, Императрица своими руками прикалываетъ располагаетъ убранство Оснельды. Теперь пусть читатель перенесется мыслями къ тому времени, пусть сообразитъ, какое произвело дѣйствіе небывалое зрѣлище. Поднятъ занавѣсъ; въ ложахъ рыданіе, Императрица часто отираетъ глаза платкомъ и послѣдовало общее изумленіе. — Первыя потрясенія всегда сильны. — Государыня требуетъ Сумарокова въ свою ложу, осыпаетъ его похвалами, снимаетъ съ своей руки бога-

(*) Играли: Оснельду — Свистуновъ, Кіня — Мелисаню, Хорева — Бекетовъ.

тый перстень, даритъ ему, и столица повторяетъ его имя.

По такомъ успѣхѣ сочинитель принесъ въ даръ словесности Синава, другія Трагедіи, и Семиру, увѣнчавшую его славу; но иныхъ дѣйствующихъ лицъ кромѣ Кадетовъ, еще не было.

Когда сіе происходило, открылось въ Ярославлѣ чего желали въ столицѣ, и чего ей не доставало. Купецъ Полушкинъ имѣлъ кожевенный заводъ, двухъ пасынковъ Волковыхъ, и старшаго изъ нихъ—Ѳедора Григорьевича—посылалъ ежегодно въ Петербургъ, для продажи товаровъ и для разныхъ закупокъ. Волковъ, надѣленный отъ природы обширнымъ умомъ, неодолимою страстію къ просвѣщенію, сталъ учиться по Нѣмецки, рисованью, играть на скрыпкѣ, на гусляхъ и познакомился съ лучшими иностранными актерами. Онъ сдѣлалъ чертежь сценѣ, кулисамъ, оркестру, мѣстамъ и по возвращеніи въ отчизну, приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Приглася въ сотоварищество семинаристовъ и приказныхъ служителей, въ имянины своего отчима далъ представле-

ніе—въ кожевенномъ амбарѣ. Вотъ первая декорація, или зародышь Россійскаго Театра!

Потомъ съ помощію воеводы Пушкина, богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ построилъ особое отдѣленіе для постоя Парнасскихъ обитательницъ и на семъ театрѣ игралъ *Грѣшника*, *Ягу бабу*, *Хорева*, *Синава* уже за деньги. — Платили въ переднихъ скамейкахъ по 5, въ среднихъ по одному алтыну, назади по копейкѣ; двѣ скрыпки съ шелковыми спрунами, бассъ, гусли составляли оркестръ. — Ярославское общество полюбило зрѣлища, и всякой разъ множество любопытныхъ толпилось при входѣ.

Въ это время находился шамъ Сенатской Ексекуторъ Игнатьевъ, присланный по винным откупамъ, часто ходилъ въ театръ; по пріѣздѣ въ Петербургъ доложилъ о той рѣдкости Генералъ Прокурору Князю Трубецкому, сей довелъ до свѣденія Императрицы—и немедленно былъ отправленъ другой Ексекуторъ Дашковъ привезши всѣхъ провинціяльныхъ гистріоновъ. Купили для нихъ тулупы, киньги, помчали караванъ, состоявшій изъ 14 человѣкъ въ Петербургъ; и едва успѣли отдохнуть пріѣзжіе было имъ приказано пред-

ставить Хорева. — Въ присудствіи Императрицы, отмѣривали, ткани, кроили, приготовляли наряды и она сама прилаживала на голову Оснельды бриліянты, румянила ей щеки.—Какъ тебя зовутъ? спросила она.— Нарыковымъ, отвѣчала Оснельда; нѣтъ, сказала Государыня, ты очень похожъ на Польскаго Графа Дмитровскаго, и впредь называйся такъ; съ того времени онъ сталъ извѣстнымъ подъ названіемъ Дмитревскаго. Они дали четыре представленія Хорева, въ другой разъ, Синава, Артистоны, Гамлета, и послѣ сего — Ѳедора Волкова, Нарыкова или Дмитревскаго, Попова, Цырюльника и Шумскаго отдали въ Кадетскій корпусъ для обученія наукамъ и языкамъ подъ надзоромъ Оберъ Шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова, а прочихъ отпустили съ наградами въ Ярославль.

На придворномъ театрѣ, женскія роли долго замѣнялись мужчинами; и наконецъ принята была первая актриса Зорина. По возвращеніи Государыни изъ Москвы въ 1754 году для празднованія рожденія Великаго Князя Павла Петровича, взяли еще дѣвицъ: двухъ Ананьиныхъ и Мусину-

Пушкину (всѣ онѣ Офицерскія дочери) и отвели для нихъ домъ Графа Головкина (гдѣ нынѣ домъ Академіи Художествъ). Успѣхи возрастали; намѣревались учредить въ немъ Театръ, но это осталось не довершеннымъ. Въ 1756 году послѣдовалъ Высочайшій Указъ о бытіи Русскаго Театра; Директоромъ опредѣленъ виновникъ онаго Александръ Петровичъ Сумароковъ. Устроили Театръ у деревяннаго лѣтняго дворца, близъ сада и отпускали для него въ годъ по 5 т. рублей. Репертуаръ заключался въ Трагедіяхъ Автора Хорева, Артистоны Гамлета, Ярополка и Димизы, Синава, Семиры, въ Комедіяхъ егоже—Тресотиніусѣ, Ссорѣ мужа съ женою, Операхъ Альцеста, Цефаль и Прокрисъ, въ переведенныхъ—Гарпагонѣ, Лекарѣ по неволѣ, Привидѣніи, и Скапиновыхъ обманахъ.

Чрезъ два года учредили Театръ въ новомъ лѣтнемъ дворцѣ у Полицейскаго моста; Императрица часто его посѣщала, и оказывала особенное благоволеніе Сумарокову, который испросилъ для Актеровъ дворянское отличіе, ношеніе шпагъ. Однажды Г-жа Пушкина, играя въ Комедіи Привидѣніе, при паденіи на колѣни повредила себѣ ногу, съ трудомъ мог-

ла окончить свою ролю, что примѣтя Государыня, подъѣзжала къ ея крыльцу, справлялась о положеніи больной. Для распространенія сценическаго искуства и для открытія Театра въ Москвѣ Сумароковъ отправилъ туда Волкова съ Шумскимъ, и они нашли на Университетской сценѣ славную Троепольскую, а для роли служанокъ Авдотью Михайловну Михайлову.

Протекло только 6 лѣтъ отъ учрежденія Театра, и вещь почти невѣрная, при Коронаціи Екатерины оный достигъ самой вершины превосходства, обратилъ бы вниманіе повсюду въ Европѣ, и мы съ того времени подобныхъ Волкову, Дмитревскому, Троспольской уже не имѣли. — Это какъ Кометы, блеснули на горизонтѣ и скрылись.

Повторимъ, что Ѳ. Г. Волковъ принадлежитъ къ малому числу рѣдкихъ геніевъ. Онъ въ Драматическомъ искуствѣ былъ еще знаменитѣе Дмитревскаго, въ чемъ сей сознавался мнѣ самъ, хорошо зналъ иностранные языки, хорошо рисовалъ, игралъ на скрыпкѣ, именитъ по стихотворству. Дидактическія его творенія снискали общее одобреніе, и не окончанная его Ода Петру Ве-

ликому почитается примѣрною въ Лирическомъ родѣ. Не долго онъ украшалъ собою младую сцену, умеръ въ 1762 году, въ званіи дворянина.

Г-жа Троепольская, прекрасная собою, величественнаго стана, опличнымъ образомъ выражала нѣжныя страсти, и Дмитревской равнялъ ее съ Гг. Клеронъ, Лекувреръ.

Въ 1765 году отправили Дмитревскаго съ достаточнымъ содержаніемъ въ Парижъ; находившійся тамъ Иванъ Ивановичь Шуваловъ доставилъ ему случай познакомиться съ первѣйшими талантами: Лекенемъ, Бризакомъ, Г-жами Дюменилъ и Дюбуа. Вскорѣ онъ свелъ съ первымъ столь тѣсную дружбу, что переселился въ его домъ, дали ему почетное мѣсто въ театрѣ у оркестра, и Актеры во время игры искали глазами его одобренія.

По 8 мѣсячномъ пребываніи въ Парижѣ хозяинъ съ гостями согласился ѣхать въ Лондонъ, чтобы увидѣть Гаррика, и три необыкновенныхъ Генія почти не разлучались. Гарикъ единственно для Дмитревскаго игралъ въ Трагедіи Макбетъ два раза, въ Комедіяхъ as you like it, какъ вамъ это нравится, и своего сочиненія — Табачный продавецъ

Крушицкій, поступившій изъ Воспитательнаго дома, съ счастливою наружностію, съ необыкновенными способностями, въ ролятъ спариковъ коснулся совершенства. Отличный того же характера Французской Актеръ Бурде всегда ходилъ смотрѣть его игру, и не знавъ по Руски, понималъ его, удивлялся ему. Доселѣ мы не имѣли не только соперника, но даже и близкаго ему подражателя.

Черниковъ, одаренный отъ природы пріятнымъ голосомъ, ловкостію, хорошею наружностію, игралъ въ Комедіяхъ, въ Операхъ слугу, Паскина, Фигаро отличнымъ образомъ.

Сандуновъ украшалъ вмѣстѣ съ Черниковымъ сцену, и въ роляхъ хитрецовъ, обманщиковъ превосходилъ того. Острота глазъ, насмѣшливые взгляды, проворство способствовали сему.

Г-жа Сандунова, жена его, плѣняла въ Операхъ и Комедіяхъ, торжествовала въ служанкѣ, Госпожѣ, въ Нинетѣ при дворѣ и въ школѣ злословія (*).—

(*) Въ школѣ злословія, въ роляхъ,—Дмитревскій—пожилаго мужа, Сандунова—вѣтряной его

Гамбуровъ игралъ хорошо, съ чувствомъ въ Трагедіяхъ, Драммахъ

Воробьевъ чистотою въ голосѣ, вѣрностію въ музыкѣ, подражаніемъ природѣ, шутливыми поступками, усмѣшками не уступалъ славному Италіянскому Буффѣ Маркетію. — Имя Воробьева въ афишкахъ всегда созывало толпы зрителей, и рукоплесканія ему не прекращались.

Шумской, прежде цирюльникъ и Ярославскій сотоварищь Дмитревскому, былъ въ роляхъ жида, росповщика, лицемѣра, лакея превосходенъ.

Макаровъ, взятый въ Москвѣ, подражалъ ему съ успѣхомъ.

Авдотья Михайловна Михайлова, также изъ Москвы, заслужила удивленіе въ роляхъ служанокъ Моліеровыхъ.

Славились въ баллетахъ: Пикъ, Лефевръ, Розетти, Г-жа Росси, Колосова, Сантинни, Бубликовъ, Балашовъ.—Въ Италіянской операѣ: Давіи, Бонафини, Мажорлетти, именитыя Тоди, Мара, неподражаемый Маркези и Маркетти.

жены, Шумской — жида являли совершенство и приводили всѣхъ въ восхищеніе.

Нѣмецкой Театръ имѣлъ своихъ хорошихъ актеровъ и пѣвцовъ.

Въ Москвѣ находились при отличнѣйшіе таланта; для Трагедіи Синявская, Калиграфовъ, для Комедій единственный Померанцевъ, соперникъ Крутицкому.

Послѣ сего изложенія, кто не признаетъ Сумарокова отцемъ нашаго театра и Стихотворства? — Однако не отдаютъ ему должной справедливости; новѣйшіе писатели безъ ровныхъ съ нимъ достоинствъ, вмѣсто благодарности за проложеніе имъ пути, насмѣхаются надъ его слогомъ, ищутъ совершества въ началѣ. Не такъ поступаютъ Французы; они чтятъ память Іоделя, Ротру, а тѣмъ доказываютъ, что умѣютъ оцѣнивать и времена и таланты.

Во дни орденовъ, кавалеры шествовали попарно въ церковь, въ бархатныхъ своихъ мантіяхъ, Императрица слѣдовала за ними, и вмѣстѣ обѣдала (*). Случилось, что Екатерина на канунѣ жаловалась на несносную боль въ головѣ, и Г. Перекусихина совѣтовала отмѣнить съѣздъ. — Что ты вздумала, Марья Савиш-

(*) По учрежденіи орденовъ Св. Георгія и Владиміра кавалеры также обѣдали съ нею.

на, сказала ей Государыня, на что это похоже?—Нѣтъ, велю себя нести къ нимъ, когда не получу облегченія; они проливали кровь за меня, за Отечество. Въ гвардейскіе праздники 4 полковъ, придерживала подносъ, подчивала офицеровъ водкою, и вмѣстѣ съ собою угощала за трапезою (*).

Зимою были катанья. Въ большія сани запрягали по 12 лошадей, сзади прицѣпляли нѣсколько салазокъ, каждыя для одного мущины съ подругою. При поворотахъ опрокидывались они, причиняли смѣхъ; завтракали, обѣдали въ дорожныхъ одѣяніяхъ безъ околичностей въ Кикерики, или въ иномъ мѣстѣ.

Городскія общества раздѣлялись на круги у вельможъ и между среднихъ состояній. Домы первыхъ, изъ коихъ главнѣйшими признавали, Фельдмаршала Графа Разумовскаго, Князя Голицына, Вице-Канцлера Графа Остермана, Князя Рѣпнина, Графовъ Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строгонова, Панина, двухъ Нарышкиныхъ, Марьи Павловны Нарышкиной и другихъ, походили на царскіе черто-

(*) Тогда кромѣ ихъ никого не было за столомъ.

ги въ маломъ размѣрѣ (*). Комнаты украшались гобелинами, бархатами, шпофами, позолотою, цвѣтными паркетами, огромными зеркалами, статуями, картинами. Тамъ Понедѣльники, тутъ Четверги; здѣсь пріемъ всякой день. Съѣзжались на обѣды, вечера, гремѣли музыки, встрѣчали красавицъ десятками, офиціянты въ галунахъ суетились къ услугѣ, повсюду толпы гостей, повсюду привѣтливость, радушіе. Таковыхъ открытыхъ домовъ, не щадя въ Гвардейскихъ полкахъ и у людей богатыхъ столько усердіемъ, находилось множество; и Французскіе писатели, при врожденной къ намъ ненависти, выхваляли однако Русское гостепріимство, поставляли его примѣрнымъ. Пріѣзжій могъ во весь годъ не имѣть

(*) Принадлежали домы: Воспитательной—Разумовскому, Школа гвар. Подпрапорщиковъ—Графу Чернышеву, домъ Департ. Удѣловъ — Графу Шереметеву, Пажеской Кор.—Графу Воронцову, Американской Компаніи — другому Воронцову, Французскаго Посла—Остерману, Военной Коллегіи — Князю Рѣпнину. — Гдѣ живетъ Герцогъ Виртембергской—Князю Юсупову, Иностр. Департамента — Графу Заводовскому, другія отдѣленія Воспитательнаго дома — Князю Орлову и

своего стола, мѣнять пріятныя бесѣды. Иностранные Министры давали также пиры, балы. Роскошь тогдашняго времени совершенно различествовала отъ нынѣшней; не тратили напрасно денегъ на безпрестанныя передѣлки стѣнъ, на новые екипажи и ненужныя вещи; софы, кресла оставались послѣ дѣдовъ, отцевъ, напоминали о ихъ знаменитыхъ достоинствахъ; шампанское не замѣняло обыкновеннаго вина, не изливалось дюжинами: но и безъ этаго все являло барство, великолѣпіе, вселяло уваженіе къ чиновнымъ хозяевамъ. Люди съ малымъ доходомъ не гонялись за богачами, не усиливались выбиться за предѣлы, довольствовались своею участью. Дешевизна притомъ способствовала (*) къ та-

(*) Не было ни одного дома въ наемѣ свыше 5 т; порядочной етажъ нанимали за 30 или 40 рублей въ мѣсяцъ; четверня лошадей ямскихъ стоила, 50, 60 рублей въ мѣсяцъ, лучшее Англійское сукно 4, 5 рубл. за аршинъ, готовый гвардіи Офицерской мундиръ съ галуномъ 60, фракъ 25 рублей, десятокъ апельсиновъ, бутылка портера, вина 25 копѣекъ, мука ржаная 2 руб. куль, говядина 2, 3 копѣйки фунтъ, курица 10, 15 копѣекъ, полтеленка 50, 80 коп. Индѣйской пѣтухъ 1 руб. 1—20 коп.—десятокъ

ковой жизни: кто получалъ 10 тысячь дохода, тотъ могъ жить прихотливо; кто имѣлъ тысячу крестьянъ, того почитали богатымъ.

Чтобъ быть въ лучшихъ домахъ надлежало имѣть доброе воспитаніе, имя безъ нареканія, и научиться прежде благопристойности. Старики разговаривали между собою, молодые слушали съ уваженіемъ, не смѣли вмѣшиваться въ ихъ рѣчи, возвышать голосъ, и обходились съ великою осторожностію. Сіи два возраста совершенно отдѣлялись, и пожилые шествовали впереди для озаренія другимъ пути. Женской полъ составлялъ, какъ во времена Людовика XIV, превосходнѣйшую школу къ образованію юношества. Вѣжливость простиралась до того, что подать салопъ, поднять платокъ, отыскать лакея, карету незнакомой дамы, проводить ее, входило въ простую обязанность каждаго. Мужчины старались нравиться любезностію, ловкостію, острыми шутками, и часто изъ кадриллей составлялись супружескія цепы.

яицъ 5 коп. — сажень березовыхъ дровъ 1—20 коп. — пудъ сѣна 10 коп. наемный слуга 6 р. работникъ 3 рубли на мѣсяцъ.

Англійскіе балы, по 25 рублей за пять посѣщеній, съ питьемъ, конфектами ужиномъ, продолжались во всю зиму и отличались отборнымъ обществомъ.

Англійской клубъ славился; первѣйшіе люди домогались какъ бы чина вступить въ число членовъ, дожидались очереди. Въ этомъ собраніи читали журналы, играли въ карты, въ биллiярдъ, и не тяготились благочиніемъ. Въ Музыкальномъ клубѣ давали концерты, балы, и всегда находили тамъ большое собраніе. Были еще клубы: танцовальной мещанской, соединеннаго общества, Дворянской, ученый для чтенія, и два танцклуба.

Красный Кабачекъ привлекалъ къ себѣ превосходными вафлями, медомъ. На дачахъ пировали, сожигали феерверки.

Въ теченіе цѣлаго лѣта Нева пѣнилась отъ веселъ, представляла прелестныя зрѣлища; всѣ начальства, гвардейскіе полки имѣли свои шлюпки. Гребцы съ разноцвѣтными перьями на головахъ, съ шарфами черезъ плеча въ хорошихъ нарядахъ толпились у пристаней. Вполдни плывутъ мущины и женщины, везутъ съ собою мороженное, лимонадъ, оржадъ, узлы съ кушаньемъ, и на лу-

жайкахъ или въ рощахъ учреждаютъ свои столы. — Садится солнце, показываются другіе кашера съ роговою музыкою, рожками, бубнами. Скроются пурпуровыя полосы нѣжной зари, палитъ утренняя пушка, и еще раздается въ отдаленіи эхо пѣсельниковъ, звучатъ кларнеты, фаготы. Въ какой часъ не придешъ къ рѣкѣ слышишъ неумолкаемую серенаду. Казалось, что забавы порхали надъ столицею, жители запруднялись какія изъ нихъ предпочесть.

Въ Маіѣ Екатерина отправлялась въ возлюбленное свое Сарское село до глубокой осени, и пушки возвѣщали ея отсутствіе. Собраніе рѣчекъ, великолѣпное озеро съ прозрачнымъ дномъ, шумящіе водопады, мраморные мосты, обелиски, Китайская слобода, ковристые луга, мелькающіе за водою, въ промежуткахъ деревьевъ пригорки, осиповки осѣненные кедрами, лиственницами, богатыя сданія, пестрѣющіяся клумбы цвѣтовъ, блестящій снаружи золотомъ дворецъ, содѣлывали сіе мѣсто истинно очаровательнымъ. Все въ немъ дышало сельскою простотою, и все притомъ вселяло нѣкое благоговѣніе къ мудрой обитательницѣ. Она разставалась съ скипетромъ и державою, поки-

лась отъ трудовъ, наслаждалась природою, тихими лѣтними днями, и хозяйничала какъ помѣщица. Въ шляпкѣ, въ легкомъ капотѣ, съ проспочкою въ рукѣ, всегда начинала свою прогулку отъ 7 часовъ утра. Г. Перекусихина ее сопровождала, позади шелъ егерь, впереди рѣзвились любимыя ея собачки. При ней сажали кусты, луковицы, прокладывали излучистыя дорожки, она указывала что разчистить, что прибавить; и Екатерина при грядахъ, при поливкѣ растеній, среди работниковъ, все была велика, единственна.

Однажды она сѣла съ Г. Перекусихиною для отдохновенія на канапе; мимошедшій Петербургской франтъ, взглянулъ на нихъ спѣсиво, и насвистывая, не скинулъ шляпы. Знаешъ ли, сказала она, какъ мнѣ досадно на этаго шалуна, я въ состояніи его остановить, вымыть ему порядочно голову. — Да вѣдь онъ васъ не узналъ, матушка, представляла та. — О! Марья Савишна, я не объ себѣ хлопочу, нѣтъ сомнѣнія, что не узналъ меня; но мы дамы, одѣты хорошо, пристойно, а я еще и съ галунчикомъ, то онъ изъ учтивости долженъ былъ поклониться. — Чрезъ нѣсколько минутъ гнѣвъ миновалъ, и

Екатерина, засмѣявшись, молвила ей: — и по сказать, успарѣли мы съ тобою, были бы помоложе, поклонился бы и намъ.

Въ другой разъ увидѣла ручей сославившійся отъ сильнаго дождя, и на немъ поставленную, на подобіе дѣтской игрушки мѣльницу, съ надписью: *мѣли, мѣли да вымѣли.* — Она остановилась, призвала караульнаго Офицера, и приказала отыскать строителя. Собрали всѣхъ солдатъ, разыскивали, и Преображенской гренадеръ, признавшись въ томъ, ожидалъ гнѣва. — Донесли ей, и велѣно было ему объявить, что, поступя изъ поселянъ, долженъ бы вѣдать что, въ чужихъ дачахъ мѣльницъ не ставятъ; а какъ земля принадлежитъ ей, то оставляетъ строеніе за собою, съ заплатою только за работу, и вынувъ нѣсколько червонцевъ, поручила отдать ему.

Въ 9 часовъ возвращалась къ занятіямъ; бумаги клали на столахъ точно также, какъ въ Петербургѣ, и часы для трудовъ были тѣже. Представляли доклады, прошенія, меморіи отъ Сената, неважные же дѣла по столицѣ текли своимъ ходомъ. Въ простые дни за трапезою ея находились дежурные

придворные, должностные пріѣзжіе съ бумагами, всего 7 или 8 лицъ. Послѣ стола всѣ расходились, къ 6 часамъ собирались, и снова повторяли прогулку, иногда, смотря по погодѣ, до самаго заката солнца, и въ бесѣдкахъ, кіоскахъ кушали чай, мороженное, простоквашу. Не рѣдко маленькое это общество располагалось на лугу, у побѣдоноснаго трофея Румянцева, тутъ порфирородныя внуки, внучки, бѣгали, играли въ горѣлки, мячики, бросали другъ въ друга скошенную траву. Гофмаршалъ разрѣшалъ удачи, хитрости, споры сподвижниковъ; они веселились опять чистаго сердца, и Екатерина любовалась невинными ихъ утѣхами.

Въ праздники представало множество особъ, имѣвшихъ на то право, былъ большой обѣдъ (*), послѣ стола въ обыкновенный часъ вся свита слѣдовала за нею по саду, находили гдѣ спектакль, оперу, гдѣ концертъ, балетъ.

Въ пасмурную погоду выходили на великолѣпную колоннаду превосходнѣйшей архитектуры, съ бюстами великихъ мужей, и закрытую спереди только стеклянною спѣ-

(*) Случалось, что Императрица не выходила; и всѣ обѣдали за Гофмаршальскимъ столомъ.

ною. Екатерина и другіе занимались каршами, играла роговая и духовая музыка; толпы пріѣзжихъ изъ Петербурга помѣщались на поставленныхъ въ саду у подножія колоннады скамейкахъ; восхищались гармоніею, и взорами отыскивали свою кроткую Самодержицу.

Она дала иной видъ Сарскому селу, превворила дикой паркъ въ чудесной вертоградъ, которому едва ли есть подобный въ Европѣ (*). Прибавила значительную часть дворца съ правой стороны, все отличное, богатое, превосходнаго вкуса, колоннада, покатой прелестной сходъ, лучшія мраморныя, бронзовыя статуи, обелиски, росписальныя пирамиды, послѣдняя кисть отдѣлки, суть ея произведенія (**).

Она любила страстно одного изъ своихъ внуковъ, будто предвидѣла, что онъ нѣкогда соберетъ обломки Престоловъ, утвердитъ на главахъ Царей колеблемые вѣнцы, поста-

(*) Одинъ Виндзорской садъ можетъ соперничать съ нимъ, но Версайльской, въ Сентклу и прочіе не подходятъ даже къ сравненію.

(**) Палаты были прежде покрыты золотомъ снаружи—Императоръ Александръ многое потомъ усовершенствовалъ въ Сарскомъ селѣ.

вить преграды ручьямъ человѣческой крови, и возгласить народамъ: *на землѣ миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе.* Имя Александра всегда вырывалось изъ устъ ея съ пріятною улыбкою; въ младенчествѣ искала ему забавъ, въ юности предупреждала его желанія, и хотѣла оставить памятникъ сихъ нѣжныхъ къ нему чувствъ. Повелѣла славному Гваринги, не щадя ни искусства, ни иждивенія соорудить для него особое обиталище. Всѣ знатоки признаютъ Александровской дворецъ, образцемъ художества, единственнымъ въ своемъ родѣ; но Екатерина не одобрила сданія, ей казалось, что великолѣпіе не соотвѣтствовало ея любви къ нему.

Караулъ въ Сарскомъ селѣ состоялъ изъ 132 солдатъ, собранныхъ поровну изъ четырехъ гвардейскихъ полковъ при одномъ Офицерѣ; а потому смѣна была только изъ 33 человѣкъ, и въ комнатахъ не находилось ни одного часоваго. Сей то отрядъ, приличной Генералу, охранялъ Владычицу полсвѣта, но главная ея стража обитала въ сердцахъ подданныхъ.

Къ Петрову дню она переѣзжала въ Пе-

шергофъ, для торжества тезоименитства Цесаревича. Караулъ назначался туда по ротѣ отъ каждаго Гвардейскаго полка, при очередномъ Маіорѣ и стояли въ лагерѣ. Придворный штатъ увеличивался, господствовала роскошная пышность; стекались до ста тысячь посѣтителей, и пустынныя прелести оживотворялись. Давали маскерадъ, ужины на лужайкахъ, аллеи богато и узорчато освѣщались, съ златыхъ ступеней устроенной горы капился водопадъ поверьхъ пылающихъ подъ нимъ огней, Самсонъ выбрасывалъ изъ челюстей раздираемаго имъ льва фонтанъ выше деревьевъ, корабли, украшенные цвѣтными фонарями являли, прекрасное на взморьѣ зрѣлище, музыки раздавались въ разныхъ странахъ, и общее возхищеніе отзывалось въ стѣсненныхъ толпахъ. Все это веселило, изумляло, но сердце Екатерины тосковало въ сихъ мѣстахъ; Монплезиръ напоминалъ ея горестное въ немъ нѣкогда пребываніе; и потому она не оставалась въ Петергофѣ болѣе десяти дней или двухъ недѣль, поспѣшала въ свое Сарское село.

Когда по смерти Князя Потемкина Таврической дворецъ поступилъ въ казну, она

переселялась въ оный на всю первую недѣлю Великаго поста; тамъ говѣла, пріобщалась Святыхъ Таинъ. Въ великую Субботу возвращалась въ Зимній дворецъ, праздновала Пасху; послѣ заутрени подходили цѣловать ея руку Сенатъ, Гвардіи офицеры, Кавалергарды—по старшинству полковъ, придворные Генералы, Полковники, Гражданскіе чиновники, а послѣ вечерни представлялся женской полъ, блистая нарядами и красотою.

ГЛАВА III.

Непрочность мира.—Вторичное прибытіе Прусскаго Принца Генриха.—Кончина Великой Княгини.—Вторый бракъ Цесаревича, путешествіе его.—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Разныя учрежденія.—Положеніе прочихъ Державъ.—Прибытіе Шведскаго Короля.—Вражда Іосифа.—Рожденіе Великаго Князя Александра Павловича.—Вражда Порты.—Происшествія въ Европѣ.—Захватъ Цицскаго округа.—Конгресъ въ Тешенѣ.—Участіе на оном Екатерины.—Заведенія.—Пожаръ.—Начало вражды Англіи съ Америкою.—Вооруженный нейтралитетъ.—Путешествіе въ Бѣлоруссію, свиданіе съ Іосифомъ.—Тишутъ Великой, продолжавшій войну.—Іосифъ въ обѣихъ столицахъ.—Забавы для него.—Петербургъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ для Государей.—Пальмира.—Счастливое положеніе Россіи.—Путешествіе Ихъ Имп. Величествъ.—Б.....—Путешествіе ученыхъ.—Разныя учрежденія.—Монументъ Петру Великому.—Торжественно примѣръ.—Безпокойство въ Голландіи, въ Крыму.—Войны въ Америкѣ.—Корпуса, заведенные.—Покореніе Крыма.—Описаніе онаго.—Свиданіе съ Шведскимъ Королемъ въ Фридрихсгамѣ.

Госуд. 1776. Екатерина, увѣнчанная лаврами, оставила Москву, по первому зимнему пути, и встрѣтила иной подвигъ къ славѣ своей;—въ Твери приготовлялись къ принятію новаго образованія, ею начертаннаго. Хотѣли сдѣлать испытаніе—въ желаемомъ ли порядкѣ попекутся дѣла, не будетъ ли перечить одна часть другой, и успѣхъ доказалъ, что мудр-

рость не погрѣшаетъ, что изданныя правила ручаются за блаженство, и Тверь съ Смоленскомъ послужили основаніемъ къ устройству цѣлой громады.

Возвѣщенная Визиремъ непрочность мира, подтверждалась; Турки не могли спокойно переносить унизительнаго при Кайнаржи договора. Прежде властвовали вполнѣ на Черномъ морѣ, и нынѣ Россіяне подѣляютъ съ ними тамъ обладаніе. — Керчь, Еникале запираютъ входъ въ Азовское море, надзираютъ у вратъ Стамбула, какъ передовыя стражи за его дѣйствіями. Кинбурнъ стоитъ пропивъ сильной крѣпости Очакова, удерживаетъ всѣ стремленія, обиленъ соляными озерами.—Крымъ, съ ними единовѣрный, усердный помощникъ, надежной для нихъ щитъ отъ Христіянъ, сталъ уже независимъ. Самъ Диванъ стыдился своего ослабленія, искалъ средствъ къ ополченію, и началъ нарушать взаимныя постановленія. Задерживалъ наши корабли въ Дарданеллахъ, отнималъ грузы, требовалъ отъ Молдавіи, Валахіи податей за прошедшіе годы; злобствующая на насъ за неудачи въ коварствахъ Франція, всячески подстрѣкала, и правительство Оттоманское явно вызыва-

ло на брань Россію. — Надлежало предупредить замыслъ, наши войска двинулись, одни къ Бендерамъ, гдѣ находился Сераскиръ съ 40 т., другіе въ Украйну, часть оныхъ оберегала Крымъ; и такимъ образомъ скоро могло собраться достаточное вооруженіе при первомъ непріязненномъ дѣйствіи. Посланникъ нашъ Князь Рѣпнинъ прекратилъ переговорами раздоръ, но искры къ воспламененію не угасали.

Въ Польшѣ хотя не возставали болѣе, хотя исполняли предложенія нашего Министра Штакельберга; однако Сарматы питали ненависть; они лишились четвертой части своего Королевства, озирались какъ пораженные тигры.

Въ сіе то время прибылъ въ Петербургъ, во второй разъ, въ великую Субботу, Прусской Принцъ Генрихъ, прежде снискавшій благоволеніе къ себѣ Императрицы. Онъ имѣлъ опять брата порученія, не допустить Россію до войны съ Турками, ибо и безъ того опягощался денежнымъ вспомоществованіемъ по трактату, равно узнать мысли Екатерины о Польшѣ. Разсуждая о сей волнуемой странѣ, онъ между прочимъ сказалъ, что для общаго спокойствія надобно свергнуть съ престола

Понятовскаго, ею возведеннаго (*). Вотъ еще сильное доказательство, изложенной нами выше истинны, что не Екатерина а Пруссія дѣлала планы къ раздѣламъ.

Послѣ Свѣтлаго Воскресенія учредили при дворѣ, большіе обѣды, балы, спектакли въ Эрмитажѣ. Беременность Великой Княгини обѣщала умноженіе Императорскаго Дома, но успѣхи претворились въ горесть, она скончалась отъ родовъ 16 Апрѣля.

Императрица увезла съ собою въ Сарское село погруженнаго въ печаль вдовца, Генрихъ принималъ искреннее участіе въ семъ обстоятельствѣ, находился при нихъ безотлучно, и подавалъ утѣшенія. По минованіи сильнаго потрясенія чувствъ, онъ предложилъ къ новому супружеству свою племянницу, Принцессу Виртембергскую. Молва о ея красотѣ, высокихъ качествахъ доходила до нашего двора; одобрили мысль, и просили содѣйствія въ томъ отъ Фридриха.

Предстояло одно затрудненіе; невѣста уже была назначена въ замужество за

(*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Г. Кастера, и упреками Екатеринѣ, противорѣчитъ самъ себѣ.

наслѣднаго Принца Гессенъ-Дармштатскаго; но Фридрихъ умѣлъ уговорить родителей, жениха Принца, дать дѣлу желаемый ходъ, и приглашалъ Цесаревича въ Берлинъ. Приступили къ приготовленіямъ, опредѣлили Н. И. Салтыкова наставникомъ, (потомъ Князя) руководителемъ; для почести Великому Князю вызвали именитаго Румянцова, Нарышкинъ Князь Куракинъ съ другими составили свиту, и Генрихъ согласился сопутствовать имъ.

Цесаревичъ отправился прямо изъ Сарскаго села, Генрихъ настигъ его въ Ригѣ, и оба смотрѣли движенія стоящихъ въ Митавѣ полковъ. Вступленіе сына Екатерины въ Прусскую столицу въ Іюлѣ мѣсяцѣ ознаменовалось большими почестями. Предшали торжественныя врата, въ передѣ ѣхали верьхами 24 почталіона, играя на рожкахъ, за ними 6 почтовыхъ чиновниковъ, мѣщане въ своихъ мундирахъ, отрядъ гвардіи, потомъ слѣдовалъ Великой Князь съ Генрихомъ въ богатой каретѣ, запряженной 8 лошадьми, въ другой сидѣли Румянцовъ и Салтыковъ, наконецъ еще въ трехъ, также парадныхъ, принадлежащіе къ свитѣ. Полки стояли въ строю, пушки палили во все время шествія, и 60 паступекъ,

въ видѣ Нимфъ, поднесли Августѣйшему Гостю вѣнки изъ розъ, нарцисовъ и мирты.

Фридрихъ встрѣтилъ его въ передней комнатѣ, обнялъ съ нѣжностію, оказывалъ вѣжливости. Когда пріѣзжій изъявилъ восхищеніе отъ свиданія съ Героемъ—философомъ, которому будетъ удивляться потомство; хозяинъ скромно отвѣчалъ: Нѣтъ я ничто иное, какъ посѣдѣлый инвалидъ, лучшій другъ Вашей славной родительницы, и считаю за честь принять у себя Наслѣдника первѣйшаго въ Европѣ Престола. Потомъ, оборотясь къ Фельдмаршалу, сказалъ: О какъ вы походите на моего Генерала Винтерфельда! Радуюсь, что могу познакомиться съ побѣдителемъ Оттомановъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, продолжавшихся полчаса, они пошли на половину Королевы; тамъ находилась невѣста, окруженная толпою знатнѣйшихъ царедворцевъ. Первый взглядъ Цасаревича на молодую, прелестную Принцессу рѣшилъ ихъ судьбу; онъ влюбился страстно, подалъ руку, ее приняли съ застѣнчивостію, и помолвленные размѣнялись сердцами.

За симъ открылись безпрерывныя праздне-

ства въ Потсдамѣ, Сансуси въ Шарлотенбургѣ, всякой день вымышляли новыя забавы; и обрученная чета среди удовольствій знакомилась, свыкалась. Потомъ Генрихъ поѣхалъ съ Великимъ Княземъ въ Реннебергъ, гдѣ четыре дня угощалъ его съ пышностію.

Король, уважая достоинство нашего полководца, велѣлъ всѣмъ своимъ военнымъ явиться къ нему съ почтеніемъ, поздравленіемъ; а послѣ, собравъ весь гарнизонъ, представилъ примѣрное Кагульское сраженіе, которымъ самъ предводительствовалъ. — Герой превозноситъ, выставляетъ дѣйствіе другаго Героя!

Великой Князь поспѣшалъ увѣнчаніемъ пламенной своей страсти, щедро наградилъ окружавшихъ его Прусскихъ придворныхъ, получилъ въ подарокъ отъ Короля 12 верховыхъ лошадей, и отправился въ Петербургъ.

Послали къ невѣстѣ 40 т. на путевые расходы, она прибыла съ матерью къ Невскимъ берегамъ, 15 Сентября послѣдовало миропомазаніе и второе (церковное) обрученіе; нарекли ее Маріею Ѳедоровною, и на другой день совершился бракъ съ блистательнымъ

торжествомъ. Вотъ въ третій разъ Пруссія даетъ намъ Царственныхъ дѣвъ къ украшенію престола (*).—Мы долго невѣдали цѣны сей Государыни, но когда скромность не могла болѣе таить необыкновенныхъ достоинствъ ея, Россія изумилась. Она была искреннимъ другомъ человѣчества, вся атмосфера ея дышала благотвореніями. Вдовы, сироты, младенцы, оставленные жестокосердыми родителями, старцы, изувѣченные, покоились, возрастали подъ сѣнью ея щедротъ. Она посѣщала болящихъ, утѣшала ихъ; находясь вблизи страдавшихъ подъ рѣзцемъ врача ожидала послѣдствій. Поощряла орашаевъ, сама зажинала класы, награждала лучшихъ хозяевъ, угощала ихъ трапезою, надѣляла невѣстъ. Она посвятила себя на исполненіе девяти блаженствъ, изображенныхъ Спасителемъ. Какъ о попечительной всегда и повсюду матери несчастныхъ, отъ Камчатки до Кавказа возсылали о ней мольбы. Сколько прекращено ею бѣдствій! Сколько осушено слезъ! Можно смѣло сказать, не боясь обличенія въ пристрастіи, что нѣтъ ни въ книгахъ,

(*) Екатерину — Наталью Алексѣевну и Марію Ѳеодоровну.

ни въ числѣ нынѣ живущихъ, никого равнаго ей въ благотвореніяхъ и всякой, даже въ низкомъ состояніи, упомился бы подъ бременемъ принятыхъ ею на себя обязанностей. Она дѣлала сіе не изъ тщеславія, но находила въ добродѣтеляхъ прямое удовольствіе, сладкую пищу своему чистому сердцу. При жизни благословляли ея имя, по кончинѣ вопли, рыданія свидѣтельствовали невозвратную, драгоцѣнную потерю (*). — Это былъ Ангелъ подъ видомъ жены, который исполня порученіе на землѣ, переселился въ свое отечество — на небеса. О! скорѣе разрушится вселенная, нежели погибнетъ священная память о Маріи! О ней праведно возгласитъ съ хвалами потомство; и не на бренныхъ листахъ, но въ сердцахъ, адамантовымъ перомъ начертаются ея дѣянія. Если бы замѣною удобно было продолжать нить жизни другаго, кто бы изъ Русскихъ не пожертвовалъ ей двухъ, трехъ изъ своихъ дней, и тогда бы отъ сего общаго приношенія вѣкъ ея содѣлался гораздо продолжительнѣе Маѳусаилова.

(*) Весьма примѣчательно, что она скорбя о всѣхъ, скончалась въ день Богоматери всѣхъ скорбящихъ.

Открытіе другихъ Губерній происходило постепенно; назначаемые къ управленію ими Намѣстники были люди отличныхъ достоинствъ, извѣстные по заслугамъ, какъ то: Фельдмаршалъ Князь Голицынъ (*), Графы Румянцовъ, Чернышевъ, Князь Рѣпнинъ, Сиверсъ, Боуръ, Воронцовъ, Кречетниковъ, Тутолминъ и имъ подобные.

По представленію Потемкина (въ послѣдствіи Таврическаго), что пространство на 500 верстъ, отъ Моздока, по Тереку и до Азова оставалось безъ надежной защиты, степью невоздѣланною, населена отставными, Приволжскими Козаками линія, съ укрѣпленіями; переселенцамъ дано вспоможеніе, и граница обезпечилась отъ набѣговъ Кубанскихъ и иныхъ горскихъ народовъ.

Постановлено умножать въ неурожайные годы казенныя работы, дабы дать средства нуждающимся въ пропитаніи.

Возвратился побѣдоносной нашъ флотъ, и даны ему призы за дѣйствія у Наполи ди Романи, при Чесмѣ, на Черномъ морѣ, у Кафы, Балаклавы, Суджукъ-Калѣ, состоявшіе

(*) Главнокомандующимъ въ Петербургѣ.

въ 375 т. рублей; Вице Адмиралу Грейгу пожалованъ Александровской орденъ.

Европа находилась тогда въ раздорахъ, въ превожномъ положеніи. Австрія въ слѣдъ за миромъ у Кайнарджи, овладѣла въ Августѣ мѣсяцѣ безъ войны, безъ малѣйшаго права, Буковиною, на 178 квадратныхъ миль съ 132 тысячами жителей, притомъ склоняла Диванъ къ непріязненнымъ въ разсужденіи Россіи поступкамъ, въ чемъ усердно помогала ей Франція.

Съ другой стороны Густавъ III, подозрѣвалъ сильное наше вооруженіе въ Кронштатѣ, требовалъ объясненія на то, и готовъ былъ враждовать.

Екатерина не спрашилась сихъ державъ, напротивъ, когда Порта молчала о Буковинѣ, лишила жизни за сопротивленіе въ томъ Господаря Гику, она удержала самовластіе, болѣе потому что черта сей области отстояла только на одну милю отъ Хотина, и новые сосѣди могли бы препятствовать нашимъ переходамъ, подвозамъ съѣстныхъ припасовъ за Днѣстръ. — Швеціи сказали, что вооруженіемъ не помышляютъ вредить ей (*).—Фран-

(*) Напротивъ это дѣлали для уничтоженія недавно введеннаго тамъ самодержавія Короля.

цію она не уважала, противъ Турокъ приняла нужныя мѣры.

Англія была въ хлопотахъ, занималась усмиреніемъ своихъ Американскихъ колоній, злобствовала на Францію и Гишпанію за вспоможенія имъ.

Голландія не желала ни раздражать Англію, ни мѣшаться въ ея распри; и затруднялась какъ поступить въ такомъ случаѣ.

Крымскіе Татара волновались, и находясь между двухъ сильныхъ, спорющихъ за нихъ державъ, не знали, что дѣлать, кому повиноваться. Раздѣленные во мнѣніяхъ, въ выгодахъ, вели междоусобную брань, и Ханъ Девлетъ Гирей оставивъ владычество, въ горахъ искалъ себѣ спасенія. Россія утвердила на его мѣсто Сахимъ Гирея, Порта отвергла его, принудила бѣжать, опредѣлила Селима, ко и онъ также въ свою очередь скрылся, а бѣдствовавшій предшественникъ опять принялъ власть.

Все обѣщало разрывъ мира у насъ, и въ другихъ странахъ.

Извѣстно, что въ Швеціи были двѣ партіи: Шляпная, преданная Франціи и Шапочная или Калпачная, державшая нашу сторону.

Годы 1777. Король Шведскій, получа неудовлетворительной отвѣтъ, пожелалъ лично переговорить съ Екатериною, и подъ именемъ Графа Готландскаго (*), прибылъ въ Петербургъ 5 Іюня. Въ малой при немъ свитѣ находились Шеферъ, Мерикъ и Поссе; онъ остановился въ домѣ своего Посланника Нолкена, поспѣшилъ увидѣться съ Графомъ Панинымъ, и на другой день послѣ обѣда предсталъ Екатеринѣ въ Сарскомъ селѣ. Ему оказывали большія почести, давали обѣды, балы, концерты, спектакли; и гость, удивляясь великолѣпію двора, увѣрился въ добромъ къ нему расположеніи, въ превосходныхъ достоинствахъ Императрицы. Она сдержитъ свое обѣщаніе, но Король чрезъ 12 лѣтъ нарушитъ оное. Наступило торжество Полтавскаго дня, и по благопристойности отмѣнили оное. Разсуждая о Государственныхъ дѣлахъ, Екатерина открыла, что высокомѣріе составляло главнѣйшій его порокъ, и весьма осторожно довела рѣчь

(*) Петръ Великій подалъ собою первый примѣръ, которому послѣдовали всѣ Государи, путешествовать подъ чужимъ именемъ, для избѣжанія большихъ расходовъ, и къ облегченію угощающихъ Дворовъ.

до препятствій, опасностей всегда встрѣчаемыхъ при крутомъ переобразованіи народа; что люди вообще любятъ свои привычки, ненавидятъ перемѣны, въ чемъ поставляла примѣромъ Петра Великаго. — Густавъ догадался къ чему клонились ея слова, возражалъ, что Государи сами въ томъ виновны, что привычки подданныхъ не служатъ преградами, когда они жертвуютъ за нихъ жизнію, и что наконецъ успѣхъ зависитъ отъ искуства, отъ дѣйствія во время, къ спасти, чего будто не понималъ Петръ Великій. — Напримѣръ, можете ли вы перемѣнить одежду вашихъ Шведовъ, спросила Екатерина? — Безъ сомнѣнія, и это вамъ на опытѣ докажу, отвѣчалъ Густавъ. — Онъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ это по возвращеніи; ввелъ новый нарядъ, который знатнѣйшіе чиновники и царедворцы по нынѣ употребляютъ (*).

Лишь Густавъ удалился изъ Петербурга, пріѣхала Герцогиня Кингстонъ, прославившаяся въ Европѣ своею красотою и богатствомъ. Она намѣревалась оспаться на-

(*) Нарядъ сей походитъ на шеатральной, и писатели Иностранные утверждаютъ, что Ека-

всегда въ Россіи, давала роскошные пиры, купила имущество; но не изумя симъ столицу и не снискавъ поведеніемъ своимъ благоволенія Императрицы, отправилась въ Италію.

Зависть другихъ державъ, враждебные виды на Россію продолжались. Іосифъ, пропитившійся всѣмъ начинаніямъ Екатерины, послалъ Тугута въ Парижъ, дабы общими силами низпровергнуть Кайнарджинской миръ: но сверьхъ ожиданія увидѣлъ, что Французской Кабинетъ, готовясь тогда къ войнѣ съ Англіею не изъявилъ на то согласія. — Послѣ таковой неудачи онъ предпринялъ еще въ первый разъ сблизиться съ нами, чтобъ не допустить Фридриха къ возстановленію прежняго его дружества съ Екатериною, которая предъ тѣмъ предложеніе его чрезъ Министра Гоерца о приглашеніи Порты съ Польшею къ общему союзу отвергла съ холодностію и негодованіемъ.

Екатерина прішскивала случаи къ благодѣяніямъ, ознаменовала 15 лѣтнее свое царствованіе облегченіемъ народа въ разныхъ податяхъ.

Осенью столица угрожалась величайшимъ бѣдствіямъ. Отъ 1721 года начали записы-

шерина съ намѣреніемъ довела его до сей безразсудности.

вашь наводненія въ оной, и представшее превзошло въ полтора и болѣе раза всѣ прежнія. Буря при Ю З вѣтрѣ продолжалась двое сутокъ, и 10 Сентября ночью вода возвысилась до 10 футовъ, 7 дюймовъ, потопила улицы. Можно легко вообразить страхъ, тревогу жителей; ревутъ, свистятъ, производятъ трескъ свирѣпыя волны, вливаются въ дома, хижины, не доумѣваютъ въ темнотѣ гдѣ найти спасеніе. Одно неважное строеніе приплыло къ противоположному берегу рѣки, Любской корабль съ яблоками занесло въ лѣсъ на Васильевскомъ острову. Погибло много людей, огромныхъ деревьевъ, въ лѣтнемъ саду изчезли марморныя статуи, всѣ фонтаны, которыхъ нынѣ уже не имѣемъ. Съ того времени учредили для предосторожности на Адмиралтейской башнѣ флаги и фонари.

Ужасное то произшествіе вывело за собою при исходѣ года радостное событіе рожденіемъ Великаго Князя Александра Павловича 12 Декабря, въ день возвращенія солнца отъ зимы къ вѣснѣ. Оно служило какъ бы пророчествомъ, что послѣ сильныхъ непогодъ настанетъ прелестная тишина; что младенецъ

сей дастъ иной оборотъ политическому спаву, воздвигнетъ потрясенные престол и возгласитъ всѣмъ народамъ: *На землѣ миръ и человѣцѣхъ благоволеніе!*

Геніи къ нему слетѣли,
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ.
Тотъ принесъ ему громъ въ руки,
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Укращающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ ушѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему пѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И шалаштвы подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель,
Зараждающу въ немъ, рекъ:
Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!

Державинъ.

ГЛАВА IV.

Волненіе въ Крыму. — Подданство Грузіи, Имеретіи. — Неудовольствія Германскихъ Князей. — Безпокойства въ Царѣградѣ. — Терпимость вѣръ въ Россіи. — Дворянская Грамота, Городовое Положеніе. — Обозрѣніе Вышневолоцкаго канала. — Уничтоженіе словъ: рабъ, бью челомъ. — Долги на Россіи. — Пособія Университету. — Укрощеніе роскоши. — Кончина Фридриха II. — Путешествіе Екатерины въ Крымъ. — Возвращеніе въ Москву, милости народу. — Порта начинаетъ войну, письмо, содѣйствіе Іосифа II.

Годы

Вражда Турокъ усиливалась, они не могли 1778.
спокойно видѣть свободнаго нашего плаванія у своихъ береговъ, не могли забыть нанесенныхъ имъ ранъ; а послѣдствія оныхъ, требованія наши еще болѣе ихъ ожесточали. Молдаване, Валахи, Армяне оставляли свои осѣдлости, переселялись на Россійскія земли. — Мы съ твердостію предлагали, чтобъ Порта признала утвержденнаго нами Хана Сагима Гирея и вмѣстѣ съ тѣмъ, по заключеннымъ при Кайнарджи условіямъ, независимость Крыма; и рѣшительно объявили, что скорѣе возобновимъ битвы, нежели отступимъ отъ сихъ постановленій. — На сіи требованія побѣдителей Мусульмане кричали на улицахъ: война! война! безстрашно поносили

Капишанъ-Пашу, мирно возвращавшагося тог-
да съ флотомъ изъ Мармориаго моря;
гіунджи яли мапросы, напавъ на уполномо-
ченнаго отъ насъ Спахіева, намѣревались
убишь его. Онъ хотѣлъ удалишься изъ
Царя града; но Диванъ еще колебался, не
дѣйствовалъ, хотя уже происходили на су-
шѣ и на морѣ не большія сшибки, предалъ на
казнь мапросовъ и удержалъ Спахіева.

Все было готово пропивъ нарушителей
мира; Графъ Салтыковъ съ 25 тт. овладѣлъ
всѣмъ берегомъ Днѣспра до Нѣмирова,—Князь
Рѣпнинъ съ 16 тт. споялъ въ Украйнѣ—Те-
келли съ ошдѣльнымъ корпусомъ находился
близь Миргорда, надъ всѣми ими начальспвовалъ
Графъ Румянцевъ; полько ожидали повелѣ-
нія къ пораженію Опшомановъ. Князь Прозо-
ровской вспушилъ въ Крымъ, разбилъ про
пивниковъ Хана Сагимъ Гирея, и возспанс
вилъ пишину.

Близъ Днѣпровскаго усшья, среди просшра
ной спепи, заросшей шравою и камышев
гдѣ рыскали, выли одни волки, вдругъ, буд
по мановенію волшебспва, показался
нѣдръ земли городъ Херсонъ, съ красивы
сданіями, укрѣпленіями. Двуглавые орлы п

ли у его стѣнъ; уже сооружали шутъ новые корабли—всѣ удивлялись—Турки въ изумленіи трепетали.

Австрія навѣрное полагала, что Россія не избѣгнетъ войны, что Пруссія будетъ участвовать въ оной, что Англія, занятая раздорами въ Америкѣ, не можетъ ей препятствовать, ожидала пособія, отъ Франціи, и потому властительски присвоила Баварію. — Но политика подобна плывущему кораблю, вчера дулъ вѣтръ отъ Сѣвера, нынѣ дуетъ отъ Юга, и паруса несутся въ противную сторону. Сіе, весьма примѣчательное событіе, встревожило Европу, и мы въ сокращеніи представимъ крупныя его черты.

Баварской Курфиртъ Максимиліанъ скончался 19 Декабря 1777 года, не оставя потомства; и наслѣдниками послѣ прекратившейся отрасли предстали: младшій Баварской домъ, супруга Курфирста Саксонскаго, Герцогъ Мекленбургъ — Шверинскій равно Герцоги Пфальцскій и Палатинской съ древними правами.

Послѣдній, имѣя только побочныхъ дѣтей, уступилъ за вознагражденіе деньгами

свое право Императрицѣ—Королевѣ и сы
Іосифу, соспязавшимся о семъ пріобрѣ
съ упомянутыми претендателями. Ге
Палатина ощадалъ имъ къ Богеміи о
Мпнделыгеймской и верхняго Палатина. -

Таковому постановленію воспротив
Герцогъ Пфальцской (de deux Ponts)
шомъ Германскіе уставы не позволяли
дробленія. Всѣ державы возроптали тог
Король Прусской, полагая, что безъ во
ражденія отъ Австріи частію Нидерла
Палатинъ содѣлается ея подданнымъ,
разрушится равновѣсіе, склонилъ Пала
отречься отъ обѣщанія, и 17 Марта
явилъ, что станетъ защищать его.
Онъ надѣялся при томъ, что и Фра
присоединится къ нему въ споль правомъ
лѣ; но Верженъ отстранилъ Людовика
отъ соучастія въ семъ.

Марія Терезія убѣждала Фридриха, дѣ
уступки, представляла, что въ условіи
съ Палатиномъ другіе мѣшаться не долж
и согласилась на присоединеніе Графствъ
рейтскаго, Анспахскаго къ Брандебургск
Дому.

Фридрихъ отвѣчалъ, что ѣ страны с

собою принадлежатъ его братьямъ, роднымъ и двоюроднымъ, что они въ своемъ семействѣ могутъ располагать ими по произволу, и что наконецъ предполагаемый замѣнъ несоотвѣтствуетъ тому, чѣмъ хочетъ она завладѣть; по симъ причинамъ рѣшительно требовалъ очищенія Баваріи. Но не желая при старости начинать войну, предлагалъ Австріи довольствоваться двумя округами по Дунаю, по Иннѣ, прилегающія къ владѣніямъ Іосифа (*), а онъ уступилъ бы, Пфальцкому Герцогство Люнебургское, малую часть Гельдры, то есть, городъ Руремондъ съ деревнями — Саксонскому же Миндельгеймъ и Висенштейнъ.

Марія Терезія упорствовала, переговоры кончились; и каждая сторона прибѣгла къ посторонней помощи. Австрія требовала отъ Франціи 24 т. воиновъ по трактату 1756 года; но ей отвѣчали, что это относится къ защитѣ ея владѣній, а не къ пріобрѣтеніямъ; Фридрихъ же съ Герцогомъ Пфальцкимъ просили

(*) Надобно замѣтить, что Марія Терезія и Іосифъ имѣли особыя владѣнія, особыя требованія и своихъ уполномоченныхъ при переговорахъ.

о сохраненіи Вестфальскаго мира, явно низпровергнутаго Австріею.

Возгорѣлась война; Екатерина объявила Фридриху, что по окончаніи раздоровъ ея съ Портою, какъ вѣрная союзница, отправитъ къ нему свои полки.

Марія Терезія, не полагая, чтобъ это исполнилось, не уменьшила своей надменности. Собрались арміи: главная во 100 т. съ Фельдмаршаломъ Лассіемъ за Эльбою, правое ея крыло примыкало къ Кенигсгрецу, лѣвое къ Гоген-Ельбу и Ризенгербергу, отдѣляющему Богемію отъ Шлезіи; Іосифъ желалъ предводительствовать ею. — Герцогъ Альбертъ Саксен-Тешенскій, съ Фельдмаршаломъ Гадикомъ и 30 т. прикрывалъ Моравію. — Фельмаршалъ Лаудонъ съ 20 т. спалъ у Богемскихъ горъ, прикрывая лѣвое крыло Императора.

Фридрихъ со 100 т. вступилъ 24 Іюля въ Богемію, занялъ Находъ, придвинулся къ Эльбѣ, между Яромица и Кенигсгреца пропивъ Іосифа — Вторая его арміи съ Принцемъ Генрихомъ расположилась въ Брандебургѣ и Магдебургѣ для защиты Саксонскаго Курфирста, который присоединилъ къ ней свои полки. —

До Сентября не происходило никакихъ важныхъ дѣйствій, и оба ополченія терпѣли недостатокъ въ продовольствіи. Въ сіе время Фридрихъ въ спокойной своей квартирѣ въ Шацлерѣ сочинилъ нагробное слово Вольтеру, предъ тѣмъ отшедшему въ вѣчность изъ міра, имъ совращеннаго съ пути истинны.

Между тѣмъ частныя сношенія нашего Двора съ Портою продолжались, и къ удивленію—Франція, прежде всегда враждовавшая, начала усердствовать Россіи. Предписала Сентъ-При, своему Посланнику въ Царѣградѣ, направлять Диванъ къ принятію нашихъ статей; хотѣла тою услугою, при угрожавшей войнѣ съ Англіею (за Америку) привлечь Императрицу на свою сторону; Прусскій уполномоченный съ жаромъ поддерживалъ ходатайство Сентъ-При; чума принудила Султана удалиться изъ столицы къ Адріанополю, мы уменьшили требованія; и все окончилось съ желаемымъ успѣхомъ. Турки признали независимостъ Крыма, избраннаго отъ насъ Хана, и подтвердили свободное плаваніе по Черному морю. Обстоятельство важное! Оно означаетъ прозорливость, мудрый ходъ Петербурскаго Кабинета. — Очевидно было,

что Екатерина издалека готовила средства къ присвоенію Крыма, страны полезной, богато надѣленной дарами природы. Нѣтъ при томъ сомнѣнія, что Порта по необходимости, Франція по политикѣ, Пруссія для опроверженія обязанности по трактату вспомоществовать Россіи, согласились на такое примиреніе, и предпочли спокойное настоящее будущему преобладанію Россіи.

Тогда Екатерина, не стѣсняемая болѣе въ своихъ предпріятіяхъ, торжественно объявила Маріи Терезіи, что непозволяетъ самовластія, вступится за Фридриха, и въ слѣдъ за симъ корпусъ Россійскаго войска съ Княземъ Рѣпнинымъ двинулся въ походъ. Императрица Королева прежде сама желала посредничества Россіи; но нынѣ, видя новое противъ себя ополченіе, отправила съ письмомъ къ Фридриху Тугута, который, явясь 6 Іюля въ квартиру Короля при Ельсдорфѣ, предлагалъ, чтобъ дали Австріи только половину Баваріи съ доходомъ милліона флориновъ, за что назначалъ ему Франконію, Лузацію или Мекленбургъ. Фридрихъ отвѣчалъ отрицательно, но стараясь прекратить кровопролитіе, вызвалъ своихъ Ми-

нистровъ Финкенштейна и Герцберга, которые, сообразно съ предположеніемъ въ Тешенѣ, требовали, чтобы Австрія за уступку ей Баварскаго округа отъ Пассавы, по берегамъ Инны и Сальцы до Вальсгута, удовлетворила Саксонскаго Курфирста Верхнимъ Палатинатомъ, частію Саксоніи, Миндельгеймомъ въ Швабіи и Ротенсбургомъ въ Франконіи. Іосифъ не вѣдалъ о сихъ переговорахъ, разсердился на свою родительницу и говорилъ, что перенесетъ столицу въ Ахенъ, или въ другое какое мѣсто; и Марія Терезія для успокоенія сына отвергла всѣ сказанныя статьи. — Потомъ еще собрались въ монастырѣ въ Браунау; но опять разъѣхались также съ противоположными мнѣніями.

Фридрихъ, по присоединеніи къ нему Россійскихъ полковъ, хотя не сомнѣвался въ одолѣніи Австріи; но дряхлость отвлекала его отъ побѣдъ, при томъ платежъ Россіи за сію помощь по 500 тысячъ Рейхсталеровъ въ годъ казался отяготительнымъ. Съ другой стороны Императрица Королева опасалась вступленія Россіянъ въ ея области, единовѣрныя съ нами, и обѣ стороны желали кроткими мѣрами утишить раздоръ.

Постановили быть полному конгр
[illegible] въ Тешенѣ, подъ руководствомъ [illegible]
[illegible] и Франціи. Собрались на оной
[illegible] отъ Россіи—Князь [illegible]
[illegible] отъ Франціи—Баронъ Бретіолль, отъ
[illegible]—[illegible], отъ Пруссіи—Баронъ Р
[illegible], отъ Палатинства — Графъ Торин
отъ [illegible] — Гофенфельсъ, отъ Саксон
Графъ [illegible], и 3 Марта откр
первое засѣданіе. Изъ Петербурга пос
[illegible] къ Императрицѣ Корол

Послѣдовало много преній, доказательс
по [illegible]. Курфирстъ Палатинъ
[illegible] въ вознагражденіи Саксонск
сей роптал за малую сумму, ему опредѣ
[illegible]; Пфальцкой не соглашался на раздро
ніе Баваріи. Такое смѣшеніе притязаній
обѣщало успѣха; но вѣсть о возстано
ніи добраго согласія у Россіи съ Пор
побудила всѣхъ къ рѣшенію. Марія Т
зія, опасаясь содѣйствія Екатерины въ п
зу Фридриха, оказывала уже снисхожде
Принцы сдѣлались сговорчивѣе; и миръ
писанъ 2 Маія, въ день рожденія Императ
цы Королевы.

Она утвердила право Палатина на всѣ

ли, завоеванныя Австріею въ Баваріи и верхнемъ Палатинствѣ, отдала ему еще округи Миндельгеймской, Глаукской, Валденбургской, Лихтенштейнъ, и не большую полосу въ Богеміи. — Себѣ приобрела округи Вильсгута, Браунау съ городомъ сего же имени, Мауркирхена, Фрибурга, Маттинковска, Рида, Шердинга, то есть, въ Баваріи все между Дуная, Инны и Сальцперы. Это составило только 16 часть Баваріи на 38 квадратныхъ миляхъ, вмѣсто прежняго домогательства половины той страны, на 234 квадратныхъ миль. — Палатинъ обязался заплатить въ 12 лѣтъ безъ процентовъ 6 милліоновъ флориновъ Пфальскому—Саксонской отрекся за себя и за наслѣдниковъ своихъ отъ Баваріи, а за сіе получилъ остальныя части Глаука, Вальденбурга и Лихтенштейна.

Такимъ то образомъ Сѣверная Героиня предписала уставъ спорющимъ Владыкамъ, прекратила войну двухъ державъ, несогласіе Германскихъ Принцевъ, и вмѣстѣ съ Франціею приняла на себя попеченіе о ненарушеніи впредь сихъ постановленій. Марія Терезія, давно ухищрявшая на Россію, не могла забыть столь явнаго надъ собою прево-

сходства Екатерины, униженія своему величію; и ненависть ея къ ней еще усилилась.

Екатерина, утверждая спокойствіе чуждыхъ народовъ, не преставала приводить въ устройство свою Имперію. Основала въ Москвѣ Инвалидный домъ для 25 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ съ приспойнымъ содержаніемъ, больницею, и повелѣла Коллегіи Экономіи отпускать на сіе въ теченіе пяти лѣтъ по 25 тысячь рублей. Конечно, заведеніе сіе само собою не важно, но оно послужило образцомъ къ будущему успокоенію заслуженныхъ чиновниковъ, нуждающихся въ пропитаніи.

Учредила въ обѣихъ столицахъ Смирительные и Рабочіе домы, въ которые по приговорамъ отъ судилищъ или по неудовольствіямъ господъ отсылались люди для исправленія. Они производили разныя издѣлія, нужныя для фабрикъ, городовъ, и своимъ наказаніемъ приносили пользу заведеніямъ. Для призрѣнія и врачеванія умалишенныхъ сооружено особое отдѣленіе, постановлены на счетъ содержанія ихъ правила. До нее не было въ Россіи мѣстъ ни для обузданія порочныхъ, праздношатающихся, ни для человѣколюбивыхъ предметовъ.

Сильной пожаръ истребилъ почти полови-

ну Твери, Императрица пожаловала 100 т. рублей жителямъ, послала планы, фасады зданіямъ, площадямъ, и бѣдствіе было причиною прекраснѣйшаго перерожденія города, въ какомъ нынѣ его видимъ.

Рожденіе втораго Великаго Князя Константина Павловича, 27 Апрѣля, сопровождалось новою радостію; получено во время торжества извѣстіе о прекращеніи Тешенскаго Конгресса, по желанію Екатерины.

Въ день воспоминанія о славной Чесменской побѣдѣ, 24 Іюня, Императрица посѣтила дворецъ, построенный въ память сего событія на седьмой верстѣ отъ Петербурга, и съ роскошнымъ пиршествомъ праздновала истребленіе Турецкаго флота.

Въ Кронштадѣ ожидали ея прибытія, она отправилась туда на яхтѣ съ большею свитою, съ иностранными Министрами, обозрѣвала флотъ; пушечной громъ, украшенные флаги, громогласныя *ура!* съ высоты мачтъ знаменовали величественное ея плаваніе.

Король Англійскій просилъ ее возложить орденъ Бани на Посланника его при Россійскомъ дворѣ, Гарриса. Она исполнила установленной обрядъ, ударила его по плечу шпа-

Годы гою, произнеся: Во имя Господа будь добрымъ, великодушнымъ рыцаремъ, и шпагу сію, осыпанную бриліянтами, подарила ему.

Не смотря на войну Американцевъ съ Англіею, позволила имъ свободную торговлю въ Россійскихъ гаваняхъ, но отказала въ принятіи Консула.

1780. Вражда у Англичанъ съ Американцами, о которой мы выше упомянули, часъ отъ часу сильнѣе возпламенялась; одни желали покорить возмутившіяся страны, другіе сражались за свою свободу. Года за три предъ симъ прибылъ въ Парижъ знаменитый Франклинъ. Простота въ наружности, въ обращеніи его понравились Французамъ,—описываемыя бѣдствія страны вселяли участіе; опрометчивость Французовъ, безразсудное стремленіе ко всему новому, врожденная ненависть къ Англичанамъ взволновали нетвердые умы, и занимавшіеся до того зрѣлищами, мелочами, преніями о Глукѣ, Пичини повсюду толковали о избавленіи Американцевъ отъ несноснаго ига. Притомъ слабое Правительство, худые Министры, неудовольствія на Королеву, на десятилѣтнее бездѣйствіе въ мирѣ, и ложныя проповѣданія мнимыхъ Философовъ еще болѣе под-

стрѣкали къ несправедливой рѣшимости. Заключили безъ явнаго разрыва съ Англіею тайной договоръ съ Депутатами Американцевъ, дали имъ пушки, ружья, деньги. Лафаетъ, глава безначалія и безпорядковъ первый отправился къ бунтующимъ, за нимъ послѣдовали Виконтъ Ноайлль, Графъ Сегюръ; тамъ встрѣтили они заговорщиковъ другаго народа, Костюшку и Пулавскаго, и кровавое знамя развернулось. Не вѣдалъ ни несчастный Людовикъ XVI, что посредствомъ мщенія сосѣдамъ готовитъ самому себѣ гибель, ни легкомысленные его подданные, что противъ себя изощряютъ ножи! Исполнились въ точности слова Спасителя: *внюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ!*

Американцы, постоянно до того поражаемые, одержали наконецъ великую поверхность. Ихъ Генералъ Гатесъ разбилъ наголову Англійскаго Полководца Бургоена, подступившаго къ Саратогѣ съ 10 тысячами, и взялъ его съ остаткомъ войска, 6 тысячь, въ плѣнъ.— Версайлльской Кабинетъ, имѣвъ въ мирномъ положеніи съ 1763 года довольно средствъ къ приготовленію своего флота, послѣ такоей побѣды не скрывалъ уже предпріятія, и 6 Февраля 1778 года торжественно присоеди-

нился къ колоніямъ. Постановилъ съ присланными отъ нихъ депутатами Силласомъ, Деановъ и Артюромъ Лее дружественный трактатъ. Франція отреклась отъ Бермудскихъ острововъ, взятыхъ отъ нее Англичанами, отъ всѣхъ будущихъ въ сію компанію завоеваніи, дала изъ своего Казначейства 18, да поручилась еще Голландіи въ 5 милліонахъ франковъ, разрѣшила продажу оружія и отправя въ помощь войска, условилась отдѣльнаго мира не заключать.

Англійской Парламентъ хотя позволилъ, по прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій въ колніяхъ, торговлю безъ ограниченія, соглашался заплатить всѣ убытки; но снисходительныя мѣры опоздали, были отвергнуты, и въ концѣ 1780 года провозглашена война съ Франціею. Державы раздѣлились на партіи. Гишпанія по связямъ родства вступилась за Францію, поручила свой флотъ вождю ея Орвилльеру; составилось 66 кораблей 60 т. воиновъ, они тревожили Англійскіе берега, и защищавшіе ихъ 36 кораблей, находясь въ осадѣ, не могли достигнуть Америки. — Англія, подкрѣпляемая одною Португаліею, просила пособія отъ Голландіи, но и

та вскорѣ возстала на нее. Сію войну должно по справедливости назвать зародышемъ всѣхъ, послѣ свѣтъ изумившихъ переворотовъ во мнѣніяхъ, въ нравственности, и въ пагубномъ разстройствѣ цѣлой Европы.

Французской Флагманъ Маркизъ Буйлле овладѣлъ 14 Ноября островомъ Св. Маврикія съ 700 плѣнныхъ, и съ добычею 2 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Гишпанцы покорили Флориду, но осаждая съ земли и съ моря Гибральтаръ, отступили безъ успѣха. Англичане взяли у Французовъ Горейской островъ въ Африкѣ, нѣсколько ихъ кораблей и истребили часть Голландскаго флота.

Екатерина вмѣстѣ съ Австріею и Пруссіею ожидала спокойно чѣмъ окончится сія жестокая борьба, хотѣла только защитить стѣсняемую торговлю. Англія, безъ уваженія къ народнымъ правамъ, не разбирая ничьихъ флаговъ, поступала самодержавно, похищала всѣ встрѣчаемые корабли. Голландцы, Бременцы, Гамбургцы, Любчане прибѣгли къ покровительству Императрицы Россійской, и она учредила тотъ славный вооруженный неутралитетъ, о которомъ мы выше упомянули (*)—Приглаша-

(*) Мы видѣли какъ усердно, благородно со-

ла къ содѣйствію въ томъ прочія Государства и Пруссія съ Даніею немедленно присоединились къ ней, своими кораблями умножили оплот торговли. Англійскій Посолъ при нашемъ Дворѣ Гаррисъ, изтощилъ всѣ средства къ уничтоженію сего союза, склонилъ на свою сторону Потемкина, но Екатерина пребыла непоколебимою.

Императрица симъ подвигомъ явила въ другой разъ могущество свое въ Европѣ. Россія возвышалась, процвѣтала, ничто не угрожало ей нарушеніемъ тишины; всѣ державы при важныхъ начинаніяхъ своихъ требовали ея одобренія, и можно сказать, ни одна пушка не палила безъ ея воли.

Петербургъ украшался огромными сданіями, разпространялись полезныя заведенія, и очищенная, углубленная фонтанка, при попеченіяхъ Боура, украшалась гранитными набережными и съ великолѣпными мостами.

Въ семъ году Екатерина предприняла обозрѣть Бѣлоруссію, древнее достояніе Россіи, возвращенное только за 8 лѣтъ предъ симъ. Ис-

---

дѣйствовалъ въ семъ Графъ Панинъ; но непримиримый Кастера приписываетъ по обыкновенію первую въ томъ мысль не Екатеринѣ, а премудрости Французскаго Министра Верженя.

ператоръ Іосифъ, узнавъ о томъ, просилъ о позволеніи видѣться съ нею, и по благосклонномъ приглашеніи прибылъ въ Могилевъ еще прежде ея, съ малою свитою подъ именемъ Графа Фалкенштейна. Онъ желалъ лично удостовѣриться въ высокихъ качествахъ той, которая гремитъ славою, располагаетъ царствами, препятствовала во всѣхъ дѣлахъ Австріи, и еще въ прошедшемъ году предписала ей уставъ, на Тешенскомъ Конгрессѣ (*).

Въ одномъ селеніи остановилась въ Субботу для ночлега, пошла на другой день къ обѣднѣ, и была очень недовольна крашенинными ризами священника, оловянными сосудами, бѣднымъ вообще состояніемъ обветшалой церкви. Она велѣла написать къ владѣльцу, что различіе вѣръ (**) не должно унижать господствующей, дивится какъ при великомъ его богатствѣ не радитъ о храмѣ Божіемъ, и совѣтуетъ надѣлить оный пристойнымъ об-

(*) Г. Кастера и здѣсь хочетъ насъ увѣрить, что Іосифъ принужденно согласился на то свиданіе, по сильному домогательству Екатерины.

(**) Селеніе то принадлежало Господину Ла.. ...ву, Армянской вѣры.

разомъ. Сіе увѣщаніе подѣйствовало потому болѣе, что она прислала и отъ себя нѣсколько хорошихъ уваровъ.

Іосифъ ожидалъ ее въ мѣстечкѣ Шкловѣ, гдѣ представясь ей, поспѣшилъ въ передъ. Въ Могилевѣ Екатерина имѣла торжественный въѣздъ 19 Маія. Встрѣчали ее знатнѣйшія особы, отряды войскъ; новые подданные бѣжали у кареты, Ксендзы стояли съ крестами у костеловъ. Въ это время Іосифъ въ простомъ сюртукѣ тѣснился въ толпѣ любопытныхъ. Столовой дворецкой Императрицы Клочь принялъ его по одеждѣ за одного изъ Нѣмцевъ, принадлежащихъ къ свитѣ Австрійской, и безъ дальныхъ околичностей вступилъ съ нимъ въ разговоръ.—Вы съ Графомъ пріѣхали? — Такъ точно. — Скажите же мнѣ, пожалуйте, какія онъ любитъ кушанья, чтобъ я могъ угодить его вкусу. Іосифъ, удовлетворя его требованію, слѣдовалъ къ своей квартирѣ, а Клочь отправился на кухню. Но въ какое пришелъ онъ изумленіе, подавая блюда сѣдящему рядомъ съ Императрицею гостю; онъ призналъ въ немъ знакомца на площади, и долго не вѣрилъ своимъ глазамъ. Іосифъ забавлялся его замѣшательст-

вомъ, и разсказомъ о причинѣ онаго доставилъ удовольствіе всему обществу.

Первая бесѣда двухъ Вѣнчанныхъ Главъ заключалась въ чинностяхъ, привѣтствіяхъ; они вызнавали другъ друга, тяготились собою: но вскорѣ потомъ Іосифъ увѣрился кто такова Екатерина, и содѣлался изъ врага искреннимъ ея почитателемъ, другомъ. Собралось множество Поляковъ изъ Варшавы и Кракова взглянуть на побѣдоносную Царицу; при Дворѣ давались пиры, празднества, и на тихихъ берегахъ Днѣпра водворилась роскошь съ веселіемъ. Іосифъ, изумленный великолѣпіемъ, требовалъ простаго обхожденія, и въ видѣ частнаго человѣка проводилъ все время съ Агустѣйшею Хозяйкою.

Они находились при основаніи пути собора, положили первые камни, и храмъ въ честь посѣтителю посвященъ Св. Іосифу (*). – Дружество ихъ возрастало, и они при чистотѣ своихъ расположеніи, утвердили между собою важное условіе, бывшее потомъ

(*) Извѣстно, что Іосифъ по возвращеніи въ Вѣну отплатилъ тѣмъ же; соорудилъ храмъ во имя Св. Екатерины.

ненарушимымъ. Новый союзникъ замѣнилъ давняго, — Фридриха, которымъ были уже недовольны, обращались съ нимъ холодно осторожно. Они поспановили дѣйствовать общими силами противъ Турокъ, изгнать ихъ въ Азію; Екатерина согласилась не препятствовать Іосифу овладѣть Баваріею съ уступкою другимъ за нее Нидерландовъ, кромѣ Намура, и Люксамбурга. Письма къ Вольтеру, надпись на врапахъ Херсона (*), все удостовѣряетъ насъ, что она желала пріобрѣсть Царьградъ, и для того единственно медлила возпаніемъ на буйную Францію; если бы продолжилась ея жизнь, она, не взирая на великія затрудненія, конечно исполнила бы свое намѣреніе. Не льзя, кажется, упрекать ее за сіе, всякой Государь печется о благѣ своей страны; и полезнѣе было бы Европѣ имѣть на перешейкѣ двухъ морей сильную, просвѣщенную державу, нежели Турокъ, преграждающихъ своимъ невѣжествомъ выгоды всѣхъ Христіянскихъ народовъ, и питающихъ къ нимъ постоянную ненависть.

При разлукѣ Порфироносныя особы подтвер-

(*) Увидимъ то въ своемъ мѣстѣ.

дили неразрывную свою связь, и отправились въ разныя стороны, Екатерина прямо въ Петербургъ, а Іосифъ чрезъ Смоленскъ въ Москву; и Могилевъ остался памятникомъ прочнаго сближенія двухъ первѣйшихъ Державъ.

Петербургское дворянство желало доказать ей любовь свою, опредѣлило соорудить торжественныя врата, и не смотря на прежнія неудачи, еще разъ поднесть ей наименованіе *Великой, Матери Отечества.*

Екатерина была симъ весьма недовольна, что ясно видимъ изъ слѣдующаго письма ея къ Главнокомандующему въ столицѣ.

Князь Александръ Михайловичь!

„Увѣдомилась я, что Дворянство Санкт-„петербургской Губерніи вздумало приносить „мнѣ титулы, и собирается сдѣлать огром-„ныя встрѣчи. — Вамъ извѣстенъ образъ мы-„слей моихъ, а потому и судить можете, „коль излишнимъ и непристойнымъ все то я „почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій „есть предметъ моего царствованія, но до-„ставленіе блага и спокойствія Отечеству, „и вознесеніе славы и величія его; по чему и

„не можетъ иное мнѣ пріятно и угодно быть, „какъ повиновеніе моей волѣ, ревностное и „тщательное каждымъ званія на него возло„женнаго исполненіе, вмѣсто упражненія въ „подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и „встрѣча для меня не нужна. Чего ради я „желаю, чтобъ собранныя деньги отданы бы„ли въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія для „употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо „сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вя„земскому, такъ какъ можете сдѣлать тоже „и со всѣми другими, кои будутъ любопыт„ствовать о семъ. Пребываю въ прочемъ вамъ „доброжелательная.“ Екатерина.

P. S. Сія есть непремѣнная моя воля, которую выполнить вамъ предписываю (*).

И такъ она въ третій разъ отвергла свою собственность, сердечное приношеніе отъ чадъ своихъ, потомствомъ ихъ ей приписанное и Европою утвержденное.

Іосифъ на пути любовался устройствомъ, довольствомъ обитателей; въ Тулѣ удивлялся издѣліямъ оружейнаго завода, признавалъ

(*) По слогу видно, что это собственное ея сочиненіе.

ихъ равными въ достоинствѣ съ Англійскими; но видъ Москвы восхитилъ его. Блистающіе златомъ храмы, возвышающіяся по холмамъ въ нѣсколько рядовъ сданія, одни надъ другими, согласный звукъ колоколовъ, великое движеніе, представили ему полную, прелестную панораму, Онъ осматривалъ соборы, величественный Кремль, Грановитую палату, древнія рѣдкости, Воспитательной Домъ, Университетъ, Больницы, Сухареву башню и всѣ примѣчательные предметы, живописныя окрестности, и на всегда сохранилъ пріятное воспоминаніе о первопрестольномъ нашемъ градѣ.

Скорость ѣзды также изумила его; онъ менѣе трехъ сутокъ достигъ другой столицы, совершенно инаго вкуса, иной наружности. Тамъ видѣлъ слѣды Великихъ Князей, Царей, обладанія Татаръ; здѣсь встрѣтилъ жилище Сѣверной Семирамиды, Кабинетъ всей Европы. Онъ остановился у своего Посла Кобенцеля, поспѣшилъ въ Сарское село къ Императрицѣ, и выпросилъ позволеніе остаться на нѣсколько времени свободнымъ. Немѣдленно приступилъ къ обозрѣніямъ Арсенала, Адмиралтейства, Кунст-Камары, Кадетскихъ

Корпусовъ и прочихъ заведеній, Невской Церкви и веселыхъ береговъ Невы. При вшествіи въ Академію Наукъ, представили ему Географическую карту путешествія его отъ Вѣны до Петербурга. — Въ Академіи Художествъ поднесли собраніе эстамповъ, и его изображеніе съ надписью:

Multorum providus urbes
Et mores hominum inspexit.

Онъ посѣтилъ Кронштадъ, Систербекской Заводъ. Находя славныя учрежденія безсмертнаго Петра, низменный его домикъ, несоотвѣтственный чудесному генію и огромнымъ замысламъ, а приличный бѣдному обывателю,—съ другой же стороны продолженіе его дѣяній достойною преемницею, пышные ея чертоги, Ермитажъ, и что все это совершенное въ теченіе только 77 лѣтъ, приходилъ въ очарованіе, въ замѣшательство отъ соображеній.

Въ Сарскомъ селѣ отказался отъ пребыванія во дворцѣ, предпочелъ гостинницу; Екатерина приказала дворцовому садовнику—Англичанину прибить къ стѣнѣ своего дома вывѣску, надѣлила убранствами, потребностями, и Графъ Фалкенштейнъ думалъ, что живетъ въ трактирѣ.

Всякой день проходилъ въ перемѣнныхъ удовольствіяхъ, то при дворѣ давали балъ, концертъ, спектакль, феерверкъ, то обѣдали въ Эрмитажѣ (*), прогуливались на линѣйкахъ, полдничали, пили чай въ Павловскомъ, катались на шлюбкахъ, или въ рощѣ роговая музыка прерывала сельскую тишину. Среди сихъ потѣхъ заключенъ грозный Туркамъ трактатъ, предначертанный еще въ Могилевѣ. Графъ Фалкенштейнъ оставилъ Россію, преисполненный высокихъ мыслей о Сѣверной странѣ, и преданнымъ душею Екатеринѣ.

Петербургъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ Принцамъ и Царямъ, для совѣщанія или одобренія ихъ начинаній. Мы уже два раза видѣли здѣсь Генриха, потомъ Шведскаго Короля, Герцогиню Кингстонъ, Австрійскаго Императора, и вотъ еще прибылъ въ него другой Прусской Принцъ Фридрихъ Вильгельмъ (**).—Покорителю Шлезіи не нравилось описанное здѣсь свиданіе, съ Іоси-

---

(*) Здѣсь примѣчателенъ механизмъ: весь столъ по знаку колокольчиковъ опускается, и съ низу, будто посредствомъ волшебства, являются другіе приборы и кушанья.

(**) Который былъ Королемъ послѣ Фридриха II.

фомъ, потому болѣе, что обращались съ нимъ холодно, осторожно; онъ потерялъ довѣренность Екатерины, опасался, чтобъ новая дружба не разрушила ихъ связи, и для того по кончинѣ Іосифа отправилъ въ Петербургъ упомянутаго племянника своего, развѣдать о всемъ и возобновить прежнее благоволеніе. Правда, Вильгельму старались угождать, оказывали почести, учреждали пиршества; празднества, но чинность, принужденіе сквозили при вѣжливыхъ угощеніяхъ, и пріемъ ему не походилъ на оказанный Генриху, за четыре года предъ симъ.

Мѣсяца чрезъ четыре, по возвращеніи Іосифа въ Вѣну, 18 Ноября, скончалась мать его, славная Марія Терезія, терпѣвшая бѣдствія при началѣ царствованія, но горделивая въ благопріятныя времена, и завистливая, всегда враждовавшая соперница Екатерины.

Іосифъ, раздѣлявшій съ нею власть, имѣлъ добрыя качества и всѣ способности стать отцемъ народа, желалъ того; но пылкость ума, воображеніе безъ предѣловъ, алчность къ именитости, къ побѣдамъ, и самонадѣяніе отъ снисканной благосклонности Екатерины, запримѣвали предъ нимъ предметы, отвлекали

опъ полезнаго, и были причинами многихъ по грѣшностей, неустройствъ.

Г. Каспера и здѣсь выдумываетъ небылицы; онъ объявляетъ о какихъ то необыкновенныхъ пожарахъ въ обѣихъ столицахъ, произведенныхъ будто по злобѣ къ Императрицѣ; но мы ни о чемъ подобномъ не имѣемъ ни малѣйшаго понятія.

[illegible] V.

[illegible] — [illegible] Прусской [illegible] — [illegible] — Путешествіе [illegible] — Пресшупный [illegible] Импера[illegible] — [illegible] — Сокращеніе Папской [illegible] — [illegible] — Полицейской [illegible] — [illegible] — Монументъ Петру [illegible] — [illegible] случаю. — Учреж[illegible] Кавалеры онаго. — Вой[illegible] независимости. — Кор[illegible] — [illegible] — [illegible] Вел. Княжны Алек[illegible] — [illegible] Крыма. — Описаніе [illegible] — [illegible] Грузинскаго. — Свиданіе Ека[illegible]

Годъ
1781.

Мы уже видѣли, что Англія сражалась съ Американскими Колоніями, защищала притомъ свои берега отъ соединенныхъ флотовъ, и не упускала случаевъ къ легкимъ добычамъ, брала въ плѣнъ корабли, безъ разбора флаговъ. Голландцы терпѣли отъ того великія убытки, вступили въ вооруженный неутралитетъ, которому Англія не смѣла явно препятствовать, Екатерина ихъ защитила, и Сентжемской кабинетъ противъ желанія заключилъ съ ними миръ. Франція, дѣйствовавшая во все время одними коварствами, на словахъ, послѣ раздѣла Польши, важныхъ нашихъ по-

бѣдъ надъ Турками, послѣ Тешенскаго конгресса, потеряла къ себѣ уваженіе, а новый союзъ Россіи съ Австріею, обратилъ ее уже во второстепенную державу. По чему она искала дружества Екатерины, оказывала услуги, склонила Порту, какъ выше сказано, къ принятію предложеній, и вмѣшалась въ войну съ Англіею, сколько по давней враждѣ, столько же и по стремленію возстановить помраченное свое достоинство (*).

Цѣль политики была различна. Австрія прежде не хотѣла, чтобъ Россія умножала свои побѣды, а теперь условилась съ нею раздробить, или уничтожить Порту, чрезъ что произошелъ сильной перевѣсъ. Франція, увѣрясь наконецъ въ безуспѣшности своихъ хитростей, и что Порта не можетъ устоять противъ Россіи, охладѣла къ Мусульманамъ, а желала только спасти ихъ для укрощенія замысловъ Австріи, и чтобъ утвержденіемъ между ими вражды сохранить равновѣсіе. Пруссія не любила Австріи,

(*) По ненависти къ Англіи, непріятели ея выдумали новую игру въ карты, и дали взяткамъ имена: Бостона, Филадельфіи

же дворы Франціи, предпочитала имъ надежную связь съ Екатериною; но искала благовидныхъ средствъ, безъ раздраженія Императрицы, вредить ея огромнымъ предпріятіямъ, не трогаясь изъ видъ собственной пользы отъ союза съ нею.

Екатерина находилась тогда въ полномъ блескѣ величія; Іосифъ ей усердствовалъ, Фридрихъ великій угождалъ, чтобъ возстановить прежнее дружество; оба они соперничали въ ревностнѣ, и поставляли другъ другу преграды къ пріобрѣтенію ея благоволенія. Она, можно сказать, господствовала въ Европѣ.

Русскій флагъ игралъ надъ Океаномъ, повелительствовалъ въ гаваняхъ всѣхъ народовъ вооруженнымъ неутралитетомъ; наши корабли плавали свободно по Средиземному морю, входили въ самыя Дарданеллы, въ Константинопольскій проливъ, и Турки, взирая на нихъ съ досадою, безмолвствовали.

Просвѣщеніе, науки, художества, сіи вѣрные знаменатели процвѣтанія Государствъ, примѣтнымъ образомъ возрастали. Въ Академіяхъ засѣдали именитые мужи, иностранные ученые поступали въ члены, и наши писате-

ли сдѣлались извѣстными въ Европѣ. Народныя училища укоренялись, заведены Греческая и Албанская Гимназіи; начальство надъ всѣми учебными мѣстами поручено особой Коммиссіи, подъ вѣденіемъ Императрицы. Нравы очищались отъ древнихъ предосудительныхъ правилъ, обычаевъ — смягчились; общества отличались любезностію, вѣжливостію, и веселія въ столицѣ не прерывались.

Великій Князь Цесаревичь предпринялъ съ супругою путешествіе въ чужіе краи. Свиту ихъ составляли: главный распорядитель— Графъ Николай Ивановичь Салтыковъ, Камергеры — Князь Николай Борисовичь Юсуповъ, Князь Александръ Борисовичь Куракинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичь Вадковской,—Сергѣй Ивановичь Плещѣевъ, Христофоръ Ивановичь Бенкендорфъ, Поручикъ Клингеръ; при Графѣ Салтыковѣ Адъютантъ Огара, для письменныхъ дѣлъ Баронъ Николаи, для чтенія Лаферміеръ (*).—При Великой Княгинѣ, другъ ея, Г-жа Бенкендорфъ и двѣ Фрейлины: Екатерина Ивановна Нелидова, и Наталья Семеновна Барщова. — Они выѣхали изъ Сарскаго села 19

(*) Супруга Графа Салтыкова особо слѣдовала за свитою.

Сентября послѣ обѣда, и слѣдовали чрез Псковъ, Варшаву до Вѣны. Здѣсь Императоръ Іосифъ, преданный Екатеринѣ, въ оп плату за ласковый пріемъ въ Петербургѣ оказывалъ многія почести, учреждалъ праздни ки, гулянья, и забавлялъ разными охотами.- 5 Генваря 1782 года достигли они Тріеста по всей дорогѣ были встрѣчаемы отъ Правительствъ съ великимъ уваженіемъ. На другой день остановились въ Удино, гдѣ по желанію высокихъ посѣтителей учреждать свои жительства всегда въ трактирахъ, нарочно соединили дворецъ Архіепископа съ домомъ Графа Антонино, въ видѣ *гостиницы*. — Чрезъ Парденоно прибыли поздно ночью въ Конеліоно, и тутъ увидѣли ожидавшихъ ихъ Виртембергскаго Принца Фридриха (*), нашего Посланника Маркиза Маруци, Графовъ Педзоръ и другихъ чиновниковъ. Отсюда всѣ поплыли рѣкою Піавою, выходили на берегъ, въ Мадерѣ обѣдали, покоились въ замкѣ Графа Алканинни, и отправились опять водою въ богатыхъ Гондоляхъ къ Венеціи, въ которой ѣхали вдоль большаго

(*) Принцъ Фридрихъ нарочно выѣхалъ на свиданіе съ своею сестрою.

канала до улицы св. Апостолъ, и остановились въ гостинницѣ Бѣлаго Льва. — Дожь выдумывалъ удовольствія всякаго рода. Площадь св. Марка, въ окружности на полверсты, претворилась въ овальный амфитеатръ, съ ступенями; верьхнія ложи представляли собою садъ; къ сторонѣ св. Геминіана сооруженъ былъ на сей случай дворецъ въ два яруса прекраснѣйшей Архитектуры; арка торжественныхъ воротъ имѣла 11 саженей высоты. Въ 4 часа по полудни пригласили въ сей дворецъ Августѣйшую чету, открылись подъ аркою ворота, явились пять колесницъ, запряженныхъ каждая 8 волами, подъ богатыми попонами съ символами, изображавшими земледѣліе, обиліе, торговлю, художества и миръ; предъ ними открывали шествіе два эскадрона егерей. За сими выступили 72 быка, ведомыхъ каждый двумя человѣками въ парадныхъ одеждахъ; началось сраженіе между ими, а потомъ травля. Иллюминованная узорчато площадь казалась въ огнѣ, народъ смотрѣлъ изъ оконъ и съ крышъ, тѣснился въ толпахъ, не нарушая благочинія, порядка, безъ надзора полиціи. Цесаревичь, видя это сказалъ: *Вотъ доказательство добраго правленія, тыся-*

ихъ людей походятъ на одно согласное семейство. Наконецъ дали въ Филармонической залѣ концертъ, въ которомъ игралъ на клавикордахъ славный Галлупи, и получилъ отъ Великаго Князя въ подарокъ табакерку дорогой цѣны; на балѣ Великая Княгиня удостоила танцовать съ Графомъ Педзора, объявя, что въ путешествіи своемъ танцовала только съ Королемъ Польскимъ, съ Императоромъ, и, это третій разъ, съ нимъ. Для дворянства былъ столъ ужинъ. — Наконецъ путешественники, по раздачѣ нѣсколькихъ подарковъ, 4 Февраля, въ великолѣпныхъ гондолахъ по Тренту отплыли въ Паду.

Въ Римѣ, прежней столицѣ всего свѣта, они обозрѣвали остатки древности, посѣщали Папу, который принималъ ихъ съ почтеніемъ, и въ доказательство сего иллюминовалъ храмъ Св. Петра. Въ Неаполѣ пѣли въ операхъ, концертахъ первѣйшіе виртуозы.

Сдѣлавъ кругъ по Швейцаріи, удовлетворя любопытство, Великая Княгиня поспѣшала увидѣть своихъ родителей. Всѣ братья и сестры ея жили въ соединеніи, рѣдкое сіе [illegible] какъ будто одною душею, восхищалась присутствіемъ кровной госпьи, и пря-

мая любовь, сердечная радость, простота въ обхожденіи превосходили пышность, учтивости въ другихъ мѣстахъ. Пребываніе тутъ болѣе двухъ мѣсяцовъ показалось скоротечными часами.

Въ Парижѣ путешественники остановились въ домѣ своего Посланника Князя Боряпинскаго; Людовикъ XVI при первомъ свиданіи встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ дворца. Онъ старался оказать всевозможныя пріятности, разпредѣлялъ время на утѣхи; спектакли, балы, концерты не прерывались, были разныя кадрили, сама Королева танцовала въ балетѣ, и Принцъ Конде далъ великолѣпный праздникъ. Цесаревичъ и его супруга полюбили Версайлль, проводили въ немъ по нѣскольку дней; дворъ часто туда за ними слѣдовалъ, учреждалъ въ Тріанонѣ завтраки, пріятельскіе безъ околичностей ужины; играли соотвѣтственную случаю піесу: *другъ дома*, и славные водометы шумѣли въ иллюминованномъ вертоградѣ.

Объѣхавъ потомъ Голландію, они послѣ 14 мѣсячнаго отсутствія возвратились чрезъ Ригу въ Петербургъ.

При семъ то путешествіи открылся ко-

среди мира и славы Екатерина постепенно Годы
оправляла свои предпріятія, ни какую часть 1782.
оставляла безъ вниманія, и каждая выхо-
ла изъ рукъ ея, или вновь сотворенною,
переобразованною соотвѣтственно цѣло-
составу.

Отправлены отъ Академіи три экспеди-
и въ разныя стороны для Астрономическихъ
блюденій (въ прошедшемъ году). — Чтобъ
запращенную недавно Бѣлоруссію освободить
отъ полной зависимости Папы, учредила Ка-
олическое Архіепископство, назначила гла-
ою духовенства Сестренцевича, придавъ ему
Коадьюкторы Бениславскаго, и они только
въ важныхъ случаяхъ относились къ Преемнику
етра Апостола.—Пій VI вознегодовалъ, пре-
валъ повиновенія; но прибывшій потомъ отъ
его Нунцій Аркетти подтвердилъ изволеніе
катерины. Езуиты, изгнанные отвсюду, наш-
и въ одной Россіи себѣ пристанище. Они завели
въ Полотскѣ Митрополію для всего ордена,
рисягнули въ вѣрности, открыли науки, ху-
жества, издѣлія,—и Екатерина, приведя къ
иренію пронырливыхъ, опасныхъ монаховъ,
потребила всеобщую къ нимъ ненависть въ
льзу своей Имперіи.

*

Драгоцѣнные минералы и руды во всемъ Государствѣ, въ дачахъ частныхъ людей находимыя, принадлежали казнѣ, не имѣвшей возможности добывать сокровища сіи изъ нѣдръ земли, отъ взоровъ ея удаленныхъ; владѣльцы мѣстъ не смѣли къ нимъ прикасаться; и посему богатства царства ископаемаго, сіи клады отъ природы оставались безполезными. Отмѣнили это стѣснительное право;—и злато, сребро выступили наружу, умножили богатство, обращеніе монетъ.—Опредѣлено устройство дорогъ, безъ отягощенія подданныхъ, и подготовлялись сообщенія путей для торговли. — До того времени не вѣдали ни Полиція своихъ правъ, ни обыватели своихъ обязанностей, все дѣлалось по умозрѣнію, догадкамъ,—повиновались одной силѣ; и Екатериною данъ уставъ Благочинія. Объяснено какъ надзирать за нравами, какъ прекращать развратъ, обманы, игры и все подобное сему. учреждены Словесные Суды для разбирательства мелкихъ распрей, Маклеры для записыванія условій, наймовъ, подрядовъ. Не трудно себѣ представить какого попеченія, коликихъ трудовъ стоило приведеніе вещей въ новый порядокъ! — Женской полъ щегольствомъ подрывалъ благосостояніе семействъ,

прелести его окупались умноженіемъ долговъ, и послѣдовало единообразное постановленіе. Объявлено, чтобъ Госпожи, имѣющія пріѣздъ ко двору никакихъ накладокъ изъ лоскутковъ и ширѣ двухъ вершковъ не употребляли, сохраняли бы простоту, умѣренность, чтобъ убранства на головахъ были также не свыше двухъ вершковъ. Позволено мущинамъ, женамъ, дочерямъ ихъ носить платья по цвѣтамъ Губерній. — Спасительная и единственная мѣра къ обузданію роскоши!

Екатерина во многомъ походила на Петра Великаго; таже твердость духа, неустрашимость, тотъ же творческой умъ, та же любовь къ народу, и наконецъ тотъ же быстрый полетъ къ безсмертію. Сіе соотвѣтствіе душъ учиняло Петра ея кумиромъ, она любила въ немъ саму себя. Бесѣдовать о его дѣяніяхъ, превозносить его при всякомъ случаѣ, благоговѣть къ нему, составляло ея услажденіе. Она не только не помышляла превзойти его, но даже не равнялась съ нимъ, доказывая то безмолвнымъ исполненіемъ всѣхъ его предначертаній. — Служившіе при немъ пользовались почестями, и казались отблесками уважаемыхъ ею трофеевъ Петра. Крат-

кое между ими разстояніе времени (только 37 лѣтъ), скорая замѣна Великаго Великою были единственными причинами успѣшнаго возхожденія Россіи къ славѣ. Мы уже видѣли высокія ему похвалы въ перепискѣ ея съ Вольтеромъ, поверженіе Турецкаго знамени къ его гробницѣ, сооруженіе мраморнаго храма въ память дня его рожденія, и строгое повелѣніе наблюдать его уставы. Во дворцѣ всякой годъ при торжественномъ молебнѣ въ день Чесменской битвы, послѣ многолѣтія Царскому дому, возглашалась вѣчная память основателю Флота. Она относила къ нему всѣ свои побѣды, присоединяла себя къ кровному съ нимъ родству, и Петръ не умиралъ въ ея душѣ.

Но она признавала чувства свои къ нему еще не вполнѣ удовлетворенными, спремилась ознаменовать оныя принесеніемъ необыкновенной жертвы. Повелѣла воздвигнуть ему великолѣпный монументъ, и цѣлой гранитной скалѣ передвинуться съ болота въ столицу, послужить подножіемъ полубогу. Предпріятіе дерзновенное, но достойное обоихъ геніевъ! Вызвали изъ Парижа именитаго художника Фалконета, отыскали близь деревни Лахты,

въ 6 верстахъ отъ Петербурга, гранитный колоссъ въ длину $6\frac{1}{2}$, въ ширину 3, высотою $3\frac{1}{2}$ сажени, вѣсомъ до 80 т. пудовъ (*), огромнѣе перевезеннаго Императоромъ Константіемъ изъ Александріи въ Римъ (**). Собрали механиковъ, они совѣщались, запрудялись въ перевозкѣ; и простой кузнецъ нашелъ удобное къ тому средство. Сей гранитной острovокъ тащили лошадьми и людьми подкладывая подъ него на дощатомъ полу чугунныя ядра. Такимъ образомъ оный непримѣтно ползъ по равнинамъ и пригоркамъ, имѣя на хребтѣ своемъ кузницу, работающихъ каменщиковъ, переплылъ Неву, и совершилъ путь въ теченіе двухъ мѣсяцовъ.

Г. Рубанъ сочинилъ на сей случай прекрасные стихи, въ нихъ между прочимъ сказалъ:

Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины,
И пала подъ стопы Великаго Петра.

Зрѣлище чудесное, дѣяніе преодолѣвающее природу! Ваяніе памятника сначала не удалось.

(*) Не ручаюсь за вѣрность.—Утверждаютъ, что въ немъ заключаются восточные кристалы, агатъ, топазы, корналины, аметисты.

(**) Сей имѣетъ вѣса только 22,645 пудовъ.

Т. Бецкой, руководствовавшій симъ, доносилъ письменно, что голова Петра и хвостъ лошади худо оплиты, и Екатерина отвѣчала ему изъ Сарскаго Села слѣдующими словами: *Употребите все стараніе пособить этому, иначе скажутъ, что мы дѣлаемъ съ вами вещи безъ головы и хвоста.* — Литейщикъ Хайловъ исправилъ погрѣшность Фалконета, и статуя воспріяла истинной свой видъ.—Наступило время назначенное къ открытію оной. На канунѣ погода была дождливая, сырая, пасмурная, но 7 Августа солнце, какъ бы въ честь Петру, очистило горизонтъ, пустило отъ себя раскаленные лучи, и выстрѣлы возвѣстили торжество.—Вся гвардія и прочія войска стояли подъ ружьемъ, Фельдмаршалъ Князь Голицынъ начальствовалъ ими; тѣснящійся народъ наполнялъ площадь; окна и кровли ближайшихъ домовъ заняты были зрителями, наконецъ показалась и Екатерина на балконѣ Сенатскомъ. Еще высокой заборъ скрывалъ предметъ всеобщаго любопытства; заиграла музыка, сотни барабановъ пустили звучную дробь, упали вдругъ забрала, раздались залпы пушекъ, ружей, приклонились знамена, и Россамъ явился Петръ, скачущимъ на

борзомъ конѣ въ Римской одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, съ разпросперпою рукою и воспоргъ народа излился въ громогласныхъ кликахъ.

Послѣ сего полки проходили передъ нимъ, будто на смотрѣ предъ основателемъ военныхъ силъ Россіи, — и Екатерина низко ему поклонилась. Минута восхитительная, незабвенная въ роды и роды! Екатерина прославляетъ Петра, Мудрая благоговѣетъ предъ мудрымъ, поклоняется ему!

Какое величіе во всей статуѣ, сходство Петра! Какое смѣлое поставленіе коня! Нѣтъ подобнаго памятника во всемъ мірѣ! Вѣсу въ немъ 44,041 — въ хвостѣ съ змѣею 10 т. фунтовъ — высота коня 7 футовъ. Употреблено на перевозъ камня 70 т.— Фальконету съ содержаніемъ въ 9 лѣтъ 74 тысячи—на отливку 17,600, тремъ подмастерьямъ 27,284, Хайлову 2500, всего не щитая мѣди, 424,610 рублей. Надпись златыми литерами гласитъ: Петру I — Екатерина II. — Petro Primo, — Catharina Secunda (*). — Но оба они Велики, и она *не вторая*.

(*) Надпись сочинилъ Алек. Петр. Сумароковъ. Нѣкоторые несправедливо находятъ слово *вто-*

Выбитыя на сей случай золотыя и серебряныя медали съ изображеніемъ Петра раздавали по чинамъ. Старецъ Рейзеръ, служившій при Петрѣ Капитаномъ, надѣленъ щедро, и получилъ изъ рукъ ея золотую медаль. Наконецъ, чтобъ довершить жертву, почтительное воспоминаніе о преобразователѣ, оказаны Манифестомъ многія милости. — Велѣно:

Осужденныхъ къ казни сослать просто въ работу.

Приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію освободить отъ онаго, и отправить не въ каторгу, а на поселеніе.

Казенные иски, перешедшіе на наслѣдниковъ, простить.

Содержащихся по долгамъ казеннымъ и частнымъ болѣе 5 лѣтъ освободить.

Всѣ дѣла, продолжающіяся 10 лѣтъ, прекратить, заключенныхъ въ темницы выпустить.

Воинскихъ, и всякаго званія бѣглыхъ, буде явятся въ теченіе года, простить.

рая тщеславнымъ; но безъ него не было бы полной силы выраженія, и оно невыдуманное, а прилагательное къ ея имени.

Неумышленные начеты до 500 рублей сложить.

Всѣхъ преступниковъ по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ простить, хотя бы и приговоры объ нихъ уже послѣдовали.

Всѣхъ виновныхъ по должностямъ, кромѣ взятокъ, простить.

Сіе дѣяніе съ другимъ, стольже достохвальнымъ, заключило двадцатилѣтнее царствованіе Екатерины. Въ день своего коронованія, 22 Сентября, учредила она для награды Гражданскихъ чиновниковъ за усердную службу, орденъ св. Владиміра, съ раздѣленіемъ его на четыре разряда (*). Первыми кавалерами пожалованы: 1-*й степени*: Князь Потемкинъ, Графъ Румянцовъ Задунайской, Князь Орловъ, Графъ Иванъ Григорьев. Чернышевъ, Фельдмаршалъ Князь Голицынъ, Графъ Никита Ив. Панинъ, Князь Рѣпнинъ, Ив. Иван. Бецкій, Ив. Иван. Шуваловъ, Александ. Андр. Безбородко; 2-*й степени*: — Ген. Маіоръ Потаповъ и Дѣйств. Стат. Совѣтникъ Бакунинъ; 3-*й степени*:— Бригадиры Мавринъ и Лопухинъ, Статскіе

(*) Орденъ Св. Георгія для военныхъ установленъ за 13 лѣтъ предъ симъ.

Совѣтники Экъ, Булгаковъ и Бале; *4-й степени*: — Оберъ Секретарь Сената Полѣновъ и Коллежской Совѣтникъ Власовъ.

Здѣсь къ сшапи показать сколько было кавалеровъ всѣхъ орденовъ до 1796 года.

Св. Апостола Андрея первозваннаго учрежденъ въ 1689 году Петромъ Великимъ; кавалеровъ при немъ было изъ своихъ 21, изъ чужеспранныхъ 13, и первый получилъ оный Ген. Адмиралъ Ѳедоръ Алексѣевичь Головинъ. — При Екатеринѣ Великой прежнихъ, и ею пожалованныхъ 53 (*), первый былъ Адмиралъ Талыгинъ. — Къ 1796 году оставалось 29.

Св. Великомученицы Екатерины учрежденъ въ 1714 году Ноября 24 Петромъ Великимъ въ честь и память славнаго подвига его супруги при несчастномъ положеніи у рѣки Пруша, и потому названъ оный еще орденомъ *Свобожденія*. При немъ было только два кавалера: Княгиня Меньщикова и что весьма примѣчательно, супругъ ея. — При

(*) Разумѣется по все царствованіе 34 лѣтъ, и сіе также относится до всѣхъ другихъ орденовъ.

Екатеринѣ Великой были изъ прежнихъ Княгиня Боряпинская и Графиня Воронцова. — Ею пожалованы Княгиня Дашкова, Графиня Разумовская, двѣ Графини Румянцовы, мать и супруга Задунайскаго, Княгиня Орлова, Анна Никит. Нарышкина и Графиня Браницкая— къ 1796 оставались двѣ, Нарышкина и Браницкая, — Шпатс-дамами находились: Матюшкина, Княгиня Дашкова, Нарышкина, Графиня Чернышева, Графиня Браницкая, двѣ Графини Скавронскія, свекровь съ невѣсткою, Графиня Шувалова, Потоцкая и двѣ Графини Салтыкова — Фрейлинъ 18, у младшихъ дворовъ 6.

Св. *Александра Невскаго*—учрежденъ Императрицею Екатериною I въ 1725 году (*), первымъ кавалеромъ поступилъ Фельдмаршалъ Лессіи. — При Екатеринѣ Великой было кавалеровъ прежнихъ 56, ею пожалованныхъ и въ живыхъ по 1796 годъ 80 — старшимъ изъ нихъ при началѣ ея царствованія былъ Графъ (потомъ Князь) Орловъ.

(*) Не извѣстно для чего она не назвала оный орденомъ св. Петра въ честь своему безсмертному супругу.

Св. Анны учрежденъ въ Голштиніи Герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, въ честь его супруги, дочери Петра Великаго Анны Петровны въ 1735 году; къ Россіи присоединенъ въ 1742 и первымъ у насъ кавалеромъ былъ Михайла Ларіоновичь Воронцовъ. — При Екатеринѣ Великой пожаловано и съ прежними къ 1796 году находилось 181.

Св. Георгія Побѣдоносца учрежденъ въ *1769* году Екатериною Великою по случаю войны съ Турками. При ней были кавалерами I степени Графъ Румянцовъ Задунайской — Графъ Орловъ Чесменской—Князь Долгорукой Крымской — Графъ Панинъ — Князь Потемкинъ Таврической — Князь Рѣпнинъ — Чичаговъ— и Графъ Суворовъ Римникской (*).—Къ 1796 году оставалось ихъ *5*.

Второй степени къ 1796 оставались въ живыхъ: Графы Орловъ, Ив. Петр. Салтыковъ, Каменской, Князь Прозоровской Принцъ Нассау, Самойловъ.— Кн. Вас. Вас. Долгорукой.—Дерфельденъ. — Адмиралъ Крузъ — Вице-

(*) Къ числу имѣвшихъ прозванія къ фамиліямъ принадлежитъ еще Баронъ Миллеръ Закомельской.

Адмиралы Повалишинъ—Ушаковъ—Рибасъ—Генералы Германъ—Пав. Серг. Потемкинъ—Гудовичь—Князь Волконской—Голенищевъ Кутузовъ — Князь Серг. Ѳедор. Голицынъ — Марковъ—Денисовъ—Кнорингъ—и Баронъ Ферзенъ.

Третьей степени 70, первый по списку Генералъ Гропенгельмъ.

Четвертой степени всѣхъ 710, старшій по списку Генералъ-Маіоръ Паткуль.

Св. Владиміра.—До 1796 кавалерами были первой степени: Графы: Румянцовъ Задунайской, Ив. Григ. Чернышевъ Князь Рѣпнинъ, Бецкой—Графы Шуваловъ, Безбородко, Остерманъ, Мусинъ Пушкинъ, Воронцовъ, Суворовъ, Шпакельбергъ—Ганибалъ, Пав. Серг. Потемкинъ, Кашкинъ, Якоби—Гр. Завадовской, Князь Мещерской, Кутузовъ — Игельстромъ, Гудовичь, Гр. Николай Ивановичь Салтыковъ, Еропкинъ, Гр. Алексѣй Иван. Пушкинъ, Гр. Ив. Петр. Салтыковъ, Каменской, Архаровъ, Тутолминъ, Самойловъ, Поповъ, Гр. Семенъ Роман. Воронцовъ—Курдвановской, Кн. Юрій Владим. Долгорукій — Энгельгардъ, Дурново—Ник. Семен. Мордвиновъ, Графъ Сиверсъ, Аркадій Иван. Марковъ, и Кн. Сергій Ѳедор. Голицынъ.

Второй степени 166, старшимъ по спи-ску Булгаковъ.

Третьей степени 160, старшимъ Тайный Совѣтникъ Князь Алексѣй Иван. Гагаринъ.

Четвертой всѣхъ 1012, старшимъ Дѣйств. Статской Совѣтникъ Поляковъ.

И того всѣхъ орденовъ 2476 ковалеровъ.

Вооруженный неутралитетъ постепенно укрѣплялся; Франція и Пруссія присоединились къ Императрицѣ, и притѣснительное Англичанъ на моряхъ властительство прекратилось. Фридрихъ II пишетъ о томъ къ Д'Аламберту: *единый сей морской уставъ содѣлалъ бы имя ея безсмертнымъ. Она защищаетъ Нептуна, возвращаетъ ему похищенный трезубецъ. Она по примѣру Людовика XIV могла бы на картинѣ въ своихъ чертогахъ изобразить себя законодательницею морей, съ влекомою за ней толпою укрощенныхъ пиратовъ, которыхъ мудростію умѣла приковать къ торжественной своей колесницѣ.*

Съ дружественною намъ Даніею возобновленъ трактатъ на 12 лѣтъ.

Въ Голландіи оказались безпокойства. Штадгальтеръ ссорился съ Правительствомъ; Прус-

сія вступилась за Оранскую Принцессу, сестру Короля, Франція также вмѣшалась въ дѣло сіе, но ничего важнаго не послѣдовало.

Въ Крыму Чагимъ-Гирей изгналъ Хана Сагима, Екатерина опять его возстановила, и флотъ, стрегущій Азовское море, возпрепятствовалъ Туркамъ прійти на помощь бунтующимъ.

Война въ Америкѣ продолжалась съ перемѣнными успѣхами. Англичане овладѣли всѣми землями Голландцевъ въ Индіи, въ Малабарѣ, Короманделѣ, Нагапатамѣ и Цейланѣ. Родней взялъ 1 Апрѣля 5 Французскихъ кораблей, въ томъ числѣ — называемый Парижемъ, и Адмирала ихъ привезъ плѣннымъ въ Лондонъ. — Французы покорили островъ Св. Христофа и Монтъ-Серратъ, Лордъ Мюррай сдался имъ обще съ Гишпанцами въ Миноркѣ.—Сорокъ кораблей двухъ народовъ осаждали Гибральтаръ, изобрѣли пловучія батареи; но Елліотъ успѣлъ защитить Адмирала Гове, и отвратилъ покушенія. Людовикъ XVI, покровительствуя Колоніи, разсрочилъ долгъ ихъ, 18 милліоновъ, на 12 платежей и уступилъ накопившіеся проценты. Столько неудачь Англичанамъ, потеря Флориды, острова Св. Маврикія, раздѣленіе силъ для нападенія и

Голы обереженія собственныхъ береговъ, чрезмѣрные расходы, дружное ополченіе ихъ непріятелей принудили Министровъ удалиться, отъ должностей и на мѣста ихъ поступили: Рокингамъ, Шельнбурнъ и Питтъ. Начались въ Парижѣ переговоры о мирѣ, и къ удивленію во время споровъ, разсужденіи получили вѣсть, что Генералъ Карльстонъ 13 Сентября объявилъ независимость Сѣверной Америки. — Англія старалась при семъ случаѣ показать, что согласилась на то не принужденно, а по своему произволу.

1783. Чрезъ 4 потомъ мѣсяца собрались опять въ Парижъ для окончательныхъ переговоровъ уполномоченные: отъ Россіи—Князь Баряпинскій и Марковъ, отъ Австріи—Графъ Аржанте, отъ Франціи—Верженнъ, отъ Англіи—Герцогъ Манчесперъ и Гейлерсъ, отъ Гишпаніи—Графъ Аранда, отъ Голландіи—Лестевенонъ и Брантсценъ.— Происходили жаркія разпри; Голландцы требовали оставленія за собою завоеваній и вознагражденія убытковъ, Гишпанцы другихъ земель, Англія спилась удержать все завоеванное въ Индіи и Нагапатамѣ. Наконецъ 9 Генваря въ Версайлѣ подписали миръ утвердили желаемое Англіею, а она уступила: Франціи въ замѣнъ С. Доминга островъ Табаго, Гишпаніи Минорку и двѣ Фло-

риды. Постановили 13 Американскимъ провинціямъ на вѣчныя времена быть вольными, Король Георгъ поручился въ томъ за себя и преемниковъ своихъ; назначили границы сего новаго Царства отъ 31 до 46 градуса широты, въ длину на 70 т. Нѣмецкихъ милль. — Предоставленъ Американцамъ свободный рыбный промыслъ въ новой землѣ, въ заливѣ Св. Лавреншія, и повсюду, гдѣ они прежде занимались симъ. Согласились размѣнять плѣнныхъ, возвратить отнятыя имущества гражданъ, и архивы. Плаваніе по рѣкѣ Миссиссипи предоставлено обоимъ народамъ, и все прочее возобновлено по Вестфальскому положенію 1763 года.

По сему миру Англія лишилась большей части Америки, но тамошнія колоніи, кромѣ частной монополіи, не приносили ей существенныхъ выгодъ, по новому же положенію послѣдовали инаго рода выгоды обѣимъ сторонамъ. Флаги Англичанъ уже безпрепятственно развѣвались на водахъ, оспориваемыхъ Голландіею.—Франція избавилась чуждаго надзора за Дункеркомъ, и получа Табаго, завоеванія въ Сенегалѣ, оживила померкшую свою славу.

Такимъ по образомъ пресѣклась война, подобная отторженію Нидерландовъ, отъ Испаніи,

погубившая нѣсколько тысячь людей. Мы увидимъ, какое положила она пагубное основаніе безначалію, Якобинству, поврежденію нравственности, и что она послужила краеугольнымъ камнемъ къ невѣроятному перевороту почти во всѣхъ Государствахъ Европы.

Просвѣщеніе въ Россіи быстро возрастало, обращали неослабное вниманіе на всѣ его отрасли. Воздвигнуто великолѣпное зданіе для Академіи художествъ и прибавлена сумма Московскому Университету.

Штатъ Морскаго Корпуса умноженъ до 600 юношей, Сухопутный же, можно сказать, получилъ перерожденіе. Прежде оный соединялся съ Первымъ и еще Артиллерійскимъ корпусами, кои вмѣстѣ состояли изъ 8 ротъ пѣхотныхъ и одного коннаго эскадрона, всего изъ 920 человѣкъ; принимали въ кадеты отъ 13 до 18 лѣтъ, даже женатыхъ, для выпусковъ не было постоянныхъ правилъ, ни опредѣленнаго времени. При самомъ началѣ царствованія Екатерины Сухопутный Корпусъ отдѣленъ, штатъ его увеличенъ до 600 воспитанниковъ, въ 1766 данъ ему уставъ, съ наименованіемъ его Императорскимъ Сухопутнымъ Шляхетнымъ, и Генералъ Директоромъ опредѣленъ Дѣйствительный Тай-

ный Совѣтникъ Иванъ Ивановичь Бецкій, подъ непосредственнымъ вѣденіемъ Государыни. Велѣно принимать воспитанниковъ не старѣе 6 лѣтъ, вмѣсто ротъ раздѣлили ихъ на 5 возрастовъ, и кадеты оставались въ немъ 15 лѣтъ. Содержаніе увеличено, отпускали по 165 т. рублей на годъ, назначили лучшихъ учителей, давали спектакли, балы, на которые съѣзжались дѣвицы Смольнаго монастыря, родныя и направляли воспитанниковъ къ ловкости, къ свѣтскому приличію. Въ семъ году прилагали еще болѣе объ немъ попеченія.

Училище при Лютеранской церкви Св. Петра признано главнымъ Народнымъ Нѣмецкимъ, и дарованы ему преимущества. Оно донынѣ превосходитъ всѣ прочія.

Предписано преподавать Латинскій, Греческій, Арабскій и Китайскій языки въ школахъ.

Отряжено нѣсколько чиновниковъ къ Графу Шувалову для составленія записокъ о Россійской Исторіи.

Воины во всей арміи имѣли одежду, съ Прусскаго образца, неблаговидную; ее перемѣнили на щегольскую, спокойную, приличную для Россіянъ и сопряженную съ меньшими расходами (*).

(*) Попеченіемъ Князя Потемкина.

Изданъ уставъ къ устройству регулярной конницы.

Императорской домъ былъ 29 Іюля обрадованъ рожденіемъ первой Великой Княжны Александры Павловны (*). Сія прелестная, порфироносная дѣва, украшеніе женскаго пола, увяла потомъ какъ роза на стеблѣ, окончила жизнь свою въ цвѣтущей молодости, къ горести Россіи и Австріи, ее воспріявшей.

Колеблемая нерѣшимостію Порта взирала на Россію злобно, желала бы возстать противъ нея; но опасалась союза Екатерины съ Австріею и Пруссіею: другія державы лишь прекратили взаимную борьбу, не могли оказать ей помощи, и потому Порта вновь подтвердила миръ, который впрочемъ не долго существовалъ.

Здѣсь предстаетъ необыкновенное событіе, которому способствовало состояніе Европы. Еще при Кайнарджи въ 1774 году предполагалось пріобрѣтеніе Крыма; Султанъ и всѣ Европейскіе первостепенные Кабинеты уступку Керчи, Енколя, Кинбурна, сіи врата въ страны древней Греческой Имперіи, почитали не-

(*) Тогда Гатчина подарена Цесаревичу, ея родителю.

важною, служащею только къ охраненію нашей торговли по Черному морю; но мудрая дальновидность скрывала отъ нихъ тайну. Предсталъ благопріятный случай; Англія отъ войны за Америку вошла въ чрезмѣрные долги, Франція равномѣрно потерпѣла отъ того сильное потрясеніе, оба Государства, отдыхая послѣ кровопролитія, не имѣли средствъ противиться, и Екатерина приступила къ исполненію своего предпріятія. Умѣть пользоваться обстоятельствами, употреблять полныя мѣры есть верьхъ тонкой политики.

Возстановленный нами Ханъ Сагимъ Гирей не нравился Татарамъ за то, что взялъ Русскаго повара, обѣдалъ за столомъ, а не на скамейкѣ, ѣздилъ въ каретѣ, и вводилъ новые обычаи. Находящихся при немъ уполномоченныхъ отъ Россіи Василевскаго и Константинова подозрѣвали вредными совѣтниками, и вспыхнуло пламя раздора. Батый-Гирей, братъ Хана, осадилъ его въ Кафѣ, принудилъ удалиться въ Таганрогъ, но нашъ Дворъ опять вручилъ ему власть. Султанъ вознегодовалъ; явился его Паша съ Янычарами и Спагами въ Таманѣ, и присланному

отъ Хана для переговоровъ отрубилъ голову. Сагимъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, подкрѣпляемый Императрицею, защищалъ свои права, и требовалъ притомъ возвращенія Очакова, въ древности принадлежавшаго Крыму. Между тѣмъ возмущенія не утихали, и несчастный Сагимъ, преслѣдуемый своимъ кровнымъ, ненавидимый подданными, не надѣясь на всегдашнюю защиту отъ Россіи и страшась Турокъ, вручилъ свой скипетръ Екатеринѣ. Онъ съ пансіономъ по 800 тысячъ переселился въ Россію, наши полки вступили съ Генераломъ де Бальменомъ въ Тавриду, и Мурзы, Иманы, всѣ Татары присягнули близъ Карасубазара на вѣрность Россіи. Такимъ образомъ цѣлое царство, именитое еще до Р. Х., гдѣ владычествовали Греки, Римляне, и гдѣ горделивый Митридатъ, доведенный до крайности, лишилъ жизни себя и Мониму, нѣжную свою супругу, приобрѣтено, можно сказать, однимъ почеркомъ пера. Успѣхъ въ семъ принадлежитъ Князю Потемкину, который въ вознагражденіе получилъ лестное наименованіе Таврическаго.

Для чего, спросимъ мы теперь, иностранные, особенно же Французскіе писатели, безъ

соображенія обстоятельствъ и причинъ, съ такою дерзкою опрометчивостію клевещутъ Екатерину за раздѣлъ Польши, и мало говорятъ о Крымѣ? И то и другое произошло отъ могущества Россіи, отъ слабости другихъ Государствъ, — и то и другое совершилось одинакимъ порядкомъ. Не служитъ ли это явнымъ знакомъ зависти, пристрастія и того, что бредъ легче доказательствъ?

Дадимъ читателямъ понятіе о сей классической, обѣтованной землѣ.

Первыми обитателями здѣсь были Тавры; въ томъ удостовѣряетъ насъ самое названіе сей страны Тавридою. Убѣжище къ Таврамъ гонимой Ифигеніи, странствованіе къ нимъ Язона съ Аргонавтами суть древнѣйшія о ней преданія. Тавры были весьма дики, и даже безчеловѣчны; никто изъ чужестранцевъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе у ихъ береговъ, не избѣгалъ смерти; они приносили ихъ въ жертву Дѣвѣ (Ифигеніи), отъ чего Черное море называлось (Pontus Auxinos), негостепріимнымъ. — Кимвры или Кимеры, вышедшіе изъ Ютландіи, покорили, разсѣяли ихъ, овладѣли Таманью отъ рѣки Кубани до Днѣстра, и отъ имени нихъ проливъ именовался Ким-

мерійскимъ. Скиѳы (*) одолѣли Киммеріанъ, водворились посреди ихъ, и опъ смѣшенія ихъ съ прежними Таврами, полуостровъ получилъ имя Тавро-Скиѳіи. — Въ концѣ V вѣка предъ Р. Х. Греки стали заводить въ ней свои селенія; Іоняне, изъ малой Азіи, построили Фанагорію — Милетцы Пантикапею (Керчь)— Ѳеодоссію (Кафа)—Геракліане Мегариче (Херсонисъ). Они вели знаменитую торговлю съ городами Ольвіею (нынѣ сто могилъ при Бугскомъ Лиманѣ — Графа Безбородко) и Танаисомъ при устьѣ Дона. Владѣніе Херсонцевъ заключалось между Инкермана и залива Симболическаго (Балаклавы) на 12 только верстъ длины и сколько же широты; и на семъ то уголкѣ блаженствовала, процвѣтала довольно сильная Республика, управляемая своими Протевонами.—Прочіе Греки имѣли отдѣльныя владѣнія. Однако Херсонцы не могли оставаться спокойными; внутри владычествовали варварскіе народы, и притѣсняемые отъ нихъ прибѣгли къ защитѣ Митридата, Понтійскаго Царя. Сей подъ предлогомъ помощи завла-

(*) Во время Плинія ихъ оставалось тутъ до

дѣлъ Керчинскимъ полуостровомъ, и учредилъ столицами, въ Европѣ Керчь, за проливомъ же въ Азіи — Фанагорію. Честолюбивый побѣдитель дерзнулъ возстать на Римлянъ, но пораженъ Помпеемъ, и преслѣдуемый изъ одного мѣста въ другое умертвилъ себя. Римляне, прежде только покровительствовавшіе Грековъ, но съ этого времени начали признавать ихъ уже своими подданными, и послѣдовали разныя измѣненія въ управленіи ими. — Траянъ совершенно подчинилъ себѣ Тавриду, Адріанъ отступился отъ нее, и она то отходила отъ Римлянъ, то опять присоединялась къ нимъ.

Въ концѣ IV вѣка по Р. Х. вторгнулись въ нее Сарматы и Гунны. Юстиніанъ I освободилъ отъ нихъ Тавриду.—Въ VII вѣкѣ явились Казары, властвовали до IX вѣка, отъ чего страна называлась Казаріею. — Когда оная поступила опять во власть Грековъ, Великій Князь Владиміръ пришелъ туда съ воинствомъ, взялъ Херсонисъ, Ѳеодоссію и Тмутараканъ (Тамантархію). Извѣстно что Императоры, Василій, Константинъ, опасаясь его приближенія, вступили съ нимъ въ переговоры, онъ крестился во храмѣ Св. Бого-

матери, коего основанія еще существуютъ, сочетался бракомъ съ ихъ сестрою, Царевною Анною, и возвратя все завоеванное, оставилъ за собою только Тмутараканъ, гдѣ его преемники владѣли до XI столѣтія. Наконецъ Печенеги отняли у Императоровъ Тавриду, у нашихъ Князей Тмутараканъ, а послѣ ихъ Половцы и Комане владычествовали тамъ до 1233 года.

Батый, внукъ Чингисъ-Хана, обладатель Кипчакской Орды между Яика и Волги, побѣдилъ, разсѣялъ Половцевъ, Команъ, и вотъ начало здѣсь Татаръ. Венеціане съ позволенія Хановъ учредили въ Тавридѣ свои колоніи, богатые промыслы; Генуесцы, покровительствуемые Императоромъ Михайломъ Палеологомъ, вытѣснили ихъ, обратили къ себѣ всю торговлю, но и тѣ, и другіе постепенно удалялись, изчезали. Наконецъ Магометъ II, взявъ въ 1453 году Царьградъ, разруша Византійскую Монархію, сдѣлалъ своимъ данникомъ Хана и содержалъ гарнизоны въ приморскихъ городахъ. Въ семъ положеніи оставался Крымъ до присоединенія его къ Россіи.

Перекопъ съ тридцатью или сорока хижи-

нами стоитъ при самомъ предѣлѣ полуострова, предъ нимъ глубокой ровъ, простирающійся на 7 верстъ и примыкающій къ двумъ морямъ. Одинъ подъемный мостъ служитъ входомъ и выходомъ полуострова, подобно двору, съ высокими оградами, въ которомъ хозяинъ, заперши калитку, ложится спать спокойно. Поврежденныя стѣны крѣпости напоминаютъ о славномъ подвигѣ Долгорукаго и Россійскихъ воиновъ.

Армянской базаръ, въ 4 верстахъ, отъ Перекопа превосходнѣе онаго, въ немъ по крайнѣй мѣрѣ можно найти первыя потребности жизни. Гора Чатырдагъ (или Палатъ гора) какъ бы, сторожитъ границы прелестной страны, и въ 80 верстахъ освѣщенные ея уступы уже довольно ясно означаются. Отъ Перекопа начинается гладкая равнина, покрытая солончаками, тощею вершка въ два травою, и на всемъ разстояніи, 132 верстъ, кромѣ двухъ селеній, нѣтъ иныхъ жилищь, ни пригорка, ни ручейка, ни одного деревца. Раскаленное свѣтило безпрестанно палитъ ее, не даетъ прохлады; природа, кажется, не обращаетъ вниманія на сіи мѣста, родъ смертныхъ гнушается ими; уныніе, грусть и безмолвіе избрали ихъ въ обиталище себѣ. Сія Палестина налагаетъ тяж-

кую дань на путешественника! — Это
вище оберегающее Райскія красы!

Верстъ за 6 до Симферополя (Акм
декорація вдругъ, какъ на театрѣ, п
няется; показываются мечети, мина
тирамидальные тополи, зеленѣющіеся са
тятся журчащіе родники, непостоянны
гиръ рябитъ по камушкамъ, и все ка
вѣщаетъ: *не все здѣсь пусто, плачевно,
ближся и посмотри.*—Обольщенные гл
вѣрятъ появленію, съ жадностью устр
ются къ роскошнымъ предметамъ, и н
ваніе претворяется въ радость. Но цѣп
разныхъ отрѣзовъ, видовъ, выставляющая
ныя свои вершины, и воздымающійся надъ
до облаковъ Чатырдагъ, заслоняютъ
восхитительную приморскую полосу.
ущельяхъ сихъ возвышенностей заключа
господскія дачи, сады, виноградники, г
Карасубазаръ, Бакчисарай и опустѣлый
рый Крымъ.

По берегу Чернаго моря простирается на
верстъ въ длину та прекраснѣйшая примор
полоса, о которой мы выше упомянули. На од
ея концѣ находится Ѳеодосія, надежная въ
ности жительница Цареграда, съ отличной

ванью, нынѣ пришедшая въ великой упадокъ, почти безъ торговли, и осташками разрушенiи напоминающая о прежнемъ своемъ величiи;—далѣе—осиротѣвшiй Судакъ, на неприступномъ, чрезмѣрной высоты холмѣ, поражаетъ взоръ. Тропинка, ведущая къ башнѣ, представляетъ мучительное восхожденiе; каждый шагъ угрожаетъ гибелью; стѣны оной внутри покрыты именами посѣщающихъ. Балаклава съ заливомъ занята военными Греками. — На другомъ концѣ моря встрѣчаешъ Севастополь, превосходнѣйшiй, неуступающiй Магонскому портъ, въ которомъ пребываетъ флотъ.—Сiе поприще составляетъ великолѣпнѣйшее зрѣлище, единственный въ мiрѣ уголокъ. Природа, кажется, употребила здѣсь всѣ усилiя, чтобъ показать свое могущество, пощеголять искусствомъ. На что ни взглянешъ, повсюду живописные виды; повсюду очарованiе, изумленiе, и услажденная душа паритъ съ благоговѣнiемъ въ горняя, мысленно отыскиваетъ Творца. Тутъ разбросаны по скатамъ деревеньки съ красивыми тополями, надъ ними висятъ скалы, горы обнаженныя или увѣнчанныя лѣсомъ; катятся чистые родники, утесы къ морю склоняются, являются на нихъ площади съ отъемны-

ми рощицами. — Тутъ распустъ на вольномъ воздухѣ финги, миндаль, персики, априкосы, превкусныя груши, оливки, гренаты, кедры, лавры, кипарисъ. Виноградъ вьется по деревьямъ, и каперсы устилаютъ собою цѣлый берегъ. Въ каждомъ селеніи у проспаго Татарина прихотливый, царской виноградъ, — все цѣлое есть драгоцѣнность, богатая пеплица для Россіи.

Въ одно время съ пріобрѣтеніемъ Крыма, Князь Потемкинъ Таврической много содѣйствовалъ къ принятію подъ покровительство Россіи Ираклія, Царя Грузинскаго. Въ условіяхъ трактата постановлено *быть* ему всегда готовымъ на службу, преемники его утверждаются на престолъ Императорскимъ соизволеніемъ, купечеству взаимно предоставлена свободная торговля, и первенствующій Архіепископъ (Каполикосъ) признанъ членомъ Всероссійскаго Синода.

Императрица изъ предосторожности, чтобъ въ случаѣ объявленія войны Портою, не возстали въ тоже время Шведской Король, пожелала имѣть съ нимъ свиданіе въ Фридрихсгамѣ, городкѣ за полвѣка предъ симъ принадлежавшемъ его предкамъ. Какое

непріятное воспоминаніе! Два дома, назначенные къ пребыванію Высокихъ гостей, соединили переходами для удобнаго сообщенія. Туда прибыла Екатерина съ Графомъ Ив. Григор. Чернышевымъ, Безбородкою, Нарышкинымъ, Княгинею Дашковою; Густавъ съ Графомъ Крейцомъ, Генераломъ Армфельдомъ и Мункомъ. Совѣщанія продолжались 4 дни, и окончились увѣреніями въ дружбѣ только на словахъ;—гость скоро нарушитъ данное обѣщаніе. Одни окружавшіе Монарховъ получили полезныя ратификаціи; Крейцу данъ портретъ Императрицы съ алмазами, Дашкова приобрѣла званіе члена Стокгольмской Академіи.

Примѣчательные указы въ сіе время.

1780. Крѣпости совершаемыя, женами въ пользу мужей, и обратно мужьями въ пользу женъ, не признавать за акты.

Чтобъ священники при наложеніи Эпитимій были осмотрительнѣе.

О воспитаніи въ Бѣлоруссіи дѣтей, коихъ родители разныхъ исповѣданій, сыновей — въ отцовскомъ, а дочерей въ материнскомъ.

1781. О доставленіи пропитанія нищимъ.

О свободномъ промыслѣ ревенемъ.

Изданъ уставъ о купеческомъ мореходствѣ.

О нечиненіи никакихъ сборовъ безъ именныхъ указовъ.

О невѣнчаніи малолѣтныхъ съ возрастными дѣвицами.

1782. Объ открытіи больницы для прилипчивыхъ болѣзней.

Не дѣлать пристрастныхъ допросовъ.

О строеніи Пушевыхъ дворцевъ.

Изданъ уставъ Тульскому Оружейному заводу.

О утвержденіи рѣшеній Генералъ-Губернаторами, Губернаторами по дѣламъ нижнихъ военныхъ чиновъ, представляя Военной Коллегіи только по важнымъ.

1785. О неприниманіи въ Смирительные и рабочіе домы слугъ, уже наказанныхъ *господами*.

О запрещеніи отпускать на волю престарѣлыхъ людей.

О прививаніи оспы Въ Выборгской Губерніи.

О позволеніи заводить частныя типографіи по городамъ.

О присылкѣ отъ всѣхъ вольныхъ типографій въ библіотеку Академіи Наукъ каждаго сочиненія по одному экземпляру.

О продажѣ соли по 35 копѣекъ за пудъ.

О сборѣ съ купечества по 500 рублей за рекрута.

О заведеніи въ Крыму суконной фабрики.

О невѣнчаніи Русскихъ дѣвицъ съ Католика-

ми и Уніятами въ степеняхъ родства, запрещенныхъ Греко-Россійскою вѣрою.

О доставленіи Императрицѣ дважды въ мѣсяцъ донесеніи о состояніи Губерній.

О переселеніи Нагайцевъ на Уральскую степь.

О учрежденіи Хирургической школы при Калинкинской больницѣ.

О недозволеніи перекупки дровъ.

1784. О учрежденіи Губернскаго города Екатеринославля.

О воспрещеніи винокуренія офицерскимъ чинамъ изъ однодворцевъ.

Издана форма полному титулу Императорскому.

Учреждено Намѣстничество въ Тавридѣ.

О не принятіи споровъ на купчія по истеченіи двухъ лѣтъ.

Учреждена Петербургская частная верфь.

Образовано ученіе въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусахъ.

Открыта свободная торговля въ Херсонѣ, Севастополѣ и Ѳеодосіи.

Даны права Россійскаго Дворянства Мурзамъ

О призрѣніи заслуженныхъ солдатъ.

О состояніи войска изъ Крымцевъ.

Объ оправленіи въ отдаленное плаваніе Капитана Ганибала за женидьбу при живой женѣ.

О писаніи обязательствъ въ уѣздныхъ городахъ до 100 рублей.

*

Воспрещено пускать воздушные шары, по случаю приключеній отъ жаровень и горючихъ веществъ, отъ 1 Марта до 1 Декабря.

О упиерженіи Папскихъ Буллъ.

Гатчина наименована городомъ.

О уничтоженіи безденежныхъ крѣпостей.

О неперекупѣ съѣсныхъ припасовъ.

О преподаваніи Русскаго языка въ Ригѣ и Ревелѣ.

О учрежденіи Университета въ Екатеринославлѣ.

Объ изслѣдованіи мелей въ рѣкахъ.

О учрежденіи Коммиссіи для канцелярскаго порядка.

Объ отправленіи въ чужіе краи воспитанниковъ изъ Горнаго Училища.

О стальной фабрикѣ въ Сибири.

ГЛАВА VI.

Побѣгъ Татаръ изъ Крыма.—Запорожцы на Таманѣ. — Цари Кахетинскій и Имеритскій признаютъ себя подданными. — Екатерина препятствуетъ Фридриху завладѣть Данцигомъ. — Распри Іосифа съ Голландіею. — Послѣдствія отъ того—Утвержденіе Султаномъ Крыма за Россіею. — Терпимость вѣръ въ Россіи, угощеніе духовникомъ Екатерины пасторовъ. — Дворянская Грамота. — Права купечеству. — Сношенія съ Китаемъ. — Иностранные Послы. — Обозрѣніе Екатериною Вышневолоцкаго судоходства.—Трактатъ съ Франціею.—Путешествіе въ Москву.—Уничтоженіе словъ раба и бью челомъ.—Неудовольствія отъ многихъ Дворовъ на Императора.—Рожденіе Великой Княжны Маріи Павловны.—Долги Россіи. — Пожертвованія на полезные предметы.—Биллингсъ. — Заемный банкъ.—Кончина Фридриха, разсужденіе объ немъ.—Путешествіе въ Таврiду. — Манифестъ о поединкахъ. — Путешествіе водою. — Свиданіе съ Польскимъ Королемъ. Вы и ты. — Свиданіе съ Императоромъ. — Онъ съ другими стряпаетъ для нее кушанья. — Крымскіе города, Бакчисарай. — Разговоръ какъ сочинять стихи.—Херсонисъ. — Разлука съ Императоромъ. — Возвращеніе въ Москву. — Милости по случаю празднованія 25 лѣтняго Царствованія.—Начало войны съ Турками.—Письмо о семъ Іосифа.

Годы

Подданство Христіанамъ оскорбило, взволновало Татаръ; но какъ важность состояла не въ нихъ, а въ странѣ: то дали имъ свободу располагать собою, положили низкую, цѣну по рублю съ человѣка, и равнуюжъ съ головы скота, почему многія ихъ тысячи удалились изъ отчизны къ своимъ единовѣрнымъ. Россія тѣмъ 1784.

Воспрещено пускать воздушные шары, по случаю приключеній отъ жаровень и горючихъ веществъ, отъ 1 Марта до 1 Декабря.

О утвержденіи Папскихъ Буллъ.

Гапчина наименована городомъ.

О уничтоженіи безденежныхъ крѣпостей.

О неперекупѣ съѣсныхъ припасовъ.

О преподаваніи Русскаго языка въ Ригѣ и Ревелѣ.

О учрежденіи Университета въ Екатеринославлѣ.

Объ изслѣдованіи мелей въ рѣкахъ.

О учрежденіи Коммиссіи для канцелярскаго порядка.

Объ отправленіи въ чужіе краи воспитанниковъ изъ Горнаго Училища.

О стальной фабрикѣ въ Сибири.

ГЛАВА VI.

Побѣгъ Татаръ изъ Крыма.—Запорожцы на Таманѣ. — Цари Кахетинскій и Имеретскій признаютъ себя подданными. — Екатерина препятствуетъ Фридриху завладѣть Данцигомъ. — Распри Іосифа съ Голландіею. — Послѣдствія отъ того—Утвержденіе Султаномъ Крыма за Россіею. — Терпимость вѣръ въ Россіи, угощеніе духовникомъ Екатерины пасторовъ. — Дворянская Грамота. — Права купечеству. — Сношенія съ Китаемъ. — Иностранные Послы. — Обозрѣніе Екатериною Вышневолоцскаго судоходства.—Трактатъ съ Франціею.—Путешествіе въ Москву.—Уничтоженіе словъ раба и бью челомъ.—Неудовольствія отъ многихъ Дворовъ на Императора.—Рожденіе Великой Княжны Маріи Павловны.—Долги Россіи. — Пожертвованія на полезные предметы.—Биллингсъ. — Заемный банкъ.—Кончина Фридриха, разсужденіе объ немъ.—Путешествіе въ Тавриду. — Манифестъ о поединкахъ. — Путешествіе водою. — Свиданіе съ Польскимъ Королемъ. Вы и ты. — Свиданіе съ Императоромъ. — Онъ съ другими стряпаетъ для нее кушанья. — Крымскіе города, Бакчисарай. — Разговоръ какъ сочинять стихи.—Херсонисъ. — Разлука съ Императоромъ. — Возвращеніе въ Москву. — Милости по случаю празднованія 25 лѣтняго Царствованія.—Начало войны съ Турками.—Письмо о семъ Іосифа.

Годы

Подданство Христіанамъ оскорбило, взволновало Татаръ; но какъ важность состояла не въ нихъ, а въ странѣ: то дали имъ свободу располагать собою, положили низкую, цѣну по рублю съ человѣка, и равнуюжъ съ головы скота, почему многія ихъ тысячи удалились изъ отчизны къ своимъ единовѣрнымъ. Россія тѣмъ 1784.

избавилась отъ недовольныхъ, земли послѣ ихъ поступили въ награду заслугамъ, умножились сады, виноградники, и оставшіеся не раскаевались подъ кроткимъ скиптромъ. Князь Потемкинъ, мудрыми мѣрами коего приобрѣтенъ Крымъ, былъ опредѣленъ верховнымъ начальникомъ онаго съ полною властію. Приступили къ образованію, не прикасаясь къ ихъ обычаямъ, и къ образу жизни, избрали Муфти, Муллъ, не тяготили податями, повинностями, возвратили городамъ прежнія ихъ Греческія имена, и къ утвержденію прочнаго обладанія переселили всѣхъ запорожцевъ на Тамань, подъ названіемъ Черноморцевъ.

Владыки кажется поспѣшали тогда повергать свои вѣнцы къ Россійскому престолу. Цари Кахетинскіи, Имеритинскіи послѣдовали примѣру Хана и Грузинскаго Обладателя, признали себя подвластными Императрицы. Новые сіи подданные охраняли предѣлы Россіи отъ раздраженной Порты и другихъ варварскихъ народовъ; корабли наши безпрепятственно входили въ Дарданеллы, вели торговлю по морямъ: Каспійскому съ Персіею, Индіею—по Черному съ Востокомъ — по Сре-

диземному и Балтійскому со всею Европою— Чрезъ Оренбургъ съ Бухаріею и Хивою— Чрезъ Сибирь съ Америкою и Китаемъ.

Такое состояніе Россіи изумляло всѣ Дворы, но связи нѣкоторыхъ съ нею, собственныя ихъ дѣла воздерживали отъ противодѣйствованія. Фридрихъ домогался присвоить Данцигъ, тѣснилъ городъ; жители, незная что дѣлать, прибѣгали къ Екатеринѣ, Англія ходатайствовала за нихъ, Россія вступилась, и обстоятельство то осталось не рѣшенымъ. Пылкой, честолюбивой Іосифъ въ одно и то же время устремился къ двумъ смѣлымъ предпріятіямъ. Требовалъ отъ Голландцевъ свободнаго плаванія по рѣкѣ Шельдѣ, угрожалъ загражденіемъ по ней пути; Голландцы усилили Маастрихтъ, Пруссія, Франція, Венеція вошли съ протестами, и дѣло кончилось пріобрѣтеніемъ отъ Голландцевъ только десяти съ половиною милліоновъ гульдиновъ.—Іосифъ готовился такъ же къ войнѣ съ Турками, но и сіе предпріятіе отстранилось другимъ. Хотя Екатерина дѣйствовала только словами въ пользу Іосифа, но ея вспомоществованіе возгордило его, онъ замышлялъ новыя несправедливости. Поступалъ съ Германскими Князьями са-

модержавно, послы его въ Ратисбоннѣ не хотѣли засѣдать вмѣстѣ съ Курфирстрами, думали составить изъ себя особое отдѣленіе. Онъ смѣнялъ Епископовъ произвольно, желалъ уничтожить права, званія иностранныхъ изъ нихъ и отдать оныя природнымъ. Срылъ крѣпости въ Нидерландахъ, и выслалъ изъ нихъ гарнизоны Соединенныхъ Провинцій. Въ семъ году предложилъ опять въ Мюнихѣ, чтобъ Палатинъ уступилъ ему Верхнюю и Нижнюю Баварію, Палатинатъ, Ландграфство Лейхтенбергское, за изключеніемъ Намура, Люксамбурга и Нидерландовъ, въ которыхъ бы находились войска его вмѣстѣ съ Баварскими. За сіе обѣщалъ онъ заплатить Курфирстру полтора, Герцогамъ Пфальскимъ—одному милліонъ а другому полмилліона гульденовъ. Открылись сопротивленія отъ духовенства, роптанія отъ Князей.— Посланникъ нашъ на Верхнемъ Рейнѣ склонялъ Пфальскаго къ принятію предложенія, но сей не согласясь, просилъ защиты отъ Фридриха, который чрезъ своихъ Министровъ въ Петербургѣ, въ Версайллѣ протестовалъ несправедливость, и приглашалъ Князей на Конгрессъ.

Порта досадовала на могущество Россіи,

на присоединеніе ея единовѣрцевъ, чернь по улицамъ изрыгала ругательства, провозглашала войну, Англія сердилась за неутралитетъ, и всячески подстрѣкала Порту. Однако Султанъ, опасаясь союзовъ Екатерины съ Австріею и Пруссіею, подписалъ 28 Декабря трактатъ, коимъ призналъ вновь Крымъ, Тамань и Кубань собственностію Россіи; Посолъ его съ увѣреніемъ въ притворномъ дружествѣ прибылъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ безъ кровопролитія, безъ чуждыхъ соучастій приобрѣтены превосходнѣйшія страны. — Щастливый по произшествіямъ годъ окончался радостнымъ рожденіемъ другой Великой Княжны Елены Павловны — 13 Декабря. Годы

Нѣтъ ни одного Государства въ Европѣ, 1785.
въ которомъ бы терпимость вѣръ равнялась съ существующею въ Россіи. Въ ней не ссорятся Схоластики, не раздуваютъ раздоровъ; и при наблюденіи своей господствующей (хотя Гг. Иностранные писатели смѣются тому) даютъ полную свободу всякому слѣдовать своему исповѣданію. — Индѣецъ покланяется солнцу, Магометанинъ празднуетъ Баирамъ, Правительство требуетъ одного — благочинія. Чтобъ явить на самомъ дѣлѣ тому до-

казательство духовникъ Императрицы (*) угощалъ въ день Крещенія, 6 Генваря, служителей Олтаря всѣхъ исповѣданій обѣденнымъ столомъ. Возсѣдали шутъ и Епископы Каѳолическіе, Уніятскіе, и Пасторы Галликанской Церкви, Люперанскіе, Калвинскіе, и Армяне, Квакеры, Анабаптисты. Какое необыкновенное общество! Какое почтенное братство несходныхъ установъ во имя Спасителя! Сіе то мирное соединеніе составляетъ гармонію, можно сказать изъ разныхъ тоновъ, привлекаетъ чужеземцевъ подъ сѣнь кротkую, снисходительную, и охраняетъ тишину.

Почти всякой годъ знаменовался новымъ залогомъ любви Екатерины къ подданнымъ. До нее всѣ сословія были въ запутанности, не имѣли положительныхъ правъ; и она въ день своего рожденія, 21 Апрѣля, очистила сей хаосъ. Дворянство, постоянно ею уважаемое, получило жалованную грамоту; исполкованы основанія благородства, его преимущества и преступленія, коими разрушается оное. Постановлено поступать впредь съ нимъ въ нижнихъ чи-

(*) Ему отпускались деньги на раздачу бѣдныхъ, также и Митрополиту.

нахъ какъ съ Офицерами, дана свобода служить въ Имперіи или у союзныхъ съ нею державъ, выѣзжать за границу. Позволено имъ заводить торги, промыслы, фабрики, мѣстечки, ярморки, распоряжать по произволу благоприобрѣтеннымъ имѣніемъ. — Учреждена опека для дворянскихъ сиротъ. — Отдѣлено личное дворянство.

Купечество не вѣдало къ какому разряду оно принадлежитъ; не смотря на просвѣщеніе, богатство купцевъ наказывали за преступленія наравнѣ съ просполюдинами, брали въ рекруты, и даровано имъ Городовое Положеніе. Оно раздѣлено на три гильдіи по капиталамъ, двѣ первыя избавлены отъ тѣлеснаго наказанія и рекрутства, дано имъ право ѣздить парою въ каретѣ и опредѣлено безчестье за обиды.— Именитые граждане первенствуютъ надъ сими— среднее состояніе составилось изъ ученыхъ, художниковъ, музыкантовъ, ремесленниковъ, свободныхъ людей. — Установлены цѣхи, иногородніе гости. — Мѣщанство оставлено съ повинностями рекрутскими и податными.

Торговля съ Китаемъ, столь выгодная для Россіи, по возникшимъ еще при Петрѣ Великомъ раздорамъ начала упадать, а при Ели-

савецъ Петровнѣ почти прекратилась.—Екатерина сношеніями съ Императоромъ возстановила оную, и отправила въ Пекинъ Архимандрита и нѣсколько студентовъ для изученія Китайскаго языка.

Худо расположенные къ Россіи Дворы искали уже сблизиться съ нею. Сенп-Жемской прислалъ Фицгерберта, (попомъ Сенпъ-Еленсъ) подъ видомъ продолженія практики, до окончанія коего оставалось еще два года. Отъ Версайльскаго прибылъ въ Февралѣ Графъ Сегюръ, снискавшій вскорѣ остротою ума и пріятнымъ обхожденіемъ благоволеніе Государыни. Лѣтомъ она предприняла обозрѣть Вышневолоцское судоходство, доѣхала въ сопровожденіи сихъ двухъ Посланниковъ и Австрійскаго Кобенцеля до Новагорода, отпуда на приготовленныхъ съ богатою отдѣлкою баркасахъ совершила плаваніе (*). При семъ то водяномъ путешествіи Французской дипломатъ одержалъ верьхъ надъ Англійскимъ. — Министерство Людовика почитало торговлю съ Россіею невозможною, но Сегюръ умѣлъ

(*) Одинъ на которомъ находилась Екатерина сохраняется понынѣ въ Новѣгородѣ.

склонить къ тому Екатерину, и тогда какъ Фицгербертъ спокойно игралъ въ трикътракъ съ Кобенцелемъ, онъ въ другой каютѣ воспользовался чернилицею и перомъ перваго, написалъ статьи дружественнаго союза, противныя предположеніямъ Князя Потемкина.

Вышній Волочекъ находится далѣе половины пути до Москвы, и Екатерина, невидавшая уже 10 лѣтъ первопрестольнаго града, пожелала посѣтить оный. Неожидаемость взволновала жителей, встрѣтили ее съ восторгомъ, и пребываніе нѣсколькихъ дней оставило по себѣ слѣды благотвореній человѣчеству и просвѣщенію. Умножены доходы Приказа Общественнаго Призрѣнія, даны ему 15,922 рубли отъ аукціонныхъ продажъ, сборы съ бань и велѣно имѣть кирпичной заводъ. — Положено основаніе школамъ приходскимъ, во всякой части столицы. — Возвращеніе въ Петербургъ послѣдовало 5 Іюля.

Екатерина предпочитала свободу невольничеству, пеклась о возвышеніи духа въ своемъ народѣ. Для сего освободила его отъ существовавшаго униженія, повелѣла употреблять впредь вмѣсто словъ, *бью челомъ* просто *прошу, приношу жалобу*; вмѣсто—*рабъ*,

подданный. — Прекрасная черта! Незабвенный памятникъ!

Неудовольствія Германскихъ Князей на Іосифа продолжались; Фридрихъ, опасаясь союза его съ Екатериною, приглашалъ, какъ выше сказано, къ Конфедераціи, и ходатайство его приняли съ великою радостію. Князь Кауницъ оскорбился, опровергалъ слухи, требовалъ, чтобъ совѣщанія происходили подъ руководствомъ главы Имперіи; но предложеніе его было отвергнуто. Собрались въ Берлинъ уполномоченные: отъ Курфюрстовъ Ганноверскаго (Короля Англійскаго) — отъ Саксонскаго: — отъ Брауншвейгскаго; къ нимъ присоединились Герцоги: Веймарской, Готы — Пфальцкой, Мекленбургской и Гессенской — Епископъ Оснабрюкской — Принцъ Ангальтской и Маркграфъ Баденской. Они, не прикасаясь къ преимуществамъ Іосифа, постановили 12 Іюля важный союзъ подъ названіемъ Fürsenbund, чтобъ поддерживать права Имперіи, охранять сеймы, владѣнія каждаго, наблюдать взаимное согласіе, справедливость, и въ случаѣ какого либо насилія дѣйствовать дружно. Не нравилось это ни Іосифу, потерявшему первенство, ни Екатеринѣ усердной

по немъ поборницѣ; но дружеская связь Вла- Годы
дыкъ укрѣпилась, оставалась неразрывною.

Февраля 4 родилась третья Великая Кня- 1786.
жна Марія Павловна. Побѣды, важные подви-
ги, разныя заведенія не разстроивали Госу-
дарства. Долговъ было тогда только 6 мил-
ліоновъ и 600 тысячь, которые по росписа-
нію очистились бы чрезъ 8 лѣтъ, если бы
возникшая война не воспрепятствовала то-
му. Ассигнацій выпущено въ обращеніе на 100
милліоновъ, и сіе количество, замѣнявшее
монеты, приносило пользу гражданамъ. Онѣ
вполнѣ сохраняли свое достоинство, выдава-
ли за нихъ изъ банка, изъ лавокъ столько се-
ребрянныхъ рублей, сколько означалось на ас-
сигнаціи; въ обращеніи торговомъ еще платили
за нихъ лажъ, и пересылка денегъ облегчилась.
Для удобнѣйшаго различенія просполюдинами
сдѣлали бѣлыя, красныя и синія бумажки.

Петербургское градское общество, желая
угодить Императрицѣ, способствовать люби-
мому ея предмету — просвѣщенію, пожерт-
вовало для Университетовъ 32 т. рублей, Ека-
терина добавила отъ себя къ составленію сум-
мы 600 тысячь рублей. Предписано, чтобъ въ
Университетахъ учреждены были Медицинскіе

Факультеты, поручено Цимерману пригласить искусныхъ Врачей, и 22 таковыхъ явились въ Петербургъ.

Биллингсъ, сопутникъ славнаго Кука, совершилъ плаваніе отъ Охотска до Аваціи, и Японіи, открылъ нѣсколько острововъ, мысовъ, составилъ чертежи, доставилъ много рѣдкихъ вещей, и привезъ съ собою двухъ дикихъ, мущину изъ Уналашки, женщину съ береговъ Америки. Его извѣстія о семъ путешествіи любопытны.

Мы видѣли какое попеченіе прилагали о укрощеніи роскоши, опредѣлены наряды женскому полу, позволено оному носить Губернскіе мундиры, разпредѣлены екипажи по чинамъ, за всѣмъ тѣмъ дворяне стремились къ своему разоренію. Справедливыя понятія поселяются не указами, а добрыми нравами. Императрица, всегда покровительствующая это сословіе, образовала новый Заемный 20 лѣтній Банкъ, изъ 22 милліоновъ для дворянства, 11 милліоновъ для купечества, съ убавкою изъ 6, одного процента (*),

(*) Сіи 5 процентовъ назначены и при частныхъ займахъ.

постановлено принимать по 40 рублей ревижскую душу во всѣхъ Губерніяхъ безъ различія. Таковое ограниченіе спасительно; оно воздерживало излишнія затѣи. Стараніе поддерживать дворянство донынѣ приноситъ честь нашимъ Вѣнценосцамъ; но всѣ ли дворяне разсудительны? Всѣ ли къ поправленію своихъ дѣлъ съ пользою употребляютъ пособіи? Сколько является моповства, новыхъ щеголеватыхъ каретъ, мебелей, прихотливостей, карпежныхъ игръ при каждомъ выпускѣ займовъ!—И благая мысль Правительства, вмѣсто облегченія превращается во вредъ. Чѣмъ болѣе денегъ, тѣмъ болѣе искушеній, орудій къ пагубѣ. Впрочемъ я не вхожу въ сужденіе, справедливо ли уменьшеніе капитала въ половину противъ дворянскаго, имѣющаго болѣе нуждъ для своихъ оборотовъ, для купечества. При семъ банкѣ учреждена страховая отъ огня Контора, съ запрещеніемъ ввѣрять имущества иностраннымъ заведеніямъ сего рода.

Августа 6 окончилъ жизнь свою Король Фридрихъ, человѣкъ необыкновенный, по названію великій. Онъ при родителѣ находился въ заточеніи, едва избѣгнулъ казни; его обширный, пылкій умъ алкалъ проникнуть въ

сокровенныя шайны Провидѣнія, выступалъ за указанные смертнымъ предѣлы, пупался въ соображеніяхъ. Содѣлавшись ревностнымъ ученикомъ Вольтера, онъ къ сожалѣнію помрачилъ блескъ своей славы и дарованій неумѣстнымъ и опаснымъ вольнодумствомъ. Онъ былъ стихотворецъ, музыкантъ, первый герой своего времени и философъ въ духѣ Волперовомъ. Онъ выдержалъ битвы противъ Россіи, Австріи и Франціи въ совокупности; по истощеніи, обогатилъ Пруссію, и поставилъ ее на чреду первостепенныхъ державъ.

Хотя Екатерина вскорѣ послѣ раздѣла Польши охладѣла къ нему, вступила въ дружество съ Іосифомъ; но потеряла въ немъ примѣрнаго союзника, который впрочемъ не по чувствамъ, а по своимъ выгодамъ угождалъ ея волѣ, поддерживалъ связь. Притомъ сама природа сближала ихъ; страны сопредѣльны, Геніи сходны, приобрѣтенія и политическія нужды къ посторонниимъ взаимны. Соединеніе съ дальновиднымъ, превосходнѣйшимъ Вѣнценосцемъ — для Великой Государыни было надежнѣе иныхъ, непрочныхъ пособій Императора; для Фридриха же служила она,

при уклонѣ его лѣтъ, твердою оградою. — Преемникъ его не сохранитъ столь постояннаго расположенія.

Начало года представитъ намъ событіе великолѣпнѣйшіе, достопамятное въ эпохахъ міра; Екатерина предпринимаетъ обозрѣть новое свое Царство—Тавриду, и Цари поспѣшатъ во срѣтеніе ей. Генваря 2 она послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, при пушечной пальбѣ оставила столицу подъ управленіемъ Графа Брюса, и переѣхала въ Сарское село, гдѣ пробывъ пять дней, отправилась 7 числа въ славное путешествіе.

Свиту составляли: Штатс-Дама Графиня Скавроиская, Камеръ-Фрейлина Протасова, Фрейлина Графиня Чернышева, Графъ Ангальтъ, Ив. Григ. Чернышевъ, Оберъ-Шталмейстеръ Нарышкинъ, Оберъ-Камергеръ Шуваловъ, Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, Гофмейстеръ Безбородко, Гофмаршалъ Князь Баряпинскій, Тайные Совѣтники—Стрѣкаловъ, Графы Скавронскій и Штакельберъ, Камергеры того же чина—Черпковъ, Нелединскій—Мелецкій, Валуевъ, Салтыковъ, Шталмейстеръ Ребиндеръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Храповицкій, Флигель-Адью-

*

Иностранные Министры сидѣли съ Императрицею поочередно. Тогда продолжались жестокіе морозы, доходившіе до 17 градусовъ; и мы, говоритъ Сегюръ, купались въ соболяхъ, попирали ногими богатые ковры. Повсюду встрѣчи отъ Намѣстниковъ, Губернаторовъ, дворянства, купечества, повсюду колокольные звоны; ночью горѣли на улицахъ костры дровъ, простолюдины сбѣгались къ окнамъ своей Повелительницы, она запретила отгонять ихъ, и показываясь удовлетворяла любопытству (*). Я думаю, сказала Екатерина Сегюру, ваши Парижанки, ученые модники сожалѣютъ, что вы путешествуите въ сторонѣ медвѣдей, варваровъ съ ихъ скучною Императрицею. Я почитаю вашихъ ученыхъ, но люблю болѣе простосердечныхъ невѣждъ, и не хочу инаго знать, какъ только нужное до *моего маленькаго хозяйства.*

Въ первой день былъ обѣдъ въ Рожествен, ночлегъ въ городѣ Лугѣ. Въ другой день—на станціи и въ гор. Порховѣ. Здѣсь пожаловала 40000 руб. на сооруженіе храма, который составляетъ нынѣ соборную церковь. На третій—

(*) Въ этомъ руководствуюсь я болѣе записками Г. Сегюра, и Колотова.

спями. У кареты скакали Предводители Дворянства; Военные начальники и Судьи стояли на улицахъ отдѣленіями, сто почталіоновъ пред, шествовали, а пушки и колокольный звонъ отзывались во слѣдъ.—Именитый Графъ Румянцевъ предсталъ ей на границѣ своей Губерніи и слѣдовалъ съ нею. На пути отсюда она четыре раза посѣщала особъ заслуженныхъ, коротко знакомыхъ ей. Въ Кричевѣ ожидалъ ее владѣлецъ онаго, Князь Потемкинъ, угощалъ роскошно, въ вечеру все селеніе казалось въ огнѣ, горѣло вензеловое имя Екатерины. — Генваря 20 былъ обѣдъ въ Пропойскѣ у Оберъ-Камергера Голицына, ночлегъ въ Чечерскѣ у Графини Чернышевой.—Миновавъ Новомѣсто, Стардубъ, Новгородъ Сѣверской, прибыли въ Вишники къ Графу Румянцеву, восхищенный радостію хозяинъ принималъ съ чистымъ усердіемъ, во время стола гремѣла музыка, ночлегъ былъ въ городѣ Сосницѣ. Потомъ чрезъ мѣстечко Березну вступили въ Губернской городъ Черниговъ, гдѣ между древнихъ храмовъ соборъ Преображенія Господня, построенный за 786 лѣтъ предъ тѣмъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, обратилъ ея вниманіе, и она слушала въ немъ молебенъ. Въ

Нѣжинѣ встрѣчали ее съ хлѣбомъ солью Греки, а въ городѣ Козельцѣ расположились ночевать.

Сюда прибыли съ привѣтствіями Генералы и присланный отъ Митрополита Архимандритъ съ Иконою и хлѣбомъ—солью. Генваря 29 приблизились къ Кіеву; за нѣсколько верстъ открылись разсѣянные на горахъ храмы, съ златыми куполами и цѣлая галлерея живописныхъ видовъ; Екатерина пересѣла изъ дорожной въ парадную карету. На Днѣпрѣ встрѣтилъ Вице-Адмиралъ Пущинъ, галеры его стояли уже въ готовности; за три года предъ тѣмъ сынъ его Капитанъ-Лейтенантъ былъ отправленъ для построенія оныхъ. Громъ пушекъ съ крѣпости и судовъ возвѣстилъ вступленіе, стоящіе у торжественныхъ воротъ полки отдавали честь съ музыкою и барабаннымъ боемъ, взволновавшійся народъ бѣжалъ до Дворца, господствующаго надъ расположеннымъ внизу Подоломъ.

Сей городъ, въ древности блиставшій величіемъ, живой памятникъ славныхъ произшествій, зародышъ, глава Россіи, разсадникъ нашего Правовѣрія, краеугольный камень понынѣ содержимаго Богопочитанія, болѣе полувѣка не видалъ своихъ Вѣнценосцевъ, и Екатерина почти на

3 мѣсяца водворяется въ немъ. Отправя поклоненіе гробамъ угодниковъ, говѣла и приобщалась Святыхъ Таинъ безъ царскаго обряда, какъ простая служительница Христа. Стеклось множество помѣщиковъ изъ окольныхъ Губерній и изъ Польши; рѣдкой домъ остался ненанятымъ; при дворѣ съѣзды, концерты, балы. Иностранные Министры давали обѣды или вечера на счетъ казны, и смиренный Кіевъ претворился въ шумное, суетное обиталище; торговля, промышленность обогатились. Императрица, веселя подданныхъ, очищала вмѣстѣ съ тѣмъ нравы, пеклась о просвѣщеніи, благосостояній ихъ. Въ день своего рожденія 21 Апрѣля издала важный манифестъ о поединкахъ; сила выраженій, чувства и ясность онаго достойны любопытства. Она возхваляетъ прежній образъ мыслей Россіянъ, охуждаетъ новой, жестокосердый обычай, и между прочимъ говоритъ такъ:

„Несправедливо и съ общимъ порядкомъ не„сходственно, чтобъ всякъ въ собственномъ „своемъ дѣлѣ вздумалъ сдѣлаться судьею. „Предубѣжденія о томъ заимствованы не отъ „предковъ, но переняпыя или нанесенныя, чуж„дыя. Прославившіеся въ древности народы

„нынѣ вопль народовъ, отягощенныхъ игомъ „зловреднаго обычая, кроваваго и самовольна„го мщенія въ удовлетвореніе личной чести, „ссылался съ нѣкимъ восхищеніемъ на Россій„скіе нравы и обычаи, хваля толико неус„трашимую храбрость нашего народа пропи„ву общаго непріятеля, колико кротость и „великодушіе его въ прощеніи и пренебреже„ніи личной обиды.

„Благоразумный свѣтъ и просвѣщенные лю„ди охотно съ Нами согласятся, что непри„лично таковому храброму и великодушному „народу послѣдовать предубѣжденіямъ вѣковъ „варварскихъ и невѣжествомъ наполненныхъ, „наипаче же тамъ, гдѣ подобныя, зловредныя „предубѣжденія законами Нашими и всего свѣ„та давно уже опорочены. Да умолкнутъ „потому своевольныя толкованія въ дѣлѣ, „въ коемъ гласъ закона Божія соединяется „съ гласомъ установленій военныхъ и граж„данскихъ. Собственный Нашъ примѣръ да „способствуетъ направить умы подданныхъ „Нашихъ на стези сходственныя законамъ. „Мы сами вынули изъ среди важнѣйшаго за„кона о оскорбленіи величества находившееся „въ оном не различіе слова съ преступленіе-

„емъ, и вмѣнили себѣ за честь сказать На„шему народу что .... (слѣдуютъ слова изъ „наказа)."

По разпредѣленіи случаевъ постановлено, чтобъ избираемые посредники примиряли ссорющихся. Непредставшаго по третьей повѣсткѣ къ разбирательству лишать имѣнія, отдавать оное наслѣдникамъ, имя его прибивать къ висѣлицѣ. Кто учнетъ ссору, и по предстательству посредниковъ не мирится вторично или третично, того по сняніи дворянства и чиновъ сослать на вѣчное житье въ Сибирь.

Манифестъ оканчивается материнскимъ увѣщаніемъ повиноваться властямъ, старѣйшимъ, и сохранять взаимную любовь, согласіе. Три главнѣйшіе въ немъ предметы, позоръ, потеря имущества и вѣчная ссылка достаточно сильны къ воздержанію отъ своевольнаго, варварскаго буйства.

Путешествіе до Кіева оглашено во всѣхъ газетахъ, а въ Парижѣ, въ 1790 году, выгравированъ большой, прекраснѣйшій эстампъ. Императрица изображена сѣдящею на колѣсницѣ, съ скипетромъ въ правой, и свѣтошею въ лѣвой рукѣ. Геніи окружаютъ ее, два управляютъ четырью конями, третій устила-

ешъ цвѣтами путь, четвертый описываетъ на полетѣ событіе, пятой разпростеръ лавровый вѣнокъ съ масличною вѣтвію надъ ея главою, и трубитъ слава. Народъ во множествѣ встрѣчаетъ, подноситъ дары, преклоняетъ колѣна, и на небесахъ Петръ Великій съ Сатурномъ держатъ Двухлаваго Орла.

Императрица, заключа день своего рожденія празднествомъ, большимъ феерверкомъ, изданіемъ упомянутаго достопамятнаго манифеста, на другой день, то есть, 22 Апрѣля предприняла инаго рода путешествіе, несравненно блистательнѣйшее доселѣ совершаемаго, и которому подобнаго не находимъ въ преданіяхъ. Галеры съ позолотою и другими украшеніями и иные суда стояли уже съ разпущенными парусами (*), явилась съ

(*) Ихъ было: галеръ 7, ластовыхъ судовъ 7, трешкоутъ 1, водовиковъ 5, баркасовъ 7, Катеровъ 6, одна 12 весельная шлюбка, 10 весельныхъ 7, купленыхъ 5, всего 46 судовъ. — Сооруженіе ихъ стоило 116,948 р. 42½ коп.—При нихъ находилось 416 человѣкъ. — Сіе вѣрное изчисленіе получилъ я отъ Г. Сенатора Пущина, бывшаго тогда Капитанъ-Лейтенантомъ, строившаго суда, и учавствовавшаго въ семъ плаваніи.

свитою Екатерина, всѣ заняли свои мѣста, и при пушечномъ громѣ пустились по Днѣпровскимъ струямъ. Какое величественное зрѣлище! Плыветъ Повелительница полсвѣта, съ нею иностранные послы и сонмъ мужей изъ первѣйшихъ особъ Имперіи; остроуміе, веселость, просторна въ обхожденіи, богатство, вкусъ и изобиліе сопутствуютъ имъ. На берегахъ выставлялись арки, обвитыя цвѣтами, Козаки показывали свое искусство въ скачкѣ, и толпы народа двигались по теченію рѣки. При описаніи сего мы будемъ руководствоваться очевидцами, славными собесѣдниками Екатерины въ семъ путешествіи, Принцемъ Де Линь и Сегюромъ, иногда съ точностію употреблять ихъ слова.

Каюты наши, говоритъ Принцъ Де Линь и Сегюръ, убраны шелковыми шканями, съ диванами; у каждаго кабинетъ, бюро, превосходныя мебели; при удаленіи съ галеры и при возхожденіи на оную играетъ музыка. Клеопатра наша не глотаетъ жемчужинъ, но раздаетъ ихъ, и походитъ на древнюю только потому, что также любитъ прекрасныя плаванія, великолѣпіе и науки.

Императрица пребывала на галерѣ *Днѣпрѣ*,

для обѣда всегда переѣзжала на другую галеру— *Десну*, съ нею садились за столъ не болѣе 10 приближенныхъ, и только одинъ разъ въ недѣлю приглашали всю свиту. Въ вечеру ложились на якорь. Послѣ ужина всякой возвращался къ себѣ въ верхъ по Днѣпру. Вотъ ежедневное означеніе хода.

Въ первой день 10 верстъ, ночлегъ при урочищѣ Китаевой пустыни.

Во второй — 39 верстъ.

На третей $46\frac{1}{2}$, — ночлегъ при Малороссійскомъ селеніи Ячники.

На четвертой, то есть 25 Апрѣля, отплывя 24 версты, подошли къ Польскому мѣстечку Каневу, гдѣ ожидалъ путешествующихъ Король Польскій, тотчасъ началась безпрерывная пальба, и галеры, по отвѣтѣ съ Императрицыной 9 выстрѣлами бросили якорь, составили изъ себя полумѣсяцъ противъ мѣстечка. Отправили къ нему въ Императорской шлюпкѣ Гофмейстера Графа Безбородко, Гофмаршала Князя Боряпинскаго, и Король прибылъ съ ними при пушечной пальбѣ къ флотиліи. Свиту его составляли Великій Коронный Маршалъ — Мнишекъ, его супруга, Великій Подскарбій — Князь Поняповской, Липов-

ской Гетманъ—Графъ Тишкевичъ, Посланникъ его при нашемъ Дворѣ—Деболли, Епископъ и Коадьюкторъ Нарушевичъ, Великій Писарь Дзедушицка, Графъ Платеръ, Генералъ Комаревскій и Камергеръ Шидловской. Именитый гость подойдя къ собравшимся на галерѣ, сказалъ: Король поручилъ мнѣ представить въ ваше дружество Графа Понятовскаго (указавъ на себя), вошелъ въ каюту Императрицы, и долго наединѣ съ нею бесѣдовалъ. За обѣдомъ находились всѣ спутники Екатерины и Короля; играла духовая и роговая музыка, за здоровье пріѣзжаго пили съ пушечною пальбою. Послѣ стола Императрица возвратилась на свою галеру, а Король отдыхалъ на другой, именуемой Бугомъ, и въ это время получилъ орденъ Св. Андрея, осыпанный бриллiянтами. Новый рыцарь, явившійся въ общество, крестилъ съ Екатериною сына Графа Тарновскаго. Когда спало вечеряпь, Король, взявъ перчатки отъ Пажа, долго искалъ свою шляпу, что примѣтя Императрица подала ему оную. О! Ваше Величество, вскричалъ Король съ восхищеніемъ, это уже слишкомъ милостиво; вы въ другой разъ прикрываете мою голову. — Онъ откланялся и уда-

лился при громѣ пушекъ; наступила ночь, вся гора на Польской сторонѣ, отъ вершины до ея подошвы казалась въ пламени, на ней сіялъ огромный вензель Екатерины, представлялся волканъ, и сто тысячъ ракетъ соединились въ прекраснѣйшій павильонъ. Многіе изъ Императрицыной свиты отправились въ Каневъ и были угощаемы богатымъ ужиномъ. Принцъ де Линь говоритъ: Король пожертвовалъ тремя мѣсяцами времени, и тремя милліонами злотыхъ, чтобъ увидѣться съ Императрицею на три часа.

Вмѣстѣ съ зарею отвалили отъ Канева; пышность изчесла, востановилась прежняя простота. „Не возможно изъяснить удоволь„ствіе, какое ощущаемъ въ ея свитѣ, гово„ритъ Принцъ де Линь; она все украшаетъ „скромными выраженіями. Учредила множе„ство разныхъ должностей, будто для луч„шаго обращенія денегъ.—Построила 237 ка„менныхъ городовъ, потому что прежніе дере„вянные часто горѣли.—Соорудила Черномор„ской флотъ по единой преданности къ Пет„ру Великому. Не любитъ картъ, играетъ „только по приличію, и предпочитаетъ имъ „пріятную бесѣду. Не понимаю, сказала она

скимъ садомъ, съ померанцовыми и лавровыми деревами необыкновенной величины, привелъ всѣхъ въ удивленіе; въ немъ были обѣды, балы, иллюминаціи. Отсюда Императрица писала къ главнокомандующему въ Москвѣ Еропкину, и между прочимъ: „здѣсь всѣ листья разкинулись „и теплота, какъ у насъ въ Іюнѣ. Генералъ„Губернаторской домъ, въ которомъ теперь „нахожусь, при пріятной дубовой рощѣ и „фруктовомъ саду, великъ, прекрасно распо„ложенъ; людство необыкновенное, многіе „Поляки до сихъ мѣстъ за нами слѣдовали. „Въ здѣшней Губерніи трудъ и прилежность „ощутительны, что мнѣ весьма пріятно. „Маія 3 число думаю ѣхать водою до Днѣп„ровскихъ пороговъ.“

Маія 3, миновавъ городъ Крюковъ, отплыли 17 верстъ, и остановились у слободы Святопроицкой.

4 число отошли $51\frac{1}{2}$ версту до Переволочны, мѣста примѣчательнаго побѣгомъ Карла XII.

5 число по причинѣ крѣпкаго вѣтра проплыли только 16 верстъ.

6 число — по той же причинѣ — 12 верстъ.

7 число, выдержали большой шквалъ и оста-

новились у деревни Шурьевки, куда прискакалъ Генералъ-Поручикъ Графъ Румянцевъ съ извѣстіемъ о прибытіи Императора Іосифа, подъ именемъ Графа Фалкенштейна. Вотъ другой Вѣнценосецъ на пути предстаетъ Екатеринѣ! Поспѣшили вывесть на берегъ карету, отыскали лошадей, запрягли ихъ; Екатерина, какъ хозяйка, хотѣла предупредить гостя. Верстахъ въ трехъ отъ ночлега, они встрѣтились, обрадовались взаимно, и въ ея каретѣ прибыли въ Кайдаки (*). Какъ кухня и услуга осталися при флотиліи, а Графъ пріѣхалъ въ коляскѣ съ однимъ Генераломъ и двумя только служителями, къ обѣду ничего не было приготовлено; но явились неожидаемые, не искусные, но знаменитые повара: Графъ Фалкенштейнъ, Принцъ Нассау, Князь Потемкинъ, Графъ Браницкой и другіе. Они подвязали вмѣсто фартуковъ платки или салфетки, и приступили къ работѣ. Кто рубилъ дрова, вычищалъ коспрюли, кто стряпалъ; приготовили на удачу нѣсколько блюдъ, поставили на столѣ одинъ приборъ, и Графъ Фалкенштейнъ въ видѣ дворецкаго приглашалъ Екатерину къ столу. Они стояли

(*) Прежде Запорожская сѣча.

чинно у ея стула, она усмѣхалась, но шутка эта избавила ея отъ голода.

На другой день прибыла флотилія со всею свитою. Тогда наградили Вице-Адмирала Пущина орденомъ Св. Александра, сына его Капитанскимъ чиномъ, прочихъ офицеровъ табакерками или часами, а матросовъ половиннымъ жалованьемъ. Отобѣдавъ на галерѣ Донѣ и отпустивъ суда, отправились оба Высокіе путешественники далѣе сухимъ путемъ. Плаваніе отъ Кіева по Днѣпру составило 449 верстъ (*).

Изъ Кайдаковъ Екатерина писала къ Еропкину: „Завтра ѣдемъ сухимъ путемъ въ Хор„пицу, дорогою заложимъ новый Намѣстниче„скій городъ–Екатеринославль, и сіе будетъ „произходить въ самый Николинъ день. Съ „третьяго дня здѣсь стало такъ студено, „что мы вчерашній вечеръ проводили предъ „каминомъ, и ходимъ въ зимней одеждѣ.“

Такимъ образомъ, въ 8 верстахъ отъ Кайдаковъ, положены основанія новому граду и чудесному въ немъ собору во имя Преображенія Господня, обширнѣе церкви Св. Петра въ

(*) Я имѣлъ отъ Сенатора Пущина вѣрный тому маршрутъ.

городъ, будто мановеніемъ волшебства вышедшій изъ нѣдръ земли совсемъ уже готовымъ. Еще нѣтъ 10 лѣтъ, какъ на этомъ мѣстѣ была глухая необитаемая степень, гдѣ по свободному пространству рыскали звѣри, а въ камышахъ шипѣли змѣи;—теперь красивыя сданія, правильныя площади, улицы, хорошая гавань, въ которой бѣлѣясь взвѣваются паруса, и торговля, населеніе процвѣтаютъ. Князь Потемкинъ произвелъ чудо, невѣдомое другимъ народамъ; возрожденіе Херсона ему принадлежитъ. Въ Англійскомъ, очаровательномъ садѣ, говоритъ Принцъ де Линь, онъ насадилъ множество иностранныхъ деревъ, столь же исполинскихъ, какъ онъ самъ. Въ семъ новосозданномъ городѣ очередовались собранія, празднества, балы, иллюминаціи. Екатерина ѣздила обозрѣвать городъ въ открытомъ фаетонѣ, удовольствіе изображалось въ чертахъ ея лица. Восемь полковъ стояли въ строю, музыка гремѣла, преклоняли знамена. Она повелѣла отпустить 10 т. рублей для разведенія лѣса на тысячѣ десятинахъ, и въ память своего посѣщенія облегчила наказанія 48 содержавшихся преступниковъ. Въ присутствіи ея спускали три корабля: Іосифъ II, Владиміръ и Александръ. На берегу устроенъ

По выѣздѣ изъ Херсона обѣдали въ 15 верстахъ въ слободѣ Бѣлозеркѣ, у Графа Безбородки — и отъѣхавъ еще 65 верстъ, расположились на ночлегъ въ Берславлѣ (Кизекерменѣ), гдѣ, переправясь на поромѣ чрезъ Днѣпръ, вступили въ Ногайскую страну. Мурзы въ лучшихъ одеждахъ и до тысячи простыхъ Татаръ верьхами встрѣчали и сопровождали одни—безъ Русскихъ воиновъ—иновѣрную съ ними свою обладательницу. Ночлегъ имѣли въ 52 верстахъ отсюда въ селеніи Айбаръ. — На степи, какъ выше объявлено, нѣтъ почти ни жителей, ни воды, ни даже кустарника; только стада овецъ, разсѣянныя во множествѣ на солончакахъ, блѣятъ въ пустынѣ, и верблюды кажутся холмами. Тутъ разставлены были богатые шатры, въ нихъ полдничали, обѣдали, ужинали, спали, и только два гренадера оберегали ставку Императрицы. Іосифъ, однажды пробудясь ранѣе обыкновеннаго и расхаживая съ Принцемъ де Линемъ и Сегюромъ, сказалъ: посмотрите, она ничего не боится, почиваетъ также сладко, какъ въ Зимнемъ своемъ дворцѣ. — А что мы сдѣлаемъ, примолвилъ Принцъ, если вздумается Султанскому Величеству по-

сколько ярусовъ одни надъ другими, а сверьхъ ихъ проложитъ излучистыя дорожки на ужасающихъ скалахъ? — Кто разставитъ эти строенія, мечети, минареты среди цѣпи зеленѣющихъ садовъ и великолѣпныхъ тополей?—Кто обрисуетъ стоящій вблизи Дчуфутъ-Кале (*), свѣсившимся надъ бездною и готовымъ, кажется, низринуться въ оную? Бакчисарай есть смѣсь дикости, прелестныхъ видовъ и образецъ своеволія, чудесности природы! Воспоминаніе объ немъ никогда неизгладится изъ удивленнаго воображенія.

Екатерина полюбила Бакчисарай, осталась въ немъ 5 дней. Дворецъ, состоящій изъ отдѣленій разныхъ видовъ подъ разными кровлями, пространень, но и снаружи, и внутри показываетъ Азіятскую роскошь. Вотъ комната, называемая Диванъ, гдѣ величавый Ханъ, поджавши ноги на бархатной подушкѣ, слушалъ съ подобострастіемъ Султанскіе фирманы (**), или предписывалъ уставы трепещущей Тавридѣ, либо злоумышлялъ на Россію! Вотъ рядъ многочи-

(*) Здѣсь живутъ Евреи Караимы; у нихъ нѣтъ Толмута; одѣваются по Турецки, и не терпятъ другихъ Евреевъ.

(**) Указы.

горѣло имя Екатерины, все это представляло великолѣпнѣйшее зрѣлище. Однажды она сказала: Послушайте Господа! хотя я не стихотворица, но желала бы знать правила сего искуства. Мнѣ задали окончательныя рифмы, говоритъ Принцъ де Линь, и Сегюръ превосходно написалъ нѣсколько строкъ; имѣйте же терпѣніе, продолжала Екатерина, выслушать и мое сочиненіе:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Дюшесса Андерсонъ (*),
Которой укушенъ искусный Рожерсонъ.

Все захохотали, а она взялась сочинить хорошіе стихи, которые и прочла намъ на другой день:

На Ханской я софѣ, на мягкихъ тюфякахъ,
Въ Кіоскѣ золотомъ, съ рѣшетками въ окнахъ.

Далѣе продолжать уже не могу! присовокупила она. „И хорошо сдѣлали, сказали мы, останьтесь при этомъ и не беритись за чужое дѣло!“

Изъ Бакчисарая Императрица опять писала къ Еропкину: „Во истинну сей край не въ при„мѣръ лучше Петербургскаго, тѣмъ паче что „съ симъ приобрѣтеніемъ изчезаетъ страхъ отъ „Татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украйна и Ели-

(*) Любимая ея собачка.

„вепградъ понынѣ еще помнятъ. Съ сими мы„слями и съ немалымъ упѣшеніемъ, написавъ „сіе къ вамъ, ложусь спать. Сего дня видѣ„ла своими глазами, что я не причинила вредъ „но величайшую пользу своей Имперіи.“

Оставя Бакчисарай пріѣхали въ Инкерманъ, чудесное положеніе котораго приводитъ въ изумленіе, влечетъ мысль въ минувшее для справки съ отдаленными вѣками. Двѣ большія горы, примѣтно раздвинуты, образованы землетрясеніемъ (*); посреди ихъ шечетъ рѣчка Чоргуна, и одна изъ сихъ половинъ—саженей на 30 въ высоту — опъ подошвы до самой вершины и на полверсты въ длину, покрыта выдолбленными пещерами числомъ болѣе 300.—Въ нижнемъ ярусѣ ясли, клевы; выдавшіяся наружу и ни чемъ неподпертыя лѣстницы приводятъ къ переламъ, въ коихъ пробиты окна, двери; двѣ церкви освѣщены сводами, понынѣ видны въ нихъ мѣста жертвенниковъ, могилы съ человѣческими костями, а на спѣнахъ слабые признаки ликовъ святыхъ. На верьху одной башни находятся заваленные погреба, и коло-

(*) Гдѣ въ одной выпуклости, въ другой противъ сего вдадина, такъ что если бы двинуть ихъ вмѣстѣ, сошлилась бы одна гора.

дезь достойный примѣчанія.—И все это высѣчено изъ цѣлаго кряжа каменной горы. Переходя изъ одного яруса въ другой, изъ кельи въ келью не понимаешь для чего употребленъ столь тяжкой трудъ, и кто обиталъ въ сихъ пещерахъ. Надобно полагать, что гонимые варварами Христіяне, укрывались въ нихъ, какъ въ мѣстѣ не приступномъ, надежномъ къ защитѣ.

Здѣсь въ пригоповленныхъ шатрахъ Екатерина и ея сопутники обѣдали на чистомъ воздухѣ, и при питіи за здравіе Іосифа, 15 кораблей съ рейды Черноморскаго флота, стоявшаго въ виду, пальбою привѣтствовали гостя. Отсюда на шлюбкахъ отправились въ Севастополь, гдѣ — едва завидѣли Кейзеръ-флагъ, пушки загремѣли; посѣтители расположились въ построенномъ на берегу каменномъ дворцѣ. На другой день по отдохновеніи пустились за 25 верстъ въ море, бомбандировали сдѣланную на Сѣверной бухтѣ крѣпостцу, и сверхъ ожиданія, населенной вновь городъ, созданный изъ небытія хорошій флотъ, доставили сердечное удовольствіе Екатеринѣ.

Обозрѣвали развалины двухъ Херсонисовъ, ибо по разореніи одного, построеннаго за 600 лѣтъ

храма, въ которомъ крестился Св. Владиміръ, съ лѣстницею къ потаенному колодязю. Еще донынѣ примѣтны какія-то ограды, сходы къ морю, площади, направленіе улицъ, подземелья;— валяются мраморные карнизы съ надписями. Севастополь, какъ младой шашь, дерзнулъ потревожить прахъ давно погребеннаго старца, и сорудилъ изъ его остатковъ великолѣпное свое обиталище. Вся эта страна есть классическая! Я собираю отломки, говоритъ Принцъ де Линь, вспрѣчаю слѣды водохранилищъ, и окружность Херсониса представляетъ мнѣ обширность не менѣе Лондонской или Парижской.

Турки не вѣдали какимъ обладали сокровищемъ. Тамъ, гдѣ семь бухтъ, каждая шириною съ Неву, составляютъ островъ, было у нихъ селеніе Ахтіяръ. Въ послѣдніе годы Ханскаго правительства, наши корабли приставъ къ оному зимовали, и выкопали нѣсколько землянокъ. По присоединеніи Крыма важность мѣста обратила на себя вниманіе; хижины умножились; погибшій Херсонисъ представилъ какъ сказали, богатыя остатки; повезли изъ него каменья, колонны, карнизы, мраморы, и юная колонія, съ малымъ иждивеніемъ отъ казны, безъ плана, безъ своихъ

матеріаловъ, явилась именитымъ городомъ, съ превосходнѣйшею въ свѣтѣ гаванью, неуступающею Магонской.

Екатерина, изъявивъ за устройство новаго края полную благодарность Князю Потемкину, продолжала путь къ Балаклавѣ лежащей въ 26 верстахъ отъ Севастополя.

Въ древности называлась она *Ямболи*, Символонъ, Цимбалонъ. Тавры и Скифы производили тутъ грабежи и торгъ невольниками, потомъ Генуезцы сдѣлали укрѣпленіе, имѣли Консула, Капитана надъ портомъ, наконецъ овладѣли ею Татары. Нынѣ въ Балаклавѣ до сотни жилищъ Греческаго баталіона, который содержитъ береговую стражу. Положеніе не красиво, печально; воздымаются надъ нею голые утесы, внутри между ними бухта на полверсты въ длину и саженей на 80 въ ширину, и сжатой тотъ проливъ подвергаетъ суда великой опасности при входѣ и выходѣ.

Путешествующіе посѣтили славную Бейдарскую долину, соперницу Темпейской, и были въ восхищеніи. Горы, покрытыя лѣсомъ, какъ ширмами ограждаютъ ее отъ моря, овальной лугъ, верстъ на пять въ поперечникѣ, составляетъ

гладкую площадь, по длинѣ оной извивается въ пологихъ, берегахъ рѣчка, на скатахъ утесовъ стоятъ во кругъ 12 деревень, осѣненныхъ садами, пирамидальными тополями, и одна изъ нихъ, расположенная на холмѣ господствуетъ среди овала на ковристой зелени. Трудно вообразить себѣ что либо прелестнѣе сихъ живописныхъ видовъ.

Возвратясь въ Бакчисарай, отправились въ Карасубазаръ (Мауронъ Кастронъ), гдѣ любопытствовали видѣть выходящую изъ грота рѣку Карасу. При рѣчкѣ Андаль остановились ночевать; здѣсь маневрировали Донскіе козаки и Константиноградской полкъ, въ вечеру горы освѣтились множествомъ огней, искуство представило прелестную природу еще въ большемъ украшеніи.

Потомъ чрезъ рѣчку Элбузи пріѣхали въ Судакскую долину (Сидагіосъ Солдай) царство Бахуса. Это есть соединеніе нѣсколькихъ сотъ виноградниковъ, которыхъ неразрывная цѣпь составляетъ обширный, верстъ на шесть, садъ, съ разсѣянными господскими домами. Судакъ могъ бы надѣлить всю Россію превосходными винами.

На пути представалъ имъ Старый Крымъ

„еще колонна, печальный остатокъ храма Діа-
„ны, напоминающій принесеніе Ифигеніи въ жер-
„тву, гдѣ съ каменнаго утеса Тоасъ свергалъ
„чужестранцевъ, наконецъ на прекраснѣйшемъ
„изъ всего свѣта мѣстѣ, пишу къ вамъ сіи
„строки. Я вижу счастливые берега Идаліи
„и Анаполіи; фиговыя, пальмовыя, (*) оливко-
„выя, вишневыя, абрикосовыя, персиковыя де-
„ревья въ цвѣту разпространяютъ сладостное
„уханіе, ссѣняютъ меня; морскія волны ка-
„тятъ у ногъ моихъ брилліянтовые камушки;
„позади меня сквозь зелень амфитеатромъ
„мелкаютъ жилища.“

Изъ Ѳеодосіи чрезъ Карасубазаръ и Симферополь доѣхали до Перекопа, разлучились съ восхитительною Тавридою. Іюня 1 дня, миновавъ Каланчакъ и проѣхавъ 70 верстъ, прибыли въ Бериславль; тутъ Іосифъ откланялся, поспѣшилъ въ Вѣну, по открывшемуся въ Нидерландахъ возмущенію. О семъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Императрица продолжала путь уже одна, обѣдала на другой день при Давыдовомъ Бродѣ, къ вечеру прибыла въ Кременчугъ. Для

(*) Это ошибка Принца, въ Крыму нѣтъ Пальмъ.

„да горячаго. Она для благоволенія, для пріятнаго, ласковаго словца употребляетъ многаго времени, и всѣ кушанья проспываютъ.“

Въ селѣ Знаменскомъ Императрица обрадовалась неожиданной встрѣчѣ съ двумя Великими Князьями, и прибывъ съ ними въ Коломенское, остановилась въ немъ на трое сутокъ. На канунѣ дня вступленія на Престолъ послѣдовало пышное шествіе въ Москву. У тріумфальныхъ воротъ первые чиновники и граждане поднесли хлѣбъ — соль, играла музыка, пушечные выстрѣлы, барабаны, колокольной звонъ не умолкали, и Екатерина сопровождаемая, толпами народа, вступила въ Успенской Соборъ. Празднество потомъ открылось великимъ стеченіемъ особъ обоего пола ко Двору съ поздравленіями, обѣдъ былъ на 94 прибора, и 25 лѣтнее царствованіе ознаменовалось повтореніемъ прежнихъ милостей.

Сложены всѣ недоимки подушнаго сбора по 1776 годъ, а недоимки съ сего времени разсрочены на 20 лѣтъ.

Служившихъ не менѣе 25 лѣтъ повелѣно освободить отъ всякихъ подачей.

Распространена 10 лѣтняя давность и по гражданскимъ дѣламъ.

Упущенія по должностямъ, кромѣ взяпокъ, проспить.

Каторжныхъ, изключая смертоубійцъ и клейменыхъ, поселить на назначенныхъ мѣстахъ.

Въ день тезоименитства Цесаревича, 29 числа, Императрица, съ Ихъ Высочествами отправилась въ Соборъ, имъ предшествовалъ конвой, у кареты ѣхали Губернаторъ, Оберъ-Полицемейстеръ и придворные; Литургію совершалъ именитый Платонъ. Возведя его на высшую степень, она по своему обыкновенію хотѣла удивить его неожидаемою милостію. Протодіаконъ по тайному повелѣнію во время великаго выхода при словахъ: *приносящаго святыя дары Господу и Богу нашему*, провозгласилъ его Митрополитомъ. Первосвященникъ, думая, что Протодіаконъ ошибся, напомнилъ ему изъ олтаря; но когда тоже самое было повторено, онъ выступилъ въ Царскія Двери, поклонился, и потомъ благодарилъ непригоповленною рѣчью (*). Принцъ де Линь пишетъ объ немъ Мар-

(*) Онъ былъ наставникомъ въ вѣрѣ Цесаревича, и весьма прилично пожалованъ Митрополитомъ въ день тезоименитства своего воспитанника.

ея присутствія въ Крыму Турки, сожалѣя о потерѣ богатой страны, готовились къ непріязненнымъ дѣйствіямъ; корабли ихъ уже плавали при устьѣ Днѣпра. Съ небольшимъ чрезъ два мѣсяца потомъ они разрушили миръ; призвали въ Диванъ нашего Посланника—Булгакова, понуждали отвѣчать на многія статьи: Для чего Россіяне покровительствуютъ Грузинскаго и Имеретинскаго Царей, хотѣли, чтобъ наши полки выступили оттуда.—Объявляли, будто Россійскіе корабли, проходя чрезъ Константинопольскій проливъ, имѣютъ запрещенные товары. — Требовали объясненія, для чего Россія дала убѣжище Господарю Маврокордато? — Настаивали чтобъ Очакову болѣе отпускаемо было соли. — Наконецъ, чтобъ Порта для покровительства торговли своихъ подданныхъ имѣла въ Россіи Консуловъ. Булгаковъ просилъ отсрочки для сношенія съ Государынею; но Турки не согласились, и 7 Августа заключили его въ Семибашенный замокъ. Австрійской Интернонціи Гербертъ и Французской Посланникъ Шуазель Гуфье тщетно ходатайствовали о его освобожденіи,— Порта объявила войну Россіи.—Ровно черезъ

Генераловъ: Князя Рѣпнина, Каменскаго, славнаго Суворова и Каховскаго; другая армія вручена была Графу Румянцеву.

Дѣйствія Турокъ начались отправленіемъ судовъ изъ Очакова, къ Кинбурну, который думали побѣдить 1 Октября, внезапностію. Сія крѣпость оберегалась незначительнымъ гарнизономъ; но въ ней находился непобѣдимой Суворовъ, и замѣнялъ однимъ собою многочисленную армію. Мусульмане уже сдѣлали высадку, а герой наслаждался сномъ; доносятъ ему о произшествіи, полки выступаютъ, но онъ не торопится, не оставляетъ ложа, и

О выборѣ раскольниковъ въ городовыя службы.

О учрежденіи Черноморскаго флота.

О поселеніи заштатныхъ дьячковъ въ Тавридѣ.

О построеніи школъ, каравань — сераевъ при мечетяхъ.

О чтеніи въ церквахъ, изданныхъ поученій.

О свидѣтельствованіи школъ и пенсіоновъ въ Москвѣ.

Объ открытіи торговли съ Австріею.

О дозволеніи 14 лѣтнимъ просить Попечителя, въ 17 лѣтъ распоряжать имѣніемъ — въ 21 годъ вступать въ право продавать и закладывать.

1786. О учрежденіи водоходнаго училища.

Императоръ Іосифъ писалъ къ Екатеринѣ слѣдующее:

„Получа извѣстіе, что одинъ изъ слугъ ва-
„шихъ въ Константинополѣ посаженъ въ Се-
„мибашенной замокъ, я, другой слуга вашъ,
„посылаю противъ Мусульманъ въ походъ мои
„войска.“

Между тѣмъ готовился новой непріятель Россіи; Англія, враждующая за трактатъ вашъ съ Франціею, и Прусскій Король Фридригъ Вильгельмъ, замѣнившій дружество своего предшественника непріязнію, подстрѣкали Швецію, и она заключила съ Портою союзъ. Тогда онъ подъ видомъ дружества, представилъ себя въ посредники; но Екатерина съ гордостію

О разпространеніи врачебной части.

Уставъ для Народныхъ Училищъ, и чтобы въ Главныхъ преподавать языки.

Объ обращеніи Большой и Малой Кабарды въ поселенное войско.

Объ учрежденіи въ Москвѣ запаснаго магазейна для бѣдныхъ.

О трактатѣ Россіи съ Франціею.

1787. О трактатѣ съ Сициліею.

О трактатѣ съ Португаліею.

О позволеніи Католическому Архіепископу Сестренцевичу принять Папскіе пункты.

ОБОЗРѢНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ И СВОЙСТВЪ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

Павломъ Сумароковымъ.

Почетнымъ Членомъ Императорскаго Виленскаго Университета.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРРЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1 8 5 2.

ОБОЗРѢНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ И СВОЙСТВЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

ГЛАВА I.

Измѣненіе политики Дворовъ. — Порта начинаетъ непріятельскія дѣйствія. — Славный подвигъ Суворова.—Императоръ Іосифъ соединяется съ Екатериною противу Турокъ.— Начались сраженія, побѣды наши.—Король Шведскій пользуется случаемъ, дѣлаетъ нападенія, объявляютъ ему войну. — Датчане намъ помогаютъ. — Пораженіе Турокъ на морѣ. — Взяніе Очакова. — Дѣла Австрійцевъ. — Возмущенія въ Нидерландахъ. — Конгрессъ въ Версайллѣ. — Временное усмиреніе. — Безпокойства въ Голландіи. — Сраженія съ Шведами продолжаются. — Графъ Румянцевъ-Задунайскій отстранился отъ начальства. — Дѣла съ Турками. — Французская революція открывается въ полной силѣ.

Гол
178

Блистательная побѣда Суворова, изумя Турокъ, озарила славою начало брани, и вывела за собою длинный рядъ трофеевъ. Политическія дѣла наши тогда совершенно измѣнились; — Австрія претворилась въ усердную нашу союзницу, Франція болѣе не коварствовала; напротивъ Англія — внутренно

начала первыя побѣды; казалось что все прикасавшееся къ ней торжествовало.

У мѣстечка Алушты, на Крымскомъ берегу, Турки въ многолюдствѣ сразились съ однимъ нашимъ баталіономъ; Татары, единовѣрные съ ними, утаили высадку;—и всѣ наши воины умерщвлены въ развалинахъ Греческой Церкви, гдѣ и донынѣ цвѣтетъ розовый кустъ, будто отъ крови Россіянъ возросшій.

Другое неожидаемое обстоятельство причинило великое безпокойство Екатеринѣ. Еще не прошло 5 лѣтъ, какъ Густавъ III лично увѣрялъ ее въ дружествѣ; но теперь, вступя въ тайный союзъ съ Портою, обнаружилъ коварный свой замыслъ, приобщился къ нашимъ врагамъ.

Онъ спалъ вооружаться въ Карльскронѣ, одна часть войска собиралась къ столицѣ, другая двинулась къ Финляндіи. Нашъ Посланникъ, Графъ Разумовскій, поданною 7 Іюня нотою, требовалъ истолкованія предпринимаемыхъ мѣръ. Король, принявъ за обиду для себя помѣщенные въ нотѣ слова, что о томъ относится онъ также къ *Правительству*, и толкуя будто симъ отдѣляютъ его отъ народа, велѣлъ Посланнику выѣхать изъ Стокгольма непремѣнно въ те-

Однако она была въ великомъ затрудненіи отъ малочисленности войскъ на Шведской границѣ, торопились отправленіемъ туда пушекъ, повезли гвардію на почтовыхъ, послали гарнизоны изъ городовъ, набирали излишнихъ причетниковъ, отпущенныхъ на волю слугъ, составили изъ ямщиковъ козачій полкъ, и рыбачья слобода подъ Петербургомъ добровольно представила нѣсколько охотниковъ (*). Такимъ образомъ ополчилось всего не болѣе 14 т. и выступило подъ начальствомъ Графа Мусина Пушкина (**). Густавъ имѣлъ 36 т. прекраснаго войска, и одни Русскіе могутъ скакать на почтовыхъ сражаться съ превосходящимъ въ два съ половиною раза непріятелемъ. Если бы Густавъ дѣйствовалъ тогда наступательнѣе, трудно было бы устоять нашимъ малымъ силамъ. Великій Князь—Цесаревичь, по двукратномъ ему отказѣ быть на войнѣ (прежде съ Турками, а нынѣ противъ Шведовъ) на вопросъ

(*) Екатерина изъ благодарности воздвигла среди ихъ селенія памятникъ, понынѣ существующій.

(**) Не понятно, какимъ образомъ не приготовились заблаговременно, знавъ о союзѣ Густава съ Турками, заключенномъ еще въ прошедшемъ году.

счастію сіи наши 15 кораблей еще не успѣли по назначенію пройти въ походъ въ Средиземное море, и Король худо расчиталъ обстоятельства и время. Если бы онъ не поспѣшилъ въ необдуманномъ предпріятіи, пропустилъ сіи корабли, и потомъ открылъ войну; нашелъ бы Кронштадтъ, Петербургъ безъ обороны, и причинилъ бы великій вредъ. Тутъ послѣдовало первое сраженіе съ равнымъ для обѣихъ сторонъ успѣхомъ; мы взяли корабль съ Вице-Адмираломъ Вахтмейстеромъ, а они на обмѣнъ взяли нашъ 74 пушечной, и оба флота удалились—Шведскій къ Карлскронѣ, а Грейгъ къ Ревелю, гдѣ зимою умеръ отъ болѣзни.

Густавъ предложилъ тогда миръ на условіяхъ странныхъ, приличныхъ только сильному Государю и уже побѣдителю. Чтобъ Россія наказала за дерзость Графа Разумовскаго, удовлетворила Швецію за убытки, возвратила Финляндію и Карелію съ Кексгольмомъ, обезоружила свой флотъ, оставя Шведской въ настоящемъ положеніи до заключенія при его посредничествѣ мира съ Портою, также чтобъ возвратили Крымъ, все взятое у Турокъ и опредѣлили съ ними границы, существовавшіе до

Короля; онъ поѣхалъ въ Стокгольмъ, созвалъ Сеймъ, Герцогъ Зюдермаландскій принужденно заключилъ безъ него перемиріе и удалился къ Кюменьгорду. На Сеймѣ происходили великія пренія; духовенство и граждане держали его сторону, дворянство же пропивилось; наконецъ два первоупомянутыя сословія представили новую Конституцію—подъ именемъ согласія для безопасности, и большинство голосовъ ихъ превозмогло. Дворяне повиновались, предоставили Королю право объявлять войну, дали людей и деньги; чрезъ это власть его увеличилась и непріязненныя дѣйствія возобновились.

Едва миновала сія бѣда его, вспрѣпилась другая, не менѣе важная. Хотя со славою отражала Россія всѣ написки сильнѣйшаго врага, но Императрица до будущаго устройства своей арміи просила помощи отъ Даніи. Сія держава, обязанная къ тому трактатомъ, отправила эскадру съ Принцемъ Гессенскимъ, и не довольные Правительствомъ присоединялись къ нему. Датчане перешли чрезъ Фридрихзгалъ, гдѣ убитъ Карлъ XII, одолѣли Вестроготскій полкъ, взяли Удевалу, и осадили первый по Стокгольмѣ городъ Готтенбургъ. Густавъ боясь, чтобы между

частныхъ сраженій, ничего важнаго не было.— Зависшники Россіи еще всматривались, раздували вражду. Иное происходило въ арміи противъ Турокъ, и начало увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ.

Апрѣля 7 умеръ Султанъ, и новый, молодой, неопытный властитель, выпущенный изъ Сераля, объявилъ, что прежде полнаго себѣ удовлетворенія не вложитъ меча въ ножны. Въ послѣдствіи увидимъ, что не исполнитъ своего слова, испытаетъ мужество Россіянъ, и вмѣсто выгодъ потеряетъ свое.

Султанъ имѣлъ до 250 т., и хотя силы двухъ воюющихъ противъ его державъ, превосходили сіе число; но союзникамъ надлежало осаждать, занимать крѣпости, притомъ соучастіе Австрійцевъ не соотвѣтствовало быстротѣ нашихъ подвиговъ. Принцъ Нассау вышелъ изъ Николаева съ гребнымъ флотомъ, и—15 Іюня, встрѣтясь въ Лиманѣ съ Капитанъ Пашею, нанесъ ему сильной ударъ: взялъ 4 корабля, одинъ 50 пушечный фрегатъ, три взлетѣли на воздухъ; Турки въ семъ дѣлѣ потеряли убитыми, потонувшими, и плѣнными до до 6 т. человѣкъ. Разбитый на голову Капитанъ Паша для спасенія остатковъ бѣжалъ къ Оча-

мившей и Турокъ, и всю Европу. Мы видѣли, что Князь Потемкинъ осадилъ Очаковъ, крѣпкой спѣнами и своимъ положеніемъ, защищаемый 25 т. гарнизона. Много прошло времени въ бездѣйствіи, начальники, солдаты наши жили въ землянкахъ, изнурялись отъ жестокой зимы, и горѣли нетерпѣніемъ сразиться. Вкругъ города находилось множество садовъ, виноградевъ, все было вырыто и сожжено, не осталось малѣйшаго признака оныхъ. Сія медленность происходила не отъ робости, или недостатка въ искуствѣ уже испытаннаго въ храбрости вождя, а единственно для избѣжанія кровопролитія, хотя отъ медлительности столько же гибло людей, сколько бы легло ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Наконецъ приближился уважаемый Россіянами день Св. Чудотворца Николая, и на канунѣ былъ возвѣщенъ приступъ. Двинулись 6 колонами къ укрѣпленному Гассанъ Пашинскому замку, полѣзли стремительно на спѣны, загремѣли пушки, засверкали штыки; Турки защищались съ отчаяніемъ, дрались на улицахъ, въ лавкахъ, садахъ мечетяхъ, поверженные трупы заграждали пути, паръ отъ нихъ походилъ на густой туманъ,—и Очаковъ палъ. Турокъ убито 8370,

умерло отъ ранъ 1140, взято въ плѣнъ 4 ш., въ числѣ ихъ Требунчужный Паша Руссенъ,— пушекъ и мортиръ 310, знаменъ 180, прочіе спаслись бѣгствомъ.

Не осталось ни одной души мужеска пола, однѣ женщины на кладбищѣ прежде процвѣтавшаго града оплакивали поперю мужей и дѣтей. Воины наши получили въ добычу много денегъ, жемчуга, золота, серебра, драгихъ каменей, и цѣна червонцевъ упала ниже двухъ рублей (*).

Австрійцы приступили къ войнѣ съ немалыми затрудненіями, набирали инвалидовъ, даже Евреевъ, и уже начавъ оную, долго оставались въ бѣздѣйствіи. Притомъ медленные ихъ расчеты въ распоряженіяхъ и осторожность, совершенно противоположныя нашей быстротѣ, упускали благопріятные случаи отъ чего они встрѣчали многія неудачи. Турки каждое пораженіе Россіянами вымещали на нихъ; 17 Августа Визирь перешелъ Дунай, опрокинулъ ихъ Генерала Графа Варшлебе-

(*) При семъ убиты Генералъ-Маіоръ Князь Сергѣй Волконскій и Бригадиръ Горичъ большій.

на, вошелъ въ Баннатъ. — Генералъ Винцъ съ потерею отбитъ отъ Дубицы и Градишки.—Князь Лихтенштейнъ, предпріявшій снова взять Дубицу, былъ разбитъ и отступилъ за Унну. —Другой Турецкой Корпусъ занялъ Трансильванію. — Іосифъ самъ двинулся съ арміею, соединился съ остаткомъ разбитаго Варштелебенова войска, его опаковали разстроили лѣвое крыло, и онъ удалился къ Лугошу до Темесвара. — Фельдмаршалъ Лаудонъ смѣнилъ престарѣлаго Лассія, и поправилъ дѣла; взялъ Дубицу, Нови, а въ исходѣ Октября прогналъ Турокъ изъ Банната, и всею арміею окружилъ Бѣлградъ. Со всѣмъ тѣмъ первый годъ ознаменовался невыгодами; они потеряли до 70 т. убитыми, больныхъ было до 25 т. человѣкъ, казна истощилась, прибѣгали къ разнымъ средствамъ, предложили перемиріе, и не получили его.—Нѣтъ и сравненія съ дѣйствіемъ нашихъ войскъ!

Мы выше упомянули, что Іосифъ при путешествіи съ Екатериною поспѣшилъ возвратиться въ Вѣну, въ слѣдствіе донесенія о возмущеніи въ Нидерландахъ. Вотъ въ чемъ состояло дѣло сіе.

За 7 лѣтъ предъ тѣмъ Іосифъ при обозрѣ-

и также вознаградили бы Брабанцевъ за 1745 и 1746 годы. Голландцы отвергли такія, ни съ чѣмъ несообразныя домогательства, и дальнѣйшіе виды побудили Императора (12 Августа 1784 года) къ неожиданной умѣренности; онъ требовалъ только открытія Шельды и свободной торговли его подданныхъ съ Индіею. — Штаты возражали, что Шельда должна оставаться закрытою, — по XIV статьѣ Мюнстерскаго условія, равно по V Вѣнскихъ постановленій 1731 года, велѣли своему Вице-Адмиралу Реинсту стать съ эскадрою при устьѣ Шельды, а въ Сентябрѣ уже спрѣляли по плывшимъ Императорскимъ судамъ, принудили ихъ поворотить назадъ.

Возгорѣлась вражда; Іосифъ отозвалъ изъ Гаги своего Посланника Рейсхаха, прервалъ Конгресъ въ Брисселѣ, но войско его не появлялось; онъ не ожидалъ постояннаго сопротивленія. Голландцы приготовились къ оборонѣ; Фридрихъ II, чтобъ не вмѣшаться въ сіе дѣло, скрытно подстрѣкалъ ихъ, совѣтывалъ поручить войско Графу Миллибоо и призывалъ Францію къ противоборству съ Іосифомъ, показывая видъ, что сближается съ Англіею; но Франція отреклась

отъ союза и отдѣльно дѣйствовала. Голландцы, не видя ни откуда помощи, прибѣгли къ Екатеринѣ, и также тщетно. Посланникъ нашъ Колычевъ отвѣчалъ имъ, что Императрица напротивъ желаетъ, чтобъ они приняли предложеніе ея союзника. Франція вступилась за нихъ, сообщила Вѣнскому Двору, что не допуститъ до раздробленія страны, выставила армію во Фландріи, другую на Рейнѣ, подъ предводительствомъ Принца Конде и Маршала Брогліо.

Сіе побудило къ новыхъ переговорамъ, которые начались въ Версайлѣ 27 Ноября 1784 между Графомъ Вержейномъ—отъ Франціи, Графомъ Мери — отъ Императора, Беркенроде и Бранщеномъ отъ Республики. Мери, отставъ отъ прежнихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ притязаній, предложилъ, что онъ соглашается на небольшое приобрѣтеніе земель, на неважную заплату денегъ, если только окажутъ удовлетвореніе за обиду, причиненную Императорскому флагу.

Наконецъ споры рѣшились; утвердили 27 Октября 1785 года Мюнстерскія статьи съ нѣкоторыми отмѣнами. Постановлено уничтожить заставы, обѣимъ сторонамъ не строить

крѣпостей на пушечный выстрѣлъ.—Къ отвращенію потопленія также и во Фландріи спустить воды Мевзы. Австрійцамъ и Брабандцамъ по Шельдѣ до Сафтингена имѣть свободное и безпошлинное плаваніе, отъ сего же мѣста до моря и по каналамъ Сасскому и Свинскому судамъ ихъ не проходить. — Штаты сроютъ крѣпости Крюнсщанцеръ и Фридрихъ-Генри, отдадутъ Іосифу крѣпости Лилло, Лифкенстекъ, часть Аулны, Блегни, Трансляръ, Сенп-Андре, Бомбай, городъ Дельгемъ, селеніе Берно, и заплатятъ еще 10 милліоновъ франковъ. Отъ него въ замѣнъ получатъ они старой Факемонтъ, Шинъ, Струхтъ, Шенсбергъ, Бейсъ, Убахъ, селеніе Искупленія (Redemption) и Елзле.

Французской Король при посредничествѣ воспользовался случаемъ, заключилъ съ Республикою союзъ, противный условіямъ ея съ Англіею. Они обязались взаимнымъ при нападеніи отъ непріятелей вспоможеніемъ; Франція обѣщала выставлять 10 т. пѣхоты и 2 т. конницы, а Голландія въ случаѣ морской войны 6 кораблей, и 3 фрегата, и для сухопутной платить за 5 т. человѣкъ деньгами. Чтобъ воздержать на будущее время

защиты отъ Пруссіи, противная же сторона также прибѣгла къ Франціи. Обѣ державы прислали уполномоченныхъ, первая Гоерца, вторая Рейневаля; совѣщались, но ничего не сдѣлали. Послѣдовало новое оскорбленіе власти, супруга Вильгельмова удалилась изъ мятежнаго града, ее остановили на пути. Въ сіе время Фридрихъ II скончался, преемникъ его вступился за свою родственницу; 30 т. войска его двинулись въ 1787 году въ походъ, и дѣло возпріяло иной оборотъ. Надлежало смириться, Штадгальтеръ по двулѣтнемъ отсутствіи возвратился въ Гагу, Амстердамъ еще возмущался, но скоро смирился.

Франція, уже начинавшая революцію заявила 5 Сентября Англіи, что станетъ защищать народъ, а сія отвѣчала ей, что беретъ Штатгальтера подъ свое покровительство. Обстоятельства возпрепятствовали Франціи дѣйствовать; внутри ея возникли волненія, сверхъ сего она за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ заключила съ Россіею дружественный трактатъ, желала быть посредницею съ Портою, и для собственнаго огражденія сблизиться съ Пруссіею.

4 Апрѣля 1788 прибылъ въ Берлинъ отъ

тійскому Порту, Рогервику и сжегъ тамъ магазейны.

Апрѣля 30 Герцогъ Зюдермаландской вышелъ изъ Карльскроны съ 23 кораблями, 16 фрегатами и другими судами, всего въ числѣ 52. Послѣ нѣсколькихъ частныхъ сраженій, предсталъ къ рашоборству, покрытый сѣдинами Адмиралъ, Чичаговъ, и бывшія до того времени подъ спудомъ, высокія его достоинства открылись въ полномъ блескѣ. Онъ имѣлъ повелѣніе по соединеніи съ эскадрою Вице-Адмирала Козляинова, стоявшею у Копенгагена, поражать непріятелей. Новый нашъ герой, узнавъ о приближеніи 22 кораблей и 9 фрегатовъ Шведскихъ — подъ предводительствомъ Герцога Зюдермаландскаго, не дождался предписаннаго соединенія, и съ меньшими силами, только съ 20 кораблями, рѣшился ихъ атаковать. Онъ выдержалъ упорное сопротивленіе, причинилъ великой вредъ, и принудилъ ихъ отступить обратно къ Карльскронѣ.

Августа 13 послѣдовало между гребными флотами, въ окрестностяхъ острововъ Куцала, Мулица и Мусалы и близь Роченсальма жестокое сраженіе. Со стороны Шведской начальствовалъ Оберъ Адмиралъ Графъ Гернено-

Высаженные съ побѣдоноснаго флота войска нанесли 21 Августа между Гвинлакса и Куписа еще чувствительный Шведамъ ударъ. Взяли 44 пушки, Королевскаго Адъютанта Левенгельма, патронные ящики, сухари, вина Французскую водку, 60 плѣнныхъ, и убили до 200 человѣкъ.

Особый отрядъ Генералъ Маіора Балле овладѣлъ на берегу 29 пушками, канонерскою шлюбкою, небольшею яхтою, 5 баркасами, 2 шлюбками, 3 лодками, собственною Короля баржею о 12 веслахъ, 3 перевозными судами съ досками, такелажемъ и 300 бочками сельдей. Во все продолженіе сей компаніи Шведы на водахъ, повсюду были поражаемы, ни при одномъ случаѣ не имѣли поверхности, и много потерпѣли.

Надъ сухопутными войсками противъ нихъ начальствовалъ Графъ Салтыковъ.—Генералъ Маіоръ Михельсонъ побѣдилъ ихъ при Парасальмѣ, положилъ на мѣстѣ до 400, взялъ Сенп-Михель, 2 Маіоровъ, 5 Офицеровъ, до 100 рядовыхъ, 2 Шпабъ-Лѣкарей, 1 Лѣкаря, 1 штандартъ, 2 знамени, и въ преслѣдованіи отнялъ 16 пушекъ, множество ружей; Шведы бросились на суда, и поплыли къ Нейшлоту.

Потомъ сей же Генералъ сраз
ской странѣ съ Стеднигомъ, в
терею. Король вторгался въ
Русскіе вступали въ его владѣні
ба не огласила ничего важнаго

Теперь посмотримъ — что
арміи противъ Турокъ. Ге
Дерфельденъ открылъ компа
нѣйшимъ образомъ. Апрѣля
чительную крѣпость Галац
изтребилъ до 2 т. Турокъ,
чужнаго Сераскира, нѣскол
1492 рядовыхъ, отнялъ 3
мѣдныхъ пушекъ, много оруж
весь лагерь.

Въ сіе время первенствова
уже не Графъ Румянцевъ, а
кинъ, неравный ему въ иск
недавно его подчиненный. —
обыкшій къ второстепенно
что ему оставляютъ одн
прежнихъ лавровъ, просилъ
на мѣсто его поступилъ Кн
Но герой при Ларгѣ, подъ К
наржи подготовилъ своего уч
ные себѣ преемники. Сувор

стенъ былъ въ полкахъ, наносилъ ужасъ Мусульманамъ, Кинбурнъ открылъ въ немъ необыкновенный Геній, но слава его во всей полнотѣ началась отъ сего времени. Онъ явился непобѣдимымъ, неподражаемымъ; воины не знали съ нимъ усталости, глада и жажды; горы, пропасти, не приступности казались имъ гладкими поприщами, стремились за вождемъ на вѣрныя торжества. Превознесенные Конде, Тюренны, Люксамбурги далеко отстоятъ отъ него, одинъ только Юлій Кесарь можетъ соперничать съ нимъ.

Принцъ Кобургской пригласилъ Суворова къ поиску непріятелей; они наспигли ихъ въ числѣ 30 т. у Фокшанъ, дали 21 Іюля бой, устлали трупами поля, до тысячи взяли въ плѣнъ, при томъ 10 пушекъ, 16 знаменъ и весь лагерь. При погонѣ до рѣки Римника, отбили нѣсколько сотенъ повозокъ, великое число скота, и овладѣли магазинами.

Сентября 7 и 8 Князь Рѣпнинъ при рѣкѣ Сальчѣ разбилъ 30 тысячный корпусъ подъ предводительствомъ Сераскира Гассенъ Паши.

Визирь, узнавъ о происшедшемъ, двинулся со 100 т. на Принца Кобургскаго къ Рим-

Именитыя Бендеры, защищаемыя стѣнами, 300 пушками, 25 мѣдными моршпирами, сдались Ноября 3 храброму Каменскому съ бомбами, ядрами, снарядами, припасами.

На водахъ примѣчательно одно дѣйствіе. Генералъ Маіоръ Рибасъ, покорилъ 14 Октября въ виду всего непріятельскаго флота замокъ Гаджибей, гдѣ нынѣ процвѣтаетъ Одесса, взялъ въ плѣнъ Двубунчужнаго Пашу Ахмета, пушекъ 12, знаменъ 7 и флаговъ 9.

Австрійцы почти въ равныхъ съ нами силахъ не имѣли большихъ успѣховъ. Лаудонъ поправилъ нѣсколько ихъ дѣла, взялъ 2 Іюня Градишку, и 27 Сентября хорошо укрѣпленный Бѣлградъ.

Порта стѣсняемая, побѣждаемая повсюду, помышляла о мирѣ, предлагала оный Князю Потемкину чрезъ Ефендія, Лаудону посредствомъ Тефтердаля; но оба полководцы отвѣчали, что представятъ о томъ своимъ Вѣнценосцамъ, и войны между тѣмъ не прекращались.

Польша, всегда волнуемая, всегда враждебная Россіи, хотѣла воспользоваться обстоятельствами, и была еще подстрѣкаема

Россіею; но Польша не внимала, не уважала двухъ, пребывающихъ въ тѣсной связи, Имперіи, и копала ровъ къ своему паденію.

Екатерина не могла тогда прекратить ни постороннихъ вліяній, ни опаснаго умоброженія Поляковъ, и оставляла то до удобнаго времени.

Сіи появившіяся возмущенія были только слабыя отраженія отъ ужаснѣйшей, едва вѣроподобной революціи во Франціи. Она беретъ свое начало отъ царствованія *Людовика XIV*, отъ системы *Лава*, и отъ любовницъ *Людовика XV*. — Еще съ тѣхъ временъ нравственность постепенно повреждалась, *вѣра ослабѣвала*, и общее мнѣніе измѣнялось. Стали признавать пороки слабостями, слабости погрѣшностями, извинять отступленія отъ правилъ Церкви, давать имъ превратной толкъ, не стыдиться предосудительныхъ своихъ поступковъ, даже щеголять ими, и шагъ за шагомъ приближались къ пагубной цѣли. Столь-то опасно нарушать обычаи, привычки, духъ народа, утвержденные предками, освященные вѣками; не рѣдко одна перемѣна въ названіи, искажаетъ самую вещь. — Аббаты сочиняли соблазнительныя пѣсни, дерзнули въ игривыхъ

тельнымъ деспотизмомъ. На театрахъ невинность краснѣла, въ обществахъ старались только объ острыхъ словахъ; эпиграммы замѣнили достоинства съ разсудкомъ; пренебрегали свои обязанности, стыдились постоянства, твердости характера — захотѣли быть любезными. Въ такомъ расположеніи застигло Французовъ Американское возмущеніе. Народъ вѣтренный, безнравственный, прельщающійся новизнами, уже созрѣлъ къ принятію пагубнаго переворота, и безъ соображенія настоящаго съ будущимъ устремился къ яркому пламени, блеснувшему въ иной части свѣта. Лафаетъ, глава безначалія и безпорядковъ, занесъ оттуда искру къ воспламененію цѣлой Европы. Франція, вскормленная въ безчиніи, упитанная невѣріемъ, погрязшая въ развратѣ, обрадовалась случаю низпровергнуть среди своего отечества забралы благоденствія, тишины, и всѣ основанія потряслись, сокрушились.

Изложеніе сего необычайнаго событія не принадлежитъ къ нашему повѣствованію; мы только мимоходомъ укажемъ на крупныя онаго черты. Поученія философовъ съ адскимъ злонамѣреніемъ произрастили желаемый ими плодъ; Король кроткій, добродѣтельный

крови: Д'Артуа, Конде, Бурбонъ, Д'Ангейнь и Конти, изключая Орлеанскаго, уже злоумышлявшаго, представляли — какія прежде случались опасности отъ подобнаго съѣзда; но Людовикъ, надѣясь на чистоту своихъ дѣйствій, думалъ, что среди чадъ найдетъ помощь, утѣшеніе себѣ, и не отмѣнилъ постановленія. Штаты собрались 27 Апрѣля, и предсказаніе Принцевъ совершилось. Въ первый день появленія Депутатовъ, послѣ 3 часовъ по полудни, улицы покрылись толпами, тысячи народа тѣснились у заставъ; съ палками въ рукахъ, съ ожесточеніемъ на лицахъ; бросились къ жилищу бумажнаго фабриканта Ревейльона, не отыскавъ его, разграбили домъ, погреба, упились крѣпкими напитками; нѣкоторые отравили себя сосѣдами для красокъ. Сдѣлали чучелу съ надписью его имени, повѣсили ее на фонарѣ предъ ратушею, (Hotel de ville, place de gréve). Купцы заперли свои лавки, не знали что дѣлать; искры подъ пепломъ вспыхнули. Подоспѣло войско, вступило въ бой съ ослушными, убили и ранили до 500; народъ ревѣлъ, чтобъ нарекли Правителемъ Герцога Орлеанскаго, или Неккера Диктаторомъ. Между тѣмъ

*

щенный Король, несогласное между собою духовенство и дворянство не въ силахъ противиться ихъ замысламъ; предприняли уничтожить голоса по отдѣленіямъ, призывали оба сіи сословія къ себѣ, для общаго засѣданія. Долго они противились, разсуждали особенно, и демократы объявивъ себя полными властелинами народа, издавали повелѣнія. Къ прекращенію такого буйства, Король приказалъ запереть галлерею, устроенную для игры въ мячи (Jeu de peaume), гдѣ происходили собранія, возвѣстя, что отсрочиваетъ ихъ до 5 Маія, личнаго своего присутствія. Но сему не повиновались. Мирабо осмѣлился поощрять къ тому сотоварищей извѣстными дерзкими словами; перешли въ монастырь Recollets, поклялись не разрушать начатаго, сходиться гдѣ только будетъ удобно. Бродившій по ихъ слѣдамъ народъ рукоплескалъ, шумѣлъ, войско возглашало: да здравствуетъ народъ! Насталъ назначенный Королемъ срокъ, онъ шествовалъ съ пышнымъ обрядомъ въ церковь Богоматери, (Notre dame) Принцы слѣдовали за нимъ величаво, что походило на комедію; уже рѣшили прежде чему быть—и все угрожало бѣдствіемъ; чрезъ два мѣсяца Король возложитъ на главу

Тавернье и Віитта въ сумашествіи, которыхъ они тогда же сами отправили въ Шарантонъ. Изъ сего видно, что Бастилія напротивъ была благодѣтельнымъ мѣстомъ къ умѣренному обузданію порочныхъ, къ смягченію наказаній, опредѣляемыхъ законами.

Покорители Бастиліи опасались худыхъ для себя послѣдствій, къ тому жъ пронеслась молва, что дворянство жаждетъ ихъ крови,—стекались, перебѣгали съ одной площади на другую, возбуждали другихъ къмятежу крикомъ: *къ оружію, къ оружію!* у церквей ударяли набатъ; мирные обыватели запирались въ домахъ,—звѣрскіе отголоски раздавались изъ шинковъ, трактировъ.

Іюля 17 Король для водворенія тишины посѣтилъ Парижъ; встрѣчаютъ его, привѣтствуютъ, и въ то же время летятъ пули въ карету; стоявшая близь оной женщина была поражена выстрѣломъ. Людовикъ съ растерзанною душею, съ чувствами чадолюбивыми шествуетъ, какъ обреченный на закланіе агнецъ, подъ сводомъ изъ ружей и пикъ, вступаетъ въ совѣтъ нечестивыхъ, и тщетно напоминаетъ о спокойствіи. Удаленный предъ тѣмъ отъ дѣлъ Неккеръ, по свое-

молвилъ: пойдемъ въ Версайль, и всѣ повторили: поспѣшимъ туда! Гнусное сіе полчище достигло заставы, стража противится, начинается сраженіе; одолѣваютъ ее, и гулъ изверговъ возшумѣлъ на поляхъ. Какое отвратительное, неслыханное зрѣлище! Мегеры въ рубищахъ, въ лахмотьяхъ, съ пиками, аллебардами, вилами, ружьями—бакханствуютъ, бѣснуются, изрыгаютъ ругательства Королевѣ; 3 роты гренадировъ предшествуютъ имъ, Лафаетъ ѣдетъ верьхомъ равнодушно, и въ Парижѣ во слѣдъ единомысленнымъ звонятъ въ колокола. Спрашивается на кого ополчаются? — На Короля милостиваго, на отца своего.—За что? — Никто не укажетъ причины; онъ никому не оказалъ зла, всѣ помышленія его были о благѣ народа: развѣ за излишнюю къ извергамъ любовь? Отъ временъ Генриха IV Франція не имѣла столь добраго Властителя; онъ жертвовалъ собою, чтобъ не пролить ни одной капли крови. Вотъ плоды безвѣрія, лжеученія, развращенія нравовъ! Народъ безъ руководства претворяется въ тигровъ.

Въ Версайлѣ уже знали о приближеніи фурій; обступили дворецъ пушками, войско

въ ея спальню, искали ее вездѣ, даже прокалывали остріями постель, и насытясь варварствомъ, возревѣли, какъ послѣ благонамѣреннаго подвига: *вивать Король!* Несчастный, достойный лучшей участи Вѣнценосецъ, показался на балконѣ, и съ нимъ Королева, держащая за руки сына и дочь, но закричали ей: безъ дѣтей! безъ дѣтей! Она повиновалась, и—осуждаемая предъ тѣмъ на смерть, также удостоилась опть изверговъ возванія: *да здравствуетъ Королева!* Кто постигнетъ сей быстрой переходъ опть жестокости къ привѣтствію?—Къ довершенію неистовствъ слилось множество голосовъ: Пусть Король ѣдетъ въ Парижъ!—Онъ не противился, просилъ только не разлучить его съ семействомъ, и опть презрѣнной черни послѣдовало позволеніе на то.

Въ часъ по полудни тронулось печальное

Примѣчательные указы.

1788. О заведеніи въ Астрахани запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, Народнаго Училища, и о продажѣ виноградныхъ садовъ частнымъ людямъ.

О довольствованіи Пансіонеровъ, инвалидовъ, вдовъ и сиротъ.

О поселеніи ссылочныхъ раскольниковъ.

О допущеніи дѣтей, прижитыхъ опть впораго

стомъ: возлагаютъ на него вѣнецъ, и прободаютъ копіемъ? Король вступилъ въ собраніе Представителей—бунтовщиковъ, и тутъ-то поднесли ему трехцвѣтную кокарду, трофей люпости, безчинія въ предзнаменованіе приближающейся его гибели. Въ журналахъ извиняли сіе произшествіе, увѣряли, что оное предпринято по необходимости, для удержанія Короля отъ побѣга въ Мецъ. Тюльерійской дворецъ отъ самаго регенства надъ Людовикомъ XV оставался въ запустѣніи, никто въ немъ не обиталъ, не было удобностей для жизни, и гонимое семейство нуждалось во многомъ. Вольнодумныя засѣданія занимались пустыми предметами, и все вниманіе устремляли на подкопаніе законной власти, на соб-

---

Съ запрещеніемъ говорить о политикѣ въ клубахъ и трактирахъ.

О войнѣ съ Швеціею 30 Іюня.

О назначеніи Муфтія въ Крыму.

О наборѣ съ ямщиковъ 1000 человѣкъ къ составленію Казачьяго полка.

Объ открытіи училищъ по Губерніямъ.

1789. Объ отпускѣ по 3 милліона рублей на содержаніе Двора.

Изданы правила для госпиталей.

ГЛАВА II.

Сраженія съ Шведами.—Сіи заперты въ Выборгскомъ заливѣ—пробиваются съ большею потерею. — Разбитъ Принцъ Нассау. — Заключенъ съ ними миръ. — Кончина Императора Іосифа.—Ушаковъ разбиваетъ Турецкой флотъ.—Суворовъ беретъ славную крѣпость Измаилъ. — Пруссія склоняла Австрію прекратить войну съ Портою, но трактать Австріи съ нами тому воспрепятствовалъ.—Что происходило въ Нидерландахъ — Король Прусской подстрѣкаетъ Польшу возстать на насъ, требуетъ себѣ Данцига съ Торуньемъ.—Неистовства во Франціи.

Годы

1790. Послѣ сильныхъ пораженій, нанесенныхъ нашими войсками Швеціи и Портѣ, объ сіи державы склонились бы къ миру; если бы Англія съ Пруссіею не увѣрили ихъ, что могутъ устрашить Екатерину угрозами. Она на предложенія ихъ дала горделивый отвѣтъ, чтобъ Порта заплатила за убытки, постановила Днѣстръ границею; отъ Швеціи же ничего не требовала, кромѣ утвержденія Нейштадтскаго и Абовскаго трактатовъ. Не согласились на то ни воюющія стороны, ни ихъ ходатаи, и возобновились брани еще съ превосходнѣйшимъ противъ прежняго успѣхомъ для Россіи.

Начало компаніи ознаменовалось неудачею.

Мы подступили къ Пардакоскѣ, крѣпкой своимъ положеніемъ—и съ 18 Апрѣля по 1 Маія происходили жаркія сраженія. Девять разъ дѣлали написки, два раза брали Пардакоску, наконецъ, потерявъ храбрыхъ: Принца Ангальтъ-Бернбургскаго, Преображенскаго полка Маіора Байкова и много людей въ гвардіи, отошли отъ нее.

Генералъ Нумсенъ одержалъ подъ Абесферсомъ большую побѣду и взялъ упорную Пардакоску.—Маія 24 Армфельдъ напалъ съ 4 т. на укрѣпленный нашъ Савапойполь, Генералъ Шварцъ отразилъ его; при семъ убиты два Адыютанта, изъ коихъ одинъ Королевской, до 750 человѣкъ, самъ Армфельдъ раненъ, въ плѣнъ взято 5 чиновниковъ, 60 солдатъ и 4 пушки. — Густавъ поспѣшилъ на помощь, встрѣтилъ отрядъ подъ начальствомъ Козачьяго Генерала Денисова, побѣдилъ его, получилъ легкую рану въ руку, и соединился съ Армфельдомъ.

Іюня 6 Графъ Буксевегденъ выдержалъ на мысѣ острова Урансари жестокую битву съ высаженными на берегъ полками Королевской гвардіи Упландскимъ и Абовскимъ, опрокинулъ ихъ, гналъ до гребнаго флота; они въ

безпорядкѣ бросались на суда, оставя побѣдителю 4 знамя и 254 чел. убитыхъ, кромѣ погибшихъ въ лѣсахъ.

Іюня 14 Шведскій Генералъ Графъ Меерфельдъ нѣсколько отплатилъ за нашъ успѣхъ; взялъ Гегфорсъ, 16 знаменъ и занялъ Кюмень городъ.

Страна лѣсистая и гористая не имѣетъ удобностей къ правильнымъ сраженіямъ, а потому ихъ и не было; все заключалось въ обходахъ, внезапныхъ нападеніяхъ изъ ущелій, утесовъ, и сію трудную войну должно признать партизанскою, основанною на однихъ хитростяхъ. Но борьба на водахъ представитъ намъ открытыя состязанія, покажетъ обдуманное искуство вождей.

Апрѣля 30 Шведскій флотъ вышелъ изъ Карльскроны въ 22 линейныхъ корабляхъ, 11 большихъ, 5 малыхъ фрегатахъ, всего въ 52 парусахъ. Галерный ихъ флотъ увеличился отъ 60 до 300 судовъ, войска на нихъ находилось до 25 т. человѣкъ.

Часть послѣдняго—въ 19 галерахъ, 15 большихъ, 30 малыхъ судахъ, 10 бомбардирскихъ каперахъ, 80 канонирскихъ лодкахъ, 1 Королевской яхты, всего во 156 мачтахъ, подъ

удалился. Другой приблизился къ нашей контробаталіи, въ него стрѣляли со шканцевъ Ростислава картечью, съ другихъ отдаленныхъ—ядрами, книпелями, сшибли гротъ-мачту, форспиштейну, отъ чего онъ вовлекся въ нашу линію, спустилъ флагъ, и отдался въ плѣнъ. Одинъ корабль сѣлъ на мель у острова Вульфъ и остался тутъ, другой о 64 пушкахъ созженъ, и корабль Карлъ отдался въ плѣнъ. Обитатели Ревеля видѣли изъ оконъ и съ береговъ пораженіе ихъ, бѣгство, и постоянную славу Россіянъ.

Вице Адмиралъ Крузъ съ другимъ флотомъ изъ 17 кораблей, 4 фрегатовъ, 2 катеровъ вышелъ изъ Кронштадта, плылъ къ Ревелю въ общій составъ съ Чичаговымъ, и встрѣтилъ 23 Маія у красной горки, не доходя Соскора, Шведской флотъ въ 22 корабляхъ, 8 фрегатахъ, еще нѣсколькихъ другихъ судахъ. Непріятели, понадѣясь на свое превосходство и на близость своей гребной флотиліи, устремились на Круза, съ намѣреніемъ сдѣлавъ по разбитіи его высадку, идти къ Петербургу, но ошиблись въ ращетѣ. Крузъ упредилъ ихъ, самъ напалъ, на другой день прогналъ, и въ виду обоихъ ихъ флотовъ соеди-

усѣянъ былъ смертоносными засѣвами: Контръ-Адмиралы Повалишинъ, Ханыковъ пускали бомбы, ядра, другіе гнали ихъ какъ сквозь строй; однако они, оставя въ добычу побѣдителямъ 5 линейныхъ кораблей, 2 фрегата и множество иныхъ судовъ, спаслись съ остатками. Ихъ преслѣдовали до Гогланда, овладѣли еще двумя кораблями, однимъ фрегатомъ, но при наступленіи ночи, они успѣли укрыться подъ стѣнами неприступнаго Свеаборга. Всего потеряли они 11 кораблей, 2 фрегата, множество убитыми, въ плѣнъ достались Контръ-Адмиралъ Анкеръ, до 200 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и до 5 т. матросовъ. Военные знатоки порочатъ сіе дѣйствіе Россіанъ, утверждаютъ, что надлежало бы взять все до послѣдняго судна — вмѣстѣ съ Королемъ и его братомъ.

Совсѣмъ тѣмъ знаменитая та побѣда полагала окончаніе войнѣ; опрометчивость Принца Нассау нѣсколько помрачила ее. Онъ полагаясь на превосходство въ силахъ, неосмотрительно атаковалъ Короля у Швеизунда, былъ разбитъ на голову, и потерялъ 55 судовъ, всѣ свои вещи, бумаги, до 6 т. плѣнныхъ. Въ стыдѣ, въ отчаяніи Принцъ писалъ о семъ къ

усѣянъ былъ смертоносными засѣдами: Контръ-Адмиралы Повалишинъ, Ханыковъ пускали бомбы, ядра, другіе гнали ихъ какъ сквозь строй; однако они, оставя въ добычу побѣдителямъ 5 линейныхъ кораблей, 2 фрегата и множество иныхъ судовъ, спаслись съ остатками. Ихъ преслѣдовали до Гогланда, овладѣли еще двумя кораблями, однимъ фрегатомъ, но при наступленіи ночи, они успѣли укрыться подъ стѣнами неприступнаго Свеаборга. Всего потеряли они 11 кораблей, 2 фрегата, множество убитыми, въ плѣнъ достались Контръ-Адмиралъ Анкеръ, до 200 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и до 5 т. матросовъ. Военные знатоки порочатъ сіе дѣйствіе Россіанъ, утверждаютъ, что надлежало бы взять все до послѣдняго судна — вмѣстѣ съ Королемъ и его братомъ.

Совсѣмъ тѣмъ знаменитая та побѣда полагала окончаніе войнѣ; опрометчивость Принца Нассау нѣсколько помрачила ее. Онъ полагаясь на превосходство въ силахъ, неосмотрительно атаковалъ Короля у Швеизунда, былъ разбитъ на голову, и потерялъ 55 судовъ, всѣ свои вещи, бумаги, до 6 т. плѣнныхъ. Въ стыдѣ, въ отчаяніи Принцъ писалъ о семъ къ

Императрицѣ, за что получилъ Андреевскій орденъ.

Почтенный Чичаговъ, до того времени незамѣчаемый и удрученный бѣдностію, ожидавшій по годамъ близкаго конца жизни, а по службѣ увольненія съ пенсіономъ, не сближался съ именитостію; и вдругъ суровая зима его теченія претворилась въ прелестнѣйшую весну, возвела его изъ мелкопомѣстнаго къ богатству, изъ линейныхъ Генераловъ къ славѣ. Онъ прикрылъ сѣдины свои лаврами, снискалъ безсмертіе, особенное благоволеніе Екатерины; почести, награды посыпались на него, и одинъ при семъ случай достоинъ любопытства. Посылали ему Андреевскій орденъ, уже рескриптъ былъ подписанъ, и Графъ Безбородко, отмѣривая при Екатеринѣ ленту, спросилъ: не прикажите ли отрѣзать двойную препорцію? — Для чего же спросила она? — Герой нашъ бѣденъ, отвѣчалъ Графъ, износитъ эту, и не на что ему будетъ купить другую. — О! такъ подайте же бумагу, и своей рукою прибавила на ней: *жалую ему 4 т. крестьянъ.*

Теперь вопрошаемъ мы для чего происходило сіе кровопролитіе, еще съ нарушеніемъ

лась, дѣла воспріяли иной оборотъ; оба преемники сихъ Владыкъ не имѣли прямыхъ связей съ Россіею. Леопольдъ II продолжалъ войну съ Портою хладнокровно, Фридрихъ Вильгельмъ подстрѣкалъ Польшу, ожидалъ отъ вражды ея съ нами приобрѣтеній. Екатерина уже дѣйствовала одна безъ союзниковъ, превозмогла всѣ препятствія, и довершила свой планъ съ блистательнымъ успѣхомъ.

Турки вновь соорудили 18 кораблей: 4 Флагманскихъ, 12 фрегатовъ, также бомбарды, шебеки, бригантины, всего съ малыми до 150 судовъ, и подъ начальствомъ Капитанъ-Паши поспѣшали еще испытать счастіе противъ постоянныхъ своихъ побѣдителей. Долго лавировали, не рѣшаясь ни на что, наконецъ осмѣлясь, встрѣтились 28 Августа у Крымскихъ береговъ, между Хаджибея и Тендуровъ съ Вице-Адмираломъ Ушаковымъ, который съ слабѣйшими силами, съ 15 кораблями, 8 фрегатами, всего 48 судами оберегалъ только страну и не дѣлалъ поисковъ. Несоразмѣрное превосходство, предательство Татаръ, недавно нами покоренныхъ, а съ ними единовѣрныхъ — не устрашили Ушакова. Онъ вступилъ въ

ными пушками, 1 мортирою, со множествомъ чугунныхъ орудій, хлѣбными припасами, и весьма примѣчательно, даже единственно -- не было съ нашей стороны ни одного убитаго, ни одного раненнаго. Приобрѣтеніе Исакчи способствовало нашему флоту; оный овладѣлъ двумя островами, устроилъ на нихъ батареи, прогналъ поврежденный Турецкой флотъ къ Царюграду, и приближался къ Измаилу. Славный Суворовъ смѣнилъ Князя Рѣпнина, и получилъ повелѣніе покорить сію крѣпость, первую по Очаковѣ. Она защищалась 12 т. гарнизона, сильною артиллеріею, стѣнами, почиталась неприступною, но для Суворова не было невозможнаго. Онъ стремительными переходами подступилъ 10 Декабря съ 22 т., флотъ нашъ съ 3 т. расположился противъ города на морѣ; на другой день 7 колоннъ—по 2,590 человѣкъ—двинулись на приступъ. Въ 5 часовъ утра открылась съ обѣихъ сторонъ пальба, неустрашимые Россіяне спускались во рвы, очищая путь штыками, подставляли лѣстницы, свергались, опять возходили, сверкали сабли, кинжалы разъяренныхъ Мусульманъ; густой дымъ покрылъ небосклонъ, крики Ал-

процвѣтавшій городъ претворился въ ужасающее кладбище.

Грекъ Соппири взволновалъ жителей въ Эпирѣ, они своимъ иждивеніемъ снарядили въ Тріестѣ 12 судовъ, поручили ихъ предводительству Ламбро Качіони, который разбилъ Янинскаго Пашу, отправилъ богатые его доспѣхи въ Петербургъ, и до того устрашилъ Сераль, что отозвали всѣ корабли съ Чернаго моря.

Австрійцы далеко не равнялись съ нами въ трофеяхъ. Они взяли 5 Апрѣля Орсову, 15 Іюня Генералъ ихъ Винсъ напалъ на Турокъ при Калафатѣ, много истребилъ, 9 Іюля овладѣлъ крѣпостью Цѣпцинъ. — Со всѣмъ тѣмъ уже помышляли о прекращеніи войны. Притомъ Пруссія, чтобъ отвлеченіемъ ихъ ослабить нашу сторону, помочь Портѣ, защитить Польшу съ нѣкоторымъ для себя приобрѣтеніемъ склоняла Леопольда къ разрыву съ нами. Въ началѣ Іюля открылся конгресъ въ Рейхенбахѣ, прибыли на оный отъ Императора Принцъ Рейсса и Баронъ Спильманъ. — Отъ Англіи Еварпъ.—Отъ Польши Князь Яблоновскій. Пруссія сперва требовала себѣ Данцига съ Торуемъ, и чтобы

что онъ не съ тѣмъ кончилъ войну, чтобъ начинать другую.

Попухшее въ Нидерландахъ возмущеніе опять возгорѣлось. Патріоты, имѣя главами Кардинала Франкенберга и Герцога Д'Аренберга собрались въ Бреду, опкрыли засѣданія. Они еще въ прошедшемъ году посылали депутатовъ къ Іосифу съ требованіемъ возстановить все по прежнему въ Брабантѣ, объявляя, что въ противномъ случаѣ прибѣгнутъ съ помощію Божіею къ оружію. Не получа рѣшенія набирали войновъ, обучали ихъ, выступили въ походъ, побѣдили Генерала Щредера съ 3 т., и все по пути жгли, истребляли. — Жители въ Гентѣ выгнали опъ себя гарнизонъ, и по прибытіи къ нимъ Патріотовъ отложились опъ повиновенія. Императоръ Іосифъ не за долго предъ своею кончиною, оказалъ на то соизволеніе, но тщетно. Напали на Генерала Алтона, принудили его удалиться къ Намуру, отняли артиллерію, обозъ, все что принадлежало Императору, и 2 Декабря возгласили въ Брисселѣ независимость. Брабандцы заключили союзъ съ Фламандцами, состязались какое учредить правленіе, хотѣли въ подраженіе

Отъ Пруссіи Келлеръ. — Отъ Англіи Лордъ Ауслandъ. — Отъ Штатовъ Вандеръ Спагель. — Отъ Бельгіицевъ Нассау, Мерде и Аббатъ Леемпель.

Посредники, усматривая несправедливое упорство отложившихся, разсердились и объявили, что если въ три недѣли не обратятся къ прежнему повиновенію, то отступятся отъ нихъ и не будутъ болѣе вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Назначенное время истекало, Патріоты просили отсрочки, и вручали власть надъ собою Карлу, сыну Императора; но всѣ ихъ домогательства были отвержены, Австрійцы вошли въ Бриссель, бунтующіе покорились. Леопольдъ подтвердилъ конституцію, существовавшую при Маріи Терезіи, общее прощеніе, возстановленіе уничтоженныхъ Аббатствъ, званіе Первыхъ Судей по смерть, и обѣщалъ не налагать податей безъ одобренія отъ Штатовъ. Уполномоченные подписали сіи статьи — 29 Ноября, со всѣмъ тѣмъ неоднократно возникали мятежи, и это продолжалось до покоренія сей страны Французами въ 1793 году.

Въ сіе время Польша возмечтала, что Россія находится въ стѣсненномъ положе-

прежнее свое искательство—пріобрѣсть Данцигъ съ Торунемъ. Россія и Австрія по причинамъ политическимъ, по неудовольствіямъ на Короля, а Англія съ Голландіею по важной торговлѣ въ тѣхъ мѣстахъ, воспротивились таковой уступкѣ. Обстоятельство это осталось нерѣшеннымъ; на Сеймѣ изъявляли неясные отвѣты, и Король Прусскій, видя неудачу, пересталъ наклонять Австрію къ возврату части отъ Галиціи, вознегодовалъ на Республику. Это послужило основаніемъ къ двумъ послѣдовавшимъ раздѣламъ Польши.

Франція въ бѣснованіи влекла за собою въ пропасть всю Европу. Проповѣдники ея вторглись въ Кабинеты Дворовъ, въ наставники юкошеству; журналы превозносили хвалами адскіе подвиги, совершенные въ Парижѣ, провозглашали перерожденіе вселенной, полную свободу. Умы поколебались, обольстились новыми правилами, доброжелательствовали неистовымъ; повсюду разсуждали о правахъ человѣка, о независимости; послѣдовала странная перемѣна во мнѣніяхъ, и Правительства встревожились, предпринимали мѣры осторожности, какъ отъ заразительной чумы. Французы сдѣлали науку Варварства, щеголяли тѣмъ, и достигли

изнеможеннаго принесть на жертву своему неистовству, и жаждали крови своей собратіи. Многимъ изъ нихъ приличествовала сія мысль:

Ступай душа во адъ, и буди вѣчно плѣнна!
О! если бы со мной погибла вся вселенна!

Каждое ихъ дѣяніе носило на себѣ печать безумія, злобы, невѣжества въ дѣлахъ, и стремленія устроить на развалинахъ отечества собственную пользу. Они лишили Короля власти объявлять войну, заключать миръ, уничтожили дворянство, тишулы—сіи первѣйшія пружины геройства, славы, отняли пенсіи у заслуженныхъ. — Имущества духовныхъ, казенные лѣса, замки, увеселительные домы Короля назначили въ продажу, и послѣднимъ требовали отъ Людовика описей.—Выпустили ассигнаціи съ потерею для частныхъ людей по 40 процентовъ на сто. Послѣ сихъ перемѣнъ оставался только скелетъ Государства; фуріи оглодали его составъ. Людовикъ не могъ долѣе переносить оскорбленій, переѣхалъ въ Сенп-Клу; но и тамъ слышалъ ругательства себѣ, угрозы своей супругѣ. Онъ уже не Царь, но еще и не плѣнникъ, а мученикъ подъ вѣнцемъ, достой-

ГЛАВА III.

Напрасныя отъ нѣкоторыхъ Дворовъ угрозы Екатеринѣ. — Конгресъ въ Чистовѣ. — Большія требованія Австріи. — Она примиряется съ Портою. — Праздникъ Потемкина. — Англія понуждаетъ Россію къ миру. — Присылаютъ уполномоченныхъ. — Острыя слова Екатерины Витфорту. — Послѣдствія нашихъ побѣдъ. — Князь Рѣпнинъ постановилъ статьи мира. — Князь Потемкинъ, узнавъ о томъ, поспѣшаетъ къ арміи; вскорѣ оканчиваетъ жизнь свою. — Разсужденіе объ немъ. — Статьи мира. — Союзъ Россіи съ Швеціею. — Польша, возмечтавъ о худомъ состояніи Россіи, перемѣняетъ образъ своего правленія, конституцію, умножаетъ войско, доходы. — Бѣсованіе Франціи. — Празднество мира съ Швеціею въ Петербургѣ.

Годы 1791.

Прежде нежели станемъ говорить о войнѣ нашей съ Портою, представимъ въ какомъ расположеніи къ Россіи находились многія Державы и какія предпринимали онѣ средства. Мы видѣли, что въ Рейхенбахѣ происходили переговоры, склоняли Императора на миръ, постановили принудить общими силами Россію возвратить Швеціи Финляндію, а Портѣ все отъ нея взятое, и однимъ разомъ лишить славную Державу величія, погрузить ее въ безславіе. Таковой замыселъ угрожалъ Россіи великою опасностью; надлежало воевать почти со всею Европою, но Густавъ, не вѣдая о

сіе причинило бы безславіе ихъ Дворамъ, ручательство должно остаться неизмѣннымъ; но упорство Герберта принудило ихъ не спорить, дабы не помѣшать общимъ видамъ. Уступчивость возгордила Австрію; она захотѣла получить часть Кроаціи до рѣки Унны, старый Урсуфъ, денегъ за убытки себѣ и подданнымъ, чтобы не возпрещали устроеніе крѣпостей на Савѣ и Дунаѣ, наконецъ чтобъ до заключенія мира съ Россіею оставалась у нея вмѣстѣ съ Хотинымъ и Валахія. Столь неожиданное требованіе привело уполномоченныхъ въ замѣшательство; Турки удалились 28 Маія, чтобъ наводить мостъ при Силистріи противъ Князя Рѣпнина и Австрійскіе Посланники также уѣхали. Между тѣмъ многіе Кабинеты занимались предметомъ важнѣе сего, помышляли о прекращеніи революціи во Франціи. Англія горѣла нетерпѣніемъ отмстить ей за помощь Американцамъ, всѣ желали какъ нибудь успокоить Австрію — и склонили Герберта съ Еспергазіемъ воротиться въ Чистовъ. Опять приступили къ совѣщаніямъ, и 24 Іюля, Императоръ, вопреки трактату, отдѣльно отъ Россіи заключилъ миръ съ Турками. Порта уступила ему земли на лѣ-

ты до 4 т. чел., взято 17 мѣдныхъ пушекъ, 7 байдаковъ, 16 знаменъ, много плѣнныхъ;— потоплены 4 бомбарды и 3 канонерскія лодки.

Іюня 4 Кутузовъ вновь поразилъ подъ Бабадою Сераскира Ахмета, имѣвшаго при себѣ 15 тысячь войска, Двубундчужныхъ Пашей, Хана Бахти Гирея, 5 Султановъ, притомъ до 8 т Татаръ, Некрасовцевъ, Запорожцевъ;— сжегъ Бабаду, взялъ лагерь, 8 мѣдныхъ пушекъ, знамена и большое количество плѣнныхъ.

Князь Потемкинъ находился тогда въ Петербургѣ, и какъ бы по нѣкоему предчувствію, далъ 28 Апрѣля пращальное празднество, достойное Екатерины и единственное въ своемъ родѣ. Чертоги вмѣщали въ себѣ драгоцѣнности, роскошь, вкусъ—все что только уму и взорамъ польстить можетъ, а на Фронтонѣ златыя слова возвѣщали: *Отъ щедротъ Великой Екатерины.*—Сотни двѣ офиціянтовъ, лакеевъ, гайдуковъ, Араповъ—въ галунахъ, въ богатыхъ подъ одну форму одеждахъ— оркестры въ разныхъ мѣстахъ ожидали Высокихъ посѣтителей. Предъ домомъ на площади, въ украшенномъ зеленью амфитеатрѣ, устроенъ былъ пиръ для народа съ кушака-

ло приглашеніемъ къ театральному представленію. Играли маленькую комедію, за нею послѣдовалъ балетъ: *Купецъ изъ Смирны*, и въ числѣ продаваемыхъ имъ невольниковъ не было ни одного Россіянина. По окончаніи спектакля—сто тысячь ламиъ—изъ чистаго хрусталя—озарили цвѣтными огнями звѣзды, полумѣсяцы, арки—на окнахъ, карнизахъ простѣнкахъ. Изумленная симъ Екатерина вопросила: Ужели мы тамъ, гдѣ прежде были? Въ отдаленіи являлись рощи деревьевъ, обремененныхъ померанцами, персиками, лаврами, гроздами винограда—и хоръ птицъ раздавался на свободѣ. На олтарѣ изъ 4 гранитныхъ столбовъ, убранномъ сапфирами, янтарями, розами стояло изображеніе Екатерины, горѣло вензеловое ея имя, а у подножія читали слова: *Матери Отечества, и мнѣ премилосердой.* Въ сихъ изукрашенныхъ чертогахъ плясали, пѣли по Русски, по Малороссійски, а въ саду, ярко освѣщенномъ, толпились тысячи любопытныхъ. Вдругъ сцена Театра изчезла, явились накрытые на 600 приборовъ столы, горы серебра, золотые подсвѣчники. У перваго стола возсѣдала Императрица, съ Наслѣдникомъ и его супругою, на второмъ Великіе

томъ смѣлаго предпріятія Екатерины. Она повелѣла готовить войско къ походу чрезъ Усбекскія и Кашемирскія земли въ Индію на помощь Моголу, дабы, поставивъ твердую ногу въ Астрабадѣ, уничтожить тамъ торговлю Агличанъ (*). Для сего Лондонской Дворъ отправилъ въ Петербургъ Фавкнера, Секретаря Тайнаго Совѣта, съ предложеніями, однимъ грознымъ, а другимъ по необходимости снисходительнымъ. Фавкнеръ обѣдалъ въ Сарскомъ селѣ, и прозорливая Екатерина, при всей глубокомышленности, осторожности дипломатика, проникла въ послѣднее и отвергла домогательство. Какъ посольство это не имѣло успѣха, послали съ рѣшительнымъ предложеніемъ (Ultimatum) Виттворта. Когда при вступленіи въ Кабинетъ Императрицы, бросилась на него любимая ея собачка, она съ кротостію сказала: *Не бойтесь; собака, которая лаетъ, не укуситъ.* — Продолжая потомъ раз-

(*) Еще въ 1783 году купцы изъ Бенгала нечаянно пристали къ Сибирскимъ берегамъ; имъ оказали пріязнь, покровительство и подружились съ Моголомъ; Екатерина желала тогда воспользоваться симъ обстоятельствомъ.

дарства отъ рѣшительнаго дѣйствія, а притомъ желали склонить Россію къ общему съ ними ополченію.

Порта, наскуча ихъ медленностію, упрекала въ бездѣйствіи, представляла затруднительное свое положеніе; но вызвавшіеся къ ходатайству, перемѣнили образъ мыслей, не внимали ея гласу и только подъ видомъ дружества склоняли Екатерину къ миру. Сначала предлагали, чтобъ Очаковскій округъ никому не принадлежалъ, дабы степи воздерживали обѣ Имперіи отъ взаимныхъ нападеній; потомъ согласились на уступку Россіи земель между Бугомъ и Днѣстромъ. Императрица давно того желала, избрала мимо сказанныхъ Державъ своимъ посредникомъ Датскаго Посланника, извѣстнаго Берисдорфа, объявя ему рѣшительно, что достоинство Имперіи воспрещаетъ ей согласиться на status quo, и что она не привыкла къ угрозамъ. Таковая твердость обратила ихъ къ противоположному плану; они объявили Портѣ, что если отвергнетъ столь умѣренныя статьи, то отступятся отъ всякаго ей пособія.

Россія чрезъ сіе прекратила вражду съ Англіею и Пруссіею. Порта пересылалась, переговаривала въ Яссахъ, но еще ни на что не

большихъ, 7 малыхъ фрегатовъ—и одержалъ великую побѣду. Въ самый тотъ день были подписаны въ Яссахъ, присланнымъ изъ Петербурга, Графомъ Безбородкою и Визиремъ прелиминарныя статьи. Такимъ образомъ война, продолжавшаяся 4 года, прекратилась съ чувствительною потерею для Турокъ, съ посрамленіемъ для коварствовавшихъ и съ новыми лаврами для Россіи.

Князь Потемкинъ, увѣдомясь, что Порта сближалась къ миру, поспѣшилъ отъѣздомъ изъ Петербурга для довершенія своихъ подвиговъ; но на пути получилъ уже согласительныя статьи, и сія вѣсть причинила ему, объятому безъ того печалію, болѣзнію—совершенное разстройство въ здоровьи. Онъ негодовалъ на Князя Рѣпнина, прибылъ 6 Августа въ Яссы, и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, можно сказать, влачилъ остатки своихъ дней. Ему все не нравилось, досаждало; захотѣлъ перемѣнить мѣстопребываніе, удалился изъ Яссъ въ мѣстечко Чардакъ, и не доѣхалъ до него. Величественный сей метеоръ погасъ, могучій колоссъ столкнулся съ вѣчностію и погрузился въ ней, какъ вливается обильный водопадъ въ бездон-

трепетное безмолвіе. — Построеніе Севастополя съ единственнымъ въ свѣтѣ портомъ, заселеніе необитаемой степи — пространствомъ на 500 верстъ, появленіе Екатеринослава, Николаева, Херсона и именитой Одессы—будто мановеніемъ волшебства, безъ налоговъ, безъ значительныхъ отъ казны издержекъ — суть его произведенія. Онъ разрушилъ опасное гнѣздо Запорожцевъ, и на Таманскомъ островѣ указалъ имъ мирное къ выгодамъ Государства обиталище. Онъ изобрѣлъ спокойную для воиновъ одежду, одобренную во всей Европѣ. Онъ учредилъ фабрики: суконную, чудесную зеркальную (*), фарфоровую, фаянсовую и хрустальную, превосходнѣе коихъ не было и нѣтъ въ Россіи. Каждый подвигъ его важенъ, печатлѣется безсмертіемъ. Скажемъ безъ пристрастія, что Потемкинъ, выродокъ природы, исполинъ гигантской Державы, приноситъ собою честь намъ, нашему вѣку; и мы не имѣли подобнаго ему Министра. Правда, онъ былъ только исполнителемъ предпріятій Екатерины, но

(*) Онъ довелъ зеркала до величины прежде неизвѣстной и въ другихъ странахъ.

начальники ни тайно ни явно не безпокоили земель и жителей Карпалинiи.

Обуздать и воздержать отъ обидъ и набѣговъ обитающихъ на лѣвомъ берегу Кубани; платить за грабежи и убытки отъ нихъ.

Въ случаѣ взятiя Алжирцами, Тунисцами, Трипольцами въ плѣнъ Россiянина, или его судна и товаровъ, чрезъ два мѣсяца возвращать то, или заплатить деньгами за потерянное, изтребленное.

Прочiя статьи относятся до обрядовъ и суть повторенiя прежнихъ трактатовъ. Симъ навсегда укрѣплены за Россiею мѣста, огражденныя живыми границами, по желанiю Екатерины приобрѣтена плодоносная страна, обезпечена торговля по Черному морю; она торжественно доказала свой перевѣсъ въ Европѣ, притомъ великодушiе прощенiемъ Портѣ 15 милiоновъ пiастровъ за убытки.

Швецiя, не давно враждовавшая, сблизилась съ Россiею; — и въ Дропингеймѣ — отъ нашей стороны Графъ Шпакельбергъ, а отъ Шведской Графъ Вахтмейстеръ, Бароны: Таубе, Армфельдъ, Франкъ и Гекенсонъ — постановили дружественный торговый трактатъ на 8 лѣтъ. Обѣщана взаимная по-

ея, одобренный Королемъ и Сеймомъ, начнетъ по смерти Курфирста другую династію. Королю предоставлено право избирать и отставлять Министровъ, а сіи отвѣтствуютъ за дѣйствія; уничтожили Liberum veto. Члены Сейма раздѣлились во мнѣніяхъ; одни не хотѣли лишить права знатнѣйшихъ вельможъ, прогнѣвить сосѣднія Державы, другіе одобряли все и кричали, что Король приобрѣтетъ тѣмъ вѣчную себѣ славу. Отправили гонцевъ; Пруссія и Франція утвердили сіи постановленія, Австрія сказала, что еще посовѣтуется съ Россіею; Курфирстъ недоумѣвалъ, не далъ рѣшительнаго отвѣта и опасался возложить на себя не твердый вѣнецъ. Противники вводимому образу правленія: Епископъ Касаковскій, Браницкій и Малаховскій приглашали отъ себя многихъ на Сеймъ. Въ Украйнѣ, Волыніи и Подоліи открылись возстанія; войсками тамъ предводительствовали Браницкій, Ржеуцкій, Сѣверинъ—а Феликсъ Потоцкій всею артиллеріею. Екатерина смотрѣла на сильный переворотъ, молчала, и для осторожности придвинула только свои войска къ границамъ.

Франція, вертепъ общихъ безпокойствъ, гибели народовъ, болѣе и болѣе озлоблялась,

обрѣлъ ожидаемаго спокойствія; буйства, дерзости не прекратились; солдаты во время Литургіи громко насмѣхались надъ его благочестіемъ. Какъ сообразить это? — Сочиняютъ права человѣка — и разрушаютъ первѣйшія, священнѣйшія его обязанности! — Стремятся будто къ образованію правленія — и убиваютъ вѣру, нравственность, побуждаютъ гражданъ къ неисповѣдимъ! Бѣдный Людовикъ, предвидя предстоящія опасности, предпринялъ бѣгство въ Монтмеди, условился съ усерднымъ Маршаломъ Буйле, назначилъ срокъ тому $\frac{18}{19}$ Іюня, и Буйле распорядился, разставилъ войска по дорогѣ. Поспѣшность и точность, необходимыя въ дѣлѣ такой важности, были не соблюдены; промедлили цѣлыми сутками, и отправились $\frac{20}{21}$ числа послѣ полуночи. Семейство отдѣльно пѣшеходствовало. Королева, шедшая съ Принцессою Елисаветою, встрѣтилась на Карусельской площади съ Лафаетомъ; онъ узналъ ихъ и вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать гонимымъ, хранилъ тайну, не донесъ собранію, готовя имъ бездну неизбѣжной погибели. Усѣлись странники въ двѣ обыкновенныя городовыя кареты, тронулись въ путь; борьба чувствъ

были они въ Сентъ-Менгультъ; офицеръ велѣлъ воинамъ садиться на коней, но подозрѣвающіе жители заперли конюшни, воспротивились. Король, встревоженный симъ, выглянулъ въ окно, спрашивалъ о причинѣ остановки и тѣмъ открылъ тайну. Сынъ почтмейстера Друе, увѣрясь по разосланнымъ изображеніямъ, что это Король съ Королевою, безъ шума и огласки поскакалъ въ передъ проселочными дорогами—и еще разъ взяли лошадей въ Клермонтѣ. Дамасъ не находился тогда съ своимъ отрядомъ при станціи; когда же увидѣлъ, свою ошибку, хотѣлъ слѣдовать за ними, войско не повиновалось, и онъ одинъ поспѣшилъ догонять Короля къ Вареннѣ. Обстоятельства возпріяли иной ходъ; онъ нашелъ мостъ загромощеннымъ телѣгами; обыватели въ волненіи держали за узды лошадей; служители вступили съ ними въ бой, но кроткій Людовикъ, предавая себя на жертву, возпретилъ кровопролитіе. Старикъ дворянинъ Дампіеръ продрался сквозь толпу, подошель къ каретѣ, знаками изъявлалъ почтеніе, сожалѣніе, и жизнію заплатилъ за состраданіе. Вѣсть о случившемся дошла въ Парижъ; разгласили, что

даніе, они отданы подъ надзоръ Лафаетта, вождя народной гвардіи.

Когда сіе происходило Графъ Д'Артуа прибылъ въ Мантуу для свиданія съ Императоромъ. Послѣ многихъ соображеній Леопольдъ постановилъ собрать сто тысячь войска: 35 т. къ границѣ Фландріи, 10 т. къ Гайнау 15 т. отъ Германскихъ Князей къ Альзасу — Столько же Швейцарцевъ къ Ліону, Франш-Конте — 15 т. отъ Сардинскаго Короля къ Дофине. — Къ нимъ присоединятся охотники, неизмѣнившіе долгу своему Французы. — Сверьхъ того Гишпанія дастъ 20 т. человѣкъ.

Такое важное ополченіе за два года предъ симъ конечно изпребилобы ядъ при началѣ его дѣйствія, когда умы, теперь ожесточенные, еще находились только въ броженіи, не были направлены къ адской цѣли; тогда легкая преграда могла бы остановить стремленіе тигровъ, выпущенныхъ изъ забралъ.—Но тогда главнѣйшіе Кабинеты занимались болѣе коварствами противъ Россіи, искали своихъ выгодъ, равнодушно смотрѣли на сильное зарево, и собрались гасить уже не искры, а вспыхнувшее пламя, отъ котораго головни долетали до собствен-

Невольное со стороны Людовика одобреніе конституціи Императоръ принялъ за искреннее—и объявилъ, что поелику Король, возвратя свои права, содѣлался свободнымъ, то нѣтъ болѣе причины къ ссорѣ съ Франціею; въ слѣдствіе сего, къ общему удивленію, перемѣнилъ мысль, и не дѣйствовалъ. Екатерина видѣла сіе иначе: она писала къ Маршалу Брогліо, что Генрихъ IV почиталъ себя первымъ дворяниномъ, что никакое Государство не можетъ существовать безъ дворянства, обѣщала защищать Людовика; упрекала Леопольда, представляя, что Фридрихъ II за одно оскорбленіе сестрѣ его, Принцессѣ Оранской, посылалъ армію, а онъ не вступается за кровную свою родственницу. Сіи письма ея припечатаны были въ газетахъ. Однако вскорѣ Леопольдъ, по оглашеніи своей неутральности, началъ опять угрожать Франціи, настоятельно требовалъ возврата земель, отнятыхъ у Германскихъ Князей; но дѣла при непріязненныхъ начинаніяхъ оставались неразрѣшенными.

Екатерина, окончивъ двѣ брани, раздѣляла радость съ своими подданными; учредила великолѣпнѣйшее празднество и народныя забавы,

несъ благодарственную рѣчь отъ Сената; потомъ раздавали медали, по улицамъ бросали серебрянные жетоны, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.—Десятаго числа былъ ужинъ для пяти первыхъ классовъ;—12-го жареные быки, фонтаны съ бѣлымъ и краснымъ виномъ для народа;—15-го обѣдъ для Штабъ и Оберъ Офицеровъ гвардіи, коихъ Императрица, какъ Полковникъ тѣхъ полковъ, сама угощала;—17 Маскерадъ для дворянства и купечества.—23-го данъ богатый феерверкъ на Царицыномъ лугу; при которомъ изображались капища Минервы и Януса съ затворенными вратами;—по сторонамъ катились огненныя струи, осѣненныя пальмовыми деревьями; въ дали представлялся храмъ Благоденствія съ горящимъ именемъ Екатерины; и павильонъ ракетъ съ трескомъ отъ швермеровъ, бураковъ озарилъ небесный сводъ. — Лѣтній садъ былъ иллюминованъ, и въ немъ играла музыка.

знаки св. Александра.—Генералъ-Поручикъ Левашовъ орденъ св Александра.—Генералъ-Поручикъ Нумсенъ орденъ св. Александра и шпагу съ алмазами.—Графъ Безбородко чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника.

стрія совѣтовалась, переговаривала; Прусія уже негодовала на Польшу за сопротивленіе уступить Данцигъ съ Торунемъ; Швеція предъ симъ только заключила союзъ съ Россіею.

Новыя наши приобрѣтенія, обезпечивая границы, представляли великія выгоды. Судоходныя рѣки Днѣстръ и Бугъ доставили легкія сообщенія по Черному морю, поддерживали Херсонъ, возрожденную Одессу и Кубань; Черноморцы на Таманѣ возпрепили набѣги Черкесамъ; Россія въ торжествѣ отдыхала на лаврахъ. Подъ руководствомъ Каховскаго и Суворова начали строить крѣпости въ Тирасполѣ, Овидіополѣ и Фанагоріи,—поправили стѣны Керчи, Ениколя; на это отпущено было 1,757,542 рубли. Къ оборонѣ отъ Шведовъ Свекзунтъ, гдѣ происходило важное сраженіе, снабженъ редутами, батареями, и портъ его сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Роченсальмскаго.—Политикъ, истинный философъ придутъ въ изумленіе при соображеніи, что Екатерина, возторжествовавъ надъ всѣми препятствіями, въ краткое время, безъ налоговъ, безъ отягощенія подданныхъ, съ обыкновенными доходами, населила на разсто̀яніи 9 т.

ГЛАВА IV.

Россія лишилась связей.—Польша соединяется съ Пруссіею.—Екатерина начинаетъ войну съ Польшею.—Наши побѣды.—Польскіе Депутаты въ Петербургѣ. Они опять уничтожаютъ введенныя перемѣны. — Неистовства Франціи. — Въ теченіе двухъ недѣль скончались Австрійскій Императоръ и Шведскій Король, подозрѣваютъ въ томъ Французовъ. — Война сосѣднихъ Державъ съ Франціею, успѣхи ихъ.—Злодѣйства въ Парижѣ увеличиваются. — Осаждаютъ Тюльери. — Король спасается въ народное собраніе. — Заключаютъ его съ семействомъ въ темницу. — Судъ надъ Королемъ.

Годы

1792. Политическіе виды въ Европѣ совершенно измѣнились, почти повсюду водворилась тишина, и общее вниманіе обратилось на одну Францію; Правительства стояли на безсмѣнной стражѣ, оберегали свои царства отъ заразительнаго ея дуновенія; колебались, взвѣшивали средства къ истребленію логовища свирѣпыхъ звѣрей.

Екатерина не имѣла ни искреннихъ друзей, каковы были Іосифъ и Фридрихъ, ни враговъ себѣ; миръ съ Портою прекратилъ неудовольствія завистниковъ. Ея могущество, твердость и слава удостовѣрили, что дружба съ нею при обстоятельствѣ опасномъ необходима. Англія ласкалась, угождала, Ав-

стрія совѣтовалась, переговаривала; Пруссія уже негодовала на Польшу за сопротивленіе уступить Данцигъ съ Торунемъ; Швеція предъ симъ только заключила союзъ съ Россіею.

Новыя наши приобрѣтенія, обезпечивая границы, представляли великія выгоды. Судоходныя рѣки Днѣстръ и Бугъ доставили легкія сообщенія по Черному морю, поддерживали Херсонъ, возрожденную Одессу и Кубань; Черноморцы на Таманѣ возпрепили набѣги Черкесамъ; Россія въ торжествѣ отдыхала на лаврахъ. Подъ руководствомъ Каховскаго и Суворова начали строить крѣпости въ Тирасполѣ, Овидіополѣ и Фанагоріи,—поправили стѣны Керчи, Ениколя; на это отпущено было 1,757,542 рубли. Къ оборонѣ отъ Шведовъ Свекзунтъ, гдѣ происходило важное сраженіе, снабженъ редутами, батареями, и портъ его сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Роченсальмскаго.—Политикъ, истинный философъ пріидутъ въ изумленіе при соображеніи, что Екатерина, возторжествовавъ надъ всѣми препятствіями, въ краткое время, безъ налоговъ, безъ отягощенія подданныхъ, съ обыкновенными доходами, населила на разстояніи 9 т.

квадратныхъ милль пустую степь, создала Губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Николаевъ, именитый Севастополь, славную Одессу и множество другихъ городовъ. Это походитъ на баснословіе, потомство усомнится признать сіи подвиги справедливыми.

Польша въ это время, какъ выше упомянули, соединилась съ Пруссіею и Портою противъ Россіи, перемѣнила у себя Конституцію, утвержденную Екатериною съ прочими державами, и при мечтательной увѣренности въ успѣхѣ не щадила дерзкихъ выраженій на счетъ Россіи. Императрица презрѣла бы слова, но неуваженіе, нарушеніе коренныхъ уставовъ безъ ея согласія—и буйство, подобное Французскому, не приличествовали ея достоинству, не соотвѣтствовали пользамъ Имперіи. Она велѣла представить Сейму о такомъ неожиданномъ поступкѣ, требовала возстановленія прежняго порядка; но на Сеймѣ отвергли предложеніе сіе съ грубостію, стали вооружаться, и выставили 50 т. войска. Король присоединился къ бунтующимъ, племянникъ его Іосифъ Понятовскій принялъ начальство надъ полками; — и Екатерина чрезъ Булгакова объявила войну. Наши силы въ 40 т. подъ пред-

водительствомъ Каховскаго перешли 8 Маія Днѣпръ въ Могилевѣ; Кречетниковъ съ другою арміею вступилъ въ Литву. Минуя подробности и неважныя ошибки, мы укажемъ только на примѣчательныя дѣйствія сего похода. Въ началѣ Іюня Россіяне заняли Вильну, столицу Литвы — Генералъ-Маіоръ Марковъ разбилъ Понятовскаго при Гордищѣ, положилъ на мѣстѣ до 6 т., взялъ много плѣнныхъ и 3 пушки. Генералъ-Поручикъ Ферзенъ овладѣлъ Несвижемъ съ гарнизономъ изъ 1000 человѣкъ, 42 орудіями, со множествомъ снарядовъ и припасовъ. Въ сіе время на поприщѣ брани явился герой Америки, извѣстный Костюшка; онъ не сомнѣвался въ побѣдахъ надъ Россіянами, какъ въ *Гореи*, у острова св. Христофа: но ошибся въ предположеніи. Онъ напалъ на передовыя наши силы, завязалось дѣло, Ферзенъ подоспѣлъ на помощь и разбилъ его на голову. Костюшко, потерявъ 1735 убитыхъ, 439 раненыхъ, 1427 взятыхъ въ плѣнъ, 49 пушекъ, 6 т. червонныхъ военной казны, убѣжалъ съ остаткомъ къ селенію Дубенкѣ, близъ предѣловъ Галиціи. Потомъ, получа въ подкрѣпленіе 6 т. отъ арміи Понятовскаго, расположился на Бугѣ

и хотѣлъ воспрепятствовать переправѣ нашихъ; но 17 Іюля потерпѣвъ новое пораженіе, отступилъ.

Сіи удары были тѣмъ чувствительнѣе для Поляковъ, что они сами съ собою воевали. Противники Сейма составили конфедерацію Брацславскаго Воеводства—въ мѣстечкѣ Торговицѣ, учредили тамъ Комитетъ изъ 6 членовъ, лишили власти Короля и подтвердили всѣ прежнія постановленія. Екатерина приняла сію конфедерацію подъ свое покровительство, и народъ не зналъ кому повиноваться.—Горячіе Патріоты: два Потоцкіе, Колонтай, Мостовскій и Малоховскій поскакали въ Дрезденъ убѣждать въ свою пользу Курфирста, нареченнаго Королемъ; уполномоченный Барсъ отправился въ Парижъ, представилъ Якобинскимъ властителямъ начертаніе Конституціи; въ собраніи изверговъ кричали отъ восторга, но похвалы и соблазнительныя подстреканія не облегчали ихъ положенія. Прибѣгли при семъ къ защитѣ Короля Прусскаго, недавно одобрившаго конституцію и, недавно заключившаго съ нами союзъ; и къ изумленію услышали что онъ, не участвуя въ ней, не можетъ исполнить постановленнаго трактa-

томъ. Наконецъ предстали Императору, и онъ обѣщалъ имъ только неутралитетъ. Между тѣмъ войска наши подступили 4 Августа къ Варшавѣ; жители встревожились, просили перемирія, но въ томъ было имъ отказано. Стѣсняемый съ обѣихъ сторонъ Поніатовскій отправилъ письмо къ Екатеринѣ, остановилъ всѣ дѣйствія, и она съ твердостію отвѣчала, что не положитъ оружія до утвержденія правилъ Торговицкой конфедераціи. Король предложилъ сію грамоту Сейму, надлежало смириться и покориться волѣ побѣдительницы; уничтожили всѣ запѣянные приговоры, и присягнули прежнимъ уставамъ. Многіе оставили отечество и удалились въ Вѣну, Шлезію и Саксонію. — Тогда обѣ конфедераціи—Варшавская и Торговицкая соединились въ Брестѣ 11 Сентября, и отрядили Великаго Коронаго Ржеуцкаго, Браницкаго, Кассаковскаго, Потоцкаго, Платера Грановскаго, Князя Сапіегу, Вильегорскаго и Мира, депутатами къ Екатеринѣ. Они торжественно въѣзжали въ Петербургъ, ихъ везли въ позлащенныхъ каретахъ, вокругъ шли гайдуки, скороходы, лакеи. — Императрица приняла ихъ на тронѣ, внимала пышныя выраже-

нія въ благодарность за спасеніе Республики; послѣ сего они представлялись и также говорили рѣчи Цесаревичу, его супругѣ, Великимъ Князьямъ и Княжнамъ. Такимъ то образомъ окончилась необдуманная война, и Польша, изнеможенная отъ тщетныхъ усилій, обратилась къ древнему своему правленію, какое было до 1788 года.

Франція, разруша всѣ приличія, всѣ обязанности вѣры, чести и гражданства, разкрыла общую бездну, явила собою нѣкое ужасающее отдѣленіе геенны. Властители Каннибалы, никѣмъ не уполномоченные къ перемѣнѣ правленія, разхищали казну (*); для большаго еще обогащенія себя постановили свидѣтельствовать домы, и отбирали въ нихъ что хотѣли. Чтобъ прикрыть свои беззаконія, заставить молчать народъ и раздувать при томъ пагубный пламень—подкупали сообщниковъ, платили имъ по пяти франковъ въ день, давали полную свободу буйствовать и не обращали ни малѣйшаго вниманія на

(*) До того времени считали похищеннаго на 13 милліоновъ, кромѣ взятаго въ хранилищѣ мебелей Garde-Meubles и другихъ мѣстахъ.

представленія, доносы объ оныхъ. Народъ безъ правилъ, руководства, повиновенія, предоставленный самому себѣ—опаснѣе люпыхъ звѣрей; не знаетъ насыщенія, въ злобѣ кидается на мимоходящихъ, и подобенъ прорвавшей плотину рѣкѣ, которая смываетъ плодоносную почву. Въ Парижѣ грабили магазины, хлѣбные подвозы, унесли изъ храма Инвалидовъ сосуды, выкинувши на престолъ Святые Дары; на улицахъ безпрерывные скопища, заговоры, на колокольняхъ часто били въ набатъ; въ окрестностяхъ происходили тѣже своеволія, и уже 19 Департаментовъ возстали, приобщились къ столицѣ.

Новый годъ, встрѣтили и новымъ оскорбленіемъ Королю; Генваря 1—вмѣсто прежнихъ поздравленій и привѣтствій, лишили старшаго его брата (Monsieur) регенства, другаго (Графа Д'Артуа) со всѣми эмигрантами признали измѣнниками, врагами отечества, и потомъ постепенно разпространяли страданія несчастнаго Людовика. — Постановили, чтобъ переписывался онъ съ Державами, не отъ своего лица, а отъ имени народа, обложили его равною съ послѣднимъ просполюдиномъ податью за недвижимыя и

движимыя имущества. Онъ по праву, предоставленному конституціею, опрѣщилъ прехъ Министровъ, и въ журналахъ почти единодушно огласили, что разлучаются съ ними съ сожалѣніемъ, съ великимъ уваженіемъ къ ихъ заслугамъ. Уничтожили назначенную уставами стражу во дворцѣ и замѣнили оную избранными извергами. Въ подаваемыхъ ему бумагахъ, совѣтовали отречься отъ Трона. Въ засѣданіяхъ Депутатовъ безбоязненно называли Людовика чудовищемъ, торговались въ цѣнѣ его головы, и не было защитниковъ! Въ театрѣ играли трагедію: смерть Кесаря, вынесли бюстъ Вольтера, главнаго основателя всѣхъ бѣдствій и возложили на него вѣнецъ съ Якобинскою шапкою!—Добродѣтельный, великодушный, ни въ чѣмъ невинный Король, другъ своихъ подданныхъ — предвидѣлъ свою участь, занимался чтеніемъ Исторіи Карла I, и между тѣмъ отправлялъ свою ничтожную должность, перваго чиновника въ Государствѣ (*). Министры не могли долѣе оставаться при своихъ мѣстахъ, взяли увольненіе.

(*) Такое дали ему названіе.

Депутаты, присланные отъ собранія во дворецъ—предъ комнатою, въ которой находился Король съ своимъ Совѣтомъ, кричали, чтобъ для нихъ, уполномоченныхъ самодержавнымъ народомъ, отворили обѣ половинки дверей, не заставляли бы дожидаться;—и Людовикъ принужденъ былъ исполнить сіе дерзское требованіе.

Такія произшествія безпокоили всѣ Дворы; но они соображали, размышляли, условливались и давали время созрѣть горькому плоду. Не извѣстно для чего Екатерина, Государыня могущественная, уважаемая въ Европѣ, медлила послѣ примиренія съ Швеціею и Портою. Надобно думать, что побуждая, какъ выше сказано, сопредѣльныхъ Владыкъ къ потушенію бунта, признавала силы ихъ къ тому достаточными; надѣялась, что изверги, устрашенные сею мѣрою, смирятся и злодѣйская зыбь изчезнетъ сама собою. Можетъ быть щадила своихъ подданныхъ и опасалась заразы умовъ.— Однако она дѣйствовала поощреніями, помогала братьямъ Короля, эмигрантамъ. Въ Швеціи и Даніи готовились къ войнѣ, избрали общимъ полководцемъ отъ Сѣвера храбраго Густава.— Въ Австріи, Пруссіи, и во всѣхъ второстепенныхъ и малыхъ Державахъ признавали по-

шуменіе адскаго пламени необходимымъ.— Но презрительные, безчеловѣчные замыслы Французовъ разпространились уже внѣ своего круга. За два года предъ симъ Императоръ Іосифъ II хотѣлъ предпринять противу ихъ войну—и внезапно лишился жизни; многіе обвиняли въ томъ чудовищь—революціонеровъ. Послѣ сего приступили другіе къ соединенному походу—и вдругъ не стало двухъ Вѣнценосцевъ. Леопольдъ, не имѣвъ никакой болѣзни, скончался скоропостижно 19 Февраля. Одни полагали, что кто то въ маскерадѣ поднесъ ему конфекты съ ядомъ, другіе—что его отравила любовница—Италіянка. Чрезъ двѣ недѣли, послѣ сего, т. е. 5 Марта, Анкестромъ застрѣлилъ Густава въ маскерадѣ. Въ заговорѣ этомъ было трое: Графъ Горнъ, Рибингъ и Анкестромъ; они бросили жеребей, и досталось послѣднему совершить злодѣяніе. Анкестромъ имѣлъ еще при себѣ кинжалъ (*).— Подозрѣнія, подкрѣпя прежнюю мысль о Іосифѣ, возобновились, а дѣйствія и чувства представителей Якобинцевъ подавали поводъ къ

(*) Г. Кастера полагаетъ событіе сіе въ 1794 году; такая грубая ошибка не простительна Историку.

вѣроятію. Анахарсисъ Клотцъ, другіе совѣтовали Собранію отрядить Цареубійцъ, и хотя не приняли предложенія сего, но не возгнушались имъ, не наказали за такую мысль. Все сонмище ругало Густава и превозносило похвалами Анкестрома—его именовали героемъ, уподобляли Бруту.

Бѣдный Людовикъ въ недоумѣніи не зналъ что дѣлать; желалъ спасти себя и свое семейство: но чуждаясь пролитія крови, вручилъ себя произволу судьбы. — Къ защитѣ его возстаетъ ближайшій родственникъ Королевы, приписывали то его ухищреніямъ, по сему 9 Апрѣля предложилъ онъ войну, и раздались крики восхищенія: да здравствуетъ Король!

Прусскій Король присоединился къ Императору и составились три арміи: Австрійская подъ начальствомъ Принца Кобургскаго—другая изъ 50 т. Пруссаковъ и 20 или 23 т. Французскихъ эмигрантовъ съ Принцемъ Брауншвейгскимъ— третья вся Австрійская съ Принцемъ Гогенлое.—У Французовъ составилось также три арміи, Маршалъ Рошамбо расположился у Белгіи. Лафаеттъ занялъ Арденскія окрестности, Маршалъ

Люкнеръ стоялъ въ Альзасѣ. — Обѣ стороны были почти равносильны.

Генералъ Кюстинъ 18 Апрѣля открылъ кампанію близъ Баля, и необразованная, необузданная сволочь революціонеровъ при самомъ началѣ легко была побѣждена. Ее гнали до Лилля, гдѣ они сами изрубили въ куски своего Генерала Диллона съ двумя Офицерами.—Герцогъ Бирон представлялъ Собранію о неповиновеніи войскъ—что полки самовольно перемѣняютъ мѣста—что свои уланы разграбили лагерь, и что посему онъ отступилъ и потерялъ время. Дюмурье доносилъ о недостаткѣ амуниціи, лошадей, комплекта до 40 т. и о повсемѣстномъ безпорядкѣ. О потерѣ сраженія писалъ, что 10 т. Французовъ безъ боя бѣжали отъ одного полка.

По недостатку снарядовъ отрывали свинцовыя гробницы, отливали изъ нихъ пули. Маршалъ Рошамбо, и многіе достойные Офицеры оставили службу. Какъ легко было тогда усмирить мятежниковъ и прекратить варварство!

Соединенныя силы вступили во Францію, и Принцъ Брауншвейгскій принялъ начальство надъ всѣми. Они взяли $\frac{12}{23}$ Августа важную крѣпость, ключь Франціи, Лонгви, защищав-

шуюся 2,600 гарнизона и 38 пушками. — Вскорѣ $\frac{22\text{ Августа}}{2\text{ Сентября}}$ покорили Вердюнъ. — Въ столицѣ тревожились и возвѣстили, что отечество въ опасности; на улицахъ разставлены были шапры, украшенные трехцвѣтными лоскупками, вѣнками или дубовыми листьями, въ нихъ на столахъ лежали бумаги, въ кои записывались вольные ратники, и гражданамъ запрещенъ былъ выѣздъ. При ожесточеніи, смѣшанномъ со страхомъ и съ глупостью, приносили въ пожертвованіе пики съ изображеніемъ сердецъ, лавровъ, змѣиныхъ головъ. Повторимъ еще: не предсполо запрудненій разсѣять бунтовщиковъ, если бы поборники дѣйствовали быстро, согласно; но къ несчастію случилось противное. Побѣдители нуждались въ продовольствіи, не соглашались во мнѣніяхъ, отступили къ Шампаніи, и предали Короля въ безгласную жертву. Ожесточеніе противъ него увеличилось, дѣлали ему разныя оскорбленія, безчинія, угрозы. Онъ по предоставленной ему народомъ власти отвергнулъ положеніе о изгнаніи неприсягнувшихъ конституціи священниковъ, о сближеніи 20 т. войска къ Парижу, и народъ вскипѣлъ мщеніемъ.

Іюня $\frac{8}{19}$ показались въ первой разъ Мар-

сейльцы, между ими находились женщины съ саблями, ухватами и ножами. Они ворвались въ собраніе Депутатовъ, проходили рядами, мимо засѣдавшихъ, ругали Короля, и музыка наигрывала: ça ira, ça ira. На другой день $\frac{9}{20}$ они устремились къ Тюйльери, разломали рѣшетки, вошли въ замокъ, рубили двери, и въ черепогахъ кричали: *Да здравствуетъ народъ! Да здравствуютъ безштанные!* Король съ немногими, при немъ находившимися, удалился въ галлерею Oeil de bocuf, сѣлъ у окна гдѣ спояли за нимъ Маршалъ Муши, Гервили и 3 гренадера. Одинъ изъ злодѣевъ надѣлъ на него красную шапку; опъ жажды спросилъ онъ спакапъ пива, и принудили его выпить за здравіе народа. Вошла Елисавепта, ее приняли за Королеву—и не щадили ругательствъ, попомъ вступила сама испуганная Марія Антуанетта съ дѣтьми—и неистовые скрежетали зубами. Тогда по несчастный Людовикъ сказалъ гренадеру: *Приложи руку къ моему сердцу, увидишь сильнѣе ли бьется оно отъ страха.* Какое терпѣніе и великодушіе! Какое варварство! Собраніе только для обряда велѣло изслѣдовать произшествіе; слѣдователи донесли, что народъ вольный, самодержавный, предстапъ Королю, не

оказалъ никакого буйства, безпорядка; докладъ сей принятъ къ свѣденію. — Лафаеттъ требовалъ наказанія нарушившимъ уваженіе къ Королю и общее спокойствіе, армія его возроптала; и это не имѣло успѣха. Для чего сей прежній преслѣдователь, а нынѣ защитникъ Короля, вмѣсто трапы словъ не двинулся къ Парижу съ войскомъ? Оно его любило, послѣдовало бы за нимъ,—и онъ при помощи иноземныхъ ополченій несомнѣнно спасъ бы Людовика и отечество. Департаментъ Соммской, узнавъ о семъ, прислалъ Депутатовъ съ протестомъ, противъ такого дѣйствія и велѣлъ имъ оберегать Короля. — Енской D'Aisne — домогался возмездія бунтовщикамъ, и что же въ слѣдствіе того опредѣлено?—Поручили Людовику принять мѣры къ возстановленію тишины! Сами раздуваютъ пожаръ, и велятъ ему, не имѣющему ни власти, ни средствъ тушить оный. Вотъ правосудіе! Вотъ защитники народа!

Ободренные покровительствомъ жестокосердыхъ представителей, толпились днемъ и ночью въ Тюльерійскомъ саду, изрыгали поношенія, угрозы. Людовикъ приказалъ заперетъ входы, и своевольные провели черту, присвоива-

ли себѣ часть сада les feuillans и ревѣли, что если къ 9 Августа не свергнутъ Короля съ престола, они ударятъ въ набатъ и сами то сдѣлаютъ.

Въ сей крайности представляли Королю разные способы къ бѣгству, даже Госпожа Сталь начертала свою мысль. Покупая имѣніе она сдала бы часто разъѣзжать въ одной каретѣ, съ тремя неперемѣняемыми лицами, выбравъ ихъ по сходству съ Королемъ, Королевою и Дофиномъ, а дочь и Принцессу Елисавету оставили бы въ Парижѣ; но ничто не подѣйствовало, всѣ предложенія отвергнуты были.

Наконецъ наступилъ предсказанный, рѣшительный день — 10° Августа; бунтовщики вторично осадили Тюльери съ отчаяннымъ звѣрствомъ, сразились съ войскомъ; загремѣли орудія, дымъ стелется въ чертогахъ, гибнутъ вѣрные Швейцары, и нѣтъ спасенія. Король съ семействомъ своимъ выходитъ изъ дворца, пробирается сквозь стѣсненные ряды фурій, слышитъ ругательства, и не возвратится уже въ царское жилище — въ мѣсто гдѣ возсѣдала добродѣтель, гдѣ всѣ помышленія обращались ко

благу подданныхъ и гдѣ никогда не изгладится печать его страданій, невинности и люпости Французовъ, которая вѣчно будетъ памятна къ поношенію рода человѣческаго.

Людовикъ представленъ собранію, ему указываютъ кресла подлѣ Президента, а чрезъ нѣсколько минутъ объявляютъ, что законъ воспрещаетъ судить при немъ дѣла, и потому переводятъ его съ семействомъ въ ложу Лографа (*). Народъ шумѣлъ, ломился въ двери; и какъ коварство было обдумано, то объявили бѣснующимся, и возвѣстили торжественно въ столицѣ, что Король, будто для общаго спокойствія, на время отрѣшенъ и остается залогомъ въ рукахъ представителей.

Робеспіерръ первый подалъ голосъ заключить порфирородныхъ въ темницу; по прошествіи двухъ дней въ томленіи и въ мученіяхъ, перевезли ихъ $\frac{2}{13}$ Августа въ замокъ, называемый le Temple. — Какая кисть изобразитъ бѣдственное положеніе виновныхъ только въ излишней любви къ своимъ гонителямъ, въ излишнемъ терпѣніи? Кто изчислитъ вздохи, и проникнетъ въ глубину ихъ

(*) Журналисты въ ней записывали тяжбы и приговоры.

сердецъ? Кто представитъ намъ живо звѣрскія черты нѣсколькихъ тысячь варваровъ, жаждущихъ крови?

Симъ дѣйствіемъ злодѣи достигли желаемаго, забралы къ неисповѣстямъ сняты, и началось время ужаса (de la terreur). Исполнительному Совѣту дали право надъ жизнію; стали брать подъ стражу кого хотѣли; тюрьмы наполнились заключенными; преслѣдуемые прятались въ бочки, въ солому, на чердакахъ, у ремесленниковъ; народъ рыскалъ по улицамъ, и губилъ сограждан. Въ монастырѣ Кармовъ укрылись 185 духовныхъ особъ, между коими находились Архіепископъ Арльской и Епископъ Ларошфукольтъ; ихъ убивали въ церкви, въ убѣжавшихъ стрѣляли на деревья и на заборы, какъ бы на охотѣ. Въ тюрьмахъ истребили до 400 чел. Въ Версайлль привезли 47, въ томъ числѣ Министра, Епископа, Полковника и нѣсколько Офицеровъ, ихъ и всѣхъ содержавшихся въ темницѣ лишили жизни; вообще погибло тогда до 6 т. человѣкъ. Умертвивъ Княгиню Ламбалль, пріятельницу, и собесѣдницу Королевы, вырвали ея сердце, отрубили голову и поднесли оную на пикѣ къ окну, у котораго сидѣла нещастная

Марія Антуанетта. Палачи не успѣвали совершать казней; Лѣкарь Гилліотинъ изобрѣлъ смертоносное орудіе, названное по имени его— *Гилльотиною.*

И послѣ сего изверги человѣчества, вмѣсто того, чтобъ предать забвенію сіи ужасные дни— не устыдились 27 Апрѣля — открытіе Генеральныхъ Штатовъ, 13 Іюля—взятіе Бастиліи, 6 Октября — нападенія на Версайль, Іюня 20 — осады Тюльери, 10 Августа — плѣна Короля признавать ихъ за торжественные, именитые: и при томъ осмѣлились еще самозванствовать присвоеніемъ себѣ имяа Великаго Народа!

Осиротѣвшіе Тюльери, съ разбитыми окнами, съ переломанными мебелями, вселяли грусть, уныніе и претворились въ судилище Іудеевъ, въ Село Скудельничье, по Священному Писанію. Изъ него выходили поощренія къ буйствамъ, мятежамъ и внушенія погубить Короля съ семействомъ. Безаконные властители предложили $\frac{10}{21}$ Сентября навсегда уничтожить Королевское званіе; клики одобренія и радости продолжались съ четверть часа въ шумѣ; и Правительство, столько вѣковъ со славою существовавшее,

измѣнилось въ одну минуту. Сонмище назвало себя Представителями народа, Convention nationale, и кровавый Петіонъ утвержденъ предсѣдателемъ. Отправили съ вѣстію о томъ къ Королю, запретили вѣрному Клери употреблять слова: Величество—Sire. — Людовикъ, укореня въ сердцѣ своемъ смиренномудріе, не удивился и не огорчился тѣмъ; но когда переселили его отдѣльно въ большую башню, разлучили $\frac{18}{29}$ Сентября съ семействомъ, съ послѣднею отрадою и отняли бумагу, чернила, перья, карандаши; то твердость его съ негодованіемъ поколебалась. Чиновники свидѣтельствовали темницу и вмѣсто состраданія, хотя бы къ человѣчеству, оказывали дерзости; но страдальцы не роптали. Смятенія въ столицѣ постепенно возрастали, перевѣсъ злодѣевъ давалъ успѣхи, направлялъ умы безнравственнаго, безразсуднаго народа къ пущему озлобленію. Презрительный Министръ Роландъ донесъ объ открытіи въ Тюльери желѣзнаго шкапа, и сіе уже въ толпахъ, въ самомъ собраніи Представителей дерзали требовать казни Короля, другіе даже говорили, что можно безъ всякихъ изслѣдованій удавить его.— И за что такая ненависть къ Королю, при-

мѣрно доброму, ни въ чемъ невиновному? — Въ какой странѣ было столь продолжительное согласіе на звѣрство? — Порывы даже первѣйшихъ тирановъ имѣютъ свой срокъ, свои отдохновенія. — Представили $\frac{26\ \text{Октябр.}}{6\ \text{Ноября}}$ статьи къ обвиненію и опредѣлили, чтобъ Король явился предъ судъ. — Какой? — Кто далъ на то право?—Народъ! — Но довѣрители въ Департаментахъ никому не поручали сего; Парижъ не составляетъ всего Государства; Король призванъ тѣхъ не къ разбору своихъ дѣяній, а къ совѣщаніямъ; имъ предлежало только придумать лучшія средства къ облегченію сограждан, къ заплатѣ долговъ, чего желалъ самъ добродѣтельный Людовикъ; — Онъ поставленъ на царство не ими, принялъ вѣнецъ по достоянію. — Нашли безпорядки! — Открой ихъ, Владыка, каковъ Людовикъ, дорого цѣнившій каждую каплю крови, каждый вздохъ своего подданнаго, не пощадилъ бы своего спокойствія ради общаго блага. — Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ совершенства! — Кто слыхалъ, чтобъ ноги не повиновались головѣ, или чтобъ подвластный начальствовалъ надъ повелителемъ? Развернемъ всѣ лѣтописи и не сыщемъ подобнаго отступленія отъ всѣхъ чело-

вѣческихъ правилъ. Чтобъ при судѣ злочестивомъ прикрыть обрядомъ варварство и обмануть народъ, позволили Людовику имѣть защитниковъ. Почтенные, безсмертные Маллесбергъ и Десезъ (*) усердно приняли на себя эту священную обязанность; но слова ихъ терялись въ пустынѣ; приговоръ уже мысленно опредѣленъ—жаждутъ крови. $\frac{\text{Ноября } 30}{\text{Декабря } 11}$ раздался громъ барабановъ; народная гвардія становилась въ строй; везутъ пушки, скачетъ конница къ темницѣ, тигры съ пѣною на устахъ, съ злобою въ сердцахъ вспрѣчаютъ безгласную добычу. Два Офицера вошли къ Королю и объявили, что возьмутъ его съ собою; въ 2 часа по полудни Вѣнчанный Страдалецъ предсталъ недавно покорнымъ ему, недавно прославлявшимъ его Скипетръ. Всѣ обвиненія заключались въ ложныхъ угадываніяхъ сокровенныхъ его помышленій, даже въ перепискахъ объ немъ посторонникъ лицъ; но не было ни одного акта. Декабря $\frac{16}{25}$, день воплощенія нашего Искупителя, назначили послѣднимъ къ выслушанію оправданій, и вмѣсто прежняго

(*) Я видѣлъ почтеннаго Десеза, покрытаго сѣдинами, и взиралъ на него съ благоговѣніемъ.

по обыкновенію торжественнаго празднованія изрекли: *Да умретъ!* Не договорили только *Кровь его на насъ, и на чадѣхъ нашихъ!*

Сожалительно, что войска соединенныхъ Державъ оставались во Франціи безъ дѣйствія, какъ бы для единаго свидѣтельства столь плачевнымъ произшествіямъ. Необразованныя арміи изверговъ даже имѣли надъ ними верьхъ; Генералы Кюстинъ взялъ Спиръ и Вормсъ; Дюмурье одержалъ $\frac{7}{18}$ Ноября важную Жемапскую побѣду и поработилъ Бельгію; Монтескіо овладѣлъ Савоіею. Если бы Людовикъ предпринялъ бѣгство ранѣе и не потаенно, а подъ видомъ путешествія въ Компіень или Фонтенебло для здоровья; если бы Графъ Д'Артуа, по вступленіи во Францію, объявилъ себя регентомъ за отсутствіемъ старшаго брата; если бы защитники пошли прямо къ Парижу, или если бы Лафаетть двинулся туда съ своими полками вскорѣ послѣ $\frac{9}{20}$ Іюня: то при всей нерѣшимости Короля, онъ былъ бы спасенъ, и чудовища смирились бы съ посрамленіемъ.

ГЛАВА V.

Обрученіе Великаго Князя Александра Павловича.—Празднованіе Турецкаго мира. — Награды. — Врахъ Великаго Князя.—Празднество. — Въѣздъ Турецкаго Посланника.—Казнь Людовика.—Разсужденіе. — Казнь Королевы. — Графъ Д'Артуа въ Петербургѣ.—Приготовленія Екатерины къ войнѣ съ Франціею. — Польша подражаетъ Франціи, вводитъ у себя Якобинскія правила. — Вторый раздѣлъ Польши. —

Годъ 1793. Тогда какъ во Франціи свирѣпствовала страшная буря, черныя облака застилали горизонтъ ея, въ Россіи, вѣрной чести и своимъ Государямъ, царствовала тишина, свѣтило чистое солнце, умножался Императорскій Домъ, разпространялись предѣлы Имперіи, и граждане въ славѣ, въ лаврахъ наслаждались блаженствомъ.

Старшій внукъ Екатерины Вел. Князь Александръ Павловичь уже достигъ 15 лѣтняго возраста; она не знала мѣры любви къ нему, замѣчала каждый его взглядъ, каждое пожеланіе, называла его съ нѣкоторою горделивостію: *мой Александръ*, и разсудила дать ему подругу отъ Олтаря. Избранная невѣста, дочь Маркграфа Баденскаго, Луиза Марія Августа, сопровождаемая [illegible] Графинею Шу[illegible]

стромъ Стрѣкаловымъ, по встрѣчѣ Герцогомъ съ великими почестями въ Митавѣ, вступила въ концѣ минувшаго года въ Петербургъ. Прелесть лица и Ангельская кротость плѣнили сердце юнаго жениха, который былъ только годомъ старѣе ея. Рѣдко видали подобную чету;—древніе признали бы въ ней Психею съ Купидономъ (*). Екатерина раздѣляла нѣжность свою между сихъ двухъ своихъ кумировъ; отъ восхищенія забыла трофеи, опредѣлила придворный штатъ для Пріѣзжей, не щадила драгоцѣнныхъ камней и тканей, сама надзирала за отдѣлкою великолѣпныхъ для нихъ чертоговъ. Маія 9 послѣдовало миропомазаніе, при коемъ невѣста наречена Елисаветою Алексѣевною. Императрица подводила ее къ Иконамъ, потомъ къ приобщенію Святымъ Тайнамъ. На другой день происходило обрученіе при пышномъ выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ. Въ переди шли Герольды, за ними Камеръ-геры, Камеръ-юнкеры и первѣйшіе санов-

(*) Императорское семейство походило тогда [illegible] галлерею живописныхъ красотъ. Сама Екатерина при уклонѣ своихъ лѣтъ сіяла будто [illegible]ще среди планетъ.

ники, а за сими Статс-Дамы и Фрейлины. При обрученіи Екатерина сама размѣнивала перстни. Послѣ приносили поздравленія Ей, Обрученнымъ, Ихъ Высочествамъ Родителямъ; но тотъ былъ обѣденный столъ съ музыкою, пѣніемъ, а въ вечеру балъ. Радость въ чертахъ Екатерины замѣнила величіе, городъ озарился роскошными огнями; — весна природы торжествовала весну двухъ сердецъ!

Сентября 2 началось торжество мира, съ Турками, продолжавшееся нѣсколько дней. Въ первый—Императрица шествовала въ сопровожденіи Герольдовъ и Царедворцевъ въ придворную церковь при играніи музыки, громѣ литавровъ и барабановъ предъ окнами. Послѣ литургіи и благодарственнаго молебствія, она возсѣла на тронъ; Генералъ-Прокуроръ произнесъ рѣчь отъ Сената и народа, въ которой еще разъ убѣждалъ ее принять титулъ — Великой, Матери Отечества—сими словами: *Реки, Премудрая, буди валъ по глаголу вашему*; и она опять отвергла это лестное приношеніе, указавъ на соблюденіе уставовъ Петра Великаго. — Генералъ-Маіоръ Фонъ Бокъ съ двумя Штабъ-Офицерами бросали по улицамъ серебрянные жето-

ны и раздавали золотыя медали; въ ввечеру городъ былъ иллюминованъ.

5 числа былъ балъ и ужинъ для первыхъ четырехъ классовъ и чужестранныхъ Министровъ.

8—Обѣдъ, на которой приглашены были также Гвардіи Капитаны и Морскіе Штабъ-Офицеры. Жареные быки и вино въ этотъ день составляли зрѣлище, забаву и угощеніе для народа. Вечеромъ опять была иллюминація въ городѣ.

11—Маскерадъ для дворянства и купечества.

15—Феерверкъ.

При семъ торжествѣ пожалованы: Герою Задунайскому, мало участвовавшему въ послѣдней войнѣ, дорогая съ алмазами шпага.—Въ честь покойнаго Князя Потемкина—похвальная грамота и предназначенъ ему памятникъ въ Херсонѣ.—Непобѣдимому Суворову—грамота и орденъ св. Георгія 3 степени для возложенія на кого разсудитъ.—Отличіе необыкновенное! Женѣ и дѣтямъ Барона Миллера-Закомельскаго, положившаго животъ на полѣ сей брани Гаки въ потомственное владѣніе.—Графу Безбородкѣ, заключившему сей миръ—грамота, масличная вѣтвь съ алмазами и деревни.—Другіе получили чины, или

ордена.—Флоту опредѣлены призы, посиановлено сравнять въ томъ и сухопутныхъ за взятіе крѣпостей и назначить награды безсрочно служащимъ воинамъ. — Народу объявлено множество милостей, возобновленіемъ прежнихъ, бывшихъ при подобныхъ торжествахъ.

Едва успокоились отъ вихря забавъ, чрезъ двѣ недѣли наступили новыя празднества, продолжительнѣйшія, великолѣпнѣйшія и для сердца Екатерины пріятнѣйшія. Сентября 28 совершился бракъ *Ея Александра*; чета—бывъ сама любовью—взаимно прилѣпилась къ ней.

Въ первый день послѣдовалъ выходъ съ полнымъ церемоніаломъ. За обѣденнымъ столомъ на тронѣ, подъ богатымъ намето̀мъ сидѣли съ Императрицею Цесаревичь, его супруга, новобрачные и Вел. Князь Константинъ Павловичь. Пажи носили кушанья, а разрѣзывали и подавали оныя первые чиновники; Оберъ Гофмаршалъ, Оберъ Церемоніймейстеръ, Гофмаршалъ и Церемоніймейстеръ стояли предъ Императорскою фамиліею; музыка, пѣвцы виртуозы и придворный хоръ угождали слуху. Въ этой же галлереѣ былъ особый столъ для четырехъ классовъ. Государь Наслѣдникъ началъ пить за здравіе

своей родительницы, она тѣмъ же отвѣтствовала ему; потомъ привѣтствовали новобрачныхъ, и громъ пушекъ раздавался по городу. Въ 6 часовъ молодые супруги послѣ краткаго отдохновенія открыли балъ, и взоры всѣхъ обращались то на страстныхъ любовниковъ, то на восхищенную ими Самодержицу.—Крѣпость была иллюминована.

Сентября 29 былъ вторый обѣдъ у Императрицы для двухъ первыхъ классовъ, Членовъ Совѣта, балъ, ужинъ по биллетамъ на 168 приборовъ для четырехъ классовъ, и украшенная огнями крѣпость представила прекрасный видъ.

Октября 1, въ Субботу, былъ обѣдъ у новобрачныхъ, а для народа быки, фонтаны съ виномъ; и при великомъ движеніи возглашались предъ дворцемъ шумные клики: ура!

3 числа—обѣдъ у Наслѣдника Цесаревича.—Крѣпость и городъ иллюминованы.

7 — ужинъ и маскерадъ для дворянства и купечества (*).

(*) Тогда купечество имѣло особыя залы, и не смѣшивалось съ дворянствомъ.

9-го опять балъ у Императрицы и ужинъ по билетамъ для четырехъ классовъ.

11-го—Великолѣпный фейерверкъ на Царицыномъ лугу съ вензелевыми именами новобрачныхъ, и павильонъ изъ ракетъ; трескъ отъ него и гулъ отъ множества посѣтителей на устроенныхъ амфитеатрахъ, заключили торжество. Въ Лѣтнемъ саду было прекрасное освѣщеніе съ музыкою.

Чрезъ четыре дни послѣ сего въѣзжалъ въ Петербургъ Турецкій Посолъ (*), и предстало новое, необыкновенное зрѣлище. По улицамъ, гдѣ онъ ѣхалъ, войска стояли въ строю, вельможа Мусульманинъ выглядывалъ изъ позлащенной кареты; предъ нимъ шли скороходы, гайдуки, лакеи, вели подъ попонами гордыхъ коней, и Янычары съ обнаженными по локоть руками составляли особое отдѣленіе. Екатерина на тронѣ, въ отдаленномъ прспектѣ изъ Кавалергардовъ въ шишакахъ съ перьями и въ блестящихъ одеждахъ, за коими по сторонамъ находились дамы въ брилліянтахъ, жемчугахъ, поразила уполномочен-

(*) Нашимъ Посланникомъ къ Портѣ былъ Мих. Лар. Кутузовъ.

наго своимъ величіемъ. Онъ робкимъ голосомъ произнесъ рѣчь, кланялся, умиленно прижималъ къ сердцу руки, и на бархатныхъ подушкахъ подносилъ грамоту съ дарами.

Императрица, приобрѣтая побѣдами страны, получила притомъ по наслѣдству Іеверскую область, которую отдала въ пожизненное владѣніе родственницѣ своей, вдовствующей Принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, что давало ей голосъ на Германскихъ Сеймахъ.

Мы разстаемся съ веселыми предметами, чтобъ съ сокрушеніемъ направить мысль къ плачевному событію. Франція ознаменовала начало года довершеніемъ своего варварства; обреченный на жертву несчастный Людовикъ уже готовился на смерть. Совѣсть ни въ чемъ его не упрекала; онъ опъужиналъ, и уснулъ спокойно на кровати вѣрнаго Клери. На другой день $\frac{10}{21}$ Генваря отслушалъ обѣдню, ударилъ роковой часъ, убійцы вошли, и взяли его съ собою. Клери горько плакалъ, мученикъ утѣшалъ его, привезли на Карусельскую площадь, и тамъ глава его отдѣлилась отъ тѣла, невинная душа взлетѣла на небеса. — Да не скажутъ намъ послѣ сего, что

то было дѣломъ нѣсколько начинщиковъ для властолюбія, для своихъ выгодъ. Министры коварствовали, возставали; изъ 500 представителей большинство голосовъ присудило сію кровавую чашу; изъ департаментовъ прислали до 6 тысячь требованій казни своему Королю, войско не пропивилось, и 600 т. жителей или толпились у лобнаго мѣста, ликовали, или ужасались въ безмолвіи.—Не нашлось ни одного Курція, Регула.—Нѣтъ не оправдится Франція, во вѣки не смоетъ съ себя клейма; оно пребудетъ въ обличеніе ей, и въ поучительный примѣръ для охотниковъ передѣлывать Государства.

Въ теченіе 4 лѣтъ довольно было времени образумиться, раскаяться; напротивъ неистовства продолжались, усиливались, и сіе положительно доказываетъ, что ожесточеніе съ безнравственностію содѣлалось стихіею Франціи. Почти повсюду грабили, убивали, сожигали замки, заведенія дворянъ—и безначаліе вездѣ царствовало. Въ собраніи предложили уничтоженіе Христіянства, какъ будто постыдное суевѣріе.—Осудили на смерть до 50 изъ своихъ сочленовъ, число заключенныхъ въ темницахъ простиралось до 120 тысячь. Въ подражаніе

Нерону устроили лодки съ разкрывающимися днами, и 58 священниковъ потопили въ рѣкѣ Луарѣ. — Возстали на просвѣщеніе, художества — даже на пользы Государственныя, и большая часть приговоровъ означаютъ стремленіе къ безумію, къ переходу въ дикое состояніе. — Уничтожили Академіи, Общества Словесности, Торговое Товарищество съ Индіею, истребили статуи, монументы превосходныхъ рѣзцевъ, и оставили въ Парижѣ только двое воротъ: St Denis и St Martin. — Перемѣнивъ лѣтосчисленіе, начали годъ съ 22 Сентября, будто солнце равноденствіемъ одобряетъ равенство гражданъ; дали иныя названія мѣсяцамъ, днямъ; капуста, морковь, свекла, лукъ и прочія овощи замѣнили Святыхъ. Вырыли въ Пантеонѣ прахъ прославленнаго прежде Мирабо, и помѣстили тутъ презрительныя кости Марата. — Возили по улицамъ нарочно сдѣланную гробницу, наполненную скипетрами, коронами, орденами, грамотами. — Перевершивали дѣла, оконченныя почти за 30 лѣтъ предъ тѣмъ; признали невинными двухъ изверговъ, поражавшихъ шпагами распятіе Христово, и воздвигли Калласу марморный памятникъ. — Вотъ что приобрѣли они умерщвленіемъ

своего Короля!—Наконецъ дошла очередь и до томящейся Королевы. Она, терпя разныя оскорбленія, дерзости и недостатки, находила въ поученіи Дофина всю свою отраду, и безъ роптанія предавала судьбу свою Небесамъ. Предстала суду жертва: при видѣ гонимой, изнеможенной Королевы, по роду происходившей отъ Кесарей, по бѣдствіямъ достойной сожалѣнія, содрогнулись бы ея первѣйшіе тираны, но многіе изъ возсѣдавшихъ превзошли ихъ, и допрашивали ее безъ приличія, безъ малѣйшаго сострадація. Всѣ обвиненія состояли въ томъ, что будто она переслала къ племяннику своему, Императору Австрійскому, до 200 милліоновъ—что 10 Августа, когда Швейцарцы для защиты замка сражались съ народомъ, нашли подъ ея кроватью нѣсколько бутылокъ съ напитками и порожнихъ — что поносила Симона наставника Дофинова—что на лицѣ ея всегда примѣчали негодованіе на новый образъ правленія—что признавала сына своего Королемъ, и оказывая ему почести, сажала въ первое мѣсто.—Сколь ни жалки подобныя улики, но никто изъ призванныхъ обличителей не утвердилъ оныхъ — Марія Антуанетта возвратилась въ темницу — невиновною, не ули-

ченою въ вымышленныхъ преступленіяхъ. — Сіе однако ни къ чему не послужило; кто устоитъ противъ клеветы, противъ рѣшимости къ погубленію? языкъ человѣка самъ по себѣ есть уже смертоносное орудіе.—Октября $\frac{5}{16}$ на разсвѣтѣ возвѣстили въ столицѣ, что Королева приговорена къ смерти. — Въ 11 часовъ вывезена несчастная—на телѣжкѣ, съ накинутою на плечи проспынею, слышала ругательства отъ встрѣчавшихся, взглянула на мрачныя Тюльери, и кровь ея омыла слѣды запекшейся крови ея супруга.

Прекращенныя дѣйствія воюющихъ Державъ внутри Франціи возобновились; три ихъ арміи, предводимыя Принцемъ Кобургскимъ, Герцогомъ Іорскимъ и Курфирстомъ поражали враговъ повсюду. Взяли важную крѣпость, ключь государства Маясъ и городъ Конде; флотъ Англійскій осадилъ и покорилъ Тулонъ (*), Адмиралъ Форей съ Генераломъ Кюйлеромъ овладѣли островомъ Табаго, Вилліамсонъ опять городъ Св. Іереміа на Сенп-Домингѣ; Франція лишилась многихъ колоній. При возстаніи

(1) Англія не задолго предъ тѣмъ объявила войну.

на нее большей части Европы взволновались и Вандея и Марсейлль (*).

Все обѣщало паденіе страны, дышавшей геенскою злобою; Парижъ встревожился, и правители прибѣгли къ крайнимъ мѣрамъ. Опредѣлили поголовное участіе въ оборонѣ, чтобъ холостые шли сражаться, женатые работали оружія, а матери, жены, дочери и сестры ихъ приготовляли бы одѣянія, обуви и палатки; изъ погребовъ таскали землю на селитру, и на площадяхъ учредились горны, швальни.—Но къ несчастію Европы неожиданное обстоятельство дало иный переворотъ дѣлу. Прусскій Король, прежде другихъ съ усердіемъ, съ жаромъ вызвавшійся къ защитѣ Людовика, охладѣлъ, обратилъ мысль на Польшу, и отозвалъ свои войска, оставя только малое ихъ число по окладу Германскому. Сіе разстроило предположенія и самый составъ арміи, чрезъ что Французы принудили побѣдителей къ отступленію и торжествовали свои успѣхи новымъ варварствомъ. Англичане, отъ многолюднаго написка, отъ робости и измѣны осажденныхъ не могли долѣе держать за собою Тулонъ, удалились, и зна-

(*) Марсейллцы прежде съ яростію алкали смерти Короля.

менитый сей портъ подвергся необыкновенному мщенію. Собрали главнѣйшихъ гражданъ, поставили ихъ рядами, рубили имъ головы, убивали изъ ружей, пушекъ, погубили до 2 т. и солдаты вмѣсто лавровъ пришпиливали къ своимъ шляпамъ отрѣзанныя отъ труповъ уши.

Екатерина, узнавъ о умерщвленіи Людовика, прервала сообщенія съ Франціею: выслала Посла ея изъ столицы, Консуловъ изъ приморскихъ городовъ, воспретила торговлю, впускать оттуда газеты и періодическія сочиненія, и повелѣла сдѣлать разборъ обитающимъ въ Россіи Французамъ. Въ Католической церкви соорудили богатый амвонъ, на немъ стояла гробница, у подножія которой желающіе изъ Французовъ присягнули не признавать настоящаго правленія законнымъ, почитать казнь Короля злодѣйствомъ, сохранять свято Христіянскую вѣру, повиноваться наслѣдовавшему Людовику XVII, и не имѣть никакихъ сношеній съ одноземцами; а неприсягнувшимъ велѣно выѣхать изъ предѣловъ Имперіи. Ядовитые корни не засохли отъ того, оставшіеся послѣ изгнанныхъ пускали среди рѣпейника и лебеды свои отростки; — губили младыя растенія. Графъ Д' Артуа,

сопровождаемый Дамасомъ, Ескаромъ, Роллемъ, Полковникомъ Швейцомъ, и Епископомъ Аррасскимъ, въ Мартѣ прибылъ въ Петербургъ (*) просить покровительства Екатерины. Я видѣлъ его, горделиво шествующаго во внутреннія ея чертоги, и въ слезахъ, съ пятнами на лицѣ, возвращавшагося отъ нее. Его приняли съ великими почестями, и дали ему денегъ, брилліянтовъ.

Прибытіе Графа Д'Артуа объяснило болѣе какое сильное участіе принимала Екатерина въ спасеніи бѣдствовавшаго Людовика. — При сношеніяхъ о семъ съ Англіею, она предлагала присоединить свою эскадру къ ея флоту, но окончательно потомъ постановили, чтобъ Сенп-Жемской Кабинетъ собралъ 18,000 отъ разныхъ народовъ, содержалъ бы ихъ на своемъ иждивеніи, а Екатерина присоединитъ къ нимъ 12,000 отъ своего войска и морская громада двинется съ ними на пораженіе Франціи.

Казалось предпріятіе увѣнчается успѣхомъ, начальникомъ отъ насъ назначенъ Гвардіи Маіоръ Римскій-Корсаковъ, подъ руководствомъ

(*) При немъ находился Графъ Серг. Петр. Румянцевъ.

(для единой благовидности, вѣжливости) Графа Д'Артуа, Принцу сему вручена шпага богато украшенная алмазами, съ надписью: *съ Богомъ за Короля* (*), и оба они отплыли въ Ревель, чтобъ слѣдовать въ Англію. —

Но все къ неожидаемому удивленію измѣнилось. Предсталъ поспѣшно Герцогъ Д'Анкуръ, привезъ какіе то бумаги, опечалившія Графа Д'Артуа, онъ долго скромничалъ, и наконецъ тайна обнаружилась. Писали къ нему, что какъ Французское Правительство состоитъ должнымъ частнымъ банкиромъ Лондонскимъ до нѣсколько милліоновъ, то онъ своимъ появленіемъ туда, подвергнетъ себя тюремному заточенію. Д'Артуа удалился въ Маіѣ мѣсяцѣ въ Гамбургъ, Римскій-Корсаковъ оставался въ Англіи въ ожиданіи перемѣны обстоятельствъ, почти два года, и отправился потомъ къ главной арміи Князя Потемкина. Мы оставляемъ Политикамъ разобрать столь непонятное для насъ происшествіе. —

(*) Шпага та лежала нѣсколько времени на мощахъ Св. Александра.

Со всѣмъ тѣмъ Екатерина не преставала однако помышлять о усмиреніи бѣснующейся Франціи. Флотъ изъ 25 кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и 100 канонерскихъ лодокъ — съ 40 т. войска — подъ предводительствомъ Адмирала Чичагова, крейсировавшій въ Восточномъ и Сѣверномъ моряхъ вмѣстѣ съ Англійскимъ, не допускалъ подвозить съѣстные припасы, военные снаряды во Францію, и взялъ 145 ея судовъ. Обѣ Державы условились въ совокупномъ дѣйствованіи.—Конпръ Адмиралъ Рибасъ съ 18 кораблями, 8 фрегатами, съ 1500 пушками плавалъ по Черному морю, и предписано было еще умножить Черноморской флотъ. Въ Архангельскѣ сооружали 6 новыхъ кораблей и 4 фрегата. Великій Суворовъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической обучалъ свою 70 тысячную армію какъ бить враговъ, и готовился къ походу.—Но угрожающія силы не двигались впередъ, опоздали, и къ тому же присоединилась иная важная причина, которую увидимъ ниже.

Франція, сгарая сама, желала вовлечь въ свой пламень всю Европу, разсылала скрытыхъ своихъ агентовъ, проповѣдниковъ безначалія, соб-

лазняла, возмущала народы, употребляла разныя злодѣйства и побуждала, хотя безполезно, Порту къ войнѣ съ Россіею. Сильные пожары въ Архангельскѣ и Выборгѣ приписывали ея злодѣйству, что вѣроятно по другимъ случаямъ.

Всѣ державы, возгнушавшись звѣрствомъ Французовъ, не впускали ихъ въ свои владѣнія. Изъ Царяграда выгнали ихъ посла Семонвилля и нашли въ его бумагахъ заговоръ свергнуть Султана съ престола. Постановили образовавъ въ сей столицѣ 150 тысячь по Европейскимъ правиламъ, соединиться съ Россіею и Англіею для нападенія на Францію. Въ Миланѣ задержали и связали ея уполномоченнаго Марета. —Второстепенныя Государства и Княжества также желали участвовать въ общемъ ополченіи.

Тогда какъ всѣ Дворы были заняты дѣлами Франціи, одни продолжали воевать съ нею, другіе готовились на поле брани, Польша сама копала для себя ровъ. Она прельстилась неестественнымъ равенствомъ, буйною свободою, братствомъ подъ гильотиною, и сильно волновалась. Князь Адамъ Чарторижскій, Потоцкій и Малаховскій записались въ Варшавское мѣщанство; въ Данцигѣ открылся Якобинскій клубъ, показались красныя шапочки,

и многіе изъ первѣйшихъ дворянъ Польскихъ находились при засѣданіяхъ народнаго собранія въ Парижѣ. Польша полагала, что единомысліе съ Франціею послужитъ ей оборонительнымъ щитомъ, и что общая война есть удобнымъ случаемъ къ своевольству; но—по обыкновенію—ошиблась въ своемъ расчетѣ.

Екатерина не могла уже смотрѣть на сіе равнодушно, опасалась приближенія заразы; довольно было одной Франціи къ тревогѣ. Прусскій Король поступилъ рѣшительнѣе; мы видѣли, что онъ имѣя уже въ предметѣ Польшу, отозвалъ свои войска изъ Франціи. Посланникъ его Бухгольцъ въ нотѣ, поданной Коронному Канцлеру Малоховскому, объявилъ, что возникшіе безпорядки, возмутительныя скопища и сочиненія, нарушаютъ тишину въ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи, и что посему Его Величество повелѣлъ изъ предосторожности двинуться своимъ полкамъ къ границамъ. Вмѣстѣ съ сею грозною вѣстію съ изумленіемъ узнали въ Варшавѣ, что Генералъ Меллендорфъ 24 Генваря уже занялъ Торунь и другія мѣста. Пріобрѣтенія Пруссаковъ потомъ быстро распространялись; они взяли — 24 Февраля—Данцигъ, 6

Марпа укрѣпленный Ченстоховъ, потомъ воеводства, Познанское, Калишское и Гнезенское.

Императрица признавала самовластіе Прусскаго Короля неприличнымъ своему достоинству; однако не хотѣла воевать съ нимъ за безпокойную страну, чтобъ чрезъ то вполнѣ не отвлечь его отъ соучастія въ ополченіи на Францію, столь для нее важнаго; и потому, предпринимая попушить новый пожаръ, вошла съ нимъ въ переговоры. Долго размышляли, совѣщались—и наконецъ Екатерина согласилась на вторичное раздробленіе Польши. Сіе было

Примѣчательные указы:

1792. Озаселеніи страны между Днѣстра и Буга.

О приведеніи въ устройство Терекской линіи, о укрѣпленіяхъ отъ Екатеринограда до Воронежскаго редута и о поселеніи 6 Доскихъ полковъ на Кавказской линіи.

О взятіи въ опеку имѣнія Княгини Шаховской, живущей въ Парижѣ, и о лишеніи дочерей ея правъ наслѣдства, если не возвратятся въ Россію съ соблюденіемъ Православной вѣры.

Объ открытіи торговли съ Китаемъ.

О предоставленіи на 10 лѣтъ льготы Туркамъ, поселившимся въ Николаевѣ.

вѣшвію опъ корня, послѣдствіемъ перваго раздѣла, удобнымъ въ то время, и необходимымъ нынѣ по видамъ Политическимъ. Если ведутъ продолжительныя войны съ потерею множества людей для приобрѣтеній; если не вспрѣчаемъ примѣра, чтобъ опрѣкались отъ нихъ: то Екатерина имѣла все право поступить такимъ образомъ; она взяла, какъ ниже докажемъ, опять свое—однимъ почеркомъ пера, безъ пролитія крови, и Россія упрекнула бы ее за упущеніе благопріятнаго случая.

Войска наши расположились въ двухъ лагеряхъ вкругъ Варшавы, и присланный изъ

О преобразованіи Кадетскихъ Корпусовъ.

О трактатѣ оборонительномъ съ Королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ.

О такомъ же съ Пруссіею.

О продажѣ людей безъ земли за долги, но безъ молотка.

1793. О прекращеніи сношеній съ Франціею, о высылкѣ Французовъ изъ Россіи, кромѣ отрекшихся отъ революціонныхъ правилъ.

О неввозѣ Французскихъ товаровъ.

О непродажѣ имѣній малолѣтныхъ безъ дозволенія отъ Сената.

О присоединеніи Польскихъ областей.

Петербурга Графъ Сиверсъ требовалъ уступки нѣкоторыхъ провинцій. Назначили Сеймъ въ Гроднѣ; 22 Апрѣля прибыли на оный Король, довѣренные отъ Австріи, Англіи, Голландіи и Швеціи; начальствовавшій Россійскими войсками Кречетниковъ между тѣмъ занялъ предположенныя мѣста. Англія хотя не одобряла сего дѣйствія, но война ея съ Франціею — и ожидаемая въ томъ помощь отъ Екатерины — воздержали отъ помѣшательства. Императоръ находился въ томъ же положеніи, отказался отъ дѣла и отъ приобрѣтенія, а прочіе Дворы безмолвство-

---

О торговомъ трактатѣ съ Англіею, и осоставленіи изъ нихъ Губерніи Минской, Изяславской, Брацлавской.

О учрежденіи въ оныхъ Епархій.

О распространеніи, и переименованіи Польскихъ войскъ.

О учрежденіи больницъ для монаховъ.

О неношеніи простей съ потаенными кинжалами.

О трактатѣ съ Польшею.

О несчитаніи дня, въ которой подписано рѣшеніе, въ годовый срокъ къ апелляціи.

О милостяхъ народу.

ыній, часть Литвы, 10 уѣздовъ къ Кіеву, пространствомъ на 4553 квадратныхъ милли съ 3,011,628 жителей, изъ коихъ составились три Губерніи (*). Новые подданные присягнули въ вѣрности, и дарована имъ льгота на два года. По удовлетвореніи Россіи, долго упорствовали въ отводѣ земель для Пруссіи, просили нашей защиты, но Графъ Сиверсъ напротивъ настоятельно къ сему побуждалъ, и Сентября 3 послѣдовало рѣшительное постановленіе. Пруссіи достались Данцигъ, Торунь, Плоцкъ, Познань, Калишъ, Сирадія, Ленчица, Рава, Сѣверскъ и до рѣки

работу, приговоренныхъ же къ тѣлесному наказанію отправить на поселеніе безъ онаго.

Дѣла казенныя и уголовныя, продолжающіяся долѣе 10 лѣтъ оставить, заключенныхъ въ темницахъ выпустить.

Простить наслѣдниковъ по начетамъ и недоимкамъ.

По долгамъ казеннымъ и частнымъ къ заплатѣ несостоятельныхъ и содержащихся болѣе 5 лѣтъ освободить.

(*) Губернаторами опредѣлены Генералъ-Маіоры: въ Минскую—Неплюевъ, въ Изяславскую—Шереметевъ, въ Брацлавскую—Берхманъ, а Генералъ-Губернаторомъ — Тутолминъ.

*

ГЛАВА VI.

Политическія дѣла. — Бѣдствія Людовика. — Побѣгъ его въ Монмеди. — Уничтоженіе Христіянской вѣры. — Ужасныя казни. — Волненія, перемѣны въ Польшѣ. — Убивства нашихъ воиновъ. — Екатерина объявляетъ Полякамъ войну. — Костюшко. — Его плѣнъ. — Походъ Суворова, покореніе Варшавы.

Въ сей годъ, какъ нипь ужасныхъ временъ, 17
протекъ въ печальныхъ произшествіяхъ; лилась ручьями человѣческая кровь на поляхъ брани, на площадяхъ Парижа и въ коварныхъ жилищахъ Варшавы. Почти вся Европа, кромѣ Россіи, Даніи и Швеціи, находилась тогда въ войнѣ, и нельзя опредѣлительно сказать для чего Императрица, какъ выше сказано, при обстоятельствѣ касавшемся до общаго спокойствія оставались въ бездѣйствіи. Сосѣдственныя Державы пребывали съ нею въ согласіи, сто тысячь храбрыхъ Россіянъ съ полководцемъ, каковъ Суворовъ, еще при помощи отъ разныхъ племенъ, усмирили бы безъ сомнѣнія изверговъ (*). Одно ея имя, участіе

(*) Суворовъ, съ числомъ гораздо сего менѣе, поражалъ послѣ Французовъ и быстро завоевалъ Италію.

дость Людовика, утвержденіе имъ новаго образа правленія, признаніе, что принялъ оное безъ принужденія, а по доброй волѣ, порождали недоумѣніе, остановляли дальнѣйшія предпріятія. Потомъ Екатерина полагала, что для одолѣнія бѣснующейся страны достаточно будетъ близкихъ къ ней соединенныхъ силъ, Принцами крови предводительствуемыхъ. Они взяли уже нѣсколько крѣпостей, доходили далѣе Вердюна, и безъ сомнѣнія вступили бы въ Парижъ; если бы, Брауншвейгскій не помѣстилъ въ своемъ манифестѣ неприличныхъ угрозъ, не озлобилъ чрезъ то болѣе ожесточенныхъ, не пронеслась бы молва, что хотятъ подѣлить Францію; если бы не возникли разномыслія, нерѣшимость, не отступили бы назадъ, и наконецъ если бы Прусскій Король не отозвалъ большей части своихъ войскъ. — Съ убіеніемъ Короля изчезла и причина къ ратоборству. — Съ кѣмъ воевать? — Съ тиграми. — Съ какой цѣлію? — Для того ли, чтобъ истреблять, наказать ихъ? — Но кровь вѣрныхъ, добрыхъ чадъ своихъ Императрица считала драгоцѣнною, и злодѣи не мести, а презрѣнія были достойны. Не предстояло болѣе нужды мѣшаться

въ ихъ дѣла. Къ сему надлежитъ еще присовокупить отдаленность, важные расходы, опасеніе заразы отъ развратныхъ тамъ нравовъ, уже начавшееся волненіе въ Польшѣ, послѣдствія коего оправдали предусмотрительность Императрицы, и мы удостовѣримся въ мудрой ея дальновидности.

Французская революція не походитъ ни на одну изъ извѣстныхъ намъ.—Всѣ онѣ были, можно сказать, случайными, мимоходными съ однимъ направленіемъ; напротивъ того во Франціи не имѣла она предмета, и состояла изъ смѣшенія разнородныхъ беззаконій. Безстыдство, сумасшествіе, непостоянство и варварство тѣсно между собою соединялись; Франція плавала въ крови; казалось, что перевернулась къ аду, и что, выступившія оттуда, фуріи замѣнили людей. Полагали до 44 тысячь Революціонныхъ отдѣленій или Комитетовъ, и по сему удобно сообразить число всѣхъ изверговъ. Они не оставили въ покоѣ даже память о Людовикѣ; называли его кротkаго, добродѣтельнаго, тираномъ; назначили страдающему послѣ его семейству малое содержаніе, какъ просолюдинамъ; разсѣяли изъ гробницъ истлѣвшій прахъ Королей, истребили всѣ приз-

наки Королевскія, карету, служившую при обрядѣ коронаціи разломали по частямъ, уничтожили орденъ Св. Людовика, владѣльческіе знаки, помѣстныя повинности. По злобѣ къ Вѣнчаннымъ Главамъ отпустили 100 т. франковъ театрамъ, въ коихъ играли смерть Кесаря, Катилину, Нерона, Брута, Вильгельма Телля. — Перемѣнили слова, Грамматику, разсылали по провинціямъ наставниковъ обучать новому Вандальскому наречію. Нечестіе господствовало въ высочайшей степени; брали съ олтарей священные сосуды, пили изъ нихъ за домашними трапезами, закрашивали лица Богоматери и Апостоловъ, работы превосходной кисти Рафаела и Тиціана, называли Христа главою Аристократовъ, сожигали многія иконы, священныя книги, претворили храмы въ анбары; увѣряютъ, что отъ таковаго разграбленія поступило въ казну 270 милліоновъ франковъ. Нѣкоторые Епископы и священники отреклись отъ своего сана, или присягнули Конституціи въ невѣріи; первые представляли народному собранію своихъ женъ. Сіесъ объявилъ, что не знаетъ иной вѣры, кромѣ братства и свободы, инаго поклоненія, кромѣ любви къ отечеству.—Актеръ Монвель дерз-

предложилъ бытіе снова Верховнаго существа и безсмертіе души, съ образца язычниковъ. Послѣдовало общее одобреніе, шумѣли въ восхищеніи и рукоплескали, какъ бы при представленіи комедіи, или баллета. Послѣ перваго дѣйствія началось второе; шествовали на Марсово поле, пѣли гимны; женщины клялись вступать въ супружество только съ воинами, и опредѣлили невѣдомыя до того поклоненія, Истинѣ—Чистотѣ—Геройству—Счастію—Злополучію—Свободѣ міра.—Не достаетъ послѣ сего ни соображеній, ни словъ къ заключенію.—Гнусный тиранъ низлагаетъ вѣру — повинуются. Предлагаетъ смѣхотворную—принимаютъ ее! Раздражая небо, оскверняли землю; удары гильотины не умолкали, едва успѣвали совершать казни, кровь лилась рѣками, копали для стока оной особые рвы, выводили десятками обреченныхъ на смерть, и народъ, обыкшій къ ожесточенію, роптalъ при недостаткѣ жертвъ. Въ теченіе одного мѣсяца умертвили болѣе 1500 человѣкъ, въ томъ числѣ многихъ изъ знатнѣйшихъ фамилій и Мальсгерба, почтеннаго старца, защитника Людовика. Варварство до того простиралось что не давали защитниковъ осужденнымъ;

ила Польшу; мы находимъ въ ней слѣпое подражаніе Якобинскимъ правиламъ. Сей уголъ отъ Королевства—Республики, послѣ втораго раздѣла имѣлъ, на пространствѣ 4 тысячь квадратныхъ миль, 3,600,000 жителей съ доходомъ до 13½ милліоновъ злотыхъ, и войска, щитая съ Литовскимъ, болѣе 15 т. въ сокращенномъ размѣрѣ, приличномъ его политическому составу могъ бы блаженствовать. Императрица ручалась за неприкосновенность на будущее время и защитила бы отъ другихъ; но по словамъ отличнаго писателя Графа Сегюра, паденіе Польши уже было начертано въ книгѣ судебъ. Безсильная состязаться на полѣ брани, она кипѣла мщеніемъ; руководители ея Костюшко, Колонтай, Заіончикъ, Игнатій Потоцкій для сокрытія злаго умысла, то удалялись въ Лейпцигъ, то приближались къ границамъ, и раздували вражду. Войска наши оставались для сего въ столицѣ и въ ея окрестностяхъ; самъ Король при появленіи нѣкоторыхъ изъ опасныхъ лицъ осперегалъ Игельстрома. Полковникъ Мадалинскій, возпротивясь насланному повелѣнію разпустить по трактату излишнее число солдатъ, поднялъ первое знамя бунта. Въ Варшавѣ банкиръ

ды своихъ гонимыхъ собратій. Сражаются одинъ противъ трехъ, противъ пяти, на перекресткахъ, на папертяхъ костеловъ, въ погребахъ. На Медовой улицѣ открылось важнѣйшее пораженіе; на дворѣ Паца, лежали груды труповъ. Жены, дѣвы, недавно освободившіяся изъ объятій преслѣдуемыхъ, кидаютъ въ нихъ поленья, камни, отломки черепицъ. Разсѣянные воины мало по малу скопляются, составляютъ взводы и роты безъ разбора полковъ. Устроили въ саду Красинскаго батареи, Поляки изъ внутренности зданія ядрами опустошали ихъ ряды. Сумерки не прекратили звѣрства, фуріи рыщутъ съ свѣточами, фонарями, еще дерутся и въ толпахъ, и въ одиначку. Всякое иное войско уступило бы превосходству, необходимости, возстанію цѣлаго города; но Россіяне, изнуренные гладомъ, усталостію и ранами остались съ зажженными фитилями, съ ружьями у ногъ. Предлагаютъ имъ сдаться, и они во гнѣвѣ отвѣчаютъ: *У насъ это не водится; ляжемъ дружно кучкою, и тогда возмите оружія вмѣстѣ съ костями нашими.* — Мучительная неизвѣстность. — Пошевелится листъ, или кто изъ своихъ, и кажется выступаютъ враги. Съ вторич-

нымъ восхожденіемъ солнца являлись новыя спаи злодѣевъ, напротивъ число нашихъ уменшалось, совсѣмъ шѣмъ неустрашимые спояшь спѣною, не подаются назадъ, не просятъ о пощадѣ, о условіяхъ, наносятъ смерть и сами хладнокровно валяются подъ ея косою. Въ сіи ужасныя минуты Маіоръ Тишовъ выступилъ изъ города, и опять вошелъ на выручку своихъ, Башуринъ съ знаменъ въ рукѣ вскричалъ: *впередъ!* Воины сомкнулись кремнистою скалою, штыками очистили Польскія Термопилы—оба герои увѣнчались безсмертіемъ. — Изъ 7948 нашихъ погибло 2265, ранено 122, взято въ плѣнъ 1764 человѣкъ. — Подобныя убивства произошли въ Краковѣ, Вильнѣ, Хельмѣ и Люблинѣ. Такъ доносилъ Ген. Квартирмейстеръ Писпоръ.

Поляки признавали гнусное свое дѣйствіе знаменитымъ подвигомъ; гордились, веселились, поздравляли другъ друга, повѣсили подозрѣваемыхъ въ приверженности къ Русскимъ согражданъ: Косаковскаго брата его Епископа, Ожаровскаго, Забѣлу и Анквича. Непоняпна цѣль такого предпріятія; умертвивъ два или три полка, не попрясли они могущества Россіи, лишь помрачили имя народа, подали

причину къ праведному каранію и къ разрушенію своего отечества.

Екатерина, обыкшая къ славѣ и трофеямъ, чрезмѣрно оскорбилась симъ неожиданнымъ событіемъ. Первыя во гнѣвѣ слова ея о неосторожности вождя, достойны начертанія златыми литерами для потомства: *Счастливъ*, сказала она, *этотъ старикъ; дорого бы онъ заплатилъ мнѣ за то, если бы не имѣлъ за себя ходатаями прежнихъ усердныхъ своихъ заслугъ.* — Размѣръ Божественный! Не долго торжествовали Поляки; уже несется черная туча отъ Сѣвера прямо къ Вислѣ, и грянетъ громъ. Буйная Варшава затрепетала; начали укрѣплять Прагу; жены, дочери вельможъ рыли землю, работали наравнѣ съ простолюдинами и возглашали: *умремъ за отчизну!*

Они вызвали изъ Италіи Костюшку, вручили ему Диктаторство; онъ возстановя конституцію, 3 Маія 1791 года, лишилъ власти Короля, и учредилъ правительство изъ 8 особъ. Съ начала у него было весьма мало войска (*), но бунтовщики скоплялись, при-

(*) Г. Кастера хочешь увѣрить читателей, что 300 крестьянъ съ косами разбили Россій-

соединился къ нему Мадалинскій, и составилась значительная армія. Войска трехъ Державъ тѣснили вѣроломную страну: Прусскій Генералъ Ельснеръ 15 Іюня взялъ Краковъ; Россіяне овладѣли Вильною, Австрія ввела 17 т. въ Брестъ и въ Дубно. Прусскій Король, лично начальствуя надъ 50 т. своихъ и надъ корпусомъ нашего Ферзена, осадилъ Варшаву; но получа извѣстіе о возмущеніи въ своихъ провинціяхъ, взятыхъ отъ Польши, отступилъ къ Радому и къ Гурѣ, а Ферзенъ переправился за Вислу. Отдѣльныя его дѣйствія здѣсь были блистательнѣе другихъ. До осени происходили частыя сраженія, безъ чувствительнаго, рѣшительнаго удара. Суворовъ, не извѣстно почему оставался до Сентября еще близъ Крыма, строилъ крѣпости, електризовалъ полки, и мечь его еще покоился

ской отрядъ изъ 7 т. — Если бы онъ обдумалъ, что Русскіе славятся мужествомъ, доказали оное, поражая малымъ числомъ превосходныя силы Турокъ, Шведовъ, потомъ Французовъ, и что наконецъ одна коса не устоитъ противъ 23 штыковъ, хотя бы Готтентотскихъ; то конечно утишилъ бы черную свою желчь отъ подобныхъ небылицъ.

въ ножнахъ. Давно бы онъ наказалъ убійцъ, увѣнчался бы новыми лаврами. — Пришло повелѣніе, и походъ, дѣйствія его превосходятъ вѣроятіе. Никто не ознаменовалъ славы столь блистательнѣйшимъ образомъ. Онъ съ 15 т. войска встрѣчалъ повсюду многіе отряды непріятелей и, поражая ихъ быстро, продолжалъ свой путь. — Разсѣялъ 8 т. корпусъ, въ Кобринѣ истребилъ дерзновенныхъ, въ Крупчицѣ побѣдилъ Сераковскаго въ 12 т. пѣхоты, 3,500 конницы, и съ 8 т. косцевъ въ неприступномъ мѣстѣ за лѣсами, топкими болотами, убилъ у него до 4 т., а прочихъ обратилъ въ бѣгство. Ферзенъ услыша о его приближеніи, двинулся къ соединенію съ нимъ, славный ихъ Костюшко хотѣлъ помѣшать тому и подъ Мацевичемъ разбитъ на голову; потерялъ на мѣстѣ 6 т., всю артиллерію, повозки, и самъ съ 1600 воиновъ, достался въ плѣнъ. Суворовъ къ довершенію чудесъ совершилъ поприще отъ Днѣстра до Вислы, на разстояніи 1500 верстъ съ небольшимъ въ три недѣли, и съ двумя только третями своего ополченія, достигъ мѣстечка Кобылки; гдѣ 22 Октября примкнули къ нему прочіе отдѣльные корпуса, и

воинство его составилось иногда изъ 25,000 съ 24 пушками.

Кто бы дерзнулъ, съ числомъ, столь не важнымъ, осадить столицу, предъ которою, не щитая гарнизона въ городѣ, и жителей въ ней, находилось въ предмѣстіи Прагѣ 100,000 войска, на батареяхъ 104 пушки, притомъ еще широкая рѣка служила къ надежной оборонѣ? По правиламъ военнаго искуства надлежало бы имѣть въ 12 кратъ болѣе силъ, но для героя Екатерины нѣтъ препятствій, невозможностей, для него превосходство враговъ ничтожно, укрѣпленія, пропасти, тоже что пригорки, холмы, и лавры какъ простая трава.

Суворовъ, давъ отдохнуть полкамъ два дни, возвѣстилъ приступъ, двинулся въ семи колонахъ, слѣдовали на правомъ крылѣ Дерфельденъ, на лѣвомъ Ферзенъ, въ срединѣ Потемкинъ, съ музыкою, съ распущенными знаменами, какъ на ученье.

Къ ночи Октября 25 ретраншаменты, бойницы были въ готовности, и предъ зарею началась битва. Открылся адскій огонь въ Прагѣ, съ крупизны Варшавы летятъ ядра, бомбы, разъяренные, преступные Поляки дерутся въ селитряныхъ облакахъ отчаянно;

но Сѣверные герои подаются впередъ, Поляки валятся кучами, клокочетъ кровь ручьями, пылаютъ зданія,—и чрезъ четыре часа все умолкло, все кончилось. — Прага претворилась въ унылую пустыню, Варшава преклонила колѣна, и нарушеніе чести, народныхъ правъ, получило праведное воздаяніе. Суворовъ *взглянулъ и побѣдилъ* — двуглавый орелъ изумилъ Европу. Убито на мѣстѣ 13 т., потонуло въ Вислѣ до 2 т.; въ плѣнъ взято 14,630, и всѣ пушки, мортиры. Мы не находимъ въ лѣтописяхъ ничего, подобнаго сему — Суворовъ преодолѣлъ самую невозможность, ступилъ на вышнюю чреду между именитыми Полководцами.

Переговоры продолжались три дня, умоляли строптивые о пощадѣ, предавали участь свою на произволъ побѣдителя, и постановлены были слѣдующія правила. Положить всѣмъ безъ изъятія оружіе, оставить только 600 пѣхоты и 400 конницы. Доставить прочія оружія, равно городскую артиллерію, аммуницію, снаряды водою въ Прагу (*). Немедленно ос-

(*) Въ городѣ найдено еще 200 пушекъ и 15,000 ружей.

ГЛАВА VII.

Пораженіе остальныхъ Польскихъ войскъ. — Необходимость разрушить Царство. — Сеймъ въ Гродић. — Пріобрѣтеніе Курляндіи. — Награды за Польскую войну. — Депутаты Курляндскіе. — Третій раздѣлъ Польши. — Доказательства что пріобрѣтенныя провинціи издревлѣ принадлежали Россіи. — Владычество Татаръ. — Обиды Россіи отъ Польши. — Бѣдственное положеніе Россіи. — Счастливая въ ней перемѣна. — Неистовства во Франціи.—Вандея. — Война соединенныхъ державъ противъ Франціи. — Успѣхи послѣдней.

Го
17

Послѣ Костюшки начальствовалъ надъ войсками Варжевской и съ 20 т., съ частію почти равною всему числу побѣдителя, съ Заіончикомъ, Дембровскимъ, Мясковскимъ, Гедровичемъ и Мадалинскимъ, хотѣлъ пробраться въ Галицію, оттуда къ Туркамъ; но преслѣдуемый Денисовымъ, Прусаками сдался при Радойчинѣ 7 Ноября, съ 19 пушками, и кромѣ послѣдняго привезли всѣхъ ихъ въ Петербургъ.

Суворовъ, окончa свое дѣло въ 4 дни, оставилъ въ Варшавѣ 10 т. войска, учредилъ временное начальство, и съ остаткомъ героевъ удалился Графъ Буксевгденъ вступилъ въ управленіе, далъ о семъ знать воеводствамъ, и предпринятыми мѣрами отвратилъ

Екатерина предложила ему Сеймъ въ Гроднѣ для послѣдняго постановленія, онъ прибылъ туда съ малою свитою въ послѣднихъ дняхъ протекшаго года, и Князь Рѣпнинъ, съ оказаніемъ должныхъ почестей, имѣлъ объ немъ попеченіе. Тогда какъ въ Гроднѣ происходили многіе пренія, противились буйные уступить Отечество, ими же самими принесенное на жертву; какъ Варшава претворилась изъ столицы въ опустѣлый городъ, и чужестранные Посланники удалились изъ оной, Курляндія своимъ примѣромъ побудила Поляковъ къ рѣшимости — Герцогъ Петръ предсталъ на аудіенціи 12 Февраля Екатеринѣ, и торжественно отвергнулъ зависимость Курляндіи отъ Польши, признанную Кетлеромъ въ 1561 году. Вскорѣ потомъ благородное рыцарство, земство подтвердя его подвигъ, предложили Курляндію, Семигалію, Пильтенской округъ въ вѣчное подданство Россіи, и 15 Апрѣля состоялся о томъ манифестъ. Прекрасный подарокъ ко дню рожденія Императрицы!

Владѣтель и граждане приобрѣли тѣмъ великія выгоды. Екатерина приняла на себя всѣ долги Герцога, опредѣлила ему по 25 т.

ный обелискъ съ надписью: *Побѣдамъ Графа Румянцова Задунайскаго* (*), и пожалованы ему деревни. — Опредѣлено вылить изъ бронзы изображеніе во весь ростъ Графа Суворова Римнинскаго въ Римскомъ одѣяніи, съ шлемомъ на головѣ (**). — Князю Рѣпнину деревни и домъ въ Петербургѣ. — Генералы Ферзенъ, Дерфельденъ, Потемкинъ, Буксевгденъ, Исленьевъ, Денисовъ получили ленты, подарки — Офицерамъ, нижнимъ чинамъ Прагскія медали. — Вдовамъ, дѣтямъ погибшихъ на полѣ брани, пенсіи.

Прибыли въ Петербургъ 18 Марта депутатами отъ Курляндіи и Семигаліи Оберъ Бургграфъ Фонъ деръ Говенъ, Нольде, Фелькерзамъ, Фонъ Ганъ, Ганскау и Фонъ Гейкингъ; въ слѣдъ за ними уполномоченные отъ Пильтенскаго округа Камергеръ Баронъ Корфъ и Оберъ Шталмейстеръ Баронъ Гейкингъ. Они приносили поздравленія Императрицѣ и поручили новыхъ подданныхъ въ Ея благоволеніе.

(*) Оный стоялъ на Царицыномъ лугу предъ его домомъ, нынѣ же находится между Кадетскаго корпуса и Академіи.

(**) Тотъ который нынѣ видимъ.

валъ на рапоборство великана, и низвергся къ стопамъ его!

Король, благоразумные представители народа видѣли что упорство ни къ чему не послужитъ, и предлагали о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, строптивые же Демагоги запрудняли возраженіями, и въ медленности протекъ почти весь годъ. Наконецъ въ Ноябрѣ Король отрекся отъ престола, и 14 Декабря изданъ манифестъ о пріобрѣтеніи новыхъ областей.

Россіи уступлены: Вильна, Гродно, остальная половина Волыни, Самогиція, Троки, Новугрудекъ, Брестъ и Хельмъ съ ихъ уѣздами, на 2030 квадратныхъ милль, съ 1,176,590 жителями. Событіе удивительное! Екатерина даровала Августу Понятовскому Корону, и сняла ее! — Она наказала ссылкою въ Сибирь, въ отдаленные города руководителей къ умерщвленію невинныхъ, взяла ихъ имѣнія, покупала оные у другихъ, и для лучшаго охраненія тишины на будущее время, раздавала ихъ отличившимся мужествомъ, усердіемъ.

По удовлетвореніи одной Россіи, Прусской Король сошязался съ Императоромъ, не хотѣлъ отдать ему Краковъ, и Екатерина объ-

5 лѣтъ на продажу имѣній, на избраніе для себя подданства одной изъ трехъ Державъ. И такъ волнуемая Польша изгладилась навсегда изъ списка Царствъ!

Г. Каспера постоянный врагъ Императрицы и Россіянъ, возставая нагло на два прежніе раздѣлы, о послѣднемъ, что непростительно Историку, хранитъ глубокое молчаніе. Сіе ясно доказываетъ невозможность оправдать поступокъ Поляковъ, и опорочить дѣйствіе Россіи. Мы постараемся замѣнить его пристрастіе неоспоримыми истиннами.

Вся та страна, за изключеніемъ Вильны, издревлѣ принадлежала Россіи, и Литва не имѣла на оную малѣйшаго права. Владиміръ Великой отдалъ въ Минскихъ предѣлахъ городъ Туровъ сыну своему Святополку. Удѣлъ сего составляли въ 1096 году Туровъ, Слуцкъ, Пинскъ, и всѣ города до Буга по сю сторону рѣки Припяти. — Въ 1120 году Великій Князь Мономахъ смирилъ Минскаго Князя Глѣба.—Послѣ Княжили въ 1126 Вячеславъ, братъ Великаго Князя.—Въ 1152 Изяславъ Мстиславовичь.—Въ 1146 Ярославъ.—Въ 1154 Борисъ.—Въ 1218 Ростиславъ Рюриковичь.—Въ Минскѣ были въ 1119 Глѣбъ.—

денскъ, была управляема въ 1039 Всеволодомъ Давидовичемъ.—Въ 1154 Борисомъ.—Въ 1171 Мстиславомъ Мстиславовичемъ. — Въ 1287 Михайлою, рода Святополка. Въ Гроднѣ покоились прахи нашихъ Князей, храмы славились чудесами. — Въ ней существуютъ еще развалины языческихъ капищъ, происходили сеймы по очередно съ Варшавою, и на послѣднемъ тамъ опредѣлено разрушеніе Польши.

Литва Принадлежала Россіи въ теченіе 150 лѣтъ только данью, платила оную шкурами, лыками, вѣниками. Она была отдѣльною отъ Польши, начинала съ нею брани, имѣла своихъ владыкъ, свои уставы, обычаи, войска. Народъ произшедшей отъ Гсруловъ, сохранилъ по нынѣ свое наречіе, похожее на Самогитское и Семигальское. — Напротивъ дворъ, чиновники, помѣщики, употребляли языкъ Славянской, на немъ писали всѣ повѣленія, грамоты, лѣтописи, законы, приговоры, сдѣлки; Статутъ Литовской напечатанъ въ 1588 году также по Славянски (*).

(*) Когда Генрихъ Валуа, Французской Принцъ, взошелъ въ 1572 году на Польской престолъ языкъ Славянскій оставался еще въ употребле-

Галиція, или Красно-Рос
биля издревлѣ Россійскою
лы наши оканчивались у
обитатели близь оныхъ н
Россами. Великій Владимір
году Червенскіе города,
собою. Въ 1031 при брак
съ Доброгнѣвою, сестро
Ярослава, города тѣ упш
за нами. — Съ того врем
Владимірко Володаревичь
Владимірович въ 1161.—Р
Когда Романъ сверг съ п
Венгерской Король Белла,
шы обиженному, овладѣлъ
ее своему сыну Андрею.

ніи въ Литвѣ. Онъ давалъ
я видѣлъ одну изъ такови
шельно требовалъ введенія
стали въ Варшавѣ дѣлать
шынски, по Польски, и дв
странъ перемѣшались — С
раль многія Русскія книги,
чиненныя, переведенныя Ме
жигалъ ихъ, и въ началѣ
вянскій языкъ совершенно

Казимиръ справедливый ходилъ вмѣстѣ съ Россіянами войною, освободилъ Галицію.—Даніилъ получилъ свое достояніе въ 1198. — Мстиславъ Мстиславовичь уступилъ Галицію въ приданное за своею дочерью, поступившею въ супружество съ Андреемъ. — Даніилъ плѣнилъ сего Королевича, позволя ему удалится въ отечество.—Потомъ Венгры опять завоевали, и опять потеряли оную.—При властвованіи уже Татаръ въ Россіи, Даніилъ скрывавшійся въ Мазовіи, предсталъ, и обѣщавъ ложно принять Каѳолическую вѣру, коронованъ отъ Мессинскаго Аббата Королемъ Галицкимъ. — Послѣдними въ ней владѣтелями были до 1301 года Левъ и Георгій. Слѣдовательно Галиція по очередно принадлежала то Россіи, то Венгріи, и ни Литва, ни Польша не имѣли на нее права.

Чтобъ имѣть понятіе какимъ образомъ мы лишились сихъ областей, надлежитъ кратко изложить теченія важныхъ произшествій. Удѣльная система Россіи представляла собою на великомъ пространствѣ порочное сцѣпленіе частей, ко вреду цѣлаго состава. Великіе Князья были главами удѣльныхъ, сіи повинуясь ухищряли противъ ихъ, не

Русской земли, Галицкой и Владимирской. Именитый Великій Князь Дмитрій Іоановичь Донской вознамѣрился свергнуть посрамительное иго, одержалъ надъ Мамаемъ побѣды на рѣкѣ Вожѣ, и славную на Куликовомъ полѣ у Дона, въ 1380; но то было только временнымъ отраженіемъ, и Россія снова наложила на себя тяжкое ярмо.

Послѣ Мамая Тахтамышъ въ 1382 взялъ, раззорилъ Москву. — Въ 1393 вступилъ Тамерланъ.—Въ 1408 пришелъ Едигей, ограбилъ Переславль Залѣскій, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній Новгородъ, осадилъ Москву. Удѣльные владыки помышляли только о личныхъ выгодахъ, какъ бы отнять у сосѣда городъ, помѣстье — Великіе Князья отправлялись съ трепетомъ въ Орду, едва смѣли дышать въ шатрѣ Ханскомъ. Никто не радѣлъ объ Отечествѣ, водворились безначаліе, подкупы Мурзъ;—мужество претворилось въ отчаянное уныніе. Раболѣпство до того простиралось, что Князь Георгій жилъ 3 года въ Ордѣ, женился на Татаркѣ Капчакѣ — Баскаки пріѣзжали въ Москву для переписи людей, Ерлыкъ служилъ безпрекословнымъ указомъ, граждане выходили во срѣтеніе, покла-

земли, потомъ стала отнимать провинціи. Въ 1259 Мендогвъ овладѣлъ Смоленскимъ, — побѣдилъ Волынскаго Князя.—Въ 1272 Тройденъ захватилъ многія страны. — Въ 1300 Гедиминъ конющій, убилъ своего Государя, женился на его вдовѣ, и покорилъ Кіевъ, Овручъ, Луцкъ, Житоміръ, Волынь, Самогицію отъ рыцарей, построилъ Троки, Вильну (*), утвердилъ сію своею столицею, и сталъ называться Великимъ Княземъ Литовскимъ и Россійскимъ.— Въ 1359 Ольгердъ, сынъ его, присвоилъ Брянскъ, Мстиславль, Ржевъ, двукратно подступалъ къ Москвѣ, сжегъ ея предмѣстія, и выгнавъ Поляковъ изъ Волыни присоединилъ ее къ Литвѣ — Ягеллонъ женился въ 1386 на вдовствующей Королевѣ Польской Едвигѣ, и хотя причислилъ Литву къ Королевству, но оная оставалась еще на прежнемъ основаніи въ теченіе почти двухъ столѣтій. Литовцы имѣли своихъ особыхъ владѣтелей, иногда съ утвержденія Королевскаго, нерѣдко же по своеволію. Они возстали на Скригеллона, брата Короля, призвали на помощь рыцарей, и принудили Ягеллона смѣнить его. — Свидригеллонъ взбунтовался, держалъ нѣсколь-

(*) Вильна построена въ 1305 году.

Датской, Князья Тверскіе, Рязанскіе, Одоевскіе, Мазовецкіе, Ханъ Перекопской, изгнанный Господарь Валахій, Легатъ отъ Папы, Послы Греческаго Императора, Магистры Прусскіи и Ливонскій. — Кажется никогда не бывало подобнаго собранія вѣнчанныхъ главъ, и особъ именитыхъ.

Изчезъ воинственный духъ въ потомкахъ Славянъ, они бесѣдовали между собою уже не о побѣдахъ, о прежнихъ трофеяхъ, а объ рабствѣ, о ненависти къ безчеловѣчнымъ своимъ властелинамъ. Одинъ великій Новградъ посредствомъ выкуповъ сохранилъ свою независимость, воевалъ съ Ливоніею, Эстоніею Даніею, съ рыцарями, ихъ Александръ Невской одержалъ безсмертную побѣду; воды Волхова, Ильменя не журчали подъ стопами Литовскаго гонца, или нечестиваго Баскака.—Тамъ еще вѣялъ родимой воздухъ, и луна не смѣла заслонять солнца.

Государства имѣютъ свой возрастъ; тѣ возникаютъ, процвѣтаютъ, другіе старѣютъ, иные падаютъ, оставляя въ лѣтописяхъ одни свои имена. Обстоятельства измѣнились, и настала счастливая чреда нашему Отечеству. Преемники Витовта не наслѣдовали его

емъ, и предпринялъ стрягнуть иго. Поднялъ оружіе на могущественную до того Литву, раззорилъ Мценскъ, Любутскъ, взялъ Серпейскъ, Брянскъ. Когда Литва въ 1569 году при Сигисмундѣ Августѣ на Люблинскомъ Сеймѣ составила прочнымъ образомъ одно съ Польшею тѣло, то сіе вмѣсто умноженія взаимной ихъ силы, открыло напротивъ легкіе средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ Россіи. Польскіе Короли, имѣвъ свои войны, своихъ враговъ въ подданныхъ, не могли съ равною рачительностію Литвы дѣйствовать. Іоаннъ принудилъ Казиміра III въ 1494 уступить Вязьму, Алексинъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Тарусу, Оболенскъ, Козельскъ, Серпейскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещеру. — За нимъ оставилъ Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитріевъ, Путивль, Кіевъ и по Угру. — Въ 1500 онъ отнялъ еще отъ Короля Александра, зятя своего опять Мценскъ, Путивль, воевода Яковъ Захарьевичь овладѣлъ многими городами отъ предѣловъ Калугской, и Тульской губерніи до Кіевскихъ. Орда присмирѣла, и хотя Ханы Ахметы и Амінь вторгались въ Россію, но

ну, подъ названіемъ отъ того *Сарской и Подонской*, и надѣлилъ ее деньгами. Прежде Епископъ находился при Ханѣ, потомъ въ Переяславлѣ, въ началѣ же XIV столѣтія переселился въ Москву, на Крутицы. Императрица Екатерина Великая отмѣнила ненавистный тотъ титулъ, Сарскаго и Подонскаго, назвала Епархію Крутицкою и Можайскою, а наконецъ уничтожила оную. Не такъ поступали враги наши, Христіане въ 1812 году; они претворяли церкви въ казармы, магазины, въ пекарни, конюшни, грабили оклады съ иконъ, и на доскахъ съ ликами Святыхъ приготовляли себѣ пищу.

Продолжительное иго остановило наше просвѣщеніе, мы имѣвъ уже тогда хорошія сочиненія, какъ на примѣръ въ 1285 году *пѣснь Игореву*, другія, отодвинулись къ невѣжеству, и отъ того единственно отстали отъ другихъ народовъ. Въ сладкозвучное наше нарѣчіе вошли и остались грубые Татарскіе слова, какъ то: *кафтанъ*, *кушакъ*, *колпакъ*, *анбаръ*, *безменъ*, *алтынъ*, *лошадь*, *баранъ* и прочія.

Сіе бѣдствіе послужило однако къ величайшему для Россіи благу; удѣльные Князья

чаемъ, и довесть до того что бояре, народъ вручили ему упраздненную Державу. Онъ опасался вчинать брани, пекся только о сохраненіи непринадлежавшаго ему сана. Сынъ его Ѳеодоръ кроткой, съ чувствами нѣжными, соблюдалъ также миръ, и кратковременное Правительство запечатлѣлъ своею кровію — погибъ отъ рукъ убійцъ. Послѣ сего мимоходнаго поколѣнія послѣдовало сильное потрясеніе Государству, разправились прежнія смертоносныя его раны.

Презрѣнный Отрепьевъ, бѣжавшій отъ преступленіи въ Польшу, по своему ли умыслу, или по наущенію враждовавшихъ на Россію Поляковъ, дерзнулъ назвать себя Царевичемъ Димитріемъ. Хотя не представлялось въ томъ ни малѣйшаго вѣроподобія, умерщвленіе Царскаго сына въ Угличѣ было гласно, всѣмъ извѣстно, но Король Сигисмундъ III, прикрывъ грубую ложь признаніемъ самозванца за порфиророднаго отрока, далъ ему много казны и войска подъ предводительствомъ Желковскаго. Обольщенные, злонамѣренные умножали на пути силу Отрепьева, онъ вступилъ въ Москву, похитилъ скипетръ Мономаха, женился на Маринѣ, дочери Сендомир-

скаго Воеводы Мнишки, и по разкрытіи вскорѣ обмана преданъ смерти.

Достойное возмездіе Отрепьеву не успокоило Россію, отродило отъ себя цѣпь иныхъ бѣдствій. Василій Іоановичь Шуйской, обличитель Самозванца, глава заговора, послѣ двухъ дней междоцарствія, получилъ среди безначалія, общей тревоги въ награду вѣнецъ, помраченный гнуснымъ его предшественникомъ, и въ величіи снискалъ свою гибель. Явились шесть Самозванцевъ, каждый подъ разнымъ именемъ, и по тому съ разнымъ правомъ. Польша обрадовалась мятежамъ, прислала къ войскамъ отряженнымъ для Отрепьева, подкрѣпленіе, и помогала извергамъ, съ цѣліею коварною, какъ увидимъ ниже, овладѣть всею Россіею.

Уже Поляки сражаются у Пскова, у Хутынскаго монастыря, грабятъ, опустошаютъ громятъ Коломну, держатъ въ долгой осадѣ Сергѣевскую Лавру, Ружинской торжествуетъ даже подъ стѣнами Кремля—и на Ходынкѣ. Нѣтъ возможности сопротивляться, неминуемая гибель угрожаетъ Россіи. Новый Царь прибѣгнулъ къ Шведскому Королю, сей за дорогую цѣну, за уступку ему Кореліи

прислалъ 3 т. пѣхоты, и 2 т. конницы съ полководцемъ Понтусомъ де ла Гардіи подъ начальство Князя Шуйскаго, брата Царева. Союзники сначала дѣйствовали похвально, часто вмѣстѣ побѣждали Поляковъ; но вскорѣ Шведы измѣнили, приобщились къ нимъ, и вознамѣрились сами покорить себѣ Россію. Сего недовольно, возстаетъ Царь Казанской, въ Москвѣ голодъ, буйство, и Сигисмундъ III Король Польской, дотолѣ ополчавшійся будто въ защиту ложнаго Царя, объявляетъ за себя войну Россіи. Она, безъ кормила, носилась по яростнымъ волнамъ, и отчаялась пристать къ надежнымъ берегамъ. При таковой крайности сводятъ съ престола нещастнаго Шуйскаго, невольно постригаютъ его инокомъ, вручаютъ его Полякамъ, и онъ въ оковахъ, въ темницѣ окончилъ тамъ плачевное свое бытіе (*). Для спасенія отечества невольно признали своимъ Царемъ Владислава, сына Короля Польскаго, присягнули ему, и не подвержено сомнѣнію что Россія, послѣ ига отъ Татаръ, Литвы, содѣлалась бы тогда уже не въ раз-

(*) Съ нимъ плѣнили брата его, и почтеннаго Митрополита Филарета, который потомъ былъ возвращенъ.

да гордится имъ обще съ Мининымъ Россія!

Подобно какъ послѣ утихшей бури, мореходецъ отыскиваетъ оторванный руль, граждане, не имѣя среди себя никого отъ поколѣнія Царскаго, обратили вниманіе на юношу, сына плѣннаго Митрополита, свойственника Царицы, жившаго въ Ипатіевскомъ монастырѣ,—то былъ Михаилъ Ѳеодоровичь, изъ рода Романовыхъ.—Какое чудесное откровеніе! Какой потаенный корень къ прочному нашему блаженству!

Михаилъ Ѳеодоровичь принялъ Правительство въ разстроенномъ, плачевномъ состояніи, еще зыбь не утихла, колыхалась; Понтусъ де ла Гарди, прежде удалившійся, опять овладѣлъ Иванъ городомъ, Порховымъ, Орѣшкомъ, приблизился къ Грузину, осадилъ Тихвинъ, Новгородъ; Владиславъ IV, ставъ Королемъ, возобновилъ войну. Царь безсильный успоять, оградить себя, избралъ Англію, Голландію къ посредничеству, и по необходимости заключилъ невыгодный миръ. Уступилъ Швеціи Ингермоландію, Карелію, отказался навсегда отъ Лифляндіи, Эстляндіи, заплатилъ убытки Полякамъ, отдалъ Смо-

*

коѣ потому что имѣлъ въ виду приобрѣтенія важнѣйшія, и съ помощію ея Короля Августа II, котораго онъ низверженнаго Карломъ XII возстановилъ на престолѣ, завоевалъ Ливонію съ Эстляндіею.

Послѣ его, къ удивленію никто изъ преемниковъ не возобновлялъ права своего, и достояніе Россіи пребывало, по прежнему, въ постыдномъ подданствѣ самоуправной Польши.

Провидѣніе предоставляло Великой Екатеринѣ довершить начатое Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Она взирая не равнодушно на отторженныя области, вызвала Польшу къ ращету, и мудростію, войною пополнила древней составъ Россіи. Войдемъ въ дальнѣйшее разсужденіе по столь важному предмету, и разсмотримъ еще разъ правильно ли поступила Екатерина, и основательны ли негодованія Поляковъ, осужденія Иностранныхъ писателей, и журналистовъ.

Мы годами доказали что тѣ страны принадлежали Россіи, по чему же насильственные поступки, можно сказать грабежи Гедимина, Витовта, и еще во время бѣдствій Россіи, признаютъ они побѣдами, а дѣйствія обиженной Россіи, къ возвращенію своей соб-

гая помомъ сила къ опобранію собственности не менѣе позволительна. Россія употребила тѣже мѣры, какими руководствовались Литва и Польша.—Изнемогала она подъ игомъ Татаръ — и терпѣла нападенія, раздробленіе своихъ частей. Пришла въ крѣпость — и мудростію своей Государыни, кровію воиновъ искупила потерянное. Наконецъ Екатерина взяла свое, и заслужила бы упрекъ отъ потомства, помрачила бы свою славу, когда бы не учинила того.

Одна Франція препятствовала общему спокойствію, и терзая самую себя, устремлялась, развратить, взволновать всѣ народы, низпровергнуть власти. Торжественно объявила что тѣхъ, которые чрезъ 15 дней не перемѣнятъ своихъ правленій, будетъ признавать недоброжелательными, несогласными на перерожденіе рода человѣческаго. Предпріятіе жалкое, смѣшное! Ожесточеніе безпримѣрное! — Стоятъ предъ палачами жертвы десятками, сотнями, стукъ Гильотиновъ не умолкаетъ, казни претворились въ веселые зрѣлища, кровь лѣется рѣками; повсюду буйства, грабежи, пожары, и симъ хотятъ привлечь къ подражанію себѣ, осмѣливаются называть

годны! — Назначили принужденной заемъ отъ неимущихъ по 50, отъ богатыхъ до 4 т. франковъ. Долги, послужившіе къ обвиненію, къ погибели Людовика XVI, вмѣсто сокращенія, возросли до неимовѣрной степени, остановили выдачи денежныя полкамъ, по гражданской части, пустили въ обращеніе на два милліарда Государственныхъ бумагъ, и цѣна онымъ до того понизилась что платили по 100 т. франковъ за женскую шаль. Вотъ плоды обѣщаннаго перерожденія, искомой тѣни блаженства! Упитанные черною желчію представители ожесточились на своихъ сочленовъ, однимъ почеркомъ пера осудили 43 депутата на смерть, нѣкоторыхъ же на изгнаніе. Чтобъ довершить звѣрство, изгладить послѣдніе чувства человѣчества не позволили погребсти прахъ несчастнаго Короля у гробницы родителя его, дѣтей его томили въ темницѣ (Temple), Дофинъ, подобно простолюдину, терпѣлъ во всемъ недостатки, грубости, посрамленія отъ пристава презрѣннаго Симона, укоренялся въ невѣжествѣ, худо зналъ грамотѣ, и въ страданіяхъ окончилъ жизнь 28 Маія. Тогда вспомнили что съ нимъ вмѣстѣ находилась Герцогиня сестра его, отправили

нахъ мимо засѣдающихъ. Опрядили уговаривать, успѣли на время въ усмиреніи, но вскорѣ мятежъ возобновился, и открылась междоусобная война. Заградили улицы, выставили пушки, и сражались въ предмѣстіи Св. Антонія. При семъ то случаѣ предсталъ, мало извѣстный доколѣ молодой воинъ, Бонапарте, побѣдилъ и первый свой подвигъ къ славѣ основалъ на костяхъ сограждан.

Среди такихъ междоусобій, безпорядковъ Австрія, Англія, Пруссія и Голландія въ соединенныхъ силахъ 414 т. продолжали непріязненные дѣйствія, и казалось невозможнымъ чтобъ Франція съ полками необразованными, худо одѣтыми, съ вождями безъ трофеевъ, устояла почти пропивъ цѣлой Европы (*); но къ сожалѣнію увидимъ противное. Французы составили 14 армій числомъ почти въ двое тѣхъ, изъ 780 тысячь, и съ начала имѣли постепенныя неудачи. Герцогъ Карлъ разбилъ ихъ у Альтенгофа, отразилъ отъ Маастрихта.—Гишпанцы нанесли также чувствительные удары.—Англинской флотъ раз-

(*) Не участвовали въ томъ только Россія, Данія, Швеція и Турція.

100 милліоновъ флориновъ, Бельгію, Швейцарію, и привели тѣмъ въ робость соединенныхъ, которые стали отдѣляться отъ дружнаго состава. — Гишпанія подала первый въ томъ примѣръ.—Пруссія, отвлеченная къ раздѣлу Польши, прекратила войну, оставила свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна въ ихъ рукахъ, до заключенія мира. — Герцогъ Виртембергской отказался отъ земель также на Рейнѣ, отъ Монбелліара, обѣщалъ не покровительствовать уже Эмигрантовъ и прописныхъ духовныхъ лицъ.—Баденской повиновался безъ пропиворѣчія.—Курфистръ Бавар-

---

О дозволеніи дворянамъ курить вино для домашняго расхода.

О учрежденіи одной конной Артиллерійской роты.

О строеніи города Григоріополя.

О неввозѣ пряжекъ и Тарлатана изъ заграницы.

1795. О пожалованіи деревень грамоты и дома Графу Румянцеву Задунайскому.

О заключенномъ трактатѣ съ Англіею 7 Февраля.

О присоединеніи Курляндіи и Семигаліи 15 Апрѣля.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Начало года.—Пріѣздъ Суворова въ Петербургъ.—Обрученіе, бракъ Вел. Князя Константина Павловича. — Торжества при Дворѣ и въ столицѣ. — Александровскій Дворецъ въ Царскомъ селѣ. — Война съ Персіею. — Предположенія о цѣли оной. — Продолженіе неистовствъ во Франціи. — Предположенія къ миру.—Прибытіе Шведскаго Короля въ Петербургъ. — Празднества для него.—Внезапная болѣзнь Екатерины.—Кончина ея.—Разсужденіе о ея качествахъ.—Что сдѣлано ею для Россіи.— Царское село. — Дачи.—Похвальные ей стихи, и мнѣнія объ ней иностранцевъ.—Заключеніе.—

Го
17

Сей годъ, послѣдній къ нашему повѣствованію, обѣщалъ при звучной славѣ, подъ сѣнію зелѣнеющихся лавровъ, новые плоды опытъ мудрости, ознаменовался радостями въ Императорскомъ семействѣ, торжествами въ столицѣ, но при исходѣ своемъ погрузилъ Россію въ неописанную горесть. Бѣдные смертные! Не величайтесь знатностію, златомъ, постояннымъ счастіемъ; на пути вашемъ розы—при пропастяхъ, удовольствія — предшествуютъ вздохамъ. Достаточно одного мгновенія, одного пронзивнаго дуновенія, чтобъ претворить настоящее въ мечту—и васъ самихъ въ ничтожный прахъ.

Екатерина немедленно ввела въ приобрѣ-

Февраля 2 послѣдовало обрученіе Великаго Князя Константина Павловича съ Кобургскою Принцесою Юліею, нареченною при мvропомазаніи Анною Ѳедоровною,—прелесной красоты. Чрезъ 12 потомъ дней, 15 число нѣсколько выстрѣловъ изъ крѣпости подали знакъ, полки строились на площади предъ Дворцемъ, и на улицахъ. Екатерина шествовала въ сопровожденіи Оберь Церемоніймейстера, Церемоніймейстеровъ, Гофмаршаловъ, Камергеровъ, Камеръ-Юнкеровъ, Статс-Дамъ, Фрейлинъ во храмъ. Началось бракосочетаніе, и вѣнцы держали надъ супругомъ Оберъ Камергеръ Шуваловъ, надъ Великою Княгинею

воровъ желалъ имѣть брилліянтовой знакъ Св. Андрея, и за обѣдомъ съ Императрицею, въ Крещенской сочельникъ, ничего не ѣлъ. Она подчивая его, спрашивала для чего осуждаетъ себя на голодъ, и Суворовъ отвѣчалъ: *Помилуй Богъ Ваше Величество звѣзды не вижу, звѣзды не вижу.* (Въ этотъ день постятся до вечера) Екатерина тотчасъ поняла обинякъ, шепнула пажу, и когда сей принесъ то украшеніе, снятое съ ея платья, она положила оное на тарелку, и подавъ ему сказала: *Теперь кушайте Графъ, вотъ и звѣзда показалась.*

лепамъ, для чужестранныхъ Министровъ и 4 класовъ обоего пола.

17 отдохновеніе.

18 жареные быки и фонтаны съ винами для народа.—Императрица, и Наслѣдникъ съ супругою кушали у новобрачныхъ.

19 и 20 отдохновенія.

21 Семейный обѣдъ у Наслѣдника Цесаревича.

22 отдохновеніе.

23 обѣдъ у Великаго Князя Александра Павловича, и балъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

24 маскерадъ для Дворянства и купечества.

25 въ Понедѣльникъ на сырной недѣли отдохновеніе.

26 балъ и ужинъ для 4 классовъ.

27 Феерверкъ на Невѣ предъ Дворцемъ.

Іюня 25 Екатерина была обрадована рожденіемъ Великаго Князя, нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Павловича.

Старшій внукъ занималъ первое мѣсто въ ея сердцѣ, и она ознаменовала любовь къ нему блистательнымъ образомъ. Славный Гваринги соорудилъ, какъ сказали выше по ея

жество плѣнныхъ, и возмутилъ Горскіе народы.

Все то вмѣстѣ послужило къ объявленію войны, и къ удивленію армія наша состояла только изъ 18 т., тогда какъ въ древности сильные Римскіе легіоны не могли одолѣвать Парѳянъ, жителей того же края. Вотъ явное доказательство безпримѣрному мужеству Россіянъ! Начальство надъ войскомъ принялъ Генералъ Поручикъ Графъ Зубовъ, подъ его распоряженіе поступили Генералъ Маіоры Корсаковъ, Князь Цицiяновъ, Булгаковъ, Рахмановъ, Козачіи Савельевъ, Бригадиръ Графъ Апраксинъ, и для высадокъ Контръ-Адмиралъ Ѳедоровъ съ 3 фрегатами, 2 бригантинами, съ 4 перевозными судами.

Полки выступили отъ рѣки Терека, окрестныхъ мѣстъ въ Мартѣ, и нашли въ странѣ обѣтованной деревья миндальные, априкосовые, персиковые, фиговые, айвы уже покрытыми цвѣтомъ, виноградныя лозы оживлялись на благорастворенномъ воздухѣ, капились съ высокихъ горъ журчащія родники; вся Персiя походила на красивый вертоградъ. При первыхъ дѣйствiяхъ открылся рядъ побѣдъ, смѣлые сопротивники Римлянамъ, сра-

совѣты, и снискавъ полную къ себѣ довѣреч-ность — обманулъ. Однажды, слѣдуя въ свитѣ Главноначальствующаго, почти рядомъ съ нимъ, сталъ показывать искуство наѣздниковъ, отдалялся, опять возвращался, и вдругъ пустился на борзомъ конѣ, скрылся изъ вида — убѣжалъ. Къ концу лѣта войска наши покорили пять провинцій Дербентскую, Кубинскую, Бакинскую, Шамаханскую и Шекинскую. Устрашенный такими успѣхами Шахъ хищникъ предложилъ миръ, и на рѣкѣ Курѣ пресѣклись дальнѣйшіе трофеи, учредилась главная квартира, начались переговоры. Мы увидимъ ниже что оные останутся безполезными, и война умолкнетъ безъ побѣдъ.

Нѣкоторые думаютъ будто Екатерина имѣла въ предметѣ не Персію, а Порту, чтобъ по удовлетвореніи обиженнаго Хана двумя областями Гилянскою, Мазандеранскою, принудить хищника итти для нее съ передовымъ ополченіемъ, а Суворовъ съ 70 т. предпалъ бы тогда съ другой стороны, и чрезъ то достичь твердаго желанія приобрѣсть Царьградъ. Мы не мѣшаемся въ политической расчетъ, не утверждаемъ сего предположенія, хотя призывъ Римнинска-

пріятелей, и Лондонской Кабинетъ, увѣрясь въ невозможности долѣе сопротивляться, послалъ Лорда Малесбюри, вскорѣ за нимъ другаго уполномоченнаго въ Парижъ съ двумя нотами. Первою приглашалъ къ возвращенію завоеваннаго у Императора, къ удовлетворенію Германскихъ Принцевъ, за ихъ земли. Вторую требовалъ отдачи также похищеннаго Голландіи, вознагражденія Принцу Оранскому, и чтобъ Россія съ Португаліею были посредниками въ дѣлѣ. — За то Англія уступала Франціи всѣ отнятыя у нее области въ Азіи, въ Америкѣ, острова Св. Петра, Микелонъ и безпрекословную ловлю въ новой землѣ (Terre neuve). — Возгордившееся успѣхами отродіе Якобинцевъ отвергло выгодное предложеніе, предпочло собственное паденіе, гибель народовъ, и кровь человѣческая лилась въ угожденіе звѣрству. Правительство въ ней не измѣнилось, слѣдовали тѣже казни, тѣже безчинія, неустройства, и одни оглавленія именъ изгнанниковъ составляли многіе томы.

Мы приблизились къ событію плачевному, вскорѣ ударитъ роковой часъ, уже черный покровъ разстилается по небесному своду

18 Балъ и ужинъ.

19 Спектакль въ Эрмитажѣ. Послѣ сего девять дней съ ряду угощали ихъ съ роскошнымъ великолѣпіемъ: Графъ Остерманъ на дачѣ въ 7 верстахъ на Петерговской дорогѣ (*).—Графъ Строгоновъ, — Нарышкинъ— Графъ Безбородко — Графъ Самойловъ (**), другіе, и Екатерина съ Ихъ Высочествами удостоила посѣщеніями тѣхъ хозяевъ. — На праздникъ у послѣдняго, когда предъ окнами толпились любопытные, необыкновенное явленіе послужило къ общему изумленію. Подъ вечеръ лѣтняго, жаркаго дня пролетѣлъ, почти горизонтально, мимо дома, какой то метеоръ, и Екатерина сказала тогда сіи примѣчательные слова: *Подобное случилось предъ кончиною Императрицы Елисаветы Петровны, и мнѣ это тоже предвѣщаетъ.*— Къ несчастію предчувствіе ея исполнилось!— Въ промежуткахъ забавъ было на Невѣ прекраснѣйше зрѣлище, состоящилось изъ множества шлюбокъ катанье, и эхо пѣсѣнниковъ, роговой, духовой музыкъ оглашало спокойные берега.

(*) Гдѣ нынѣ домъ сумашедшихъ.

(**) Гдѣ нынѣ Присутственные мѣста.

и послѣ бала въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича 20 Сентября отправился въ обратный путь. — Судьбы закрыты отъ насъ, мы не рѣдко отстраняя отъ себя добро, предпочитаемъ вредное. — Густавъ при близкомъ родствѣ съ нашимъ Дворомъ находился бы подъ защитою сильной державы—не воспользовался случаемъ—и лишился престола!

Екатерина была сложенія крѣпкаго, сохранила въ 67 лѣтъ всю бодрость, живость ума, казалось по дѣламъ безсмертною, и всѣ боялись даже помышлять лишиться ее. Она давно жаловалась на головныя боли, на слабость въ ногѣ, недуги увеличились, показывались на лицѣ пятна, и Лейб-Медикъ Рожерсонъ не могъ уговорить, чтобъ пустила кровь.—Ноября 5 въ Середу, она пробудилась по обыкновенію, занималась дѣлами, но въ 10 часовъ упра комнатные служители удивлялись, долгому ея отсудствію изъ кабинета.— Ожидали съ нетерпѣніемъ — не возвращается; въ тревогѣ отворяли двѣрь за нишъ—нѣчто сопротивлялось тому; употребили усиліе — и увидѣли ту, которая дарила скипетры поверженною безъ чувства, на полу; — ноги ея заграждали дверь. Я не зналъ о происшед-

вотъ въ чемъ состоялъ призывъ. — *Распорядитесь чтобъ люди находились въ казармахъ назначьте полное число Офицеровъ для одной роты, и сами не отлучайтесь далеко.*—Мы человѣкъ шесть сошлись обѣдать къ женатому Капитану, Графу Толстому, рядомъ съ полковымъ дворомъ, сидѣли съ поникшими главами, молчали, вздыхали, и послѣ стола пустились въ розвальняхъ ко Дворцу. Лакеи безпрестанно бѣгали по лѣстницѣ, суетились, и на вопросъ какова Императрица,—худо, нѣтъ никакой надежды, но еще дышетъ, вчера прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичь, отвѣчали они намъ отрывисто. Часовъ въ 10 ночи, прибѣжалъ ко мнѣ другой унтеръ-офицеръ, чтобъ явился я къ Маіору на Полковой дворъ. Перешелъ нѣсколько шаговъ, нашелъ его уже тамъ, и получилъ приказаніе ударить сборъ.—*Стало все кончилось?*—спросилъ я, *все кончилось сударь.*—Загремѣли барабаны, солдаты сходились, строились, я поскакалъ съ начальникомъ во Дворецъ, и опять возвратился. — Полкъ вытянулся по Литейной, вынесли большія, горящія свѣчи, поставили налой, и мы въ темнотѣ присягнули новому Государю. — Итакъ низпалъ колосъ Россіи, потухла планета озарявшая всю

ды, и дыша злобою, не могутъ утаить высокихъ ея достоинствъ, блистаютъ оные изъ сплетенія небылицъ, какъ лучезарное солнце изъ туманныхъ облаковъ.

Какъ человѣкъ, она ума обширнаго, памяти отличной, наружности прелестной, привлекательной. — Обходительна, привѣтлива, ласкова въ домашнемъ кругу — снисходительна къ погрѣшностямъ, проступкамъ другихъ.— Изыскивала средства радовать, утѣшать, облегчать скорби, доставлять пріятности. Вся жизнь ея есть неразрывною цѣпью благодѣяній и щедротъ.

Какъ Императрица, имѣла поражающее величіе, даже приближенные, при выходахъ, представленіяхъ, торжествахъ приходили въ замѣшательство, исполнялись благоговѣнія. — Она на тронѣ и въ порфирѣ не та, каковою казалась вчера въ гостинной, въ Эрмитажѣ.— Любила Россійской народъ, гордилась имъ; языкъ, обычаи его признавала священною драгоцѣнностію. — Образовала пространное Государство, дала подданнымъ иные понятія, иные чувства, можно сказать иное бытіе, чему въ лѣтописяхъ не видимъ мы примѣра.— Издала мудрые уставы. — Возвысила дворян-

всѣ новые классическіе, примѣчательные произведенія. — Завела Академіи, народныя школы, корпуса, частныя типографіи; не стѣсняла умовъ, не оскорблялась пасквилями, язвительными стихами. Сама сочиняла; Безсмертный Наказъ, Записки Россійской Исторіи, Всемірной Словарь, статьи въ Собесѣдникѣ, шуточныя комедіи включаютъ ее въ число хорошихъ Словесниковъ.

Какъ политикъ, владычествовала въ Европѣ, славная Марія Терезія, при ненависти къ ея именитости, отреклась наконецъ отъ соперничества, невольно уступила ей первенство.— Фридрихъ Великій, Іосифъ II содѣлались покорными исполнителями воли Екатерины. Не двигались войска, не стрѣляли пушки въ Европѣ безъ совѣщанія съ нею. Она безъ оружія покорила многія области.

Какъ побѣдительница повсюду разставляла трофеи, вознаградила Россію за бѣдное свое приданое, приобрѣтеніемъ 6 Губерній, Курляндіи, Тавриды, большаго пространства земель отъ Турокъ, разширила предѣлы до береговъ Днѣстра, Чернаго моря, и по Балтійскому заливу. При началѣ ея царствованія было только 16 губерній — она остави-

Государствъ, столицу свою единственною въ мірѣ. Мы разсмотримъ только относящееся до послѣдней, отъ которой польза, образованіе во всѣхъ родахъ разливались до отдаленнѣйшихъ предѣловъ и по которой можно судить о цѣломъ Государствѣ.

Въ Петербургѣ встрѣчали улицы немощенныя, грязныя, находились въ немъ болота, рѣчьки едва сякли, нечистотою заражали воздухъ, и освѣщеніе было бѣдное. Она завела хорошія мостовыя, подземные каналы; въ 1764 году стали обкладывать лѣвый берегъ Невы гранитомъ, и главнѣйшее то украшеніе города окончано въ 1787 году.—Фонтанка, названная такъ отъ существовавшихъ водометовъ въ лѣтнемъ саду, очищена, вырытъ Екатерининской каналъ, они обложены также гранитомъ въ 1789 году, и воздвигнуты на нихъ великолѣпные, подъемные мосты. — Прекрасная рѣшетка у сада, съ 36 столпами изъ гранита, съ позолотою, окончана въ 1784 году, и Англичане пріѣзжали, чтобъ взглянуть только на сіе рѣдкое произведеніе.

Всѣ ея зданія носятъ на себѣ отпечатокъ Исполинства, блистательной державы, служатъ образцами огромности, вкуса, и при-

ранцовые деревья, благовонные цвѣты, рѣдкія птицы заставляли забывать унылую въ осень погоду, и можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ Вѣнценосцевъ не имѣлъ у себя ничего подобнаго Эрмитажу.

Дворецъ марморный, по плану Императрицы, а потому съ немалыми погрѣшностями, примѣчателенъ только по великолѣпію, построенъ въ 1783 году, и подаренъ Князю Орлову.

Домъ Ломбарда при Воспитательномъ домѣ 1772 года.

Величественный, первѣйшій въ Европѣ монументъ Петру Великому 1783, и еще два прекраснѣйшіе памятника Румянцову, и Суворову.

Большой театръ 1784 года, построенія Тишбейна.

Валы крѣпостни одѣты гранитомъ 1784 года.

Два Почт-амтта, одинъ изъ нихъ въ 1788 году.

Дворцовая площадь, окруженная хорошими домами 1788 года.

Новая Голландія близь Коломны.

Банкъ въ садовой съ открытыми изъ колоннъ галлереями, съ прекраснѣйшею рѣшеткою.

1765 — Горное училище въ 1772 — Греческую Гимназію въ 1775 — Россійскую Академію въ 1783 — Народные училища въ 1783 — Театральное училище въ 1785 — Морской корпусъ воспріялъ лучшее положеніе, и былъ переведенъ въ 1792 въ Ораніенбаумъ — Шляхетный кадетской корпусъ увеличился, получилъ иные правила, иное воспитаніе въ 1766 году. — Обучали юношей, сверьхъ наукъ, танцованью, фехтованью, вольтижированію, верьховой ѣздѣ, гимнастическимъ играмъ; сцѣна называемая говорящею, изобрѣтенія Графа Ангальта, нечувствительнымъ образомъ знакомила съ Исторіею, Географіею, и наставляли ихъ въ свѣтскости, — давали балы, спектакли.

Купечество состояло въ подушномъ окладѣ, не различалось отъ земледѣльцовъ, оно раздѣлено на гильдіи въ 1782, и получило права, преимущества. Разчищены рѣки, каналы, открыты новыя гавани. При дворѣ составлена особая Коммиссія для Комерціи, изданъ уставъ о судоходствѣ, учреждена городская верфь въ 1781. — Для денежныхъ оборотовъ заведены мѣдный монетный дворъ въ Сибирѣ 1764, Ассигнаціонный банкъ въ 1770 году, и торговля оживилась. — Ремесла, про-

ли значительные суммы на Богоугодные предметы. Учреждены: вдовья казна въ 1775, мужья по разчисленію ихъ лѣтъ, вносили деньги, и вдовы ихъ ежегодно получали по тому ращету на свое содержаніе.—Казна для смертныхъ случаевъ, или оцѣнка жизни, основана въ томъ же году при Люперанской церквѣ, на Васильевскомъ острову. При томъ для бѣдныхъ устроены запасные хлѣбные, дровяные магазины, и отпускали имъ тѣ первѣйшія потребности, по цѣнамъ низшимъ прочихъ существовавшихъ въ городѣ.

Для врачеванія заведены: Медицинская Коллегія въ 1764 — Хирургическіе училища въ разные времена — Оспянный домъ въ 1768— Отдѣленіе для одержимыхъ венерическою болѣзнію въ 1783, и вся сія часть воспріяла хорошее устройство.

Полиція образована, и даны ей съ уставомъ, средства къ охраненію благочинія. Учреждены въ 1783 году Смирительной, Рабочіи домы,— обширный близъ Коломны тюремный замокъ въ 1787 году и винные, соляные магазины.— Умножились гостиницы, трактиры, рынки; проложены новыя улицы, и городъ получилъ лучшее освѣщеніе.

томъ и регулярнаго сада, сотворено ею. — Она прибавила ко Дворцу большое для себя сданіе, сдѣлала прелестную колоннаду, украся ее бюстами великихъ мужей и великолѣпный, отъ оной покатый сходъ.—Предстали пригорки, рѣчки, мраморые на нихъ мосты, Кіоски, бесѣдки, выкопано большое озеро, и Китайская, при дорогѣ, деревня представила собою отличную декорацію. При вступленіи въ садъ сооружены Ринальдіемъ торжественные врата въ признательность Князю Орлову, за прекращеніе чумы.—Среди озера стоитъ Росстральная пирамида, въ честь Графу Орлову, побѣдителю подъ Чесмою.—На ковристомъ лугу находится обелискъ Графу Румянцеву Задунайскому. На площадкѣ, въ рощѣ встрѣчаешь Театръ, хорошей архитектуры. За окопами сада построенъ въ 1786 году новый, правильный, городъ, весь каменный, Софія. Екатерина, соединя въ Сарскомъ селѣ великолѣпіе, богатство, красоты, по размѣру своего генія, возвела оное на степень превыше всѣхъ извѣстныхъ въ Европѣ вертоградовъ.

Пелла, прежде загородный домъ Сенатора Неплюева, куплена въ 1784 году, и строенія въ ней были поручены архитектору Ста-

лово Графа Шувалова — Гатчина, отдѣланная Княземъ Орловымъ въ 1770, и въ послѣдствіи времени принадлежавшая Государю Цесаревичу — Павловское, построенное Его Высочествомъ — Все это въ богатомъ видѣ, въ утонченномъ вкусѣ, походитъ на очаровательные предметы.

Теперь обратимся къ заключенію. Конечно подвиги Великаго Петра важнѣе, ему надлежало разложить, очистить Хаосъ; дать вещамъ направленіе, сотворить новое. — Но слѣдовать за нимъ, не отставать въ ходу, умѣть подражать ему, привесть въ порядокъ Гигантскіе его начала, образовать еще грубые части, искусно воздѣлать едва вспаханную имъ Государственную ниву, умѣть вырастить насажденныя имъ корни, и приобщить къ нимъ свои, еще бедъ жестокости, безъ насильственныхъ мѣръ, собрать и съ тѣхъ, и съ другихъ превосходные плоды, не означаетъ ли премудрости? Гдѣ видѣли мы инаго Петра? Гдѣ находимъ и подобную Екатеринѣ? — И второе по немъ мѣсто, будетъ первымъ посреди всѣхъ Владыкъ, и возложитъ на нее вѣнокъ отъ безсмертной славы! Ей воспѣвали хвалы именитые, Фрид-

Не возможно описать той горести, каковую всякой ощутилъ при возвѣщеніи о ея кончинѣ. Ни какая потеря друга, кровнаго, чего либо драгоцѣннаго, не подходитъ къ сравненію съ тѣми мрачными чувствами. Общее уныніе объяло столицу, дышавшую веселостями, удовольствіями; одна мысль что Екатерина оставила на всегда своихъ чадъ, поражала сердца. Громовый ударъ раздался во всѣ концы; это былъ трауръ для всей Имперіи. — Къ вамъ свидѣтелямъ того событія обращаюсь я, скажите справедливы ли сіи слова ?

Россія се Екатерина!
Владычица твоя и Мать!
Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней!

* * *

Се та что духъ вливала славы,
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И Ангелъ во плоти была!
Се въ гробѣ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней!

* * *

Се та что сгибъ сердецъ всѣхъ знала,
Плѣняла мановеніемъ очесъ,

Для рамъ обширной толь картины,
Малъ лѣсъ всей здѣшней Палестины,
А гдѣ взять красокъ и кистей?
Опомнися, тебѣ ль пристало,
Имѣть намъ ясное зерцало,
Великихъ дѣлъ Царевны сей?

* * *

Когда по всей вселенной нынѣ
Гремятъ дѣла ея одной;
И на пространной сей холстинѣ
На силу кистію златой
Писать ихъ слава успѣваетъ;
То какъ рука твоя дерзаетъ,
Подъять толь непомѣрный трудъ?
Оставь мой другъ, не суетися;
Кому дивится свѣтъ, дивися,
А кисти, краски спрячь подъ спудъ.

Неизвѣстный.

И тѣмъ свершитъ послѣдній долгъ . . . . .

* * *

Долгъ той, которая для Норда
Богиней милостей была,
И тридесять четыре года
На Россовъ благости лила;
Долгъ той, котору обожали,
Цари Европы — и дрожали
Владыки Азіятскихъ странъ,
Поборники Магометанъ.

* * *

Геройскихъ тѣней свѣтлы лики
Во срѣтеніе ей текутъ;

Возможно ль чтобъ Тебя Россія позабыла?
Ты чувства ей дала, и свѣтъ во тьмѣ открыла;
Ты начертала ей Божественный наказъ,
Невольничью слезу отерла съ нашихъ глазъ,
Возвысила умы, освободила руки,
Въ обычай привела художества, науки,
Умножила торги, и къ золотымъ вѣкамъ
Дорогу вѣрную ты проложила намъ . . . .
. . . . . .
Безъ марморныхъ гробницъ, безъ монументовъ пышныхъ
Дѣлами громкими, по всей вселенной слышныхъ,
Въ сердцахъ чувствительныхъ ты вѣчно будешь жить,
Сей храмъ, сей твой олтарь не въ силахъ сокрушить
И времени коса, хотя и все сражаетъ:
Безсмертіе не умираетъ.
. . . . . .
. . . . . .
Покойся Россовъ мать, и пробудись въ надеждѣ,
Что дѣти чтутъ Тебя, какъ почитали прежде.
Великая! Тебя во всѣхъ вѣкахъ почтутъ,
Дѣла Твои вездѣ поклонниковъ найдутъ,
Ихъ не померкнетъ блескъ и въ гробовыхъ обломкахъ.
. . . . . .
. . . . . .
Екатеринѣ равныхъ нѣтъ!
Великихъ слава — какъ пучина,
Ей центръ — Сама Екатерина,
А окруженіе — весь свѣтъ (*).

Мысли Россіянина, пришедшаго къ Ея гробу.

(*) Изъ множества Одъ, сочиненій въ прозѣ мы помѣстили лучшіе.

„Елисаветъ, Маріи Терезіевъ, которыя хо-
„тя царствовали славно, но не въ прево-
„сходной степени, означающей Геній.

„Екатерина являлась міру великимъ чело-
„вѣкомъ. Она заставила всѣхъ страшиться,
„удивляться и прибѣгать къ ней; дала силь-
„ное направленіе своимъ народамъ, возвысила
„ихъ надъ другими; однимъ словомъ сдѣлала
„то, что учинили Карлъ V для Гишпаніи —
„Людовикъ XIV для Франціи — Фридрихъ II
„для Пруссіи, сіи знаменитѣйшіе въ свѣтѣ
„Государи (*). — Вотъ по чему надлежитъ
„отдѣлять ее отъ всѣхъ прочихъ Государей,
„и не смѣшивать съ ними. Царствованіе Ека-
„терины зачислить рѣдкую эпоху въ собы-
„тіяхъ Исторіи. Ея кончина открыла за со-
„бою печальные послѣдствія, и погибшій руль,
„въ рукѣ твердой, искусной привелъ все въ
„великое замѣшательство.

„По истинѣ никогда составъ Европы не
„представлялъ, подобнаго тогдашнему, броже-
„нія. Всѣ частные права изглажены, всѣ
„трактаты презрѣны; лишилась торговля
„правилъ, художества пристанищъ, общее
„благо осталось безъ увѣренности, нрав-

(*) Сравненіе то, нахожу я недостаточнымъ.

„ощреній, покровительства, новыхъ источ-
„никовъ. — Науки, художества отъ тѣхъ же
„причинъ явили великіе успѣхи. Земледѣліе
„оживилось, народосчисленіе, отъ призванныхъ
„Колоній, отъ водворенія кочующихъ ордъ
„увеличилось. Сотворены села, города, пока-
„зались порты, каналы, открылись добрые
„сообщенія отъ Балтійскаго моря до Ки-
„тая, и отъ Бѣлаго до Евксинскаго порта.—
„Россія, непобѣдимая внутри, уважаемая из-
„внѣ, господствовавшая оружіемъ и полити-
„кою, была перевѣсною Державою въ Европѣ,
„охранительницею престоловъ, полярною звѣз-
„дою для угрожаемыхъ кораблекрушеніемъ,
„какъ вдругъ Екатерина, воздвигшая Россію
„на ту почтенную, блистательную степень,
„окончила знаменитое свое поприще. Удиви-
„тельно ли послѣ сего что ея смерть про-
„извела такую скорбь, такой ужасъ? Съ ея
„жизнію соединялась общая безопасность,
„первое человѣческое благо.

„Принцъ де Линь говоритъ: Екатерины
„Великой уже нѣтъ! — Какъ ужасны сіи
„слова! . . . перо мое едва могло ихъ начер-
„тать.—Вселенная лишилась въ ней великой
„жены, Россія матери Отечества. Я ее ви-

Имена подписавшихся на сіе сочиненіе.

Ея Высокопревосходительство Екатерина Александровна Аржарова.

Ея Сіятельство Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова.

— —— —— —— —— Елена Карловна Гика.

Ея Превосходительство Ольга Викентьевна Голынская.

Ея Высокоблагородіе Александра Павловна Черевина.

Ихъ Высокопревосходительства Александръ Михайловичъ Римско-Корсаковъ.

Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Сергей Сергеевичъ Кушниковъ.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ.

Александръ Дмитріевичъ Балашевъ.

Кирило Александровичъ Нарышкинъ.

Дмитрій Николаевичъ Дурново.

Николай Ивановичъ Демидовъ.

Ихъ Сіятельства Графъ Сергей Петровичъ Румянцевъ.

—— Юлій Помпеевичъ Литта.

Князь Сергей Михайловичъ Голицынъ.

—— Николай Леонтьевичъ Шаховской.

—— Николай Николаевичъ Хованской.

—— Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукой.

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.

Князь Василій Васильевичъ Долгорукой.

Ихъ Сіятельства Князь Иванъ Александровичъ Лобановъ Ростовской.

——— Борисъ Николаевичъ Юсуповъ.

Графъ Алексѣй Никитичъ Панинъ.

Князь Николай Николаевичъ Голицынъ.

——— Иванъ Александровичъ Голицынъ.

Графъ Осипъ Михайловичъ Борхъ.

Князь ——— ——— Мещерской.

Ихъ Высокородія Михайло Федоровичъ Протасьевъ.

Игнатій Антоновичъ Маньковской.

Иванъ Петровичъ Мятлевъ.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ.

Михайла Петровичъ Путятинъ.

Игнатій Ивановичъ Голынской.

Александръ Яковлевичъ Башуцкой.

Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ.

Семенъ Антоновичъ Пошманъ.

Павелъ Ефимовичъ Никитинъ.

Иванъ Ѳомичъ Глушковъ.

Павелъ Дмитріевичъ Дурново.

Сергей Васильевичъ Шереметевъ.

Ихъ Высокоблагородія Соломонъ Михайловичъ Маршиновъ.

Александръ Павловичъ Галаховъ.

Александръ Павловичъ Офросимовъ.

Алексѣй Андреевичъ Кикинъ.

Павелъ Николаевичъ Кильдишевской.

Гаврила Крестьяновичъ Кельхнеръ.

Николай Павловичъ Наумовъ.

Иванъ Гавриловичъ Траубенбергъ.

Степанъ Ивановичъ Крамалей.

Степанъ Кондратьевичъ Рубцовъ.

Василій Яковлевичъ Мазуринъ.

ВАЖНЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Въ I части.

Напечатано.			*Читай.*
Стран.	*строки.*		
3 —	5	Заставлялъ ихъ . . .	Заставлялъ мѣхъ
9 —	26	двоюродная	внучатная
12 —	15	angure	augure
13 —	7	чувствованія	чувствованія
108 —	4	и терзаясь	и не терзаясь
112 —	15	Линдрашши	Ландрашши
142 —	2	шутокъ	шутовъ
207 —	20	любытный	любопытный
233 —	19	брѣдъ	бредъ
243 —	12	Воевада	Воевода

Во II части.

30 —	24	Колонко	Колонія
31 —	5	Филандельфію	Филадельфію.
39 —	19	penetrés	penetrée
41 —	6	Братковскій	Брагановскій
74 —	20	съ гостями	съ гостемъ
92 —	10	начало вражды	Продолженіе войны
96 —	6	Наставникомъ	Наставника
99 —	3	не вѣдали	не вѣдалъ
108 —	3	и возгласишь	и возгласишь, какъ уже сказано
109 —	8	Кончина Фридриха	
— —	—	въ Крымъ	въ Бѣлоруссію
113 —	10	прилегающія	прилегающими
114 —	23	Вторая его армія . . .	вторая часть его арміи
124 —	14	Колніяхъ	Колоніяхъ
143 —	18	ведомыхъ	ведомые
144 —	2	Фирламони ческой . . .	Филармоническоѣ

Напечатано.	*Читай.*
Стран. строки.	
90 — 12 осулили	осудили
91 — 13 $\frac{18}{19}$	$\frac{18}{29}$
— — 17 $\frac{20}{21}$	$\frac{20}{51}$
93 — 10 и еще разъ	но они еще разъ
104 — 24 съ нами	съ ними
126 — 25 фопъ Бокъ	фонъ Бокъ.
134 — 10 изъ возсядавшихъ . . .	изъ возсѣдавшихъ
149 — 2 Бѣдствія Людовика	
— — 3 Побѣгъ его въ Монмеди	
154 — 12 превезглашали	провосглашали
155 — 13 инслагаетъ	низлагаетъ
160 — 22 Касаковскаго	Касаковскаго,
166 — 12 репяція	реляція
167 — 25 удалился	удалился.
174 — 7 Черно-Россію	Красно-Россію
листъ 184	195
176 — 23 Камчатскихъ	Карпатскихъ
208 — 23 Солдатскои	Солдатской
212 — 19 отъ Аги	противъ Аги
236 — 2 съ роскошью. Приличною	съ роскошью, приличною
237 — 6 марморые	марморные
240 — 21 Права безопасность . .	Права, безопасность
242 — 18 merite	mérite
— — 19 mesura	mésura
248 — 23 Государство	Государства
250 — 7 дѣянія милости	дѣянія, милости
— — 8 самые стѣны	самыя стѣны

DK 170 .S9 C.1
Obozrienie tsarstvovaniia i sv
Stanford University Libraries
3 6105 035 697 908

DK
170
.S9

DATE DUE

P. Cutler
ber 3, 1974
Tuesday

Gift of

J. Ian and Isabelle MacNeill

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Secret Memoirs

OF THE

Courts of Europe

FROM THE

16TH TO THE 19TH CENTURY

VOLUME VI

Copyright 1898 by G. Barrie & Son

CATHERINE II
EMPRESS OF RUSSIA

From the painting in the gallery at Versailles
Artist Unknown

[redacted]

SECRET MEMOIRS

OF THE

COURTS OF EUROPE

The Court of St. Petersburg

PARTICULARLY TOWARDS THE END OF THE REIGN OF CATHERINE II AND THE COMMENCEMENT OF THAT OF PAUL I

FROM THE FRENCH

IN ONE VOLUME

ILLUSTRATED

Philadelphia
GEORGE BARRIE & SONS, PUBLISHERS

CONTENTS

CHAPTER I

THE KING OF SWEDEN'S VISIT TO ST. PETERSBURG

PAGE

Anecdotes respecting the marriage projected between him and the Grand Duchess Alexandra—Portrait of the King, and of the young Princess—Remarks on the failure of this match—German Princesses sent for to Russia—Marriage of the Grand Dukes, account of their brides, and pomp of the Court at that period 1

CHAPTER II

CATHERINE II

Particulars of the sickness and death of Catherine—Her portrait—Her character—Observations on her Court, Courtiers and Ministers—Influence of the French Revolution on her mind—Question examined, how far she was the patron of letters—Her literary works—Manners and monuments of her reign 41

CHAPTER III

OF THE FAVOURITES

Their office made a distinct place at Court—The Empress's generosity in this point—Installation of Zubof—List of the twelve who enjoyed in succession the title of Favourite—Little Hermitage—Little Society 96

CHAPTER IV

ACCESSION OF PAUL

PAGE

Conduct and projects of Catherine with regard to her son—He is proclaimed—His first steps as Emperor—Funeral honours paid to his father and mother—Rigorous proceedings towards the guards—The wacht-parade—Favours and disgraces his occupations—Proscription of round hats and Russian harness—Re-establishment of etiquette—Its ridiculous or cruel consequences—Change in the army and in civil affairs—Peasants—Soldato-mania—Office of punishment—Finances 122

CHAPTER V

HAS PAUL REASON TO FEAR THE FATE OF PETER III.?

Parallel between Paul and his father—Portrait of the reigning Empress—The Grand Duke Alexander—The Grand Duke Constantine—Zubof—N. Soltikof—Markof—Arkarof—Repnin—Suvarof—Valerian Zubof—Traits of the character of Paul and his principal Courtiers or Ministers—His portrait—Anecdotes of his conduct when Grand Duke . . . 174

CHAPTER VI

WHAT REVOLUTIONS MAY BE EXPECTED TO TAKE PLACE IN RUSSIA

Attitude and strength of the Sovereign power in that country—Two ukases of Paul favourable to a Revolution—Debasement of the people—Other local obstacles—The Sovereign Power becomes more absolute—The nobility offended—These alone can change the Government—How, and why—Probability of a dismemberment of the vast territory, and of a change in the manners of the people and form of government 244

CHAPTER VII

NATIONAL CHARACTER

PAGE

Of the Noble, the Courtier, the Peasant, the Artificer and the Soldier of Russia 267

CHAPTER VIII

RELIGION

The Greek Church—Priests—Festivals—Fasts—Images . . 294

CHAPTER IX

ON FEMALE GOVERNMENT

Its influence on the women of Russia—Their Character—Immodesty—Manners—Baths—Talents—Charms—The Princess Dashkof 308

CHAPTER X

EDUCATION

Anecdotes of the education of the Grand Dukes—Their governors and preceptors—Education of the Russians in general—Of the *outshiteli*, or tutors, and their influence—Of the young Russians—Proceedings of the present Emperor unfriendly to civilization—The Gazettes—Radischef—Fable of the Owl and Glow-worm 333

CHAPTER XI

SUPPLEMENT

French and Swiss in Russia—Their proscription—Oath required of them—Billet of absolution—Additional traits of the present Emperor—Reflections 362

APPENDIX

Description of the Tauric Palace, and of the feast which Prince Potemkin gave there to Catherine II. 383

SECRET MEMOIRS

OF THE

COURT OF ST. PETERSBURG

CHAPTER I

THE KING OF SWEDEN'S VISIT TO ST. PETERSBURG

Anecdotes respecting the marriage projected between him and the Grand Duchess Alexandra—Portrait of the King and of the young Princess—Remarks on the failure of this match—German Princesses sent for to Russia—Marriage of the Grand Dukes, account of their brides, and pomp of the Court at that period.

THE Peace of Varela having reconciled Catherine and Gustavus, their conduct and attention towards each other formed a singular contrast with the hatred, animosity and invectives in which they had so profusely indulged during the war. The officers of the two nations were equally eager to display the esteem with which they had mutually inspired each other;

for, the *Cossackins* of Denisof[1] excepted, this war was carried on in a manner very different from what was usual with the Russians. In the Swedes they found enemies whose urbanity was equal to their valour; and the well-educated Russ, while he piques himself on the possession of these qualities, esteems them in others.

Count Stackelberg, so famous for his embassy, or rather his reign, in Poland, was sent into Sweden; and Catherine, who could not live in peace with her neighbours unless they were subject to her sway, or at least at her devotion, sought new means of re-establishing her interest in that country, which the talents and firmness of Gustavus had destroyed. To marry one of the young Grand Duchesses to the Prince Royal then became her favourite project; and it is even said that this matrimonial alliance was a secret article in the treaty of peace. This, at least, is certain, that the Grand Duchess Alexandra was educated and trained up to the expectation of being one day Queen of Sweden; while every person about her confirmed

1 A Cossack general, who distinguished himself by his barbarity and ravages in the war in Finland. It is the same, or his nephew, who commands the corps of Don Cossacks marching into Germany. He is an ignorant man, but a resolute soldier d determined gambler.

her in the idea, and entertained her with the charms and early ripening accomplishments of the young Gustavus. Even the Empress herself frequently jested with her upon the subject. One day she opened a portfolio containing portraits of several unmarried princes, and pressed her to point out which of them she would like best for a husband. The child, blushing, chose the portrait of him of whom she had heard so many fine things, and who was already the lover of her rising imagination. The good old lady, not considering that her granddaughter could read, and knew the Prince of Sweden by his name at the bottom of the picture, persuaded herself that sympathy had decided in his favour, and pursued her scheme with additional pleasure.

It is equally certain that several persons about the young Gustavus endeavoured to inspire his heart with similar sentiments; but I know not whether the King, his father, absolute and despotic as he was, would have given his consent to the match, as suitable to the young lovers as it would be the reverse to the two countries. Be this as it may, the violent and sudden death of Gustavus frustrated the schemes of Catherine, whose design had been no less than to send him at the head of his Swedes into France,

there to act the same part as Gustavus Adolphus and Charles XII. had done in Germany and Poland, in the hope that he would there meet with a similar fate; while she prepared for that of Regent over the minority of an orphan King in Sweden, whom, together with his kingdom, she would have taken under her maternal care.

But the Duke of Sudermania, having seized the reins of government during the minority of his nephew, displayed sentiments diametrically opposite to the Russian system. Less gallant than his brother, he did not feel himself disposed to sacrifice his country to the ladies, and failed not to repay, with reciprocal sentiments, the hatred which Catherine had conceived for him during the war, when the noise of his cannon had reached the inmost recesses ot the palace of the Tzars. This naval war, in which, however, he had little reason to boast of his success, had irritated him against the Russians; and he was not ignorant of the raillery and invective which were liberally bestowed on him at the Court of St. Petersburg, or that plays were even acted at the Hermitage, in which he was held up as an object of ridicule.

The vilest corruption, the basest and most cowardly intrigues, were employed against him. Europe even

saw, with fresh horror, a woman, who pretended to be an image of God, adored on the throne, exciting revolt in a nation, buying traitors, and paying—assassins. To remove the Regent, substitute a council of her creatures in his stead, and harness Sweden to her chariot by the side of Poland were the objects at which she aimed, and which she sought to attain by all the means that could be devised. Stackelberg,[1]

---

1 Of all the ministers employed by Catherine, Count Stackelberg has the most wit and the most pride; and this he displayed particularly in Poland. M. von Thugut being sent to that country by the Emperor, when he was to have his audience of Poniatofski, was introduced into a saloon, where, seeing a man gravely seated, and surrounded by Polish lords respectfully standing before him, he took him for the King, and began his complimentary speech. It was Stackelberg, who was in no hurry to set him right. Thugut, informed of his mistake, was vexed and ashamed. In the evening, being at cards with the King and Stackelberg, he played a card, saying, "The king of clubs."—"You are wrong," said the King; "it is the knave." The Austrian ambassador, pretending to have been mistaken, answered, slapping his forehead, "Ah, sire, pardon me; this is the second time to-day I have taken a knave for a king." Stackelberg, ready as he was at repartee, could only bite his lips. When he returned from Sweden, his time was spent loitering in the ante-chambers of Zubof. He was always one in Catherine's little parties, however, and was thus reduced to amuse, after having served her. His great humiliation, no doubt, was that of being named by Paul lord of the bed-chamber in waiting to the very King of Poland who had frequently danced attendance in his ante-chamber at Warsaw. In this malicious appointment of the Emperor there was something ingenious and noble that does him honour.

whose wit and urbanity had charmed the King, and who, to use his own words, found in that Prince "a true and worthy knight of his immortal Sovereign," demanded to be recalled. His haughtiness could not stoop to act a part of little consequence with the Regent or a young King, after having himself been so long Regent of an old King of Poland.

M. Romanzof, brother of him who was so well known and esteemed in Germany, succeeded him; but, notwithstanding his ingenuity, his instructions were too glaring and treacherous for him to acquire similar respect in Sweden. The plots and intrigues, of which the Regent complained, soon required his recall. Who has not felt indignation at the impudence with which Armfeldt was set on, protected, and defended by Russia, in spite of the obvious proofs of his attempts, and the most forcible claims? At the very time when all the Kings in Europe seemed to make a common cause to hunt in concert every man who was barely suspected of rebellion, a Regent of Sweden in vain demanded, from Court to Court, a man who had conspired against his life and the Government of his country, which he would have sold and delivered to a foreign Power. From Court to Court his demands were evaded in an insulting man-

ner; and Armfeldt at length retired to Russia, to set him at defiance, being allowed to appear at Court, receiving a pension, and living there even during the visit of the King and the Regent.[1]

I shall not trace this plot, which so long engaged the Court of Sweden, through all its ramifications, or name all the agents who were still employed to carry it on; but Catherine did not relinquish her design of ruling there, of acting the part of protectress to the young King, and of exhibiting the Regent as a tyrant who abused the minority of his nephew, or a Jacobin who intended to imitate the Duke of Orleans. She even sent the King an invitation to come and put himself under her protection, or at least to pay her a visit; and nothing was left untried to get him to St. Petersburg without his uncle. It is surprising that the Regent was not driven to extremities. Among the papers of the accomplices of Armfeldt were found several which would have made Catherine appear despicable in the eyes of all Europe; but he did not make them public—was it from fear, weakness or moderation?

He was at the point, however, of entering into

1 In 1798 he was at Carlsbad, worn out with infirmities and despised by all that knew him.

an alliance with France, which to him seemed the most effectual step towards securing the independence of Sweden against the unbounded ambition of a powerful neighbour; concluding that whatever connections might be formed between Sweden and Russia, excited by private passions or temporary interests, would still prove injurious to the former.

To strike at the root of Catherine's hopes the Regent took another step, which was still more sensibly felt. He demanded in marriage for his young pupil one of the Princesses of Mecklenburg, who was solemnly betrothed to him, and the match was announced in form to all the Courts of Europe. Count Schverin, who had already been in Russia, where his person had gained him many friends among the ladies, was despatched to St. Petersburg with this commission; but at Viborg he found an order from the Empress, which forbade him to make his appearance at Court. This was certainly strange conduct, and displays rather the pique of an irritated woman than the reserve of a Sovereign. What! because the King of Sweden had espoused another Princess instead of her granddaughter, she refused to receive the notification conformably to established custom! A forsaken mistress who paid no regard to decorum and was destitute of true pride,

could have done no more. The respect she owed herself, her sex and, above all, her amiable granddaughter, should at least have saved her from the humiliation of thus publishing her chagrin. On this occasion she ceased to act the part of the *great Catherine*.[1]

To account for this step, no less insulting than indelicate, she directed her chargé d'affaires, or rather *d'intrigues*, at Stockholm to deliver to the Regent that note which has been read with astonishment in some of the public papers, where she not only made the Duke of Sudermania's maintaining the connection between Sweden and France a crime of *treason to Her Imperial Majesty*, but even seems to insinuate that he was privy to the assassination of the King his brother, the avenging of which she claims to herself. The vexation of Catherine and folly of her ministers went still further. Everything announced that they were about to treat the King of Sweden like Sganarelle,[2] by obliging him at the cannon's mouth to break his engagement to the Princess of Mecklenburg, and marry

---

1 The Russians have aggrandized even her name; they say, in their language, *Yekatarina*, which can only be translated *Arch-Catherine*.

2 In *L'Amour Médecin* of Molière.—*T.*

the Grand Duchess Alexandra.[1] The amiable qualities of this Princess would have justified a young King in fighting to obtain her hand rather than to escape it. A report was also spread that the King was already enamoured of her; that his noble and brave violence to his inclinations; and that he wished for nothing more than to defer his marriage with the Princess of Mecklenburg till he came of age, that he might then declare in favour of the other lady who aspired to his hand.

There is no doubt that several Swedes, gained over by the promises of Catherine, and by the hopes they had formed from the munificence of that ostentatious Princess, endeavoured to inspire the young King with such resolutions, and to excite in his heart the same passion as had been raised in that of the amiable Alexandra. A regular correspondence was even kept up between Schverin, Steinbach, and some

1 Some planks were laid at that time with great noise and preparation on the ice of the Neva, strong enough then to bear castles, to facilitate, as was said, the passage of the artillery which was going to be sent into Finland. The ministers and generals talked publicly of the approaching war; a proof that it was all a deception; but whether M. Steding was a dupe to it I do not pretend to say. Prince George Dolgoruky, a general too honest and too little of a courtier to be employed by the favourites, was even sent to the frontiers by way of scarecrow.

persons who had access to the Grand Duchesses, and several of the letters were shown to the Empress through the medium of Madame Budberg, chief governess to the Princesses.

After such violent proceedings against the Regent, who could expect to see him bend and submit? This, however, he did; at least, he suffered himself to be either frightened or bribed.[1] M. Budberg, who had just made the tour of Germany to find a wife for the Grand Duke Constantine, having brought with him the Princess of Coburg and her three daughters, was deemed capable of surmounting the difficulties experienced in obtaining a husband for the young Grand Duchess. At first he repaired to Mecklenburg to negotiate a renunciation, and was then sent to Stock-

1 A Genevese, of the name of Christian, formerly the right hand and secretary to Calonne, being at Stockholm, introduced himself to the Regent by means of a fable, which he composed in his praise. As he had been at St. Petersburg, he talked to him a great deal of Catherine, of the young Princesses, of the esteem in which he was held at that Court, and of the advantage of an alliance with Russia, by marrying the King to the Grand Duchess. Being persuaded, from the Duke's answers, that he was not very averse to a reconciliation with Catherine, he sent information of it to La Huss, Markof's mistress, and upon these grounds the negotiations, which had been broken off, were renewed. Christian returned to St. Petersburg, to reap the rewards of his address; but the death of the Empress deprived him of the recompense he expected.

him as an ambassador. Threats, promises, and money at length prevailed. Catherine obtained the point of the King's marriage being deferred till he should be of age; and the Regent, willing, no doubt, to show that his pupil was free in his choice and in his conduct, at length consented to make a journey, whither he was so kindly invited. The affair of the marriage, which was the true motive of this invitation, was touched but slightly, sentimentally.—If, as they say, the two children love each other already—if, when they see each other, they should still prove mutually agreeable—we will consider of the means of rendering them happy. Such was the language of the Empress. If she could get the King to her Court, Catherine thought she should have the game in her own hands. Reckoning on the charms of the Princess, and the kindnesses which she herself should lavish on the King, the Regent, and their suite, she doubted not but the young Gustavus, after having seen her whom he had been tured to refuse for reasons of state, would give up the kingdom and the glory of Charles XII. to possess such a bride.

On the 25th of August, 1796, he arrived at St. Petersburg with his uncle and a numerous suite, and alighted at the house of M. Steding, his ambassador.

All the city was anxious to see the young Monarch. The Empress, who was at her palace of Tauris,[1] came to that of the Hermitage to receive him and give him entertainments. At their first interview she appeared enchanted, and *almost in love with him herself.*[2] He would have kissed her hand, but she would not allow it, saying, "No, I cannot forget that the Count von Haga is a King."—"If your Majesty," answered he, "will not give me permission as Empress, at least allow me as a lady, to whom I owe so much respect and admiration."

The interview with the young Princess was still more interesting. Both were extremely embarrassed; and the eyes of all the Court being turned towards them, their confusion increased. No doubt each found the other worthy of the sentiments with which they had been inspired from infancy; and there is reason to believe that, if motives of state on the part of the

---

1 The Empress had purchased Tauris, the principal palace of Potemkin; and in honour to the memory of this celebrated favourite, whom she regretted, she gave his surname to this palace, where she resided in the spring and autumn. It is at St. Petersburg, a short league (a mile and two-thirds) from the Winter Palace, and, like it, situated on the banks of the Neva. It was in this superb edifice that Potemkin gave his Sovereign that magnificent and so much celebrated entertainment in 1791.

2 These were her very words.

King of Sweden, or the whims of the present Emperor, prevent not the match from being brought to a conclusion, the most charming of princesses will be likewise the most unhappy.

No one, however, has more claims to happiness than Alexandra Paulowna. At fourteen she was already tall and womanly; her figure was noble and majestic, softened by all the graces of her sex and age; her features were regular, and her complexion fair as alabaster; innocence, candour and serenity stamped their divine impressions on her brow; and light flaxen hair, which seemed always arranged by fairy hands, fell in ringlets on her well-turned neck. Her heart, her talents, and her intellect were in unison with her exterior appearance. Miss Williamof, her private governess, had cultivated the noblest and purest sentiments in her mind. Exquisite sensibility, judgment and understanding distinguished her infancy and excited the admiration of all who came near her.

It was difficult to find, I will not say a king, but a young man more interesting, better educated, and of so great promise, as the King of Sweden. He was seventeen years of age, tall and finely shaped, with an air of nobleness, intelligence and mildness; yet there was something of grandeur and stateliness about

him, notwithstanding his age; and he had all the graces of youth without the awkwardness that usually attends it. His manners were simple, though courteous and polite. Whatever he said was spoken with reflection. To serious things he paid an attention not expected from youth; he displayed knowledge that announced a very careful education, and a certain gravity, that bespoke his rank, never forsook him. All the pomp of the Russian Empire, which was sedulously exhibited to his view, seemed in nowise to dazzle him. In that brilliant and numerous Court, he soon appeared more at ease than the Grand Dukes themselves, who knew not how to converse with any person; so that both Court and city soon drew comparisons between them very flattering to the young stranger. The Empress herself could not conceal the pain she felt at the disparity between him and the second of her grandchildren, whose brutal and rude boyish tricks offended her to such a degree, that she put him under arrest once or twice during the stay of the King of Sweden.[1]

1 On several occasions when the King appeared in public with the Grand Dukes, foreigners were shocked, and the honest Russians humbled, at the courtly demeanour of the former, contrasted with the rustic behaviour of the latter. At a review of the corps of cadets of the artillery, where the young Gustavus

All the great men of the Empire were eager to participate in the joy of Catherine, who selected such as should give entertainments to her young guest, and fixed the days. Counts Stroganof, Ostermann, Besborodko and Samoilof distinguished themselves by the sums they expended, and the magnificence they displayed. The courtiers sought to surpass each other in the richness of their dress, and the generals in the military spectacles which they exerted themselves in exhibiting to the King. The old general Melissino particularly distinguished himself by the manœuvres and artificial fireworks executed and played off under his direction. Gustavus was in a state of continual enchantment; yet he wisely employed his mornings in traversing the city on foot with the Regent, and seeing everything that could be interesting or instructive. Everywhere he put such questions, or gave such answers, as shewed the understanding he possessed and the education he had received.

---

appeared attentive to everything most worthy of notice, conversing with the generals around him, and with the Grand Duke Alexander, who was appointed to do the honours of the Empire, the Grand Duke Constantine was running and bawling behind the soldiers, imitating them in a burlesque manner, threatening them, and even beating them. It is certain that the King of Sweden left St. Petersburg as well acquainted with the city as those who were one day to reign there.

The Regent, who appeared to enjoy the honour of his labour in the approbation bestowed on his pupil, is a very little man. His manners are easy and polished; he has an air of acuteness and observation; his eyes are sparkling and full of fire; everything he says displays the man of understanding, and excites reflection in those who hear him.

It may readily be supposed that during this succession of entertainments the two lovers had frequent opportunities of seeing each other, conversing and dancing together; they became familiar, and appeared mutually enchanted. The aged Catherine assumed an appearance of youth, and again indulged in those scenes of joy and pleasure which she had long since renounced. The approaching marriage was no longer a secret; it was the common topic of conversation. The Empress already spoke to the young King and her granddaughter as betrothed lovers, and encouraged them to mutual affection. One day she made them give the *first kiss of love* in her presence—the first, no doubt, that the virgin lips of the young Princess ever received, and which may have left a pleasing and cherished impression that will long render her unhappy.

In the meantime steps were taken to bring this

indeed much to a conclusion. The only difficulty which presented itself was that of religion. Catherine had felt the pulse of her Court on this subject; and even consulted the Archbishop, to know whether her granddaughter might abjure the Orthodox faith. Instead of answering in the way in which she flattered herself he would have done, he merely replied, "Your Majesty is all-powerful." The Chief Patriarch of Russia, not finding himself supported by the opinions of his clergy, whom he expected would be more tractable, was then desirous of appearing more Russian than the Russians themselves; and, to flatter the national pride, rather than from respect to the Greek Church, resolved to make a Queen of Sweden of the Greek religion. In proportion as this appeared new and humiliating to the Swedish nation in the eyes of the Patriarch, the more flattering was it to his vanity, and that of his ministers; besides, the popes, chaplains and others whom it would place about the young Queen, would be trusty persons, and well calculated to keep the Princess in the interests of Russia. The King was enamoured, dazzled; the Regent appeared to be completely gained. Could it, then, be supposed that they would reject this arrangement, after such decisive steps had been taken? In the private conversations that had passed, this delicate

subject had been but slightly touched upon. It was scarcely expected that Catherine would have any scruples, and the King had hinted that, from respect to the Russian nation and the prejudices of the people, the Princess should not be obliged to abjure the Greek religion in form. The Empress, persuaded that there was no room for retreat, left to her favourite ministers, Zubof and Markof, the care of drawing up the contract conformably to her views. On the other hand, the Swedish ambassador demanded the Princess in marriage at an audience which was given him for the purpose of making the demand in form; and the day and hour on which the parties were to be publicly betrothed were fixed.

This day, which was the 21st of September, exposed the happy and imperious Catherine to the greatest chagrin and humiliation she had ever experienced. The whole Court received orders to assemble in full dress in the apartment of the throne. The young Princess, habited as a bride, and attended by her sisters, the Grand Dukes and their wives, and all the ladies and gentlemen, with the Grand Duke, father to the Princess, and the Grand Duchess, who came from Gatshina to be present at the ceremony of betrothing their daughter, were assembled by seven o'clock in the evening. The

Empress herself arrived in all imaginable pomp. No one was wanting but the young bridegroom, whose tardiness at first excited astonishment. The repeated going out and coming in of Prince Zubof, and the impatience which the Empress exhibited, soon excited the curiosity and whisperings of the ladies. "What is the matter? Is the King taken ill? He is not very gallant, however. How could he dare thus to make the Sovereign wait, in the apartment of her very throne, and with all her Court assembled!" The King, however, expected like the spouse of the eleven thousand virgins, did not appear.

The following was the occasion of this strange delay. The King was to have been at Court at seven in the evening. At six, the minister, Markof, brought him the contract and the articles of alliance, which he had just drawn up with Zubof. Gustavus, having read them over, appeared greatly astonished on finding they contained articles on which he had not agreed with the Empress, and asked whether it were from her that they were brought to him to sign.[1]

Markof answering in the affirmative, the King

1 These articles were—that the Princess should have her private chapel and clergy in the royal palace, besides certain engagements into which the Swedes were to enter against France, which have been kept very secret.

replied that he could not possibly comply. He observed that he would lay no restraint on the conscience of the Princess; that she might profess her own religion in private, but he could not allow her either a chapel or priests in the palace; on the contrary, in public, and in all outward ceremonies, she must profess the religion of the country. The reader may conceive the surprise and embarrassment of Markof; he was obliged to take up his papers and return to Zubof to inform him that the King refused his signature. He soon after returned in the greatest agitation to say that the Empress was already in the apartment of the throne, surrounded by all her Court; that it was no longer possible to speak to her; that she waited for the King; and that he flattered himself he would not bring the affair to an open rupture, which would be an unheard-of insult to his Sovereign and to the whole Empire. Besborodko and several others arrived in succession, exhorting, urging, praying the King to yield. All the Swedes who were called in inclined the same way. The Regent contented himself with saying that it depended on the King, drew him aside, and took a turn round the room with him, appearing himself to press him, while speaking to him in a low voice. The King answered aloud, "No, no,

I will not; I cannot; I will never sign them!" He withstood all the remonstrances, all the importunities, of the Russian ministers; and at length, vexed at the pertinacity with which they beset him, he retired to his chamber and fastened the door, after giving again a clear and peremptory refusal to sign anything inconsistent with the laws of his country. The Russian ministers remained stupefied at the audacity of a boy who dared thus resist their Sovereign, and concerted how to break the catastrophe to her.

If the firmness which the young Gustavus displayed on this occasion were *his own;* if the solicitations which his counsellors appeared to make were not feigned, he has given his nation a proof of the greatest character, which cannot be too highly admired in a young Prince of seventeen, whom, it might be expected, love alone would have been sufficient to subdue. It is to be presumed, however, for the honour of the Regent, that the entreaties which he appeared to use with his nephew were insincere, and that he wished only to charge the obstinacy of the King with a resistance which would probably have drawn upon himself the immediate vengeance of Catherine. Most of the Swedes who attended Gustavus were actually bribed or seduced; being young courtiers, their ex-

pectations were highly raised on the wedding gifts, and they were much mortified at the disappointment. Steding, the ambassador, had a difficult part to act; but M. Flemming publicly declared his sentiments by saying that he would never advise the King to act contrary to the laws of his realm.

These debates between the ministers of the Empress and the King continued till near ten o'clock. Catherine and her Court were still waiting; but at last it was necessary to inform her that the affair was broken off. She rose, attempted to speak, but her tongue faltered; was like to faint; and even had a slight fit, the precursor of that which carried her off a few weeks after. The Empress withdrew, and the Court was dismissed under pretence of a sudden indisposition of the King. Some were offended at the audacity of a petty King of Sweden; others blamed the imprudence of the wise Catherine, who had so lightly exposed herself to such a scene; but the presumption of Zubof and Markof, who had pretended to impose on the Swedes by their cunning, and who had thought of procuring a matrimonial contract to be signed without being read, was particularly censured.

The most interesting victim was the amiable Alexandra. She had scarcely strength to enter her

apartment; and there, no longer able to restrain her tears, she gave herself up, before her governesses and maids-of-honour, to a grief that affected all about her, and rendered her truly ill. The next day but one after this unexpected affair was the birthday of the Grand Duchess Anne Feodorovna[1]; the etiquette of the Court prescribed a ball, but no person would dance. The King went to it, however, and the Empress also made her appearance for a moment, but did not speak to him. Zubof did not even conceal his anger against the young Monarch. Embarrassment was visible on every countenance. Alexandra, being ill, was not present. The King danced with the other Princesses, conversed a moment with the Grand Duke Alexander, and retired early, saluting every person with still more politeness than usual. This was the last time of his appearance at Court.

These public days of pomp and festivity were suddenly changed into those of retirement and irksomeness. Never were any so melancholy and unpleasant spent by a King at a foreign Court. Every person was ill, or pretended to be so. The interest

1 The wife of the Grand Duke Constantine, daughter of the Prince of Saxe-Coburg.

that Alexandra had inspired and Gustavus merited, softened every heart in their favour. She was pitied as the victim of vanity and folly; he, for being obliged to make a sacrifice which must have cost him so dear.[1] Execrations were openly bestowed on Zubof and Markof. The conduct of the Empress, who gave herself up to the most dreadful chagrin, appeared inexplicable. It is said that her humbled favourites took the liberty of hinting to her to use force with the young Prince, who was in her power. She went and shut herself up a whole day, almost alone, in her palace of Tauris, under pretence of celebrating the foundation of her chapel, but in fact to conceal from the eyes of her Court the trouble that afflicted her, and to consult with her clergy and favourites on the embarrassing situation in which she fancied herself placed.

Endeavours were made to bring the affair a little in train again. The King saw her, still in private, and the ministers held several conferences. Gustavus

---

1 He has since married the young Princess Frederica of Baden, sister of the Grand Duchess Elizabeth. Notwithstanding the charms of his young bride, it is supposed that he is not happy with her; and it is to be feared that Alexandra, who, it is said, is to be married to an Archduke of Austria, will not be more so.

at length ended the business by declaring that, as he could not grant what the Empress desired, according to the laws of Sweden, he would refer the matter to the different estates that would be assembled at his coming of age; and if the estates consented to have a Queen of the Greek religion, he would then send for the Princess. It was rather inconsistent with Russian politics to hear a King hold such language, and it is said that an attempt was made, but in vain, to excite him to set the estates at defiance, offering him the forces necessary to punish them if they should *revolt*. The King, however, would assent to no other terms.

Such was the result of this journey, upon which the daily papers scarcely ventured to comment. The King quitted St. Petersburg the very day on which the anniversary of the birth of the Grand Duke Paul[1] was celebrated, one week after the breach; leaving the Empress replete with ill-humour and resentment, and in the heart of the young Princess an equal degree of grief and of love, which were clearly perceptible by a lingering disease that succeeded, and in the general regret and esteem of the public. Notwithstanding this

1 The present Emperor—the 20th of September, old style, or the 1st of October, new style.

unforeseen catastrophe, in order to prevent any remarks, presents were made on both sides; and the Russians were so much the more surprised at the splendour and taste displayed in those of the King of Sweden, as they had affected always to speak of him by the epithet of *the poor little boy*.

If little has been said of the Grand Duke Paul on this occasion, it is because he had no more to do in what concerned his children than in the affairs of State. He was at his seat of Gatshina, and was seen at St. Petersburg only once or twice during the time of the King's stay, which was about six weeks. The Grand Duchess, his wife, on the contrary, made that tiresome and fatiguing journey three or four times a week, to be present at the entertainments given, and maintain, in appearance at least, the rights and duties of a mother. This worthy Princess said, "If all my daughters cost me so much pains to provide them husbands, I shall die on the road." Once, for form's sake, the King was at Gatshina and at Pavlofsky. Paul and the Regent seemed by no means congenial to each other; and on this occasion he appeared to be of his mother's opinion, and even to surpass her in his scruples and devotion to the Orthodox Greek faith. It is not improbable, however, but the whims of Paul may

to have exerted itself to render their marriage difficult: like Mademoiselle Montpensier formerly, she has killed their husbands with cannon-balls. A King of Poland, a Duke of Courland, or even a Hospodar of Moldavia: such were the husbands she might have left them.

Let the destiny reserved for the Grand Duchesses, however, be what it may, they will, undoubtedly, be happier than the German Princesses married in Russia, most of whom have experienced the most wretched fate. The fearful lot of Sophia of Brunswick, the wife of the miserable Tzarovitch Alexis, is well known. That of the Regent Anne, the unfortunate mother of Ivan III., was still more melancholy. Even the great Catherine herself, I hope, will not be urged as an exception; though surrounded with all the splendour of her Court, yet the untimely death of her husband secretly preyed on her mind. The only exception that can be made to this series of unfortunate brides is Elizabeth of Baden-Dourlach, whose character, and particularly that of her husband, the Grand Duke Alexander, seem to promise her a more happy life.[1]

---

1 Even this exception seems now to have ceased, as, in consequence of the King of Sweden's inter-marriage with her sister, a restraint, if not a total prohibition, is put upon her correspondence with her family.

Young and affecting victims, whom Germany seems to send by way of tribute to Russia, how often do you bedew in secret with your tears the gilded apartments in which you dwell? How often are your thoughts cast with regret on the loved abodes where you spent your infant years? Would not those you might have passed in the arms of a husband in your own country, in a climate favoured by heaven, amid a people more polished and more happy, at a Court less pompous and less corrupt, have been far preferable? Those chains you wear are but the more heavy for being of gold. The pomp that surrounds you, the riches with which you are decked, are not yours, for you enjoy them not. If love embellish not by its illusions the abode of wearisomeness and constraint in which you dwell, it will soon become to you a gloomy prison. Your lot unquestionably merits the compassion of those who envy it.

What may not be said of the want of pride in those German Princes who send their daughters to Russia to undergo the almost equal hazard of being chosen or rejected? She that is approved is unhappy, and they who are sent back are insulted; for the dowry given them, and the riband with which they are decorated, are but proofs that they have been

offered, examined and rejected. The mother of these Princesses usually accompanies her daughters in this distant journey, thus to dispose of one of them by exposing them all to a degrading choice. The times are certainly much changed. When the tyrant Ivan Basiliovitch (Basilides), desirous of forming an alliance with one of the Princes of Europe, sent to Augustus Sigismund, King of Poland, to demand his sister in marriage, his ambassador was dismissed with a grey mare dressed like a woman. This piece of raillery was worthy of the age, and, no doubt, of the idea then entertained of a *veliki-kniaz*, or Grand Prince of Russia. Now, at the first beck of a Russian autocrat, the German Princes hasten to send their amiable daughters, with their mothers, that the *veliki-kniaz* may choose such as they like, and send back the rest covered with confusion, which neither their ribands, nor jewels, nor roubles, can conceal. How, let me repeat, can the Princes of Germany submit to this dastardly tribute, pay so little respect to decorum, and so wound the delicacy of their children?

Of all the victims thus led into Russia, the two

---

1 Catherine has sent for eleven German Princesses to provide wives for her sons or grandsons: three Princesses of Darmstadt, brought by their mother; three Princesses of Würtemberg, but

young Princesses of Baden-Durlach appeared the [illegible]. Their mother, by [illegible] Princess of [illegible], had already been sent [illegible] with her sisters, one of whom became [illegible]. This Princess, an amiable woman and worthy mother of a charming family, would not appear again with her daughters on a stage on which she herself had been exposed, but entrusted them to the care of the Countess Schuvalof, widow of the author of the "Epistle to Nanon," who was charged with the negotiation, together with one Strekalof, whose conduct might be assimilated to that of a Cossack sent to Georgia to carry off maidens for the seraglio of the Sultan.

These Princesses, after a long and tedious journey, arrived at night, towards the end of autumn, 1792, and in terrible weather, which seemed materially to affect them. They were made to alight at the palace in which Potemkin had resided, where they were re-

---

there came no further from Prussia, Frederic the Unique insisting that the Grand Duke should be galant enough to meet them half way; two Princesses of Baden; and three Princesses of Coburg, conducted also by their mother. The young King of Sweden has made three journeys out of his kingdom to choose himself a wife; while three Princesses have been sent from the farther part of Germany for a junior Grand Duke of Russia.

ceived by the Empress, accompanied by Miss Branicki, her favourite. At first the young Princesses took the latter for the Empress; but, the Countess Schuvalof having undeceived them, they threw themselves at the Empress's feet, and, with tears, kissed her robe and her hand till she raised them up and embraced them; they were then left to sup in full liberty.

The next day Catherine came to see them, while they were yet at their toilette, and presented them the riband of the Order of St. Catherine, jewels and stuffs. She also examined their wardrobe, and, on seeing it, said, "My young friends, when I arrived in Russia I was not so rich as you."[1]

The young Grand Dukes were introduced to them the same day. The eldest, who already suspected the motive of their arrival, had a pensive and embarrassed air, and said nothing. Catherine told them that, knowing the mother of these Princesses, and their country being taken by the French,[2] she had sent for them to have them educated at her Court. On their return from the palace, the two young Princes talked much

---

1 Catherine often said, towards the end of her life, "I arrived in Russia poor, but I will not die in debt to the Empire, for I shall leave her the Crimea and Poland as my portion."

2 It was at the time of Custine's expedition into Germany.

of the young strangers, and Alexander said that he thought the eldest very pretty.[1] "Oh, not in the least!" cried the younger, "neither of them; they must be sent to Riga, to the Princes of Courland; they are only fit for them."[2]

What Alexander had said, however, was reported to his grandmother, who was delighted to find that the lady she designed for him, and with whom she herself seemed enchanted, appeared handsome in his eyes. Catherine pretended that she resembled Louisa of Baden, when she arrived in Russia. She ordered the picture taken of her at that time to be brought, that she might compare it with the Princess; and, as may be supposed, everyone present declared that two drops of water could not be more alike. From that moment she became singularly attached to Louisa, redoubled her tenderness towards Alexander, and engaged with

---

1 She was in reality charming; the Grand Duchess Alexandra is the only beauty in the Court of Russia that can be compared with her. Her sister was but a child, being only thirteen, but she had something still more striking and sprightly.

2 These Princes were educated there at that time, as being one day to succeed their uncle on the throne. The elder was intended for the second Grand Duchess, Helena Pavlovna. But the scene is much changed with them; they are now subalterns in the army, and the elder has even been banished to a garrison of invalids.

more pleasure in the scheme of leaving the throne to them as her immediate successors.

The young strangers made their first appearance at Court on the day when the deputies of Poland were admitted to thank Catherine for the honour she had done the republic by keeping three-fourths of it for herself.[1] The Princesses were as much dazzled with the magnificence that surrounded them as others were with their opening charms; but the elder met with an accident, which led the superstitious Russians to say that she would be unfortunate in their country. As she approached the throne of Catherine, she struck her foot against the corner of one of the steps, and fell flat on the ground before the throne. May the sad presage never be realized!

1 At this period part of the kingdom or republic was left to Poland. The deputies, however, were received only as those of a subject-province. They stood uncovered, the Empress sitting; and she saluted them only by a slight motion of the head, after they had prostrated themselves before her. Count Branicki, husband of the Empress's favourite, was the orator of this humiliating embassy, which would deliver its harangue, however, in the Polish language. The following sentences of his speech are remarkable: "The great Catherine has deigned to speak a word, and give the signal; and despotism, ready to seize on the throne of Poland, fell like an idol." This *word* of Catherine was a pamphlet composed by Altesti, in which all the nobles of Poland were termed Jacobins, and the King seditious; this *signal* was the sending of two armies into the country, and the *idol of despotism* was the constitution of the 3rd of May.

While the young sister spent her days sorrowfully in tears for her absence from her country and relations, which all the pomp of the Court could not obliterate from her mind, and was at length sent away loaded with presents, which afforded her less pleasure than the expectation of soon beholding again the banks of the Rhine,[1] the Princess Louisa appeared to smile on

---

1 Besides several diamonds which she received, a pension was given her, which was to be exchanged for a marriage portion. As she is become Queen of Sweden, I know not whether she has received her Russian dower. Among the presents made her, was a riband of the Order of St. Andrew for her father. This was the first Order in Russia, and Catherine did not even know the number of its knights, as it appeared that the Prince of Baden was one of them already. The Empress, however, would not allow the riband to be sent back, but permitted the Prince to bestow it on his son, then a child. It frequently happened that officers were presented with the insignia of Orders which had been given to them before. One of these, having solicited some other recompense in vain, wore his two similar crosses at once. Catherine, it must be added, so magnificent on some occasions, displayed a ridiculous parsimony in bestowing on the governess of the Princesses of Baden, who had educated them, and conducted them into Russia, a paltry pension of two hundred roubles (£20), at which even the Court of Carlsruhe was indignant. Similar acts of meanness frequently disgraced the liberalities of Catherine. She never gave willingly, except to those who had already too much; she liked better to gratify than to recompense. Towards the end of her life she grew niggardly, in particular towards the imperial family, who were sometimes in want of necessaries, while the favourite and his creatures wallowed in profusion

the destiny that awaited her. An unknown comforter had entered her heart, and dried her tears. The sight of the young Prince, who was to be her husband, and who equalled herself in beauty of person and gentleness of mind, had inspired her with love. She submitted gracefully to everything required of her: learned the Russian language, was instructed in the Greek religion, and was soon in a capacity of making public profession of her new faith, and receiving on her arms and bare delicate feet the unctions administered by a bishop, who proclaimed her Grand Duchess, under the name of Elizabeth Alexievna. Catherine chose rather to give her her own surname than leave her that of her father, as is customary.[1]

In the month of May following, the ceremony of betrothing was performed with all extraordinary pomp and entertainments. Russia had just finished three wars, almost equally triumphant. A multitude of

1 The patronymic names of the Russians have something ancient and respectable. A Russian might call the Empress, even when speaking to her, *Ekatarina Alexievna*—Catherine, daughter of Alexius. The Princess of Baden, therefore, should have called herself *Elizabetha Carlovna*, as she was the daughter of Prince Charles. The Greeks had the same custom; and we, happily translating the Russian terminations by the Greek, might say Ivan Basilides, Alexander Nicholaïdes, &c., as we say Alcides, Seleucides, Heraclides.

generals and other officers, covered with the laurels they had gathered in battle, added to the number of the Court. A great many Swedes, admirers of Catherine; almost all the Polish nobles who had submitted or were devoted to her; Tartarian khans; envoys from Great Bukhara; Turkish bashaws; Greek and Moldavian deputies; sophis of Persia; with French emigrants, demanding at once protection and vengeance,[1] increased at this juncture the crowd of courtiers attending the proud autocratrix of the North. No Court ever exhibited such a brilliant and variegated spectacle. These were the last resplendent days that Catherine enjoyed. She dined on a throne raised in the midst of different tables. Crowned, and covered with gold and diamonds, her eyes carelessly wandered over the immense assembly, composed of persons of all nations, whom she seemed to behold at her feet. Surrounded by her numerous and brilliant family, a

---

1 One day the young Richelieu, a Persian envoy, some deputies of the Calmucks, and an old Russian madman, whom Catherine created a knight, at the recommendation of N. Soltikof, for having prayed for her, were presented to the Empress at the same time. Richelieu kissed her hand with all the ease of a Frenchman, the Persian with the ceremonies of the East; the Calmucks, throwing themselves on the ground; and the old Russian, kneeling down, and raising his eyes to heaven.

poet would have taken her for Juno seated amidst the gods.[1]

The arrival of the Princess of Saxe-Coburg with her three daughters, one of whom became the wife of the Grand Duke Constantine, was less striking. The Russians even indulged in witty remarks on these Princesses, and on the antiquity and bad taste of their dress. They were not presented till their wardrobe had been renewed. Constantine did not like either of them. He said they had a German air, so Russian was his taste. It was necessary to inflame

---

1 This in fact took place, particularly in the following strophe of the epithalamium:—

Ni la reine de Thèbe au milieu de ses filles,
Ni Louis de ses fils assemblant les familles,
Ne formèrent jamais un cercle si pompeux.
Trois générations vont fleurir devant elle,
Et c'est elle toujours qui charmera nos yeux:
Fière, d'être leur mère, et non d'être immortelle.
Telle est Junon parmi les dieux.

The Theban Queen amid her daughters fair,
The sons of Louis, an illustrious race,
Ne'er form'd a circle proudly born to grace
The wond'ring world with majesty so rare!

Three glorious springs shall deck the reverend tree,
Whose stem immortal parentage shall claim,
And still the peerless origin shall be
Like Juno, first in splendour as in fame.

his imagination to induce him to make a choice; and this fell on the youngest, a little brunette, who displayed marks of wit, which excited interest in her behalf in the bosom of Constantine, of whose character we shall have occasion to speak hereafter.

CHAPTER II

CATHERINE II

Particulars of the sickness and death of Catherine — Her portrait — Her character — Observations on her Court, Courtiers and Ministers—Influence of the French Revolution on her mind—Question examined, how far she was the patron of letters—Her literary works—Manners and monuments of her reign.

The visit of the King of Sweden to St. Petersburg, the entertainments to which it gave rise, and the mortifying circumstances in which it terminated, hastened, no doubt, the death of Catherine. For six weeks she had given herself up to a round of amusements, and subjected herself to continual fatigue; for to her, the going up and down the stairs of the palace, the business of dressing, and appearing in public, had long been a wearisome task; and the more so, as she was still desirous of looking young and healthful, and was always averse to the use of her sedan. Aware of the first of these difficulties, several of her courtiers, upon occasion of the balls and entertain-

ments that were given by them in honour of the King, contrived for her ease that the stairs of their houses should form a gentler ascent, which was richly carpeted. A gallantry of this kind cost Besborodko no less a sum than three thousand roubles (£300), which he expended to render his house commodious for her reception.

Towards the close of her life, Catherine had so increased in size as to be an object almost of deformity. Her legs, which were always swollen and often ulcerated, had entirely lost their shape, and she could no longer boast that handsome foot which had formerly been so much admired. The noted pirate, Lambro Canziani, whom Admiral Ribas, through the favour of Zubof, had introduced to the Empress, and who acted in the quality of buffoon, after having previously served her as corsair in the Archipelago, was desirous also of prescribing as her physician. He accordingly persuaded her that he had an infallible remedy for her legs; and he himself was even at the pains of fetching water from the sea for the purpose of a cold bath, to be used once a day for her feet. The application succeeded at first, and she joined with Lambro in ridiculing the prescriptions of her physicians; but the swellings soon returned, and, from

late hours and fatigue, her disorder greatly increased. When the King's refusal was announced to her, and she was obliged to dismiss her Court, after having summoned it to celebrate the betrothing of her granddaughter, she experienced a slight stroke of apoplexy. From the constraint which for several days after she imposed on herself, that she might appear with her accustomed serenity, and betray no symptom of the vexation she felt at the refractoriness of *the little King*,[1] the blood and humours crowded still more to the head. Her face, which was before highly inflamed, became at this period additionally red and livid, and her indisposition returned with greater frequency.

I should not, perhaps, have mentioned here the signs and tokens of her death. But as miracles are still in fashion in Russia, it may not be amiss to observe that, on the evening of her visit with the King at the house of Samoïlof, a bright star shot from the sky over her head and fell into the Neva; and for the honour of truth and funereal tokens, I

1 This was an epithet which she gave him in derision. The young Prince was ambitious from his infancy of the title of grown man, which he strove by his actions to merit. Walking one day in a park, two women cried, "Let us run to the pathway to see our little King." Gustavus, hearing them, replied, somewhat piqued, "Little King! Pray, ladies, have you then a greater one?"

must add that this fact was the common talk of the whole city. Some would have it that this beautiful star was a prognostic of the young Queen's journey into Sweden; while others, remarking that it made its descent near the spot where the citadel and tombs of the Sovereigns were situated, tremblingly whispered that it was the harbinger of the approaching dissolution of the Empress. I say, *tremblingly whispered;* for, in Russia, death and the Empress were words that could not be coupled together without danger of punishment.

But, waiving this, it is certain that on the 4th of November, 1796, Catherine, having what was called her *little hermitage* (small party), displayed an uncommon share of spirits. By a vessel from Lübeck she had received the news of the French, under Moreau, having been obliged to repass the Rhine; and she wrote upon this occasion to the Austrian Minister, Cobentzel, a very humorous note.[1] She amused herself greatly with Leof Narishkin, her grand *ecuyer* and first buffoon, trafficking with him for all sorts of baubles, which he usually carried in his

1 The note, which was in everybody's hands, was this. "I hasten to inform your excellent Excellence that the excellent troops of the excellent Court have given the French an excellent drubbing."

pockets to sell to her, like an itinerant pedlar, whose character he attempted to personate. She rallied him with great pleasantry upon the terrors to which he was subject upon hearing of any obituary intelligence, by informing him of the death of the King of Sardinia, which she had also just learned; and she spoke of this event in a free and jocular manner. She retired, however, somewhat earlier than usual, assigning as a reason that too much laughing had given her slight symptoms of colic.

The next morning she arose at her accustomed hour, and, sending for her favourite, gave him a short audience. She afterwards transacted business with her secretaries, but dismissed the last that came, bidding him wait in the ante-chamber, and she would presently call for him to finish what he was about. The valet, Zachary Constantinowitz, waited for a while; but, uneasy at not being called, and hearing no noise in the apartment, he at last opened the door, when he saw, to his surprise and terror, the Empress prostrate on the floor, between the two doors leading from the alcove to her water-closet. She was already without sense or motion. The valet ran for the favourite, whose apartment was above; physicians were sent for, and consternation and tumult prevailed about the

Empress. A mattress was spread near the window: she was laid upon it. Bleeding, bathing, and all the means usually resorted to upon such occasions, were employed, and they produced their ordinary effect. She was still alive; her heart was found to beat, but there was no other perceptible sign of motion. The favourite, seeing her in this alarming state, sent to the Counts Soltikof and Besborodko, and others of the nobility. Everyone was eager to despatch a messenger to the Grand Duke Paul; and the person employed in this service by Zubof was his own brother. Meanwhile the imperial family and the rest of the household were ignorant of the situation of the Empress, which was kept secret. Till eleven o'clock, her accustomed hour for summoning the Grand Dukes, it was not known that she was at all indisposed, and the circumstance of her being seriously ill did not transpire till one; and was then mentioned with a timid and mysterious caution, through fear of the consequences of mistake. You might see two courtiers meet each other, both perfectly acquainted with the circumstance of the apoplexy, yet questioning one another, answering in turn, watching each other's looks, and cautiously advancing step by step, that they might arrive both together at the terrible point, and be able to talk of

what both already knew. It is necessary to have frequented a Court, and especially the Court of Russia, to be able to judge of the importance of these things, and exculpate the historian from the charge of absurdity for relating actual circumstances.

In the meantime, those whom chance, or their connection with office, placed in the way of being early informed of the truth, hastened to communicate it to their families and friends; for the death of the Empress was looked to as the epoch of some extraordinary revolution in the State, as well from the character of Paul as from the projects and dispositions of which Catherine was suspected. It was, therefore, of importance to be able to take precautions in time; and the Court first, and presently the city, were in an alarming state of agitation and anxiety.

Five or six couriers arrived nearly at the same instant at Gatshina, but the Grand Duke was absent. He had gone a few miles from his Court to inspect a mill, which he had ordered to be constructed. Upon receiving the intelligence, he appeared extremely affected. He soon, however, recovered from his emotion, asked a thousand questions of the messengers, and gave orders for his journey, which he performed with such expedition that in less than three

Paul, whose grief for the loss of a mother by whom he had been so little beloved could not be expected to be extremely overwhelming, was occupied in giving directions and preparing everything for his accession. Catherine still breathed, although nothing was thought of but the changes that were about to take place and the individual who was on the point of succeeding her.

By degrees, the apartments of the palace were filled with officers who had come with expedition from Gatshina, and were dressed in a manner so different from that which prevailed at St. Petersburg that they appeared to belong to some remote age, or to have arrived from another world. In the pale and haggard countenances of the old courtiers, wherever they were seen, mortification, terror and grief were depicted; and they successively retired, to give place to the new-comers. The palace was surrounded, and all the streets that led to it were crowded with carriages; and he who could claim the slightest acquaintance passed the day there, waiting the effect of this sudden event. Orders were given that no person should quit the city, and no courier was suffered to pass the gates.

It was generally believed that Catherine had died the preceding evening, but that her death, for reasons

of State, was still concealed. The fact, however, was that she was all this time in a kind of lethargy. The remedies which were administered produced their natural effect, and she had even moved one of her feet, and pressed the hand of one of her women; *but, happily for Paul, the power of speech was gone for ever.* About ten in the evening she appeared suddenly to revive, and began to rattle in the throat in a most terrible manner. The imperial family hastened to her; but this new and shocking spectacle was too much for the Princesses, who were obliged to withdraw. At last she gave a lamentable shriek, which was heard in the neighbouring apartments, and died, after having continued for thirty-seven hours in a state of insensibility. During this period she gave no indication of pain till the moment before she expired, and her death appears to have been as happy as her reign.

If the love which Monarchs have deserved from their subjects has been sometimes estimated by the impression produced by their death, Russia is not the country to which we can apply the observation, unless, indeed, the Court be taken for the whole Empire. The individual who was the greatest loser by the death of the Empress, and whom it hurled at once from the pinnacle of greatness and power into the

obscurity from which favour had raised him, was also the individual who was most afflicted at the event; and there was something in the expression of his grief that was truly affecting. The young Grand Duchesses, who had a tender regard for their grandmother, with whom they had lived on terms of greater familiarity than with their own parents, paid her also the unfeigned tribute of their tears. They considered her as their providing hand, and as the source from which flowed all their enjoyments and felicity. Those ladies and courtiers, too, who had experienced the kindness of her disposition and enjoyed the pleasure of her private society, where she displayed a most captivating amenity, in like manner lamented her death. Even the young persons of her Court, both male and female, regretted the happy evenings of the Hermitage, and that freedom of ease and pleasure which Catherine so well knew how to inspire. And they contrasted with these the military constraint and etiquette that were likely to succeed. The wits and railers of St. Petersburg groaned in secret that they now must respect the very persons whom they so long had been accustomed to ridicule and despise, and submit to a course of life that had been the constant and inexhaustible topic of their sarcasms and jests.

The menial servants of Catherine sincerely bewailed a good and generous mistress, whose mild and equal temper, and noble and dignified character, were above those daily bickerings, those gusts of petty passion, which are the poison of domestic life. In truth, if we judge of Catherine as of the mother of a family, and consider her palace as her house, her courtiers as her children, she was entitled to lamentations and tears.

There were other personages on this disastrous occasion of a pale and woful aspect; but these were incapable of weeping. In them it was an air of guilt rather than of sadness, and their grief would bear no construction favourable to Catherine. I refer to those creatures of the favourite, those hypocritical ministers, those dastardly courtiers, that crowd of wretches of all states and conditions, whose fortunes and hopes were derived from the easy disposition of Catherine and the abuses of her reign. In this dark list must be also included those who had a share in the Revolution of 1762. These men appeared to awake as from a long dream which had suspended reflection, to be delivered up to the influence of terror and, perhaps, of remorse.

As to the opinion of the people, that pretended touchstone of the merit of Sovereigns, nothing could

equal their indifference as to what was going on in the palace. It was said, indeed, that provisions would be cheaper, and the power of masters over their slaves be restrained and limited. The principal inhabitants of the city were in a state of silent consternation.

In so extensive a capital, and especially in so polite and brilliant a Court, some extraordinary changes were quickly visible. The air of freedom, of ease and of gallantry, which had so lately prevailed, was succeeded by a visible constraint. In the apartments in which Catherine had just fallen into the sleep of death, the word of command, the clattering of swords and of soldiers, and the echo of enormous boots, already resounded. From the sombre dress of the ladies, the unusual garb of the men, the strange phraseology which everyone was eager to adopt, and the general contrasts with what had existed before, those who had been acquainted with each other met without being known, spoke without being understood, and asked questions without receiving an answer. The Day of St. Catherine, hitherto celebrated with so much pomp and rejoicings, arrived at this interval, as if to depict with greater horror the desolation of this fairy palace, heretofore the theatre of so many pleasures and entertainments.

Though nearly seventy years of age, Catherine still retained some remains of beauty. Her hair was always dressed in the old style of simplicity, and with peculiar neatness, and no head ever became a crown better than hers. She was of the middle stature, and corpulent. Few women, however, with her corpulence, would have attained the graceful and dignified carriage for which she was remarked. In private, the good-humour and confidence with which she inspired all about her, seemed to keep up an unceasing scene of youth, playfulness and gaiety. Her charming conversation and familiar manners placed all those who were admitted to her dressing-room, or assisted at her toilet, perfectly at ease; but the moment she had put on her gloves to make her appearance in the neighbouring apartments, she assumed a very different countenance and deportment. From an agreeable and facetious woman she appeared all at once the reserved and majestic Empress. Whoever had seen her then for the first time would have found her not below the idea he had previously formed, and would have said, "This is, indeed, the Semiramis of the North!" The maxim, *Præsentia minuit famam*, could no more be applied to her than to Frederick the Great. I saw her once or twice a week for ten years, and every time

with renewed admiration. My eagerness to examine her person caused me successively to neglect prostrating myself before her with the crowd: but the homage I paid by gazing at her was surely more flattering. She walked slowly and with short steps, her majestic forehead unclouded, her look tranquil, and her eyes often cast on the ground. Her mode of saluting was by a slight inclination of the body, yet not without grace; but the smile she assumed vanished with the occasion. If, upon the introduction of a stranger, she presented her hand to him to kiss, she demeaned herself with great courtesy, and commonly addressed a few words to him upon the subject of his travels and his visit; but all the harmony of her countenance was instantly discomposed, and you forgot for a moment the great Catherine, to reflect on the infirmities of an old woman, as, on opening her mouth, it was apparent that she had no teeth. Her voice, too, was hoarse and broken, and her speech inarticulate. The lower part of her face was rather large and coarse; her grey eyes, though clear and penetrating, evinced something of hypocrisy; and a certain wrinkle at the base of the nose indicated a character somewhat sinister. The celebrated Lampi had lately painted a striking likeness of her, though

flattering. Catherine, however, remarking
nd not entirely omitted that unfortunate
he evil genius of her face, was greatly dis-
nd said that Lampi had made her too serious
icked. He must accordingly retouch and
icture, which appeared now like the portrait
g nymph, though the throne, the sceptre,
, and some other attributes, sufficiently in-
: it is the picture of an Empress. In other
he performance well deserves the attention
ateur, as also does a portrait of the present
ly the same hand.[1]

character of Catherine can, in my opinion,
estimated from her actions. Her reign, for
d her Court, had been brilliant and happy;
last years of it were particularly disastrous
eople and the Empire. All the springs of

---

celebrated le Brun, who was at St. Petersburg, and who
obtain the honour of taking her likeness when living,
her she was dead, and drew it from his memory and
. I saw the rough draft of this portrait, which
nely like. The following humorous advice was given
tan to render the resemblance perfect. Take a map of
n Empire for the canvas, the darkness of ignorance
ound, the spoils of Poland for the drapery human
the colouring, the monuments of her reign for the
nd for the shading six months of the reign of her

government became debilitated and impaired. Every general, governor, chief of department, was become a petty despot. Rank, justice, impunity, were sold to the highest bidder. An oligarchy of about a score of knaves partitioned Russia, pillaged, by themselves or others, the finances, and shared the spoils of the unfortunate. Their lowest valets, and even their slaves, obtained, in a short time, offices of considerable importance and emolument. One had a salary of from three to four hundred roubles a year (£30 or £40), which could not possibly be increased by any honest dealing, yet was he sufficiently rich to build round the palace houses valued at fifty thousand crowns (£12,500). Catherine, so far from enquiring into the impure source of such sudden wealth, rejoiced to see her capital thus embellished under her eyes, and applauded the inordinate luxury of these wretches, which she erroneously considered as a proof of the prosperity of her reign. In the worst days of France, pillage was never so general, and never so easy. Whoever received a sum of money from the Crown for any undertaking had the impudence to retain half, and afterwards complained of its insufficiency, for the purpose of obtaining more; and either an additional sum was granted or the enterprise abandoned. The great

plunderers even divided the booty of the little ones, and thus became accomplices in their thefts. A minister knew almost to a rouble what his signature would procure to his secretary; and a colonel felt no embarrassment in talking with a general of the profits of the army, and the extortions he made upon the soldiers.[1] Every one, from the peculiar favourite to the lowest in employ, considered the property of the State as a harvest to be reaped, and grasped at it with as much avidity as the populace at an ox given up to be devoured. The Orlofs, as well as Potemkin and Panin, filled their places with a degree of dignity. The first displayed some talents and an inordinate ambition. Panin had greater genius, greater patriot-

1 The colonel was the despot of his regiment, of which he had the exclusive management, in whole and in detail. The Russian army, wherever it may be situated, whether in a subjugated territory, the territory of an ally, or that of an enemy, always living in free quarters, the colonels regularly take to themselves nearly the whole of the money destined for its support. By way of indemnification, they turn the horses into the fields, and the men into the houses of the peasants, there to live free of expense. The pay of a colonel is from seven to eight hundred roubles (£70 or £80) only, a year; but the profit he derives from a regiment amounts to fifteen or twenty thousand roubles (£1,500 or £2,000). A minister, asking one day some favour of the Empress for a poor officer, she replied, "If he be poor, it is his own fault; he has long had a regiment." Thus robbery was privileged, and probity laughed at and despised.

ism, and more virtues.[1] In general, during the last years of Catherine, none were so little as the great. Without knowledge, without penetration, without pride, without probity, they could not even boast that false honour which is to loyalty what hypocrisy is to virtue. Unfeeling as bashaws, rapacious as tax-gatherers, pilfering as lackeys, and venal as the meanest abigails of a play, they might truly be called the rabble of the Empire. Their hirelings, their valets, and even their relations, did not accumulate wealth by the gifts of their bounty, but by the extortions committed in their name, and the traffic made of their credit. They also were robbed themselves, as they robbed the Crown. The meanest services rendered to these men were paid by the State, and the wages of their buffoons, ser-

1 He did one act of generosity in particular, which has found no imitators. The education of the Grand Duke Paul, to whom he was first governor, being finished, the Empress, among other rewards for this service, gave him seven thousand peasants, while the aides-de-camp, secretaries, and others employed by Count Panin as his assistants, were totally unnoticed by her. Panin immediately divided among them the seven thousand peasants; and I have seen several officers who are still rich with the boon. This generous action should not, however, lead us to forget that the two principal measures of his administration were marked with misfortune: the exchange of Holstein for six ships, which Denmark never gave; and the first division of Poland, which excited a craving for the remainder.

were mistresses, private secretaries, and even tutors of their children, employed out of some public fund of which they had the control. Some few among them sought for talents and appeared to esteem merit; but neither talents nor merit acquired a fortune under their protection or portion of their wealth; partly from the avarice of those persons, but still more from their total want of economy and judgment. The only way of gaining their favour was by becoming their buffoon, and the only mode of turning it to account was by turning knave.

Thus during this reign almost every man in office, or who had credit at Court, was the favourite of fortune, and acquired riches and honours. At the gaias given by the Empress swarms of new-created counts and princes made their appearance, and that at a time when in France all titles were about to be abolished. If we except the Sobiskis, we shall find at this period no family of distinction taken into favour. To any other country this would have been no evil; but in Russia, where the rich nobility is the only class that has any education, and often any principles of honour, it was a serious calamity to the Empire. Besides, all these upstarts were so many hungry leeches, who must be fed with the best blood

of the State, and fattened with the hard earnings of the people. A frequent change of kings is often not burdensome to a State, to whom it still remains an inheritance; but a continual change of favourites and ministers, who must all load their hives before they depart, is enough to ruin any country but Russia. How many millions must it have cost to fill successively the rapacious maws of about a dozen peculiar favourites? How many to render rich and noble the Besborodkos, the Zavadofskys, the Markofs, and a too numerous list of others who might be named? Have not the Orlofs, the Potemkins, the Zubofs, acquired revenues greater than those of kings; and their underlings, agents in the sale of their signatures, and managers of their petty traffic, become more wealthy than the most successful merchants?[1]

With respect to the government of Catherine, it was as mild and moderate within the immediate circle of her influence as it was arbitrary and terrible at a

---

1 A work has fallen into my hands, entitled, "Life of Catherine II.," in which the author gives a statement of the sums obtained by the favourites. But how very defective is this estimate, and how much below the truth! How is it possible, indeed, to calculate the immense sums which have enriched the Orlofs, the Potemkins, and the Zubofs, favourites who had the same access to the treasury of the State as to their own private coffers?

distance. Whoever, directly or indirectly, enjoyed the protection of the favourite, exercised, wherever he was situated, the most undisguised tyranny. He insulted his superiors, trampled on his inferiors, and violated [illegible], order and the [illegible],[1] with impunity.

It is to the policy first, and next to the weakness of Catherine, that the [illegible] and disorganised [illegible] of her [illegible] government [illegible] in part, be attributed, [illegible] will be found in the [illegible] of the nation. How [illegible] discipline [illegible] were [illegible] of a throne, [illegible] under the [illegible] kindness. [illegible] she [illegible] everything [illegible] by [illegible] never how [illegible] her power [illegible] it.

[illegible]

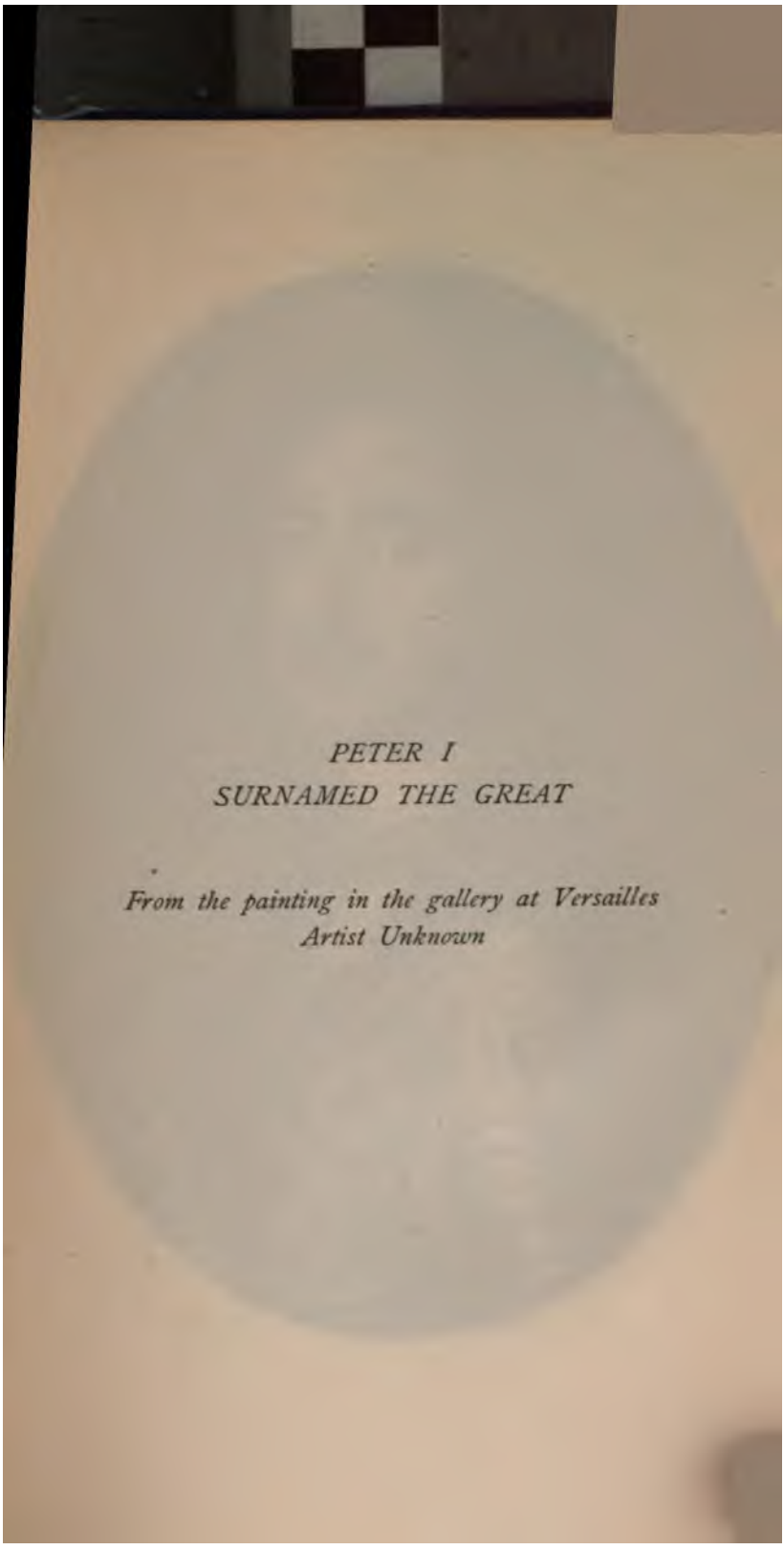
[1] [illegible]

rated into licentiousness; and the love of glory, which sank into vanity. By the first of these passions she was never so far governed as to become a Messalina, but she often disgraced both her rank and her sex; by the second she was led to undertake many laudable projects, which were seldom completed, and to engage in unjust wars, from which she derived at least that kind of fame which never fails to accompany success.

The generosity of Catherine, the splendour of her reign, the magnificence of her Court, her institutions, her monuments, her wars, were precisely to Russia what the age of Louis XIV. was to Europe; but, considered individually, Catherine was greater than this Prince. The French formed the glory of Louis; Catherine formed that of the Russians. She had not, like him, the advantage of reigning over a polished people; nor was she surrounded from infancy by great and accomplished characters. She had subtle ambassadors, not unskilled in the diplomatic art, and some fortunate generals; but, Romanzof, Panin and Potemkin excepted, she could not boast a single man of genius; for the wit, cunning and dexterity of certain of her ministers, the ferocious valour of a Suvarof, the ductile capacity of a Repnin, the favour of a Zubof, the readiness of a Besborodko, and the assiduity

of a Nicholas Soltikof, are not worthy of being mentioned as exceptions. It was not that Russia did not produce men of merit; but Catherine feared such men and they kept at a distance from her. We may conclude, therefore, that all her measures were her own and particularly all the good she did.

Let not the misfortunes and abuses of her reign give to the private character of this Princess too dark and repulsive a shade! She appeared to be thoroughly humane and generous, as all who approached her experienced. All who were admitted to her intimacy were delighted with the good-natured sallies of her wit. All who lived with her were happy. Her manners were gay and licentious; but she still preserved an exterior decorum, and even her favourites always treated her with respect. Her love never excited disgust, nor her familiarity contempt. She might be deceived, won, seduced, but she would never suffer herself to be governed. Her active and regular life, her moderation, firmness, fortitude, and even sobriety, are moral qualities which it would be highly unjust to ascribe to hypocrisy. How great might she not have been, had her heart been as well governed as her mind! She reigned over the Russians less despotically than over herself; she was never hurried away



PETER I
SURNAMED THE GREAT

From the painting in the gallery at Versailles
Artist Unknown

by anger, never a prey to dejection, and never indulged in transports of immoderate joy. Caprice, ill-humour and peevishness formed no part of her character, and were never perceived in her conduct. I will not decide whether she were truly great, but she was certainly beloved.[1]

Imbued from her youth with the corrupt maxims by which Courts are infected; enveloped on her throne in a cloud of incense, through which it was hardly possible for her to see clearly, it would be too severe

1 Many quatrains have been composed, either to serve as epitaphs or to be placed under the portrait of Catherine; but none have been struck off so happily, or describe her so truly, as the following. They are from the pens of two young Russians, the pleasant qualities of whose minds are enhanced by those of an admirable character and a generous heart:—

Elle fit oublier, par un esprit sublime,
D'un pouvoir odieux, les énormes abus;
Elle se maintint par ses vertus
Sur un trône acquis par le crime.

Bless'd in her sway, her subjects might disown
Th' unnumber'd evils of despotic rule;
And tho' a crime had fixed her on the throne,
She reign'd by precepts drawn from Virtue's school.

The next is more flattering, but not inferior in merit:—

Dans le sein de la paix, au milieu de la guerre,
À tous ses ennemis elle dicta la loi:
Par ses talens divers elle étonna la terre,
Écrivit comme un sage, et regna comme un roi.

Amid the train of Peace or din of War,
Each foe appall'd her sov'reign will obey'd;
Her mighty genius held the world in awe;
Like sages wrote, like Jove the sceptre sway'd.

to apply at once the searching light of reason to her character, and try its defects by so strict an inquest. Let us judge her now as we would some twenty years ago, and consider Russia still, as to the people, as in the age of Charlemagne. The friends of liberty ought to render to Catherine the same justice as is rendered by all rational theologians to those great and wise men who did not enjoy the light of revelation. Her crimes were the crimes of her station; not of her heart. The terrible scenes of Ismail and of Prague appeared to her Court to be humanity itself. She needed, perhaps, only to be unfortunate to have possessed the purest virtues; but the unvaried prosperity of her arms dazzled and corrupted her. Vanity, that unfortunate rock, so fatal to every female, was her great failing; and her reign will ever bear the distinguishing characteristic of her sex.

Meanwhile, in whatever light she is considered, she will ever be placed in the first rank among those who, by their genius, their talents, and especially their success, have attracted the admiration of mankind. Her sex, giving a bolder relief to the great qualities she displayed on the throne, will place her above all the examples of real history; and the fabulous ages of an Isis and a Semiramis must be resorted to to find

a woman who has executed, or rather undertaken, such daring projects.

The ten last years of her reign carried her power, her glory, and, perhaps, her political crimes, to their height. When the great Frederick, dictator of the Kings of Europe, died, she was left the senior Sovereign, the eldest of the crowned heads of the Continent of Europe; and, if we except Joseph and Gustavus, all those heads taken together were unequal to her own; for she surpassed them as much in understanding as she exceeded them in the extent of her territories. If Frederick was the dictator of these Kings, Catherine became their tyrant. It was then that the end of that political thread by which poor Europe had been moved like a puppet, and which had escaped from France to Berlin, and from Berlin to Vienna, became fixed in the hands of a woman who drew it as she pleased. The immense Empire, an Empire almost of romance, which she had subjected to her sway; the inexhaustible resources she derived from a country and a people as yet in a state of infancy; the extreme luxury of her Court, the barbarous pomp of her nobility, the wealth and princely grandeur of her favourites, the glorious exploits of her armies, and the gigantic views of her ambition, threw Europe

into a sort of fascinating admiration; and those Monarchs, who had been too proud to pay each other even the slightest deference, found no humiliation in making a lady the arbiter of their interests, the ruling power of all their measures.

But the French Revolution, so unfriendly to sovereigns in general, was particularly so to Catherine. The blaze which suddenly emerged from the bosom of France as from the crater of a burning volcano, poured a stream of light upon Russia, vivid as that of lightning; and injustice, crimes and blood were seen where before all was grandeur, glory and virtue. Catherine trembled with fear and indignation. The French, those sweet heralds of her fame, those flattering and brilliant historians, who were one day to transmit to posterity the wonders of her reign, were suddenly transformed into so many inexorable judges, at whose aspect she shuddered. The phantoms of her imagination were dispelled. That Empire of Greece she was so desirous of reviving, those laws she would have established, that philosophy she intended to encircle, and those arts which she had patronized, became odious in her sight. As a crowned philosopher, she valued the sciences so far only as they appeared the instruments for disseminating her glory. She

wished to hold them as a dark lantern in her hand; to make use of their light as should suit her convenience; to see without being seen. But when they dazzled her all at once with their bright emanations, she wished to extinguish them. She who had been the friend and disciple of the French speculative writers,[1] now wished to be re-enveloped in the ages of barbarism, but her wishes were vain, the light was not to be resisted; if she composed herself to sleep on laurels, she awoke on the carcasses of the dead; Glory, which in illusion she embraced, was changed in her arms into one of the Furies, and the Legislatrix of the North, forgetting her own maxims and philosophy, was no longer anything more than an old sibyl. Her dastardly favourites, everywhere pointing out to her in this event, Brutuses, Jacobins, and incendiaries, succeeded in filling up the measure of her suspicions and terrors. Her delirium was

1 Upon the breaking out of the Revolution, Catherine ordered the bust of Voltaire to be taken from the gallery, and thrown among the lumber. She had requested a bust of Fox at the period when, at the head of the British Opposition, he prevented by his exertions the Government of his country from declaring war against Russia. When this same Fox, however, opposed with equal strenuousness a war with France, this bust also, which a year before she had so highly honoured, was served in the same manner as Voltaire's.

French. In this view, France may erect a statue to her memory; for she has rendered the system of the enemies of that country odious and absurd to all monarchs; and has done the Republic the same service as demagogues have by their enormities, and ministers by their intrigues.

Catherine never effectually patronized letters in the states of her Empire. It was the reign of Elizabeth that had encouraged them; and it was distinguished by many productions worthy of proving to Europe that the Russians may lay fair claim to every species of excellence.[1] Catherine, indeed, purchased a few libraries and collections of pictures, pensioned a few flatterers, flattered a few celebrated men, who might be instrumental in spreading her fame, and readily sent a medal or a snuff-box to a German writer who dedicated some hyperbolical work

---

1 The author of these Memoirs may, perhaps, one day possess the requisite materials, and the leisure and tranquillity, for exhibiting to his countrymen a view of Russian literature. They will be astonished to find how nearly, in delicacy of wit, as well as in sentiment, sprightliness, and taste, it resembles their own. The Russian theatre is particularly formed upon that of the French. Government, manners and language are the only things in which the two nations strikingly differ from each other.

to her; but it was necessary to have come from some distance to please her, and to have acquired a great name to be entitled to her suffrage, and particularly to obtain any recompense. Genius might be born at her feet without being noticed,[1] and still more without being encouraged; yet, jealous of every kind of fame, and especially of that which Frederick the *Unique* had obtained by his writings, she was desirous of becoming an author, that she might share in it. She accordingly wrote her celebrated *Instructions for a Code of Laws;* several moral tales and allegories for the education of her grand-children; and a number of dramatic pieces and proverbs, which were acted and admired at the Hermitage. Her great undertaking, of which she was so vain, of collecting a number of words from three hundred different languages, and forming them into a dictionary, was never executed.

Of all her writings, her letters to Voltaire are certainly the best. They are even more interesting than those of the old philosophical courtier himself,

1 Many architects, painters, sculptors, mechanics, and other artists of great talents, lived and died in obscurity and wretchedness, merely because they were Russians. Their names can only be found in certain topographical descriptions, or the accounts of foreign travellers, by whom more justice has been done them than by their own country.

who sold her watches and knitted stockings for her;[1] and who repeats in his letters the same ideas and compliments in a hundred different forms, and excites her continually to drive the Turks out of Europe, instead of advising her to render her own subjects free and happy. If the Code of Laws drawn up by Catherine bespeak a mind capable of enlarged views and a sound policy, her letters announce the wit, graces, and talents of a woman of still greater merit, and lead us to regret the means by which she obtained the acquisition of her power.

When she published her Instructions,[2] all Europe resounded with her applause, and bestowed upon her already the title of Legislatrix of the North. Catherine ordered deputies to be assembled from the different nations of her vast empire; but it was only that they might hear this celebrated performance read, and that

---

1 This he says himself in one of his letters to her.

2 It is known that her Instructions for a Code came under the *index expurgatorius*, and was prohibited in France. Catherine and Voltaire joined in railing at this proceeding. Who would have thought that, twenty years after, all French publications whatever would be proscribed in Russia, and that a lieutenant of police of the very same Catherine would confiscate at St. Petersburg, in the shop of Gay, the bookseller, *L'Avis au Peuple, par Tissot*, "Tissot's Advice to the People"; alleging that the people wanted no advice, and that it was a dangerous book?

she might receive their compliments; for as soon as this was done, they were all sent back to their distant homes, some in disgrace for their firmness, others decorated with medals for their servility. The manuscript was deposited in a magnificent case, to be exhibited to the curiosity of strangers. A sort of committee was nominated to reduce these laws into form; and if a favourite or minister had any dependent for whom he wished to provide, or any buffoon whom he wanted to maintain free of expense, he was appointed a member of this committee, whence he derived a salary.[1] Yet all Europe vociferated that Russia had laws, because Catherine had written a preface to a Code, and had subjected a hundred different people to the same system of slavery.[2]

Among the dramatical pieces that were composed

---

1 The author of these Memoirs knew, among other personages, one Mitrophanus Popof, a buffoon, bigot, and interpreter of dreams to a lady of the Court, who was a member of this committee; he had never heard of the Instructions for a Code, and was unable to read it.

2 The Instructions for a Code is so literally taken from Montesquieu and Beccaria, that M. F—— de B——, who undertook to translate it, thought he could not do better than copy the text of these celebrated writers. The curious may be satisfied of this fact by examining the translation, which was printed for Grasset, at Lausanne. I had my information from this respectable man himself.

by her,[1] and which she caused to be acted in the theatres of St. Petersburg, one was of a new kind; it was neither tragedy, nor comedy, nor opera, nor play, but an assemblage of all sorts of scenes, and entitled *Oleg* (a historical representation). Upon the celebration of the last peace with the Turks, it was got up by her direction with extraordinary pomp and the most magnificent decorations, and upwards of seven hundred performers appeared upon the stage. The subject is wholly taken from Russian history, and comprises an entire epoch. In the first act, Oleg lays the foundation of Moscow. In the second, he is at Kief, where he marries his pupil, Igor, and settles him on the throne. The ancient ceremonies observed upon the marriage of the Tzars, gave an opportunity of introducing some amusing scenes, and the national dances and sports which are exhibited, furnish many charming pictures. Oleg then sets out upon an expedition against the Turks; we see him file off with

---

1 They are written in Russ. M. Derjavin, secretary to the Empress, and known by some other works, was considered as the maker, or at least the mender of them. It is certain, however, that she never had about her a man capable of writing her letters to Voltaire in French. Odart and Aubri, her secretaries at the time, did not write so well as herself. She was unquestionably the author.

his army, and embark. In the third act, he is at Constantinople. The Emperor Leof, obliged to sign a truce, receives this barbarian hero with the greatest magnificence. He is seen feasting at his table, while some troops of young Greeks, boys and girls, sing a chorus to his praise, and exhibit before him the ancient dances of Greece. The next scenic decoration represents the hippodrome, where Oleg is entertained with the spectacle of the Olympic games. Another theatre is then erected at the bottom of the stage, and some scenes from Euripides are played before the Court. At length Oleg takes leave of the Emperor, fastening his shield to a pillar in testimony of his visit, and to invite his successors to return one day to Constantinople, in imitation of his example.

The piece is truly Russian, and particularly emblematical of the character of Catherine; her favourite projects are represented in it, and the design of subjugating Turkey is alluded to, even when celebrating a peace with that country. Properly speaking, the performance is nothing more than a magic lantern, exhibiting different objects in succession to the eyes of the beholder; but to me such exhibitions, in which the great events of history are introduced as in a picture on the stage, are more interesting than the

strainings of the throat of our opera singers, and the amorous intrigues of some of our tragedies.

Catherine was neither fond of poetry nor of music, and she often confessed it. She could not endure the noise of the orchestra between the acts of a play, and she commonly silenced it. This defect of taste and feeling in a woman who appeared in other respects so happily constituted, is astonishing, yet may serve to explain how, with so extraordinary a capacity and genius, she could become so obdurate and sanguinary. At her palace of Tauris, she constantly dined with the two pictures of the sacking of Otchakof and Ismail before her eyes, in which Casanova has represented, with a most hideous accuracy, the blood flowing in streams, the limbs torn from the bodies and still palpitating, the demoniac fury of the murderers, and the convulsive agonies of the murdered. It was upon these scenes of horror that her attention and imagination were fixed while Gasparini and Mandini displayed their vocal powers, or Sarti conducted a concert in her presence.

This same Empress, who wrote plays herself, who admired Ségur for his wit and heard him sometimes repeat his verses, who had the most ridiculous farces played before her by her old courtiers, and particularly

by Count Stackelberg[1] and the Austrian minister,[2] recalled and disgraced one of her own ministers, because he wrote his despatches facetiously, made pleasant French verses, had composed a tragedy, and was desirous of illustrating the genius of his country by publishing historical eulogies of the great men of Russia. This was Prince Beloselsky, envoy at the

---

1 In the little societies of Catherine, all sorts of frolics and gambols were played. The old gouty courtiers were seen making their whimsical efforts to frisk and caper; and the Grand Duke Constantine one day actually broke the arm of the feeble Count Stackelberg, by rudely jostling against him, and throwing him down. Heretofore, Ségur had acted a part in those societies unworthy of his rank and understanding. Among the verses he wrote in compliment to the Empress, the following, which are the epitaph of a dog, have often been cited, and merit to be preserved. They are in the true spirit of French gallantry:—

Pour prix de sa fidélité,
Le ciel, témoin de sa tendresse,
Lui devoit l'immortalité,
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maîtresse

Her fond fidelity Heav'n saw, and priz'd,
And to reward her tenderness bestow'd
The precious gift to live immortaliz'd,
Enjoying still her mistress's abode.

2 No ambassador, perhaps, was ever so long at a Court, and upon such good terms, as Cobentzel at the Court of Russia. He had been sent originally by Maria Theresa, and was afterwards confirmed in his office by all her successors. He was of a mean and unwieldy figure, but had a considerable share of wit, and of that peculiar sort in particular that is pleasing to women. He was for ten years the assiduous admirer of the charming Princess Dolgoruka, and Catherine delighted in his society. He

Court of Turin, a man of taste and merit, who had expended a fortune in patronizing the arts, and much of his time in cultivating them himself.[1]

If we except the travels of the celebrated Pallas, the historical researches of the industrious Müller, and some other works upon natural history, no literary production worthy of being noticed has distinguished Russia during the reign of Catherine.[2] Natural history

---

had a rage for theatricals, and accordingly plays were often got up at his house, in which he acted a part, and acquitted himself well. At the age of nearly sixty, he was absurd enough to take regular lessons in singing; and often, when a courier arrived with some important intelligence from Vienna—some defeat, perhaps—he was found before his mirror, practising his part, disguised as the Countess of Escarbagnas, of Croupillac, &c. The unfavourable despatches which he was continually receiving during the war, did not interrupt the entertainments, balls and plays that were regularly given at his house. When news arrived of a French victory, it was jestingly said, "Well, well, we shall have a ball on Saturday at the ambassador's." Catherine, enraged at this dramatic mania, one day said, "You will find that he reserves his best piece for the news of the entrance of the French into Vienna."

1 He is known by several poetical productions, and particularly by an "Epistle to the French," in which he appears to be a Frenchman himself; and Voltaire wrote him a very flattering letter, and paid him the same compliment which he had paid before to the celebrated author of the "Epistle to Ninon."

2 It is the same Müller who wrote so judicious a critique of the pretended History of Peter I., and of whom Voltaire said, "He is a German: I wish him more wit, and fewer consonants." Voltaire was astonished that the Russians should pretend to

and mathematics are the only sciences which the Russians have contributed in some measure to advance; and even those, however trifling, have been by the help of Germans[1]; yet no country is so fortunately situated for rendering the sciences the most essential services. Natural and ancient history might expect from her the most astonishing discoveries. The ruins of twenty cities attest that Tartary and Mongolia were once inhabited by polished nations, and the monuments which are still being discovered would have realized the sublime conceptions of Buffon and Bailli. Whole libraries have been discovered under the ruins

know their own names, and the names of their towns, better than the dictionary of Martiniene, and should complain at seeing them crippled. He persisted in writing Roumanou, Schouvalou, &c., instead of Romanof and Schuvalof. He would never write the Russian names as they were pronounced; yet, to show us that he was acquainted with a single Chinese one, he had often the affectation to write Confutzée where we should say Confucius.

1 Many celebrated men of letters in Germany, as Klinger for instance, who has a bold and caustic mind, and Kotzebue, a dramatic author whose plagiarisms often disgrace his talents, wrote in Russia; but they took care, particularly the former, how they published their works in that country. Kotzebue, however, deserved to be pardoned, for his good performances, for the sake of his "Langhans," a bad imitation of "Candide," and his translation of the works of Derjavin, and his flight to Paris. The topographical and statistical works of the elegant Storch would also have merited an exception, had he dared to publish them as they were written.

of Ablai-Kitt, and amid the ruinous heaps that skirt the Irtish. Thousands of manuscripts in unknown languages, and many others in the language of the Chinese, the Kalmucs, and the Mantschoux, are perishing in the mouldy, deserted cabinets of the academy: had they remained under the ruins till a government or people less barbarous had brought them to light, they would have been better preserved.

The best history of Russia is certainly that of Lévêque. Catherine detested this work as much as she did that of the Abbé Chappe; and she bestowed the most extraordinary pains, scrutinising the ancient chronicles that she might discover in this estimable historian some blunders and mistakes: because he had the courage (it is now twenty years ago) to point out the murderer of Peter III. and of Ivan. In other respects, Lévêque has merited the thanks of the Russian nation; for he is the only writer who, by his talents, labour and perseverance, has succeeded in rendering a history, so disgusting and detached as is that of Russia till the reign of Peter I., in some degree interesting to foreigners.[1] But who will one

1 Those who would attempt to surpass him, instead of badly criticising his work as Leclerc has done, should reside ten years in Russia, learning the language, studying the manners, consulting

day worthily write the history of Catherine?[1] In our days, history has hitherto been a collection only of chosen events, artfully wrought up so as to give relief to a few individuals, and form a picture that shall be striking to the eye. Facts that admit of no dispute are pearls and garnets, which the historian selects at his pleasure, and threads on a black string or a white, as shall best suit the complexion of his work; truth never appears but when it is convenient. Even the author of the History of Charles XII., of Peter I., and of the Age of Louis XIV. was of opinion that it was of greater importance to say things useful than things that are true, as if what was false could ever be useful! And in a letter to Count Schuvalof, he

---

the ancient annals of the country, the histories of Talischef, of Prince Scherbatof, and especially the immense materials left by Müller Bachmeister, &c.

[1] This will be some Russian, and I know one or two competent to the task, but he must quit his country to write it. Meanwhile a foreigner, ignorant of persons, manners and places may collect, recorder some historical traits, give them a form half-true, half-fabulous, and call his work a "History of Catherine II." But this will be no history. Were the Emperor of China the subject, such accounts might satisfy me. However, the anonymous author, to whom I allude, has obtained, respecting certain goods, some good materials; but if those from whom he received them had read the work before it was printed, fewer errors, as of persons, places and dates, would be found in it.

says, "Waiting till I have *leisure to methodize the terrible event of the death of the Tzarevitch*, I have begun another work." Is this the language of a historian and philosopher? Alas! if you have not the courage to assert the truth, why do you not abandon the pen of history? It is in a tragedy only, or an epic poem, that the license can be pardoned, of *arranging a terrible event*. The end of history is not to celebrate an individual, but to instruct the people, and give a lesson to governments.

Previous to the death of Catherine, the monuments of her reign resembled already so many wrecks and dilapidations: codes, colonies, education, establishments, manufactories, edifices, hospitals,[1] canals, towns, fortresses, everything had been begun, and everything given up before it was finished. As soon as a project entered her head, all preceding ones gave place, and her thoughts were fixed on that alone, till a new idea arose to draw off her attention. She abandoned her

---

1 One hospital, however, founded by Catherine, deserves to be mentioned as a chacteristic establishment. It is destined for the reception of fifty ladies infected with a certain disease. No question is asked, either as to the name or quality of those who present themselves, and they are treated with equal care, respect, and discretion. This last word is even marked on the linen appointed for their use.

code to drive the Turks out of Europe. After the glorious peace of Kaïnardgi, she appeared for awhile to attend to the interior administration of her affairs, but all was presently forgotten, that she might be Queen of Tauris. Her next project was the re-establishment of the throne of Constantine: to which succeeded that of humbling and punishing the King of Sweden. Afterwards the invasion of Poland became her ruling passion; and so imperiously did it fascinate her, that a second Pugatshef might have arrived at the gates of St. Petersburg without inducing her to relinquish her hold. She died, still meditating the destruction of Sweden, the ruin of Prussia, and mortified at the success of French republicanism. Thus was she incessantly led away by some new passion still stronger in its influence than the preceding one, and thus neglected her government, both in its whole and its parts.

Medals have been struck in honour of numerous buildings which have never yet been constructed; and, among others, the marble church, which, undertaken some twenty years ago, is still on the stocks. The shells of other edifices, which have never been finished, appear like so many ruins; and St. Petersburg is encumbered with the rubbish of a variety of large mansions fallen to decay before they have been inhabited. The

projectors and architects have pocketed the money; and Catherine, having the plan or medal in her cabinet, concluded the undertaking to be finished, and thought of it no more.

The St. Petersburg Almanac gives a list of upwards of two hundred and forty towns founded by Catherine —a number inferior, perhaps, to what have been destroyed by her armies; but these towns are merely so many paltry hamlets, that have changed their name and quality by an *immennoi ukase*, or supreme order of Her Imperial Majesty: some of them even are nothing more than posts driven into the ground, containing their name, and delineating their site; yet, without waiting till they shall be finished, and particularly till they shall be peopled, they figure on the map as if they were the capitals of so many provinces.[1]

1 Catherine built, at an enormous expense, near Tzarsko-selo, the town of Sophaia, the boundaries of which are immense; but the houses are already tumbling down, and have never been inhabited. If such be the lot of a town placed immediately before her eyes, what must be the fate of those cities founded by her in the remote deserts? But the most absurd town that exists is unquestionably that of Gatshina, of which Paul has the honour to be founder. These personages look upon men as storks, who are caught by placing a wheel on the top of a house, or on a belfry. But all these forced erections, from the superb Potsdam to the contemptible Gatshina, tend to prove that the real founders of cities are cultivation, commerce, and freedom.

Prince Potemkin has actually built some towns, and constructed some ports, in the Crimea. They are fine cages, but they have no birds; and such as might be allured thither would shortly die of chagrin if they had not the power of flying away. The Russian Government is subjugating and oppressive; the Russian character warlike and desolating. Tauris, since it was conquered, has become a desert.[1]

This mania of Catherine to sketch everything and complete nothing, drew from Joseph II. a very shrewd

---

1 A friend of mine, a man of learning, was travelling in Tauris, under the protection of Government, for the purpose of investigating the country. One day he arrived at the habitation of a Tartar, who led a patriarchal life, and treated him with becoming hospitality. My friend, perceiving that his host was dejected, asked him the cause of his sadness. "Alas! I have great reason," said he. "May I not be permitted to know it?"—"The Russian soldiers, who are in the neighbourhood, come every day and cut down my fruit-trees, that serve me both for shade and nourishment, to burn them; and shortly my bald head will be exposed to the burning heat of the sun."—"Why do you not complain of this treatment to their chief?"—"I have done so."—"Well?"—"He told me that I should be paid two roubles a foot for such as they had already cut down, *and the same for as many as they may cut down hereafter*. But I do not want their money. Ah! let me at least die in peace under the shadow of the trees which my fathers have planted! or if this cannot be, then must I follow my unhappy brethren, and flee my country, as they have been compelled to do before me." And the tears trickled down the beard of this venerable patriarch.

and satirical remark. During his travels in Tauris, he was invited by her to place the second stone of a town, of which she had herself, with great parade, laid the first. On his return, he said, "I have finished in a single day a very important business with the Empress of Russia: she has laid the first stone of a city, and I have laid the last."

Of all the monuments erected by her at St. Petersburg that will remain as long as they shall not be swallowed up by the swamps, are the superb quay of the Neva, and the equestrian statue of Peter I.[1] The last, however beautiful, is greatly inferior to the accounts which hyperbolical travellers have given of it. The following verse from Delille may be applied to it :—

Du haut d'un vrai rocher, sa demeure sauvage,
La nature se rit de ces rocs contrefaits.

On a wild rock Nature contemptuous sits,
And laughs to scorn these idle counterfeits.

---

1 D'Orbeil addressed some verses to Catherine, in which was the following handsome quatrain :—

C'est par tes soins que le bronze respire
Sur ce rocher de Thétis aperçu,
Et que le Tzar découvre son empire
Plus vaste encore qu'il ne l'avait conçu.

'Twas thou that bid yon rock-built statue's pride
In breathing bronze o'erlook the distant main
Surveying hence his realms extended wide,
The Tzar still wonders at his vast domain.

The idea of placing the great Tzar upon a stupendous and rugged rock, over which he had climbed, was certainly new and sublime; but it has been badly executed. The rock was brought from Finland to the banks of the Neva, with infinite labour; was twenty-one feet in height, forty in length, and covered with moss several inches thick, which must have long been accumulating. It was deprived of its wild and primitive form to give it a more regular appearance; and, what with hewing and polishing, was at last reduced in size nearly one-half, so that it is now a little rock under a great horse; and the Tzar, who ought to be surveying from it his Empire, more vast even than he had conceived, is hardly able to look into the first floor of the neighbouring houses. By another absurdity, Peter appears in the long Russian coat, which he particularly disliked, and obliged his subjects to quit and to shorten. If this statue had a pedestal proportionate to its size, it would be an admirable performance.

A picture of St. Petersburg and its manners under the reign of Catherine, written in the spirit of the "Picture of Paris," by the penetrating Mercier, would be a most interesting performance. But this, like all works of genius, has produced none but bad imita-

, from the complete and perfect description of

Berlin by Nicolai, to that which a Professor Georgi has given to St. Petersburg: they are all, too, as poor in ideas, and as destitute of utility, as they are replete with minuteness and detail. Count Anhalt has given in the same way a description of the Imperial House of the Cadets, of which he was director-general, in which he tells us how many staircases, stairs, windows, doors and chimneys there are in this immense building. This may do well for a person desirous to contract for the cleaning of this edifice; but what instruction does it convey to the public?[1]

M. Storch, an industrious and well-informed young man, a Livonian, has published a work, under the title of a "Picture of St. Petersburg," which ought not to be confounded with the insignificant ones of which I have been speaking; but it resembles St. Petersburg as the portrait of Lampi resembled Catherine: it is too much in the Chinese mode, and without shadings, as he himself presented it. Storch, however, only wanted one

1 This description of St. Petersburg is even erroneous in its details. The author of these Memoirs has the honour of being mentioned in it among the literary characters then resident in the city; but, by a strange confusion of names, titles and works, General Melissino, Major M—— and his brother are made one and the same personage; yet the writer was actually at St. Petersburg, and knew these men. After this, what faith can be placed in descriptions?

Hollanders and Asiatics, all conversing in their own dialect.

In St. Petersburg, the Germans are artists and mechanics, particularly tailors and shoemakers; the English, saddlers and merchants; the Italians, architects, singers and vendors of images; but it is difficult to say what the French are. The greater part change their occupation every year: one arrives a lackey, is made *outshitel* (a tutor), and becomes a counsellor; others have been seen actors, managers, shopkeepers, musicians and officers in turn. There is no place so convenient as St. Petersburg for observing how inconstant, enterprising, ingenious and adapted for everything is the French character.

To ascertain the manners and customs of each nation distinctly, you must see them in their houses —in the street they all appear like Russians. The French play off their witticisms, sup gaily, and sing some old ballads of their country, which they have not forgotten; the English dine at five o'clock, drink punch and talk of commerce; the Italians practise music, dance, make grimaces and gestures, and the subjects of their conversation are the theatres and the arts; in the houses of the Germans you talk of science, smoke, dispute, eat heartily, and more than

body and his mind. Of balls and entertainments there is an infinite succession; and every day he is probably invited to some feast where he finds in a spacious house *chefs-d'œuvre* of all the arts, and the productions of every country brought together; and frequently, even in the midst of winter, the gardens, the fruits and flowers of spring.

Tzarsko-selo is an immense and dreary palace, begun by Anne, finished by Elizabeth, inhabited by Catherine and forsaken by Paul. Its situation is a swamp, the country around it a desert, and the gardens are dull and wearisome. The monuments with which it has been adorned by Catherine, like the buildings at St. Petersburg, are so many emblems of her character. By the side of obelisks, rostral columns and triumphal arches, erected to the Orlofs, Romanzofs and Russian warriors, who subjected the Archipelago, and for a moment reconquered Macedon, are seen tombs consecrated to some of her favourite dogs; and not far from these is the mausoleum erected to the amiable Lanskoï, the most beloved of her favourites and the only one whom death tore from her embraces. These are records certainly of very different services most familiarly placed together.

Are we, from this, to imagine that a dog, a lover, and a hero, were of equal importance in the eyes of the imperial Catherine? These monuments, however, will shortly disappear in the dreary swamps which serve for their foundation.

The Egyptians, who obliged the people they conquered to labour, and the Romans, who stripped every nation to embellish Rome, executed some immense works. The free Greeks distinguished themselves by the taste and elegance, rather than the magnitude, of their buildings; and Russia was lately the only state that could undertake those astonishing edifices which we so much admire in antiquity; because in Russia the men are slaves, and, as in Egypt, cost only a few onions. It is for this reason we see in Moscow and St. Petersburg such gigantic edifices. Meanwhile, there is not so much as a road to unite these two capitals, which are only distant about two hundred leagues from each other. This, also, was one of the abortive projects of Catherine; for the road she began is an incumbrance, and renders travelling still more tiresome and impracticable than before. But Catherine preferred expending two or three millions of roubles in building a gloomy marble palace for her favourite to the forming a road.

This latter was too common an undertaking for her genius.[1]

O Catherine! dazzled by thy greatness, of which I have had a near view, charmed with thy beneficence, which rendered so many individuals happy, seduced by the thousand amiable qualities that have been admired in thee, I would fain have erected a monument to thy glory; but torrents of blood flow in upon me and inundate my design; the chains of thirty millions of slaves ring in my ears, and deafen me; the crimes which have reigned in thy name call forth my indignation. I throw away my pen and exclaim, "Let there be henceforth no glory without virtue! Let injustice and depravity be transmitted with no other laurels to posterity than the snakes of Nemesis!"

---

1 Paul, so far from finishing the most useful of those labours begun by his mother, as the quays, canals and high roads, has built, in his turn, churches and palaces, though there were already more than enough of both in St. Petersburg. But the monuments he has erected in greatest number, are houses for military exercise, barracks, guard-houses, and particularly sentry-boxes. Happily, however, all these constructions are of wood, and will hardly outlast their founder

CHAPTER III

OF THE FAVOURITES

Their office made a distinct place at Court—The Empress's generosity on this point—Installation of Zubof—List of the twelve who enjoyed in succession the title of Favourite—Little Hermitage—Little Society.

ELIZABETH of England, Mary of Scotland, Christina of Sweden, all the Empresses of Russia, and most women who have been their own mistresses, have had favourites, or lovers. To consider this as a crime might be thought too rigid and ungallant. Catherine II. alone, however, availed herself of her power to exhibit to the world an example, of which there is to be found no model, by making the office of favourite a place at Court, with an apartment, salary, honours prerogatives, and, above all, its peculiar functions; and of all places there was not one the duties of which were so scrupulously fulfilled—a short absence, a temporary sickness, of the person by whom it was

occupied, was sometimes sufficient to occasion his removal. Nor, perhaps, was there any post in which the Empress displayed more choice and discernment: I believe no instance occurred of its having been filled by a person incapable of it; and, except the interregnum between Lanskoï and Yermolof, it was never twenty-four hours vacant.

Twelve favourites succeeded each other in this place, which became the first of the State. Several of these favourites, confining themselves to the principal duty it presented, and having little merit except the performing that duty well, had scarcely any influence except within the immediate sphere of their peculiar department. Some, however, displayed ambition, audacity, and, above all, self-sufficiency; obtained vast influence, and preserved an ascendancy over the mind of Catherine after having lost her heart; while others continued to retain her friendship and gratitude, and, when dismissed from their personal attendance on the Empress, were thought worthy of serving the Empire in public offices.

It is a very remarkable feature in the character of Catherine, that none of her favourites incurred her hatred or her vengeance, though several of them offended her, and their quitting their office did not

legend on herself. No one was ever seen to be punished, no one to be persecuted. Those whom she discarded went into foreign countries to display her presents and dissipate her treasures, after which they returned to enjoy her liberalities with tranquillity in the bosom of their country, though their terrible mistress could have crushed them in a moment. In this respect Catherine certainly appears superior to all other women. Was it greatness of mind or defect of passion? Perhaps she never knew love; perhaps she still respected in her lovers the favours with which she had honoured them.

Schikof, Orlof and Lanskoi, were all of whom she was deprived by death; the rest surviving her love, though they might have exposed her weaknesses, still possessed in quiet places or wealth, which rendered them objects of envy to the whole Empire. She contented herself with dismissing Korsakof, whom she surprised, even in her own apartments, with one of her maids-of-honour; and she resigned Momonof to a young rival. Assuredly these are very extraordinary features, and very rare in a woman, a lover, an Empress. This great and generous conduct is far removed from that of an Elizabeth of England, who cut off the heads of her favourites and her rivals;

and from a Christina of Sweden, who caused one of her lovers to be assassinated in her presence.

But Catherine, with all the genius and understanding which she evinced, notwithstanding the exterior decency she affected, must have thoroughly known and despised the Russians, since she ventured so frequently to place by her side young men taken from the people, and hold them up to receive the respect and homage of the whole nation, without any other title to this distinction than one for which she ought to have blushed. It will be sufficient to relate how Zubof, her last favourite, was installed, to show my indignant readers in what manner these affairs were managed.

Plato[1] Zubof was a young lieutenant in the horse-guards, patronized by Nicholas Soltikof, to whom he was a distant relation, and to whom my friend, who furnished me with part of these Memoirs, was at that time aide-de-camp. In this post he frequently found himself by the side of Zubof, and even sought this advantage at table. Zubof spoke French fluently, he had had some education, was of a polite and pliant disposition, could converse a little on literary subjects,

1 This name led the courtiers to say, that Catherine ended with Platonic love.

and had learned music. He was of a middle size, but supple, muscular and well made. He had a high and intelligent forehead, and fine eyes, and his countenance had not that air of coldness and severity, mixed with vanity, which it afterwards assumed. When the Empress went to Tzarsko-selo in the spring of 1789, he solicited from his patron the favour of being appointed to command the detachment that attended her, and, having obtained it, dined with Catherine. The Court had scarcely arrived when the rupture with Momonof took place. This favourite was married and dismissed. Zubof was the only young officer in sight; and it appears that he was indebted rather to this fortunate circumstance than to the deliberate choice of Catherine, for the preference he obtained. Potemkin being absent, Nicholas Soltikof, at that time in high credit, introduced and served the young Zubof with so much the more zeal, hoping to find in him a protector against the haughty Potemkin, whom he heartily disliked. After some secret conferences in presence of the Mentor,[1] Zubof was approved, and sent for *more ample information* to Miss Protasof and the Empress's physician.[2] The account they gave

1 He was governor to the Grand Dukes, and minister of war.

2 Miss Protasof was called *l'éprouveuse*, from her functions. The physician to the Empress was Mr. Rogerson.

must have been favourable, for he was named aide-de-camp to the Empress, received a present of a hundred thousand roubles (£20,000) to furnish himself with linen, and was installed in the apartment of the favourites, with all the customary advantages. The next day, this young man was seen familiarly offering his arm to his Sovereign, equipped in his new uniform, with a large hat and feather on his head, attended by his patron and the great men of the Empire, who walked behind him with their hats off, though the day before he had danced attendance in their ante-chambers.

In the evening, after her card-party was over, Catherine was seen to dismiss her Court, and retire, accompanied only by her favourite.

Next day the ante-chambers of the new idol were filled with aged generals and ministers of long service, all of whom bent the knee before him. He was a genius discerned by the piercing eye of Catherine; the treasures of the Empire were lavished on him, and the conduct of the Empress was sanctioned by the meanness and shameful assiduities of her courtiers.[1]

---

1 Zubof, being one day hunting, stopped, with his suite, on the road from St. Petersburg to Tzarsko-selo. The courtiers who were going to Court, the couriers, the post, all carriages, and all

Perhaps the reader may have some curiosity to peruse a list of those who enjoyed the title of favourite to Catherine, and who reigned over Russia more or less in the name of their august lover.

1.—Sergius Soltikof.

It is whispered that he received Catherine's first favours when she was only Grand Duchess, a happiness said to have been denied by nature to the unfortunate Peter III. Soltikof, beloved and happy, grew indiscreet, and excited jealousy. Elizabeth civilly banished him from Court, and he died in exile.[1]

2.—Stanislaus Poniatofsky

Soon occasioned him to be forgotten. He was at that time Polish envoy at St. Petersburg. Handsome, gallant, and lively, he engaged the affections of the young Catherine. Peter III. sometimes interrupted them, though he was little addicted to jealousy, and preferred his pipe, his bottle, his soldiers, and his mistress to

---

the peasants were stopped. No one dared pass till the young man thought proper to quit the road, and he stayed on it more than an hour, waiting for his game.

1 Soltikof had all the wit, agreeableness, and vanity of a young Russian nobleman. He was the only one of Catherine's favourites that she selected from a powerful family. Her heart was not at that time guided by her politics.

his lovely wife. It is well known that Catherine, when seated on the imperial throne, rewarded her lover with the Crown of Poland. His disastrous reign evinced that Love, when it bestows a crown, is as blind as favour when it distributes places and honours. Stanislaus was the most amiable of men, but the weakest of kings. How was it possible that so pusillanimous a being should for a moment have gained the esteem of Europe? Yet by whom was he not admired? How contradictory was his conduct, compared with his sentiments and his language! At the last Diet, the generous Nuncio, Kamar, said to him, publicly, on perceiving him waver, "What, Sire! are you no longer the same who said to us, when signing the constitution of the 3rd of May, 'May my hand perish rather than it should subscribe anything contrary to this?' All Europe charges you with being Catherine's King; justify her, at least, for having put the sceptre into your hand, by showing that you are capable of wielding it."[1] Yet, but a few

1 This brave Pole was interrupted in the midst of this spirited speech, and carried off by the Russian satellites, Rothenfeld and Pistor, worthy followers of the barbarous Kretschetmikof and Kakofsky. Heavens! what names! They who bore them were still more rugged; yet these were the two men who conquered Poland in one campaign, and overturned the constitution of the 3rd of May, which all the nation seemed to defend.

go and die at St. Petersburg in a state of humiliation.[1]

Of all the favourites of Catherine, Stanislaus was the only one whom she took pleasure in humbling, after having exalted. Loyalty and patriotism, which appeared for an instant to contend with gratitude and submission in the heart of the King, were crimes in the eye of the haughty Tzarina. She was indulgent in love, but implacable in politics; ambition was her ruling passion, yet she always made the lover subservient to the Empress.

3.—Gregory Orlof,

Who enjoyed such long and distinguished favour, and whose history is so intimately connected with that of Catherine, seemed to share with her the throne on which he had placed her.[2] He enjoyed all the power

---

1 One Court day, after the accession of the present Emperor, Stanislaus, who was in his train, bending under age and fatigue, was obliged to sit down in a corner while three or four hundred courtiers were kissing the hand of Paul. The Emperor, perceiving that the old King had seated himself during this ceremony, sent an aide-de-camp to him, to order him to keep on his legs.

2 If no mention be made of the revolution of 1762 in these Memoirs, it is because Europe is made sufficiently acquainted with it by the history left by Rhulières, which agrees in every point with what is universally known and believed at present. I have repeatedly

chambre, educated as her nieces, are likewise reputed to be Catherine's daughters, by Orlof. It was for this celebrated favourite she erected the gloomy marble palace, the inscription on which informed all the world that it was erected by grateful friendship. In honour of him likewise she ordered a large medal to be struck, on occasion of the journey he took to Moscow to re-establish order, and being particularly instrumental in stopping the dreadful ravages of the plague. On this medal he is represented as Curtius, leaping into the gulf, with this inscription: "Russia, too, can boast such sons." The palace of Gatshina, now inhabited by Paul, is another monument to Prince Orlof. Twelve years' intimacy, added to the haughtiness of this lover, at length wearied his Sovereign, now firmly established on the throne; and, after a long contest, Potemkin bore off the laurel. The triumph of his rival, and the inconstancy of Catherine, whom he openly accused of ingratitude, had such an effect on him that his health was destroyed, his mind deranged, and the once proud, powerful, and magnificent Orlof died in the most horrible state of insanity and human infirmity.[1]

---

1 Many assert that Potemkin poisoned him with a herb, which possesses the quality of turning the brain, and which the Russians call *piannaïa trava*, "drunkard's plant."

er as his glory. These two great characters seemed ormed for each other. Their affection was mutual, and vhen they ceased to love they still continued to esteem ach other. Politics and ambition united them when Love had dissolved his bands.

I leave to travellers the office of describing the omp of his entertainments, the laborious luxury of his ouse, and the value of his diamonds; and to German cribblers to relate how many bank-notes he had bound ip as books in his library, and what he paid for the herries, a plate of which he was accustomed to present very New Year's Day to his august Sovereign; or he cost of his sturgeon soup, which was his favourite lish; or how many hundred miles he would send a courier for a melon or a nosegay, to present to one of his mistresses.[1] They who wish to see a characteristic

1 Potemkin had in his suite an officer of high rank, named Bauer, whom he sent sometimes to Paris for a dancer, then to Astrakan for a water-melon; now to Poland, to carry orders to his lenants; to St. Petersburg, to carry news to Catherine; or to the Crimea, to gather grapes. This officer, who thus spent his life travelling post, requested an epitaph to be ready for him in case he should break his neck, and one of his friends gave him the following:

"Cy git Bauer sous ce rocher:
Fouette, cocher!"

"Here Bauer lies, beneath this stone:
Coachman, drive on!"

portrait of him may find one, drawn in a superior manner, in the work entitled, "Histoire de Catherine II."; as the particulars of Potemkin's life would carry me too far. Besides, one of my friends, who attended him in his campaigns, is at present employed on the subject, and is more capable of satisfying the curiosity of the public respecting this extraordinary man.

He created, destroyed, or confused, yet animated everything. When absent, he alone was the subject of conversation; when present, he engaged every eye. The nobles, who detested him, and who made some figure when he was with the army, seemed at his sight to sink into insignificance, and to be annihilated before him. The Prince de Ligne, who was his tale-bearer and flatterer,[1] said, "There is something barbarously romantic in his character"; and he spoke the truth. His death left an immense void in the Empire, and that death was as extraordinary as his life. He had spent nearly a year at St. Petersburg, indulging in

---

1 He told him, in one of his letters, which the Prince's vanity induced him to make no secret, "Your august and amiable Sovereign is inclined to give me more marks of gallantry than Louis XV. was to all his courtiers together." The surmise, however, was wrong. The Duke de la Feuillade erected a superb statue to Louis at his own expense. Potemkin never paid Catherine a compliment equal to this.

kinds of pleasure, and even debauchery, forgetting his glory, and displaying his wealth and influence with insulting pomp. He received the greatest men of the Empire as footmen, scarcely deigned to notice the Grand Duke, and sometimes entered Catherine's apartments with his legs bare, his hair about his ears, and in a morning gown. Old Marshal Repnin availed himself of his absence from the army to beat the Turks, and force them to demand peace, doing more in two months than Potemkin had done in three years. The latter, who wished still to prolong the war, was roused at the news, and set off;[1] but he carried death in his veins. On his arrival at Jassy, where his headquarters had long been established, or, to speak more properly, his capital and his Court, he was gloomy, melancholy, consumed with vexation, and impatient under his disease. He determined to wrestle with it, and over-

1 His interview with Repnin was an amusing scene. "You little Martinist priest,"* said he, "how dared you undertake so many things in my absence? Who gave thee any such orders?" Repnin, enraged at this speech, and emboldened by success, dared for once behave to him with firmness. "I have served my country," he answered; "my head is not at thy disposal, and thou art a devil whom I defy." Saying this, he went out of the room in a rage, shutting the door on Potemkin, who followed him with his clenched fist. The two heroes of Russia were within an ace of getting at loggerheads with each other.

* Repnin was a zealous Martinist.

cause it by his iron constitution; he laughed at his physicians, and ate salt meat and raw turnips. His disease grew worse; he would be conveyed to Otchakof, his beloved conquest, but he had scarcely advanced a few miles before the air of his carriage seemed to stifle him. His cloak was spread by the roadside; he was laid on it, and there expired in the arms of his niece, Branicki, who accompanied him. Catherine fainted three times when she heard of his death. It was necessary to bleed her; she was thought to be dying. She expressed almost as much grief as at the death of Lanskoi: but it was not the lover she regretted, it was the friend, whose genius was assimilated with her own, whom she considered as the support of her throne, and the executor of her vast projects. Catherine, holding a usurped sceptre, was a woman, and timid; she was accustomed to behold in Potemkin a protector, whose fortune and glory were intimately connected with her own. She appeared to feel herself again a stranger; she began to fear her son, and now took for her support her grandson, Alexander, who was just rising out of infancy, with intent to oppose him to his father.

What a contrast, what a lesson, does the death of the three greatest personages in Russia offer!

Orlof, who reigned twelve years by the side of Catherine, died in a state of wretched insanity. Potemkin, the powerful, the magnificent Potemkin, the founder of so many palaces and cities, the conqueror of a kingdom, expired on the roadside; and Catherine herself fell down in her water-closet, and died on the floor with a lamentable shriek!

The wealth of Potemkin has been exaggerated; it was far short of that of Mentchikof, and still less of what the unworthy Biren amassed. Even the last favourite possessed more. It is true Potemkin had immediate access to the treasury of the State; but he also spent a great deal for the State, and showed himself as much Grand Prince of Russia as favourite of Catherine. Zubof had equal command over the public treasury, and never expended a rouble for the public.

Potemkin was distinguished from all his colleagues in not losing the confidence of the Empress when he no longer possessed her heart. Ambition succeeded love in his breast, and he still retained all his influence, insomuch that every succeeding favourite was appointed by him, and remained subordinate to him.

6.—Zavadofsky

Was the man whom Potemkin presented to Catherine,

to succeed in fulfilling the office of private favourite. He was young, vigorous, and well made; but Catherine's inclination for him was soon at an end. He had been secretary; his disgrace made no noise; he continued to be employed in the affairs of the Cabinet, and was made a privy counsellor.

7.—Zoritch,

On whom the inconstant Catherine next cast her eye, is the only foreigner whom she ventured to create favourite during her reign. He was a *Servian*, who had been taken prisoner by the Turks, and made his escape from Constantinople, where he was confined as a slave. He appeared at Court for the first time in the dress of a hussar. His beauty dazzled every eye, and the old ladies in Russia still speak of him as an Adonis. Protected at first by Potemkin, he was desirous of shaking off his yoke, quarrelled with him, and challenged him to fight a duel. His mind was not sufficiently cultivated to captivate that of Catherine, who dismissed him at the end of twelve months, loaded with favours. He obtained the town of Schklof, which was erected into a kind of sovereignty for him, an instance singular of its kind in Russia. There he lives as a prince, holding a Court, and

receiving strangers. If he be enriched with the spoils of the State, he returns part of them to it very nobly. He has founded at Schklof a corps of cadets, where two hundred young officers are educated at his expense. Notwithstanding these occupations, and the gaming, theatrical exhibitions, and other amusements in which he engages, and by which he ruins himself, he is tired of his principality. Some years ago he is said to have solicited permission to make his appearance again; it was not granted. Paul, however, has just called him to Court.

8.—Korsakof,

A sort of Russian fop, was raised to the rank of favourite from that of sergeant in the guards at the palace, where Catherine noticed him. He was either faithless or ungrateful. Catherine herself surprised him in the arms of the handsome Countess Bruce, her maid-of-honour and confidant. Struck with astonishment, she withdrew, and would never again see her lover or her friend. This was the only vengeance she exercised against them.

9.—Lanskoï,

One of the horse-guards, had obtained some reputa-

tion.[1] He was soon the most beloved of Catherine's lovers, and appeared most worthy to be so. He was handsome, graceful, and accomplished, an admirer of the arts, a friend to talents, humane, and beneficent. Everyone seemed to share the Sovereign's predilection for him. Perhaps he would have acquired as much influence by the qualities of his mind, as those of his heart procured him partisans. Potemkin feared him, and, it is said, gave him poison. He died with horrible pains in his bowels. Catherine in vain lavished on him the most tender cares; her lips received his last breath. She shut herself up for several days, which she passed in all the violence of grief. She accused Heaven, would die, would cease to reign, and swore never to love again. She really loved Lanskoï, and her affliction turned into rage against the physician, who could not save him, and who was obliged to throw himself at his Sovereign's feet, and request her pardon

---

1 All the nobles who had, or thought they had, fine persons, endeavoured, on every occasion, to throw themselves in Catherine's way. Even at Court, the noble would sometimes give place to a handsome man, knowing that nothing pleased their Sovereign so well as to traverse the apartments between two rows of handsome youths. It was a situation which was eagerly sought after, and exhibited themselves to the greatest advantage; and, indeed, many families wounded their hopes on some young relation, whom they compelled to throw himself in the way of such good fortune.

for the impotence of his art. A decent and afflicted widow, she went into mourning for her lover, and, a new Artemisia, erected for him a superb mausoleum near Tzarsko-selo. She suffered more than a year to elapse before his place was again filled; but, like another Ephesian matron, she gave him an unworthy successor. This was

10.—YERMOLOF,

The least amiable, and least striking in figure of all she had chosen, who was at length to console her for the handsome, the tender Lanskoï. He displeased Potemkin, however, before he ceased to please Catherine, and the haughty Prince demanded, and obtained, the dismissal of this favourite, who did not continue two years in office.

11.—MOMONOF,

Who had disputed the place with Yermolof, succeeded to it. Momonof was amiable, and his bust was a perfect model; but he was not well made. Catherine approved and loved him, and would have done so long; but he was soon disgusted with the faded charms of a mistress of sixty.

He became enamoured of the young Princess Scherbatof, and had the courage to avow it, demand-

ing permission to marry her. Catherine had pride and generosity sufficient to grant his request, without any reproaches. She saw him married at Court to the object of his honourable attachment, and sent him to Moscow loaded with presents.

12.—Zubof.

The rise of this last favourite has been explained at the beginning of this chapter. He was not quite five-and-twenty years old, the Empress was upwards of sixty.[1] She finished by treating him as much like a child as a lover, took upon herself the care of his education, and grew more and more attached to her own work, which became her idol. Yet, even at this advanced period of her life, she was seen to revive the orgies and *lupercalia* which she had formerly celebrated with the brothers Orlof. Valerian, a younger brother of Zubof, and Peter Soltikof, their friend, were associated in office with the favourite. With these three young libertines di

1 Catherine was two years older than the almanac expresse As she was older than Peter III., Elizabeth took off these tv years when she sent for her into Russia; and there are old Ge man calendars which prove that she was born in 1727. This but an opinion, however, which several dispute, and which I ha it not in my power to verify.

Catherine, the aged Catherine, spend her days, while her armies were slaughtering the Turks, fighting with the Swedes, and ravaging Poland; while her people were groaning in wretchedness and famine, and devoured by extortioners and tyrants.

It was at this juncture she formed a more intimate society, composed of her favourites and most trusty ladies and courtiers. This society met two or three times a week, under the name of the *Little Hermitage*. The parties were frequently masked, and the greatest privacy prevailed. They danced, represented proverbs, played, joked, romped, and engaged in all sorts of frolics and gambols *(jouait à des jeux d'esprit, à des jeux de gages, et à des jeux de mains)*; in short, there was no kind of gaiety which was not permitted. Leof Narishkin acted the same part there as Roquelaure at the Court of Louis XIV.; and a fool by title, Matrona Danilofna, seconded him. This was an old gossip, whose wit consisted only in uttering the most absurd vulgarities; and, as she enjoyed the common right of fools, that of saying anything, she was loaded with presents by the lower order of courtiers. Such foreign ministers as enjoyed the favour of the Empress, were sometimes admitted to the Little Hermitage. Ségur, Cobentzel, Steding and

[illegible] nearly enjoyed his distinction; but Catherine [illegible] formed another assembly, more confined and more mysterious, which was called the *Little Court*. The three favourites of whom we have just been speaking, Branicki, Protasof, and some confidential women and *valets-de-chambre*, were its only members. In this the Cybele of the North celebrated her most secret mysteries. The particulars of these assemblies are not fit to be repeated, and the public will lose nothing worth preserving by their remaining concealed. The author has buried all his memorandums which could have afforded any information on the subject.

I might have enlarged this chapter with the names, titles, and dignities of each favourite; but they would not be worth paper and print, and do not deserve even to be mentioned. It is well known that Catherine, after having heaped upon her minions all the places, titles, and orders of knighthood of Russia, went to France to obtain for them successively patents of Count and Prince of the Holy Roman Empire. The Courts of Poland and Prussia bedaubed also the favourites of the favourites. Potemkin and Orlof were they displayed all their decorations, almost like the venders of ribands and trinkets at a fair.

Paul is more of a Russian than his mother. He is of opinion that a count or prince of the Greek Empire is superior to a count or prince of the Roman Empire. Under Catherine, the Russian kniaz was made a German prince; under Paul, the German prince is raised to the dignity of a Russian kniaz. I shall not take upon me to decide the question of precedence.

In like manner I shall pass over the gifts and presents bestowed on the favourites. I could mention only what they have received publicly as recompenses; and, however enormous the sum may appear,[1] it was not equal to the gifts lavished on them in secret. Who can calculate what the Orlofs, Potemkin, and the Zubofs received? Had they not access to the imperial treasury, without rendering any account of the sums they took from it? and were not places, rank, justice, impunity, nay, even foreign alliances, peace and war, purchased of them and of their creatures?[2]

---

1 I have a pretty accurate list; the sum is greater by one-third than that given in the book entitled "Histoire de Catherine II."

2 Valerian Zubof, a few months after he had shared with his brother the favours of Catherine, staked thirty thousand roubles—£3,000—on a single card at faro; and this young man possesses, as has been observed, part of the immense domains of the Dukes of Courland.

CHAPTER IV

ACCESSION OF PAUL

Conduct and projects of Catherine with regard to her son—He is proclaimed—His first steps as Emperor—Funera honours paid to his father and mother—Rigorous proceed ings towards the guards—The wacht-parade—Favours an disgraces—His occupations—Proscription of round ha and Russian harness—Re-establishment of etiquette—I ridiculous or cruel consequences—Change in the army, an in civil affairs—Peasants—Soldato-mania—Office of Punis ment—Finances.

One of the greatest crimes of which Catherin was guilty, was her conduct to that son in whose rig she governed Russia five-and-thirty years. In his i fancy he evinced qualities which were stifled by h ill-treatment. He had sense, activity, a disposition f the sciences, and sentiments of order and justice; b all these perished for want of being cultivated. H dislike towards him has been urged as a proof of h

being the son of Peter III., and this proof is of considerable weight. She could not bear him—kept him at a distance from her, surrounded him with spies, held him in restraint, exposed him to every kind of humiliation; and while her favourites, inferior to her son in years, governed Russia and wallowed in wealth, he lived retired, insignificant, and in want of necessaries. Thus she soured his temper and rendered him capricious and suspicious. Assuredly a mother must be highly culpable who inspires her own child with hatred and contempt. But what other sentiments could he entertain? Not satisfied with depriving him of the affection and prerogatives that he ought to have enjoyed as a son, she resolved to take from him, likewise, the rights and pleasures of a father. His wife came almost every year to lay-in at Tzarsko-selo, and left her children there in the hands of strangers. They were brought up under Catherine, without the father or mother having the least influence in their education or authority over their conduct. Latterly, they were even whole months without seeing them. Thus she sought to alienate the hearts of these children from parents whom they scarcely knew. Here, however, Paul ceases to inspire interest· here he no longer appears the timid and respectful child,

but the fearful, imbecile father. What man is ba enough not to claim the sacred rights of paternity Why had he not the spirit to say to his mothe "You have my crown, keep it; but restore me n children; leave me, at least, an enjoyment which y do not envy in your lowest slaves." He who fin not in his heart sufficient motives to hold su language, and to act conformably to it, deserves n praise as a respectful son, but rather blame as thoughtless, unfeeling father.[1]

Death took Catherine by surprise. It is evide to those who were acquainted with her Court a the unfortunate estrangement between the mother a son, that she entertained a wish to have anoth successor. The dread of reflecting on the end of h days, and on that of her reign, which she feared st more, with the death of Potemkin,[2] prevented her fro accomplishing this project while she had time for or from confirming it by a will. The youth of t

1 The Duke of Würtemberg, brother to the present Empre acted in a more becoming manner. Catherine being desirous taking charge of his children, he declared that he would rat die than give them up. She durst not venture to proceed extremities, and he took them with him out of the country.

2 Many have supposed that she entertained a design of mak Potemkin King of Taurica, in order to have his support in d inheriting Paul and proclaiming Alexander Tzarevitch.

Grand Duke Alexander, and, still more, the goodness of his head and heart, were afterwards obstacles to the execution of her design. Her predilection for the young Prince, however—worthy, no doubt, of a purer source—was very striking; and her private conferences with him began to be frequent and mysterious. Perhaps she might in time have succeeded in endeavours to stifle in him the voice of nature, have corrupted his understanding and his morals, and driven him imperceptibly to act a detestable part towards his father. After La Harpe had quitted him, after a separate Court was established for him, and some persons of merit removed, he was the worst attended and least occupied of princes. His days were spent alone with his wife, with his valets, or in the society of his grandmother. He lived more effeminate and obscure than the heir of a Sultan in the harem of a seraglio. This kind of life must, at length, have stifled all his excellent qualities. Had he been willing, or had Catherine even been able to speak but a few words before she died, Paul probably would never have reigned. Who would have declared for him, and to what rights could he have appealed?[1] If the Russians

1 I am aware that Paul was proclaimed Tzarevitch, or heir to the throne. Since his accession, he has attempted to remove

have no fixed rights, still less have their Sovereig
Since Peter I., who arrogated to himself the pov

the confusion that prevails in the succession of the Tzars by
act which he promulgated at his coronation, and which he
framed, in concert with his wife, in the form of a will, so e
as the year 1788—consequently, when he was only Grand D
and, of course, could dispose of nothing. The year 1788 was
time when Potemkin was in the zenith of his power. It app
that Paul, at that juncture, apprehended some unhappy catastro
since he made these arrangements; in fact, it was then in agita
to disinherit him, and divide the Empire between his eldest
and Potemkin.

In this act, Paul, though merely Grand Duke, arrogates
himself the same right as Peter I.—that of nominating his succes
Accordingly, he bequeaths the Empire to his eldest son and
male descendants; failing these also, his female descendants w
to succeed in an order which Paul laid down, endeavouring
prevent and regulate all the inconveniences that could occu
the end of time.

That the son should be heir to his father is a natural ri
but there can be no right by which an Emperor shall nomi
his successor and bequeath an Empire like an estate. Let
suppose, however, that a Russian Sovereign is actually posse
of this power. How can one take it from the rest, or restrict it
nominating the successor of his successor? Is not Alexande
Constantine to enjoy the same power as Paul? Is it not trea
able to imagine the contrary? Such are the inconvenience
which they involve themselves who build upon errors and pr
dices, and contemn the laws of nature and nations. The
which issue from their brains, having no support but the po
that promulgates them, perish with it. A hundred years he
a Russian Emperor will not tumble over the old papers of Pau
know how he shall act; for, before that time, perhaps, ev
may take place which will inspire into the minds of the Russ
ideas more clear and simple.

of nominating his successor, the throne of the Tzars has been occupied by scarcely any other than usurpers, who have overturned each other with more barbarity and confusion than the successors of Ottoman. Catherine I. became Empress because Mentchikof had the boldness to proclaim her[1]; Peter II. reigned by virtue of a will; Anne was elected by a council, the senate and the army; Ivan was made Emperor by an ukase; Elizabeth said, in her manifesto, that she ascended the throne of her father because the people willed it, and the guards revolted; and on these grounds she condemned a Prince in the cradle to a perpetual prison; and his relations, as innocent as himself, experienced the same fate. Peter III. reigned by favour of Elizabeth; and when he was dethroned, Catherine II., ascending the throne of Russia, declared that Heaven itself had called her to it. A son supplanting his father would not, after such a series, have excited any remarkable disgust, but the sudden death of Catherine happily prevented that catastrophe. The dreadful shriek she gave as she expired was the voice that proclaimed Paul Emperor of all the Russias. His wife was the first who fell at his feet, and paid

1 It was pleasantly said on that occasion that a journeyman pastry-cook proclaimed a servant-maid Empress of all the Russias.

him homage with all her children; he raised her up, embraced her and them, giving them assurance of his imperial and paternal kindness. The Court, the chief officers of the different departments and of the army, all who were on the spot, came then to prostrate themselves and take the oath to him, each according to his rank and seniority. A detachment of guards conducted him into the palace, and the officers and soldiers, arriving in haste from Pavlofsky and Gatshina, swore fealty to him; the heads of the different colleges hastened to take the same oath. The Emperor repaired himself to the senate to receive it; and this memorable night passed without disturbance or confusion.

The next day, Paul was proclaimed Emperor everywhere, and his son Alexander *Tzarevitch*, or heir-presumptive to the throne. Thus, after five-and-thirty years spent amid restraint, denials, offences and contempt, the son of Catherine, at the age of forty-three, found himself at length master of himself and of all the Russias. The first steps which he took seemed to contradict the reports of his stern and capricious disposition. He had long suffered by the abuses and disorders of the Court; bred in the school of misfortune—the crucible in which great minds are refined,

PETER III

From the painting in the gallery at Versailles
Artist Unknown

and little ones evaporate—a distant spectator of affairs, scrutinizing the plans and conduct of his mother, he had had thirty years' leisure to regulate his own. Accordingly, it appeared that he had in his pocket a multitude of regulations ready drawn up, which he had nothing to do but to unfold and put in execution with astonishing rapidity.[1]

Far from imitating the conduct which his mother had held with respect to him, he immediately called his sons about him, entrusted each with the command of one of the regiments of guards, and made the elder military governor of St. Petersburg, an important post, which chained the young Prince to his father's side. His first behaviour towards the Empress surprised and delighted everyone. He suddenly changed his conduct towards her, assigned her a considerable revenue, increased those of his children in proportion, and loaded his family with caresses and kindnesses.

His conduct towards the favourite likewise had every feature of generosity. He appeared moved with his affliction; and, acknowledging the attachment he showed to his mother, continued him in his offices in

1 His intimates had long been in possession of his military regulations, which he put in execution at Gatshina and Pavlofsky, and which in a moment became those of all the Russian armies.

[illegible] "[illegible] I hope you will serve me as faithfully as you have served her."

[illegible]

[illegible] This [illegible], however, was a few moments after [illegible].

Every hour, every moment, announced some wise change, some just punishment, or some merited favour. The Court and city were surprised. People began to imagine that his character had been mistaken, and that the long and [illegible] [illegible] had not entirely depraved it. All the world saw itself happily deceived in its expectations, and the conduct of the Grand Duke was forgotten in that of the Emperor, but which was too soon brought again into remembrance. Let

us bestow a few minutes more on the hopes of happiness which he promised his Empire.

The first two political steps taken by Paul inspired confidence, gained the nobility, and suspended two horrible scourges which Catherine, at her death, seemed to have bequeathed to Prussia—war and a state bankruptcy. She had at length resolved to act directly against France by succouring the Emperor of Germany and attacking Prussia.[1] In consequence, she had issued orders for raising near a hundred thousand recruits. The coffers of the State being emptied, and assignats multiplied to such a point that they were threatened with the same fate as those of France,[2] she thought proper to double her current coin, by giving every piece of money twice its former value. Paul quashed these two disastrous measures, which had already begun to be carried into execution. At the same time, he broke off the treaty of subsidy with England, which was on the carpet; not that it was his intention, as had been published abroad, to acknow-

1 This scheme of Catherine is incontrovertible; she resolved to drive the King of Prussia back to the borders of the Rhine with her cannon. To make him feel the absolute necessity of returning to the coalition, she fomented revolts in Prussia, at Dantzic, and in Silesia.

2 At this juncture they fell sixty per cent.

[illegible] the [illegible] Republic, but because his imperial [illegible] was not without reason, above entering into the [illegible] of England like a petty state.[1]

[illegible] who has been called the last of the [illegible] as [illegible] was the last of the Greeks, was [illegible] of war, as all the world knows, [illegible] his country against the attacks of [illegible]. He was, however, detained as a state [illegible] was always better treated[2] than

---

[illegible] large subjects [illegible] English goods; and Paul has [illegible] are sold on his account. This [illegible] several of the Siberian tribes pay [illegible] the reign of Elizabeth, the trade [illegible] government. It even sometimes [illegible] the officers of the army were [illegible] of the Crown, as tea, cloth [illegible] will prove [illegible] means of [illegible] left in his [illegible] to pay the whole army likewise [illegible].

[illegible] For a [illegible] with him. People were [illegible] at his command, [illegible] riding, leaving and [illegible]. The [illegible] prisoner by the chasseurs, [illegible] a young man, a friend [illegible]. He kept a pocket-book of [illegible] We found in it [illegible] during a tour in Italy, [illegible] observations, extracts from authors, effusions in

Ignatius Pototski and his other companions in misfortune, who were more rigorously confined in the fortress and at Schlüsselburg. Paul gave liberty to them all, and was generous enough to go himself to deliver Kosciuszko from confinement. It was interesting to see this brave man, still sick of his wounds and grief, carried to the palace, where he was introduced to the Emperor and Empress to testify his gratitude to them. He is a little, thin person, pale and emaciated; his head was still surrounded with bandages, and his forehead could not be seen; but his mien, his eyes, still brought to remembrance what he dared attempt with such feeble means. He refused the peasants that Paul would have given him in Russia, but accepted a sum of money to go and live independent in another country.[1]

French verse, and rough draughts of various small compositions. Everything showed that the pocket-book had belonged to a man of merit, knowledge, taste and feeling. There were in it likewise several letters, sealed, and addressed to ladies at Warsaw, in French and Polish, with sketches of some of the manifestoes he published, all in his own handwriting. My friend kept this pocket-book as a relic of a celebrated man whom he had admired, while forced to fight against him. When he was set at liberty, I suggested to my friend the idea of returning these papers to their owner, and I believe he did so.

1 America was the place he chose for his residence. When he was in England, on his way thither, a model of him was taken

Nefsky, where the body of his father had been deposited. Causing the old monks to show him the private grave, and open the coffin in his presence, he paid the sad remains that still presented themselves to his eyes, a tribute of respectful and affecting tears.[1] The coffin was placed on high in the middle of the church, and the same service was performed by it as by that of Catherine, which was exposed to view on a bed of state in the palace.

Paul then caused a search to be made for those officers who were attached to his father at the time of his unhappy catastrophe, and who had since lived in disgrace or unknown at Court. Baron Ungern Sternberg, a respectable old man, who had long lived in retirement amid a small circle of friends, and who had not even a wish to be brought forward again upon the stage of the great world, was at once made general-in-chief, and sent for to the Emperor, who ordered him to be ushered into his closet. After receiving him in the most gracious manner, he said, "Have you heard what I am doing for my father?"—

1 He took one of the gloves that still covered the remains of his father, and kissed it several times with tears. O, Paul! thou hadst, then, the heart of a son; sometimes thou hast appeared a good father! What might not have been expected from another mother, and a different education!

Several other officers, and among them the only one who had attempted to make any resistance in favour of Peter III. at the revolution in 1762, were found out in their retirement, and recalled to Court, to be loaded with favours.

These particulars are affecting, and do honour to the heart of Paul; but it appears, from the answer of Ungern, that they astonished everyone. Some attribute them as much to Paul's opposition to his mother,

---

Memoirs has been very intimate with him, which he mentions here to give more weight to what follows. Ungern was one of those German officers who stood highest in Peter's esteem, and was his aide-de-camp. It was he whom he chose to accompany him in a secret visit which he paid to the unfortunate Ivan at Schlüsselburg, where he had been confined by Elizabeth, who dethroned him. They found this wretched young man in a dungeon, the window of which admitted but a faint gleam of day, the light being intercepted by piles of wood heaped up in the court. He was in a very dirty white jacket, with a pair of old shoes on his feet. His hair was very light, and cut short like that of a Russian slave. He was tolerably well made, and his complexion had a paleness which showed that the sun had never shone on his face. He was then upwards of twenty, and had been confined ever since he was fourteen months old; but he had received some impressions and ideas which he still retained. Peter III., affected at his condition, put several questions to him; among the rest, "Who are you?"—"I am the Emperor."—"Who put you into prison, then?"—"Vile, wicked people."—"Would you like to be Emperor again?"—"To be sure; why not? I should then have fine clothes, and servants to wait upon me."—"But what would you do if you were Emperor?"

as to his love for his father; and several ascribe this part of his conduct to a politic design of thus proclaiming him for his father who would not, when alive, acknowledge him for his son. The parade and ostentation with which he caused the sad remains of Peter to be disinterred, and then held up to the admiration of the public, were particularly blamed. The

---

—"I would cut off the heads of all those who have wronged me." Peter III. having then asked whence he learned what he had told him, he answered, that he had it from the Virgin and the angels, and began to enter into long stories of these pretended visions. Though alone, and confined from his infancy, he did not appear terrified at the sight of the Emperor and his officers. He examined his dress and weapons with much curiosity and pleasure, as a bold child would have done. The Emperor asked him again what he wished for, and he answered, in his vulgar Russian dialect, "To have more air." Ungern was left some time at Schlüsselburg to gain his confidence, and find out whether his apparent imbecility were only assumed. He was soon convinced, however, that it was the natural consequence of his mode of life. He gave him, from the Emperor, a silk morning gown. Ivan put it on with transports of joy, running about the room, and admiring himself as a savage would have done who had never been dressed before. As all his wishes centred in the requisition of more air, Peter III. sent the plan of a little circular palace, in the centre of which was to be a garden, with orders to have it built for Ivan in the court of the fortress. It was cruel that this act of humanity towards an innocent man should have served as a pretext against the unfortunate Peter. He was charged with having intended to build a prison for his wife and son, and this was made a pretext for his own assassination.

coffin that contained them was crowned,[1] and removed in great pomp to the palace, to be exhibited there, in a temple constructed for the purpose, by the side of the corpse of Catherine, with which it was afterwards to be conveyed to the citadel. Then alone did the husband and wife rest together in peace. People came with great respect to kiss the coffin of the one, and the cold and livid hand of the other; they made a genuflexion, and were obliged to descend the stairs backwards. The Empress, who had been badly embalmed, soon appeared quite disfigured: her hands, eyes, and lower part of her face, were black, blue, and yellow. Those who had seen her only in public could not know her again, and all the pomp with which she was still surrounded, all the riches that covered her corpse, served only to augment the horror it inspired.

If, by restoring the honours of his father, Paul might be thought by any to throw disgrace on the memory of his mother, by bringing to mind the scenes which five-and-thirty years' silence had nearly consigned to oblivion, yet the vengeance he took on some

1 Peter III. had never been crowned, and this was the reason assigned for not burying him in the citadel with the other Russian Emperors.

of the assassins of Peter III. possessed a degree of sublimity which was approved by all. The celebrated Alexis Orlof, the conqueror of Tchesme, once so powerful, remarkable for his gigantic stature and antique dress, and whose age and military honours would have entitled him to respect, if such a man could be respected, was obliged to follow the sad remains of Peter. Every eye was turned upon him, and the performance of this just, but cruel task, must have awakened in him that remorse which his long prosperity had no doubt lulled to sleep. As to Prince Baratinsky, he durst not appear before Paul, who could never bear his sight, but had fled from St. Petersburg. Passick, who owed his fortune solely to the same crime, which his very countenance seemed to call to mind, was fortunately absent from Court, and survived the funeral but a few days.

This was the conduct of Paul in the first days of his reign; and I have collected the whole of it together, lest these instances of reason, justice, and feeling, should be lost and forgotten in the heap of unaccountable actions with which they were afterwards obscured, and which I shall now proceed to relate.

The guards, that dangerous body of men who

had overturned the throne of the father, and who had long considered the accession of the son as the term of their military existence, were rendered incapable of injuring him by a bold and vigorous step, and treated without the least management from the first day. Paul incorporated in the different regiments of guards his battalions that arrived from Gatshina,[1] the officers of which he distributed among the various companies, promoting them at the same time two or three steps; so that simple lieutenants or captains in the army found themselves at once captains in the guards, a place so important, and hitherto so honoured, and which gives the rank of colonel, or even of brigadier. Some of those ancient captains of the first families in the kingdom found themselves under the command of officers of no birth, who, but a few years before, had left their companies as sergeants or corporals, to enter into the battalions of the Grand Duke. This bold and hasty change, which at any

1 Paul expected these battalions with evident impatience and anxiety. They marched all night, and arrived in the morning. Ratikof, a subaltern, who had no other merit than the good fortune of announcing to him their wished-for arrival, was instantly created a Knight of St. Anne, and made aide-de-camp to the Grand Duke. It was not till Paul saw himself surrounded with his little army, that he began to act as he had done at Gatshina.

other time would have been fatal to its author, ha only the effect of inducing a few hundreds of officer subalterns and others to retire. Most of these wer such as had sufficient to live upon beside their com missions, or could neither digest the putting of othe over their heads, nor support the harassing disciplir which the intruders were about to establish.[1] Man

1 Of these obtruded officers, no one made his fortune rapidly as Araktscheief. Seven years before, the Grand Duk wishing to have a company of artillery at Pavlofsky. asked Gener Melissino for an officer capable of forming one. Araktscheief, wh had been brought up in the corps of cadets, and who had gotte himself noticed by the progress he made, and particularly for th ardour and passionate zeal he displayed for the minutiæ of di cipline, was named. In spite of his indefatigable attention severity, and exactness in the service, it was some time befo he could establish himself thoroughly in the good opinion of Pa Several pretty fireworks, which he composed with the assistan of his old master for the entertainment at Pavlofsky, but, abo all, the rage for exercising with which he burned, and which i duced him to harass the soldiers day and night, at length gain him the favour of the Grand Duke. At his accession to the thron Araktscheief was created a major in the guards, with the rank general, and appointed military governor of St. Petersburg. H received the military order of St. Anne, with some thousan of peasants, and became the Emperor's right-hand. Araktschei with whom Major M—— had served in the corps of cadets, whe he was serjeant, was truly commendable for the talents, acquir ments, and zeal which he displayed at that time: but he possess a disgusting degree of brutality, which he exercised even towar the cadets. Never was Pindaric poet more imperiously torment by his muse, than this man is possessed by his military demo

of these young officers, however, felt no other affront than that of being obliged to quit their brilliant uniforms, and to alter their dress according to that of those battalions which had so long excited their ridicule.

Paul, alarmed and enraged at this general deser-

His fury and his cane have already cost more than one unfortunate soldier his life, even under the eye of Paul. He has revived a barbarity which was no longer known in the Russian service: he abuses and strikes the very officers when exercising. However, at the period of his favour, that he might have the appearance of being grateful, he recommended General Melissino, his former friend, with whom he was at variance. He has just been disgraced, but since recalled, and created a baron. It was he who reviewed the troops sent into Germany.

The history of another of these officers deserves to be mentioned for its singularity. It will prove how a man sometimes makes his way in the world.

One of the friends of Major M——, taking a walk on the quay, met with a youth of sixteen, who appeared to have lately landed, and who walked in despair along the water-side, as if meditating to throw himself in. He went up and spoke to him. The young stranger said that he was a Frenchman by descent, but born in Russia; that the Grand Duke had been his god-father; that his father had sent him in his infancy to France, to be educated in a seminary there, from which he had eloped to return to Russia, where he could learn no news of his father; that he was without money, without acquaintances, and did not know what to do unless he made away with himself. The major's friend endeavoured to console him, took him to his own house and made some enquiries. He learned that his father, Baron Bilistein, had in fact been preceptor to the Grand Duke, but that he had since married in

tion, went to the barracks, flattered the soldie
appeased the officers, and endeavoured to retain the
by excluding from all employ, civil and military, tho
who should retire in future, and who, besides, we
no longer to wear their uniform. He afterwards issu
an order that every officer or subaltern who had

Moldavia, where he died. Major M—— and his friends exert themselves to get the young man admitted into the guards as subaltern officer. In the Swedish war he went with his regime and was made prisoner at the defeat of the Russian galleys. A ye after he came back in a more deplorable condition than ever; ar to add to his misfortunes, the major's friend and his other patro being no longer at St. Petersburg, he had no resource but Maj M——, to whom he came every day to relate his misfortun One morning he found him reading the life of Jamerai-Duv and his correspondence with Miss Sacalof, afterwards the w of Admiral Ribas. M—— knew that this lady was a friend of M Nelido, the mistress of the Grand Duke, which suggested to hi the following step. He dictated to Bilistein a letter to Madar Ribas, in which he told her that the accidentally reading one her charming letters to Duval had suspended his despair, becau he conceived that a lady who could paint the sentiments benevolence and humanity so well, must possess them in h heart: in consequence, he laid before her his sad situation, a solicited her influence to be recommended to the Grand Dul Madame Ribas sent for him, and recommended him to M Nelidof, who presented him to the Grand Duke. A few hundr roubles were given him to equip himself, and through the mea of Count Soltikof he obtained a lieutenant's commission in t battalions at Pavlofsky. From that time he lived less wretche and always appeared extremely grateful. At the accession of t Grand Duke he was made a lieutenant-colonel in the guards.

signed, or should give in his resignation, should quit the capital within four-and-twenty hours and return to his own home. It did not enter into the head of the person who drew up the ukase that it contained an absurdity, for several of the officers were natives of St. Petersburg, and had families residing in the city. Accordingly some of them retired to their homes without quitting the capital, not obeying the first part of the order, lest they should be found guilty of disobedience to the second. Arkarof, who was to see it put in force, having informed the Emperor of this contradiction, he directed that the injunction to quit St. Petersburg should alone be obeyed. A number of young men were consequently taken out of their houses as criminals, put out of the city with orders not to re-enter it, and left in the road, without shelter and without any furred garments, in very severe weather. They who belonged to very remote provinces, for the most part wanting money to carry them thither, wandered about the neighbourhood of St. Petersburg, where several perished with cold and want.

These measures were extended to all the officers of the army, and those on the staff as generals were equally obliged to join their regiments or resign, be-

cause these staffs were abolished. By this impolitic step he pretended to commence a reform and gain the army. But what soon showed that Paul, in becoming Emperor, by no means renounced the military trifles which had alone occupied his time as Grand Duke, was his devoting all his attention, from the morning of his ascending the throne, to the frivolous changes which he wished to introduce into the dress and exercise of the soldiers. For a moment the palace had the appearance of a place taken by assault by foreign troops, those who began to mount guard there differing so much in dress and style from those who had been seen there the day before. He went down into the court, where he was manœuvring his soldiers three or four hours, to teach them to mount guard after his fashion, and establish his *wacht-parade* (guard-parade), which became the most important institution and central point of his government. Every day since he has dedicated the same time to it, however cold it might be. There, in a plain deep green uniform, great boots and a large hat, he spends his mornings in exercising his guards; there he gives his orders, receives reports, publishes his favours, rewards and punishments; and there every officer must be presented to him, surrounded by his sons and aides-de-camp,

stamping his heels on the pavement to keep himself warm, his bald head bare, his nose cocked up, one hand behind his back, and with the other raising and falling his cane in due time and crying, *raz*, *dva*; *raz*, *dva* (one, two; one, two). He prides himself in braving a cold of fifteen or twenty degrees of Réaumur without furs. After this none of the officers dared any longer appear in pelisses, and the old generals, tormented with coughs, gout and rheumatism, were obliged to form a circle round Paul, dressed like himself.[1]

After the first impressions which his accession caused in the heart of Paul, punishments and disgraces succeeded, with the same rapidity and profusion with which he had lavished his favours. Several

1 A Hogarth, who should see the Emperor and his younger son busy about a poor recruit, turning him to the right and to the left, marching him forward and backward, raising up his chin, tightening his belt, and placing his head properly, with every now and then a blow, would have a fine subject for a caricature. An emigrant of the name of Lami conceived the humorous idea of dedicating to Paul a bad translation he made of the explanation of Hogarth's prints. I know not whether he did it out of simplicity, or as a stroke of satire; but the name of Paul is very happily placed at the head of that work, which wanted only the ridicule of such a dedication to make it complete. Paul, however, suspected no joke in it, for he sent Abbé Lami a present of a snuff-box.

experienced the two extremes in a few days. It is true that most of these punishments at first appeared just; but then it must be allowed that Paul could scarcely strike any but the guilty, so corrupt had been all who were about the throne.

Notwithstanding the assurances he had given Zubof, one of the first orders that followed was to seal up his office and that of Markof, and to turn their officers and secretaries out of Court with disgrace. One Tersky, master of requests and reporter to the senate, who publicly sold justice to the highest bidder, was at first gratified with an order of knighthood, and obtained some lands, which he said the late Empress had promised him a few days before her decease. Next morning he was dismissed from his offices. This respect of Paul to the pretended will of his mother, and his care to enrich a rascal before discarding him, were strangely admired. Surely he ought rather to have brought to trial this despoiler of the widow and orphan, and made him an example to satisfy public justice.

Samoïlof, the attorney-general, whom likewise he had honourably confirmed in his office, with a present of four thousand peasants, amounting in value to more than twenty thousand roubles (£2,000) a year, was

displaced a few days after, put under arrest, and his secretary was sent to the fortress. Thus was everything reformed, except Besborodko, Nicholas Soltikof and Arkarof.[1]

This wavering and uncertain conduct, which characterised the first steps of Paul, clearly proves that his favours were the effects of policy, and the disgraces that followed them were to be ascribed to passion rather than to justice. But what confounded all who had admired him was to see him, at the moment when he entered such an intricate labyrinth of business and abuses (the importance of which to the State should have occupied him at least some days), applying the very morning of his accession, with the same eagerness, to the most trifling details of military service. The shape of a hat, the colour of a feather, the altitude of a grenadier's cap, boots, spatterdashes, cockades, queues and sword-belts, became the affairs of State that absorbed his astonishing activity. He was surrounded by patterns of accoutrements and uniforms of all kinds. The greatest proof of zeal and merit anyone could give him, during the first days of his reign, was to appear before him in the new uniform he had introduced. An officer who

1 See the next chapter.

could give his tailor a hundred roubles to have a dress of the new fashion made in a few hours, and appear in it the next morning in the *wacht-parade*, was almost certain of obtaining some post, or, at least, a cross. Several had no other merit, and employed no other means to gain the good graces of their new Emperor.[1]

Another whim, which caused no little surprise, was the imperial prohibition of wearing round hats, or, rather, the sudden order of taking them away or tearing them to pieces on the heads of those who appeared in them. This occasioned some disgraceful scenes in the streets, and particularly near the palace. The Cossacks and soldiers of the police fell on the passengers to uncover their heads, and beat those who, not knowing the reason, attempted to defend themselves. An English merchant, going through the street in a sledge, was thus stopped and his hat snatched off. Supposing it to be a robbery, he

---

1 General Meyendorf being mentioned to him as a good officer of horse, he despatched a courier to him; and Meyendorf, in his eagerness to obey the command, presented himself at the parade in his ancient uniform. Paul, enraged, uttered some severe reproaches to those who had recommended such a man, called him one of *Potemkin's soldiers*, and banished him to his estate.

leaped out of his sledge, knocked down the soldier, and called the guard. Instead of the guard arrived an officer, who overpowered and bound him; but as they were carrying him before the police, he was fortunate enough to meet the coach of the English minister, who was going to Court, and claimed his protection.[1] Sir Charles Whitworth made his complaint to the Emperor, who, conjecturing that a round hat might be the national dress of the English, as it is of the Swedes,[2] said that his order had been misconceived, and he would explain himself more fully to Arkarof. The next day it was published in the streets and houses, that strangers who were not in the Emperor's service, or naturalized, were not comprised in the prohibition. Round hats were now no longer pulled off, but they who were met with this unlucky head-dress were conducted to the police to

---

1 Another Englishman was met by an officer of the police, who took from him his round hat. The Englishman, folding his arms, and surveying him from head to foot, said, with a look of compassion, "Ah, friend, how I pity thee for being a Russian!"

2 It is likewise the national hat of the Russians, a little difference in the crown excepted, which it was well to be apprised of, as it prevented the wearer from insult. The hatters' shops being soon emptied of cocked hats, they who had neither time nor means to procure one, cocked up their little round hats with pins, that they might walk the streets with safety.

sudden prohibition of harnessing horses after the Russian mode. A fortnight was allowed for procuring harness in the German fashion, after the expiration of which the police were enjoined to cut the traces of every carriage, the horses of which were harnessed in the ancient manner. Almost as soon as it was made public, several persons dared not venture abroad, still less appear in their carriages near the palace, for fear of being insulted. The saddlers, availing themselves of the occasion, asked as far as three hundred roubles (£30) for a plain harness for a pair of horses. To dress the *ischvoschtschiki*, or Russian coachmen, in the German fashion, was attended with another inconvenience. Most of them would neither part with their long beards, their *kaftans*, nor their round hats; still less would they tie a false tail to their short hair, which produced the most ridiculous scenes and figures in the world. At length the Emperor had the vexation to be obliged to change his rigorous order into a simple invitation to his subjects gradually to adopt the German fashion of dress, if they wished to merit his favour.

Another reform with respect to carriages; the great number of splendid equipages that swarmed in the streets of St. Petersburg disappeared in an instant.

The officers, even the generals, came to the para on foot, or in little sledges, which also was not wit out its dangers.[1]

It was anciently a point of etiquette for eve person who met a Russian autocrat, his wife or so to stop his horse or coach, alight, and prostrate hir self in the snow, or in the mud.[2] This barbaro homage, difficult to be paid in a large city, whe carriages pass in great numbers and always on tl gallop, had been completely abolished under the reig of the polished Catherine. One of the first cares Paul was to re-establish it in all its rigour. general officer, who passed on without his coachman observing the Emperor riding by on horseback, w stopped and immediately put under arrest.[3] The san

1 An officer, walking the streets in a large pelisse, had giv his servant his sword, which incommoded him, intending to p it on again, and to take off his pelisse, when he got near t palace. Unfortunately, before this took place, the Emperor m him, and in consequence, he was reduced to the ranks, and h servant made an officer in his place.

2 Peter I. ordered those who prostrated themselves befo him in this manner to be caned, and even caned them himself.

3 When his sword was returned him, he refused to take i saying that it was a gold-hilted sword received from the Em peror, with the privilege of its never being taken from him. Pa sent for him, returned the sword to him himself, and said th he had resolved to make an example, and had no particular il will him; at the same time he ordered him to repa him the army.

unpleasant circumstance occurred to several others, so that nothing was so much dreaded, either on foot or in a carriage, as the meeting of the Emperor. Instances have even happened where the fault and its punishment have been attended with consequences so serious as must induce a benevolent monarch to abolish so troublesome an etiquette.

The ceremony established within the palace became equally strict, and equally dreaded. Woe betide him who, when permitted to kiss the hand of Paul, did not make the floor resound by striking it with his knee as loud as a soldier with the butt-end of his firelock. It was requisite, too, that the salute of the lips on his hand should be heard, to certify the reality of the kiss, as well as of the genuflexion. Prince George Gallitzin, the chamberlain, was put under arrest on the spot by His Muscovitish Majesty himself, for having made the bow and kissed the hand too negligently.[1]

---

1 Paul, when Grand Duke, had a great predilection for etiquette. Being once at Montbelliard, he suddenly took by the arm a young officer of his suite, who was playing at cards, and turning him out of the room, he said to those who were playing with the officer, "Gentlemen, that young coxcomb is not of a proper rank to make one of your party." At the Court balls, the dancers were obliged to twist themselves every possible

Another of Paul's first regulations was a strict injunction to all tradesmen to efface from the front of their shops the French word *magasin*, and substitute the Russian word *lavka* (shop); assigning as a reason that the Emperor alone could have magazines of wood, flour, corn, &c.; while a tradesman ought not to be above his condition, but to stick to his shop.

To report all the ordinances of similar weight and importance that succeeded each other in the course of one week, I must descend into particulars too tedious.[1] What can be said, what can be hoped, of a man who, succeeding Catherine, could consider the regulating such things as the most urgent? Frequently these new and important regulations contradicted or frustrated one another, and what was

---

way, that they might not turn their backs upon him when dancing, wherever he might happen to be. Paul will allow none to turn their backs but his enemies. Whether they will avail themselves of the permission, if he should give them an opportunity, I will not pretend to say.

1 He has since issued different ukases, prohibiting the wearing of frock coats, waistcoats without sleeves, and pantaloons. He has forbidden the academy to use the word *revolution* when speaking of the course of the stars; and has enjoined the players to employ the word *permission* instead of *liberty*, which they had been accustomed to put in their bills. He has forbidden the manufacturers to fabricate any tri-coloured ribands or stuffs whatever.

ordained one day was often obliged to be modified or annulled the next. In a word, we may say that Paul, when he wrapped himself in the imperial mantle, let the Grand Duke peep out; that he thought to govern a vast Empire as he had governed his Pavlofsky; his capital, like his house; and thirty millions of men of all ranks and all nations, like a score of lackeys.

Of all the unforeseen changes which he introduced without any preparation, those which he made in the army were the most extensive, and the most impolitic. Unquestionably there was room for great reforms and great amendments in the military department. To improve the condition of the brave Russian soldier; to settle that of the officer, which was still more wretched; gradually to diminish the number of supernumeraries; to restore order and discipline, which the reign of so many women, and so many favourites, had destroyed; opened a fine field to the military genius of Paul. All he was capable of doing was to multiply irregular promotions, increase a staff already too numerous, and alter uniforms, ranks, terms, and titles. The Russian army offered a pattern to be followed, in the beauty, simplicity, and convenience of its dress, equally adapted to the climate, and to the genius of

have been changed. That which had been consecrat by its name (*Ekaterinoslaf*) to the glory of Catherin was abolished, and this public affront to the memo of his mother is not less so to the heart of Pau

---

1 There is nothing so trifling to which this *microphilist* do not descend, to shew disrespect to his mother's memory. T persons belonging to her wore rings, on which the date of h decease was enamelled. The Emperor expressed his dissatisfa tion at it; and they are obliged to wear rings with the mot of "*Paul consoles me.*"

He carried his want of filial regard so far as to check, h his disapprobation, a society of opulent Russians, who had unit at Hamburg, under the auspices of the Russian minister, to ere a poetical monument to the memory of Catherine. The situati in which Major M—— stood at that time, and particularly wh he owed to two of his friends, induced him to exert his talen on the occasion. The judges of the Lyceum at Hamburg h the courage to adjudge the second prize to the piece he se notwithstanding the proscribed sentiments that beamed throu the manner in which he spoke of Catherine, and his silence r specting the comforter she left behind, or his allusions to him

* The motto of the piece was, "Fuit illa et ingens glo Russorum"; and in it were the following verses:—

Mais j'entends retentir une voix gemissante;
Je vois l'Humanité plaintive et menaçante:
Barbares! arrêtez: eh! pour qui cet autel?
Voyez ces combattans, ces fers, ces feux, ces armes;
Ah! mon sang et mes larmes
Vont éteindre à vos yeux cet encens criminel!

But hark, a voice that wildly groans and shrieks!
Humanity bewailing, threat'ning speaks:
"Barbarians, halt! for whom those bloodstain'd fanes?
Behold yon combatants, yon arms and chains!
My blood, my tears, e'en now shall quench the fire,
And save each hero from the funeral pyre."

The reader may judge of the confusion, injustice, wretchedness and ruin that such changes of places must produce in Russia; more than twenty thousand gentlemen were thrown out of employ.

Likewise :—

L'aigle puissant du nord, frappé dans sa carrière,
Se rabat sur la terre :
Il erre dans la nuit ; son astre s'est eteint.

Behold the threat'ning Eagle of the North,
That soar'd exulting in resistless pow'r,
Struck in his mid career, descends to earth,
Wandering in night. His sun shall rise no more.

The secretary of the embassy, when he announced to him the success of his piece, informed him that they were going to send it to the Emperor, and pay His Majesty the compliment of this monument, which would be magnificent, and cost vast sums of money. At the same time he requested him to write an ode in honour of Paul, to be placed at the head of the pieces that had been approved. M—— positively refused this new tribute, which would have been a piece of meanness in him, as he had just been torn from his family, and unjustly proscribed by the Emperor. Not receiving the medal, however, which had been adjudged to him, he sent to the secretary to demand it, saying he would otherwise make a public appeal in the newspapers against such an unworthy proceeding. He knew that his piece had spread through the Court at St. Petersburg, where his name had been discovered, though he had taken the precaution to disguise it in an *anagram;* and this contributed not a little to bring Paul's anathema upon the society at Hamburg. The threat of such a public affront had its effect, and the medal was at length sent, with some excuses for the delay of more than a year, and a confession that the Emperor, having disapproved of this monument to his mother, the illustrious society was afraid of his indignation. Major M—— himself communicated to me these particulars, as well as the letters of the secretary.

If this new reign has been fatal to the army, and to the poor gentry, it has hitherto appeared still more so to the unhappy peasantry, whose chains it endeavours to rivet. If Paul were desirous of taking an example from Prussia, assuredly it should have been that of its treatment of the Poles, whom perfidy had subjected to its dominion.[1] It would not be too

---

1 Let the reader compare the ukase of Paul, which enjoins all his subjects to prostrate themselves at his sight, with the order which the young King of Prussia has just given to his ministers, on his return from Poland, where it was with indignation he found a people debased almost to as low a degree as the Russians. The following is a translation of some fragments of this memorable order, as it appears in the *Jahrbücher der Preussischen Monarchie*, "Annals of the Prussian Monarchy," for January, 1799:

"My dear Ministers of State, Von Voss and Von Schroeter,—During the tour I have lately made in the new provinces of Prussia, I have seen that the lowest class of my subjects in those countries is in a state of civilization far beneath that of the other provinces. These miserable beings are degradingly distinguished by the dirtiness of their houses and clothes, but still more by their cringing manners, and a humility beyond bounds . . . In my eyes, and in those of the law, the lowest of my subjects possesses the dignity of a man. The people of these new provinces are still ignorant of this dignity, for which they are indebted to the Prussian sceptre, because the inferior officers of Government are ignorant of their duty, and abuse their authority. It is a proverbial saying among them, that the Polanders must be governed by the whip; and I have several times heard complaints of such treatment being exercised towards my subjects, while changing horses, &c."

This is the manner in which a King expresses himself, who,

much to say that the Prussian Government gives the Polish vassals more freedom than Kosciuszko could have bestowed on them, had he been victorious. The King of Prussia, far from imitating Catherine or Paul, who distributes these slaves among their courtiers, thus exposing them to more insupportable private tyranny, has annexed them to his domains, and they experience an infinitely milder lot than formerly.[1]

A report being spread that Paul was about to restrict the power of masters over their slaves, and give the peasants of the lords the same advantages as those of the Crown, the people of the capital were much pleased with the hopes of this change. At that juncture an officer set off for his regiment, which lay at Oremberg. On the road he was asked about the

---

feeling as a man, revolted at the sight of a nation of slaves prostrating themselves at his feet. He enjoins his ministers to raise up this degraded nation, by instructing it, civilizing it, and punishing abuses of power.

1 All those Princes who have wished to raise the people and depress the great, the better to establish the authority of government, have endeavoured to annex all seignorial rights and estates to their own domains. The Russian autocrats take the opposite course; they distribute the remains of the Crown among the nobility, to render them more zealous supporters of a government more severe than ever was that of the feudal system. By this ill-judged policy they render themselves incapable of restoring liberty to their slaves at a future period.

new Emperor, and what new regulations he was making. He related what he had seen, and what he had heard; among the rest, mentioning the ukase which was soon to appear in favour of the peasants. At this news, those of Tver and Novgorod indulged in some tumultuous actions, which were considered as symptoms of rebellion. Their masters were violently enraged with them; and the cause that had led them into error was discovered. Marshal Repnin was immediately despatched at the head of some troops against the insurgents; and the officer, who had unwittingly given rise to this false hope, by retailing the news of the city on his road, was soon brought back in confinement. The senate of St. Petersburg judged him deserving of death, and condemned him to be broken, to undergo the punishment of the knout, and, if he survived this, to labour in the mines. The Emperor confirmed this sentence. This is the first criminal trial that was laid before the public; and assuredly it justifies but too well those remains of shame which have hitherto kept secret similar outrages. These circumstances might no doubt have taken place under the reign of Catherine, yet would they have been accompanied with that silence and mystery in which guilt envelops itself. But let us quit this subject for

the less ungrateful one of the eccentricities of the Emperor Paul.

The most prominent of these is that mania which, from his infancy, he displayed for the military dress and exercise, and which has ever since been increasing. This passion in a Prince no more indicates the general or the hero, than fondness for dressing and undressing her doll forebodes the good mother in a girl who passes her days in this amusement. Frederick the Great, the most accomplished soldier of his time, is well known to have had from his infancy the most insuperable repugnance to all those minutiæ of a corporal to which his father would have subjected him: this was even the first source of that disagreement which ever subsisted between father and son. It was only by stealth that the young Frederick could indulge himself in studying history and literature with his preceptor, du Han. Frederick William considered every book, except the Psalms of David and his military regulations, as useless or dangerous; and when he saw the young Frederick, not confining himself to the guard's march, but wishing to exchange his little drum for a harpsichord and his fife for a German flute, he forbade him music. This paternal tyranny had the opposite

effect to what his father wished: it gave more energy to Frederick's repressed desires. He acquired information; he became a hero: his father was never anything more than a corporal.[1]

Peter III. pushed his soldato-mania to a ridiculous point, fancying he made Frederick his model. He loved soldiers and arms as a man loves horses and dogs. He knew nothing but how to exercise a regiment, and never went abroad but in a captain's uniform. This Peter III., at the head of a regiment so well drilled by himself, had not the courage to face a young female, who marched to meet him with a few companies of the very same guards, who were totally ignorant of the Prussian exercise. He lost both his crown and his life without daring to defend them. Certainly a more local, strong and recent example cannot be adduced against this mania, which seems rather to exclude courage and military talents than be a sign of them. It is very easy to wear a coarse surtout buttoned over the belly, a greasy hat,[2]

1 I know some young Russians whose genius the same causes have only served to display: thus a good bow springs from under the hand that bends it.

2 Paul affects to wear a dirty hat: but where lies the merit of this? Since he will have everyone do his duty, why does he not make his *valets de chambre* do theirs, in beating and brushing his old beaver?

and a sword behind the back: a man may even spend the day on the parade caning the soldiers, and abusing the officers — but this would be a satirical caricature of a great king: it would be to represent him as a recruiting officer affecting to give himself airs. But, says Molière:—

> Quand sur une personne on prétend se régler,
> C'est par les beaux côtés qu'il lui faut ressembler:
> Et ce n'est pas du tout la prendre pour modèle
> . . . . que de tousser et de cracher comme elle.
>
> When Admiration bids us mimic others,
> We in their virtues should the semblance hit,
> Nor will the sage and fool e'er pass for brothers,
> Because forsooth alike they cough or spit.

There is one part of this great King's conduct of much more utility, and almost as easy to imitate, since it requires neither talents nor genius, but merely goodwill, patience and a love of justice; this is for a Sovereign to receive, like him, the petitions and letters of his subjects, but particularly to answer them. The perseverance and exactness with which he always adhered to this resolution, which he adopted at the beginning of his reign, cannot be too much admired. Whether he granted or refused, whether he found the petition reasonable or unreasonable, he answered every man who addressed him. I have

seen several of those answers, admirable for their precision and sagacity; yet Frederick found time to do and write other things beside answering letters. He did not rise earlier than Paul; but he stayed only a quarter of an hour on the parade, and often did not go to it at all.

Nothing could be more worthy of a Russian autocrat than to establish a similar communication between himself and his subjects, since arbitrary acts and public violences are nowhere so frequent or so disastrous. Hitherto, every man who had the audacity to present a request immediately to the Sovereign, even under the reign of Catherine, was imprisoned. Paul appeared to have abolished this atrocious law from the day of his accession, and took some papers that were offered him. He even ordered a sort of office to be constructed on the stairs of the palace, into which anyone might put letters; and gave public notice that he would read them all, make the necessary examinations, and then answer them. In consequence, he forbade anyone to disturb him in future on the *wacht-parade*, and ordered those to be arrested who should, after that, approach him with a paper in their hand. The box of the letter-office, however, soon filled, and Paul, contrary to his expectation,

finding more petitions than informers, became tired of doing them justice, and frightened at their number. He did not reflect that they would necessarily diminish if he would employ more readiness and method in answering them.[1] Things returned to their former chaotic state; and the secretaries directed to examine these pieces are, as before, arbiters of the fate of those unfortunate persons who appealed to their master.

The finances of the Empire, exhausted by the prodigalities, and still more by the waste of Catherine's reign, required a prompt remedy; and to this Paul seemed at first to turn his thoughts. Partly from hope, partly from fear, the paper money of the Crown rose a little in value. It was to be supposed that the Grand Duke of all the Russias, who for thirty years had been obliged to live on an income of a hundred thousand roubles (£10,000) per annum, would at least have learned economy perforce; but he was

---

1 Paul has sometimes given orders respecting the letters he has received, but he does not answer them. I myself have drawn up a few very brief, clear and just requests, for some oppressed persons, which remained unanswered. He now causes his refusals to the petitions he receives to be printed in the *St. Petersburg Gazettes*

dedicated to the public, to justice, to merited rewards and true beneficence.[1]

The suddenness with which Paul seized the reins of government, and the terror inspired by his known rigour and activity, at first set at fault the dark intrigues of knaves and villains, who had turned the treasures of the State to their own profit. The prevention of the scandalous dilapidations of these treasures would double the amount; and it is to be presumed that, everything being renewed, the robbers will be obliged to suspend their operations for a time; but, when once they are acquainted with the Emperor's course, they will regulate their own accordingly; they will dig other mines, and excavate new drains; pillage and prevarication will revive, and be reduced to a system as before. Theft is a vice inherent in the Russian Government, and springs from the character of the nation, in which manners, probity and public spirit are wanting.[2]

---

1 All that Paul's talents have enabled him to do for the restoration of a sort of equilibrium between his receipts and disbursements, is reduced at last to an exorbitant tax, which he has just laid upon all the classes of his slaves. The poll-tax of the wretched vassals has been doubled, and a new tax has been imposed upon the nobles, which, however, the vassals must ultimately pay.

2 The French author confesses that, while he was writing

Prince allows them has always something mean and repulsive, and savours strongly of the water-closet.[1]

---

1 This Ivan Pavlovitch is at present counsellor of state, and has the title of Excellency. Many lackeys, *Hof* or *Kammer-fouriers*, gentlemen of the bedchamber, are every day rising to the highest posts. Thus extremes meet each other: the Muscovite licentiousness leads to that equality of rights which it considers with horror: but here it is a real calamity. A great Russian lord was accustomed to hold out his hand familiarly to every scullion or shoeblack that he met at Court, styling them *bratt* or *batiouschka*, brother or father. A gentleman expressing surprise at this familiarity, the lord said, "It is from policy, sir; between this and to-morrow, these fellows may become my colleagues." Such is Russian equality; it is that of Tarquin cutting off the heads of his tallest poppies, or of a Sultan creating his water-carrier Prime Vizier.

much more attended to than that of his father. He was surrounded in infancy by persons of merit, and his youth promised a capacity of no ordinary kind.[1] It is even thought that the singularities which he has since contracted are to be ascribed rather to the modes of life which he has, in a manner, been obliged to adopt, than to the natural faults of his disposition. It must also be allowed that he is exempt from many of the vices which disgraced Peter: temperance and regularity of manners are prominent features of his character; features the the more commendable, as they are rarely to be found in a Russian autocrat. To the same cause—education, and his knowledge of the language and character of the nation—is it owing that he differs from his father in other valuable qualities. If he has the wisdom to profit by these advantages, he will not fall into the same errors and misfortunes.

---

a very striking manner. Catherine and Paul are the two extremes and the Grand Duke Alexander promises fair to be at some future day the happy mean between both.

1 Louis XIV. and Frederick the Great loaded with favours and honours those who had superintended their education. The aged Epinus, Paul's tutor, is threatened with the fate of Seneca and Burrhus. That of Colonel la Harpe and Major Masson, who were tutors to his son, would be still less mild should they fall again into the hands of Paul.

The similarity which, in some instances, has marked their conduct towards their wives, is still more striking; and in their amours a singular coincidence of taste is observable. Catherine and Mary were the most beautiful women of the Court, yet both failed to gain the affections of their husbands. Catherine had an ambitious soul, a cultivated mind, and the most amiable and polished manners. In a man, however, whose attachments were confined to soldiers, to the pleasures of the bottle, and the fumes of tobacco, she excited no other sentiment than disgust and aversion. He was smitten with an object less respectable, and less difficult to please. The Countess Vorontzof, fat, ugly in her person, and vulgar in her manners, was more suitable to his depraved military taste, and she became his mistress.[1]

In like manner, the regular beauty of Mary, the unalterable sweetness of her disposition, her unwearied complaisance, her docility as a wife, and her tenderness as a mother, have not been sufficient to prevent Paul from attaching himself to Miss Nelidof, whose disposition and qualities better accord with his own. She is ugly and diminutive; but seems desirous, by

1 She got drunk with him, and swore like a trooper; she squinted, and spat when she was talking.

which he has observed towards the clergy, Paul, however, has shewn himself a superior politician; instead of insulting the priests, and obliging them to shave their beards, he has bestowed the Orders of the Empire on the bishops, to put them on a footing with the nobility, and flattered the populace and the priesthood by founding churches, by pretended inspiration.[1]

---

known there. The Tzar Fedor even ordered the patents, of which some families would have availed themselves, to be burned. Have the Russians but now reached the twelfth century? They were the only nation in Europe, who, in their rapid progress to civilization, bounded over this folly.

1 A soldier in the guards, having stood sentry at a door of the summer palace (an old wooden house in which Elizabeth resided), went to his captain, pretending he had a secret to communicate. He informed him that, while he was on duty, he saw a light in the uninhabited apartments of the palace, and presently some person knocked at the door at which he stood, and called him by name. He had the courage to look through the chinks in the door and there beheld St. Michael. The saint ordered him to go to the Emperor, and tell him that he must build him a church on that spot. In consequence, the soldier begged him to speak to the Emperor, or he must take the liberty to do it himself, in obedience to his mission. The officer treated the visionary as a madman, and sent him about his business; he, however, mentioned the adventure to the major, who thought proper to relate it to Paul. The soldier was called and ordered to repeat his account of his vision. The Emperor told him that St. Michael should be obeyed, for he had already been inspired with the design of building him a church, and

In his military operations, however, his policy appears to have abandoned him, because here he gave the reins to his ruling passion. The quick and total change of discipline he has introduced into his armies, has created him nearly as many enemies as there are officers and soldiers. The preference he gives to the old Germans in his service may prove as fatal to him as it did to his father. In the distrust and suspicions which incessantly haunt him, his inferiority to his father is also evident. One of the first acts of Peter III. was to abolish the political inquisition established by Elizabeth; whereas Paul has prosecuted no scheme with greater alacrity than that of establishing a system of spies, and devising

---

had even the plan prepared. On this he sent for the model of a church which he had ready in his closet. Does not this sound like a legend? Yet this farce took place at the Court of Russia in the month of December, 1796, and the author was, in part, a witness to it. The palace is being pulled down, and a church and a new palace are begun, dedicated to *Monseigneur* Michael.—*Gospodi pomiloï!**—The miracle is unfolded when it is known that a cousin of the soldier was one of Paul's *valets de chambre*, and that the soldier, by way of recompense, was promoted to the same post. We may expect soon to see him counsellor of state.

* The usual exclamation which the Russians make, crossing themselves at the same time, when they see anything extraordinary. It is one of the burdens of the litanies, "Lord have mercy!"

means for the encouragement of informers. The blind confidence of the father was his ruin, but it flowed from a humanity of disposition always respectable. The distrust of the son may not save him: it is the offspring of a timorous mind, which by its suspicions is more apt to provoke than to elude treason.

From the conformity of character observable in so many particulars in these two Princes, we might be led to conclude that the catastrophe of one will be that of the other: but this seems at present not at all probable; for, striking as is the resemblance between Peter and Paul, the persons who compose their Courts, and the circumstances of the times, are no less strikingly different.

In the first place, the character of Mary, as a wife, is wholly opposite to that of Catherine: sweetness of disposition is her chief characteristic. Her mildness, patience and modesty have been severely proved by the most rigorous and whimsical treatment; and, perhaps, by the persevering exercise of these qualities, she may in the end triumph. Her time is employed in a succession of duties and occupations suitable to her sex and her dignity. The education of her children, from whom she has too long been reluctantly separated, is at present a source of happiness to her.

Her attention to her husband has enabled her to endure fatigues and exercises the least suitable to her sex and her character. How often has she been seen to attend him on horseback at the wearisome reviews of Gatshina and Pavlofsky? Though exhausted with heat and fatigue, sometimes drenched with rain, or covered with snow, she has still, by her smiles, expressed her acquiescence.[1] She is, perhaps,

---

1 He frequently posted the Grand Duchess on a height, to serve as a mark or point of attack to his troops, while he defended the approaches. One day, I remember, he placed her thus in the ruinous balcony of an old wooden mansion, round which he disposed his troops for defence. One party of troops he had given to Major Lindener, with orders to make the attack according to his own plan. This plan was to establish the reputation of the major, and Paul prepared for the most able resistance. The Princess, meanwhile, remained fixed on the tower, exposed to a heavy rain. Paul hastened to every point where he expected the enemy, and pranced about amid the rain as proudly as Charles XII. in a shower of musket-balls. One hour after another passed; the rain redoubled its violence, and no enemy appeared. Paul, entertaining a high opinion of his Prussian, presumed that he had made a skilful march behind the wood, to surprise him more effectually. Accordingly he visited, changed and reinforced his advanced posts every moment, and sent out parties to reconnoitre and scour the country. Frequently, a noble impatience getting the better of him or his horse, he galloped a considerable way to meet the enemy, with whose tardiness he began to be dissatisfied. Presently his impatience was changed into rage and vexation. Lindener had taken the field early, and made a long round through the estate

more careful of her time, and dedicates it to more useful purposes, than any other lady in Russia. Music, painting, etching, embroidery, are the arts in which she excels, and which have alleviated the solitude in which she lived. Reading and study are with her not so much a business as a recreation; and the management of domestic affairs and the distribution of charities, serve happily to occupy her hours. Tall, well made, and still in the prime of life, she is rather handsome than pretty; she has more majesty than grace, and less wit than sentiment. She is a dutiful daughter and an affectionate

---

of Soltikof, to arrive at the village: but he had gotten his column entangled among the hedges and gardens, which threw it into confusion, and he knew not how to march out, while he had not room to form his line. The aides-de-camp, who came from Paul every moment to order him to make haste, completely confused his mind; and he could find no resource but to pretend he was seized with a violent colic, hasten home, and leave his troops to themselves. Paul, enraged at having made such an excellent disposition of his forces in vain, spurred on his horse as hard as he could gallop to the palace, there to digest his rage; leaving his wife, his army, and those whom he had invited to see this famous manœuvre, wet to the skin. They had waited from five in the morning till one in the afternoon; and much in this manner did Mary spend all her mornings, with one or two young ladies at most; one of whom, too, was Paul's favourite, and received all the attention of him and his courtiers.

sister, as well as a faithful wife and an excellent mother. Far from forgetting her country and her relations, the splendour which surrounds her, and the distance which separates them, serve but to increase the warmth of her affection and the vividness of her remembrance. Her numerous relations are always in her mind; her correspondence with them occupies many hours of tranquil happiness, and her felicity is doubled by making those whom she loves partakers of it. She has not, like the ambitious Catherine, flattered the Russians by adopting their manners, their language and their prejudices: she has not attempted to gain the esteem of this nation by despising her own, and blushing at her origin; but has made herself beloved for her goodness, and respected for her virtues.[1] We might, perhaps, grieve for her as a wife, were it not that the attachment of her charming family ought to be a source of

---

1 Nothing can be more astonishing than that such a man as Mirabeau could relate, in his "Secret Correspondence," such a silly anecdote of the Grand Duchess of Russia. The young man, who is represented as the hero and relater of the story, was assuredly never in the company of that Princess, or even at the Court of Russia; and there is no truth in the scenery of this adventure, which would appear flat, ridiculous and unworthy of notice, had it not been related by Mirabeau.

sufficient happiness to her, and Russia may not improbably one day be indebted to her for national content. Her fruitfulness ensures a more tranquil and natural successor, and the generous blood which she has transmuted into the branch of Holstein will mitigate, perhaps, the barbarity which it derives from the house of Romanof.[1]

It appears from this sketch that Paul would have nothing to apprehend from the Empress, even though the love of the nation for her, and its aversion to him, were to increase. The guards and the people would in vain entreat Mary to ascend her husband's throne; she would reject with horror the invitation. Paul, however, never treated her with becoming respect till he became Emperor.[2] The Court then saw

1 What I say of this Princess is the homage of truth: she well knows, and I more strongly feel, it cannot be that of gratitude. It must be confessed, too, that her good qualities are singularly obscured by a petty vanity, which makes her think and act like a person raised from a low station. The Princess Dorothy of Würtemberg, having become Mary of Holstein-Romanof, might dispense with this Gothic haughtiness; for her children, though Grand Dukes, are disqualified by their paternal descent for admission to a chapter in Germany.

2 This period was soon at an end. I am informed that Mary was put under arrest for twelve hours for having given one of her women some trifling order which Paul did not approve. It appears that this warlike Emperor conducts everything in a military style, even in his bed-chamber.

heart, which is naturally frank and ingenuous. He possesses his mother's stature and beauty, as well as her mildness and benevolence, while in none of his features does he resemble his father. Paul, conjecturing the intentions of Catherine in favour of this son, has always felt coldly towards him; at the same time he discovers in him no resemblance of character, and no conformity of taste with himself; for Alexander appears to do what his father requires of him from a principle of filial duty rather than compliance with his own inclinations. His humanity has acquired him the hearts of the soldiers, his good sense the admiration of the officers: he is the constant mediator between the Emperor and those unhappy persons who, by some trifling neglect, may provoke his anger. He requires not the dignity of Grand Duke of Russia to inspire sentiments of love and interest; nature has richly endowed him with the most amiable qualities and his character of heir to the greatest Empire in the world cannot render them indifferent to humanity. Heaven, perhaps, destines him to render thirty millions of people more free than they are at present, and more worthy of being so.

His character, however, though amiable, is passive. He wants the courage and confidence to discover the

man of merit, always modest and unobtrusive; and it is to be feared that the most importunate and impudent, who are generally the most ignorant and vicious, will find little difficulty in procuring access to him. Yielding too easily to the impulses of others, he does not sufficiently consult his own heart and understanding. He appears to have lost his relish for instruction in losing his masters, and especially Colonel la Harpe, his first preceptor, to whom he owes all the knowledge he has acquired. A too premature marriage has contributed to diminish his energy; and it is probable that, notwithstanding his good qualities, he will become in time the dupe of his courtiers, and even his valets.

After this account of his character, it cannot be supposed that he will ever undertake of himself the odious project with which Catherine wished to inspire him. However, during the last illness of the Empress, and for several days after her death, he was detained near the person of his father with marks of tenderness, but not without symptoms of suspicion. Scarcely was he allowed an hour in the day to visit his young Duchess. The Emperor surrounded him with officers on whom he thought he could rely, and removed from their places all those who were not his creatures and

spies; he took from him his own regiment to give him another, and appointed him military governor of St. Petersburg, naming at the same time for his assistant or guardian, the ferocious Araktscheief. The revenue of the young Prince, which hitherto had not exceeded thirty thousand roubles (£3,000)[1] was increased to two hundred thousand (£20,000); and his father, by employing him in many trifling concerns, which detained him about his person nearly the whole day long, was manifestly desirous of watching over him himself. It is impossible not to praise the Emperor for having thus attached to himself, by means so mild and natural, the object of his unjust suspicions; and we are pleased with these marks of affection for his children, to whom for fifteen years he never felt the resolution to give the least proofs of his regard.[2]

---

1 The great, the generous Catherine, whose magnificence astonished the universe, and who gave roubles by millions to her favourites, left her son and grandson in want of necessaries. Thirty thousand roubles in paper for a Grand Duke of all the Russias! equal to sixty thousand livres French money (£2,500). Sometimes they were given in gold or silver; but they who had the management of the revenues of the young Princes took care to play the usurer, so that in their hands they were diminished nearly one-half.

2 I am informed that the Grand Duke Alexander has just been placed by Paul in the office of Besborodko, as Frederick the Great was by his Officer in the office of one of the Prussian

The vulgar, who in general judge from the most deceitful appearances, perceiving in the Grand Duke Alexander a reserve and circumspection of conduct, which they mistook for pride, were at first charmed with his younger brother Constantine. This Prince does not possess the advantage of so agreeable and prepossessing a person as his brother; grimace serves him for wit, and buffoonery procures him popularity. He exhibits more than one trait of resemblance to the unhappy Tzarovitch Alexis, especially in his aversion for the sciences, and the rudeness of his manners. He possessed, however, the germs of a sound heart and understanding, which his first masters neglected to cultivate, and which Colonel la Harpe attempted in vain to improve, by extirpating the weeds that checked their growth. It will be happy for Constantine, when he arrives at an age of more discretion, should he revive and cultivate them himself.

In other respects, he is a son worthy of his father: the same eccentricities, the same passions, the same severity and the same turbulence, distinguish him; but he will never possess the information which

---

ministers, to perform the functions of a simple clerk. Whether it be to procure him instruction, or to humble and punish him, the young Prince will be one day the better for it.

his father has acquired, nor his capacity, though he promises in time to equal, and even to surpass him, in the art of manœuvring a dozen automatons. Can it be believed that a Prince of seventeen, lively and vigorous, would, on the morning after his marriage to a young and beautiful woman, leave his bride at five o'clock to manœuvre in the court of his palace a couple of soldiers, who were placed there as sentinels, and upon whom he inflicted at the same time repeated strokes of his cane? Yet such was the conduct of the Grand Duke Constantine. I know not whether this military mania promises a good general, but sure I am that it is a proof of a very bad husband.[1]

1 Some time before his marriage he had a detachment of soldiers given him for his amusement. After having tormented these poor wretches for some months, he went so far as to cane the major who commanded them. The major had the courage to complain to Count Soltikof, and the favourite related the story to the Empress. She ordered her grandson under arrest, and took from him his soldiers, who were not returned to him till after his marriage.

Many other stories might be told of this young Prince, but it would be only repeating the vulgar tricks of a boy without education. His grandmother perceived it too late to remedy it. In his childhood he bit and struck his masters; now he strikes the officers at their exercise, and knocks out the teeth of the poor soldiers. The King of Sweden being, with all the Court, at a ball given by Samoïlof, he said to him, "Do you know in whose house you are?—That of the greatest w—— in St. Petersburg." His grandmother put him under arrest

JOSEPH II
EMPEROR OF GERMANY

From the painting in the gallery at Versailles
Artist Unknown

Copyright 1894 by J. Laurie & Son

Paul, though he found in his own family no cause to fear the misfortunes of his father, or any attempt dangerous to his tranquillity, had not equal reason to be satisfied on the part of the nobility. It is certain that he was disliked by them all, and for ten years was a subject for ridicule at the Court of his mother: but Potemkin was no more. A diminutiveness in virtue as in vice, was the characteristic of all who approached the throne: no one possessed that strength of capacity which is necessary to accomplish a revolution, and all wanted that energy which great crimes demand. Catherine could, with more justice than the Countess of Muralt, have bestowed on her ministers the epithet which she gave to her wits.[1] A slight sketch of each of these personages will be sufficient to prove the truth of what I have advanced.

Count and Prince Zubof, the last favourite of Catherine, was thirty years of age and upwards. He was far from possessing the genius and ambition of Orlof and Potemkin, though in the end he united in his person more power and credit than these celebrated favourites had ever enjoyed. Potemkin was

1 It is well known that she called them *Les dunces.*

indebted for his elevation almost solely to himself. Zubof owed his to the infirmities of Catherine. He increased in power, in riches and in credit, because the activity of Catherine was diminished, her vigour abated and her understanding impaired. During the last years of her life, this young man found himself literally Emperor of all the Russias. He had the folly to wish, or to appear, to direct everything; but, having no knowledge of the routine of affairs, he was obliged to reply, to those who asked him for instructions, "*Sdélaïte kak prégedé*—Do as before." Nothing equalled his haughtiness but the servility of those who strove to prostrate themselves before him; and it must be acknowledged that the meanness of the Russian courtiers has always surpassed the impudence of the favourites of Catherine. All crouched at the feet of Zubof: he stood erect and thought himself great. Every morning a numerous Court besieged his doors and filled his ante-chambers. Veteran generals and grandees of the Empire did not blush to caress his most insignificant valets. Stretched with indecent negligence on a sofa, his little finger in his nose,

1 These valets have been frequently seen to beat back the officers and generals who crowded round the doors, and prevented them from being shut.

his eyes vacantly turned towards the ceiling, this young man, of a cold and vain physiognomy, scarcely deigned to pay attention to those who surrounded him. He amused himself with the tricks of his ape—which leaped on the shoulders of his degraded courtiers—or conversed with his buffoon; while the veterans, under some of whom he had been a sergeant—the Dolgorukys, the Gallitzins, the Soltikofs, and all who were distinguished for their exploits or their crimes—standing around him, waited with profound silence till he condescended to turn his eyes towards them, that they might again prostrate themselves before him. The name of Catherine figured in his conversation, but he scarcely deigned to pay the heir to the crown that exterior respect which the etiquette of the Court required; and even Paul was forced to humble himself before a petty officer of the guards, who, but a short time before, had begged his pardon for allowing his dog to be beaten.[1] To obtain money or favours for his

1 Paul had a dog of which he was fond. This dog, roaming round the palace, attempted to snatch a piece of meat from a trumpeter belonging to the guards. The soldier gave him a blow over the head with his trumpet. The dog ran howling and bloody to the apartments of Paul, who was in a rage on hearing the story. "Ah!" cried he, "everything belonging to me, everything I love, is an object of persecution. I have but one dog,

dependents, the Grand Duke Constantine paid him the most assiduous court. Meanwhile, none of the twelve favourites of Catherine appeared so poorly endowed in person and mind as Zubof. In his elevation he displayed no genius, no virtues, no passions, unless we account as such the vanity and avarice which distinguished him; accordingly, when his power expired, his emptiness was apparent. The immense wealth of his family, and the vast estates extorted by his father from the landholders of his provinces, are the monuments which he has left of his administration.[1] The death of the Empress reduced him in a moment to the obscurity from which she had drawn him; as the ephemeron of a day, produced

---

and they want to kill it. Let the officer on guard be sent to me, and let him be punished!" The officer on guard at that time was Zubof, who, informed of the rage of the Grand Duke, went and threw himself at the feet of Soltikof, his patron, to beg he would go with him and solicit his pardon. It was with difficulty Soltikof could obtain it; for Paul was persuaded that his dog had been beaten out of hatred to him, and because he was detested by the guards. The trumpeter maintained that he did not know to whom the dog belonged; and this Paul took for a fresh insult, for which he would certainly have inflicted a severe punishment, had it been in his power.

1 Zubof's father was made a judge; and, to enrich himself, he bought up all the old causes in the court, or made the parties relinquish them to him, and then decided them himself, or caused them to be decided, in his favour.

by the sun, flutters in his kindly beams, but cannot survive the passing breeze. Zubof lamented Catherine as a son bewails the loss of his mother; and this was the only moment of his life in which he appeared at all interesting. It is also just to observe that, mingling with the crowd, he discovered more readily the station that was suitable to his insignificance than the courtiers did theirs, which ought to have been still by his side. They shewed themselves yet more base than he was humbled; and though for the first few days his ante-chambers were deserted, for a long time afterwards, when he appeared at Court, the stupid courtiers made way for him, and prostrated themselves before him as before a Sovereign; so difficult is it for slaves to recover the dignity of manhood! We must do him the farther justice to acknowledge that he did not, like a Mentchikof and a Biren, people the deserts of Siberia; though, at the instigation of Esterhazy and other French emigrants, he committed acts of great injustice and inquisitorial violence; and the calamities of Poland may in part be considered as his work.

The Emperor, who, at the moment of his accession, treated him with astonishing respect, confirmed him, in the most flattering terms, in all his employ-

ments; bestowed on his brother the first Order of Russia, solely for having undertaken a journey to Gatshina; made him a present of one of his military uniforms—the Emperor, I say, having measured his man, perceived that he had nothing to fear from him; accordingly, the seal was suddenly put on his chancery, and it was the Grand Duke Constantine, lately his most assiduous courtier, who executed this commission, as officer of the police, with all the rudeness which is natural to him.[1] His secretaries were banished or driven from the Court[2]; his creatures exiled, or im-

1 It is to be observed that Zubof, who had all places in his hands, and the secretaries, who had all public affairs in theirs, were sent off in four-and-twenty hours, without making them give any account, or demanding any information. The confusion this occasioned will appear in the sequel.

2 The two most famous are Altesti and Gribofsky. The former is a Ragusan, whom the Russian minister, Bolkunof, took from a merchant's counting-house in Constantinople to employ him in his office. When war was declared, he came to St. Petersburg to solicit employment, and got into the service of Zubof, who was growing in favour. He understood several languages, and was not destitute of sense. He soon became the penman of Zubof, and even of the Empress. A pamphlet, which he wrote in French against the King and revolutionists of Poland, and in which he treated the former as a factionary, the latter as Jacobins, stuffing it with epithets, lies, stupidities, and flattery, established his reputation and his fortune. This libel was spread abroad like a manifesto. Titles, Orders of Knighthood and slaves were presently lavished on Altesti. Not contented with these

prisoned[1]; and all the officers of his staff, or of his suite, upwards of two hundred in number, were obliged to join immediately their respective corps, or give in

---

gifts, he enriched himself prodigiously by other means. The Polish confederates, the governments, the Cossacks, &c., were eager to purchase his protection and services by hard ducats. All the affairs of Poland were in his hands, and on him depended wealth, liberty and life; for he made out the lists of the proscribed. He grew uncommonly haughty and impudent; but an impertinent trick he played upon Count Golowin, who had the courage to complain of it, at length ruined him. He had orders to retire to his estates; but Zubof had obtained his recall, and he was on the point of re-entering into office a few days before the death of Catherine. One of the first orders of Paul was an injunction to him to depart in twenty-four hours. Altesti has talents, but is ungrateful: he occasioned the disgrace of Bolkunof, his first benefactor.

Gribofsky, the other secretary, was a Russian. He had not the understanding of his colleague, but perhaps a better heart, and acquired nearly equal influence. He was the son of a clergyman, and began his career as a copyist in the office of Potemkin. In less than two years, under Zubof, he attained the rank of colonel, and his luxury and expensive mode of living astonished and disgusted all St. Petersburg. The finest ladies admired his person, and he was flattered by the greatest lords. He kept a band of music, buffoons, mistresses, and horses. In the spring he gave suppers, with desserts of fruit not to be seen at the Empress's table; and I was present at an entertainment where everyone paid his shot, the dessert of which, furnished by him, was reckoned, in consequence of the season, at five hundred roubles (£50).

1 Among others, Kapief, a young man who would have deserved a better fate, had his heart been equal to his head;

their resignation. To remove him with less indignity from the palace, a large mansion was given him as a present, and all his offices were then withdrawn. He did not himself give in his resignation of thirty different employments till in reality he no longer held them. The Emperor created Nicholas Soltikof a field-marshal, and restored to his office the administration of military affairs, which had been taken from it by Zubof. It was then that the disorders and abuses which pervaded the service were discovered. The favourite, who, to enrich himself, carried on a war in Persia, the conducting of which was entrusted to his brother,[1] had not condescended to submit to the College of War the ordinary reports; and the troops which he had marched towards Galicia were equally neglected; so that, when it became necessary to make a new arrangement of the army, it was not known where the greater part of the regiments were, and still less in what condition they would be found.

---

he was accused of having said to one of his friends, whom he met in Paul's new uniform, "Good morning. What! are you going to a masquerade?"

1 At the Empress's table, during the visit of the King of Sweden, the conversation turned on some news just brought by a courier. "It is but a trifle," said Zubof to a Swede: "My brother sends us word that he has gained a battle and conquered a province; that is nothing new."

Officers who had to rejoin their corps knew not to what quarter of the world they should set off to find them, and in vain attended the offices to obtain the necessary information.[1]

A few weeks after, Zubof obtained permission, or rather received orders, to quit Russia. Like all his predecessors, he went into Germany to exhibit the brilliants, the Orders, and the portraits which he received from Catherine; but of all the gifts of his old mistress, the roubles are those which he has used with most discretion. After having taken with him a girl disguised as a valet, he fell in love at Tœplitz with a

---

1 This was frequently the case in Russia; but the following will excite more astonishment:—A Frenchman, the Chevalier Roger, having solicited Count Soltikof, through the medium of Major M——, to give him the post of commandant of some remote place, as he wished for such a retirement, where he might live with his wife more cheaply, the minister gave orders to see whether any such place was vacant. Being informed that Fort Peter and Paul, in the Government of Oremburg, was without a commandant, Roger was appointed to the post, and set off. Some months after, Major M—— received a letter from Roger in the following words: "I am arrived in the country where my fort was said to be; but judge of my surprise on being informed that it was destroyed by Pugatshef twenty years ago, and exists no longer. Finding myself in a desert with my family, without an asylum and without resource, I have been obliged to return to Oremburg." This letter was shewn to the minister, who gave Roger another post.

pretty emigrant of the name of Roche-Aimon: but he there soon became acquainted with the young Princesses of Courland, who, with the grace and beauty they inherit from their mother, and the immense fortunes which their father will leave them, are the most desirable heiresses in Europe. He endeavoured, accordingly, to pay his court to the old Duke, whom a little before he had attempted to strip of his sovereignty, and towards whom he had affected so much haughtiness at St. Petersburg. The Duke expressed to him his resentment and contempt; but Zubof, unaccustomed to meet with obstacles, conceived the design of carrying off the eldest Princess by force. Whether, however, the Duke complained to the Emperor, or Paul was actuated by other motives, he despatched an order to Zubof to return to Russia; and it is probable that the last favourite of Catherine has, by this time, acted his last part.

Count Nicholas Soltikof, field-marshal, minister of war, and grand-master to the young Grand Dukes.

* * * * * * *

The old vice-chancellor, Ostermann, whom Paul hastened to advance to the post of chancellor, in order to get rid of him, burdened with old age and infirmi-

ties, no longer appeared at Court but as a remembrance of past times. He was far from acting under Catherine the part which his father had played under the reign of Anne, and from deserving the same disgrace from Paul which his father had merited from Elizabeth. He had the name only of vice-chancellor, and the despatch of some passports which were given him to sign. Diplomatic and foreign affairs were divided in the office of Zubof between Besborodko and Markof, who were the actual authors of all the ministerial papers; and the first of whom, particularly, enjoyed an immense credit, which even balanced that of the favourite.

Besborodko and Markof were perfect contrasts to each other. The one was awkward, clownish, negligent, disorderly, his stockings about his heels, and had the gait of an elephant; though richly habited, he appeared always as if he had dressed himself at the conclusion of a debauch, which still oppressed him with the stupidity of drowsiness. The other was so minutely attentive to dress that he might pass for the ridiculous marquis of some of our comedies, and so absurdly affected that he never entered a room or bowed but according to the rules of a dancing-master, never walked but on his toes, and never took snuff without

displaying the brilliants which sparkled on his fingers. When he spoke, too, it was always in the ear of the person with whom he discoursed; his conversation consisted of *bons mots*, his answers of points; and the same study and affectation were perceptible in his attempts at wit as in his dress and manners.

Besborodko, notwithstanding the depravity of his morals, is active, and occasionally laborious. Advanced from the situation of clerk in the chancery to the rank of Prime Minister,[1] he is well acquainted with the routine of affairs, and writes with facility; but the negligence and disorder which characterize his person are equally perceptible in all the offices under his administration, and particularly in the management

1 At first a writer in the office of Romanzof, he became secretary to Catherine, and the following is said to have led the way to his fortune. Having been ordered one day to draw up an ukase, he forgot it, and appeared before the Empress without it. On her asking for it, Besborodko, without being disconcerted, took from his pocket a sheet of blank paper, from which he began to read, as if it contained the ukase in question. Catherine, satisfied with the language, asked for the paper that she might sign it, and was much astonished to find it blank. This facility of extemporaneous composition struck her; and, far from reproaching the secretary with his negligence or deceit, she made him minister of state, for knowing the style of an ukase by heart, and having had the boldness to impose it on her.

of posts, of which he is director-general, and which is an office open to the inspection of every one.[1]

Before his appointment, it was the best conducted public institution in Russia: under his administration it will soon become the worst. His office is a devouring gulf, from which nothing returns; and the advantages which principally distinguish his house are the multitude of entrances and secret staircases by which he contrives to escape in quitting, or to shun on entering, the unhappy expectants, who wait whole days in the ante-chamber.[2] It is necessary to have the clue of Ariadne to reach this Minotaur; who, without doubt, would be found at the extremity of his labyrinth, engaged in making some young beauty his prey.

If the morals of Markof are not edifying, it must

---

1 Of all parts of the country, the estates of the director-general of the post were those where horses were never to be had, and where travellers were sure to be *taken in*.

2 It is said that an attorney, not being able to get sight of him, at length contrived to slip into his carriage, and wait for him there. Besborodko, astonished at the boldness of the scheme, heard the man's tale, and promised to make his business known to the Empress; but the man would not quit his post, and remained in the carriage till Besborodko came out of the palace, that he might have an answer. Report says it was a favourable one.

The present Count Samoïlof, attorney-general of the Empire, had no other merit to distinguish him than that of being the nephew of Potemkin, and bearing a slight and deceitful resemblance to him. His capacity was unequal to the duties of his office, in right of which he was grand treasurer and president of the Senate, and of all the Courts of the Empire. It was against his own inclination that he was called from the army to fill these civil employments. He acknowledged that he did not possess the necessary talents; but his deficiency was his chief recommendation, for a passive agent was wanted, one who should be unable, from want of capacity, to counteract the views of Catherine or her favourites. It was at his house that the infamous Inquisition reassembled, which Anne erected under the name of the *Secret Chancery*, which Peter III. thought it his duty to abolish, which Catherine revived under another form, and the worthy members of which Paul carefully disperses in the ante-chambers of particular houses. The palace of Samoïlof, which is one of the most elegant in St. Petersburg, contains several prisons for the detention of accused persons, where they are safely kept till they can privately be disposed of. It is apparently on this account alone that many consider

it as a public building. In other respects Samoïlof was insignificant, and like the ass carrying reliques. Paul, to reward him for the readiness with which he caused the oath of fidelity to be taken by the Senate, bestowed on him four thousand peasants, under pretence that his mother had already promised them. Some days after he was suddenly removed from his place, and Prince Kurakin appointed his successor.

But the man against whom the blood and tears of thousands of victims cried most loudly for vengeance, he who ought to have suffered first beneath the axe of justice, if the successor of Catherine had been endowed with firmness, equity, and humanity, was Arkarof, Governor-general of St. Petersburg. This man, or rather, this savage, had distinguished himself for a long time by a brutality of conduct worthy of an executioner of Attila. He was Governor of Tver, where he exercised a system of robbery, the details of which would excite horror and appear incredible, when Catherine, towards the end of her life, placed him near her person. This is the man whom she judged worthy to be the guardian of her crown, when the French Revolution, the Zubofs, the Esterhazys, and perhaps her own remorse, began to fill her with suspicions and terror. He soon displayed, in a more extensive field, those horrid qualities which had

been the scourge of the provinces of Moscow and Tver. Upon the death of Catherine, the fall of Zubof, and the accession of Paul, the punishment of this monster was expected as an event that could not fail to take place. Innumerable victims of his tyrannies cast themselves at the feet of Paul, and demanded justice and vengeance. The Emperor, however, granted no redress to complaints of abuse of power or oppression, but contented himself with commanding Arkarof to pay some debts. Of all those who enjoyed the confidence of the mother, he was, by a horrible exception in favour of his talents, the only one who obtained the confidence of the son. He was confirmed in all his old, and even raised to new, employments. Nevertheless, the complaints of honest men, and the cries of the people, increased against him. It is said that Paul, when on his way to Moscow to be crowned, found the road strewed with petitions against this new Sejanus.[1]

From this account of four or five persons who held the reins of Government at the death of Catherine, it appears that Paul had nothing to apprehend from them: all of them were rich, their fortunes made, and none of them young. It cannot, however, be too carefully

1 He is now in disgrace, though not for his crimes.

observed with what eagerness Paul still loaded with wealth these blood-suckers of the State before he discarded them. His motives are obvious: as soon as he thought he had no longer anything to fear from them, he disgraced them. The sudden death of his mother prevented any other party from forming at Court, and there was no individual at the head of the armies in a situation to undertake anything. The three generals-in-chief, who commanded then the principal armies of the Empire, were as remote from each other, by means of their different manners, views and characters, as by the immense distance which actually separated them.

The most celebrated was Prince Nicholas Repnin, whose name has so often resounded through Europe conjunctly with that of the celebrated Romanzof.[1] He

---

1 I make no mention, likewise, of that old warrior, whom the ingratitude of Catherine, who was indebted to him for her first triumphs, will render for ever celebrated, no less than his own exploits. He was himself dying at the time of the Empress's decease; and, though he had the command of an army, his debility rendered him inactive. Paul wore mourning for him three days, and ordered all his army to do the same. For twenty years he had left off visiting the Court; and, whether in retirement or in the camp, led a life as selfish as philosophic, for he is less to be honoured as a husband or a father than as a general. He parted from his wife, and remained as much a stranger to his family as la Fontaine. One of his sons, having finished his studies, came to the army to him to ask a commission. "Who are you?" said

was, with this veteran warrior, the only general of signal merit in the armies of Catherine, whose appearance and person did not exhibit a perfect contrast to their reputation. In the last war but one against the Turks he acted a brilliant part as a general, and displayed great abilities as a negotiator at Constantinople. He was afterwards distinguished in Poland by as much politeness as haughtiness. He then submitted ignominiously to the ascendancy of Potemkin, who treated him as a respectable character of past times. In his old age, he still further diminished his early reputation by an attachment to the mysteries of Martinism and the Illuminés; and we are at a loss to determine whether it was the humility of a devotee, the baseness of a courtier, or the stoicism of a patriotic hero, that enabled him to bear the insolence of Potemkin and the enmity of Catherine, who, while they availed themselves of his military talents, loaded him with insults. He had incurred the hatred of Catherine by declaring in favour

Romanzof.—"Your son."—"Oh, very well! you are grown up, I see." After a few more questions *equally* paternal, the young man asked where he should take up his abode, and what he was to do. "Why, to be sure, you are acquainted with some officer or other in the camp!" said his father. It is a fact no less singular that his son, Sergius Romanzof, returning from his embassy to Sweden, asked Nicholas Soltikof for a letter of recommendation to his father, that he might be well received by him.

of Paul, and advising him to assert his rights to the Crown, of which his mother had only been proclaimed guardian and Regent. In the last war against the Turks, Repnin acted a very inferior part, yoking himself voluntarily to the car of Potemkin, lest he should otherwise not be harnessed at all; for he was resolved to serve, though they might be even unwilling to employ him. In the ante-chambers of the favourites he prostituted his laurels and his white hairs, more than a young officer who has still his fortune to make. How different was Repnin here to Repnin when ambassador at Warsaw, giving audience to the King of Poland in his dressing-gown![1] or rather, it was the same character, for the haughtiest persons will always be found to be the most servile.

When Potemkin, however, was detained from the camp by the pleasures and festivities of St. Petersburg, as has been already mentioned, Repnin, to whom he had

---

1 One day, the King coming to pay him a visit, he ran and put on a morning-gown to receive him. After a trifling excuse and a slight bow, he turned his back to the looking-glass, which was opposite Stanislaus, acting in a manner that would have disgraced a Merry-Andrew, and which delicacy forbids me to mention. At Riga, he received d'Artois almost as rudely, pretending not to know him, and leaving him alone by the fire. He was piqued at the air of superiority which the French Prince assumed, and at his not saluting the guard, which paid him military honours.

left the command of the army during his absence, so far emancipated himself as to neglect the order he had received to remain inactive. He suddenly passed the Danube, and by a skilful march, surprised and defeated the grand army of the Vizier Yussuf. This gallant and successful action revived the faded laurels of Repnin. The Court resounded with his praises: they compared this bold and decisive campaign with those of Potemkin, who was content every winter to attack some fortresses, the capture of which cost so much blood, and who had never found a Turkish army to fight with. Roused from his lethargy by this blow, which disgraced and threatened him, Potemkin abandoned his pleasures, and entered into Moldavia. His interview with Repnin was a terrible explosion, which the conqueror of the Turks sustained with more firmness than was expected of him. But he was driven from the army, and obliged to acquiesce in his dismissal, for having gained a most decisive victory and forced the Turks to solicit an ignominious peace—such was still the influence of Potemkin and the condescension of the ungrateful Catherine! On the death of Potemkin, which happened shortly after, Repnin repaired to St. Petersburg, and degraded his old age and his honours in the ante-chamber of Zubof, who, flattered to see the old warrior in the number of his

assiduous courtiers, appointed him Governor-general of Livonia. In the consternation and rage into which Catherine was thrown by the massacre of the Russians in Warsaw, he received orders to collect the regiments of his province and to invade Poland. He was at this period the only general of great reputation, and the oldest in the army: he had the further satisfaction of seeing his Sovereign, contrary to her inclination, obliged to employ him. The regular and cautious march, however, of Repnin, through Lithuania, did not accord with the impatient vengeance of Catherine. She thirsted for blood, for the blood of all the inhabitants of Warsaw; and she let loose from another quarter the furious Suvarof, who, as far as the gates of Prague, strewed his route with carcasses. Repnin then received the severest insult he had ever swallowed, but he digested it as readily as former ones. Suvarof was created field-marshal, and appointed commander over the man whose orders the day before he had received, and by whom he was despised.[1] Catherine added even raillery to insult,

1 Suvarof caused the first report sent him by Repnin to be read aloud to him two or three times over in the presence of his staff, making a thousand antics, pretending to be deaf, that the reader might raise his voice, so astonished was he at receiving a report from Prince Repnin, whom he thus cruelly rallied. Catherine was always very despotic, and always made seniority give way to favour.

by making a present of a house to Repnin, for having been passed over in this appointment. The whole army resented this treatment of the veteran; several generals remonstrated, and Count John Soltikof, with generous pride, resigned his commission. Repnin alone—Repnin, who had the most reason to be offended, and was most capable of making it felt, who could with impunity show that he was susceptible of resentment and honour—like a Stoic or Christian, submitted to this disgrace.

On his accession, Paul at length created him field-marshal, and the last warlike exploit of Repnin was the executing military vengeance on some villages in the Government of Novgorod, on the occasion to which we alluded in a former page.

Repnin, who has shewn himself a great general, as well as an imperious minister and a servile courtier, possesses some personal qualities rarely to be met with in Russian generals. Not only his figure, but his

---

At the death of Potemkin, Kamenskoi, one of her best generals, took the command of the army as a matter of right, and sent his first report accordingly. He said, "Having taken the command in consequence of my seniority, &c."; against which Catherine wrote in the margin, "Who gave you orders?" He then spoke of the disorder which he found prevailing among the troops, and in the margin Catherine wrote, "He dared not say a word while the Prince was alive." In answer to his report, Kamenskoi received orders to quit the army.

manners and carriage are noble. His heart is humane,[1] and he is destitute alike of the Muscovitish grossness of his colleagues towards their inferiors,[2] and that rapacious avarice which has always distinguished them. On the contrary, he is compassionate and generous, and Lithuania is greatly indebted to him, for it was by him and Prince Gallitzin that it was saved from total ruin.

---

1 Particularly towards the soldiers. Reviewing a regiment of cavalry, he said, "I enquire only about the men; as to the horses, they are bought by the colonel, and, therefore, I know better care is taken of them."

2 His behaviour to his officers, however, while at Berlin, shocked the Prussians, to whom the haughtiness of the Russian generals was unknown. At this place it was matter of astonishment to see Repnin gravely stalking along, decorated with the badges of all his Orders of Knighthood, while a kniaz, Volkusky his nephew, several aides-de-camp, and Thiemann the Martinist, his secretary, followed him at some paces distance. Every time he turned about to utter a word, his attendants halted and took off their hats. His political mission, however, did not succeed. This Prince, a field-marshal, formerly embassador triumphant at Constantinople and omnipotent at Warsaw, neither frightened nor cajoled the young King of Prussia, whom Paul had ordered him to oblige to rejoin the coalition. Repnin, dismissed from Berlin, repaired to Vienna, where the success of his negotiation is visible. But one of his secretaries, said to be a Frenchman of the name of Aubert, stole off with part of the papers and secrets of his embassy. This enraged Paul, and he dismissed Repnin, on his return, for not having succeeded at Berlin, and for having employed a Frenchman in his service; however, as a mark of singular clemency, he is allowed to wear the uniform of armies which he has commanded with glory for forty years.

am I forbidden?" demands Suvarof.—"By order of Marshal Suvarof himself," answers the aide-de-camp.—Suvarof, rising, then says, "He must be obeyed." In the same manner he causes himself to be commanded in his own name to walk or to do any other necessary thing.

During his stay at Warsaw, a crowd of Austrian or Prussian officers pressed to see this original. Before he made his appearance, he enquired of which of these officers there was the greatest number; if Austrians, he decorated himself with a portrait of Joseph II, entered his ante-chamber, leaped into the middle of the circle, and offered to each of them the picture to kiss, repeating, "Your Emperor knows me, and loves me also." If Prussians composed the majority, he wore the order of the Black Eagle, and made the same grimaces. At Court, he is sometimes seen to run from lady to lady, and kiss the portrait of Catherine which they wear at their breasts, crossing himself and bowing. Catherine told him one day to behave himself more decently.

He is a devotee and superstitious. He obliges his captains to pray aloud before their companies; and ill-treats those foreign officers, or Livonians, who are unacquainted with the Russian prayers.

Sometimes he visits the hospitals of the camp, calling himself a physician. Those whom he finds extremely ill he obliges to take rhubarb or salts, and on those who are but slightly indisposed he bestows blows. Often he drives all the sick from the hospital, saying, "It is not permitted to the soldiers of Suvarof to be sick." In his armies all those manœuvres are prohibited which relate to a retreat, as he shall never, he says, have occasion to adopt them. He exercises his soldiers himself, and makes them charge with the bayonet in three different ways. When he says, "March against the Poles," the soldier plunges his bayonet once; "March against the Prussians," the soldier strikes twice; "March against the execrable French," the soldier then makes two thrusts forward and a third in the ground, and there sinks and turns round his bayonet. His hatred against the French is extreme. His letter to Charette has been seen in various newspapers. He wrote to Catherine from Warsaw, and frequently in these words: "Mother, permit me to march against the French." When the death of Catherine took place, he had already advanced for that purpose into Gallicia at the head of forty thousand men.

Frequently he rides through his camp, naked to

his shirt, on the bare back of a Cossack horse; and at daybreak, instead of causing the drums to beat the *reveille*, he comes out of his tent and crows three times like a cock, which is the signal for the army to rise, sometimes to march, or even to go to battle.

In the multiplicity of extravagances which he commits, or of insipid things which he says, if any singular or striking trait falls from him, everyone repeats and admires it as a burst of genius. This man has nevertheless some virtues; he has shewn occasionally an uncommon disinterestedness, and even generosity, as well in refusing the gifts of Catherine as in distributing them about him. He will slaughter the wretch who asks life, but he will give money to him who asks charity. Almost at the same moment he gnashes his teeth in rage like a madman, laughs and grins like an ape, or weeps piteously like an old woman.

Such is the too celebrated Suvarof. He quarrelled with his wife, and would not acknowledge a son whom he had by her, preferring his nephews, the Princes Gortschakof; but the Empress having made this son an officer in the guards, he said, "As the Empress chooses I shall have a son, be it so; but, for myself, I know nothing of the matter." He had also a daughter,

maid-of-honour to Catherine, who was distinguished at Court for idiotism. Her father, after an absence of several years, appointed a meeting with her at the house of a third person. "Ah, father," cried she, "how big you have grown since I saw you!" In French, this would have passed for a happy play upon words, but in Russ it was a blunder that excited universal laughter.

After the capture of Warsaw, he repaired to St. Petersburg, to enjoy the fruits of his glory; and this Scythian, who had never before any other lodging than his carriage, accepted apartments in the Taurique palace, and wore a superb marshal's uniform, which was given him by Catherine. When he received this dress, he played a thousand antics, hugging it in his arms, kissing it, and making signs of the Cross; and when he lifted it, he said, "I am not astonished they do not give such a dress as this to little Nicholas Soltikof; it would be too heavy for him to wear."[1]

We have seen the manner in which Paul dismissed him on his accession, and the motives which instigated him. The murmurs of the army afterwards obliged the Emperor to recall him.

Valerian Zubof, brother to the favourite, com-

1 Nicholas Soltikof was one of those most hurt by the promotion of Suvarof.

manded the army which acted in Persia. Mention has before been made of this young libertine, who is naturally of a frank, honest and courageous disposition, but has been corrupted by favour. He had lost a leg in Poland, and was on crutches when he went to conquer Asia.[1] One of his couriers arrived at the moment of the death of Catherine, with the account of a battle. Paul sent him ribands of the Order of St. Anne, to distribute among his officers, and to each of the colonels a private order to lead their regiments to the frontiers. The general remained behind in his camp, without knowing what he was to do. He afterwards followed his army, and, on his arrival at St. Petersburg, gave in his resignation. He resides at present in Courland, where he possesses almost the entire domains of the ancient dukes.

From generals of such character, and armies at a distance from Court, and ignorant of what was passing there, nothing could be apprehended. The only corps which Paul had really to fear was the guards. For a

1 At the news of his wound, Catherine sent him her own surgeon, the riband of the Order of St. Andrew, the rank of general-in-chief, and a hundred thousand roubles (£10,000) to defray the expense of his cure. He demanded five hundred thousand (£50,000) more, to pay his debts.

long time these four numerous regiments, commanded by the first nobility in the Empire, had viewed with alarm the approaching reign of the Grand Duke, and regarded his accession as the term of their existence. Paul did not even conceal his aversion for them; and the severest reproach which he could use to his officers, and even to his soldiers, at the reviews of Gatshina and Pavlofsky, was, "Thou art fit for nothing but to serve in the guards." These troops repaid him, in turn, the contempt he affected, and, by way of ridicule, bestowed on his soldiers the epithet of "Prussaki," or Prussians. It is beyond a doubt that, with these dangerous successors of the strelitzes, a slighter cause than the tears of an Elizabeth, or the caressing attentions of a Catherine, would have served to excite them to mutiny. Paul did not think himself in security till he had distributed, as we have seen, his own battalions in these formidable regiments, caressed the soldiers, and deprived the old officers of their commissions. But it was to little purpose that he lavished on them roubles and brandy; these acts of generosity gained only those who were near his person, while the army complained and murmured.[1]

1 Peter I. had abolished the strelitzy (archers), but their spirit revived in the four regiments of guards, who supplied their place. The guards, consisting of picked men, whose officers were taken

Paul, as Grand Duke, hated and despised by his mother, humbled by the favourites, ridiculed by the courtiers, living in solitude and almost forgotten under a brilliant reign, and preserving the most regular and austere manners in the midst of a corrupt and debauched Court,[1] required few amiable qualities or virtues to make his situation pitied by men of understanding, and his reign wished for by the people. He ought to have been expected as a deliverer; he was, however, generally feared as a scourge. His domestics, his officers, his courtiers, his favourites, and even his children, dreadful to relate, partook more or less of these horrid sentiments. The suspicion he entertained that he inspired these sentiments doubtless exasperated him, and, perhaps, rendered him incapable of correcting them; but, with this character, the traits of justice and goodness which sometimes appear in him are more striking, and occasion a

---

from the wealthiest families* formed an army of near ten thousand men around the throne. The influence of this body was sufficient to effect a revolution, and, indeed, alone accomplished all that has taken place since Peter I.

* To be an officer in the guards, a man must prove that he possessed at least a hundred peasants or slaves.

1 This is a piece of justice that must not be denied him; and if his attachment to the Nelidof has made him neglect his wife, it has not made him offend against decency or decorum in public, hitherto at least. The Nelidof, however, is dismissed.

deeper regret for those qualities which might have been expected in him.

Before his accession, his favour was dreaded; beside its often exciting the resentment of the Empress and the favourite, it was considered as the same sign of disgrace as fine weather is proverbially regarded as the constant forerunner of rain. No man has ever shewn more eccentricity and fickleness in the selection of his friends. At first, he opened himself with unbounded confidence and entire familiarity to the person who appeared to enter into his views; then, repenting this frankness, he regarded his friend as a dangerous character, perhaps the creature of his mother or of the favourite, who had flattered him only to betray him. Beside those on whom the slightest attentions of his wife, or the kindnesses of Benkendorf, caused the storms of his anger to fall, the Empire swarmed with his banished domestics, disgraced favourites, and cashiered officers. It invariably happened that he who had been nearest his person had most reason to complain, and he who had received most favours found himself in the end most unfortunate.

Having given some account of the ministers of Catherine, it will not be improper shortly to speak of the courtiers who were in favour with Paul on his accession, and who will certainly continue in favour for

some time. It may be said with truth, in their praise and in his, that the majority of those ministers are more disinterested and abler statesmen than those of the old Court.

The two Princes Kourakin, who alternately have been in favour and disgrace with Paul,[1] are the two men, next to the *valet de chambre* I have mentioned, who possess most influence, and, perhaps, they are persons most deserving of it. Before the death of Catherine, though powerful and rich, their employments were insignificant. One of them led a retired life, amusing himself with the

1 Alexis Kourakin had frequently been in disgrace with Paul, on account of the attention and regard he always paid the Grand Duchess; but the ill-humour of Paul on this score must not be ascribed to jealousy, which his character and that of his wife did not allow. Paul's ill-humour arose from political suspicions, not from love. One day, observing his wife speak low, by the fireside, to Prince Kourakin, he fell into a passion, and said to her, "Madam, you want to make yourself friends, and prepare to act the part of Catherine, but be assured you shall not find in me a Peter III." These inconsiderate expressions, which escaped from him in his rage, alarmed everyone, and Kourakin withdrew from Court. From that period the Grand Duchess was more unhappy, and under still greater restraint. The least message could not be sent to her without permission of her husband. He named those who were to offer her their arm for a walk, to make her evening party, or even to converse with her in the course of the evening. At length he found it more commodious to give her a sort of *cicisbeo*, who was never to quit her. Prince Neswitsky was the man whom he deemed insignificant enough for this office.

cultivation of the arts and sciences, or the education of his children, and was generally respected and esteemed. His manners and habits of life were very different from those of the greater part of the Russian nobility, who dissipate their time and fortunes in vices of every kind —in gaming, in luxury, and other follies. In a word, he appeared worthy to be at the head of affairs, and he now holds that station with his brother; the one being vice-chancellor of the Empire, and the other attorney-general. To them must be attributed whatever is right in the conduct of affairs.

Two young chamberlains, who, fortunately, were in the service of Paul when the couriers arrived with the intelligence of the death of Catherine, were suddenly metamorphosed into generals of the army, and became his first aides-de-camp. One is M. Rastaptschin, who owes his favour to a very ingenious letter, and who, to preserve it, must renounce three-fourths of his understanding, and one-half of himself.[1] The other is a young Count Schuvalof, whom Paul had recently taken into favour, after having long neglected him; and to whom he presented one of his own dresses, to serve as a model for the horse-guards, of which he appointed him major. The young man appeared at

1 He has already been twice dismissed, and recalled.

Court in this habit, as if in a sack; and doubtless found himself much at his ease in it. Nothing can be more singular than the equal favour of these young persons since it would appear that the favour of the one was sufficient to cause the disgrace of the other. M. Rastaptschin, some years ago, was gentleman-in-waiting to the Grand Duke, at Pavlofsky. His young associates, and, among others, Count Schuvalof and Prince Baratinsky, considering their employments as a difficult and hazardous service—because a word spoken to the Grand Duchess, or a coat too fashionably cut, was sufficient to ruin them—absented themselves as often as possible, feigning sickness, or alleging some other excuse. Rastaptschin, tired in his turn with not being relieved, wrote a sharp letter to the marshal of the Court, in which he rallied his associates on the true motives which detained them at Pavlofsky; adding, at the conclusion, "For my own part, who have no disease to cure, nor a fair Italian singer to maintain, I will cheerfully continue to perform their duty to the Grand Duke." These strokes of satire were aimed at Schuvalof as well as at Baratinsky, whom Paul, though his relation, could not bear. The marshal showed this letter to the Empress, who at first laughed at it; but Schuvalof and Baratinsky,

thinking they had reason to be offended, required an explanation from Rastaptschin. The affair made a noise: Baratinsky was sent to the army, and Rastaptschin was banished from the Court for a year. From that time the Grand Duke regarded him as his champion, and obstinately refused to accept the attendance of the other gentlemen-in-waiting, unless he was recalled: and accordingly, for more than a year, though they regularly came to Pavlofsky or Gatshina to offer their services, they were as regularly dismissed.

Among the favourites of the Emperor, M. Pleschtscheief is a real phenomenon; he is the only one who has always kept himself at the same distance. It is true, he has never ranked in the first class of favourites; but it is also true, that he has always been exempt from storms. He is a man well-informed and respectable. He speaks several languages, possesses some knowledge of geography and government, and cultivates literature. He might even be of service to Russia, if among his good qualities he could reckon that of courage to speak the truth; but, unfortunately, his constant enjoyment of favour seems almost a moral proof of the contrary.[1]

1 He also has at last been disgraced, and with circumstances of great cruelty.

M. Nieledinsky, who had been the companion of the studies and amusements of Paul, was distinguished at St. Petersburg for great extent of capacity, and had acquired reputation by some love sonnets, not deficient in grace and sentiment. The Emperor has appointed him his private secretary, but on condition, no doubt, that he strangles his muse, which has served him, however, too well to deserve so cruel a death. It is at least to be wished that Nieledinsky may exhibit and practice the sensibility which he displays in his verses. His office is to give an account of the letters and petitions that are addressed to the Emperor; the fate of numerous oppressed individuals is accordingly in his hands.

M. Nicolai came into Russia as governor to the young Counts Razumofsky, who afterwards were his protectors. On the recommendation of Mrs. Pretorius, his relation, waiting-maid to the Duchess of Würtemberg, he was placed near the Grand Duchess in quality of secretary; he was created a Baron in Germany, during the travels of the Grand Duke, and became, on his accession, counsellor of state, director of the Emperor's cabinet,[1] Knight of the Order of St. Anne,

1 What is called the *cabinet* in Russia is not a council of state; it is the room which contains the treasures, jewels, and private curiosities of the Sovereign.

and received some hundreds of peasants.[1] He comes from Strasburg, and is known in Germany by some imitations of Ariosto and other poems, agreeable enough, though extremely verbose. He also has been obliged to sacrifice his muse on the altar of fortune; to which, ungrateful as he is, she had herself conducted him. I do not know if the political haughtiness, which he thinks himself obliged to maintain, renders him more happy, but it does not at least give him the appearance of it.

M. Danorof, late librarian to the Prince of Würtemberg, and since aide-de-camp to Paul, has also become an important personage; but I abstain from speaking in detail of those with whom I am not sufficiently acquainted to form an adequate judgment of their merits. I will only remark that, in the list of

1 He had before an estate in Finland, a province ceded by Sweden, where the peasants are not completely reduced to the same mode of slavery as the Russians; and Nicolai frequently complained of it, saying, "These wretches scarcely bring me in anything, and pretend to have rights." Those whom he has just received are in Poland, where he may do with them as he pleases, separate them, sell them, or make them work, like domestic animals, to embellish his gardens. From this anecdote, the reader may judge what this Strasburger is become in Russia, who passes in Germany for a philosopher, and whom so many scribblers flatter as a Macænas. If he read this, no doubt he will admire the moderation with which he is mentioned.

preferments which the Emperor has since made, I observe a number of persons deserving no other portion than the contempt and vengeance of the public.

Meanwhile it is apparent that the persons who approach Paul are morally better than those who had access to his mother.[1] He is surrounded by men of

---

1 The following piece of pleasantry will show the opinion entertained of most of the persons in place and in favour at the Court of Catherine. It occurred in a company where Twelfth-day was kept in the French manner, and where the king of the night was desired to dispose of the courtiers according to their talents and capacity:—

"Zubof has never rendered any service to the State, and is no longer of service to the Empress, since the Sapphies, Branicki, and Protasof execute the functions of his office. Let a few emetics be given to him, to make him bring up what he has swallowed; and then let him be sent to the baths of Baldona for the recovery of his health.

"Count N. Soltikof, president of the College of War, and governor of the Grand Dukes, is named president of the College of Physicians, and deacon of the Imperial Chapel. He may likewise retain the water-closet of the young Princes, provided he shut up his wife in a convent, or send her to Bridewell.

"Count Besborodko, chief counsellor of state, &c., shall be appointed cook to the Court; unless he had rather be director of the Lock Hospital for females, in which he will find all his friends.

"Vice-Chancellor Ostermann shall repair to Saint-Denis, to replace the sword of Charlemagne, long and flat as himself.

"Prince Baratinsky, marshal of the Court, shall be appointed Jack Ketch. A more gentle mode of putting to death than that by the knout is intended to be introduced; and he shall have the office of smothering and strangling in secret those that are wanted

information, and even of merit. I say he *is*, when perhaps I ought to say he *was;* for his fickleness displays itself on everything about him, and he does not

---

to be despatched, whether it be an Emperor or his son; it is expected, however, that he do not let them cry out, as he did about thirty years ago.

"Marshal Suvarof shall have a patent for dealing as a butcher in human flesh; and the army shall be allowed to feed on it in Poland, where nothing but carcasses are left.

"A committee of *outshiteli* (tutors) shall be appointed to examine whether Prince Yussupof be able to read; if he can, he shall be appointed prompter to the theatres, of which he is now manager.

"Markof shall be sent ambassador to Paris, where he has been already so successful. It is hoped that he will be the proper man to effect a reconciliation between Russia and the French Republic, since he has been the scourge of the Russian and Polish Jacobins, against whom it also has declared war.

"Samoilof, attorney-general, shall be made one of the chevalier guards, for he is a tolerably handsome man, which is a sufficient qualification for that post.

"Kontusof, director of the corps of cadets, in the room of the worthy Count of Anhalt, shall erect a monument to his predecessor, whom he studies to ridicule, and whom he makes us regret every day. His conduct, however, is the best panegyric on the memory of the worthy Anhalt.

"The corps of artillery shall remain with the old general Melissino, because he is the only general in that body who understands his trade; but on condition that he shall not have the management of the chest, and he do not expose his grey hair in the ante-chamber of the valets of the Court. He is requested likewise to employ less artifice in his conduct, and less smoke in his artifices.

permit merit to remain a sufficient time at his Court to be corrupted.[1]

The Prince whom Paul appears to have chosen for the prototype of his reign and his actions is Frederick William, father of the great King of

---

"Madame von Lieven, governess to the Princesses, shall retain her place, though she has somewhat the air of an Amazon; but the time will come when it will not be amiss to give young Princesses a little of a military air.*

"Countess Schuvalof, grand mistress to the Grand Duchess Elizabeth, shall likewise be confirmed; but she shall be enjoined not to let beasts only have permission to speak at the table of that young Princess, unless they speak with sense, as they did in Æsop's days.

"Prince Repnin, having opened the door one day when Prince Potemkin called for a glass of water, that he might himself repeat this important order to the lackeys, shall receive a patent for the place of first *valet de chambre* to the favourites; a post which to him will be worth that of field-marshal. However, the crown of laurel which covered his grey hair shall be taken from him, because he suffered a buffoon to trample on him, without saying a word; and because the gift of a small house appeared suited to him, and to console him for the insult.

"M. Zavadofsky, director and plunderer of the bank, shall be sent into Siberia to catch sables, to replenish Her Majesty's stock of furs, which it will not long be in her power to keep up by any other means. She is already unable to furnish her family with them, and Zavadofsky is well-known to be a better huntsman than financier," &c.

* This time is arrived.

1 This has taken place. The Princes Kourakin, and most of those whom I have named, are in disgrace at the moment of my writing this.

Prussia.[1] The same austerity of manners, and the same passion for soldiers, are found in the Russian autocrat. For the rest, I have drawn, I conceive, the character of Paul in relating his actions; if not, the task, I confess, is above my powers. It is well known that nothing is so difficult to paint as an infant, whose physiognomy is as yet unsettled, and it is the same with the character of an eccentric man. The most favourable plea that we can make for him is, that the light of the French Revolution has touched his brain and disordered his intellect; it had already disturbed the much stronger head of his mother. It is said that the people of Paris, crowding to see Paul (then a youth), cried, "My God, how ugly he is!" and that he had the good sense to laugh at it.[2] He is not improved since he is grown old, bald and wrinkled.

---

1 This he does not allow; for he said one day, "I will be Frederick II. in the morning, and Louis XIV. at night."

2 He is greatly changed; or rather, he now dares show himself what, perhaps, he was already. A poor soldier, in the agony of his sufferings under the cane, by Paul's orders, for a trifling fault in his exercise, cried out in despair, "Cursed baldhead! cursed baldhead!" The enraged autocrat gave orders that he should expire under the knout, and issued a proclamation, by which it was prohibited, under pain of the same punishment, for anyone to make use of the term "bald," in speaking of the head, or "snubbed," in speaking of the nose.

The Empress appears by his side like one of those beautiful women who are painted with a little deformed blackamoor near them, as a contrast to their dignity and grace. The singularity which he affects in his dress, and the severity of his manners, add greatly to his deformity. Without excepting even the Kalmuks and the Kirghises, Paul is the ugliest man in his extensive dominions, and he himself considers his countenance as so shocking that he dares not impress it upon his coin.[1]

I shall here subjoin some traits which will serve to describe Paul by his own actions, and will prove that, when Grand Duke, he announced what we have seen of him since his accession.

Near his castle of Pavlofsky he had a terrace, from which he could see all the sentinels, whom he delighted to station about him wherever there was

---

1 The new coins have not his effigy, but his cypher merely, with the following words of Scripture, which, in such a connection, have no meaning: "Not unto us, not unto us, but to thy name." Probably it is some device of Martinism, or of *obscurantism*, which Paul patronizes. It even appears that he is going to establish this Order with that of Malta, of which, to the astonishment of all Europe, he has just declared himself Grand Master, at the very instant of forming an alliance with the Turks. Oh, my friends, can you refrain from laughter? But, alas!—

"Quidquid delirant reges plectuntur Achivi."

room for a sentry-box. On this covered terrace he spent a part of each day, and observed with a spying-glass all that was passing about him. Often he sent a servant to a sentinel to order him to button or unbutton a little more of his coat, to keep his musket higher or lower, to walk at a greater or less distance from his sentry-box. Sometimes he would go himself nearly half-a-mile to give these important orders, and would cane the soldier or put a rouble into his pocket, according as he was angry or pleased with him.

Pavlofsky was an open village, yet guards were appointed, who wrote down the names of all who entered it or went out of it, and who were obliged to tell whence they came, whither they were going, or what they wanted. Every evening each house was visited, to learn if there were any strangers there. Every man who wore a round hat, or had a dog with him, was arrested. The village, which had been much frequented because of its beautiful situation, soon became a desert; persons turned out of their way to avoid it, and when Paul was perceived at a distance, he was carefully shunned. These circumstances increased his displeasure and suspicions, and he often caused the persons who thus sought to avoid him to be pursued and questioned.

One day he put all the officers of his battalion under arrest because they saluted him awkwardly in filing off after their drill, and he ordered them to be called out for eight days successively to file off and salute before him, sending them regularly back to the guard-house till they were able to perform according to his fancy.

Exercising one day his regiment of cuirassiers, the horse of an officer threw him. Paul ran furiously towards him, crying, "Get up, rascal!"—"Your Highness, I cannot; I have broken my leg." Paul spat upon him, and retired swearing.

Passing, at another time, unexpectedly and secretly by one of his guard-houses, the officer, not knowing him, did not order out his men; upon which he instantly turned back, boxed the ears of the officer, and ordered him to be disarmed and put under arrest.

One day, travelling from Tzarsko-selo to Gatshina, of which the road was in the middle of a marshy forest, he suddenly recollected something, and ordered the coachman to return. "Presently, Your Highness," said the coachman; "the road is here too narrow."—"How, rascal!" cried Paul; "won't you turn immediately?" The coachman, instead of answering,

hastened to a spot where it was possible to comply. Paul, however, called to his equerry, and ordered him to arrest and punish the rebellious coachman. The equerry assured him that he would turn in a moment. Paul flew into a passion with the equerry also: "You are a pitiful scoundrel like himself," said he. "Let him overturn the carriage; let him break my neck; but let him obey me, and turn the instant I command him." During the dispute the coachman succeeded in turning, but Paul had him chastised on the spot.

Since his accession, one of his horses stumbled with him in one of the streets of St. Petersburg; he alighted immediately, held a sort of council with his attendants, and the horse was condemned to receive fifty lashes with a whip. Paul caused them to be given on the spot, before the populace, and counted the strokes himself, saying, "There, sir, that is for having stumbled with the Emperor."

One day, when only Grand Duke, he met in the gardens a man with a round hat, who wished to avoid him. Paul caused the man to be brought before him, and found that he was a clockmaker, who came to repair his timekeepers. After having at great length remonstrated with him on the indecency of round hats, he asked his wife for some pins, and raising the flaps

of the hat, cocked it himself, and then replaced it upon the head of its owner.

To balance this multitude of absurdities, he exhibits many traits of humanity; the pensions which he has bestowed on the unfortunate, the hospitals which he has founded for his soldiers, the provisions which he distributes among his poor officers, and other acts of benevolence and justice, attest that he deserves the character rather of a capricious than a bad man.

CHAPTER VI

WHAT REVOLUTIONS MAY BE EXPECTED TO TAKE PLACE IN RUSSIA

Attitude and strength of the sovereign power in that country —Two ukases of Paul favourable to a revolution—Debasement of the people—Other local obstacles—The sovereign power becomes more absolute—The nobility offended—These alone can change the Government—How and why—Probability of a dismemberment of that vast territory, and of a change in the manners of the people and form of Government.

If, as some pretend, the French Revolution be destined to spread over the globe, Russia will assuredly be the last place it will reach: it is on the frontiers of this vast Empire that the French Hercules will erect his two pillars, and that French liberty will long read, "Ne plus ultra": it is there that a new world is still hidden from her: there absolute power seems to defy opposition—a contest may, however, ere long, take place in the plains of Germany, which may decide the fate of

the world. The principles which at present prevail in the East and North are decidedly contrary to those which have of late distinguished the South and the West. Already the Continent seems to be wholly divided between two preponderating empires, France and Russia, the views and interests of which are diametrically opposite: they seek an opportunity of jostling each other, and will crush in the shock the secondary powers by which they are still separated. It will be the combat of Day against Night, the last conflict of Philosophy and Reason against Barbarism and Ignorance.

Not that light and truth may not be found in Russia; but they who possess them, still more prudent than Fontenelle,[1] are so far from daring to open their hands to spread them abroad, that they strive only to stifle them; for they who have knowledge are the only persons interested in maintaining ignorance. Till there shall be found in Russia a numerous body of enlightened men, suffering by that state of servitude under which the people groan, a spontaneous revolution must not be expected in that country.

If anything at present could hasten the moment

1 He says somewhere: "If I had my hand full of truths, I would take care not to open it."

of attack, it is an ukase which Paul has just published; and which, by abolishing the degrees of nobility conferred by the possession of military rank and civil offices, has created a true *third estate*, never before known in Russia; a few emancipated vassals that have become tradesmen, or foreign mechanics, did not deserve this name: there was scarcely any distinction of persons except slaves and nobles. All who held any rank, civil or military—that is to say, all who had a little money or education—acquired nobility or its privileges, and hastened to enjoy the affectation of its prejudices and spirit: but as soon as this enlightened part of the nation shall lose its claim to a participation in these honours and advantages, it will turn to the side of the people. The void heretofore caused by absolute power between the slave or peasant, and the freeman or noble, is now filled up. The third estate will rise up as a giant; with one powerful hand it will exalt the slave, with the other it will lower the noble; and, perhaps, before a century shall pass away, it may have reduced them to a level more happy for both than their present state.

Another proceeding of the Emperor, which, in contradiction to its original intent, is likely to forward a change, is the ordinance proscribing printing-houses

in his dominions. He has permitted only three, for the purpose of printing his ukases and books for the Church, or such as can stand the triple ordeal of Government, the Schools and the Greek Church.[1] In thus attempting to suppress learning and knowledge, he has rendered them the greatest service of which he was capable. The moment liberty and philosophy possess one free press, the greatest benefit that can be done them is to destroy all others. All the books that have produced the revolution which the present age has witnessed, are to be found in Russia in great numbers: such as may still be introduced into that country from foreign parts, even from Vienna itself, will be better than any that could be printed there with permission.[2] I maintain, therefore, that Paul has done great service to liberty and letters.

---

1 He has since carried the proscription of books to great perfection; he has even prohibited the importation of foreign catalogues, and ordered the booksellers to put on such books as can go through the triple examination, *by imperial permission*, instead of *imperial liberty*, which were the words used before.

2 If the reader wish for a specimen of the scrupulosity of the Russian censor, I will give him one or two prior to Paul's tripling the office. In the reign of Catherine, one Legendre was the censor for French books printed at St. Petersburg. From a poem, in which the god of love was introduced, he struck out the words "*ce dieu malin*," observing that it was indecent to give the epithet of *malicious* to a deity. He allowed the author, however,

Russia, however, is still very far from enjoying this benefit in all its extent. The Russian, degraded by ages of slavery, resembles those degenerate animals to whom the domestic state is become second nature. It must be gradually, and by long and difficult paths, that he returns to liberty; he is yet a stranger to the meaning of the word; to him, to be free signifies to be able to quit the glebe to which he is chained, and lead an idle, vagabond life. Work he detests, because he has never worked for himself; he has not even an idea of property; his fields, his goods, his wife, his children, himself, belong to a master, who can dispose of them, and who does dispose of them, at pleasure. He is interested in nothing, because he does not possess anything; his attachment to his village is that of an ox to the crib to which it is accustomed. He is without country, without laws, without religion.

---

to substitute the word *badin*, "waggish," for it. Another time he struck out of an ode in praise of Catherine a verse, in which were the following lines:

Partout la foudre gronde et le glaive s'aiguise;
Un roi tombe du trône, et son sceptre se brise.

Each sword is sharpen'd, heav'n with thunder shakes,
A Monarch falls, his pow'rless sceptre breaks.

This was an allusion to the preparations for war in 1790, and the commencement of the Revolution. At that time it was a political heresy to dare surmise that Louis XVI. would fall from the throne.

Christianity, as taught and practised among the Russians, no more deserves the name of religion, than the sound which the carman uses to direct his horses deserves the name of language, as will be evinced in a subsequent chapter.

The despair of some of these wretched peasants may occasionally, as heretofore, produce local rebellion against their lords; but to expect a general revolution in Russia would be chimerical. Russia is too extensive, and too thinly inhabited, for the people to rise in a mass; for a body so scattered and spread abroad would soon be subdued. Paltry towns, containing a few thousands of inhabitants, are commonly at a distance of more than a hundred miles from each other, without any seeming connection but hamlets dispersed in the woods every twelve or fifteen miles, and almost every one of which has its particular ruler. How can a people so scattered ever combine? A single regiment, under the command of a Suvarof, would be sufficient to exterminate the population of a whole government.

The natural obstacles which *Muscovitism* will long oppose to all innovations, even the most salutary, are every day reinforced by auxiliaries arriving in Russia from foreign countries. Russia is now the common

asylum of ignorance, barbarism, superstition, and prejudice. Nowhere do men, imbued with such principles, meet so friendly a reception as in that country. There they find the infancy of their own country, the golden age of the feudal system. On their arrival, they are astonished to find themselves already too enlightened, too far advanced, for this happy land; afraid of appearing dangerous, they with joy replunge into the thick night of barbarism in which they were born. Thus the sluggard closes his eyes, and sinks again into that slumber from which the sunbeams had roused him in spite of himself. The man who carries into those climes something of knowledge and sentiment, finds it gradually obscured and extinguished in his heart; and if he happen to obtain a grant of a few hundred souls as the price of his own, he thinks it very just and very fortunate that there should be slaves, and that he is one himself.[1] This mode of purchasing those whose

1 Nothing is so fatal to humanity as men who have knowledge without principles, or who abjure those of which their conscience reminds them. They resemble those worm-eaten fruits, which are tempting to the eye, but prove nauseous to the taste. These men are particularly dangerous when they have art enough to conceal errors, shocking in themselves, under specious sophisms.

knowledge may be useful, while their probity may be dangerous, is so infallible, and has so much the appearance of generosity, that it is to be wondered it is not oftener had recourse to. The gift of a few score peasants might change even the soul of a Frenchman to that of a Russian.

Yet even in the Court of Russia, and among the nobility, there are some lofty and generous spirits, who, without being the dupes of a system of perfect equality, are indignant at the degrading self-denial required of them; for absolute power suits none but barbarians, and this the Russian gentry are no longer. Despotism, far from softening, and assuming a less disgusting mien in proportion as men's manners grow civilized, becomes more and more stiff, and renders its yoke more ridiculous and more odious; it endeavours to return to barbarism, as the people advance towards civilization. In other European countries power has descended a few steps from its throne, in deference to reason and public opinion[1];

1 The conduct of the young King of Prussia exhibits a striking contrast to that of Paul. One endeavours to exalt himself up to heaven; the other, to descend to the level of his people, and appear only the first servant of the State. In the same paper I read a Russian proclamation, which condemns a dozen unfortunate Poles to have their noses and ears cut off,

but in Russia it mounts still higher, and tramples even on common sense. Till the eighteenth century, it is true, the progress of the human mind in Russia was so far from parallel to what it was in the rest of Europe, that the date of the complete enslavement of the Russians is that of the establishment of commons and emancipation of vassals everywhere else. It is somewhat remarkable that the Tzar who drove the Tartars out of Russia was the same that imposed on the Russians the servitude of the feudal system, before unknown in that country.[1]

This stubborn conduct must in the end prove fatal to that pride and folly which it is meant to protect; the present race of mankind requires management. Power, exhibiting itself in the form of a graceful woman crowned with glory, with ease received homage, in which nothing was felt humiliating; the character of the warrior had something in it of chivalry, and that

---

and to be sent to Siberia, for having been *wanting in the respect and fidelity* sworn to His Russian Majesty (it is not said in what); and a letter from the King of Prussia to a little town, in which an insurrection had taken place, and in which Frederick William speaks like a father to his children—like a good King, who is proud to be a man.

1 This was the Tzar Ivan Basilovitch I. The Russian history notwithstanding styles him the deliverer; and Prince Sch—— has written a tolerable epic poem in honour of him.

of the courtier of gallantry, which seemed to ennoble it; but to require personal adoration, without any of the qualities that might justify it, must be revolting to every reflecting mind.

Reason can never become extinct in minds which it has once inhabited; like the lion in the desert, it retires slowly at the sight of a numerous and cowardly troop; but if these have the audacity to pursue and harass him even in his lair, he bursts through their weapons, and conquers or dies. Governors should dread and avoid such actions as may drive reason, honour, and good sense to extremities; the exaction of unnecessary homage may accelerate some unexpected catastrophe.[1] There is no likelihood of a revolution, after the French model, taking place in Russia as yet; but there may be one, for which it is already ripe—that of a more enlightened aristocracy.

It must be confessed that the friend of liberty and of Russia cannot wish for a change of any other sort at present; it is the only one of which this vast Empire is yet susceptible. The people, in the deplorable state in which we see them, are incompatible to the enjoy-

1 The French emigrants are of opinion that the Revolution in France would never have taken place, had not the Queen been too negligent of etiquette, and the King too popular!

ment of liberty; they must be prepared for it, the must be brought to desire it, before it is offered t them; for now they would abuse or reject it. It ma be said with truth that the Russian Government i less inclined to tyranny than the people are prone t slavery, so low are they debased, so much is thei nature changed. With them, therefore, nothing ca be done at present.[1]

Though the nobles still continue the habit of bend ing before the Sovereign, while they exact still greate submission in their turn from their slaves, yet are the becoming daily more and more enlightened. They hav been corrupted rather than civilized; but they retai some virtues, which the last thousand years have bee unable to annihilate; worthy in future of a govern ment less barbarous, they will require laws written i legible characters. They begin to feel the weight o their chains; some day they will burst them, and the lighten those of their vassals[2]; and perhaps that da

1 When I speak here of the Russian people, I do not includ the Tartarian hordes, or the Cossack tribes, who still retain som remembrances of a sort of liberty; but it is the liberty of ba barians, who employ it only to make slaves.

2 Let not the term of "nobles" startle the reader; those c Russia do not form, like those of France and Germany, tha feudal and chivalrous body which literally conceived itself sprun of different blood from other mortals, and which remained separat

is not very far distant. Many young minds are warmed with the examples of antiquity, and meditate in secret on modern events; many, after having forgotten themselves for a moment in the history of other nations, turn back their eyes with dissatisfaction to their own, and to themselves. How, in fact, can such a government exist at the end of the eighteenth century, in a country not surrounded with a triple wall of brass—in a country where several can read, and some can think? Will Russians in future suffer themselves to be treated like the people of Morocco? In our age, and in Europe, justice, glory, virtues, or benefits can alone sanction the possession of absolute power and induce us to pardon the possessor. Reason cannot be compelled to silence but by being dazzled with great actions. Despotism is an idol, the arm of which is iron, but the feet of clay; its body is of gigantic size, but it is hollow; its head is hidden in a thick cloud, which slaves take for heaven; there are none but fools, however, who continue to worship it; none but cowards who pretend to pay it adoration.

---

from them by its morals and prejudices, as much as by its privileges. The word noble, both in French and German, marks this difference, for it designates an innate quality of the mind. *Dworannoï*, in Russian, the term for a nobleman, implies only a *proprietor of land*, because land can be possessed by none but a freeman.

When I point out the nobility as the only body in Russia on which Liberty can first rely on her setting foot in this Empire, I do not mean the contemptible herd that attends the Court, as a flight of unclean ravens follows the camp to devour the carcasses. There are everywhere vile and upstart valets, still more so than those who were born courtiers. It is neither the throne, the altar, nor the person of the Sovereign that produces their attachment; it is the most sordid cowardice: the man in favour and power is always the god they adore. I have seen them creep from favourite to favourite, as a caterpillar crawls from leaf to leaf, leaving his excrement on the last he gnawed. There is not, perhaps, one of these wretches who now kneel to kiss the hand of Paul who would not have cut off that hand, a few months ago, at the command of a Potemkin. From such dastards nothing can be expected but Court intrigues or Court revolutions, already too frequent in Russia, which serve only to prolong barbarism or misery. But a few powerful families, in which knowledge has taken its seat, as a stranger beneath the roof of hospitality[1]; a few young

1 Many of these families have not less than twenty thousand slaves, towns, cannons, immense wealth, and, above all, relations who are generals and commanders of regiments. This is more than enough; one battle would decide the business in their favour.

men of courage and talents, desirous of a name, will, perhaps, avail themselves of some happy circumstances to qualify, at least, the oppressive forms of government till something better can be done; to secure a Sovereign worthy of power upon the throne, and give to a senate or council of some sort the influence now confined to unworthy favourites; to prescribe, at least, some bounds to abuses, which at present have not any. What a Dolgoruky could perform half-a-century ago, others may effect more permanently now.[1] This project, however, it must be confessed, can be conceived only by the noblest ambition, totally divested of petty interests; it can be executed only by great courage, great reputation, and still greater perseverance. There is a great difference between the possession of talents to fill an important station with dignity, and having the little arts necessary to obtain or preserve it; hence they who are discontented and in disgrace are generally the choice of the nobility and of the inhabitants of Moscow. If these unite, and once agree on a plan, the reign of blockheads is over. Of

1 The families of Dolgoruky, Galitzin, Soltikof, &c., have often deserved well of Russia. They were the principal persons concerned in shaking off the unworthy tyranny of a Mentchikof and a Biron, and who would have established a less arbitrary government at the death of Peter II.

all dominations, that of folly and ignorance over reason and knowledge is the most absurd and most shameful to bear. In Russia, every path to glory is blocked against the ambitious youth who is conscious of the powers to reach it. Would he find glory in vanquishing savages, or conquering *steppes*,[1] under the orders of a favourite, a fool, or a barbarian? Would he see it in the ante-chamber of the Court? Would he place it in the pursuit of a servile routine, or in forwarding plots, the impolicy or absurdity of which he durst not blame, at some foreign Court or in some office at home? No; for him the only road to glory is in a new order of things, to which everything invites him.

But a nearer and more unfortunate catastrophe, which seems to threaten the Tzars, is a dismemberment of their extensive territory. For a century past, the Empire of Russia, like the paste under the rolling-pin of the cook, has grown thin in proportion as it has been extended. All the bulk of the centre has been squeezed towards the circumference, to form a border, which is deceptive with regard to its real strength; these thickened borders will separate from

1 *Steppes* is the name given to the desert plains that surround Russia. It is the best a Russian general can do.

the centre, which will become unable to support them. If we cast our eyes on the map, we shall be surprised at the vast extent of that romantic Empire, reaching from the banks of the Vistula to the farthest end of Asia, nay, even to America, and from the borders of the Sea of Asia to Lapland. It comprises almost a fourth of the inhabited continents. This superficies reckons at most thirty millions of inhabitants, and these of twenty nations, differing in manners, language, and religion. And this immense territory is governed from the centre of St. Petersburg, might we not say from the midst of the Court of the Palace, from the middle of a battalion drawn up in a square, where five or six officers salute the Emperor with their spontoons? To me the Russian Empire appears like that spider, which, with a very small body, has long legs that fall off at the least obstruction it meets in its gigantic march. Less than a Potemkin would suffice to occasion this dismemberment; but Russia will not gain much by it.[1]

1 From the turn affairs are taking, it is not hazarding too much to predict that the first crack in this huge piece of paste will take place on that side towards which it seems inclined still to extend itself—I mean towards Turkey; whether the Greeks, regenerate and emancipated, at length repel the barbarous Mussulmans and Russians, or the French make their way through the Hellespont.

The happiest hope which Russia can entertain i
that she may one day see on the throne an Empero
sufficiently wise and great to give it laws, to which h
himself will submit: a Prince of such magnanimity
as to be attached to reign gloriously over a peopl
desirous of rights and who may be capable of forming
from the summit of his throne a gentle and easy de
scent to arrive at freedom without a fall. This i
what a true friend of Russia and humanity ought t
wish: this alone can now immortalise an Empero
Peter I. himself lamented that he was only the despo
of a nation of slaves. At an interview he had wit
the King of Prussia at Pyrmont, he openly con
gratulated him on the happiness of being the King o
a nation which he could govern by laws, while h
could rule his only with the knout; and he promise
to bestow on it a milder government as soon as it
should be sufficiently civilized to be susceptible of it.

1 This circumstance was related by Baron Pollnitz, eye-witness of this conversation with the King. Another, which does no less honour to this great character, and which shows how much he was above the little imperial vanities of his pretended descendants, is that, being surrounded by the Turkish army, and despairing of escape, he wrote to the senate, like a second Alexander: "Choose for my successor him who appears to you most worthy." The senate at that period was very different from that of the present day: in it was a Dolgoruky, who, like Sully, had the courage sometimes to tear up the edicts of the Tsar.

This time is arrived; the Russians are well worthy to be permitted by their Sovereign to rise to the level of the least enslaved people in Europe. Reason and humanity would gain much, had they but a mild government, even were it still absolute, as that of Prussia. Under this new system the Russians might still figure a long time in history, and prepare themselves for that grand revolution of the human mind, of which some think them already susceptible. This can only be the last step of civilization, and the return to simple and primitive ideas, after having revolved the immense circle of human errors and follies. Liberty and equality cannot constitute the happiness of mankind, till the people shall be prejudiced only in favour of sound principles of government. It is to be feared that Russia is yet ages from prejudices of such a nature.

Take heart, then, *staroïvertzi* Russians (Russians of the old stamp), who have trembled at the progress of the French Revolution; take heart all of you who still dread its success, and who tremble at a truth as the guilty at a flash of lightning; the time is not yet come. Before you arrive at that dreaded regeneration, you have still to pass through all the stages of civilization. A nation must be polished before it can

be informed; yours is yet in its infancy. Before it can dread democrats, demagogues and Jacobins,[1] it must have had royalists, aristocrats, monarchists; you have yet only slaves. Augment their chains, spill their blood, drink their sweat in security; tear the

---

1 I know not what is now understood in France and Germany by this term Jacobin, which is become so dreaded and odious; but it may gratify my reader's curiosity to inform him what it implies in Russia, where it is as fatal to him to whom it is given, as that of Jew was formerly to an unfortunate Spaniard. The present political Inquisition has even more expeditious modes of proceeding than the religious ever had.

A man who can read and write, of whatever nation, is strongly suspected. If he be a Frenchman, he is undoubtedly a Jacobin.

Whoever reads the *Gazettes* is a dangerous man; whoever talks of them is a Jacobin.

He who seems to doubt that Suvarof, with fifty thousand Cossacks, will conquer France in one campaign—Jacobin.

He who dares to say that the French are good soldiers, that they have any great generals, and that the Austrians have been sometimes beaten—Jacobin.

He who ventures to entertain any doubt whether Poland belongs to Russia, or whether it was allowable for the Poles to defend themselves against the Russians—Jacobin.

Every Russian gentleman who dares to say that a man may still continue for some time a loyal subject, though he ceases to be a vile slave—Jacobin.

Every captain in the guards, and every Russian officer, who dares to murmur at his corporal's being made his commanding officer—Jacobin.

The man who imagines that the Russians should be treated like men, and no longer sold or bartered like cattle—Jacobin.

A young nobleman whose dancing-master has not taught

infant from its mother's breast, to compel her to suckle your puppies that have lost theirs.[1] The day of retribution will not yet dawn on Russia.

Do you fear a constitution? you have not yet laws. Do you dread a National Assembly? you have not yet a parliament, not even a divan; for your senate is far from meriting such a name. Are your laws, your religion, contained anywhere but in the Emperor's head? Are not your souls at his disposal? Is not your meanness his greatness, and your nullity the cypher that marks

---

him to make a bow sufficiently low, and who, when he kisses the Emperor's hand, does it not as tenderly as if it were that of his mistress—Jacobin.

He whose coachman, not knowing his Tzarian Majesty (who, to be sure, is easy enough to be known), does not stop his carriage, in order to alight and prostrate himself in the snow or in the mud —Jacobin.

In Catherine's days, he who wore a dark green coat and large boots was strongly suspected by the favourites. Now, the wearer of a light green coat and half-boots is odious to Paul.

Whoever is followed by a dog, wears a round hat, and has a waistcoat without sleeves and flaps, is arrested and treated as a Jacobin.

This enumeration of particulars, which I could have enlarged, may appear, perhaps, to be an exaggeration; but it is too true that any one of these charges might prove fatal to the man against whom it was brought, and that the ruin of several persons has been owing to causes equally ridiculous, and not more reasonable.

1 An atrocity of this nature actually took place in Livonia.

his value? Take heart; your clock has not yet struck the hour of liberty.

Before that hour, terrible to you, the sun will long continue to rise on the same crimes. You will still change Sovereigns before you change your government. You will still experience all the horrors of Court revolutions before you see popular ones.

In the end, however, this memorable epoch must arrive, in Russia as elsewhere. The progress of Liberty is, like that of Time, slow but sure; and some day will reach the North. Much has been written on the influence which climate must have on man; and a political philosopher[1] maintains that it has a great deal on their laws and Governments. With regard to secondary circumstances, I believe it; but principles are everywhere the same. Climate cannot act on the morals of a people, but from the want of law and religion, which are their primary regulators, and which may be transplanted anywhere. I know well that a desert and uncultivated plain in Russia will spontaneously produce some plants different from those of a field left untilled in France; but if one be ploughed up like the other, and the same seed sown in both, you will reap from them the same grain. Thus the influence of climates cannot perceptibly take

1 Montesquieu.

PAUL I

From the painting in the gallery at Versailles
Artist Unknown

Copyright 1876 by S. Barnes & Son

place, except under the zones, where the human race has physically degenerated; and besides, does not Russia include at present all the climates of Europe? What! Shall the Russian, the descendant of the free and valiant Slav, be condemned to perpetual slavery, while the Swede, still farther north, boasts his liberty? Shall Moscow, under the same latitude with London, be for ever a barbarian city, a stranger to arts and laws? Under what climate, then, did the great Novgorod flourish so early as the eighth century—that powerful, free and commercial city, at a time when the people, who now boast most proudly of their liberty, still crouched in ignorance beneath the feudal system?[1] The Slavs,[2] who founded that Republic, seem, like the Franks, to bear

1 Alexander Nefsky, whom the Russian monks have canonized as a saint and a hero, completed the destruction of this illustrious city by a general massacre of all its inhabitants. Far from uniting himself to the Novgorodians, who courageously threw off the yoke of the Tartars, he took upon himself the office of executioner of his own subjects to please these robbers, and destroyed the cities that refused to pay tribute to foreigners.

2 *Slava*, in the Russian language, signifies glory. The word *slavoï*, or *slavnoï*, which means *the glorious*, of which foreigners have made *slavs*, *slaves*, and *Sclavonians*, is strangely disfigured. Other etymologists maintain, however, that all the Slavian or Sclavonian nations being known in Europe as subjugated, the appellation of *slave* was given in the West to the unfortunate beings who had lost their liberty, like them, and that from these regions every species of servitude came into Europe.

their destiny and character impressed on their immortal names. A thousand years have not been sufficient to efface the noble impression. All the Romans have not yet forgotten that their fathers were more happy than themselves.

CHAPTER VII

NATIONAL CHARACTER

Of the Noble, the Courtier, the Peasant, the Artificer, and the Soldier of Russia.

THE character of the Russian, it has been said, is to have no character at all, but to possess a wonderful capacity for assuming that of other nations. If this be understood of the higher class of Russians, there is much truth in the observation; but the same will equally apply to all people who are but half polished, and even to the inhabitants of all great cities, whose physiognomies are confounded together as well as their manners, because they derive their institutions and food from the same sources, because their blood is mixed and their way of life is the same.

The noble Russian—the only one to be seen in foreign countries or well-known in his own—has, in fact, a great aptitude for adopting the opinions, manners, customs and languages of other nations. He can be as

frivolous as a quondam French petit maître, as musically mad as an Italian, as reasonable as a German, as singular as an Englishman, as mean as a slave, and as haughty as a Republican. He will change his taste and character as easily as the fashion of his dress; surely, therefore, this suppleness of mind and senses is a distinguishing feature.

This great pliability will not appear astonishing if it be remembered that the Russians are a new people, on whom all nations have had more or less influence. From foreigners they have received art, sciences, vices, and but few virtues. The genius of the Government, and the particular character of the Emperor, are imprinted on all the nation, as on one single individual; and the Greek religion, an absurd sect of Christianity, has completed the alteration of its nature. It may be said of the Russian, that his government debases him, that his religion depraves him, and that his pretended civilization has corrupted him.

Thus the primitive character of this great nation can be traced only through all these vicious institutions. A thousand years under the dominion of *Varegues*, the *Tartars*, and its own Tzars, have not been able to efface it: what, then, must the people have been who, even now, display so many excellent qualities? The Russian

peasant—without property, without religion, without morals, without honour—is hospitable, humane, willing to serve, gay, faithful and brave; the farther you penetrate into the country remote from cities, the better you find him; the most savage is always the worthiest man, the farthest from the capital is the nearest to virtue; in a word, he has all those innate qualities which remind us of patriarchal manners, his vices are only adventitious. The remains of barbarism, still exhibited by the most enlightened part of the nation, presents a disgusting contrast. This barbarism is displayed in vulgarity of manners, an insulting contempt of mankind in general, disdain of inferiors and servile fear of superiors, indifference for everything tending to improvement, ignorance of the forms of society, insolent pride, baseness, immodesty, want of patriotism and public spirit, but, above all, the want of that honour which sometimes nearly answers the end of probity, and even of virtue. The half-enlightened Russian is the most abject of men; he crawls like the worm, which invites the foot of the oppressor to crush him.

This semi-barbarian is peculiarly fit for the trade of a courtier; for he is equally cruel, covetous, cowardly, and cunning. But, when speaking of a Russian, we

must not affix to the word courtier those ideas of urbanity, elegance of manners, and delicacy of mind, with which the courtier is embellished in other countries. In Russia, he who makes his way at Court, particularly with the great, is frequently the most impudent and infamous of men, who is ready to offer his back to the king of the frogs, not lying in a marsh, but swayed by an arm as vigorous as that of Peter I. No man who thinks rightly, no young man of a noble mind or cultivated understanding will please at Court; and, if his birth or circumstances lead him thither, he will be in disgrace the moment he is found out.

In general, the Russians are fond of acquiring information, and have a respect for strangers. Such only as are totally destitute of education hate foreigners, or are jealous of them when they come into competition with them. One thing, less to their honour, likewise distinguishes the Russians—this is, a base and servile kind of politeness, which evaporates in foolish, flattering compliments. Their cringing gestures, and humble and submissive countenance before their superiors, remind you of their oriental slavery. They know not how to be polite without meanness, or to flatter without falsehood. But at this we cannot wonder, for to be truly polite a man must be truly a man of virtue, and not act,

from constraint or interest, what ought to proceed from right feeling and a due sense of decorum.

In Russia, the higher classes may be divided into two castes, absolutely differing in manners and opinions. They appear as beings of different centuries, and you would scarcely suppose them to be of the same nation, though they are frequently of the same family. The one are those who reprobate all reform, instruction and improvement; they would carry the nation back to a state of barbarism, and keep it apart from all the rest of Europe; they consider all civilization as perversion, and deem Peter I. the corrupter, not the legislator, of his Empire; they are made up of superstition, ignorance and prejudice. The political *raskolnikis* detest foreigners more than the Turks or Chinese,[1] but they frequently possess native morals and virtues, and the excesses of

1 Nothing can equal the rudeness with which they sometimes apostrophize foreigners. "We have *bread*," they say, "and you are forced to come to us, otherwise you would be starved." Wretches, too barbarous to blush at the causes of that abundance of bread which they boast. Yes, a few thousands of their fellows eat wheaten bread, because thirty millions of slaves browse on herbs, and gnaw birch bark, on which they feed like the beavers, which surpass them in understanding. A few cities enjoy the pleasures of life, and exhibit palaces, because whole provinces lie desolate, or contain only wretched hovels, in which you would expect to find bears rather than men. In the caves of robbers, too, you may find abundance, and the traveller who had lost his way might experience hospitality.

the French Revolution render their system triumphant. The others, adopting the manners and customs of Europe, endeavour to keep pace with their contemporaries, and too often outdo them in corruption and absurdity. They glory in despising, or being ignorant of, the ancient customs of their own country; they have sense, are sociable, and possess knowledge and talents. Among these you will find amiable men and of great merit, but for the most part they have more politeness than honesty, more depravity than information, more vanity than pride. These are at present out of favour at Court; and the gleams of the French Revolution have terrified several, who return with docility to the skirts of barbarism.

Amid all these defects, the Russian nation has remained exempt from three fatal errors, which have tainted the rest of Europe with crimes and abuses. The Russians have never established among them the false point of honour of avenging the lie by a murder[1];

1 The Russians, as well as the Greeks and Romans, have shewn that a warrior may be brave without the madness of cutting his comrade's throat in a duel. The officer who returns with his cane a blow you have given him with your hand mounts to the assault the next instant as a hero. At the same time, it is true that, in a society where the affront of a box on the ear may be wiped out by knocking a man down, and

their history mentions no war, no massacre occasioned by religious fanaticism[1]; and they have never considered birth as superior to merit.[2] Hitherto in Russia its nobles have not been esteemed in the inverse ratio of their factitious value, I mean their antiquity: but what is there called nobility has an origin truly valuable and noble, that of liberty; a noble signifying only a man who is free and possesses land, as already observed.

Next to drunkenness, the most prominent and common vice of the Russians is theft. I doubt whether any people upon earth be more inclined naturally to appropriate to themselves the property of others—from the first minister to the general officer,

---

where you may spit in the face of him who insults you with his tongue, that politeness and ceremonious respect which polished nations practise are not to be expected; accordingly, the Russian officers in general resemble a band of footmen in uniform. A Russian Prince affirming something to me "On the word of a man of honour," I said to him, "How can you pledge me the word of another?" This repartee might have been addressed with propriety to most of them: but those who have education are inferior to none in point of honour and politeness.

1 The persecution of the *raskolnikis* by the liturgist Nicon is scarcely an exception.

2 Paul is endeavouring to establish a Gothic nobility, to make out genealogical trees, and to introduce heraldry, the only science he allows to be cultivated.

from the noble to the soldier, all are thieves, plunderers and cheats. In Russia theft does not inspire that degrading contempt which stigmatizes a man with infamy, even among the lowest of the populace. What the thief dreads most is the being obliged to return his booty, for he reckons a caning as nothing; and if detected in the act, he cries with a grin: "*Vinovat gospodin*: I have done wrong, sir," and returns what he had stolen, as if that were a sufficient amends. This shameful vice, pervading all classes, scarcely incurs blame. It sometimes happens that your pocket is picked in apartments at Court, to which none but persons of quality and superior officers are admitted, as if you were in a fair.[1] A stranger, who lodges with a Russian, even a kniaz, will find, to his cost, that he must leave nothing on his dressing-table or his writing-desk; it is even a Russian maxim, that what is not locked up belongs to anyone who will take it. The same quality has been falsely ascribed to the Spartans; but an Englishman, who has published a book on

1 The King of Sweden, after the battle of the 9th of July, 1790, invited a party of Russian officers, who had been made prisoners, to dine with him. One of them stole a plate. The offended King then ordered them all to be distributed among the small towns, where they never again ate off silver.

the resemblance between the Russians and Greeks, after having proved that they eat, sing and sleep like them, has forgotten to add that in stealing they are still more expert.

Whence is it that the Russians are more addicted to theft than other half-polished nations? Is it because stealing is less severely punished in Russia than elsewhere? No; it is owing to the immorality of the Greek sect,[1] the want of laws and police, and,

---

1 One proof that it is their religion particularly which leaves, or rather gives, them this quality, is that it is not common among the people of other religions who live under the Russian Government. The Mussulman Tartars are of tried fidelity; even the pagan Siberians are of exemplary good faith; and the Livonians, Esthonians and Finns, who are Lutherans, are neither knaves nor thieves. The worship of images, however, has introduced one happy prejudice among the Russians. He who would force open a strong box without scruple dares not break a seal. The following is a fact:—Having one day given a young soldier, my servant, two roubles for two letters, which I ordered him to carry to the post office, I went out. On my return I discovered that my trunk had been broken open and robbed of ten roubles in copper which were in it, and I learned that my soldier had been gaming with the couriers of the chancery, to whom he had lost a great deal of money. He was sought after by my orders, but in vain, and I announced him as a deserter. Three days after he appeared, fell at my feet, and begged forgiveness, confessing that he had stolen the ten roubles and concealed himself in the depth of a wood, but hunger and repentance had brought him back. Instead of delivering him up as a thief and deserter, I satisfied myself with ordering a non-commissioned officer to give him twenty blows with a cane. At this order he fell at my

more especially, the bad education of the nobles, who, from the cradle surrounded by slaves, imbibe from them the baseness of their own sentiments.

If you are more exposed to pilfering in Russia than in other countries, you are in less danger of being assassinated than even in England. I traversed the vacant spaces of St. Petersburg, and the deserts of Russia, with more security than the crowded streets of London or the well-frequented roads of France. Wherever I found a hut, I was sure of meeting hospitality at the threshold, and if I wore a white cockade in my hat, I was respected, and even feared, by the ill-disposed.

If stealing and drunkenness be the most prominent

---

feet again, and begged me with tears to punish him more severely, that nothing might lie on his conscience, he said, for having robbed his master; that he deserved a hundred blows, at least, and that he would have more if I sent him to the regiment. He persisted in his entreaties to obtain this singular favour. Surprised at such a request, and moved by his penitence, I was far from granting it; but I said to him, "Now you have confessed the whole, tell me what you did with the letters, as they were of importance."—"Sir, I carried them to the post office."—"What! would you make me believe that you did not begin with gaming away the two roubles I gave you before you broke open my trunk!"—"Ah, sir! God forbid that I should touch money belonging to anything sealed." In fact, after having lost rouble after rouble of the money he had stolen, he had carried the letters and the money for them to the post office, and I received the answers in due course.

vices of the Russians, hospitality and courage are their most striking qualifications.

From the extreme of wretchedness some good arises, as germs from the bosom of corruption. The countries where men are slaves or savages are thinly peopled, even if they be fertile; hence, in such countries men are strangers to want, and, if allowed ever so little of their time and strength, can procure the necessaries of life in abundance. Having few wants, and their property being insecure, they live from hand to mouth and freely bestow what they have. A vassal readily shares his bread, his salt and his hut with the traveller, and the noble is equally prompt to admit the stranger to partake of his table and his pleasures.[1] Every year the Russian or Livonian slave may set fire to a forest, and sow the virgin earth, which will return him ten or fifteen-fold. This slave employs for his own use only so much of his time and produce as is absolutely necessary to prevent his dying with hunger or sinking under fatigue; all the rest is destined to augment the

---

1 In Russia parasites are not yet despised. The general, the rich merchant, every man in tolerably easy circumstances, keeps a sort of open house, so that his friends and acquaintances, officers in the army, and the crowd of young men and foreigners who have no house or home, daily find admission to his table.

superfluities of his lord.[1] Now, in Russia, where there are thirty million slaves, there are not a hundred thousand lords, who fatten on their sweat and blood, and these alone compose the *consumers* of an immense and fertile Empire. It is not surprising, therefore, to see the Russian lords display a luxury and profusion which impose upon the people, and which you would seek in vain where good and ill are more equally distributed. Many of these great lords, it must be avowed, possess laudable qualities. They are, in general, more inclined to enjoy what they have than to accumulate wealth; their riches are constantly renewing, like the race of men whence they flow, and frequently cost them nothing to acquire. The munificence of their Tzar, and peculation of every kind, are commonly their impure sources; but they know that they may lose them as easily as they were pro-

---

1 Many Russian and Livonian lords make their slaves work five days in the week; some even leave these poor creatures only the *Day of Rest* to cultivate the ground that must feed their family. But I leave the task of exhibiting at large the inconceivable evils which the Russians—and more especially the wretched Livonians—suffer, to one of my friends, who is treating this subject, and several others, more minutely. Reckel* has lately roused the indignation of Germany itself by drawing a picture of their condition. Never did the feudal system, or the black code, present such atrocities.

* Author of a German work, entitled "The Lettonians."

cured, and, therefore, they enjoy them while it is in their power. This some of them do so nobly that they gain credit for virtue, or, at least, for remorse.

The genius of the Russian people turns eagerly to commerce, for which it appears to be particularly calculated. When a peasant can obtain a passport from his master,[1] he hastens to quit his ungrateful fields and apply himself to some trade, in hope of accumulating money enough to purchase his liberty; but in this he is frequently deceived.[2] The Russian tradesmen, for the most part slaves, and fettered, besides, by the regulations of Government, can seldom rise to great speculations, in spite of all their industry; they confine themselves to inland traffic, and, instead of being

1 For five-and-twenty roubles a year, a peasant sometimes obtains a passport, or license, from his master, under favour of which he can exercise his ingenuity in the cities; but this tribute is increased in proportion to his industry.

2 The Russian slave, when he has contrived to make a little purse, cannot always offer it for his ransom, for his master sometimes appropriates his treasure to his own use. Many of these slaves become very rich, but their master refuses to sell them their liberty, considering their capital and their industry as his property, and as a last resource for himself. There are masters, who, after they have ruined themselves by gambling, have searched the houses of their slaves to seize on all they could find in them. This plundering is one of the reasons for which the peasants frequently bury their money, and die before they have been able to discover it to their children.

merchants in their own country, they are merely factors for the English, and find themselves obliged to be content, as the Jews in other countries, with the little profits of retail dealers and pedlars.

It is truly astonishing to see how strenuously Russian politics tend to ruin the subjects of that Empire. These cannot carry on trade to advantage, but in proportion to the rivalry between foreign nations that have need of the natural productions of their country; yet the Cabinet of St. Petersburg have shut all their ports to the competitors of England. The English are the sole purveyors of Russia, and the arbiters of the price of its produce, as well as of the value of its rouble, since they alone fix the rate of exchange. In short, they carry on this trade to the same advantage as is done with all barbarous nations, the Government of which sells exclusive privileges to some single company.[1]

---

1 Whatever the people in Russia may say, the balance of trade is always against them; the natural productions of that immense Empire not being sufficient to pay for the foreign articles of luxury imported into the two capitals. One ship, laden with English hardware, is equal in value to thirty laden with iron, hemp or timber. The English carry away leather, and bring back shoes; grain, for which they return beer, &c. The only nation with which Russia could carry on an immediate exchange of produce is France, from

Mirabeau has said that the Russians are the most malleable of all people. A young peasant, rough, savage, timid, torn from his hamlet, is metamorphosed into an elegant and adroit footman, or a spruce and courageous soldier, in less than a month. His master makes him, in a short time, his tailor, his musician, or even his surgeon or counsellor-at-law.

I had been told, a hundred times, that the best way to teach them anything was by blows. I could not believe it; but I saw it was so. When a few hundred recruits are delivered to an officer to form a new battalion, the cloth and leather necessary for equipping them are given him at the same time. Having drawn the poor

---

which it might receive oil and wine; but these Russia chooses to purchase at third or fourth hand, and pay double the price for them.

The Russians, seeing their corn disappear, and nothing but paper left, notwithstanding the great quantity of gold and silver they draw from Siberia, suppose it is carried away by the strangers who come to their country to seek their fortunes, follow arts or trades, or serve in the army. This, however, is a great mistake. Soldiers, or men of letters, seldom grow rich, and in Russia less than anywhere; the artist and the mechanic, too, more frequently meets poverty than wealth, and most of these strangers die or settle in the country. All who arrive bring, at least, a few ducats with them, and there is not one in twenty who goes away with any property. If a calculation were made, the balance with respect to these would be in favour of Russia. For a long time none but musicians, milliners, pawnbrokers and Englishmen have enriched themselves in Russia.

fellows up in rank, he says to one, "You shall be tailor to the company;" to another, "You shall be shoemaker;" to a third, "You shall be musician." If they grumble, they receive some strokes with the cane, and a few bad implements are given them, to go and practise at their respective employments. The caning is repeated occasionally, till they produce a boot or garment tolerably well made, and can play the march of the regiment. "But," said I, to a colonel, who boasted of having thus formed the Moscow grenadiers, "among those men there must have been several who had exercised, in their own villages, the trades you wanted; why, instead of choosing them yourself, did you not interrogate them on this head? He who could play on the *balaleika*[1] would have made a good fifer, and he would have been the best shoemaker who had learned of himself to make *lappis*."[2]—"Oh," replied he, "you are a stranger; you know nothing of our Russians; among all those fellows there was not one who would have confessed what he could do." Strange and melancholy truth! but it is not so with the Russian alone. It is the same with the slave of every country, and always will be where a man

1 A sort of lute, with two strings, on which the Russian peasants play.

2 Shoes of linden bark, which the Russians wear.

is obliged to exert his corporal and mental faculties by compulsion.

This spirit of mechanical obedience imposed on the Russians has an unfortunate influence on all their imitative arts. They have a national music of their own invention, which is extraordinary, and bears the characteristic stamp of their enslaved genius. It appears formed to be executed by a machine, rather than by men. About half-a-hundred musicians, as they are called, have each a horn, differing in size in regular gradation, like the pipes of an organ; each of these horns gives but one tone, and each of the players has before him only one note, the greater or less length of which, and the longer or shorter intervals between its repetitions, form all the variation. Thus these musicians, each repeating his own note, perform by common accord the simplest and even the most complicated airs. The bulk of these horns, and the purity and depth of their tones, render their concert sublime, and its effect is particularly grand by night, and in the open fields. I doubt the possibility, however, of forming a band for this strange music anywhere but in Russia, as it would not be easy to muster fifty men who would consent to dedicate their lives to the sole purpose of sounding one note on a horn, and wait whole hours measuring rests,

in expectation of the moment for sounding this note incapable of being moved by the air they are employed in playing, or by the art they profess. Nothing but an automaton, an organ-pipe, or a slave can be brought to this exactness. The Greeks and Romans had slaves likewise, but they had liberal arts; in Russia there are none. All the arts there are servile or foreign, and can be naturalized only with freedom.

Whether he exercise arts, guide the life-supporting plough, or handle the destructive musket, the Russian is fettered, and trembles under the lash of a master; all the qualities of his mind are withered, and the tenderest feelings of his heart are outraged.[1] How astonishing is it that, with these debased beings, torn by force from their families as a sheep from the fold, and of

1 What has disgusted me is to see men, with grey hair and patriarchal beards, lying on their faces, with their breeches down, while they were flogged like children. Still more horrible!—I blush to write it—there are masters who sometimes force the son to inflict this punishment on his father; and, most abominable of all, there are sons who comply with such an insult. These and many other horrid actions are committed chiefly in the country, where the lords, in their castles, exercise the same authority over men as over animals. Even women are subjected to the most indelicate insults. These barbarities, however, become more rare, and inspire the better kind of Russians with as much horror as they do my readers; but they are still committed, and attest to what a pitch of degradation the human species may be reduced.

whom the greater part die of grief and terrors before they reach the army, to which they are driven by the cane, Russia should have gained so many victories over her neighbours! Reasons for such apparent contradiction, however, may be assigned. The Russian who can support the wretched life necessary to complete the education of a soldier, may be considered as an invulnerable, or, at least, insensible being, immersed in the waters of the Styx. Scarcely one in three endures the trial, but he who does remains indefatigable, and hard as the iron that has repeatedly passed under the hammer. From the proud Russian Prince, who would devour a raw turnip or cucumber, after having gormandized on the most exquisite dishes at a sumptuous table,[1] to the filthy Siberian, who feeds on stinking fish, all the Russians seem to have iron constitutions, capable of supporting equally the extremes of heat and cold, of gluttony and abstinence. The veteran soldiers are the hardest of men. Reeking from the vapour bath, they roll themselves naked in the snow and sleep on a bed of ice. From the severest toil they pass to the most indolent repose; after the

1 Potemkin has often been seen to present himself in the midst of his courtiers, with his legs bare and his hair about his ears, eating a raw carrot or turnip, when just come from the Empress's table.

longest and most rigid abstinence they gorge the selves with food with impunity; and with a *souk* (biscuit) and an onion in their pocket, they will tra sixty versts a day, to follow Suvarof.

Lassant la faim, la soif, et la fatigue,
Le soldat Russe affronte les revers,
Brave la mort, et franchit les deserts.
Fier et soumis, de soi-même prodigue,
Guider son bras, il détruit l'univers.

The Russian—hunger, thirst, fatigue subdues,
His foe across each desert wild pursues,
Dares adverse fortune, dares impending fate,
And prodigal of life is bravely great.
Humble, yet proud, his banners wide unfurl'd,
Guide but his arm, he'll subjugate the world.

In short, if, as it has long been imagined, to l a good soldier require nothing more than to be a ver exact machine, the Russian must certainly be the be in the world. His valour is so mechanical and s docile[1] that he dreads the cane of his officer mo

1 The Russian soldier sometimes gives very laughable proo of this mechanical exactness. Peter I. had issued orders th every man who went through the streets without a lantern aft ten o'clock at night should be stopped. A physician, returnir from a visit to a patient, was preceded by his servant with lantern. The servant was suffered to pass, but the physicia notwithstanding all he could say, was conducted by the sent to the guard-house.—In a battle with the Swedes a galley w sunk, on board of which were several officers of the guards. T commander of the next galley cried out to his men: "Save t

than the cannon of the enemy: it may be said of him that he is afraid to be a coward. Contrary to what is seen in many other nations, the Russian soldier is more intrepid than his officer. He has powerful incentives in his ferocious disposition—love of plunder and desperation. The officer wants these, and is often destitute of that sense of honour, courage and patriotism. Catherine substituted for these a bait of various recompenses, of which she was prodigal on all occasions. Every officer present at an engagement[1] was promoted a step: they who were mentioned with honour by the general in his report received crosses or gold-hilted swords; and they who were wounded, peasants or pensions. I have seen officers who, in one campaign, had received two crosses, a gold-hilted sword and two

officers of the guards." One poor fellow, sinking, held up his arm for assistance, and a soldier caught hold of it; but before he would pull him out, he asked: "Are you an officer of the guards?" The poor fellow being unable to answer, the soldier let him go, and he perished.

1 The soldiers received a silver medal, and I have seen whole regiments where none but the recruits just arrived were without them. The medal distributed to those who were present at the expedition against Tschesme, or Clazomene, where the Turkish fleet was burned, has great sublimity in the inscription: "*Bouil*—I was there." Paul recompenses his soldiers by giving permission to a regiment, with whose services he is satisfied, to use *the Grenadier's March*.

promotions. There is a wide difference, however, between the valour of these soldiers and that of those warriors whose heroic exploits were rewarded by a branch of oak or the simple approbation of their country.

The Russian soldier has retained some virtues, of which he frequently exhibits proofs amid the excesses in which he too often indulges; for, notwithstanding the dread and horror which the peasant feels for the life of a soldier, young men have been seen to cast themselves at the feet of the recruiting officers, and beg that they might be taken instead of a brother about to be torn from his family.[1] The greatness of such a sacrifice can only be properly estimated when we recollect that a Russian soldier is enlisted, not for a certain number of years, but for his whole life.

1 I was much interested for a young man, who had come five hundred miles to beg that he might be received into the regiment instead of his brother, who had a large family; and I spoke of it to the minister of war, relating the particulars of a sacrifice, which, in my opinion, deserved to be rewarded by setting the soldier at liberty, without detaining his generous brother. A relation of the minister, who was present, said: "We must dismiss all our soldiers, then; for I have seen such things as would astonish you a thousand times." This silenced me, not knowing which to admire most, the natural goodness of the Russian slaves or the hard-heartedness of their lords. This man had been taken by Pugatshef, tied up in a bag and was on the point of being thrown into the river, when a Russian party delivered him.

Once dragged from his hut and all that are dear to him, he must grow old under the severest discipline, if he do not fall by the sword of the enemy. If he be married, scarcely will he have quitted his wife before his master may give her another husband[1]; and if he have children, he will never behold them again.[2] He is lost, dead to his family for ever.

You then see him giving proofs of courage and confidence in his generals, which serve him instead of patriotism[3]; so the well-trained dog displays from

---

1 This is forbidden; but it is frequently done, that the master's income may not be diminished, for he would be obliged to support the wife and children; but by marrying her again, the same fields are cultivated by the husband's successor, who pays the same tribute. Frequently a lord marries a stout girl of twenty to a boy of ten or twelve, in order to establish a fresh household. Sometimes a father of a numerous young family, finding his task too severe, solicits a stout wife for one of his boys, and supplies the place of a husband to his daughter-in-law till the child is grown up. Such disorderly conduct is very common in the country.

2 The soldier never obtains a furlough.

3 At the siege of Otchakof, a piquet guard, going to an advanced post, met an officer in the trenches, who said to them: "The Turks have made a sally; the post to which you are going is already in their hands; turn back, or you will be cut to pieces."—"What is that to us?" answered one of the soldiers; "Prince Dolgoruky is answerable for us." Notwithstanding the officer's representations, they went on and returned no more.

At the attack which the Turks made upon Kimburg, Suvarof went out drunk at the head of his garrison to repulse the enemy.

obedience the same courage as the generous lion defending his life or liberty. In his bravery, native hilarity, gait and cleanliness, the Russian soldier is admirable. There are regiments which, for these sixty years, have been almost always in sight of the enemy. These continual combats have rendered the Russians warlike; but the scenes at Otchakof, Ismail and Prague, and the devastations in unhappy Poland, have stamped their valour with the most ferocious barbarity. Yet this was the character of the generals that commanded them, of Catherine, who excited them, rather than their own. Yet amid that horde of savages which she let loose upon that wretched nation, by the side of the Suvarofs, Denisofs, Kakofskies and Kretschetnikofs, whose names are even less barbarous than their characters, might be seen the Repnins, Gallitzins, Buchshefdens, Fersens, the young Tolstoï, and several superior officers, whose humanity, and even

---

The Russians gave way at the first charge, and several took to their heels. A soldier, enraged, stopped the fugitives with his bayonet, obliged them to turn back, and charged at their head, as if he had been their officer. Catherine, being informed of this action, which was the cause of the first victory in the last war, would have given him a commission; but this he refused, saying that he could neither read nor write, and would rather be a good soldier than a bad officer. The Empress then sent him a gold medal, and conferred on him a pension of three hundred roubles—(£30).

urbanity, formed a complete contrast to the barbarity of their companions. The Russians, who became so ferocious under the reign of Catherine, were much less so under that of the mild Elizabeth. Their memory is still respected in Prussia: the conduct and discipline which they observed there during two years were acknowledged with gratitude by the inhabitants. The irregular Cossacks, the Bashkirs, the Kirghises and the Kalmucs, who compose their light troops, are the only barbarians without discipline.

The genius of Catherine required a nation so new, so malleable, and of which she might say, as the statuary in La Fontaine says of his block of marble: "Shall I make of it a god or a table?" Of the Russian she could not make a god, but she might have made a man: her greatest crime is the not having placed her glory in doing this.[1] By submitting

---

1 Catherine, the disciple and idol of our philosophers, the Legislatrix of the North, has riveted the chains of the unhappy Russians. By what fatality is it that she, who in her youth was not afraid to have the question discussed, whether it would not be proper to emancipate the peasants, should finish by reducing to similar slavery those provinces which had retained some franchises? Wiasemsky, whom Momonof punningly called *Volterre* (the land stealer), with a single stroke of the pen reduced the Cossacks, Tartars and Finns to the state of slaves, in order to augment the capitation; notwithstanding Catherine had acknowledged

to the reign of Catherine and her twelve favourites, Russia proved itself the most debased of nations.

Peter I. having employed a monk to translate Puffendorf's "Political History of Europe" into Russian, the monk, from a sentiment of mean and false delicacy, softened all the expressions he found relating to slavery and Russia; he even took the liberty to omit the chapter treating of the national character of the Muscovites altogether. Peter, turning over the book, presently discovered it, gave the monk a severe reprimand, and ordered him immediately to correct the whole of the translation, and render it perfectly faithful. This noble frankness demands our esteem; but what will the reader say when he is informed that, under the reign of Catherine, a new translation of Puffendorf appeared, with all those omissions which the monk had formerly made?

Russia—brave, powerful, amiable and hospitable nation! where I found friends and protectors—forgive the frankness of a stranger, who ventures to

---

and guaranteed their rights! This Wiasemsky, whose knavery was equal to the stupidity of his successor, was attorney-general and treasurer of the empire; and, according to the Russian expression, was *the Sovereign's eye*. Count Panin, speaking of him, said to Catherine: "You have a purblind eye there;" to which she answered: "For that reason I will have the senate obey it."

depict you as you appeared to him; and who, if he had been speaking of his own countrymen, could not always have spoken of them with praise. In painting your good qualities I have displayed your heart; in painting your vices I have shewn only the marks of your chains. May freedom efface them at some future day!

CHAPTER VIII

RELIGION

The Greek Church—Priests—Festivals—Fasts—Images.

It has often been made matter of reproach to religion that her most zealous defenders are not always the best of men in their own characters—it is to be lamented that Russia in particular affords matter to support this sarcasm. There, a most illiterate or most degenerate sect, under the name of Christians, relies on abstract points of doctrine instead of morals, miracles instead of reason, the performance of ceremonies instead of the practice of virtue, and purchasing expiation for crimes instead of repentance or punishment. There the devotee is assuredly a knave, and the hypocrite a villain. I have already asserted that the principal cause of the vices of the people is the immorality of their religion; and he who considers that in the Russian Greek Church there are neither sermons, nor exhortations, nor catechism, will at once see the rectitude of my opinion.

A sort of auricular confession, but very different from that of the Catholics, is the only act which reminds the Russian of a few of his duties; but all the confessor enjoins him consists in fasting, repetition of litanies, and making the sign of the Cross. The archbishop or metropolitan, indeed, sometimes preaches a sermon in the chapel belonging to the palace; but this sermon used to be nothing more than an oration to flatter Catherine, who heard it with downcast eyes, and kissed her hand to the preacher by way of acknowledgment. It is true, likewise, that Plato, Archbishop of Moscow, who is really a man of merit, has composed some very sensible and eloquent homilies; and that he has enjoined the parish priests to make similar ones, or at least to read his, on Sundays and festivals. But these country popes are not always capable even of doing the latter; the rest are still less equal to the former; and they who are able are negligent.

Besides the fifty-two Sundays in the year, the Russians celebrate sixty-three festivals, twenty-five of which were dedicated to Catherine and her family.[1]

---

1 Five of these festivals were exclusively in honour of Catherine: firstly, her birthday, the 21st of April, old style; secondly, her accession to the throne, the 28th of June; thirdly,

At Court these were days of *Te Deum*, or rather *Te Deum*, pomp, balls, distribution of favours and feasting: in the towns, of drunkenness and disorder. In the country they might have been days of rest for the wretched: but if their masters did not send them to their usual tasks after Mass, they dedicated those moments to the hasty gathering in of their own harvest; in this respect, however, the festivals were a benefit to them.

The most despicable and most despised of all persons in Russia are the priests. Many of them cannot even read; yet they are more despicable for their drunkenness and intemperance than for their gross ignorance. There are seminaries for their tuition, indeed, but it is not always necessary for a man to have been educated in them in order to become a priest. A father bequeaths to his son his living, his church, and his flock; for this he wants nothing but the consent of his lord, who easily obtains that of

her coronation, the 22nd of September; fourthly, her inoculation for the small-pox, the 21st of November; and fifthly, her name-day, the 24th of the same month. For these solemn days each of her generals were anxious to send her the news of some important victory, which she preferred to any other homage. It was necessary for the enemies of the Russians to be particularly on their guard some days preceding these festivals, for they were sure to be attacked.

the bishop. If the son be able, as his father was before him, to read a little in the Sclavonian language, say Mass, and chaunt vespers, he is master of his trade, and follows it. He often gets drunk and fights with his parishioners, who, notwithstanding, kiss his hand and ask his blessing, after they have given him a drubbing.[1] It is not uncommon, in the streets of Moscow and St. Petersburg, to meet drunken priests and monks, reeling along, swearing, singing, and insulting the passengers, male and female. One of the chief causes of the vices and ignorance of these Russian priests, however, is to be ascribed to the prohibition they are under to read any book except their breviary, to employ themselves in any occupation, to do any work, or to play on any instrument of music.

The indecency with which these priests officiate render the ceremonies extremely ridiculous, which would be much less so in themselves.[2]

---

1 On certain days in the year these popes make the tour of their parishes, demanding, from hut to hut, eggs, butter, flax, fowls, &c. On their return, you might see them either lying dead drunk on the bottom of the cart among their stores, or merrily singing as they drove it along.

2 A Russian general, having a child of one of his domestics baptized in his ante-chamber, conducted thither the company who had dined with him, to amuse them with the sight. The priest having officiated with an ease and dignity which were not

Many lords have private chaplains in their own houses to say Mass; but they commonly live with the footmen, and are not admitted to their master's table. The condition of these priests, however, is free.

The superior clergy are more respectable and certainly much more respected. Nothing can be more pompous than a solemn Mass celebrated by an archbishop, who is arrayed in his robes by his clergy in the midst of the temple, as was the grand priest formerly when sacrificing in the temple of the gods.[2] Plato

---

expected, the general applauded his performance by clapping and crying, "Bravo! Bravo!" These Russian baptisms by immersion are always extremely indelicate when the person is a Turk or a Kalmuc of five-and-twenty. Their marriages, too, have many ridiculous ceremonies. I saw a lady, at the marriage of her waiting-woman, in her own private chapel, smartly scold her chaplain for not knowing these ceremonies, and take the direction and ordering of them upon herself. The bride on this occasion was an Englishwoman, and a clergyman of her own nation gave her away. His grave deportment formed a singular contrast to that of the officiating pope.

1 During the war with Sweden, as there was a pressing want of men, several thousands of priests' sons were, notwithstanding, taken away, and some battalions of artillery formed of them. Several of them had already commenced their sacerdotal functions; yet they were dragged, like slaves, from their altars and their wives, to go and learn the management of great guns in General Melissino's camp.

2 M. d'Artois, during his stay at St. Petersburg, happened to be at such a ceremony when Catherine sent an officer to him

and Gabriel, archbishops of Moscow and St. Petersburg, are men venerable for their character and conduct, and particularly for the pains they have taken to reform the manners of their brethren. M. Sambursky, chaplain to the Grand Dukes, is a man who does honour to his cloth and country. He is the only Russian priest to be seen without a beard. When he was in London, he obtained permission, though with difficulty, to shave himself; and he has had the courage to persevere in the practice since his return. But if he left his beard in England, he brought thence taste and knowledge, from which his country may reap advantage. He applies himself to the improvement of agriculture in the environs of Tzarsko-selo, where he has cleared deserts and drained marshes, to form

---

with the news that Dumouriez had been defeated at Nerwinden. The Russians imagined that it was his devotion to their St. Alexander which had procured him such a happy message, and the Prince was willing to pay the archbishop a compliment on the occasion, but he very unpolitely answered that he had prayed only for true believers. Perhaps the reader will be surprised to hear that Catherine, who so much ridiculed the consecrated sword which the Pope sent to the Austrian general, Daun, herself ordered a sword to receive the benediction of the metropolitan of St. Alexander Nefsky, to make a present of it to M. d'Artois. Its hilt was of gold, ornamented with brilliants, and on the guard were these words: "God and the King." It has not performed more miracles, however, than Marshal Daun's.

fertile fields or English gardens.[1] This is the on vengeance he takes on his more bigoted brethren, f their contempt of one whom they consider as a hereti He has obtained another dispensation equally extr ordinary. His wife being dead, he is permitted continue in the exercise of his clerical functions as widower, which is contrary to the rules of the Gre hierarchy. According to these, a man cannot act a parish priest without being married; and, as a prie can marry but once, if he lose his wife he must sh himself up in a convent. For this reason the wiv of the priests are the most tenderly treated and th happiest women in Russia.

Is it to ignorance, one of the characteristics

1 Those of the Grand Duke Alexander, of which he forme the plan, and was not unfrequently its executor, were founded o a very ingenious thought. Catherine had written a tale for h grandchildren, entitled, "The Tzarovitch Chlore." The litt Chlore undertakes a journey to reach the top of a mountai where blows a rose without a thorn, and gathers it, after a tho sand dangers and a thousand toils. M. Sambursky has exhibite all the scenes and adventures of this tale in the field of natur The centre of the garden is a mountain, on the summit of whic stands the temple of the rose without thorns, and the path th leads to it presents all the instructive allegories which Catherin had invented for the young Princes. An adopted son of th worthy Sambursky has written a description of these gardens i verse, which the author of the present work has translated int French.

the Russian clergy, that we are to look for the causes of the happy exception their Church offers in the annals of Christianity? Their disputes and mistaken zeal have not, as elsewhere, occasioned wars, massacres and persecutions. If we except the violent acts of Peter I., to reform their beards and long garments, and those of Nicon, to establish his new liturgy, the Russian history exhibits none of those religious contests which have deluged the earth with blood. Archbishop Nicon was, no doubt, right in endeavouring to render the form of worship more pure and simple; but he was wrong in exhorting the Tzar Alexis to employ violence. They who would not make the sign of the Cross with three fingers had their hand cut off; hence arose a schism. These schismatics would not admit either the translation of the sacred books by Nicon, or his new litanies; and even now they would rather lose their hand than not make the sign of the Cross with two fingers, as a symbol that the Holy Ghost proceeds from the Father alone. These are called by others *raskolnikis*,[1] but they style themselves *staroï-vertsi* (old believers). They were prohibited from celebrating worship in public, but they held private

1 Schismatics.

meetings, and under Prince Potemkin they obtained permission to build themselves several churches. His plan was to gain the support of this powerful and fanatic sect at some future period. There are some wealthy merchants and great lords who are attached to it, and it is widely diffused among the peasants. However, the *raskolnikis* are no longer persecuted, and the Russians in general display the greatest indifference about the faith of others.

The common people observe with the most scrupulous exactness the four grand Lents which are enjoined them. Their superstition carries them so far that they abstain even from their wives or their snuff-boxes. The conscience of a Russian would not be so much affected by a theft or a murder, from which he might obtain absolution, as by having partaken of meat, milk, or an egg during Lent. Linseed oil, fish, herbs, roots, and mushrooms are then his sole nourishment; and such an abstinence for six weeks reduces him to a skeleton. The rich have sumptuous tables, well provided with fish and exquisite fruits, and on some of them even flesh is served for strangers or the sick; but I have seen a devotee refuse to touch his fish-soup, because he was helped with a spoon that had been in *soup-gras*. These rigid fasts made some one

say that the Russians knew not how to take heaven but by famine.

Every Russian, beside the consecrated amulet he wears about his neck, which he receives at his baptism, and which he never after lays aside, commonly carries in his pocket a figure of St. Nicholas, or some other patron saint, stamped on copper. This he carries with him everywhere as devoutly as Æneas did his *lares et penates*. It is frequently the only thing that a peasant or a soldier on his march has about him; nothing can be more common than to see him occasionally take this figure out of his pocket, spit upon it, and rub it with his hand to clean it; then place it opposite to him and on a sudden prostrate himself, making the sign of the Cross a thousand times, fetch a thousand sighs, and recite his forty[1] *gospodi pomiloï!*—"Lord have mercy upon me!" Having finished his prayer, he shuts his box, and returns the figure into his pocket.

A Russian nobleman is a little more ceremonious. He also has an image attending him on his journeys, but this is dressed in gold or silver; and when he arrives at a place where he means to stop, he at

1 The number forty has something sacred in it among the Russian clergy.

once prostrates himself before the image, his serva having taken it from its case and placed it in l master's room.

I knew a Russian Princess who had always large silver crucifix following her in a separate ca riage, and which she usually placed in her bed-chamb When anything fortunate had happened to her in t course of the day, and she was satisfied with h admirers, she had lighted candles placed about th crucifix, and said to it, in a familiar style: "Se now, as you have been very good to-day, you sha be treated well; you shall have candles all night I will love you, I will pray to you." If, on th contrary, anything occurred to vex this lady, sh had the candles put out, forbade her servants to pa any homage to the poor image, and loaded it wit reproaches and revilings.

Even Catherine affected to have great devotic towards images. She was frequently seen to prostra herself before the door of her chapel, take up th dust from the ground, and scatter it over the diamon crown on her head. Once an image of the Virgi covered with diamonds, of which the Empress Eliz beth had made her a present at her confirmatio and which she had placed in this chapel, was stole

All the officers of the police were set in motion to discover the perpetrator of so daring a theft, but in vain. "Ah!" said Catherine, "it is not the loss of the diamonds, but of the holy image, I regret. I would give double its value to recover it." Her prayers were heard: after great search had been made, and several persons had been imprisoned, the image was found in the course of a few days, stripped of all its valuable ornaments, in the snow near the Admiralty. Catherine, delighted at her good fortune, rewarded him who brought it, directed the image to be arrayed more richly than before, and replaced with ceremony on her altar.

The girls of the town, too, in Russia, are very devout. When they have a visitor, before they grant him any favours, they always veil their images and extinguish the candles placed before them.

I shall not particularize all the superstitions with which such a religion, if it deserves that name, must necessarily inspire an ignorant and enslaved people. It seems the present policy to thicken the cloud of errors which the genius of Peter, the humanity of Elizabeth and the philosophy of Catherine sought in some degree to attenuate.[1] While we pity the state

1 Perhaps it will be matter of astonishment to the reader

of degradation under which a great people crouches, we should do justice to the enlightened Russians, by whom it is lamented: but they are enchained by prejudices, as the giant Gulliver by the Lilliputians;

---

to peruse the following article, translated from the *Imperial Gazette* of St. Petersburg:—

"ST. PETERSBURG, 17th *December*, 1798.

"In 1796 a coffin was found at the convent of Sumorin, in the city of Trotma, in the eparchy of Vologda, containing a corpse in the habit of a monk. It had been interred in 1568, yet was in a state of perfect preservation, as were also the garments. From the letters embroidered on these, it was found to be the body of the most venerable Feodose Sumorin, founder and superior of the convent, and who had been acknowledged as a saint during his life for the miracles he had performed."

It is then stated, that the directing synod had made a very humble report on this occasion to His Imperial Majesty; after which follows the Emperor's ukase:—

"We, Paul, &c., having been certified, by a special report of the most holy synod, of the discovery that has been made in the convent of Spasso-Sumorin, of the miraculous remains of the most venerable Feodose; which miraculous remains distinguish themselves by the happy cure of all those who have recourse to them with entire confidence; we take the discovery of these holy remains as a visible sign that the Lord has cast his most gracious eye, in the most distinguished manner, on our reign. For this reason we offer our fervent prayers, and our gratitude, to the Supreme Dispenser of all things, and charge our most holy synod to announce this memorable discovery throughout all our Empire, according to the forms prescribed by the holy church and by the holy fathers, &c. The 28th of September, 1798."

Paul has enriched the Russian calender with a few festivals

his bonds were weak and imperceptible, as his enemies were minute, but every one of his hairs was separately fastened to the ground, and he was unable to raise his head.

---

in addition to those already mentioned: among others, those of the disinterred saint, and of the Madonna of Kasan, which he has ordered to be kept holy. Every child, too, that he has, gives rise to two new festivals, its birthday and its name-day; and Paul has nine children already!

CHAPTER IX

ON FEMALE GOVERNMENT

Its influence on the women of Russia. Their Character—Immodesty — Manners — Baths — Talents — Charms. — The Princess Dashkof.

RUSSIA offers an example truly singular in the annals of history. The same century has seen five or six women reign[1] despotically over an Empire, in which the women before were slaves to men who were themselves enslaved; where Peter I. was obliged to employ[2] force to raise them out of this barbarous state of debasement, and give them a place in society; where even now the code of slavery does not allow them a soul,[3] or count

---

1 Sophia, sister to Peter I.; Catherine I.; Anne I.; the Regent Anne; Elizabeth; and Catherine II.

2 Before Peter I. women did not appear at Court or in company, or even at their husband's tables. Peter issued an ukase directing husbands to let their wives appear in public, very wisely deeming the society of women necessary to civilize the nation; but he was often obliged to employ the officers of the police to conduct the ladies to the balls.

3 In the Russian language the word *soul* is employed to designate male slaves. Instead of asking a man how much he has a

them among human creatures. The reigns of these females afford a strong argument in favour of those nations who have never suffered the sceptre to be placed in hands that were formed for the distaff, for it would be difficult to find six reigns more prolific in wars, revolutions, crimes, disorders and calamities of every kind. That the manners of the Court were softened I am ready to allow; but then they were corrupted, and wretchedness increased in equal proportion with luxury and disorder. Abuses of every kind, tyranny and licentiousness, became the very essence of government.

The old proverb, "When women hold the sceptre, men guide it," is false or unmeaning. When women reign their lovers tyrannize over the people, and all in power plunder them. But, without entering into the political effects of petticoat government, which may well be considered as the extreme of baseness or extravagance in mankind,[1] I shall notice only the influence it has had on society and the female sex in Russia.

---

year, the question is, how many souls he has: and a man has frequently ten or twenty thousand, without reckoning those of the women, or his own, which certainly some may think least deserves to be taken into the account.

1 From what contradiction have the offices of Empress, and of Queen, which require vigour both of mind and body, and knowledge or talents of every kind, been so frequently given to women? An

The existence of the Amazons appeared to me no longer a fable, after I had seen the Russian women. Had the succession of Empresses continued, we might perhaps have seen that nation of female warriors locally reproduced, and in the same clime where they formerly flourished.[1] Great energy is still observable in the women of the Sclavonian nations, of which their history furnishes many proofs. That feminine activity, which love, tenderness and domestic cares absorb in other countries, the women of the North, who are born with more cold and robust constitutions, employ in search of sway and in political intrigue. They frequently experience a physical necessity of inspiring love, but their hearts seldom feel a want of returning it.

Under the reign of Catherine the women had assumed a pre-eminence at Court, which they carried

---

army of five hundred thousand men were at the disposal of Catherine, yet she would not entrust another woman with a single company! She directed the politics of Europe, and gave it peace or war, though a woman could not enjoy the most trifling office in it! Is there not great inconsistency in this conduct?

1 It is singular enough that in the same countries which were said to have been inhabited by a society of women, who proscribed all men, a society of *Zaporogue* Cossacks have since dwelt, who would not suffer a single woman among them, recruiting their force solely by carrying away youths from the neighbouring lands. This barbarous republic was destroyed by Potemkin, and they who composed it distributed in the different armies, or among the other Cossacks.

with them into society and into their own houses. The Princess Dashkof, that "Tomyris talking French," masculine in her tastes, her gait and her exploits, was still more so in her titles and functions of *director* of the Academy of Sciences and *president* of the Russian Academy. It is well known that she long solicited Catherine to appoint her colonel of the guards, a post in which she would undoubtedly have acquitted herself better than most of those by whom it was held. Catherine, however, had too much distrust of one who boasted that she had seated her on the throne, to confide such a place to her hands. One more female reign and we might have seen a woman general of an army, or minister of state.

Many Russian generals, who enjoyed some reputation in foreign countries, were at that period governed by their wives. Count V. Poushkin, who commanded in Finland, durst not make a movement till he had despatched a courier to his wife to consult her. Count Ivan Soltikof was as inferior to his wife in moral qualifications as in physical strength, and the minister of war trembled before the wrath of his better half. The reader must not suppose that this submission, which became almost general, was that gallant and chivalrous deference which has sometimes been paid to the ladies. Those whom I

have cited as examples were old, ugly and ill-tempered; it was literally the submission of weakness to strength, of cowardice to courage, of imbecility to understanding. All the sex seemed to participate in the respect and fear which were paid to Catherine by her courtiers.

The same effects were frequently perceived at a distance from the Court. The wives of several colonels received the reports of the regiment, gave orders to the officers, employed them in particular services, dismissed them, and sometimes appointed them. Mrs. Mellin, *coloneless* of the regiment of Tobolsk, commanded it with a truly martial haughtiness, received the reports at her toilette, and regulated the mounting guard at Narva, while her good-natured husband was employed elsewhere.

On the Swedes attempting to surprise the place, she came out of the tent in regimentals, and marched against the enemy at the head of a battalion. Several women accompanied the army against the Turks. Potemkin's seraglio was always composed of handsome Amazons, who delighted in visiting the fields of battle, and admiring the handsome corpses of the Turks as they lay stretched on their backs, their scimitars in their hands and with an air of defiance still in their countenances, as the Argant of Tasso appeared to the gentle Herminia.[1]

1 After the assault of Otchakof heaps of dead bodies were

The masculineness of the women is still more observable in the country. Something of this character, no doubt, may be remarked in all countries where the men are slaves; for here widows, or daughters come of age, are often obliged to take on themselves the government of their estates, the people of which are their wealth, and are considered as their property, like so many cattle. In this case they are engaged in businesses by no means suitable to their sex. To buy, sell and exchange slaves, assign them their tasks, and order them to be stripped and flogged in their presence, would be as repugnant to the feelings as to the modesty of a woman in a country where men are not degraded to the level of domestic animals, and treated with the same indifference[1]; but these are offices which the Russian women are often obliged to perform, and not unfrequently they perform them with pleasure.

The habit of treating men thus, and that which both

---

piled up on the Liman, then frozen over, and remained there till the thaw. Round these pyramids the Russian ladies used to take the air in their sledges to make their observations.

1 A French woman from St. Domingo informed me that several Creolian ladies were not more scrupulous than those of Russia. Some of them go themselves on board the slave-ships, to select and purchase slaves, who are exhibited to them quite naked. A well-made negro of twenty-five is called *un nègre toutes pièces*, "a negro at all points."

sexes have of mixing together in their public baths, deaden, at a very early age, that modesty which is natural to women, and I have seen some as bold as the most impudent men.[1]

This effontery in some Russian women must not be ascribed to libertinism or gross licentiousness. They live from their childhood in the greatest familiarity with a herd of their slaves; a thousand private and even secret services are performed for them by male slaves, whom they scarcely consider as men. Their domestic manners afford them daily opportunities of satisfying, and even anticipating, their curiosity respecting all the mysteries of nature, and stifling in the birth the irritability of their nerves. Only an equal can put them to the blush; to them a slave is not a being of the same species.

I have already mentioned the revolting manner in which men are treated in Russia. A man's sensibility must be deadened, and his heart already hardened by spectacles of cruelty, for him to behold for a single mo-

1 Being once at the house of a lady in the country, she was desirous of amusing herself with fishing. She sent for nets, and ordered some of her servants to strip and go into the water. They immediately stripped themselves in the presence of their mistress and she gave them directions in their fishing with all the unconcern imaginable.

ment, without indignation and horror, the punishments sometimes inflicted on slaves. But, it must be confessed, it is still more revolting to see women present, and even presiding at them, or sometimes inflicting the punishments themselves. I have been at tables where, for some trifling fault, the master has coolly ordered a footman a hundred blows with a stick, as a mere matter of course; and he has been immediately conducted into the court, or into the ante-chamber only, in presence of the ladies, married and unmarried, who continued to eat and laugh while they heard the cries of the poor fellow being cudgelled.[1]

---

1 The little reflection with which a man is ordered to be bastinadoed produced a strange blunder a few years ago. Count Bruce, governor-general of St. Petersburg, had a slave for his cook, who ran away. At Court he saw Kleïef, the master of the police, and gave him orders to make the necessary search in order to recover his cook. This was done, but in vain. Just at this period a French cook arrived from Warsaw, who was come to seek employment in Russia, and had been recommended to Kleïef by one of his friends in Poland. Kleïef, thinking to provide the man a place at once, sent him immediately to Bruce, telling the Frenchman that he need only say he came from him. Accordingly, Count Bruce was informed by his servant that a cook was come, sent by the master of the police. "Oh," said he, "my fellow is come, is he? Let him have two hundred stripes immediately, and then conduct him to the kitchen." The servants of the governor immediately seized the poor devil, and conducted him to the riding house. There, in spite of his cries and protestations, he received the punishment ordered. His surprise and terror may easily be conceived. He was left half-dead, and

I am not the first person by whom it has been observed that in Russia the women are usually more spiteful, more cruel, and more barbarous than the men; and it is because they are still much more ignorant and more superstitious. They scarcely ever travel, are taught very little, and do nothing. Surrounded by slaves to gratify or prevent their wishes, the Russian ladies spend their time lounging on a sofa or at a card table. They are very seldom seen with a book in their hands, still seldomer with any kind of work, or attending to their domestic affairs. They who have not been humanized by a foreign education are still actual barbarians. Among them you may find such women as Juvenal describes, where he mentions one who, speaking to a person that entreated her to spare a slave she was ordering to be punished, and conjured her to take pity on the man, answered: "Blockhead! is a slave a man?" and another, that said to some friends, who appeared frightened at some screams they heard while she was showing them her jewels and trinkets: "It is nothing at all; it is only a man I have ordered to be flogged."

If there were such women at Rome, what may be

---

scarcely able to crawl to the ambassador, to whom he made his complaint. Bruce, informed of his mistake, hushed up the affair for a few hundred roubles, which he gave the unlucky French cook.

expected at St. Petersburg and Moscow? Some horrible instances might be mentioned, were they not too dreadful and too indelicate to detail—they are sphinxes also, and proceeded from monsters in their kind; nor ought they even to be alluded to, but to show how far the ferociousness of a woman can carry her, when she seems authorized by the customs of the country. Ought we to be surprised if bad governments pervert the hearts of men, when they transform the gentler and more susceptible sex into raging beasts? One who bears the title of Princess, though she deserves not that of woman, by name K——ky, exhibits a picture of crimes, rage and turpitude at which the reader would shudder.

The outrages which she perpetrated on her slaves at Moscow obliged the brother of this Tisiphone to send her to St. Petersburg, to save her from the vengeance of the people. He was at length compelled to forbid her to employ her own slaves as domestics, and she was fain to hire free persons, who never stayed more than a day with her; and at length she was attended wholly by soldiers, who were sent to her house for the purpose.

This monster of cruelty is forty years of age, immensely tall, and of huge stature, resembling one of those sphinxes found among the gigantic monuments of Egypt. She is still living.

I knew another lady of the Court who had in her bedchamber a sort of dark cage, in which she kept a slave, who dressed her hair. She took him out herself every day, as you would take a comb out of its case, in order to dress her head, and immediately shut him up again, though seldom without his having had his ears boxed while she was at her toilette. The poor fellow had a bit of bread, a pitcher of water, a little stool and a chamberpot in his box. He never saw daylight but while he was dressing the periwig on the bald pate of his old keeper. This portable prison was kept close at her bed's head, and carried with her into the country. And her husband permitted this abomination! How could he sleep undisturbed by the sighs of the poor wretch, lying there shut up by his side? He spent three whole years in this *gehenna;* and when he made his re-appearance he was frightful to look at, pale, bent and withered like an old man. The chief motive of this strange barbarity was the wish of the old baggage to conceal from the world that she wore false hair; and for this she sequestered a man of eighteen from all human society, that he might renovate in secret her faded charms. The fasting and ill-treatment which she made him endure besides, were to punish him for having attempted to escape, and because, in spite o

all his art and care, she grew every day more old and ugly.

Still, I must repeat, I do not mention these infamous acts, not more incredible than they are true, as general and characteristic of the Russian ladies: they are the crimes of individuals; but these crimes could not have been committed except in Russia. In any other country the relations, the friends, the acquaintances of the Furies by whom they were perpetrated, would not have looked upon them as singularities of their humour; and the relations of the young man would have had a right to prefer a complaint against his mistress, and to demand justice.[1]

It was not at the Court and in domestic affairs only that the women assumed a superiority over the men. Nowhere did so many women arrogate to themselves the right of making the first advances, and being the active party, in affairs of love. The example of Catherine was but too well calculated to give them those bold and masculine tastes and manners.

Almost all the ladies of the Court kept men, with the title and office of favourites. I do not say lovers,

---

1 During the reign of Elizabeth a grandmother of these Furies had already distinguished herself by similar atrocities, and her relations were obliged to confine her.

for that would imply sentiment; while theirs was merely gross desire, or, frequently, a wish to follow the fashion. This taste was become as common as eating and drinking, or dancing and music. Tender intrigues were unknown, and strong passions still more rare.[1] Debauchery and ambition had banished love. Marriage was merely an association, in which convenience alone was considered; it was fortunate if friendship sometimes came, unsought, to lighten the chains which the interests of parents, or vanity alone, had formed.

The discovery of a society, called the Club of Natural Philosophers, made a few years ago at Moscow, completely proves the depravity of tastes and manners

1 The young Princess Shakofsky, who was married to Count Aremberg, lately furnished a very tragical exception. At the period of the revolution in Brabant, in which her husband took an active part, Catherine ordered her to leave the seditious Count, and return to Russia, under pain of confiscation of all her property. She returned, under the care of her old mother, and Catherine declared her marriage null. One of her cousins ran away with her to Moscow, to marry her there, that he might the more easily obtain a dispensation afterwards. However, he possessed not the heart of his young wife, or, at least, did not occupy it entirely. She loved an officer in the guards, of the name of Kamasofsky. The jealousy of her husband having traced her rendezvous, and complained of them, the Princess poisoned herself, and died in dreadful convulsions. Her husband, a man of a melancholy cast, lost his reason for a time, and his happiness for ever.

ALEXANDER I

After the painting by François Pascal Gérard

under the reign of Catherine. This was a kind of order, surpassing in turpitude everything related of the most immodest institutions and mysteries. The men and women, who were initiated, assembled on certain days, to indulge promiscuously in the most infamous debaucheries. Husbands introduced their wives into this society, and brothers their sisters. The novices were not admitted till they had been examined and gone through their probations; the women being admitted by the men, the men by the women. After a sumptuous feast, the company were paired by lot. When the French Revolution took place, the Russian police were directed to examine and dissolve all kinds of orders and assemblies, and on this occasion the Club of Natural Philosophers was examined, and its members were obliged to disclose its mysteries. As the members of both sexes belonged to the most wealthy and powerful families, and their assemblies had nothing to do with politics, nothing more was done than to shut up and prohibit their scandalous lodge.

Many accounts of the Russian baths have been given; but, as they have a great influence on the character and manners of the women of the lower class in particular, it may not be amiss to speak of

them here with this view. On my arrival in Russia, one of my first objects was to examine them. I figured in my mind the voluptuous baths of Diana, and thought of nothing less than surprising the nymphs, like another Actæon. Accordingly, one day, I descended the banks of the Neva, with a friend, towards a public bath; but I had no occasion to go far before I was convinced that the Russian belles were accustomed to expose their charms to the eye of the passenger. A party of women, of all ages, tempted by the heat of the month of June, had not thought it necessary to go so far as the precincts of the baths. They had stripped themselves, and were swimming and sporting near the banks of the river. This spectacle, to which I was not accustomed, made the most lively impression on me, and I stopped and leaned over the quay, without my presence proving any interruption to the sports of the bathers.

I have since been several times in the baths, and I have seen similar sights on the banks of the islands of the Neva,[1] but, after what I have said,

1 On one of these occasions, an old woman, seeing some men of her acquaintance bathing a little way off, swam up to them, and began a conflict with one of them. The young man not being s

more ample accounts are unnecessary. It is true there exists an ukase of Catherine, which enjoins the conductors of the public baths in the cities to construct separate baths for the two sexes; and not to allow any men to enter into the women's bath, except the necessary attendants, or painters and physicians, who come there to prosecute their studies. Accordingly, an amateur assumes one or other of these titles to obtain admission. At St. Petersburg both sexes now have their sweating rooms and baths separated by a partition, but many old women still prefer mixing with the men; and, besides, both men and women, after having taken the hot bath, run out perfectly naked to plunge together into the river that runs behind it. In the country the baths are still on the old footing; that is to say, persons of all ages and both sexes use them together, and a family, consisting of a father of forty, a mother of thirty-five, a son of twenty, and a daughter of fifteen, appear together in a state of innocence, and mutually rub down each other.

---

swimmer, his antagonist had the advantage, and, seizing him by the beard, she ducked him repeatedly, to the great amusement of both parties, as well as the spectators, who laughed heartily at the scene. This transaction took place near a part of the shore where persons of all ages and sexes were walking, and the young ladies in the neighbouring houses might enjoy it from their windows.

These customs, which appear to us so shocking, and which are so to all people who wear clothes and are no longer savage, are yet by no means the effect of corrupt hearts, and do not indicate libertinism. It is not even these baths, so conducive to the health of the Russians, that lead them into debauchery. On the contrary, the habit of seeing everything unveiled continually, and from an early age, deadens the senses and cools the imagination. A Russian youth will never feel his blood boil and his heart palpitate at the idea of a rising bosom. He never sighs after secret charms at which he scarcely dares to guess, for, from his infancy, he has seen and examined everything. The Russian maiden will never have her cheek overspread with an involuntary blush at an indiscreet idea or curiosity, and her husband will have nothing new to show or to teach her, nor will marriage have any novelty for her. Love is here a stranger to those delicate and exquisite approaches which constitute its true charms, and to those preludes to pleasure more delightful than pleasure itself. Where poignant sentiments do not ennoble the happiest of human passions, it becomes a mere momentary impulse, too easily gratified to be highly prized.

The land of slavery is not that of the noble

passions; it would be difficult to find in it the materials for a romance. Yet the Russian is sensible, gay, sings and dances willingly, and the collection of popular songs bears witness that he formerly felt the inspiration of love. In these an exquisite sensibility and affecting melancholy frequently appear, which interest and delight the reader.[1]

What I have said of the Russian ladies, among whom there are so many amiable and charming,[2] I fear, will tend to excite too unfavourable an idea of them. Almost all of them are naturally witty, and by no means destitute of grace. Their eyes, feet, and hands are everything that could be wished, and there is an ease in their manners, a taste in their dress, and a charm in their conversation, which are peculiarly agreeable.

These sprightly and amiable Russian ladies have

---

1 If a change of circumstances should take place, and I can renew my acquaintance with some of the men of letters in Russia, I shall some day make known a few pieces of this kind.

2 Perhaps the unfortunate chance which gave me a close view of the most malignant and contemptible of the sex has mingled some gall with my ink, in spite of myself. It must be confessed, likewise, that the girls appear as reserved and modest as the women do impudent. They are born susceptible of the most profound and gentle sentiments. It is with difficulty that examples and the general corruption render them depraved.

a taste for the arts. They laugh at the representation of a good comedy, readily perceive a satirical stroke, perfectly understand an equivoke, and applaud a brilliant line; but traits of sentiment appear lost on them, and I never saw one weep at a tragedy.

The domestic virtues, and that spirit of order and economy so necessary to a moderate fortune, are rarely to be found among the Russian women. They would rather be the delight of society than superintend their family affairs, and are more calculated to give pleasure to many than to confer happiness on one. But all the charms that luxury sets off, all the enchanting talents that ease of circumstances affords opportunity of cultivating, commonly heighten the beauty of the young Russians. They particularly excel in speaking foreign languages, and there are several who speak three or four in equal perfection.[1]

Those who have had a good education, whom the

---

1 A Livonian lady, who has received a tolerable education, speaks German, which is her native language; Russian, with which she cannot dispense; and French, which is the language of fashion. To these, several add Italian, on account of music; and some, English. They speak, besides, the Livonian, or the Esthonian, which are the peculiar and original languages of their provinces. The Livonian women, however, are of a different character from the Russians.

manners of their families and the care of a prudent governess, or respectable mother, have formed to the graces, without moulding to vice; those, in particular, whom reading or some travelling has improved, deserve one of the first places among the amiable women of Europe.[1] But these are flowers thinly sown, and blooming in secret. Superstition, envy and calumny rage against them; and, if they cannot support the torture inflicted on them by the conversation of the gossips of the place, they are obliged to form a circle of select females, and especially foreigners,[2] which redoubles the hatred and persecution raised against them.

It will not be amiss to finish this delineation of the Russian women with some particulars of the Princess Dashkof, who, of all the women of Russia, next to Catherine, has been most the subject of conversation, and whose portrait would form a proper

---

1 I could easily mention some of these respectable women, as I have the despicable, but I shall not be blamed for sparing the modesty of those more than the impudence of these.

2 M. Kapief has written a tolerable comedy, in which he has endeavoured to display the ridiculousness of these gossips. The gaiety and mask of Thalia herself were requisite to render what is most stupid and insipid in life entertaining; but he dared not copy the originals with fidelity.

companion for that of Potemkin, were it drawn by the hand of the same master.[1] I will neither refute nor repeat what has been said a hundred times, in print, of this virago, the real heroine of the revolution of 1762. For some years the friendship between her and her royal mistress had singularly altered, and the following is the true cause of the last quarrel, which was never made up.

In hopes of gaining a few roubles, in 1794, the Princess directed a posthumous tragedy of Kniaigenin[2] to be printed at the expense of the Academy. At any other period no notice would have been taken of this piece, the merit of which was trifling. But from the time of the French Revolution, and particularly after the death of Potemkin, Catherine had become fearful and suspicious. This tragedy was mentioned to her as a suspicious piece. It was prohibited; all the copies were seized, and search actually made for those that had been already sold. As the work had been printed

---

1 It may be found in a book entitled, "Vie de Catherine II." The author or compiler of this history, however, has been led into mistakes respecting a number of facts and persons. The Princess Dashkof was already in disgrace, and had left St. Petersburg, when he speaks of her as still there, and the outlines of the work are as false as they are improbable.

2 A Russian author of considerable repute.

by the express orders of Mrs. President Dashkof,[1] she was sent for by the Empress. "Good God, what have I done to you, that you should print such an infamous and dangerous work?" said Catherine, with great emotion; "if it be so great a crime to reign, was it not you who made me guilty of it?" The Princess, surprised at this pointed attack, said, in excuse, that she had no ill design, and had not even read the piece, having relied on the censor. To this Catherine sharply replied that, in such critical times, people should rely on no person, but do their duty themselves. Madame Dashkof, mortified at this reprimand, procured her nephew, Bakunin, to be vice-president, to supply her place, and asked permission to retire to Moscow, which was granted her. The censor was punished; and it was happy for the author that he was dead.[2]

---

1 The reader will pardon me this solecism, which is employed in the Russian. She was appointed, by an ukase, President and Director, in the masculine gender, and she was addressed by the title of *Madame le President*.

2 The scene of this piece, entitled *Vadime*, is laid at Novgorod-the-Great, at that time a republic, but oppressed by the Princes of Moscovy, from whose yoke it was desirous of emancipating itself. This Vadime is the hero of the story, and the following passages, which are all that I preserved, are, I believe, the most alarming in the work. Vadime, conspiring to restore liberty to his country, says:

The Princess had long rendered herself odious and contemptible by her sordid avarice. This celebrated conspirator, who boasted of having given away a crown, sent to all the officers or aides-de-camp of her acquaintance, to beg old epaulettes and old lace. To untwist and sell these was become her chief employment, and persons who were interested in obtaining her favour began by sending her old gold or silver lace. She made no fires in winter in the apartments of the Academy, and yet expected that the Academicians should regularly attend the meetings. Many chose rather to expose themselves to her vulgar abuse, and lose their medals, than shiver in an ice-house: but the Princess never failed to be there, muffled up in rich furs, and it was a singular spectacle to see this lady only, seated in the midst of bearded popes and Russian professors, trembling and submissive before her, for she treated these Academicians with a haughtiness, and even brutality, worthy of Peter I. She took men of letters for soldiers, and the sciences for slaves.

"A king unites the weaknesses of a man with the power of a god."

"To wear a crown is sufficient soon to render a man corrupt and wicked."

Her adventure with Gregory Razomofsky made all St. Petersburg laugh, and rendered her contemptible in the eyes of every man of sense. She had sent him an academician's diploma unsolicited. Some time after she despatched to him a bale of Russian books to the value of about six hundred roubles (£60). Razomofsky declined them, saying that he had the originals of these Russian translations already in his library.[1] The Princess replied that she had created him an academician only on condition of his purchasing these books; and in consequence Razomofsky returned his diploma. The Princess wished to persuade the world that he was not in his senses; but the ridicule fell upon herself. Thus she prostituted her Academy: as to herself, she had done that long before.[2]

What rendered her completely ridiculous, both at Court and in the city, was her lawsuit with Alexander Narishkin, who had an estate near hers. One day

1 When I began to understand a little of the Russian language, I wished to read some of their original works; but I was astonished to find that what were given me for such was frequently a translation of some well-known work, but which was never mentioned in the title-page.

2 One day, having lost thirty roubles at cards to S——, she sent him the next morning thirty of the academy's almanacs by way of payment. I speak here only of her ridiculous meanness: the turpitude of her manners would carry me too far.

Narishkin's pigs got into the grounds of the Princess and devoured some of her cabbages. The heroine ordered them all to be massacred. Narishkin, seeing her at Court, said: "There she is, still red with the blood of——[1] my pigs."

Such was this celebrated woman, who prided herself on the share which she had in the revolution of 1762, who went to fisticuffs with her landlady in Holland, who attempted to blow out the brains of the poor Abbé Chappe at Paris, whom German authors, on whom she never bestowed a farthing, treated in vain as a genius, and who at last became a laughing-stock to all Russia.

---

1 This marked pause brought to the hearer's mind Peter III., and the crimson face of the Princess was singularly suited to the expression used.

CHAPTER X

EDUCATION

Anecdotes of the education of the Grand Dukes—Their governors and preceptors—Education of the Russians in general—Of the "outshiteli," or tutors, and their influence—Of the young Russians—Proceedings of the present Emperor unfriendly to civilization—The "Gazettes"—Radischef—Fable of the owl and glow-worm.

CATHERINE composed a plan of education for her grandchildren,[1] as she had also instructions for the legislation of her people. This plan, compiled from Locke and Rousseau, as the instructions had been from Montesquieu, Mably and Beccaria, does honour to the Empress's head; and had she possessed no other merit than that of adopting the ideas and maxims contained in it, this would not have been small. Had this plan been followed, Alexander and Constantine

1 This has never been printed. Catherine gave copies of it to the chief persons employed in educating the Princes, by which to regulate their mode of tuition. It was drawn up in the form of instructions, and addressed to Count Nicholas Soltikof.

Pavlovitch would certainly have been the best educated Princes in Europe. But it happened to Catherine's plan of education as it did to the instructions for her code. The compiling of the laws ended, as has been observed, with being abandoned to the management of a committee, which happily never assembled; and the education of the young Princes was entrusted to people scarcely capable of reading the plan, the letter of which they were to follow, and the spirit of which they were to study.[1] The only rule they appeared to comprehend was the following, probably because it was negative: "The Grand Dukes are to be taught neither poetry nor music; because it would occupy too much of their time to attain excellence in either." This rule they took pains to extend to all the sciences.[2]

---

1 In the badness of her choice here Catherine resembled Peter I. That illustrious instructor of his people was a very bad one for his only son. After having allowed him to spend his infancy with monks, priests and servants, he gave him for a governor Mentchikof, who, it is notorious, was never able to read. It is true that he appointed for his sub-governor a Dutchman, a man of knowledge, but who soon experienced the same fate as la Harpe, the tutor to the Grand Duke Alexander.

2 This has certainly the least merit of any rule in the instructions. Not that a prince should be made a fiddler or a poet; but it is impossible to give him too much taste for those arts which inspire and cherish sensibility of mind. The accurate sciences, which are said to render the judgment more exact, deaden the

It was the intention of Catherine, however, that her grandchildren should be instructed in every science capable of enlightening their reason or adorning their minds. A man of superior talents, la Harpe, was chosen for their first preceptor. He had incessantly to strive against the interested flattery and base adulation which surrounded them from the cradle. The ill-will and ineptitude of the chief persons concerned in their education were a still greater restraint upon him. But the esteem and confidence with which he was honoured by Catherine gave him encouragement; and the idea that he was rendering an important service to humanity by instilling useful truths into the minds of Princes called to decide the fate of so many millions, afforded him support. Inflexible in his course, he rendered himself beloved by one of his pupils, feared by the other, respected by those under him, and esteemed by his superiors. He was seconded by some of the cavaliers

---

feelings. History is the proper study of princes and regents. Without the *belles lettres*, Frederick the Great would have been nothing but a tyrant; with them Peter I. would have ceased to be a ferocious barbarian. God preserve all monarchies from having geometricians or mathematicians for their kings: they measure men by the yard, and reckon them as they would their money. The most important matter is to be humane, good and just; but with that justice which arises from a sense of truth, not that which is proved by $a+b$.

of honour that were appointed them[1]; and at some future period, perhaps, Russia will be more indebted to la Harpe than to his countryman le Fort; for, if Peter I. reformed and civilized his people, Alexander gives hopes of rendering them some day more free and happy.

The frankness with which la Harpe professed republican sentiments in Russia exposed him to the shafts of the envious. The Bernese, having seized his letters to his cousin, General la Harpe, sent them to Catherine. The Prince of Nassau and Esterhazy, whose wife is a native of Berne, were his accusers, and endeavoured to represent him as a very dangerous man in the confidential post he occupied. Catherine sent for him into her closet. The following are the particulars of the interview:—

"Come, sit down, Mr. Jacobin," said Catherine; "I have something to say to you."

"I must protest against the title which Your Majesty thinks proper to give me, and know not how I have deserved it."

The Empress then showed him the letters she had

1 Particularly the two *Morawiefs*, who cultivated literature and possessed considerable merit and talents, and one *Tutulmin*, a man of sense and good breeding.

received, and informed him of the charges brought against him.

To this la Harpe replied nearly in the following words: "Your Majesty knew, previous to entrusting me with the education of the Grand Dukes, that I was a Swiss, and consequently a Republican. I have not changed my sentiments; and you are too just, madam, to consider that as a crime in me now, which did not appear so then. My countrymen are oppressed by the Bernese; I exhort them to claim, by legal modes, our ancient rights: this is not being factious. For the rest, madam, I admire your great qualities, I respect your government, and I faithfully discharge the duties I imposed upon myself when I devoted myself to the education of the Grand Dukes. I shall always endeavour to render myself worthy of the confidence with which you have honoured me, by inspiring them with sentiments suitable to their birth and condition, and by endeavouring to render them capable of imitating, some future day, the example you have set before them. This, madam, is my defence: it remains with Your Majesty to pass judgment on me, after examining into my conduct in the post with which you have deigned to entrust me."

Catherine, struck with this frankness, replied:

"Sir, be a Jacobin, a Republican, or what you please: I believe you are a honest man, and that is sufficient for me. Stay with my grandchildren, retain my perfect confidence and instruct them with your wonted zeal.[1]"

Such was Catherine. Her conduct, as well as that of la Harpe, will be better appreciated when it is considered that this happened at the very period when the Austrians were flying before Dumouriez, soon after the death of Louis XVI., when Gustavus was dying from the wound inflicted by the assassin Ankerstroem, when Leopold was said to have been taken off by poison, and when every king in Europe trembled on his throne. His accusers, however, though rebuffed, were not silenced; but the marriage of the Grand Duke Alexander putting an end to the term of his education, la Harpe took his leave.

Nicholas Soltikof I have mentioned in another place. Chief governor of the young Princes, his principal occupations were to defend them from currents of air and keep their bodies open. Protasof, the governor of the elder, would have been more in his place had he been

1 It was in a similar conversation that la Harpe one day made Catherine sensible of the danger of sending a Russian army against the French.

named apothecary. He came every day to make a circumstantial report to Soltikof of the most insipid particulars. Though a man of a narrow understanding, bigoted and pusillanimous, he had not a bad heart; but he rendered himself ridiculous in the eyes of everyone, except his pupil;—who saw in him nothing but his attachment to himself, for which he expressed his gratitude.

M. von Sacken was governor of the younger Prince, after having been preceptor to Paul. He was superior in every respect to his colleague; but his easy and complying character rendered him the sport of his pupil,[1] whose petulance and want of application, as well as his unconquerable obstinacy, required a man of firmness constantly about him, and la Harpe alone retained some power over him, and might have been able to bend his natural ferocity had he been seconded.

Among the masters of the Grand Dukes, Professor Kraft, who gave them lessons in experimental

---

1 Sacken was incessantly preaching to the Prince, and exhorting him to read. "I won't read," said Constantine to him one day, "for I see you always reading, and you only prove the greater blockhead for it." This sarcasm produced a laugh. He would strike and bite his governors, his chevaliers and his masters. La Harpe was the only person who complained, and requested he might be corrected.

philosophy, was distinguished for his good-nature, perspicuity and immovable methodicalness. Alexander Pavlovitch made some progress in this science, being attentive and desirous of learning, as he was in all his studies. Kraft, speaking one day of the hypotheses of some philosophers on the nature of light, said that Newton supposed it to be a constant emanation from the sun. Alexander, then twelve years of age, answered: "I do not believe it; for, if it were, the sun must grow less every day." This objection, made with equal simplicity and acuteness, is, in fact, the strongest that has been brought against the immortal Newton, and proves the early sagacity of the young Grand Duke.

The celebrated Pallas was giving the Princes a short course of botany in their garden near Pavlofsky; but the explanation of Linnæus's system of the sexes gave them the first ideas of those of human nature, and led them to put a number of very laughable questions with great simplicity. This highly alarmed their governors; Pallas was requested to avoid entering into further particulars; and the course of botany was even broken off. Catherine had particularly enjoined that her pupils should be kept in the most perfect ignorance in what related to the intercourse of the sexes. Her great modesty in this respect appears

strikingly contrasted with other parts of her character. But it is well known that the Regent of France, who was the most debauched of men, caused Louis XV. to be brought up in such complete ignorance of things, which he afterwards so extensively practised, that on the eve of his marriage he was obliged to be taught his part by being shown prints in which it was displayed. Catherine thought it better that her grandchildren should receive their first lessons in nature. At least, a lady of the name of T——kof was chosen to initiate the Grand Duke Constantine; from which she reaped the pleasure, as her husband did honour and promotion.

One of Catherine's most ardent wishes was to see her great-grandchildren like Louis XIV. That a moment might not be lost, she ordered the instant of their puberty to be watched; but her hope was frustrated by the very impatience with which she sought its accomplishment. These premature marriages appear only to have ruined their constitutions. Neither of the young Princes have as yet had any children, and it is to be feared they never will.[1]

The birth of the two Grand Dukes had filled the Empress with joy. Her vast projects and hopes

1 Their marriages have been mentioned in the first chapter.

expatiated in a wider field, of which the very names of the Princes gave intimation. She had the infants everywhere painted, one cutting the Gordian knot, the other bearing the Cross of Constantine; for them she was desirous of renewing the division of the world into two Empires. Their education seemed at first to be merely the development of these grand ideas. Constantine had Grecian nurses, and was surrounded by Greeks; in his infancy he spoke no other language, but he forgot it as soon as masters were appointed to teach it him in a better manner. The persons about Alexander were Englishmen, and endeavours were made to inspire him with a predilection for that nation, which he may, perhaps, some day discard, as his brother became disgusted with Greece.

I have already observed that Paul had neither authority nor influence over the education of his children. He was obliged to solicit Soltikof's permission to see them; or to gain their *valets de chambre*, to know what was doing with respect to them. During the summer they had permission to spend an hour or two with their parents once or twice a week. Paul deprived himself of this pleasure for one whole year, because he would not see the Countess Shuvalof, by whom they were latterly attended.

The Russians in general, following the example of their latter Sovereigns, had for some time endeavoured to emerge from barbarism, and attended to the education of their children with much care. To bestow on them knowledge and talents was formerly the happy means of bringing them into notice, and procuring them advancement. They spared neither pains nor expense to cultivate the arts and sciences in a country where these were strangers, as they force fruits to ripen in their winter gardens and hot-houses. Elizabeth and Catherine founded several institutions in favour of youth, some of which, as the Normal Schools, and particularly the three different corps of cadets, presented the interesting sight of several thousand young men educated at the expense of the State, and taught morality, languages, sciences and arts. Those are now either abolished or suffered to fall to decay.

The convent of young ladies, though the sentiments from which it was founded were worthy of the generosity of a great Princess, has completely failed of its end, like most of the other institutions. Two or three hundred young women of no fortune receive here an excellent education; but, as soon as they reach the age of eighteen, they are turned out of doors. They enter into a world from which they

[illegible] have been admitted since their infancy: seldom find other situations, or any who know them; and are ignorant whither to turn. In consequence, they fall victims to the officers of the guards, whose barracks surround the convent, and who watch every occasion of [illegible] to corrupt the [illegible]. It would be very practicable to save, out of the immense cost of their education, a sufficient sum to portion them, or, at least, to keep them till they were provided for.

The education of those young Russians who have some fortune is commonly entrusted to private governors, known and decried in Russia by the name of *outchitels*, "teachers." Most of them are foreigners, chiefly French or Swiss. The Germans, in spite of their good qualities and pedagogical erudition, differ too widely in character from the Russians, to rival them; and the trials which some have wished to make of their own countrymen from the University of Moscow, or from the schools of St. Petersburg, have not given satisfaction. The famous answer of the Grecian philosopher is here applicable. To a man who said to him, "With what you ask for the education of my son I could purchase a good slave, who would educate him in my own house;" he replied, "Purchase a slave; he and your son will make two."

The *outshiteli*, whom some endeavour to ridicule, and others consider as dangerous, have contributed more than any others to polish Russia, as they have given instruction in detail, man by man. They are the only people whose office has been to preach philosophy, virtue and morals, while diffusing knowledge. To begin with the celebrated le Fort, who inspired Peter I. with the desire of gaining knowledge, and end with a petty clerk of some French attorney, who teaches his pupils to conjugate a few verbs in his own tongue, the *outshiteli* have been the persons who have communicated to the Russians that taste, those acquirements, and those talents, for which many of them are admired in foreign countries. No doubt it is to be lamented that, among the number of those who devote themselves to private tuition, and make it their trade to form men, there are so many unworthy of the employment, whose ignorance and immorality bring ridicule and odium on their colleagues. But such tutors begin to find it difficult to obtain situations, except in remote country places, where some honest Russians of the old stamp fancy they have bestowed a good education on their children, when they hear them speak a foreign language. At St. Petersburg people were become more difficult in the choice of tutors,

and among them were to be found persons of real merit. They were the only class of men in Russia, without excepting the Academicians, who cultivated literature and the sciences, which they did in some degree. A Brueckner, in the house of Prince Kurakin; a Grammont, at the Princess Dolgoruky's; a Lindqwist, an Abbé Nicole, and several others, without having places equally advantageous,[1] were worthy of the profession to which they devoted themselves, and were distinguished for their success as much as for their merit.

The great men of Russia, who have much wealth and high posts, are too ignorant, or too much engaged in gaming and intrigue, to interfere with the education of their children; and as colleges and universities are wanting in that country, they pursue a very prudent plan. As soon as they have made choice of the man who is to supply their place in the duties of a father, they confer on him great power and confidence; the most intelligent could not do better, were they discerning in their choice. It is seldom that a governor is so destitute of sense, information and honour as to

1 M. Brueckner received thirty-five thousand roubles (£3,500) for the fourteen years he engaged to devote to the education of the young Princes Kurakin; and Grammont received twenty-five thousand (£2,500) for the education of the Princes Dolgoruky.

abuse his functions; he feels himself most happily disposed towards his pupil; to instruct him, form him, acquire his attachment, and gain his love, are the wishes of his heart. If he be in a worthy, opulent house, he has no occasion to regret the sacrifice of ten or twelve years of his life, as he will be provided for.[1] In his pupil he often finds a real friend, and always a protector. His own interest prompts him to inspire his pupil with just and noble sentiments, and to give him a taste for the sciences; which is far more important, and far more difficult, than to teach him the elements of them. Thus, most of the young Russians pass their early days with a foreigner, who becomes their second father, and for whom they retain a due sense of gratitude if they are in the least well born.

This education by means of foreigners has one peculiar effect. Almost all the Russians, being educated by Frenchmen, contract from their infancy a decided predilection for France. With its language and history

---

1 The great French lords sometimes gave rich abbeys to their tutors; the wealthy English act still more generously. The Russians frequently follow their example; their governors receive annuities at their departure, or places and rank if they settle in Russia. Thus, at least, those have acted who have not considered the tutors of their children as their head servants.

they are better acquainted than with their own; and as, in fact, they have no country, France becomes that of their heart and imagination. Thus was the Scythian Anacharsis educated by Theogenes the Greek; thus were the Romans formed by Grecian masters; but the Romans had virtues to lose, which is scarcely the case with the Russians. Besides, they learn to know France only in the most pleasing aspect, as it appears when at a distance. They are taught to consider it as the country of taste, politeness, arts, delicate pleasures, and amiable men; as the asylum of liberty, as the altar of that sacred fire at which the torch may one day be kindled to illumine their benighted country. The French emigrants, driven to the territories of the modern Cimmerians, were astonished to find there men better acquainted than themselves with the affairs of their own country; but these were young Russians who had read, and meditated on what they read, from Rousseau and Mirabeau; the emigrants had read nothing, and brought nothing with them but their prejudices. Many young Russians were better acquainted with Paris than those who had spent their lives in roaming about its streets.[1]

1 Count Butturlin had obtained this local knowledge to that degree that he could carry on the most minute conversation with

It has in general been remarked that the Russians have the most happy dispositions, and a surprising readiness of conception; whence they make a very rapid progress in everything that is taught them. There are no children more amiable or more interesting; many, when their domestic education is finished, have acquired more select and extensive knowledge than other young men who have frequented the German universities; and they have particularly a wonderful readiness at displaying their knowledge on seasonable occasions. Too frequently, however, these are precocious flowers, that produce no fruit; they seldom travel like an Anacharsis; and their return to their own country usually puts an end to their studies, and even to their taste for science and literature.

Telle on voit s'élever l'alouette légère;
Elle charme un instant par son chant matinal,
Puis retombe et se tait sur le gazon natal.[1]

So the gay lark, with light ascending wing,
Soars high in air to charm the meads around,
Till ceasing thus in strain sublime to sing,
Silent he sinks upon his natal ground.

In the same manner a Swiss, after having spent

---

a Parisian on the theatres, streets, hotels, and public buildings of Paris. The Frenchman was astonished when the Russian confessed, at last, that he had never been in France.

1 From an epistle to a young Russian.

his youth in the service of France, and contracted splendid vices, leaves them on his return to his own country, to resume the simplicity of his ancestors. He returns to virtue, but the Russian returns to barbarism. Strong minds alone, fully captivated with the charms of philosophy, or the attractions of true glory, can resist the torrent; for those talents, which the Emperors pretended to encourage, became at length a motive for exclusion from the posts and honours of the Court. Thus the manners of Europe, and even the character of Catherine, were in perpetual contradiction with the barbarous forms and impulse once given to the Russian Government. The influence of foreign preceptors over the character and morality of the Russians is combated by prejudices and obstacles almost invincible; but this influence is constant and continual; it operates in secret on the mind; and its progress, slow as the foot of Time, is but the more certain. Perhaps the young Russian nobility are the best informed and most philosophical in Europe, but a complete counter-revolution has just taken place in their education; since the progress of the French Revolution, especially since the commencement of the reign of the present Emperor, and the arrival of the emigrants, the human mind has taken a retrograde

course in Russia. Most of the *outshitelis* at present are chevaliers, counts, marquises, or priests; for the same thing has taken place with the emigrants as did formerly with the colonists whom Catherine imported to cultivate her deserts; all who could read and write left their fields to become tutors. But the effects of this will be transient; the new trade adopted by these gentlemen will teach them to think, or they will not pursue it long. It is almost impossible to be an *outshiteli* without becoming in some degree rational; what is heard, seen and felt every day in these territories must operate in favour of liberty. A Montmorency in the post of a tutor could not fail to become a democrat.

In the *Voyage de deux Français en Russie*, "Tour of two Frenchmen in Russia," are some strange reflections on these *outshiteli*. The travellers are astonished that they are almost all democrats, though enjoying an easy and agreeable life in the house of a great lord; and rally them for not quitting this, to devote their lives to the cause which they espouse. "You say that they are acting properly in France; why, then, do you not go thither?" This is the dilemma proposed by these gentlemen. But, were anyone to praise the custom in China for the Emperor to plough a field himself, would

they in the same manner say to him, "Why do you not repair thither and hold the plough?" Such is the inconsistency of people! May not a man acknowledge the truth of a principle, all the consequences of which he cannot carry into practice? Must not a Frenchman in St. Petersburg rejoice at the victories of his country because he could contribute nothing to them but his secret prayers? May he not rejoice to see liberty, order and happiness re-established in his country, though he cannot return thither? Such is the language of little minds, who dare not avow a truth when they are in a place where it is dangerous not to deny it.

The progress of the human mind in Russia, however, has lately been stopped, or at least fettered, by the measures, certainly consistent, adopted by the Emperor to interrupt all communication between the rest of Europe and his dominions. Peter I. never took so much pains and care to reform and polish his Empire as Paul does precautions to prevent light from spreading among his Cimmerians.

A sharper code of laws could not be exhibited to Europe than a collection of the ukases promulgated by Paul, since he came to the throne. He has lately forbidden all his subjects, the Livonians and Courlanders in particular, to send their children to study in Germany,

because corrupt principles prevail there. He recalls, under penalty of confiscation of their property, all who are at present at any foreign university[1], but he promises to permit the establishment of an university in his German provinces, where young men may be instructed in the most necessary sciences. Till this university is founded under his auspices, and the disciples of Kant quit Germany, to visit it in quest of a more luminous philosophy, the Finlanders and Courlanders, Esthonians and Livonians, must remain without any means of instruction; for there are not even any public schools throughout their vast provinces. Paul has also forbidden the employment of foreigners in his courts of justice, and the giving them ecclesiastical benefices. He has even gone farther. By another ukase, he has prohibited all foreigners from entering his dominions without his special permission. This *immenoï-ukase* has not been published, but merchants, foreigners who have property in Russia, and young men who have been sent for thither, are stopped at the frontiers, or on board the vessels in which they arrive, and sent back, after all the expense and danger they have incurred.

1 There were thirty-six students at Leipzig, and sixty-five at Jena, subjects of the Tzar, who have just returned home in consequence of this ukase.

Another ukase prohibits the reading of French newspapers. No paper can enter Russia without having been examined and stamped by a committee of inspection; and every man who receives by the post, by a courier, or from a traveller, any newspaper or printed book of any kind, is enjoined to carry them immediately to the committee, under penalty of being punished as a rebel!

The people of Germany are more happy, for the Russian newspapers are admitted into that country, though much cannot be said for the amusement or instruction which they contain.

It is to be observed that, under the reign of Catherine, Russia was, for a time, the only country in Europe in which French papers were not prohibited. The *Moniteur*, having spoken several times of the Empress, and particularly of Paul and his Court, Catherine gave orders that it should not be distributed till she had looked it over. A few weeks after, she found a paragraph in which she was styled the "Messalina of the North," &c. Having read it she said: "As this concerns only myself, let it be distributed." At a time when French gazettes, cockades, and songs were proscribed in nations farthest from barbarism; when, at Turin, they who sang "*ça ira*" were

imprisoned, and at Vienna, French was not allowed to be spoken, the Russian Government appeared to be above these little inquisitorial acts, and the pupils of Colonel la Harpe were allowed to chaunt French revolutionary airs in the Palace of the Tzars. One of these carried a national cockade in his pocket, which he displayed with an air of triumph and defiance to the most timorous courtiers. It was not till after the death of Louis XVI., and the assassination of Gustavus III., that Catherine, struck with terror, began to yield to the suggestions of her favourites, and to take precautions which betrayed her fear.[1]

Still there was always more to be apprehended from the zeal of the subordinate tools of Government, than from the disposition of Catherine. Among the numerous victims of the political inquisition, Radischef deserves particular regret. It is well known that Catherine frequently sent young Russians to travel

1 One fact will further prove the noble security of Catherine. A brother of Marat was at St. Petersburg, governor in the house of Soltikof, the chamberlain. This Marat, while he condemned the rage of his brother, did not conceal from his friends his republican sentiments, yet he lived in peace, and sometimes attended his pupil to Court. However, as his name might have exposed him to some danger, at the time of the King's death he requested Catherine's permission to change it, and called himself Boudri, from the place of his birth.

and improve themselves at her expense. Several of these were happily chosen, became men of merit, and brought back to their country notions of humanity with the knowledge they acquired. The most distinguished and most unfortunate of these pupils of Catherine was Radischef. On his return he became director of the customs, and in this office of a publican, his probity, the amenity of his manners, and his agreeable company, rendered him esteemed and courted. He cultivated literature, and had already published a work entitled *Potshta Dukof*, "The Rest of Spirits," the most philosophical and pointed periodical production that ever ventured to appear in Russia. No disturbance had been given him on account of this, but after the Revolution he had the courage to print a little pamphlet, in which he did not scruple to avow his hatred of despotism, his indignation against the favourites, and his esteem for the French. It was singular that several copies of it contained the approbation of the police. Kleïef, master of the police, as famous in Russia for his blunders, as a d'Argenson, a la Noir, and a Sartine were in France for their address, was cited to answer for this approbation. He knew not what to say, for he had not read the work, which, indeed, would have been beyond his comprehension. But Radischef, who was also cited,

honestly confessed that the boldest passages were not in the manuscript when he submitted it to the censors, but that he had printed them at his own house.[1] To have pardoned him would have been worthy of the character which Catherine displayed on other occasions, but Radischef was sent off to Siberia. He begged permission to embrace his wife and children once more, and when he was taken out of his prison to be sent off, he was allowed to wait for them a moment on the bank of the Neva; but it was night, the drawbridge had just been raised to let a vessel through, and at this instant his unfortunate wife arrived on the opposite bank. Radischef entreated that his departure might be deferred till the vessel had passed or his wife could get a boat; but in vain. His pitiless guard made him get into his tumbrel again in sight of his distracted wife, who

---

1 Radischef's work is entitled, "A Journey to Moscow." Russian merchants have been known to give five-and-twenty roubles (£2 10s.) to have it for a single hour to read in secret. I have read only a few fragments of it, among which was an allegory, in which he exposes the pride and foolish grandeur of a despot surrounded by dastardly flatterers. The following words particularly enraged Catherine, because they were pointedly directed at her: "I enter the palace of Tzarsko-selo. I am struck with the alarming silence that reigns. Everyone holds his peace, everyone trembles; for it is the abode of despotism." These words procured Radischef a residence in Siberia.

stretched out her arms to him across the river with loud cries. Thus he departed, his heart torn by despair. If he be still living in the vast deserts to which he is confined, or if he draw breath in the mines of Kolivan, may his virtue be his comforter! His courage, however, has not been useless. In spite of the searches made after every copy, his work remains in the hands of several of his countrymen, to whom his memory is dear.

The proscription of everyone who dared to think, suggested the following fable, when the present Emperor was Grand Duke:—

LE GRAND DUC[1] ET LE VER LUISANT

FABLE

Dans une sombre nuit d'été
  Un ver luisant caché sous l'herbe
Jetait une douce clarté.
  Ce n'etait point un phare éclatant et superbe,
Il n'éclairait qu'un pas à l'environ;
C'était là son horizon:
  Mais pourtant l'insecte lucide
  Servait de guide
Aux petits hôtes du gazon.

1 A nocturnal bird, found particularly in Russia.—(*See* Buffon.) *Duc*, in French, signifies both a duke and a horned owl: *le grand duc* is the great horned owl in natural history.—*T.*

A sa lueur douce et tranquille,
La fourmi retardée atteignait son azile,
Le papillon léger s'égayait à l'entour:
En un mot, cet astre reptile
Embellissait les nuits de son humble séjour.

Non loin de là, dans une vieille tour,
Prison de sa triste famille,
Un vieux hibou tenait sa cour.
Un hibou hait les *vers* qui lui montrent le jour.
"Audacieux!" dit il à l'insecte qui brille,
"Qui t'a fait si hardi que d'approcher de nous?
Tu mourras."—"Monseigneur," lui répond l'humble insecte,
"Je suis indigne, helas! d'un si noble courroux.
Je vous honore, vous respecte;
Je tremble d'approcher de vous:
A sucer la rosée ici je me délecte;
Mais d'aucun bruit pourtant je ne trouble vos nuits.
Comment un animal faible comme je suis
Peut-il offenser Votre Altesse?"
"Insecte dangereux! *tu luis;*
Péris, la lumiere me blesse."
Cela dit, le nocturne oiseau,
En écrasant le ver, éteignit son flambeau
Sans rendre la nuit plus epaisse.

THE OWL AND THE GLOW-WORM

A FABLE

'Twas on a sombre summer night,
A glow-worm, shelter'd by a flow'r,
Spread round its paly glimm'ring light,
To decorate the silent hour:

No brilliant beam, no gaudy glare,
Diffus'd afar its lustrous ray,
But thro' the softly-breathing air
The insect shed its mimic day.

While pleas'd its harmless life to pass
On hillock green of dewy grass,
Attracted by its azure gleam,
The butterfly, with sportive wing,
Would form the gay fantastic ring
(As in the burning noontide beam),
Where, 'mid the gloom, this insect star display'd
Its cheerful lamp, spangling the realms of shade!

Near, on a mould'ring antique tow'r,
The prison of its moping race,
An owl had chose its murky bow'r,
And hating day's effulgent light,
Its joy the sullen frown of night,
Its blank domain the silent space!
There, prompt to spread its shad'wy wings
Imperious, o'er less daring things,
Soon on the glow-worm's peaceful state,
Fix'd his dull eyes, in envious hate.

"Bold worm!" exclaim'd the tyrant vain,
"Thou, who with sparkling light art seen
Peering the lonely shades between,
How dar'st thou mock my gloomy reign?
Thou shalt expire!" The glow-worm meek
(Its trembling light, more faint and pale),
In humble accents, low and weak,
Thus told its true, but artless tale:
"I own that, of the insect race,
I boast no gaudy, splendid grace;

I light with feeble lamp the way
Where prouder, loftier beings stray;
I sip the balmy dews around,
But ne'er am heard with busy sound;
Ne'er on your calm repose obtrude
With counsel vain, or clamour rude;
Can *I* offend superior things,
Or cope with birds of pow'rful wings?"

The owl, indignant, bold, and base,
Exulting o'er the insect race,
Replied, "*You shine!* detested thing!
To me offensive *light* you bring."—
Then, pouncing on his humble prey,
Darken'd, in death, its little ray;
But found, tho' quench'd the quiv'ring flame,
His sombre hour was still *the same!*

CHAPTER XI

SUPPLEMENT[1]

French and Swiss in Russia — Their proscription — Oath required of them—Billet of absolution—Additional traits of the present Emperor—Reflections.

UNFORTUNATE young men, whom false accounts and fallacious hopes attract from various countries to the stormy banks of the frigid Neva, may you be at length undeceived by the sketches I have drawn and those I am about to trace.[2] Of a thousand who abandon their country to seek wealth and happiness at a distance from it, few find the former in Russia; the latter,

---

1 This article has been in part compiled by the editor from fragments and notes left by the author, and oral but indisputable information.—NOTE OF THE FRENCH EDITOR.

2 It is no longer possible for a Frenchman or Swiss to enter Russia. An artist and two Misses de Mont-Béliard, having been sent for to fill particular places, could not obtain leave to disembark, notwithstanding the strongest recommendations and were ordered to depart immediately.

none. The rest sigh out their lives in penury and regret, or vegetate under the rigours of an inclement sky. The remembrance of their youthful sports, and the manners of their country, is the only pure pleasure which the most worthy taste. Amid the abundance and dissipation in which many pass their monotonous lives, they experience a vague disquiet that alarms them; the heavy air of Russia seems to press on their brows and bend them towards the earth; they grow old speedily; their blood thickens, and their soul becomes mere matter. Thus Ovid depicts the gradual metamorphosis of Daphne: "The rude unyielding bark envelops her heart, which still beats, but feels no longer. She loses the faculty of thought before she loses existence; and, ceasing to live, begins to vegetate."

Happy, however, he who attains this animal vegetation! He is, at least, insensible of the revolting scenes that surround him and of his own degradation; while the man who retains his sensibility is incessantly tormented by the indignation which degraded humanity inspires.

Of all the strangers who happened to be in Russia during the Revolution, the French and Swiss were most exposed to inquisitorial vexations. The very

name of Frenchman was an affront; and the Russian populace, who were in themselves peaceful, tolerant and hospitable, were stirred up against them. Men who had before rendered themselves distinguished by their capacity, knowledge and talents, many of whom held important posts at Court or in the army, or confidential situations in private families—courtiers, officers, tutors, artists, players, chamberlains, cooks,[1] &c.,—instantly became objects of hatred, distrust and proscription. Catherine, who had herself accustomed the Russians to some liberal opinions, on a sudden adopted the opposite principles. The death of Louis XVI. and the arrival of the emigrants were the signals of proscription. The emigrants particularly sought to accuse and supplant such of their countrymen as did not participate their opinions; and the ancient French, who beheld the light of the Revolution from afar, without seeing the firebrand whence it issued, who embraced its principles with the more candour, because men of worth and letters had long borne them in their hearts,

1 One le Bœuf, French cook to the late King of Prussia, having been sent for by Catherine, did not arrive till after her death. The present Emperor clapped him into prison. There he remained six months before he obtained his liberty, and then was ordered to depart immediately, without the slightest indemnification.

were the first attacked; cowards, knaves, hypocrites and valets, who began loudly to exclaim against innovation, were alone spared.

One of the first victims was Cuinet d'Orbeil, who was known in all St. Petersburg, and even in other parts, by his poetical pieces in the *Almanachs des Muses*. He was a Frenchman of a warm heart and warmth of expression; a poet in the common acceptation of the word, but incapable of undertaking anything, or plotting anything, at which the Government could have reason to be alarmed. The Court was at Peterhof, celebrating the festival of St. Peter. The fountains played, a ball was given, and the place was illuminated. These rejoicings attracted the more company because the Empress had not visited Peterhof for several years, as she had an aversion for that palace, which must have inspired her with gloomy thoughts.[1] In the midst of the feasting, a courier arrived with news of the escape of Louis XVI. The rumour was great, the joy loud, and the dance interrupted, while the news passed triumphantly from ear to ear. Count T——, who knew d'Orbeil, met him coming out of the Em-

1 Peterhof was the palace she inhabited at the period of the revolution in 1762. Peter III. was arrested there, and strangled in an adjacent house.

press's saloon. "Well, Mr. Democrat," said he to him, "have you heard the great news?"—"Yes," answered d'Orbeil, who was just come from St. Petersburg; "I have heard some great news."—"Do you know that the King has escaped from Paris?"—"Yes, Count; but do you know the still greater news, that he is re-taken?" These words were a clap of thunder to the hearers. The fact was, two couriers had arrived at St. Petersburg nearly at the same time; but he who announced the happy escape of the King having been despatched immediately to the Empress to heighten the festivity of the day, no haste was made to send off the second to disturb it. The conversation of d'Orbeil with the Count, however, having been in some degree pointed, he was from that time observed and watched. A short time after, a few expressions in favour of the Revolution escaped him at la Huss's, an actress kept by Markof, secretary of state, in consequence of which he was taken in the night from the house of M. Tshernichef, conveyed to a vessel in the harbour, and put down into the hold. The surprise and fright turned his brain; he contrived to get out, and threw himself into the sea.

Such events occurred towards the end of Catherine's reign, when silly courtiers and emigrants besieged

her with fears and suspicions; yet she was frequently seen to resume her justice and even her natural generosity. At the time this happened, Mioche, another Frenchman, having been denounced as a patriot by the emigrants, was likewise thrown into prison; but Catherine soon ordered him to be set at liberty, and indemnified him for his sufferings by some particular exemptions which she granted him in the wine trade.

The present Emperor makes the principles of justice consist in his infallibility. He cannot mistake; nobody can deceive him. In consequence of this opinion of his, which is well known, they who wish to establish themselves in his good graces begin by confessing themselves guilty of some fault, even if they invent one for the purpose. Woe to him who endeavours to prove his innocence!

One of the most striking acts of injustice, which excited much indignation in honest men of all parties, was the proscription of Colonel and Major Masson, which distinguished the commencement of his reign.

These two brothers, who were either Swiss or Würtembergers, had served in the Russian army from their youth, and acquired some reputation in it. One of them, who had been aide-de-camp to Potemkin, having made the campaigns against the Turks with him, had

obtained as military rewards the cross and gold-hilted sword which Catherine bestowed on such officers as distinguished themselves. He had married a niece of the celebrated General Melissino, who died lately in the post of grand master of the ordnance. The other, after having been some time in the artillery, and afterwards aide-de-camp to Count Soltikof, minister of war, had been placed about the person of the Grand Duke Alexander, after the departure of Colonel la Harpe. He had also married a Russian lady, of a Livonian family of distinction. Both of them, having an inclination for science and literature, led retired and tranquil lives with their families; beloved for the amenity of their manners, and esteemed for their wit and understanding. These two superior officers, who had been in the service twelve years, both married to Russian women, related to families of respectability and possessing lands and slaves, were torn from their wives and children by a private order of State, and carried away separately, in covered sledges, under a strong guard, without even knowing of what crime they were accused. The wife of the younger, but just recovered from a lying-in, urged by despair, went the next day to wait for the Emperor under the arches of his winter palace, and loudly demanded justice for her husband.

"Your husband is guilty," answered Paul; "begone, lest you should be trampled on by my horse." The unfortunate lady fainted on the ground, and the Emperor passed on. The indignation inspired by this act of power was recorded in a citation, which the friends and relatives of Messieurs Masson ventured to publish; and of which the following is a literal translation:—

"Pressing citation and prayer to Messieurs von Masson, late officers in the Russian service.[1]

"These two brothers served several years in the Russian Empire, where they acquired the reputation of being men of courage and understanding. The elder was colonel, chevalier, &c.; the younger, major Both were married; the former to the daughter of General Yhrmann, a brave and respectable soldier, lately dead, after having long and loyally served the State;[2] the latter, to a Baroness Rosen, of a Livonian

1 See the Journal entitled *La Minerve, par M. d'Archenholz*, May, 1797, p. 366. "Ernstliche Aufforderung und Bitte, an die, in russischen diensten gestandenen, Herren von Masson."

2 General Yhrmann was governor-general of Siberia, and director of the mines of Kolivan, for twenty years. The sums he drew from them were greater than they ever yielded before or since, as the registers attest. He augmented the civilization, population, commerce, and welfare of those vast provinces; and retired poor, after having long superintended the working of the richest gold and

family, well-known and esteemed.[1] Both had lovely children, and lived with their families as good fathers. The elder even possessed estates in Esthonia.

"One day last December (1796), the two brothers were summoned before General Arkarof, director-general of the police. With him they found one Count de Plaisance, an officer in the corps of cadets of the artillery, a man whose very existence seems to accuse Nature of an illiberal joke. This man had written a letter to Moscow, in which he said to his friends, among

---

silver mines on the Continent. As a reward of his probity, the Crown did not even pay him 10,000 roubles (£1,000) which are still owing to him; and his only daughter, proscribed with her husband, wanders far from the tomb of her worthy father. She is likewise niece to the celebrated General Melissino, who has rendered Russia such great services; and related to the Dolgorukies and Soltikofs.—NOTE OF THE FRENCH EDITOR.

1 Catherine II., wishing to reduce Livonia to the same form of slavery as the other provinces, required, according to her custom, that the Livonians themselves should come to implore these new chains as a favour. The deputies were sent accordingly with those of the other nations; but General Rosen, father of the person here mentioned, who was at the head of the deputies, far from subscribing what was required of them, made some remonstrations to Catherine, who said, with rage: "Who gave you the boldness thus to oppose my will?"—"The name of Peter the Great, who signed our liberties; and that of Catherine the Great, who has sworn to maintain them," said the old man. Catherine the Great, however, displaced him, and ordered other deputies to be appointed. Count Stackelberg was found more compliant; and, proud of what Rosen considered as a

other things, 'Many Jacobins[1] are sent to the frontiers, and I am much afraid Messieurs Masson will be served in the same manner.' This letter was opened at the post office, no doubt by order of the Sovereign, and gave occasion to this disagreeable rendezvous. The Count de Plaisance defended his expression by the terrible charge that Messieurs Masson, when they read the newspapers, had always taken the part of the French. Messieurs von Masson avowed this; but begged to know what inference could be drawn from it derogatory to their character, their honour, or even their duty as Russian officers. The result of this business, as far as it has been made public and divulged, was, that

---

disgrace, sold his country.* He was rewarded by immense tracts of land, surrounding those of the old General, which were taken from the states of the province. Such was the origin of the fortune and influence of Stackelberg, who so long ruled Poland, embroiled Sweden, and afterwards acted the buffoon in the ante-chambers of Zubof.

Besides her relations in Livonia, the wife of the younger Masson is related to several Russian families of considerable weight, as the Sievers, Besborodkos, Tamaras, &c., who, far from employing their influence to obtain the restoration of her property deserted her in her distress as soon as her husband was proscribed.—NOTE OF THE FRENCH EDITOR.

1 What the term Jacobin signifies in Russia has been mentioned in a preceding chapter.

* The words "country," "liberties," &c., when used of Russia or Livonia, relate to the nobility only; for the people are mere property.

the two brothers, without any farther information, were thrown into a *kibitka*,[1] and conveyed to the frontiers under a strong guard.

"The wife of the younger Mons. von Masson fell at the feet of the Emperor in the public street, and loudly exclaimed: 'Justice! justice! and no favour!' The Emperor answered: 'They are guilty; I love order in my country;' and would have passed on. Madame Masson, however, in despair seized the horse by the bridle; on which the Emperor told her to take care she was not trampled under foot. 'I had rather die,' answered this courageous lady, 'than be the wife of a man who has forfeited his honour.'—It was in vain: the Emperor spurred his horse, and went forward.[2]

"All St. Petersburg has just witnessed the transaction. The Emperor is just, and we presume, either that he has been deceived, or that Messieurs von Masson have in fact committed some crime, which at the time escaped notice.[3] It is true we cannot explain the

1 A covered sledge used in Russia.

2 The wives of the two brothers left their country to follow them, and their property was confiscated.

3 As, to the great astonishment of their friends, Messieurs von Masson have not yet answered this citation, they give room for suspicion that their proscription might have arisen from more serious causes than those mentioned above. Brought up on the heights of Mount Terrible, they perhaps imbibed there ideas which

mystery in which the affair is involved. If they be guilty, why are they spared? if they be innocent, why are they punished? In the former case, we venture to observe, His Majesty the Emperor owes in some degree to his people the making known their crime; his people, who adore him, who repose all their confidence in his justice, and who would be wretched if they had to dread every secret informer.

Russia could not stifle. The elder had been in the suite of Potemkin, and that of Zubof; the younger was at Court about the Grand Duke Alexander, and under the protection of the Empress. Had they not some concern in the project formed of placing that Prince on the throne instead of his father?—a project which Catherine entertained, and which occasioned many others to fall into disgrace at her death. Even Alexander was watched, and all the officers in his suite dismissed. They who know Russia, and remember that a few officers of the guards, with Lestocq, a French surgeon, were sufficient to effect the revolution that placed Elizabeth on the throne, will not think this supposition improbable. It is known, likewise, that the two Massons were among the principal members of a society named the Philadelphic, founded by their uncle, General-in-Chief Melissino, and into which several other generals or courtiers were admitted. This society, which was much talked of at St. Petersburg, appeared, it is true, to be rather a convivial meeting than a political assembly; and Catherine, to whom it was denounced, laughed at it; but the present Emperor may have considered it in a different light; for at the same period the son of Melissino, commander of a regiment of grenadiers, and the chamberlain Mettlef, a member of the same society, were also disgraced and exiled. Be it as it may, no doubt it might appear astonishing to one, unacquainted with the character of Paul, that two superior officers should be thus taken

"The undersigned, all of them relations or friends of Messieurs von Masson, to whom it is consequently of importance to develop this fatal secret, here solemnly require them to make their defence if they be innocent: as men of honour they owe this step to those whose esteem they have gained by their agreeable acquaintance; they owe it even to the Emperor, who has sufficient magnanimity, perhaps, to make reparation for the consequences of a precipitate act, if some villains have deceived him."[1]

[*Here follow the signatures of the friends and relations.*]

---

away from their families, without trial and without cause. But he is known to have treated the agent of Sardinia with less ceremony, because Besborodko said of him that he advised his Court to remain an ally of France. Paul exclaimed in a fury: "What! a Jacobin at my Court! Let him depart instantly." The Bavarian minister, Reglin, was likewise treated as a Jacobin, put into a covered sledge, and conveyed to the frontiers as a criminal; and this because his master would not at once acknowledge Paul as Grand Master of the Order of Malta.

1 It is said that the Empress attempted to speak in favour of the younger Masson; but the Emperor ordered her to be silent on the subject, threatening to punish her if she did not. Some time after he ordered her to be put under arrest for interceding on another occasion. Going his usual round of his palace of Pavlofsky, he caught a sentry asleep near his wife's pavilion. The unfortunate soldier was ordered the bastinado on the spot. At his cries the Empress went to her window, and interceded for his pardon. 'What!" exclaimed Paul, "dare you interrupt me in an act of

To form a proper estimation of their courage, notwithstanding the caution employed in this citation, the circumstance of place and the character of Paul must be fully known.

The following is another instance of the hardships which the French and their friends suffer at St. Petersburg. The French and Swiss Protestants have a church at St. Petersburg, in which they permit the Germans also to perform public worship in their own language: but as the original funds of the church were furnished by the French, they retained the management of it. The Germans aspired to a perfect community of property in it, and commenced a lawsuit which they lost. They entreated the protection of Paul, who ordered the senate to revise the sentence; which, however, they confirmed. The Germans made a fresh appeal, and Paul ordered sentence to be given in their favour. Mannsbændel, of Mulhouse, was the French minister, and Count Gollofkin, a captain in the navy, was one

---

military duty? Do you forget, madam, that I am your Emperor also? I will make you remember it, however." At these words, he ordered his aide-de-camp to put the Empress under arrest. The aide-de-camp hesitating, Paul threatened to reduce him to the ranks; accordingly the officer went to inform the Empress that she was under arrest, and placed a guard at her door. This was the second time of her being thus served.

of the elders of the church.[1] These took the liberty of making some remarks on the Emperor's partiality. Mannsbændel was thrown into a dungeon, whence he was at length liberated with injunctions to quit Russia. Count Gollofkin received orders to quit St. Petersburg immediately, and then fresh orders to repair on board the ship he commanded; where, on his arrival, he was immediately turned before the mast.

At the news of the death of Louis XVI., Catherine, seized with affright, took measures of safety against the French in Russia. They were enjoined to take the oath of allegiance to Louis XVII. and to their holy religion, and swear hatred and detestation to the principles professed in France. From the lists printed by order of Government, there were seven or eight hundred Frenchmen in St. Petersburg, and more in Moscow, all of whom found themselves compelled to comply with this injunction. A few only, who had been for some time preparing to return to France, where their property was, chose rather to depart within the space of a week, as the ukase enjoined in

1 The family of the Counts Gollofkin, having being disgraced under the reign of Elizabeth, came into Holland, and embraced the the Protestant religion. Being afterwards recalled to Russia, it retained its religion, and is the only Russian family that professes Protestantism.

case of refusal. This ukase was as absurdly composed as it was inconsistently executed. Not only the French were obliged to take the oath, but almost all foreigners who spoke French or who had their passports written in that language, so that Brabanters, Piedmontese, Milanese and natives of Liége were obliged to do homage to the King of France. It seemed as if the Russian police had foreseen the grand reunion that was soon to take place, and wished to sanction it beforehand. Some natives of the thirteen cantons, Monbelliard, Neufchâtel, and Würtemberg, found themselves under the same compulsion. The Grand Duke Paul exacted it from all foreigners in his suite indiscriminately, and several officiously anticipated his wishes and commands. A greater number, however, excused themselves, saying they were not born subjects of France; and prevailed on the police, at least, to listen to reason.

When Paul became Emperor, he went much farther than his mother. He ordered all the strangers who were in Russia to profess the religion in which they had been brought up. Thus, the Catholics were enjoined strict observance of the rites and commands of the Romish Church. An ukase in all the different languages was posted up, enjoining everyone of them, under pain of being treated as rebels, not to defer the

holy sacrament of penance, and to prepare themselves for receiving the host at Easter; at the same time the priests were ordered to give absolution only to such as should merit it. The Catholic church, which had before been empty, was now crowded; and the priests belonging to it—French, Germans, Italians and Poles—assumed their seats in their confessionals. Before every confessional a box was set up, into which the penitent was obliged to throw a card, containing his name, profession and abode; and every evening these cards were carried to the Emperor. The person confessed then received a card of absolution, signed by the priest, which admitted him to the Communion Table. This ticket was likewise a card of security to him, which he produced, when requisite, before the police. Innkeepers and housekeepers were directed to see these orders carried into execution with respect to persons lodging in their houses, and to inform against such as did not frequent the churches, or who wore pantaloons, round hats, or lapelled waistcoats. The sick were charitably informed that they might require the confessor to attend them at home, and the poor that the host should be carried to them gratis.

The reader may judge of the embarrassment of most of the French, who before this had lived in

Russia as free as possible with regard to religious opinions, of which the Government took no notice. It was necessary to submit, however. The emigrants, who were depicted to Paul as libertines, were obliged to go to Mass in form, walking two by two between a double row of Russian soldiers.

Such Catholics as were in easy circumstances soon found means of obtaining tickets of absolution, even without confessing. The priests sold them at first for fifty roubles (£5), then twenty-five (£2 10s.), and at last disposed of them for ten roubles (£1) apiece, agreeing to throw the cards into the box themselves into the bargain.

A scene that passed near this Catholic church deserves notice here. Paul caused a service to be celebrated in honour of the Duke of Würtemberg, father of the Empress, who had just died at Stuttgart. As it was not in character for him to be present at this Mass, he resolved to place himself at the head of the grenadiers, who encompassed the church to maintain order. It was extremely cold, and his horse, a native, no doubt, of a warmer climate, could not remain motionless. Weary of bridling, wheeling, and making useless efforts to keep him still, he began to gallop through the street, passing and repassing

before the troops and a great crowd of people, whom the funeral ceremony and the Emperor's attendance had attracted. As Paul came galloping on, the crowd took off their hats, and bowed themselves. A group assembled on the Green Bridge, more than four hundred paces from the spot, at length put on their hats, on account of the cold and the distance. Paul spied it, and ordered them immediately to be surrounded by the troops, and sent to the House of Correction. There were fifty or sixty persons of various conditions: they who were not nobles were whipped on three successive days, the nobles were degraded, and such as were officers were turned into the ranks as common soldiers. Among them was a Genevese of the name of Martin, who bribed an officer of the police to allow him to write to some friends at Court. In consequence he was set at liberty, but, indignant at the insult, he instantly left Russia.

Some time after, Paul ordered the corpse of the unfortunate King of Poland to be interred in the same church. He came himself to examine the funeral decorations and the preparations for the ceremony. An upholsterer, employed on the occasion, was at the top of a ladder, dressed in a jacket and pantaloons to work more commodiously. Paul, being informed he

was a Frenchman named Leroux, ordered him to come down, and immediately commanded him to be bastinadoed in the midst of the church.

These are some of the vexations to which foreigners, Frenchmen in particular, are exposed in Russia. It is unquestionable that their situation has become still more deplorable since Paul has declared war against France. What humiliations and insults have they been forced to undergo at the House of Correction in St. Petersburg, as if it were the slave prison of Constantinople.

But this is not the worst. Frenchmen, after they have suffered these evils, may in vain demand an asylum, even in their own country. They will be driven from it like the bird, seeking shelter in the tempest-beaten oak, which is forced away by the agitated branches. Liberty herself is a captive, and insulted in France: she is Bradamante fallen into the cave of Merlin.

Frenchmen coming from Russia are refused permission to re-enter France, under pretence that they must have taken an oath to renounce their country. Ah, Frenchmen! do you forget how many contradictory oaths you yourselves have taken within the space of five or six years? Are those which have been forced upon your unfortunate countrymen in foreign lands alone to be

religiously kept, at the very moment when you make sport of violating those which you yourselves have taken unanimously in the face of Heaven and of France? At least consider the moment when this oath was exacted. It was when the head of Louis had just fallen, and every monarch trembled for his own; when Leopold died, as report said, by poison, and Gustavus, as was asserted, by your assassinating weapons;[1] when Marat and Robespierre bore sway. Judge of the dreadful alarm such news must produce in Russia. The French at St. Petersburg shut themselves up in their houses, and were afraid of being all massacred. The least they expected was a general proscription. I say now, as I thought then, Catherine, even at that juncture, displayed greatness and moderation. By the oath she required, she placed the French under the protection of the Government, and saved them from the fury of the people. None of the allied powers, though reputed less barbarous, adopted a measure so humane. At the moment when the unfortunate French were massacred at Vienna, Naples and Rome, a brother of Marat appeared in safety at the Court of Catherine.

1 At the Court of Russia it was asserted that the Jacobins had assassinated Gustavus and poisoned Leopold. It would have been dangerous there to seem to doubt it.

APPENDIX

Description of the Taurique Palace and of the Fête which Prince Potemkin gave there to Catherine II.[1]

The Taurique Palace was the place chosen by Prince Potemkin for the splendid entertainment which he gave his Sovereign, and which was considered as a testimony of gratitude for the greatness to which she had raised him. After the death of this favourite, Catherine chose it for her autumnal residence.

The façade of this building is composed of an immense colonnade, supporting a cupola. The entrance is into a grand vestibule, communicating with the apartments on the right and left, and at the farther end is a portico, leading to a second vestibule of prodigious size, receiving light from the top, and surrounded at a great height by a gallery, intended for

1 As this Palace has been frequently mentioned in the work, we have thought proper to add the following description of it, and of the entertainment which Prince Potemkin gave there to his Sovereign. It is taken from Storch's "Picture of St. Petersburg."

an orchestra, and containing an organ. From this a double row of pillars leads to the principal saloon, designed for grand entertainments. It is impossible to describe the impression made by this gigantic temple; it is more than a hundred paces long, wide in proportion, and is surrounded by a double row of colossal pillars, between which, at mid-height, are boxes ornamented with festoons elegantly sculptured, and lined with silk. From the vaulted roof are suspended globes of glass, which serve as chandeliers, and from which the light is infinitely reflected by looking-glasses, placed at all the extremities of this vast hall. It has neither furniture nor ornaments, except some vases of Carrara marble, astonishing for their size and the beauty of their workmanship, placed at both ends of the saloon, which are rounded into semicircles. Near this saloon is the winter garden, separated from it only by the colonnade. The vault of this vast edifice is supported by pilasters in the form of palm-trees; within the walls are tubes to conduct heat round the building, and canals of metal, filled with hot water, keep up an uniform temperature under this delightful parterre.

The eye wanders with rapture over plants and shrubs of every clime, rests with admiration on an

antique bust, or views with astonishment the various fishes of all hues in crystal vases. A transparent obelisk reproduces to the eye, under a thousand different tints, these wonders of art and nature; and a grotto, hung with looking-glasses, endlessly reflects them. The delicious temperature, the intoxicating odour of the flowers, and the voluptuous silence of this enchanting place, plunge the mind into a pleasing reverie, and transport the imagination to the woods of Italy. The illusion continues till destroyed by the aspect of all the rudeness and severity of winter, when the enchanted eye wanders out of the windows and beholds the frost and snow surrounding this magnificent garden. In the midst of this Elysium rises the majestic statue of Catherine II. in Persian marble.

On this theatre of his grandeur Potemkin arranged the preparations for the entertainment he gave his Sovereign, before he departed for the southern provinces, where death awaited him. This favourite seemed to have a secret presage of his approaching end, and was desirous yet once more to enjoy all the plenitude of her favour.

The preparations for this entertainment were immense, like everything to which his imagination gave birth. He employed artists of all kinds for several

months; more than a hundred persons assembled daily to prepare themselves for the parts he had destined them to act, and every rehearsal was a kind of feast.

At length the appointed day arrived to gratify the impatience of the whole capital. Besides the Empress and Imperial Family, Prince Potemkin had invited all the Court, the foreign ministers, the Russian nobility and many individuals of the first rank in society.

At six in the evening the entertainment was opened with a masked ball. When the carriage of the Empress approached, meat, drink and clothes of all kinds were distributed in profusion among the assembled populace. The Empress entered the vestibule to the sound of lively music, executed by upwards of three hundred performers. Thence she repaired to the principal saloon, whither she was followed by the crowd; and ascended a platform, raised for her in the centre of the saloon, and surrounded by transparent decorations, with appropriate inscriptions. The company arranged themselves under the colonnade and in the boxes; and then commenced the second act of this extraordinary spectacle.

The Grand Dukes Alexander and Constantine, at the head of the flower of all the young persons about the Court, performed a ballet. The dancers, male and female, were forty-eight in number, all dressed in white,

with magnificent scarves and covered with jewels, estimated to be worth above ten millions of roubles (a million sterling). The ballet was performed to select airs, suitable to the occasion, and interspersed with songs. The celebrated Lepic concluded it with a *pas* of his own composing.

The company then removed to another saloon, adorned with the richest tapestry the Gobelins could produce. In the centre was an artificial elephant, covered with rubies and emeralds; and his cornac was a Persian richly clad. On his giving the signal, by striking on a bell, a curtain rose, and a magnificent stage appeared at the end of the apartment. On it were performed two ballets of a new kind, and a lively comedy, by which the company were much amused, concluded the spectacle. This was followed by chorus singing, various dances, and an Asiatic procession, remarkable for its diversity of dresses, all the people subject to the sceptre of the Empress being represented in it.

Presently, all the apartments, illuminated with the greatest care, were thrown open to the eager curiosity of the crowd. The whole palace seemed on fire; the garden was covered with sparkling stones; mirrors innumerable, pyramids and globes of glass reflected

the magic spectacle in all directions. A table was spread with six hundred covers; and the rest of the guests were served standing. The table service was of gold and silver; the most exquisite dainties were served in vessels of the greatest richness; antique cups overflowed with the most costly liquors; and the most expensive chandeliers gave light to the table. Officers and domestics in great number, richly clothed, were eager to anticipate the wishes of the guests.

The Empress, contrary to custom, remained till midnight. She seemed to fear her departure would check the happiness of her favourite. When she withdrew, numerous bands of singers and harmonious music made the vaulted roofs of the palace resound with a hymn to her honour. At this she was so moved that she turned towards Prince Potemkin to express her satisfaction; he, overpowered by the sentiment of what he owed his Sovereign, fell at her feet, took her hand and watered it with tears. This was the last time it was in his power to testify his gratitude to the august author of his grandeur in this place.

ADDITIONAL NOTE

On Korsakof.

On the occasion of the retreat of the Russians from Switzerland, the following anecdote, taken from M. de Castera's "Life of Catherine," appeared in the public papers:—

"Korsakof, the Empress's favourite, had a handsome face, and was of a very elegant figure; but, possessing neither understanding nor knowledge, he was as incapable as Zoritz of diminishing the influence of Potemkin. A single fact will display his character. As soon as he had obtained the post of favourite, he conceived a man like him ought, of course, to have a library. Accordingly, he sent for the most celebrated bookseller in St. Petersburg without delay, and informed him that he wanted books for his house at Vasiltchikof, of which the Empress had just made him a present. The bookseller asked what books he wanted. 'You understand that better than I,' answered the favourite; 'it is your business: but there must be great books at bottom and little ones at top; as they are at the Empress's.'"

We are far from disputing the truth of this anecdote, which has been confirmed to us by several credible persons to whom the bookseller related the story at the time; but we must inform our readers that the newspapers, when they inserted it, confounded the favourite Korsakof with another of the same name, who commanded the Russian army in Switzerland. General Korsakof is a man of sense, and by no means destitute of knowledge; he made the campaign in Flanders under Prince Coburg, and well knows what a library is.

LIST OF ILLUSTRATIONS

MEMOIRS OF
THE COURT OF ST. PETERSBURG

	PAGE
CATHERINE II	*Fronts.*
PETER I	64
PETER III	128
JOSEPH II	192
PAUL I	264
ALEXANDER I	320

DK 171 .M3813 1900 C.1
The court of St. Petersburg :
Stanford University Libraries
3 6105 040 296 688

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

JUN 3 0 2000
NOV 1 3 2001
MAR 3 0 2002
JUN 2 6 2002
JUN 0 6 2002
JUN 2 5 2002